

Роберт Шекли

МАСТЕРА
АМЕРИКАНСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

Шекли Роберт Шекли

**Осколки
пространства
Ловушка
для людей
Статус-
цивилизация**

МАСТЕРА
АМЕРИКАНСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

**Роберт
ШЕКЛИ**

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

МАСТЕРА
АМЕРИКАНСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

**Robert
SHECKLEY**

**Shards of Space
The People Trap
The Status-
Civilisation**

Ш Роберт ШЕКЛИ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

**Осколки
пространства
Ловушка
для людей
Статус-
цивилизация**

КНИГО ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ФАБУЛА»
1994

**ББК 84.7США
Ш40**

Серия «**МАСТЕРА АМЕРИКАНСКОЙ ФАНТАСТИКИ**» основана в 1992 году.

Включает в себя лучшие произведения наиболее популярных писателей-фантастов США.

Шекли Р.

Ш40 Собрание сочинений. В 4 т. Т. 3. Пер. с англ.— М.: ООО «**Фабула**», 1994.— 416 с.— (Сер. «**Мастера американской фантастики**»).

ISBN 5-86090-175-5

Третий том незаурядного мастера фантастики Роберта Шекли содержит два авторских сборника рассказов «Осколки пространства», «Ловушка для людей» и роман «Статус-цивилизация».

Ш **4703040100—014** Без объявл.
94

ББК 84.7США

ISBN 5-86090-175-5

© ООО «**Фабула**», 1994
© Оформление, иллюстрации
С. Шехов, 1994

РАССКАЗЫ

ОСОБЫЙ СТАРАТЕЛЬСКИЙ

Пескоход мягко катился по волнистым дюнам. Его шесть широких колес поднимались и опускались, как грузные крупы упряжки слонов. Невидимое солнце палило сквозь мертвенно-белую завесу неба, изливая свой жар на брезентовый верх машины и отражаясь от иссушенных песков.

«Только не спать», — сказал себе Моррисон, выправляя по компасу курс пескохода.

Вот уже двадцать первый день он ехал по Скорпионовой пустыне Венеры; двадцать первый день боролся со сном за рулем пескохода, который, качаясь из стороны в сторону, переваливал через одну песчаную волну за другой. Ехать по ночам было бы легче, но здесь слишком часто приходилось объезжать крутые овраги и валуны величиной с дом. Теперь он понимал, почему в пустыню направлялись по двое: один вел машину, а другой тряс его, не давая заснуть.

«Но в одиночку лучше, — напомнил себе Моррисон. — Вдвое меньше припасов и не рискуешь случайно оказаться убитым».

Он начал клевать носом и заставил себя рывком поднять голову. Перед ним, за поляроидным ветровым стеклом, плясала и зыбилась пустыня. Пескоход бросало и качало с предательской мягкостью. Моррисон протер глаза и включил радио.

Это был крупный, загорелый, мускулистый молодой человек с коротко стриженными черными волосами и серыми глазами. Он наскреб двадцать тысяч долларов и приехал на Венеру, чтобы здесь, в Скорпионовой пустыне, сколотить себе состояние, как это делали уже многие до него. В Престо — последнем городке на рубеже пустыни — он обзавелся снаряжением и пескоходом, после чего у него осталось всего десять долларов.

В Престо десяти долларов ему хватило как раз на то, чтобы

выпить в единственном на весь город салуне. Моррисон заказал виски с содовой, выпил с шахтерами и старателями и посмеялся над рассказами старожилов про стаи волков и эскадрильи прожорливых птиц, что водились в глубине пустыни. Он знал все о солнечной слепоте, тепловом ударе и о поломке телефона. Он был уверен, что с ним ничего подобного не случится.

Но теперь, пройдя за двадцать один день 1800 миль, он научился уважать эту безводную громаду песка и камня площадью втрое больше Сахары. Здесь и в самом деле можно погибнуть!

Но можно и разбогатеть; именно это и намеревался сделать Моррисон.

Из приемника послышалось гудение. Повернув регулятор громкости до отказа, он едва расслышал звуки танцевальной музыки из Венусборга. Потом звуки замерли, и слышно было только гудение.

Моррисон выключил радио и крепко вцепился в руль обеими руками. Разжал одну руку, взглянул на часы: девять пятнадцать утра. В десять тридцать он сделает остановку и вздремнет. В такую жару нужно отдыхать. Но не больше получаса. Где-то впереди ждет сокровище, и его нужно найти, прежде чем истощатся припасы.

Там, впереди, непременно должны быть выходы драгоценной золотоносной породы! Вот уже два дня, как он напал на ее следы. А что если он наткнется на настоящую жилу, как Кэрк в восемьдесят девятом году или Эдмондсон и Арслер в девяносто третьем? Тогда он сделает то же, что сделали они: закажет «Особый старательский» коктейль, сколько бы с него ни содрали.

Пескоход катился вперед, делая неизменные тридцать миль в час, и Моррисон заставил себя внимательно вглядеться в опаленную жаром желтовато-коричневую местность. Вон тот выход песчаника точь-в-точь таково же цвета, как волосы Джейни.

Когда он доберется до богатых залежей, то вернется на Землю; они с Джейн пожениются и купят себе ферму в океане. Хватит с него старательства. Только бы одну богатую жилу, чтобы купить кусок глубокого синего Атлантического океана. Кое-кто может считать рыбоводство скучным занятием, но его оно вполне устраивает.

Он живо представил себе, как стада макрелей пасутся в планктонных садках, а он сам со своим верным дельфином посматривает, не сверкнет ли серебром хищная барракуда и не покажется ли из-за коралловых зарослей серо-стальная акула...

Моррисон почувствовал, что пескоход бросило вбок. Он очнулся, судорожно сжал руль и изо всех сил вывернул его. Пока он дремал, машина съехала с рыхлого гребня дюны. Сильно накрившись, пескоход цеплялся за гребень. Песок и галька летели из-под широких колес, которые с визгом и воем начали вытягивать машину вверх по откосу.

И тут обрушился весь склон дюны.

Моррисон повис на руле. Пескоход завалился набок и пока-

тился вниз. Песок сыпался в рот и в глаза. Отплевываясь, Моррисон не выпускал руля из рук. Потом машина еще раз перевернулась и провалилась в пустоту.

Несколько мгновений Моррисон висел в воздухе. Потом пескоход рухнул на дно сразу всеми колесами. Моррисон услышал треск: это лопнули обе задние шины. Он ударился головой о ветровое стекло и потерял сознание.

Очнувшись, он прежде всего взглянул на часы. Они показывали десять тридцать пять.

«Самое время вздремнуть, — сказал себе Моррисон. — Но, пожалуй, лучше я сначала выясню обстановку».

Он обнаружил, что находится на дне неглубокой впадины, усыпанной острыми камешками. От удара лопнули две шины, разбилось ветровое стекло и сорвало дверцу. Снаряжение было разбросано вокруг, но как будто осталось невредимым.

«Могло быть и хуже», — сказал себе Моррисон.

Он нагнулся и внимательно оглядел шины.

«Оно и есть хуже», — добавил он.

Обе лопнувшие шины были так изодраны, что починить их было уже невозможно. Оставшейся резины не хватило бы и на детский воздушный шарик. Запасные колеса он использовал еще десять дней назад, пересекая Чертову Решетку. Использовал и выбросил. Двигаться дальше без шин он не мог.

Моррисон vytянул телефон, стер пыль с черного пластмассового футляра и набрал номер гаража Эла в Престо. Через секунду засветился маленький видеозэкран. Он увидел длинное, угрюмое лицо, перепачканное маслом.

— Гараж Эла. Эдди у аппарата.

— Привет, Эдди. Это Том Моррисон. С месяц назад я купил у вас пескоход «Дженерал моторс». Помните?

— Конечно, помню, — ответил Эл. — Вы тот самый парень, что поехал один по Юго-Западной тропе. Ну, как ведет себя таратайка?

— Прекрасно. Машина что надо. Я вот по какому делу...

— Эй, — перебил его Эдди, — что с вашим лицом?

Моррисон провел по лбу рукой — она оказалась в крови.

— Ничего особенного, — сказал он. — Я кувыркнулся с дюны, и лопнули две шины.

Он повернул телефон, чтобы Эдди смог их разглядеть.

— Не починить, — сказал Эдди.

— Так я и думал. А запасные я истратил, когда ехал через Чертову Решетку. Послушайте, Эдди, вы не могли бы телепортировать мне пару шин? Сойдут даже реставрированные. А то мне без них не сдвинуться с места.

— Конечно, — ответил Эдди, — только реставрированных у меня нет. Я телепортирую новые по пятьсот за штуку. Плюс четыреста долларов за телепортировку. Тысяча четыреста долларов, мистер Моррисон.

— Ладно.

— Хорошо, сэр. Если сейчас вы покажете мне наличные или чек, который отошлете вместе с распиской, я буду действовать.

— В данный момент, — сказал Моррисон, — у меня нет ни цента.

— А счет в банке?

— Исчерпан дочиста.

— Облигации? Недвижимость? Хотя что-нибудь, что можно обратить в наличные?

— Ничего, кроме этого пескохода, который вы продали мне за восемь тысяч долларов. Когда вернусь, рассчитаюсь с вами пескоходом.

— Если вернетесь. Мне очень жаль, мистер Моррисон, но ничего не выйдет.

— Что вы хотите сказать? — спросил Моррисон. — Вы же знаете, что я заплачу за шины.

— А вы знаете законы Венеры, — упрямо сказал Эдди. — Никакого кредита! Деньги на бочку!

— Не могу же я ехать на пескоходе без шин, — сказал Моррисон. — Неужели вы меня бросите?

— Кто это вас бросит? — возразил Эдди. — Со старателями такое случается каждый день. Вы знаете, что делать, мистер Моррисон. Позвоните в компанию «Коммунальные услуги» и объявите себя банкротом. Подпишите бумагу о передаче им остатков пескохода, снаряжения и всего, что вы нашли по дороге. Они вас выручат.

— Я не хочу возвращаться, — ответил Моррисон. — Смотрите!

Он поднес аппарат к самой земле.

— Видите, Эдди? Видите эти красные и пурпурные крапинки? Где-то здесь лежит богатая руда!

— Следы находят все старатели, — сказал Эдди. — Проклятая пустыня полна таких следов.

— Но это богатое месторождение, — настаивал Моррисон. — Следы ведут прямо к залежам, к большой жиле. Эдди, я знаю, это очень большое одолжение, но если бы вы рискнули ради меня парой шин...

— Не могу, — ответил Эдди. — Я же всего-навсего служащий. Я не имею права телепортировать вам никаких шин, пока вы мне не покажете деньги. Иначе меня выгонят с работы, а может быть, и посадят. Вы знаете закон.

— Деньги на бочку, — мрачно сказал Моррисон.

— Вот именно. Не делайте глупостей и поворачивайте обратно. Может быть, когда-нибудь попробуете еще раз.

— Я двенадцать лет копил деньги, — ответил Моррисон. — Я не поверну назад.

Он отключил телефон и попытался что-нибудь придумать. Кому еще здесь, на Венере, он может позвонить? Только Макс

Крэндоллу, своему маклеру по драгоценным камням. Но Максу негде взять тысячу четыреста долларов — в своей тесной конторе рядом с ювелирной биржей Венусборга он еле-еле зарабатывает на то, чтобы заплатить домохозяину, — где же тут помогать попавшим в беду старателям.

«Не могу я просить Макса о помощи, — решил Моррисон. — По крайней мере до тех пор, пока не найду золото. Настоящее золото, а не просто его следы. Значит, остается выпутываться самому».

Он открыл задний борт пескохода и начал разгружать его, сваливая снаряжение на песок. Придется отобрать только самое необходимое: все, что он возьмет, предстоит тащить на себе.

Нужно взять телефон. Походный набор для анализов. Концентраты, револьвер, компас. И больше ничего, кроме воды, — столько, сколько он сможет унести. Все остальное придется бросить.

К вечеру Моррисон собрался в путь. Он с сожалением посмотрел на остающиеся двадцать баков с водой. В пустыне вода — самое драгоценное имущество, если не считать телефона. Но ничего не поделаешь. Напившись вдоволь, он взвалил на плечи тюк и направился на юго-запад, в глубь пустыни.

Три дня он шел на юго-запад, потом, на четвертый день, повернул на юг. Признаки золота становились все отчетливее. Никогда не показывавшееся из-за облаков солнце палило сверху, и мертвенно-белое небо смыкалось над Моррисоном, как крыша из раскаленного железа. Он шел по следам золота, а по его следам шел еще кто-то.

На шестой день он уловил какое-то движение, но это было так далеко, что он ничего не смог разглядеть. На седьмой день он увидел, кто его выслеживает.

Волки венерианской породы — маленькие, худые, с желтой шкурой и длинными, изогнутыми, будто в усмешке, челюстями — были одной из немногих разновидностей млекопитающих, которые обитали в Скорпионовой пустыне. Моррисон взгляделся и увидел рядом с первым волком еще двух.

Он расстегнул кобуру револьвера. Волки не пытались приблизиться. Времени у них было достаточно.

Моррисон все шел и шел, жалея, что не захватил с собой ружье. Но это означало бы лишние восемь фунтов, а значит, на восемь фунтов меньше воды.

Раскидывая лагерь на закате восьмого дня, он услышал какое-то потрескивание. Он резко повернулся и заметил в воздухе, футах в десяти слева от себя, на высоте чуть больше человеческого роста, маленький вихрь, похожий на водоворот. Вихрь крутился, издавая характерное потрескивание, всегда сопровождавшее телепортировку.

«Кто бы это мог мне что-то телепортировать?» — подумал Моррисон, глядя, как вихрь медленно растет.

Телепортировка предметов со стационарного проектора в любую

заданную точку была обычным способом доставки грузов на огромные расстояния Венеры. Телепортировать можно было любой неодушевленный предмет. Одушевленные предметы телепортировать не удавалось, потому что при этом происходили некоторые незначительные, но непоправимые изменения молекулярного строения протоплазмы. Кое-кому пришлось убедиться в этом на себе, когда телепортировка только еще входила в практику.

Моррисон ждал. Воздушный вихрь достиг трех футов в диаметре. Из него показался хромированный робот с большой сумкой.

— А, это ты, — сказал Моррисон.

— Да, сэр, — сказал робот, окончательно высвободившись из вихря. — Уильямс-4 с венерианской почтой к вашим услугам.

Робот был среднего роста, с тонкими ногами и плоскими ступнями, человекоподобный и наделенный добродушным характером. Вот уже двадцать три года он представлял собой все почтовое ведомство Венеры — сортировал, хранил и доставлял письма. Он был построен основательно, и за все двадцать три года почта ни разу не задержалась.

— Это я, мистер Моррисон, — сказал Уильямс-4. — К сожалению, в пустыню почта заглядывает только дважды в месяц, но уж зато приходит вовремя, а это самое ценное. Вот для вас. И вот. Кажется, есть еще одно. Что, пескоход сломался?

— Ну да, — ответил Моррисон, забирая свои письма.

Уильямс-4 продолжал рыться в сумке. Хотя старый робот был прекрасным почтальоном, он слыл самым большим болтуном на всех трех планетах.

— Где-то здесь было еще одно, — сказал Уильямс-4. — Плохо, что пескоход сломался. Теперь уж пескоходы пошли не те, что во времена моей молодости. Послушайте доброго совета, молодой человек. Возвращайтесь назад, если у вас еще есть такая возможность.

Моррисон покачал головой.

— Глупо, просто глупо, — сказал старый робот. — Если б вы повидали с мое... Сколько раз мне попадались вот такие парни — лежат себе на песке в высохшем мешке из собственной кожи, а кости изгрызли песчаные волки и грязные черные коршуны. Двадцать три года я доставляю почту прекрасным молодым людям вроде вас, и каждый думает, что он необыкновенный, не такой, как другие.

Зрительные ячейки робота затуманились воспоминаниями.

— Но они такие же, как и все, — продолжал Уильямс-4. — Все они одинаковы, как роботы, сошедшие с конвейера, особенно после того, как с ними разделяются волки. И тогда мне приходится пересылать письма и личные вещи их возлюбленным, на Землю.

— Знаю, — ответил Моррисон. — Но кое-кто остается в живых, верно?

— Конечно, — согласился робот. — Я видел, как люди скола-

чивали себе одно, два, три состояния. А потом умирали в песках, пытаясь составить четвертое.

— Только не я, — ответил Моррисон. — Мне хватит и одного. А потом я куплю себе подводную ферму на Земле.

Робот содрогнулся.

— Ненавижу соленую воду. Но каждому — свое. Желаю уда-
чи, молодой человек.

Робот внимательно оглядел Моррисона — вероятно, прикиды-
вая, много ли при нем личных вещей, — и полез обратно в
воздушный вихрь.

Мгновение — и он исчез. Еще мгновение — исчез и вихрь.

Моррисон сел и принялся читать письма. Первое было от
маклера по драгоценным камням Макса Крэндолла. Он писал о
депрессии, которая обрушилась на Венусбург, и намекал, что
может оказаться банкротом, если кто-нибудь из его старателей не
найдет чего-то стоящего.

Второе письмо было уведомлением от Телефонной компании
Венеры. Моррисон задолжал за двухмесячное пользование теле-
фоном двести десять долларов и восемь центов. Если эта сумма не
будет уплачена немедленно, телефон подлежит отключению.

Последнее письмо, пришедшее с далекой Земли, было от
Джейни. Оно было заполнено новостями о его двоюродных брать-
ях, тетках и дядях. Джейни писала о фермах в Атлантическом
океане, которые она присмотрела, и о чудном местечке, что она
нашла в Карибском море недалеко от Мартиники. Она умоляла его
бросить старательство, если оно грозит какой-нибудь опасностью;
можно найти и другие способы заработать на ферму. Она посылала
ему всю свою любовь и заранее поздравляла с днем рождения.

«День рождения? — спросил себя Моррисон. — Погодите, се-
годня двадцать третье июля. Нет, двадцать четвертое. А мой день
рождения первого августа. Спасибо, что вспомнила, Джейни».

В эту ночь ему снилась Земля и голубые просторы Атлантики.
Но под утро, когда жара усилилась, он обнаружил, что видит во
сне многие мили золотых жил, оскаливших зубы песчаных волков
и «Особый старательский».

Моррисон продолжал идти по дну давно исчезнувшего озера,
где камни сменились песком. Потом снова пошли камни, мрачные,
скрученные, изогнутые на тысячу ладов. Красные, желтые, бурые
цвета плыли у него перед глазами. Во всей этой пустыне не было
ни одного зеленого пятнышка.

Он все шел в глубь пустыни, вдоль хаотических нагроможде-
ний камней, а поодаль, с обеих сторон, за ним, не приближаясь и
не отставая, шли волки.

Моррисон не обращал на них внимания. Ему доставляли
достаточно забот отвесные скалы и целые поля валунов, преграж-
давшие путь на юг.

На одиннадцатый день после того, как он бросил пескоход,
следы золота стали настолько заметными, что породу уже можно

было промывать. Волки все еще преследовали его, и вода была на исходе. Еще один дневной переход — и все будет кончено.

Моррисон на мгновение задумался, потом распаковал телефон и набрал номер компании «Коммунальные услуги».

На экране появилась суровая, строго одетая женщина с седеющими волосами.

— «Коммунальные услуги», — сказала она. — Чем мы можем вам помочь?

— Привет, — весело отозвался Моррисон. — Как погода в Венусборге?

— Жарко, — ответила женщина. — А у вас?

— Я даже не заметил, — улыбнулся Моррисон. — Слишком занят: пересчитываю свои богатства.

— Вы нашли золотую жилу? — спросила женщина, и ее лицо немного смягчилось.

— Конечно, — ответил Моррисон. — Но пока никому не говорите. Я еще не оформил заявку. Мне бы наполнить их, — беззаботно улыбаясь, он показал на свои флаги. Иногда это удавалось. Иногда, если вы вели себя достаточно уверенно, «Коммунальные услуги» давали воду, не проверяя ваш текущий счет. Это было жульничество, но ему было не до приличий.

— Ваш счет в порядке? — спросила женщина.

— Конечно, — ответил Моррисон, почувствовав, как улыбка застыла на его лице. — Мое имя Том Моррисон. Можете проверить...

— О, этим занимаются другие. Держите крепче флагу. Готово!

Крепко держа флагу обеими руками, Моррисон смотрел, как над ее горлышком тонкой хрустальной струйкой показалась вода, телепортированная за четыре тысячи миль из Венусборга. Струйка потекла во флагу с чарующим журчанием. Глядя на нее, Моррисон почувствовал, как его пересохший рот стал наполняться слюной.

Вдруг вода перестала течь.

— В чем дело? — спросил Моррисон.

Экран телефона померк, потом снова засветился, Моррисон увидел перед собой худое лицо незнакомого мужчины. Мужчина сидел за большим письменным столом. Перед ним была табличка с надписью: «Милтон П. Рид, вице-президент, отдел счетов».

— Мистер Моррисон, — сказал Рид, — ваш счет перерасходован. Вы получили воду обманным путем. Это уголовное преступление.

— Я заплачу за воду, — сказал Моррисон.

— Когда?

— Как только вернусь в Венусбург.

— Чем вы собираетесь платить?

— Золотом, — ответил Моррисон. — Посмотрите, мистер Рид.

Это вернейшие признаки. Вернее, чем были у Кэрка, когда он сделал свою заявку. Еще день — и я найду золотоносную породу...

— Так думает каждый старатель на Венере, — сказал мистер Рид. — Всего один день отделяет каждого старателя от золотоносной породы. И все они рассчитывают получить кредит в «Коммунальных услугах».

— Но в данном случае...

— «Коммунальные услуги», — продолжал мистер Рид, — не благотворительная организация. Наш устав запрещает продление кредита, мистер Моррисон. Венера — еще не освоенная планета, и планета очень далекая. Любое промышленное изделие придется ввозить сюда с Земли за немыслимую цену. У нас есть своя вода, но найти ее, очистить и телепортировать стоит дорого. Наша компания, как и любая другая на Венере, вынуждена удовлетвориться крайне малой прибылью, да и та неизменно вкладывается в расширение дела. Вот почему здесь не может быть кредита.

— Я все это знаю, — сказал Моррисон. — Но я же говорю вам, что мне нужен только день или два, не больше...

— Абсолютно исключено. По правилам мы уже сейчас не имеем права выручать вас. Вы должны были объявить о своем банкротстве неделю назад, когда сломался пескоход. Ваш механик сообщил нам об этом, как требует закон. Но вы этого не сделали. Мы имеем право бросить вас. Вы понимаете?

— Да, конечно, — устало ответил Моррисон.

— Тем не менее компания приняла решение ради вас нарушить правила. Если вы немедленно повернете назад, мы снабдим вас водой на обратный путь.

— Я пока не хочу возвращаться. Я почти нашел месторождение.

— Вы должны повернуть назад! Подумайте хорошенько, Моррисон! Что было бы с нами, если бы мы позволяли каждому старателю рыскать по пустыне и снабжали его водой? Туда устремились бы десять тысяч человек, и не прошло бы и года, как мы были бы разорены. Я и так нарушаю правила. Возвращайтесь!

— Нет, — ответил Моррисон.

— Подумайте еще раз. Если вы сейчас не повернете назад, «Коммунальные услуги» снимают с себя всякую ответственность за снабжение вас водой.

Моррисон кивнул. Если он пойдет дальше, то рискует умереть в пустыне. А если вернется? Он окажется в Венусборге без гроша в кармане, кругом в долгах и будет тщетно разыскивать работу в перенаселенном городе. Ему придется спать в ночлежках и кормиться бесплатной похлебкой вместе с другими старателями, которые повернули обратно. А где он достанет деньги, чтобы вернуться на Землю? Когда он снова увидит Джейни?

— Я, пожалуй, пойду дальше, — сказал Моррисон.

— Тогда «Коммунальные услуги» снимают с себя всякую ответственность за вас, — повторил Рид и повесил трубку.

Моррисон уложил телефон, хлебнул глоток из своих скудных запасов воды и снова пустился в путь.

Песчаные волки рысцой бежали с обеих сторон, постепенно приближаясь. С неба его заметил коршун с треугольными крыльями. Коршун день и ночь парил на восходящих токах воздуха, ожидая, пока волки прикончат Моррисона. Потом коршуна сменила стая маленьких летучих скорпионов. Они отогнали птицу наверх, в облачный слой. Летучие гады ждали целый день. Потом их в свою очередь прогнала стая черных коршунов.

Теперь, на пятнадцатый день после того, как он бросил пескоход, признаки золота стали еще обильнее. В сущности, он шел по поверхности золотой жилы. Везде вокруг, по-видимому, было золото. Но самой жилы он еще не обнаружил.

Моррисон сел и потряс свою последнюю флягу. Но не услышал плеска. Он отвинтил пробку и опрокинул флягу себе в рот. В запекшееся горло скатились две капли.

Прошло уже четыре дня с тех пор, как он разговаривал с «Коммунальными услугами». Последнюю воду он выпил вчера. Или позавчера?

Он снова завинтил пустую флягу и окинул взглядом выжженную жаром местность. Потом выхватил из мешка телефон и набрал номер Макса Крэндолла.

На экране появилось круглое, озабоченное лицо Крэндолла.

— Томми, — сказал он, — на кого ты похож?

— Все в порядке, — ответил Моррисон. — Немного высох, и все. Макс, я у самой жилы.

— Ты в этом уверен? — спросил Макс.

— Смотри сам, — сказал Моррисон, поворачивая телефон в разные стороны. — Смотри, какие здесь формации! Видишь вон там красные и пурпурные пятна?

— Верно, признаки золота, — неуверенно согласился Крэндолл.

— Где-то поблизости богатая порода. Она должна быть здесь! — сказал Моррисон. — Послушай, Макс, я знаю, что у тебя туго с деньгами, но хочу попросить тебя об одолжении. Пошли мне пинту воды. Всего пинту, чтобы мне хватило на день или два. Эта пинта может нас обоих сделать богачами.

— Не могу, — грустно ответил Крэндолл.

— Не можешь?

— Нет, Томми, я послал бы тебе воды, даже если бы вокруг тебя не было ничего, кроме песчаника и гранита. Неужели ты думаешь, что я дал бы тебе умереть от жажды, если бы мог что-нибудь поделать? Но я ничего не могу. Взгляни.

Крэндолл повернул свой телефон.

Моррисон увидел, что стулья, стол, конторка, шкаф и сейф исчезли из конторы.

Остался только телефон.

— Не знаю, почему не забрали и телефон, — сказал Крэндолл. — Я должен за него за два месяца.

— Я тоже, — вставил Моррисон.

— Меня ободрали как липку, — сказал Крэндолл. — Ни гроша не осталось. Пойми, за себя я не волнуюсь. Я могу питаться и бесплатной похлебкой. Но я не могу телепортировать тебе ни капли воды. Ни тебе, ни Ремстаатеру.

— Джиму Ремстаатеру?

— Ага. Он шел по следам золота на север, за Забытой речкой. На прошлой неделе у его пескохода сломалась ось, а поворачивать назад он не захотел. Вчера у него кончилась вода.

— Я бы поручился за него, если бы мог, — сказал Моррисон.

— И он поручился бы за тебя, если бы мог, — ответил Крэндолл. — Но он не может, и ты не можешь, и я не могу. Томми, у тебя осталась только одна надежда.

— Какая?

— Найди породу. Не просто признаки золота, а настоящее месторождение, которое стоило бы настоящих денег. Потом позвони мне. Если это будет в самом деле золотоносная порода, я приведу Уилкса из «Три-Плэнет Майнинг» и заставлю его дать нам аванс. Он, вероятно, потребует пятьдесят процентов.

— Но это же грабеж!

— Нет, просто цена кредита на Венере, — ответил Крэндолл. — Не беспокойся, все равно останется немало. Но сначала нужно найти породу.

— О'кэй, — сказал Моррисон. — Она должна быть где-то здесь. Макс, какое сегодня число?

— Тридцать первое июля. А что?

— Просто так. Я позвоню тебе, когда что-нибудь найду.

Повесив трубку, Моррисон присел на камень и тупо уставился в песок. Тридцать первое июля. Завтра у него день рождения. О нем будут думать родные. Тетя Бесс в Пасадене, близнецы в Лаосе, дядя Тед в Дуранго. И, конечно, Джейни, которая ждет его в Тампа.

Моррисон понял, что, если он не найдет породу, завтрашний день рождения будет для него последним.

Он поднялся, снова упаковал телефон рядом с пустыми флягами и направился на юг.

Он шел не один. Птицы и звери пустыни шли за ним. Над головой без конца кружились молча черные коршуны. По сторонам, уже гораздо ближе, его сопровождали песчаные волки, высунув языки в ожидании, когда же он упадет замертво...

— Я еще жив! — заорал на них Моррисон.

Он выхватил револьвер и выстрелил в ближайшего волка. Расстояние было футов двадцать, но он промахнулся. Он встал на одно колено, взял револьвер в обе руки и выстрелил снова. Волк завизжал от боли. Стая немедленно набросилась на раненого, и коршуны устремились вниз за своей долей.

Моррисон сунул револьвер в кобуру и побрел дальше. Он знал, что его организм сильно обезвожен. Все вокруг прыгало и плясало перед глазами, и его шаги стали неверными. Он выбросил пустые флаги, выбросил все, кроме прибора для анализов, телефона и револьвера. Или он выйдет из этой пустыни победителем, или не выйдет вообще.

Признаки золота были все такими же обильными. Но он все еще не мог найти настоящую жилу.

К вечеру он заметил неглубокую пещеру у подножия утеса. Он заполз в нее и устроил поперек входа баррикаду из камней. Потом вытащил револьвер и оперся спиной о заднюю стену.

Снаружи фыркали и шелкали зубами волки. Моррисон устроился поудобнее и приготовился провести всю ночь настороже.

Он не спал, но и не бодрствовал. Его мучили кошмары и видения. Он снова оказался на Земле, и Джейни говорила ему:

— Это тунцы. У них что-то неладно с питанием. Они все болеют.

— Проклятье, — отвечал Моррисон. — Стоит только приручить рыбу, как она начинает привередничать.

— Ну что ты там философствуешь, когда твои рыбы больны?

— Позвони ветеринару.

— Звонила. Он у Блейков, ухаживает за молочным китом.

— Ладно. Пойду посмотрю.

Он надел маску и, улыбаясь, сказал:

— Не успеешь обсохнуть, как уже приходится снова лезть в воду.

Его лицо и грудь были влажными.

Моррисон открыл глаза. Его лицо и грудь в самом деле были мокры от пота. Пристально посмотрев на перегороденный вход в пещеру, он насчитал два, четыре, шесть, восемь зеленых глаз.

Он выстрелил в них, но они не отступили. Он выстрелил еще раз, и пуля, отлетев от стенки, осыпала его режущими осколками камня. Продолжая стрелять, он ухитрился ранить одного из волков. Стая разбежалась.

Револьвер был пуст. Моррисон пошарил в карманах и нашел еще пять патронов. Он тщательно зарядил револьвер. Скоро, наверное, рассвет.

Он снова увидел сон; на этот раз ему приснился «Особый старательский». Он слышал рассказы о нем во всех маленьких салунах, окаймлявших Скорпионову пустыню. Заросшие щетиной пожилые старатели рассказывали о нем сотню разных историй, а выдавшие виды бармены добавляли новые подробности. В восемьдесят девятом году его заказал Кэрк — большую порцию, специально для себя. Эдмондсон и Арслер отведали его в девяносто третьем. Это было несомненно. И другие заказывали его, сидя на своих драгоценных золотых жилах. По крайней мере, так говорили.

Но существует ли он на самом деле? Есть ли вообще такой

коктейль — «Особый старательский»? Доживет ли Моррисон до того, чтобы увидеть это радужное чудо, выше колокольни, больше дома, дороже, чем сама золотоносная порода?

Ну, конечно! Ведь он уже почти может его разглядеть...

Моррисон заставил себя очнуться. Наступило утро. Он с трудом выбрался из пещеры навстречу дню.

Он еле-еле полз к югу, за ним по пятам шли волки, на него ложились тени крылатых хищников. Он скреб пальцами камни и песок. Вокруг были обильные признаки золота. Верные признаки!

Но где же в этой заброшенной пустыне золотоносная порода?

Где? Ему было уже почти все равно. Он гнал вперед свое сожженное солнцем, высохшее тело, останавливаясь только для того, чтобы отпугнуть выстрелом подошедших слишком близко волков.

Осталось четыре пули.

Ему пришлось выстрелить еще раз, когда коршуны, которым надоело ждать, начали пикировать ему на голову. Удачный выстрел угодил прямо в стаю, свалив двух птиц. Волки начали грызться из-за них. Моррисон, уже ничего не видя, пополз вперед.

И упал с гребня невысокого утеса.

Падение было не опасным, но он выронил револьвер. Прежде чем он успел его найти, волки бросились на него. Только их жадность спасла Моррисона. Пока они дрались над ним, он откатился в сторону и подобрал револьвер. Два выстрела разогнали стаю. После этого у него осталась одна пуля. Придется приберечь ее для себя — он слишком устал, чтобы идти дальше.

Он упал на колени. Признаки золота здесь были еще богаче. Они были фантастически богатыми. Где-то совсем рядом...

— Черт возьми, — произнес Моррисон.

Небольшой овраг, куда он свалился, был сплошной золотой жилой.

Он поднял с земли камешек. Даже в необработанном виде камешек весь светился глубоким золотым блеском — внутри сверкали красные и пурпурные точки.

«Проверь, — сказал себе Моррисон. — Не надо ложных тревог. Не надо миражей и обманутых надежд. Проверь».

Рукояткой револьвера он отколол кусочек камня. С виду это была золотоносная порода. Он достал свой набор для анализов и капнул на камень белым раствором. Раствор вспенился и зазеленел.

— Золотоносная порода, точно! — сказал Моррисон, окидывая взглядом сверкающие склоны оврага. — Эге, да я богат!

Он вытащил телефон и дрожащими пальцами набрал номер Крэндолла.

— Макс! — заорал он. — Я нашел! Нашел настоящее место-рождение!

— Меня зовут не Макс, — сказал голос по телефону.

— Что?

— Моя фамилия Бойярд, — сказал голос.

Экран засветился, и Моррисон увидел худого желтолицего человека с тонкими усиками.

— Извините, мистер Бойярд, — сказал Моррисон, — я, наверное, не туда попал. Я звонил...

— Это неважно, куда вы звонили, — сказал мистер Бойярд.

— Я участковый контролер Телефонной компании Венеры. Вы задолжали за два месяца.

— Теперь я могу заплатить, — ухмыляясь, заявил Моррисон.

— Прекрасно, — ответил мистер Бойярд. — Как только вы это сделаете, ваш телефон снова будет включен.

Экран начал меркнуть.

— Подождите! — закричал Моррисон. — Я заплачу, как только доберусь до вашей конторы! Но сначала я должен один раз позвонить. Только один раз, чтобы...

— Ни в коем случае, — решительно ответил мистер Бойярд. — После того как вы оплатите счет, ваш телефон будет немедленно включен.

— Но у меня деньги здесь! — сказал Моррисон. — Здесь, со мной.

Мистер Бойярд помолчал.

— Ладно, это не полагается, но я думаю, мы можем выслать вам специального робота-посыльного, если вы согласны оплатить расходы.

— Согласен!

— Хм... Это не полагается, но я думаю... Где деньги?

— Здесь, — ответил Моррисон. — Узнаете? Это золотиносная порода!

— Мне уже надоели эти фокусы, которые вы, старатели, вечно пытаетесь нам устроить. Показываете горсть камешков...

— Но это на самом деле золотиносная порода! Неужели вы не видите?

— Я деловой человек, а не ювелир, — ответил мистер Бойярд. — Я не могу отличить золотиносной породы от золототысячника.

Экран погас.

Моррисон лихорадочно пытался снова дозвониться до него.

Телефон молчал — не слышно было даже гудения. Он был отключен.

Моррисон положил аппарат на землю и огляделся. Узкий овраг, куда он свалился, тянулся прямо ярдов на двадцать, потом сворачивал влево. На его крутых склонах не было видно ни одной пещеры, ни одного удобного места, где можно было бы устроить баррикаду.

Сзади послышался какой-то шорох. Обернувшись, он увидел, что не него бросается огромный старый волк. Не раздумывая ни секунды, Моррисон выхватил револьвер и выстрелил, разmozжив голову зверя.

— Черт возьми, — сказал Моррисон, я хотел оставить эту пулю для себя.

Он получил отсрочку на несколько секунд и бросился вниз по оврагу в поисках выхода. Вокруг красными и пурпурными искрами сверкала золотоносная порода. А позади бежали волки.

Моррисон остановился. Излучина оврага привела его к глухой стене.

Он прислонился к ней спиной, держа револьвер за ствол. Волки остановились в пяти футах от него, собираясь в стаю для решительного броска. Их было десять или двенадцать, и в узком проходе они сгрудились в три ряда. Вверху кружились коршуны, ожидая своей очереди.

В этот момент Моррисон услышал потрескивание телепортации. Над головами волков появился воздушный вихрь, и они торопливо попятились назад.

— Как раз вовремя, — сказал Моррисон.

— Вовремя для чего? — спросил Уильямс-4, почтальон.

Робот вылез из вихря и огляделся.

— Ну-ну, молодой человек, — произнес Уильямс-4, — ничего себе, доигрались! Разве я вас не предостерегал? Разве не советовал вернуться? Посмотрите-ка!

— Ты был совершенно прав, — сказал Моррисон. — Что мне прислал Макс Крэндолл?

— Макс Крэндолл ничего не прислал, да и не мог прислать.

— Тогда почему ты здесь?

— Потому что сегодня ваш день рождения, — ответил Уильямс-4. — У нас на почте в таких случаях всегда бывает специальная доставка. Вот вам.

Уильямс-4 протянул ему пачку писем — поздравления от Джейни, теток, дядей и двоюродных братьев с Земли.

— И еще кое-что, — сказал Уильямс-4, роясь в своей сумке. — Должно быть кое-что еще. Пойдите... Да, вот.

Он протянул Моррисону маленький пакет.

Моррисон поспешно сорвал обертку. Это был подарок от тети Мины из Нью-Джерси. Он открыл коробку. Там были соленые конфеты — прямо из Атлантик-сити.

— Говорят, очень вкусно, — сказал Уильямс-4, глядевший через его плечо. — Но не очень уместно в данных обстоятельствах. Ну, молодой человек, очень жаль, что вам придется умереть в день своего рождения. Самое лучшее, что я могу пожелать, — это быстрой и безболезненной кончины.

Робот направился к вихрю.

— погоди! — крикнул Моррисон. — Не можешь же ты так меня бросить. Я уже много дней ничего не пил. А эти волки...

— Понимаю, — ответил Уильямс-4. — Поверьте, это не доставляет мне никакой радости. Даже у робота есть какие-то чувства.

— Тогда помоги мне!

— Не могу. Правила почтового ведомства это категорически запрещают. Я помню, в девяносто седьмом меня примерно о том же просил Эбнер Лэти. Его тело потом искали три года.

— Но у тебя есть аварийный телефон? — спросил Моррисон.

— Есть. Но я могу им пользоваться только в том случае, если со мной произойдет авария.

— Но ты хоть можешь отнести мое письмо? Срочное письмо?

— Конечно могу, — ответил робот. — Я для этого и создан. Я даже могу одолжить вам карандаш и бумагу.

Моррисон взял карандаш и бумагу и попытался собраться с мыслями. Если он напишет срочное письмо Максу, тот получит его через несколько часов. Но сколько времени понадобится ему, чтобы сколотить немного денег и послать воду и боеприпасы? День, два? Придется что-нибудь придумать, чтобы продержаться...

— Я полагаю, у вас есть марка? — спросил робот.

— Нет, — ответил Моррисон. — Но я куплю ее у тебя.

— Прекрасно, — ответил робот. — Мы только что выпустили новую серию Венусбургских треугольных. Я считаю их большим эстетическим достижением. Они стоят по три доллара штука.

— Хорошо. Очень умеренная цена. Давай одну.

— Остается решить еще вопрос об оплате.

— Вот! — сказал Моррисон, протягивая роботу кусок золотоносной породы стоимостью тысяч в пять долларов. Почтальон осмотрел камень и протянул его обратно:

— Извините, но я могу принять только наличные.

— Но это стоит дороже, чем тысяча марок! — сказал Моррисон. — Это же золотоносная порода!

— Очень может быть, — ответил Уильямс-4, — но я не запрограммирован на пробирный анализ. И почта Венеры основана не на системе товарного обмена. Я вынужден попросить три доллара бумажками или монетами.

— У меня их нет.

— Очень жаль.

Уильямс повернулся, чтобы уйти.

— Но ты же не можешь просто уйти и бросить меня на верную смерть!

— Не только могу, но и должен, — грустно сказал Уильямс-4. — Я всего лишь робот, мистер Моррисон. Я был создан людьми и, естественно, наделен некоторыми из их чувств. Так и должно быть. Но есть и предел моих возможностей, — по сути дела, такой предел есть и у большинства людей на этой суровой планете. И в отличие от людей я не могу переступить свой предел.

Робот полез в вихрь. Моррисон непонимающим взглядом смотрел на него. Он видел за ним нетерпеливую стаю волков. Он видел неяркое сверкание золотоносной породы стоимостью в несколько миллионов долларов, покрывавшей склоны оврага.

И тут что-то в нем надломилось.

С нечленораздельным воплем Моррисон бросился вперед и схватил робота за ноги. Уильямс-4, наполовину скрывшийся в вихре телепортировки, упирался, брыкался и почти страхнул было Моррисона. Но тот вцепился в него, как безумный. Дюйм за дюймом он вытащил робота из вихря, швырнул на землю и придал ему своим телом.

— Вы нарушаете работу почты, — сказал Уильямс-4.

— Это еще не все, что я собираюсь нарушить, — прорычал Моррисон. — Смерти я не боюсь. Это была моя ставка. Но будь я проклят, если намерен умереть через пятнадцать минут после того, как разбогател!

— У вас нет выбора.

— Есть. Я воспользуюсь твоим аварийным телефоном.

— Это невозможно, — ответил Уильямс-4. — Я его не дам. А сами вы до него не доберетесь без помощи механической мастерской.

— Возможно, — ответил Моррисон. — Я хочу попробовать.

Он вытащил свой разряженный револьвер.

— Что вы хотите сделать? — спросил Уильямс-4.

— Хочу посмотреть, не смогу ли я превратить тебя в металлолом без всякой механической мастерской. Думаю, что будет логично начать с твоих зрительных ячеек.

— Это действительно логично, — ответил робот. — У меня, конечно, нет инстинкта самосохранения. Но позвольте замстить, что вы оставите без почтальона всю Венеру. От вашего антиобщественного поступка многие пострадают.

— Надеюсь, — сказал Моррисон, занося револьвер над головой.

— Кроме того, — поспешно добавил робот, — вы уничтожите казенное имущество. Это серьезное преступление.

Моррисон засмеялся и взмахнул револьвером. Робот сделал быстрое движение головой и избежал удара. Он попробовал вывернуться, но Моррисон навалился ему на грудь всеми своими двумястами фунтами.

— На этот раз я не промахнусь, — пообещал Моррисон, примериваясь снова.

— Стойте! — сказал Уильямс-4. — Мой долг охранять казенное имущество даже в том случае, когда этим имуществом оказываюсь я сам. Можете воспользоваться моим телефоном, мистер Моррисон. Имейте в виду, что это преступление карается заключением не более чем на десять и не менее чем на пять лет в исправительной колонии на Солнечных болотах.

— Давайте телефон, — сказал Моррисон.

Грудь робота распахнулась, и оттуда выдвинулся маленький телефон. Моррисон набрал номер Макса Крэндолла и объяснил ему положение.

— Ясно, ясно, — сказал Крэндолл. — Ладно, попробую найти

Уилкса. Но, Том, я не знаю, чего я смогу добиться. Рабочий день окончен. Все закрыто...

— Открой! — сказал Моррисон. — Я могу все оплатить. И выручи Джима Ремстаатера.

— Это не так просто. Ты еще не оформил права на заявку. Ты даже не доказал, что это месторождение чего-то стоит.

— Смотри, — Моррисон повернул телефон так, чтобы Крэндоллу были видны сверкающие стены оврага.

— Похоже на правду, — заметил Крэндолл. — Но, к сожалению, не все то золотоносная порода, что блестит.

— Как же нам быть? — спросил Моррисон.

— Нужно делать все по порядку. Я телепортирую к тебе Общественного Маркшейдера. Он проверит твою заявку, определит размеры месторождения и выяснит, не закреплено ли оно за кем-нибудь другим. Дай ему с собой кусок золотоносной породы. Побольше.

— Как мне его отбить? У меня нет никаких инструментов.

— Ты уж придумай что-нибудь. Он возьмет кусок для анализа. Если порода достаточно богата, твое дело в шляпе.

— А если нет?

— Может, лучше нам об этом не говорить, — сказал Крэндолл. — Я займусь делом, Томми. Желаю удачи.

Моррисон повесил трубку, встал и помог подняться роботу.

— За двадцать три года службы, — произнес Уильямс-4, — впервые нашелся человек, который угрожал уничтожить казенного почтового служащего. Я должен доложить об этом полицейским властям в Венусборге, мистер Моррисон. Я не могу иначе.

— Знаю, — сказал Моррисон. — Но мне кажется, пять или даже десять лет в тюрьме — все же лучше, чем умереть.

— Сомневаюсь. Я и туда, знаете, ношу почту. Вы сами увидите все месяцев через шесть.

— Как? — переспросил ошеломленный Моррисон.

— Месяцев через шесть, когда я закончу обход планеты и вернусь в Венусборг. О таком деле нужно докладывать лично. Но прежде всего нужно разнести почту.

— Спасибо, Уильямс. Не знаю, как мне...

— Я просто исполняю свой долг, — сказал робот, подходя к вихрю. — Если вы через шесть месяцев все еще будете на Венере, я принесу вам почту в тюрьму.

— Меня здесь не будет, — ответил Моррисон. — Прощайте, Уильямс.

Робот исчез в вихре.

Потом исчез и вихрь.

Моррисон остался один в сумерках Венеры.

Он разыскал выступ золотоносной породы чуть больше человеческой головы, ударил по нему рукояткой револьвера, и в воздухе заплескали мелкие искрящиеся осколки. Спустя час на

револьвере появились четыре вмятины, а на блестящей поверхности породы — лишь несколько царапин.

Песчаные волки начали подкрадываться ближе. Моррисон швырнул в них несколько камней и закричал сухим, надтреснутым голосом. Волки отступили.

Он снова взгляделся в выступ и заметил у его основания трещину не толще волоса. Он начал колотить в этом месте. Но камень не поддавался.

Моррисон вытер пот со лба и собрался с мыслями. Клин, нужен клин...

Он снял ремень. Приставив к трещине край стальной пряжки, он ударами револьвера вогнал ее в трещину на какую-то долю дюйма. Еще три удара — и вся пряжка скрылась в трещине, еще удар — и выступ отделился от жилы. Отломившийся кусок весил фунтов двадцать. При цене пятьдесят долларов за унцию этот обломок должен был стоить тысяч двадцать долларов, если только золото будет такое же чистое, каким оно кажется.

Наступили темно-серые сумерки, когда появился телепортированный сюда Общественный Маркшейдер. Это был невысокий, приземистый робот, отделанный старомодным черным лаком.

— Добрый день, сэр, — сказал Маркшейдер. — Вы хотите сделать заявку? Обычную заявку на неограниченную добычу?

— Да, — ответил Моррисон.

— А где центр вашего участка?

— Что? Центр? По-моему, я на нем стою.

— Очень хорошо, — сказал робот.

Вытащив стальную рулетку, он быстро отошел от Моррисона на двести ярдов и остановился. Разматывая рулетку, робот ходил, прыгал и лазил по сторонам квадрата с Моррисоном в центре. Окончив обмер, он долго стоял неподвижно.

— Что ты делаешь? — спросил Моррисон.

— Глубинные фотографии участка, — ответил робот. — Довольно трудное дело при таком освещении. Вы не могли бы подождать до утра?

— Нет!

— Ладно, придется повозиться, — сказал робот.

Он переходил с места на место, останавливался, снова шел, снова останавливался. По мере того как сумерки сгущались, глубинные фотографии требовали все большей и большей экспозиции. Робот вспотел бы, если бы только был на это способен.

— Все, — сказал он наконец. — Кончено. Вы дадите мне с собой образец?

— Вот он, — сказал Моррисон, взвесив в руке обломок золотосодержащей породы и протягивая ее Маркшейдеру. — Все?

— Абсолютно все, — ответил робот. — Если не считать, конечно, того, что вы еще не предъявили мне Поисковый акт.

Моррисон растерянно заморгал.

— Чего не предъявил?

— Поисковый акт. Это официальный документ, свидетельствующий о том, что участок, на который вы претендуете, согласно правительственному постановлению, не содержит радиоактивных веществ в количествах, превышающих пятьдесят процентов общей массы до глубины в шестьдесят футов. Простая, но необходимая формальность.

— Я никогда о ней не слышал, — сказал Моррисон.

— Ее сделали обязательным условием на прошлой неделе, — объяснил съемщик. — У вас нет акта? Тогда, боюсь, ваша обычная неограниченная заявка недействительна.

— Что же мне делать?

— Вы можете вместо нее оформить специальную ограниченную заявку, — сказал робот. — Поискового акта для нее не требуется.

— А что это значит?

— Это значит, что через пятьсот лет все права переходят к правительству Венеры?

— Ладно! — заорал Моррисон. — Хорошо! Прекрасно! Это все?

— Абсолютно все, — ответил Маркшейдер. — Я захвачу этот образец с собой и отдам его на срочный анализ и оценку. По нему и по глубинным фотографиям мы сможем вычислить стоимость вашего участка.

— Пришлите мне что-нибудь отбиваться от волков, — сказал Моррисон. — И еды. И послушайте, я хочу «Особый старательский».

— Хорошо, сэр. Все это будет вам телепортировано, если ваша заявка окажется достаточно ценной, чтобы окупить расходы.

Робот влез в вихрь и исчез.

Время шло, и волки снова начали подбираться к Моррисону. Они огрызались, когда тот швырял в них камнями, но не отступали. Разинув пасти, высунув языки, они проползли оставшиеся несколько ярдов.

Вдруг волк, ползший впереди всех, взвыл и отскочил назад. Над его головой появился сверкающий вихрь, из которого упала винтовка, ударив его по передней лапе.

Волки пустились наутек. Из вихря упала еще одна винтовка, потом большой ящик с надписью «Гранаты. Обращаться осторожно», потом еще один ящик с надписью «Пустынный рацион К».

Моррисон ждал, глядя в сверкающее устье вихря, который пронесся по небу и остановился в четверти мили от него. Из вихря показалось большое круглое медное днище. Устье вихря стало расширяться, пропуская еще большую медную выпуклость. Днище уже стояло на песке, а выпуклость все росла. Когда наконец она показалась вся, в безбрежной пустыне возвышалась гигантская вычурная медная чаша для пунша. Вихрь поднялся и повис над ней.

Моррисон ждал. Запекшееся горло саднило. Из вихря показав-

лась тонкая струйка воды и полилась в чашу. Моррисон все еще не двигался.

А потом началось. Струйка превратилась в поток, рев которого разогнал всех коршунов и волков. Целый водопад низвергался из вихря в гигантскую чашу.

Моррисон, шатаясь, побрел к ней. «Попросить бы мне флягу», — говорил он себе, мучимый страшной жаждой, ковыляя по песку к чаше. Вот наконец перед ним стоял «Особый старательский» — выше колокольни, больше дома, наполненный водой, что была дороже самой золотоносной породы. Он повернул кран у дна чаши. Вода смочила желтый песок и ручейками побежала вниз по дюне.

«Надо было еще заказать чашку или стакан», — подумал Моррисон лежа на спине и ловя открытым ртом струю воды.

ДЕВУШКИ И НАДЖЕНТ МИЛЛЕР

Он наклонился, чтобы рассмотреть следы поближе, осторожно раздвигая листья и травинки лезвием ножа. Сомнений нет: совсем свежие следы — оставленные маленькой ногой. Женской, быть может?

Глядя на них, он видел вырисовывающийся над ними силуэт женщины, движение ее стопы с крутым подъемом, тонкие лодыжки, стройные ноги. Он поворачивал ее на воображаемом пьедестале, любовался длинной грациозной линией бедер, видел...

«Хватит!» — приказал он себе. Никаких доказательств, кроме этих следов. Надежда может таить в себе опасность, желание — обернуться катастрофой.

Наджент Миллер выпрямился. Он был высокий и худой как жердь, с потемневшим от солнца лицом, в голубой рубашке, брюках цвета хаки и холщовых туфлях. Внешний вид его дополняли рюкзак, счетчик Гейгера, который он держал в руке, и очки в толстой роговой оправе. Правая дужка очков сломана; он укрепил ее с помощью спички и бечевки и из предосторожности укрепил еще и ободок, обмотав его проволокой. Стекла держались хорошо, но он все равно беспокоился. Миллер был очень близорук и не сумел бы заметить разбитое стекло. Его постоянно преследовал один и тот же кошмар: очки падают, он выбрасывает вперед руку, чтобы схватить их на лету, промахивается, и они, крутясь, исчезают в пропасти.

Он поправил очки, сделал несколько шагов и снова взглянул на землю. Теперь сумел различить две или три цепочки разных следов, возможно, и четыре, и, судя по почве, совсем свежих.

Миллер заметил, что дрожит. Он присел на корточки, повторяя себе, что надо оставить всякую надежду, что та или тот, кому принадлежат эти следы, возможно, мертвы.

Тем не менее в этом надо убедиться. Миллер снова двинулся

по следам, которые со стерни привели его на опушку леса. Здесь он остановился и прислушался.

Стояло сентябрьское утро, исполненное тишины и красоты природы. Солнце освещало заброшенные поля, белизну голых ветвей леса, слышались только усталые жалобы ветра да тикание счетчика.

«Нормальный уровень, — определил Миллер. — У тех, кто прошел здесь, наверняка тоже есть счетчик».

Да... а если они не умеют им пользоваться? Может быть, уже заражены и умирают от лучевой болезни? Если он до сих пор сохранил рассудок, то именно потому, что отказался от всякой надежды, всякого желания.

«Если они умерли, — подумал Миллер, — я их похороню как положено». Мысль эта немедленно прогнала демонов надежды и желания.

В лесу он один раз потерял следы, которые едва различал среди зарослей кустарника. Хотел пойти в предполагаемом направлении, но счетчик вдруг угрожающе застучал. Миллер повернул под прямым углом, держа счетчик перед собой, прошел подозрительное место, снова повернул под тем же углом и двинулся в направлении, параллельном следам, внимательно считая шаги. Так просто в «мешок», окруженный смертельной радиацией и без малейшего коридора, он не попадет! Это случилось с ним месяца три назад, и Миллер почти посадил батарейки счетчика, пока нашел выход. Конечно, с тех пор в его рюкзаке всегда были запасные, но опасность от этого не становилась меньше.

Он отсчитал тридцать шагов — примерно двадцать метров, затем в третий раз повернул под прямым углом так, чтобы снова попасть на следы. Двигался очень медленно, шаря глазами по земле.

Ему повезло. Он вновь нашел следы и немного дальше — зацепившийся за ветку кусок ткани (одежды?), который положил в карман. Как и предыдущие, следы были совсем свежие. Можно ли, наконец, позволить себе надеяться?

Нет. Еще нет. Миллер не забыл случай, происшедший с ним полгода назад. В тот день он взобрался на холм из красного песчаника, на вершине которого стояла рига, надеясь найти там что-нибудь из съестного. Когда спустился вниз, уже темнело, но внизу Миллер обнаружил труп мужчины, умершего лишь несколько часов назад. На трупе были автомат и винтовка, в карманах гранаты: смехотворное оружие против самого искусного из врагов, ибо человек этот застрелился. Пальцы его сжимали еще теплый револьвер.

Все говорило о том, что он шел по следам Миллера. Но, вероятно, его организм не вынес испытаний, будучи подорванным длительным действием радиации, признаки которой виднелись на его груди и руках. Может быть, мужчина не вынес внезапного

расставания с надеждой, когда увидел, что следы теряются у холма. Как бы то ни было, он застрелился. Надежда убила его.

Весь следующий день Миллеру не давало покоя оружие, найденное на трупе: очень хотелось оставить его себе — в этом новом, свихнувшемся мире оно могло ему пригодиться.

В конце концов он все-таки отказался от него. Нет, после увиденного — нет. К тому же в такое время оружие было слишком опасно для того, кто им пользовался. Миллер бросил его в ближайшую реку.

Всего лишь несколько месяцев... а сейчас он шел по петляющим в траве следам вдоль журчащего ручья. Перебравшись на другой берег, в сырой грязи снова обнаружил пять цепочек следов: в них еще проступала вода. Полчаса назад, не больше.

Миллер почувствовал, как в нем снова забушевали демоны надежды и желания. Да бросьте, разве он так неосторожен, чтобы желать встречи с себе подобными существами? Да, до сумасшествия неосторожен. Однажды, сорвавшись с цепи, эти демоны, которых раньше удавалось обмануть, обернутся против него, как против человека у подножия красного холма. Надежда и желание — самые страшные враги, и Миллер не решался выпустить духов, сидевших в самой глубине сознания.

Теперь он шагал быстрее и, видя, как следы становятся все отчетливее, все свежее, проникался уверенностью, что догонит эту группу. Счетчик, довольный слабым уровнем радиации, легонько потрескивал. Да, те, кто прошел тут до Миллера, отыскивали дорогу, несомненно, с помощью счетчика.

Проблема выжить? Проще не бывает. Однако очень немногим удалось ее решить.

Когда коммунистический Китай бросил свои амфибии в широкомасштабное наступление против Тайваня, Миллер понял, что это начало конца. Поначалу все считали, что речь идет об ограниченном конфликте, сравнимом со злобной войнушкой в Кувейте; самое большое — с действиями полиции ООН на болгаро-турецкой границе.

Но капля переполнила чашу. Цепная реакция договоров о взаимной помощи втягивала в конфликт одну страну за другой. Ядерное оружие не применялось, но за ним дело не стало.

Наджент Миллер, преподаватель древней истории в университете Лоуренсвилла, штат Теннесси, прочитал наклеенное на стене объявление и принялся запасать провизию в ближайших к городу пещерах. В то время ему исполнилось тридцать восемь лет, и являлся он страшным пацифистом. Когда находившиеся за Полярным кругом радары засекли приближавшиеся с севера неопознан-

* Рассказ написан задолго до событий 1991 года. (Прим. перев.)

ные ракеты, Миллер уже был готов ко всему. Он вовремя добрался до пещер, один из входов в которые находился метрах в пятистах от университета, и с удивлением констатировал, что не более пятидесяти студентов и преподавателей последовало за ним. Хотя объявление звучало весьма недвусмысленно.

Затем начали падать бомбы, загоняя группу все дальше в глубь пещер. Так прошла неделя. Бомбежка кончилась. Оставшиеся в живых выбрались на поверхность.

Миллер проверил уровень радиации у входа в пещеры. Смертельный уровень. Не могло быть и речи о том, чтобы выйти наружу, хотя запасы продовольствия уже подходили к концу, а проникавшие в пещеры осадки заставляли пленников закапываться все глубже.

Наконец, тридцать восемь из них умерли с голода. Наружная радиация оставалась еще слишком высокой. Миллер решил использовать последние ресурсы и отправился к расположенному в самой глубине пещеры складу, который до сих пор не трогал. За ним последовали трое. Остальные предпочли смерть от радиации и вышли наружу.

Вчетвером они продвигались в глубь темноты. Все четверо крайне ослабли, и ни один не разбирался в спелеологии. Двое погибли под обвалом, Миллер и последний его спутник продолжали цепляться за жизнь. Продуктов они не нашли, но обнаружили подземную реку, всю в святающихся пятнах: этот свет испускали слепые рыбы, жившие в вечной ночи. Люди попробовали их ловить. Безуспешно. В конце концов после нескольких дней бесплодных попыток Миллер сумел перегородить рукав реки и поймать несколько рыб. Тем временем его спутник умер.

Миллер стал жить около реки, выдумывая способы ловли слепых рыб, считая, как мог, дни, и раз в неделю выходил на поверхность, чтобы проверить уровень радиации. Так продолжалось три месяца, после чего Миллер смог, наконец, покинуть пещеру.

Он не встретил ни одного из прежних спутников. Обнаружил лишь три или четыре трупа.

Тогда стал искать других уцелевших людей. Но радиация добралась до большинства из тех, кто выжил при бомбежках. Слишком немногие обладали запасами продовольствия и счетчиками Гейгера, и почти все пустились на поиски пищи до того, как спал смертельный уровень радиации. И тем не менее, бесспорно, кто-то должен был выжить. Но где? Где?

Он снова искал их. Месяцы напролет. Затем бросал, здраво рассудив, что если и остались в живых люди, то лишь в некоторых районах Азии или Африки, в лучшем случае в Южной Америке. Люди, которых он никогда не увидит. Возможно, когда-нибудь встретит нескольких на Североамериканском континенте. Пока же надо было держаться.

И он держался. Каждую осень на юг, каждую весну — на север шел человек, который никогда не хотел войны, которому была

отвратительна сама мысль об убийстве. Такие чувства делали честь многим, но никто их не испытывал столь искренне и глубоко. Этот человек был замурован в своих старых привычках так, словно не упала ни одна бомба. Он читал, когда находил книги, и собирал картины и скульптуры, вынося их мимо сторожей-призраков из безлюдных музеев.

Еще перед второй мировой войной Миллер поклялся никогда не убивать ближнего; сейчас, когда кончилась третья, не видел причин менять убеждения. Он продолжал оставаться школяром, милым, иногда наивным, который даже после ужасного международного катаклизма остался верен благородным принципам и своему долгу; и этого-то человека обстоятельства принудили подавить всякое желание, всякую надежду.

Следы, продолжавшиеся в траве, вдруг исчезли за огромной гранитной глыбой, поросшей мхом. И тут Миллер услышал звук.

«Ветер», — подумал он.

Миллер обогнул препятствие и остановился как вкопанный. Всего в нескольких метрах от него вокруг маленького костра сидели пять человеческих существ. Пять живых существ, которые его изголодавшимся глазам показались толпой, легионом! Ему понадобилось несколько секунд, чтобы справиться с шоком открытия.

— Это еще что, черт побери... — произнес низкий голос.

Миллер постепенно начал приходить в себя. Пять человек — и все женщины! Пять женщин в изорванных брюках из толстой хлопчатобумажной ткани. И пять рюкзаков на земле, к каждому из которых прислонен грубо вытесанный кол.

— Кто вы?

Женщина, задавшая вопрос, была самой старшей в группе: лет пятидесяти, маленькая и широкоплечая, крепко сложенная, с квадратным лицом и пепельными волосами; много мышц, много жил под кожей на шее и в пенсне — с одним сломанным стеклом, — неловко сидевшим на ее внушительном носу.

— Вы что, язык проглотили? — снова раздраженно спросила она.

Миллер потряс головой:

— Нет, нет, конечно. Извините меня за это короткое... Вы — первые женщины, которых я встречаю после бомбардировки.

— Первые женщины? — тем же язвительным тоном переспросила она. — Вы видели мужчин?

— Только мертвых, — строго ответил он, затем, повернувшись, посмотрел на остальных.

Четыре молодые особы, возраст которых мог колебаться между двадцатью и двадцатью пятью годами; и все четыре, думал он, красоты такой, что и слов не найти. Каждая красива по-своему, но для него, после стольких лет одиночества словно открывшего незнакомую расу, они при всей своей непохожести казались одинаковыми. Четыре восхитительные девушки с золотистой кожей,

красивыми точеными ногами, большими глазами, в которых светилось кошачье спокойствие.

— Тогда вы — единственный мужчина в этом районе, — подытожила предводительница. — Вот уж не ожидала, черт возьми.

Девушки ничего не сказали, они внимательно рассматривали Миллера, который чувствовал, что ему мало-помалу становится не по себе. Он представлял, какие новые обязанности ложатся на него в нынешнем положении, — было от чего забеспокоиться.

— Может, стоит представиться друг другу? — предложила женщина в пенсне, как ему показалось, доброжелательным тоном. — Меня зовут Дениз. Мисс Дениз.

Миллер подождал продолжения, но мисс Дениз не представила ему своих спутниц.

— Меня зовут, — ответил тогда он, — Наджент Миллер.

— Так вот, мистер Миллер, вы — первый живой человек, которого мы встречаем. История наша, впрочем, весьма проста. Как только была объявлена тревога, мы с девушками спустились в школьный подвал. Я имею в виду женский пансион в Чарльстон-Вейнс. Я в нем веду... вернее, вела курс благородных манер.

«Коллега», — без энтузиазма подумал он.

— Само собой разумеется, что благодаря моим стараниям подвал был снабжен всем необходимым. Так надлежало бы поступить каждому, но слишком немногие последовали моему примеру. У меня имелось несколько счетчиков Гейгера, обращаться с которыми меня обучили ранее, и по окончании бомбардировки я сумела убедить детей в опасности, исходящей от радиации. Когда радиоактивные осадки просочились к нам, мы оставили подвал и стали искать убежища еще глубже, в канализации.

— Мы ели крыс, — уточнила одна из молодых особ.

— Верно, Сюзи, мы ели крыс и еще радовались, когда удавалось их поймать. Но потом смогли выйти на поверхность и с тех пор чувствуем себя превосходно.

Ее спутницы утвердительно закивали. Они по-прежнему внимательно смотрели на Миллера, и Миллер отвечал им тем же. Он уже совершенно искренне влюбился во всех четверых, но особенно в ту, что звали Сюзи. С другой стороны, бицепсы мисс Дениз его абсолютно не привлекали.

— Со мной произошло то же самое, — начал Миллер в свою очередь. — Я спасался в пещерах Лоуренсвилла. Только я нашел там не крыс, а рыб довольно странного вида. А сейчас, думаю, первый вопрос: что же мы будем делать?

— Первый? — переспросила мисс Дениз.

— Да, полагаю, мы должны соединить наши усилия. Мы, уцелевшие, должны оказывать помощь друг другу. Что вы предпочитаете — отправиться в ваш лагерь или ко мне? Не знаю, чем вы располагаете, но я очень неплохо устроился. Постепенно собрал библиотеку, не говоря уже о многочисленных картинах, у меня солидный запас продовольствия.

— Нет, — сухо ответила мисс Дениз.

— Ну, что ж... но... если вы настаиваете на том, чтобы устроиться у вас, я...

— Как это: «если я настаиваю»? Конечно, у нас, сэр, и только у нас. Это значит, мы возвращаемся к себе без вас, мистер Миллер!

Он не поверил своим ушам. Посмотрел на девушек. Те ответили ему осторожными взглядами, по которым совершенно невозможно было угадать их тайные мысли. Затем снова начал:

— Послушайте, мы должны помогать друг другу.

— Громкие слова, а под ними вы прячете похоть самца!

— Вовсе нет, — запротестовал он. — Но если уж говорить об этом серьезно, то я считаю, что не надо мешать природе идти своей дорогой.

— Природа уже прошла своей дорогой, — отрезала мисс Дениз. — Своим единственным истинным путем. Нас пять женщин, и нам очень хорошо вместе, правда, девочки?

Девушки закивали, но не спуская с Миллера глаз.

— Мы совершенно не нуждаемся в вашей помощи. Ни в вашей, ни любого другого мужчины. И не испытываем ни малейшего желания.

— Признаюсь, я не очень улавливаю ход ваших мыслей, — попробовал вставить Миллер, хотя уже начал хорошо понимать.

— Мужчины сделали все это! — взорвалась мисс Дениз, подчеркивая «все» широким жестом. — Они сидели в правительстве, были солдатами и учеными-атомщиками, они начали войну, в которой погибла почти вся человеческая раса. Еще задолго до войны я предостерегала наших ученых об опасности, исходящей от мужчины. О равенстве полов наговорили и написали столько вздора, а женщина как была, так и осталась вещью, игрушкой мужчины. Но в то же время я не могла открыто изложить свои теории. В пансионате их не потерпели бы.

— Охотно верю, — вклинился Миллер.

— Сейчас времена изменились. И вы, мужчины, которые поставили последнюю точку, хотели бы начать все сначала? Никогда! Во всяком случае, пока у меня есть силы, я буду препятствовать этому.

— Остается только узнать, разделяют ли ваши взгляды девушки...

— Я занимаюсь их образованием и воспитываю их. Это трудная и медленная работа, но у меня есть время, и, думаю, мои уроки уже сейчас начинают давать результаты. Мы не теряем времени, правда, малышки?

— О, нет, мисс Дениз! — хором ответили девиственницы.

— Ведь правда, нам совершенно не нужно, чтобы вокруг нас бродил этот мужчина?

— Нет, мисс Дениз.

— Ну что, мистер Миллер, слышите?

— Минутку, прошу вас. Боюсь, что с вами произошло недора-

зумение. Некоторые мужчины действительно ответственны за войну, но отнюдь не все. Да будет мне позволено в качестве примера сказать, что я являлся страстным пацифистом еще в то время, когда крайне трудно было афишировать подобные идеи. Во время второй мировой войны служил санитаром. Я не убил ни одного человека, как не убью и сейчас.

— То есть вы одновременно мужчина и трус.

— Я не считаю себя трусом, — запротестовал Миллер. — Если и отказывался от воинской службы, то по убеждениям, а не из трусости. На передовой меня даже ранили, правда, легко.

— Поистине верх героизма, — хмыкнула мисс Дениз посреди всеобщего веселья.

— Я не стараюсь выставлять напоказ свои заслуги, но хочу, чтобы меня поняли как человека. Не все мужчины одинаковы, поверьте мне.

— Все одинаковы, все! Грязные волосатые животные, которые дурно пахнут, развязывают войны, убивают женщин и детей. Слышать о них не желаю. С ними покончено. Ваш род вымер навсегда. И когда я вижу перед собой ваше грубое лицо, вы для меня все равно что динозавр или огромный пингвин! Уходите, Миллер. Исчезните куда хотите. Отныне начинается наша эра, эра женщин.

— Полагаю, у вас все же возникнут некоторые трудности с размножением.

— Согласна. Будет трудно, но не невозможно. Я внимательно следила за последними исследованиями в области партеногенеза и знаю, что воспроизводство без вмешательства самца вполне допустимо.

— Но вы не специалист, к тому же у вас нет необходимого оборудования.

— Извините! Я знаю, где велись эти работы. Может быть, мы найдем и оставшихся в живых женщин-врачей, но еще больше шансов найти неповрежденное лабораторное оборудование. Располагая им и своими знаниями, я справлюсь со всеми трудностями.

— У вас ничего не получится.

— А я утверждаю, что получится. И даже если не получится, я предпочту смерть нашего рода его новому рабству у мужчины!

Голос мисс Дениз дрожал от гнева, лицо побагровело. Миллер ответил спокойным тоном:

— Я допускаю, что вы имеете причины для упреков. Но все же думаю, мы могли бы, рассмотрев вопрос поглубже, прийти к...

— Нет, мы уже все сказали друг другу. Сейчас — прочь!

— Я не уйду.

Мисс Дениз одним прыжком бросилась к рюкзакам и схватила кол.

— Защищайтесь, дети! — крикнула она.

«Дети», по-прежнему не спуская с Миллера глаз, после

секундного колебания подчинились бывшей предводительнице хороших манер. Развязав рюкзаки, они достали оттуда пригоршни камней. Чувствовалось, что девушки очень возбудились; они ждали сигнала мисс Дениз.

— В последний раз спрашиваю: уйдете вы?

— Нет!

— Бейте его!

На Миллера обрушился град снарядов. Он отвернулся, чтобы защитить счетчик. Камни били его по спине, по ногам... Нет, невозможно, невероятно! Эти малышки, эти девушки, которых он любил (особенно Сюзи), не забьют его камнями! Они сейчас останутся, пожалеют о сделанном, им станет стыдно. Но град камней все усиливался. Один из них ударил его в голову, едва не свалив. Он обернулся — и бросился вперед, чтобы избежать неловкого удара колом, который пыталась нанести ему мисс Дениз. Схватив его за острие, Миллер вступил в борьбу.

Он едва не завладел оружием, но более крепко сложенная мисс Дениз оказалась сильнее. Она вырвала кол и ударила тупым концом по голове. А девушки захлопали в ладоши!

Теперь Миллер стоял на коленях под лавиной камней. Другой кол ударил его в бок. Он покатился по земле, уклоняясь от нового удара.

— Смерть! — вопила мисс Дениз. — Смерть подлому существу!

Раскрасневшиеся от возбуждения молодые особы бросились на врага. Во второй раз Миллер почувствовал в своем боку острие кола. Тогда он обратился в бегство.

Миллер не знал, как долго бежал в зеленой полутьме подлеска. В какой-то момент задохнулся, сделал еще два шага, остановился, достал свой нож — но никто не преследовал его. Он упал на траву, пытаясь собрать разбежавшиеся мысли. Эта ужасная женщина, эта мисс Дениз... сумасшедшая, черт возьми! Буйная. А малышки? Миллер упорно не хотел верить, что они старались причинить ему боль. Девушки полюбили его, может быть, но старая сука крепко держит их в своих сетях.

Затем он осмотрел себя и с огромным облегчением отметил, что на бегу не потерял ни счетчик, ни очки. Счастье, ибо без них ему трудно было бы найти дорогу.

Миллер всегда считал, что в каждом человеке сидит немного безумия. Следовательно, он должен быть готов ко всему, понять, что выжившие после атомной войны — сумасшедшие в большей степени, чем раньше. Но, черт возьми, какая сумасшедшая старуха! Вообразить, что мужчины — угасшая раса...

Вдруг он внутренне содрогнулся, вообразив и себе такой исход. Сколько в конце концов осталось мужчин? А женщин?

Но какое ему дело? Он не в ответе за весь род человеческий. Сглупил, освободив демонов надежды и желания, которых теперь надо победить еще раз. Но он справится с этим и закончит свои

дни среди книг и произведений искусства. Может быть, останется единственным действительно цивилизованным человеком...

Цивилизованным... Миллер вспомнил лица Сюзи и ее спутниц, кошащее выражение больших, устремленных на него глаз. Он задрожал. Какое несчастье, что не удалось договориться с чокнутой мисс Дениз! Но, учитывая обстоятельства, ничего другого ему не оставалось...

... Разве что разом отбросить все принципы.

Сумеет ли он это сделать? Миллер посмотрел на нож и снова задрожал под тяжестью своих демонов. Его пальцы еще крепче сжали роковую рукоять...

Спустя минуту на земле исчез последний цивилизованный человек. Вместе с ним погибли последний пацифист, последний отказник по этическим убеждениям, последний ценитель произведений искусства, последний библиофил. На месте этих достойных восхищения фигур стоял МИЛЛЕР с ножом в руке, диким взглядом, ищущий что-то по сторонам.

Он нашел это «что-то» — толстый сук, сломанный молнией, с метр длиной — и быстро очистил его от мелких сучков.

Мисс Дениз не замедлила увидеть, как перед ней возникло ужасное воплощение всей мужской расы: отвратительное, грязное, вонючее и размахивающее дубиной. Миллер надеялся все же, что она успела понять и осознать, что сама возродила сего пещерного дикаря. Это было для нее настоящим откровением.

И четыре молодые особы вскоре тоже получили свою долю откровения. Больше всех досталось Сюзи.

ПОЕДИНОК РАЗУМОВ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Квидак наблюдал с пригорка, как тонкий сноп света опускается с неба. Перистый снизу, золотой сноп сиял ярче солнца. Его венчало блестящее металлическое тело скорее искусственного, чем естественного происхождения. Квидак пытался найти ему название.

Слово не вспоминалось. Память затухла в нем вместе с функциями, остались лишь беспорядочные осколки образов. Он перебирал их, просеивал обрывки воспоминаний — развалины городов, смерть тех, кто в них жил, канал с голубой водой, две луны, космический корабль...

Вот оно! Снижается *космический корабль*. Их было много в славную эпоху Квидака.

Славная эпоха канула в прошлое, погребенная под песками. Уцелел только Квидак. Он еще жил, и у него оставалась высшая цель, которая должна быть достигнута. Могучий инстинкт высшей цели сохранился и после того, как истощилась память и замерли функции.

Квидак наблюдал. Потеряв высоту, корабль нырнул, качнулся, включил боковые джусы, чтобы выровняться, и, подняв облачко пыли, сел на хвост посреди бесплодной равнины.

И Квидак, побуждаемый сознанием высшей цели Квидака, с трудом пополз вниз. Каждое движение отзывалось в нем острой болью. Будь Квидак себялюбивым созданием, он бы не вынес и умер. Но он не знал себялюбия. Квидаки имели свое предназначение во Вселенной. Этот корабль, первый за бесконечные годы, был мостом в другие миры, к планетам, где Квидак смог бы обрести новую жизнь и послужить местной фауне.

Он одолевал сантиметр за сантиметром и не знал, хватит ли у него сил доползти до корабля пришельцев, прежде чем тот улетит с этой пыльной и мертвой планеты.

Йенсен, капитан космического корабля «Южный Крест», был по горло сыт Марсом. Они провели тут десять дней, а результат? И ни одной стоящей археологической находки, ни единого обнадеживающего намека на некогда существовавший город — вроде того, что экспедиция «Полариса» открыла на Южном полюсе. Тут были только песок, несколько чахоточных кустиков да парадная покатых пригорков. Их лучшим трофеем за это время стали три глиняных черепка. Йенсен поправил кислородную маску. Над косогором показались два возвращающихся астронавта.

— Что хорошего? — окликнул их Йенсен.

— Да вот только, — ответил инженер-механик Вейн, показывая обломок ржавого лезвия без рукоятки.

— И на том спасибо, — сказал Йенсен. — А что у тебя, Уилкс?

Штурман пожал плечами:

— Фотографии местности и больше ничего.

— Ладно, — произнес Йенсен. — Валите все в стерилизатор и будем трогаться.

У Уилкса вытянулось лицо:

— Капитан, разрешите одну-единственную коротенькую вылазку к северу — вдруг подвернется что-нибудь по-настоящему...

— Исключено, — возразил Йенсен. — Топливо, продовольствие, вода — все рассчитано на десять дней. Это на три дня больше, чем было у «Полариса». Стартуем вечером.

Инженер и штурман кивнули. Жаловаться не приходилось: как участники Второй марсианской экспедиции, они могли твердо надеяться на почетную, пусть и маленькую сноску в курсах истории. Они опустили снаряжение в стерилизатор, завинтили крышку и поднялись по лесенке к люку. Вошли в шлюз-камеру. Вейн задрал внешний люк и повернул штурвал внутреннего.

— Постой! — крикнул Йенсен.

— Что такое?

— Мне показалось, у тебя на ботинке что-то вроде клопа.

Вейн ощупал ботинки, а капитан со штурманом оглядели со всех сторон его комбинезон.

— Заверни-ка штурвал, — сказал капитан. — Уилкс, ты ничего такого не заметил?

— Ничегошеньки, — ответил штурман. — А вы уверены, кэп? На всей планете мы нашли только несколько растений, зверьем или насекомыми здесь и не пахло.

— Что-то я видел, готов поклясться, — сказал Йенсен. — Но может, просто почудилось... Все равно надо продезинфицировать одежду перед тем, как войти. Не стоит рисковать — не дай Бог, прихватим с собой какого-нибудь марсианского жучка.

Они разделись, сунули одежду и обувь в приемник и тщательно обыскали голую стальную шлюз-камеру.

— Ничего, — наконец констатировал Йенсен. — Ладно, пошли.

Вступив в жилой отсек, они задраили люк и продезинфицировали шлюз. Квидак, успевший проползти внутрь, уловил отдаленное шипение газа. Немного спустя он услышал, как заработали двигатели.

Квидак забрался в темный кормовой отсек. Он нашел металлический выступ и прилепился снизу у самой стенки. Прошло еще сколько-то времени, и он почувствовал, как корабль вздрогнул.

Весь утомительно долгий космический полет Квидак провисел, уцепившись за выступ. Он забыл, что такое космический корабль, но теперь память быстро восстанавливалась. Он погружался в чудовищный жар, то в ледяной холод. Адаптация к перепадам температуры истощила и без того скудный запас его жизненных сил. Квидак почувствовал, что может не выдержать.

Он решительно не хотел погибать. По крайней мере до тех пор, пока существовала возможность достичь высшей цели Квидака.

Прошло время, и он ощутил жесткую силу тяготения, почувствовал, как снова включились главные двигатели. Корабль садился на родную планету.

После посадки капитана Йенсена и его экипаж, согласно правилам, препроводили в Центр медконтроля, где прослушали, прозондировали и проверили, не гнездится ли в них какой-нибудь недуг.

Корабль погрузили на вагон-платформу и отвезли вдоль рядов межконтинентальных баллистических ракет и лунных кораблей на Дегазацию первой ступени. Здесь наружную обшивку корпуса обработали, задраив люки, сильными ядохимикатами. К вечеру корабль переправили на Дегазацию второй ступени, и им занялась спецкоманда из двух человек, оснащенных громоздкими баллонами со шлангами.

Они отдраили люк, вошли и закрыли его за собой. Начали они с носовой части, методично опрыскивая помещение по мере продвижения к корме. Все как будто было в порядке: никаких животных или растений, никаких следов плесени вроде той, какую завезла Первая лунная экспедиция.

— Неужели все это и вправду нужно? — спросил младший

дегазатор (он уже подал рапорт о переводе в Диспетчерскую службу).

— А то как же, — ответил старший. — На таких кораблях можно завезти черт знает что.

— Пожалуй, — согласился младший. — А все-таки марсианская жизнь, если она, конечно, есть, вряд ли на Земле уцелеет. Или нет?

— Откуда мне знать? — изрек старший. — Я не биолог. Да биологи, скорее всего, и сами не знают.

— Только время даром тра... Эге!

— В чем дело? — спросил старший.

— По-моему, там что-то есть, — сказал младший. — Какая-то тварь вроде пальмового жука. Вон под тем выступом.

Старший дегазатор плотнее закрепил маску и знаком приказал помощнику сделать то же. Он осторожно приблизился к выступу, отстегивая второй шланг от запячного баллона, и, нажав на спуск, распылил облако зеленоватого газа.

— Ну вот, — произнес он, — на твоего жука хватит. — Став на колени, он заглянул под выступ: — Ничего нет.

— Видно, померещилось, — сказал помощник.

Они на пару обработали из распылителей весь корабль, уделив особое внимание маленькому контейнеру с марсианскими находками, и, выйдя из заполненной газом ракеты, задраили люк.

— Что дальше? — спросил помощник.

— Дальше корабль простоит закупоренным трое суток, — ответил старший дегазатор, — после чего мы проведем вторичный осмотр. Ты найди мне тварь, которая протянет три дня в эдаких условиях!

Все это время Квидак висел, прилепившись к ботинку младшего дегазатора между каблуком и подошвой. Теперь он отцепился и, прислушиваясь к басовитому, раскатистому и непонятному звуку человеческих голосов, следил, как удаляются двуногие темные фигуры. Он чувствовал усталость и невыразимое одиночество.

Но его поддерживала мысль о высшей цели Квидака. Остальное не имело значения. Первый этап в достижении цели остался позади: он успешно высадился на обитаемой планете. Сейчас ему требовались вода и пища. Затем отдых, основательный отдых, чтобы восстановить уснувшие способности. И тогда он сможет дать этому миру то, чего ему так явно недостает, — сообщество, которое способен основать один лишь Квидак.

Он медленно пополз через темную площадку, мимо пустых махин космических кораблей, добрался до провололочной ограды и ощутил, что по проволоке пропущен ток высокого напряжения. Тщательно рассчитав траекторию, Квидак благополучно проскочил ячейку.

Этот участок оказался совсем другим.

Квидак почуял близко воду и пищу. Он торопливо пополз вперед — и остановился.

Ощущалось присутствие человека. И что-то еще, куда более грозное.

— Кто там? — окликнул охранник. Он застыл с револьвером в одной руке и фонариком в другой. Неделию назад на склад проникли воры и сперли три ящика с частями для ЭВМ, ожидавшими отправки в Рио. Сейчас он был готов встретить грабителей как положено.

Охранник приблизился — старик с зорким взглядом и крепкой хваткой. Луч фонарика пробежал по грузам, вспыхнул искрами в пирамиде фрезерных станков повышенной точности для Южной Африки, скользнул по водозаборному устройству (получатель — Иордания) и куче разносортного груза назначением в Рабаул.

— Выходи, а то хуже будет, — крикнул охранник. Луч выхватил из темноты мешки риса (порт доставки Шанхай), партию электротопил для Бирмы — и замер.

— Тыфу ты, черт, — пробормотал охранник и рассмеялся. Перед ним сидела, уставившись на свет, огромная красноглазая крыса. В зубах она держала какого-то необычно большого таракана.

— Приятного аппетита, — сказал охранник и, засунув револьвер в кобуру, возобновил обход.

Большой черный зверь сцапал Квидака, и твердые челюсти сомкнулись у него на спине. Квидак попробовал сопротивляться, но внезапный луч желтого света ослепил его, и он впал в прострацию.

Желтый свет удалился. Зверь сжал челюсти, пытаясь прокусить Квидаку панцирь. Квидак собрал последние силы и, распрямив свой длинный в сегментах, как у скорпиона, хвост, нанес удар.

Он промахнулся, но черный зверь сразу же его выпустил. Квидак задрал хвост, изготовившись для второго удара, а зверь принялся кружить вокруг него, не желая упустить добычу.

Квидак выжидал подходящий момент. Его переполняло ликование. Это агрессивное существо может стать первым — первым на всей планете — приобщенным к высшей цели Квидака. Эта ничтожная зверушка положит начало...

Зверь прыгнул, злобно щелкнув белыми зубами. Квидак узернулся и, молниеносно взмахнув хвостом, прицепился концевыми шипами зверю к спине. Зверь метался и прыгал, но Квидак упорно держался, сосредоточившись на первоочередной задаче — пропустить через хвостовой канал белый кристаллик и вогнать его зверю под шкуру.

Но эта важнейшая из способностей Квидака все еще к нему не вернулась. Не в силах добиться желаемого, Квидак втянул шипы, старательно нацелился и ужалил черного зверя точно между глаз. Удар, как он знал, будет смертельным.

Квидак насытился убитым противником. Особой радости он при этом не испытывал — Квидак предпочитал растительную пищу. Окончив трапезу, он понял, что ему жизненно необходим

долгий отдых. Только отдых мог полностью восстановить способности и силы Квидака.

В поисках укрытия он одолел горы грузов, сваленных на площадке. Обследовав несколько тюков, он наконец добрался до штабеля тяжелых ящиков. В одном из них он обнаружил отверстие, в которое как раз смог протиснуться. Квидак вполз в ящик и по блестящей, скользкой от смазки поверхности какого-то механизма пробрался в дальний угол. Там он погрузился в глубокий, без сновидений сон Квидаков, безмятежно положившись на то, что принесет с собой будущее.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Большая остроносая шхуна держала курс прямо на остров в кольце рифа, приближаясь к нему со скоростью экспресса. Могучие порывы северо-восточного ветра надували ее паруса, из люка, закрытого решеткой тикового дерева, доносился грохот ржавого дизеля марки «Элисон-Чемберс». Капитан и помощник стояли на мостике, разглядывая надвигавшийся риф.

— Что-нибудь видно? — спросил капитан, коренастый лысеющий человек с постоянно насупленными бровями. Вот уже двадцать пять лет он водил свою шхуну вдоль и поперек юго-западной Океании с ее не обозначенными на картах мелями и рифами. И хмурился он оттого, что никто не брался страховать его старую посудину. Их палубный груз, однако, был застрахован, и часть этого груза проделала путь от самого Огденсвилла, перевалочной базы в пустыне, где приземлялись космические корабли.

— Ничего, — ответил помощник.

Он впился глазами в ослепительно белый коралловый барьер, высматривая синий просвет, который укажет узкий проход в лагуну. Для помощника это было первое плавание к Соломоновым островам. До того, как им овладела страсть к путешествиям, он работал в Сиднее мастером по ремонту телевизоров; сейчас он решил, что капитан спятил и собирается учинить эффектное смертоубийство, бросив судно на рифы.

— По-прежнему ничего! — крикнул он. — Банки по курсу!

— Пусти-ка меня, — сказал капитан рулевому. Он крепко сжал штурвал и уперся взглядом в сплошную стену рифа.

— Ничего, — повторил помощник. — Капитан, лучше развернуться.

— Нет, а то не проскочим, — ответил капитан. Он начинал тревожиться. Но он обещал группе американцев-кладоискателей доставить груз на этот самый остров, а капитан был хозяином своего слова. Груз он получил в Рабауле, заглянул, как обычно, к поселенцам на Нью-Джорджию и на Малаиту и заранее предвкушал тысячемильное плавание к Новой Каледонии, которое ожидало его после захода на этот остров.

— Вот он! — заорал помощник.

В коралловом барьере прорезалась узенькая голубая полоска. Их отделяло от нее менее тридцати ярдов, и старая шхуна шла со скоростью около восьми узлов.

Когда судно входило в проход, капитан резко крутанул штурвал, и шхуну развернуло на киле. По обе стороны мелькнул коралл, едва не задев обшивки. Раздался металлический скрежет: верхний рей грот-мачты, спружинив, чиркнул по скале, и они очутились в проходе со встречным течением в шесть узлов.

Помощник запустил двигатель на полную силу и вспрыгнул на мостик помочь капитану управиться со штурвалом. Под парусом и на дизельной тяге шхуна одолела проход, царапнув левым бортом о коралловый риф, и вошла в спокойные воды лагуны.

Капитан вытер лоб большим платком в горошек.

— Чистая работа, — произнес он.

— Ничего себе *чистая*! — взвыл помощник и отвернулся. По лицу капитана пробежала улыбка.

Они миновали стоящий на якоре маленький кеч^{*}. Матросы-туземцы убрали парус, и шхуна ткнулась носом в рахитичный причал, отходивший от песчаного берега. Швартовы привязали прямо к стволам пальм. Из начинавшихся сразу над пляжем джунглей появился белый мужчина и быстрым шагом направился к шхуне под полуденным солнцем.

Он был худой и очень высокий, с узловатыми коленями и локтями. Злое солнце Меланезии наградило его не загаром, а ожогами — у него облезла кожа на носу и скулах. Его роговые очки со сломанной дужкой скрепляла полоска лейкопластыря. Вид у него был энергичный, по-мальчишески задорный и невероятно простодушный.

Тоже мне охотник за сокровищами, подумал помощник.

— Рад вас видеть! — крикнул высокий. — А мы уж было решили, что вы совсем сгинули.

— Еще чего, — ответил капитан. — Мистер Соренсен, познакомьтесь с моим новым помощником, мистером Уиллисом.

— Очень рад, профессор, — сказал помощник.

— Я не профессор, — поправил Соренсен, — но все равно спасибо.

— Где остальные? — поинтересовался капитан.

— Там, в лесу, — ответил Соренсен. — Все, кроме Дрейка, он сейчас подойдет. Вы у нас долго пробудете?

— Только разгружаюсь, — сказал капитан. — Нужно поспеть к отливу. Как сокровища?

— Мы хорошо покопали и не теряем надежды.

— Но дублонов пока не выкопали? Или золотых песо?

* Небольшое двухмачтовое парусное судно грузоподъемностью 100—200 тонн.

— Ни единого, черт их побери, — устало промолвил Соренсен. — Вы привезли газеты, капитан?

— А как же, — ответил тот. — Они у меня в каюте. Вы слышали о втором корабле на Марс?

— Слышал, передавали на коротких волнах, — сказал Соренсен. — Не очень-то много они там нашли, а?

— Можно сказать, ничего не нашли. Но все равно, только подумать! Два корабля на Марс, и, я слышал, собираются запустить еще один — на Венеру.

Все трое огляделись и ухмыльнулись.

— Да, — сказал капитан, — по-моему, до юго-западной Океании космический век еще не добрался. А уж до *этого места* и подавно. Ну ладно, займемся грузом.

«Этим местом» был остров Вуану, самый южный из Соломоновых, рядом с архипелагом Луизиада. Это был остров вулканического происхождения, довольно большой — около двадцати миль в длину и несколько в ширину. Когда-то тут располагалось с подюжины туземных деревушек, но после опустошительных налетов работорговцев в 1850-х годах население начало сокращаться. Эпидемия кори унесла почти всех оставшихся, а уцелевшие туземцы перебрались на Нью-Джорджию. Во время Второй мировой войны тут устроили наблюдательный пункт, но корабли сюда не заходили. Японское вторжение захватило Новую Гвинею, самые северные из Соломоновых островов и прокатилось еще дальше на север через Микронезию. К концу войны Вуану оставался все таким же заброшенным. Его не превратили ни в птичий заповедник, как остров Кантон, ни в ретрансляционную станцию, как остров Рождества, ни в заправочный пункт, как один из Кокосовых. Он никому не понадобился даже под полигон для испытания атомной, водородной или иной бомбы. Вуану представлял собой никудышный, сырой, заросший участок суши, где мог хозяйничать всякий, кому захочется.

Уильяму Соренсену, директору-распорядителю сети виноторговых магазинов в Калифорнии, захотелось похозяйничать на Вуану.

У Соренсена была страсть — охота за сокровищами. В Луизиане и Техасе он искал сокровища Лафитта, а в Аризоне — Забытый Рудник Голландца. Ни того, ни другого он не нашел. На усеянном обломками берегу Мексиканского залива ему повезло несколько больше, а на крошечном островке в Карибском море он нашел две пригоршни испанских монет в прогнившем парусиновом мешочке. Монеты стоили около трех тысяч долларов, экспедиция обошлась много дороже, но Соренсен считал, что затраты окупились с лихвой.

Много лет ему не давал покоя испанский галеон «Святая Тереза». По свидетельствам современников, судно отплыло из Манилы в 1689 году, доверху груженное золотом. Неповоротливый корабль угодил в шторм, был снесен к югу и напоролся на риф.

Восемнадцать человек, уцелевших при крушении, ухитрились выбраться на берег и спасти сокровище. Они закопали золото и в корабельной шлюпке отплыли под парусом на Филиппины. Когда шлюпка достигла Манилы, в живых оставалось всего двое.

Островом сокровищ предположительно должен был быть один из Соломоновых. Но какой именно?

Этого не знал никто. Кладоискатели разыскивали тайник на Бугенвиле и Буке. Поговаривали, что он может оказаться на Маниле. Добрались даже до атолла Онтонг-Джава. Никаких сокровищ, однако, не обнаружили.

Основательно изучив проблему, Соренсен пришел к выводу, что «Святая Тереза», по всей вероятности, умудрилась проплыть между Соломоновыми островами чуть ли не до архипелага и тут только разбилась о риф Вуану.

Мечта поискать сокровища на Вуану так бы и осталась мечтой, не повстречай Соренсен Дэна Дрейка — еще одного из той же породы кладоискателей-любителей и к тому же, что важнее, — владельца пятидесятипятифутового кеча.

Так в один прекрасный вечер за рюмкой спиртного родилась экспедиция на Вуану.

Они выбрали еще несколько человек. Привели кеч в рабочее состояние. Скопили деньги, собрали снаряжение. Продумали, где еще в юго-западной Океании мог быть захоронен тайник. Наконец согласовали отпуски, и экспедиция отбыла по назначению.

Они вот уже три месяца работали на Вуану и пребывали в добром настроении, несмотря на неизбежные в такой маленькой группе трения и разногласия. Шхуна, доставившая припасы и груз из Сиднея и Рабаула, была их единственной связью с цивилизованным миром на ближайшие полгода.

Экипаж занимался выгрузкой под надзором Соренсена. Он нервничал, опасаясь, как бы в последнюю минуту не грохнули какой-нибудь механизм, который везли сюда за шесть с лишним тысяч миль. О замене не могло быть и речи, так что, если они чего не досчитаются, придется им без этого как-то обходиться. Он с облегчением вздохнул, когда последний ящик — в нем был детектор металла — благополучно переправили через борт и втащили на берег выше отметки максимального уровня прилива.

С этим ящиком вышла небольшая накладка. Осмотрев его, Соренсен обнаружил в одном углу дырку с двадцатицентовую монету; упаковка оказалась с брачком.

Подошел Дэн Дрейк, второй руководитель экспедиции.

— Что стряслось? — спросил он.

— Дырка в ящике, — ответил Соренсен. — Может, попала морская вода. Весело нам придется, если детектор начнет барахлить.

— Давай вскроем и поглядим, — кивнул Дрейк. Это был низкорослый, широкоплечий, дочерна загоревший брюнет с редкими усиками и короткой стрижкой. Старая шапочка яхтсмена,

которую он натягивал до самых глаз, придавала ему сходство с упрямым бульдогом. Он извлек из-за пояса большую отвертку и вставил в отверстие.

— Не спеши, — остановил его Соренсен. — Оттащим-ка сперва его в лагерь. Ящик нести легче, чем аппарат в смазке.

— И то верно, — согласился Дрейк. — Берись с другого конца.

Лагерь был разбит в ста ярдах от берега, на вырубке, где находилась брошенная туземцами деревушка. Кладовщики сумели заново покрыть пальмовым листом несколько хижин. Стоял тут и старый сарай для копры под кровом из оцинкованного железа — в нем они держали припасы. Сюда даже долетал слабый ветерок с моря. За вырубкой сплошной серо-зеленой стеной поднимались джунгли.

Соренсен и Дрейк опустили ящик на землю. Капитан — он сопровождал их и нес газеты — посмотрел на хилые лачуги и покачал головой.

— Не хотите промочить горло, капитан? — спросил Соренсен. — Вот только льда у нас нет.

— Не откажусь, — сказал капитан. Он не мог понять, что за сила гонит людей в такую забытую богом дыру в погоне за мифическими сокровищами.

Соренсен вынес из хижины бутылку виски и алюминиевую кружку. Дрейк, вооружившись отверткой, сосредоточенно вскрывал ящик.

— Как на вид? — спросил Соренсен.

— Нормально, — ответил Дрейк, осторожно извлекая детектор. — Смазки не пожалели. Повреждений вроде бы нет...

Он отпрыгнул, а капитан шагнул и с силой вогнал каблук в песок.

— В чем дело? — спросил Соренсен.

Похоже, скорпион, — сказал капитан. — Выполз прямо из вашего ящика. Мог и ужалить кого. Мерзкая тварь!

Соренсен пожал плечами. За три месяца на Вуану он привык к тому, что кругом кишат насекомые, так что еще одна тварь погоды не делала.

— Повторить? — предложил он.

— И хочется, да нельзя, — вздохнул капитан. — Пора отчаливать. У вас все здоровы?

— Пока что все, — ответил Соренсен и, улыбнувшись, добавил: — Если не считать запущенных случаев золотой лихорадки.

— Здесь вам ни в жизнь золота не найти, — убежденно произнес капитан. — Через полгода загляну вас проведать. Удачи!

Обменявшись с ними рукопожатиями, капитан спустился к лагуне и поднялся на шхуну. Когда закат тронул небо первым розоватым румянцем, судно отчалило. Соренсен и Дрейк провожали его глазами, пока оно одолевало проход. Еще несколько минут его

мачты просматривались над рифом, потом скрылись за горизонтом.

— Ну, — сказал Дрейк, — вот мы, сумасшедшие американцы-кладоискатели, и снова одни.

— Тебе не кажется, что он что-то почуял? — спросил Соренсен.

— Уверен, что нет. Мы для него — безнадежные психи.

Они ухмыльнулись и взглянули на лагерь. Под сараем для копры было зарыто золотых и серебряных слитков примерно на пятьдесят тысяч долларов. Их откопали в джунглях, перенесли в лагерь и снова аккуратно закопали. В первый же месяц экспедиция обнаружила часть сокровищ со «Святой Терезы», и все указывало на то, что найдутся и остальные. А так как по закону никаких прав на остров у них не было, они совсем не спешили трубить об успехе. Стоит известию просочиться, как алчущие золота бродяги от Перта до Папезте все как один ринутся на Вуану.

— Скоро и ребята придут, — сказал Дрейк. — Поставим мясо тушиться.

— Самое время, — ответил Соренсен. Он прошел несколько шагов и остановился: — Странно.

— Что странно?

— Да этот скорпион, которого раздавил капитан. Он исчез.

— Значит, капитан промазал, — сказал Дрейк. — А может, только вдавил его в песок. Нам-то что за забота?

— Да, в общем, никакой, — согласился Соренсен.

II

Эдвард Икинс шел по зарослям, закинув на плечо лопату с длинной ручкой, и задумчиво сосал леденец. Первый за много месяцев леденец казался ему пищей богов. Настроение у него было прекрасное. Накануне шхуна доставила не только инструменты и запчасти, но также продукты, сигареты и сладости. На завтрак у них была яичница с настоящей свиной грудинкой. Еще немного — и экспедиция приобретет вполне цивилизованный облик.

Рядом в кустах что-то зашуршало, но Икинс шел своей дорогой, не обращая внимания.

Это был худой сутуловатый человек, рыжеволосый, дружелюбный, с бледно-голубыми глазами. Он не умел располагать к себе и понимал, как ему повезло, что его взяли в экспедицию. Хозяин бензоколонки, он был беднее других и не смог полностью внести в общий котел свою долю, из-за чего его до сих пор грызла совесть. В экспедицию его взяли потому, что он был страстным и неутомимым охотником за сокровищами и хорошо знал джунгли. Не меньшую роль сыграло и то, что он оказался опытным радистом и

вообще мастером на все руки. Передатчик на кече работал у него безотказно, несмотря на морскую соль и плесень.

Теперь он, понятно, мог внести свой пай целиком. Но раз они и в самом деле разбогатели, это *теперь* уже не считалось. Вот если б найти какой-нибудь способ...

В кустах снова зашуршало.

Икинс остановился и подождал. Кусты дрогнули, и на тропинку вышла мышь.

Икинс остолбенел. Мыши, как большинство диких зверушек на острове, боялись человека. Они хоть и кормились на лагерной помойке, когда крысы первыми не добирались до отбросов, однако старательно избегали встречи с людьми.

— Шла бы ты себе домой, — посоветовал Икинс мыши.

Мышь устоялась на Икинса. Икинс устоялся на мышь. Хорошенький светло-шоколадный зверек величиной не больше четырех-пяти дюймов вовсе не выглядел испуганным.

— Пока, мышенция, — сказал Икинс, — некогда мне, у меня работа.

Он переложил лопату на другое плечо и повернулся, чтобы идти. Поворачиваясь, он краем глаза уловил, как метнулось коричневое пятнышко, и инстинктивно отпрянул. Мышь проскочила мимо, развернулась и подобралась для повторного прыжка.

— Ты что, спятила? — осведомился Икинс.

Мышь ощерила крохотные зубки и прыгнула. Икинс отбил нападение.

— А ну, вали отсюда к чертовой матери, — сказал он. Ему подумалось: может, она и вправду сошла с ума или взбесилась?

Мышь изготовилась для новой атаки. Икинс поднял лопату и замер, выжидая. Когда мышь прыгнула, он встретил ее точно рассчитанным ударом. Потом скрепя сердце осторожно добил.

— Нельзя же, чтобы бешеная мышь разгуливала на воле, — произнес он. Но мышь не походила на бешеную — она просто была очень целеустремленной.

Икинс поскреб в затылке. А все-таки, подумал он, что же вселилось в эту мелкую тварь?

Вечером в лагере рассказ Икинса был встречен взрывами хохота. Поединок с мышью — такое было вполне в духе Икинса. Кто-то предложил впредь ходить с ружьем — на случай, если мышиная родня надумает отомстить. В ответ Икинс только сконфуженно улыбался.

Два дня спустя Соренсен и Эл Кейбл в двух милях от лагеря заканчивали утреннюю смену на четвертом участке. На этом месте детектор показал залегание. Они углубились уже на семь футов, но пока что накопили лишь большую кучу желтовато-коричневой земли.

— Видимо, детектор наврал, — сказал, устало вытирая лицо, Кейбл, дородный человек с младенчески-розовой кожей. На Вуану он спустил вместе с потом двадцать фунтов веса, подхватил

тропический лишай в тяжелой форме и по горло насытился охотой за сокровищами. Ему хотелось одного — поскорей очутиться у себя в Балтиморе, в своем насиженном кресле хозяина агентства по продаже подержанных автомобилей. Об этом он заявлял решительно, неоднократно и в полный голос. В экспедиции он единственный оказался плохим работником.

— С детектором все в порядке, — возразил Соренсен. — Тут, на беду, почва болотистая. Тайник, должно быть, ушел глубоко в землю.

— Можно подумать, на все сто футов, — отозвался Кейбл, со злостью всадив лопату в липкую грязь.

— Что ты, — сказал Соренсен, — под нами базальтовая скала, а до нее самое большое двадцать футов.

— Двадцать футов! Зря мы не взяли на остров бульдозер.

— Пришлось бы выложить круглую сумму, — примирительно ответил Соренсен. — Ладно, Эл, давай собираться, пора в лагерь.

Соренсен помог Кейблу выбраться из ямы. Они обтерли лопаты и направились было к узкой тропе, что вела в лагерь, но тут же остановились.

Из зарослей, преградив им дорогу, выступила огромная безобразного вида птица.

— Это что еще за диковина? — спросил Кейбл.

— Казуар.

— Наподдадим ему, чтоб не торчал на дороге, и пойдем себе.

Полегче, — предупредил Соренсен. — Если кто кому и наподдаст, так это он нам. Отступаем без паники.

Это была черная, похожая на страуса птица высотой в добрых пять футов, на мощных ногах. Трехпалые лапы заканчивались внушительными кривыми когтями. У птицы были короткие недоразвитые крылья и желтоватая костистая головка; с шеи свешивалась яркая красно-фиолетовая борода.

— Он опасный? — спросил Кейбл.

Соренсен утвердительно кивнул:

— На Новой Гвинее эти птицы, случалось, насмерть забивали аборигенов.

— Почему мы до сих пор его не видали?

— Обычно они очень робкие, — объяснил Соренсен, — и держатся от людей подальше.

— Этого-то робким не назовешь, — сказал Кейбл, когда казуар шагнул им навстречу. — Мы сможем удрать?

— Они бегают много быстрее, — ответил Соренсен. — Ружья ты с собой, конечно, не взял?

— Конечно нет. Кого тут стрелять?

Пятясь, они выставили перед собой лопаты наподобие копий. В кустах хрустнуло, и появился муравьед. Следом вылезла дикая свинья. Звери втроем надвигались на людей, тесня их к плотной завесе зарослей.

— Они нас гонят, — голос Кейбла сорвался на визг.
— Спокойнее, — сказал Соренсен. — Остерегаться нужно одного казуара.

— А муравьеды опасны?

— Только для муравьев.

— Черта с два, — сказал Кейбл. — Билл, на этом острове все животные тронулись. Помнишь Икинсову мышь?

— Помню, — ответил Соренсен. Они отступили до конца вырубki. Спереди напирали звери во главе с казуаром, за спиной были джунгли и то неизвестное, к которому их оттесняли.

— Придется рискнуть и пойти на прорыв, — сказал Соренсен.

— Проклятая птица загородила дорогу.

— Придется ее сбить, — решил Соренсен. — Берегись лапы. Побежали!

Они бросились на казуара, размахивая лопатами. Казуар замешкался, не в силах выбрать, потом повернулся к Кейблу и выбросил правую ногу. Удар пришелся по касательной. Раздался звук вроде того, какой издает говяжий бок, если по нему треснуть плашмя большим секачом. Кейбл ухнул и повалился, схватившись за грудь.

Соренсен взмахнул лопатой и заточенным ее краем почти снес казуару голову. Тут на него накинлись муравьед и свинья. От них он отбилсЯ лопатой. Затем — и откуда только силы взялись? — наклонился, взвалил Кейбла на спину и припустил по тропе.

Через четверть мили он совсем выдохся, пришлось остановиться. Не было слышно ни звука. Судя по всему, свинья с муравьедом отказались от преследования. Соренсен занялся пострадавшим.

Кейбл очнулся и вскоре смог идти, опираясь на Соренсена. Добравшись до лагеря, Соренсен созвал всех участников экспедиции. Пока Икинс перебинтовывал Кейблу грудь эластичным бинтом, он сосчитал пришедших. Одного не хватало.

— Где Дрейк? — спросил Соренсен.

— На той стороне, удит рыбу на северном берегу, — ответил Том Рисетич. — Сбегать позвать?

Соренсен подумал, потом сказал:

— Нет. Сперва я объясню, с чем мы столкнулись. Затем раздадим оружие. А уж затем попробуем найти Дрейка.

— Послушай, что у нас тут происходит? — спросил Рисетич.

И Соренсен рассказал им о том, что случилось на четвертом участке.

В рационе кладоискателей рыба занимала большое место, а ловля рыбы была любимым занятием Дрейка. Поначалу он отправлялся на ловлю с маской и гарпунным ружьем. Но в этом богоспасаемом уголке водилось слишком много голодных и на-

хальных акул, так что он скрепя сердце отказался от подводной охоты и удил на леску с подветренного берега.

Закрепив лесы, Дрейк улегся в тени пальмы. Он дремал, сложив на груди крупные руки. Его пес Оро рыскал по берегу в поисках раков-отшельников. Оро был добродушным существом неопределенной породы — отчасти эрдель, отчасти терьер, отчасти бог весть что. Вдруг он зарычал.

— Не лезь к крабам, — крикнул Дрейк, — доиграешься: снова клешни отведаешь.

Оро продолжал рычать. Дрейк перекатился на живот и увидел, что пес сделал стойку над большим насекомым, похожим на скорпиона.

— Оро, брось эту гадость...

Дрейк не успел и глазом моргнуть, как насекомое прыгнуло, оказалось у Оро на шее и ударило своим членистым хвостом. Оро коротко взлаял. В одну секунду Дрейк был на ногах. Он попытался прихлопнуть тварь, но та соскочила с собаки и удрала в заросли.

— Тихо, старина, — сказал Дрейк. — Смотри, какая скверная ранка. В ней может быть яд. Дай-ка мы ее вскрыем.

Он крепко обнял пса — тот часто и быстро дышал — и извлек кортик. Однажды ему уже приходилось оперировать Оро — в Центральной Америке, когда того ужалила змея; а на Адирондаке он, придерживая собаку, щипцами вытягивал у нее из пасти иглы дикобраза. Пес всегда понимал, что ему помогают, и не сопротивлялся.

На этот раз собака вцепилась ему в руку.

— Оро!

Свободной рукой Дрейк сжал псу челюсти у основания, сильно нажал и парализовал мышцы, так что собака разомкнула пасть. Высвободив руку, он отпихнул Оро. Пес поднялся и пошел на хозяина.

— Стоять! — крикнул Дрейк. Пес приближался, заходя сбоку так, чтобы отрезать его от воды.

Обернувшись, Дрейк увидел, что «скорпион» снова вылез из джунглей и ползет в его сторону. Тем временем пес носился кругами, стараясь оттеснить Дрейка прямо на «скорпиона».

Дрейк не понимал, что все это значит, однако почел за благо не задерживаться и не выяснять. Подняв кортик, он запустил им в «скорпиона», но промахнулся. Тварь оказалась в опасной близости и могла прыгнуть в любую секунду.

Дрейк ринулся к океану. Оро попытался ему помешать, но он пинком отбросил пса с дороги, бросился в воду и поплыл вокруг острова к лагерю, уповав, что успеет добраться раньше, чем до него самого доберутся акулы.

В лагере спешно вооружались. Насухо протерли винтовки и револьверы. Извлекли и повесили на грудь полевые бинокли. Разделили патроны. Мигом разобрали все имевшиеся ножи, мачете и топоры. Распаковали оба экспедиционных переговорных устройства и собирались идти искать Дрейка, но тут он сам выплыл из-за мыса, неутомимо работая руками.

Он выбрался на берег усталый, но невинный. Сопоставив все факты, кладоискатели пришли к некоторым малоприятным выводам.

— Уж не хочешь ли ты сказать, — спросил Кейбл, — что все это вытворяет какая-то букашка?

— Похоже на то, — ответил Соренсен. — Приходится допустить, что насекомое способно управлять чужим сознанием — с помощью там гипноза или, может быть, телепатии.

— Сперва ему нужно ужалить, — добавил Дрейк. — С Оро так и случилось.

— У меня просто в голове не укладывается, что за всем этим стоит скорпион, — сказал Рисетич.

— Это не скорпион, — возразил Дрейк. — Я его видел вблизи. Хвост напоминает скорпионий, но голова раза в четыре больше, да и телце другое. Присмотреться, так он вообще ни на что не похож, мне такого не доводилось встречать.

— Как ты думаешь, это насекомое с нашего острова? — спросил Монти Бирнс, кладоискатель из Индианаполиса.

— Вряд ли, — ответил Дрейк. — Если это местная тварь, почему она целых три месяца не трогала ни нас, ни животных?

— Верно, — сказал Соренсен. — Все беды начались после прибытия шхуны. Видимо, шхуна и завезла откуда-то эт... Постойте!

— Что такое? — спросил Дрейк.

— Помнишь того скорпиона, которого хотел раздавить капитан, он еще выполз из ящика с детектором? Тебе не кажется, что это та самая тварь?

Дрейк пожал плечами:

— Вполне возможно. Но по-моему, для нас сейчас важно не откуда она взялась, а как с ней быть.

— Она управляет зверьем, — сказал Бирнс. — Интересно, а человеком она сможет управлять?

Все приумолкли. Они сидели кружком возле сарая для копры и, разговаривая, поглядывали на джунгли, чтобы не прозевать появления зверя или «скорпиона».

Соренсен произнес:

— Имеет смысл попросить по радио о помощи.

— Если попросим, — сказал Рисетич, — кто-нибудь мигом разнюхает про сокровища «Святой Терезы». Нас обставят — чихнуть не успеем.

-- Возможно, — ответил Соренсен. — Но и на самый худой

конец наши затраты окупились, набегает даже маленькая прибыль.

— А если нам не помогут, — добавил Дрейк, — мы, чего доброго, и вывезти-то отсюда ничего не сумеем.

— Не так уж все страшно, — возразил Бирнс. — У нас есть оружие, со зверями как-нибудь да управимся.

— Ты еще этой твари не видел, — заметил Дрейк.

— Мы ее раздавим.

— Это не так-то легко, — сказал Дрейк. — Она дьявольски юркая. И как, интересно, ты будешь ее давить, если в одну прекрасную ночь она заползет к тебе в хижину, пока ты спишь? Выставляй часовых — они ее даже и не заметят.

Бирнс невольно поежился:

— М-да, пожалуй, ты прав. Попросим-ка лучше помощи по радио.

— Ладно, ребята, — сказал, поднимаясь, Икинс, — я так понимаю, что это по моей части. Дай Бог, чтоб аккумуляторы на кече не успели сесть.

— Туда идти опасно, — сказал Дрейк. — Будем тянуть жребий.

Предложение развеселило Икинса:

— Значит, тянуть? А кто из вас сможет работать на передатчике?

— Я смогу, — сказал Дрейк.

— Ты не обижайся, — сказал Икинс, — но ты не сладишь даже с этой твоей дерьмовой рацией. Ты морзянки и то не знаешь — как ты отстучишь сообщение? А если рация выйдет из строя, ты сумеешь ее наладить?

— Нет, — ответил Дрейк. — Но дело очень рискованное. Пойти должны все.

Икинс покачал головой:

— Как ни крути, а самое безопасное — если вы прикроете меня с берега. До кеча эта тварь, скорее всего, еще не додумалась.

Икинс сунул в карман комплект инструмента и повесил через плечо одно из переговорных устройств. Второе он передал Соренсену. Он быстро спустился к лагуне и, миновав баркас, столкнул в воду маленькую надувную лодку. Кладовщики разошлись по берегу с винтовками наизготовку. Икинс сел в лодку и опустил весла в безмятежные воды лагуны.

Они видели, как он пришвартовался к кечу, с минуту помедлил, оглядываясь по сторонам, затем взобрался на борт, дернул крышку люка и исчез внизу.

— Все в порядке? — осведомился Соренсен по своему переговорному устройству.

— Пока что да, — ответил Икинс; голос его звучал тонко и резко. — Включаю передатчик. Через пару минут нагреется.

Дрейк толкнул Соренсена:

— Погляди-ка.

На рифе по ту сторону кеча происходило какое-то движение. Соренсен увидел в бинокль, как три большие серые крысы скользнули в воду и поплыли к кечу.

— Стреляйте! — скомандовал Соренсен. — Икинс, выбирайся оттуда!

— У меня заработал передатчик, — ответил Икинс. — Минута-другая — и я отстучу сообщение.

Пули поднимали вокруг крыс белые фонтанчики. Одну удалось подстрелить, но две уцелевшие успели доплыть до кеча и укрыться за ним. Разглядывая риф в бинокль, Соренсен заметил муравьеда. Тот перебрался через риф и плюхнулся в воду, дикая свинья — за ним следом.

В устройстве послышался треск атмосферных помех.

— Икинс, ты отправил сообщение? — спросил Соренсен.

— Нет, Билл, — отозвался Икинс. — И послушай, никаких сообщений *не надо!* Этому «скорпиону» нужно...

Звук оборвался.

— Что там у тебя? — крикнул Соренсен. — Что происходит?

Икинс появился на палубе. С переговорным устройством в руках он, пятясь, отступал к корме.

— Раки-отшельники, — объяснил он, — взобрались по якорному канату. Я думаю возвращаться вплавь.

— Не стоит, — сказал Соренсен.

— Придется, — возразил Икинс. — По-моему, они припустят за мной. А вы все плывите сюда *и заберите передатчик*. Доставьте его на остров.

В бинокль Соренсен разглядел раков-отшельников — серый шевелящийся ковер покрывал всю палубу. Икинс нырнул и поплыл к берегу, яростно рассекая воду. Соренсен заметил, что крысы изменили курс и повернули за Икинсом. С кеча лавиной посыпались раки-отшельники. Свинья с муравьедом тоже последовали за Икинсом, пытаясь первыми добраться до берега.

— Живей, — бросил Соренсен. — Не знаю, что там выяснил Икинс, но пока есть возможность, надо захватить передатчик.

Они подбежали к воде и столкнули баркас. За две сотни ярдов от них, на дальнем конце пляжа, Икинс выбрался на сушу. Звери почти что настигли его. Он кинулся в джунгли, по-прежнему прижимая к себе аппарат.

— Икинс, — позвал Соренсен.

— У меня все в порядке, — ответил тот, с трудом переводя дыхание. — Забирайте передатчик и не забудьте аккумуляторы!

Кладоискатели поднялись на кеч, отодрали передатчик от переборки и по трапу выволокли на палубу. Последним поднялся Дрейк с двенадцативольтовым аккумулятором. Он снова спустился и вынес второй аккумулятор. Подумал — и спустился еще раз.

— Дрейк! — заорал Соренсен. — Хватит, ты всех задерживаешь!

Дрейк появился с компасом и двумя радиопеленгаторами. Передав их на баркас, он прыгнул следом.

— Порядок, — сказал он. — Отчаливай.

Они налегли на весла, торопясь в лагерь. Соренсен пытался восстановить связь с Икинсом, однако в наушниках раздавался только треск помех. Но когда баркас выполз на песок, Соренсен услышал Икинса.

— Меня окружили, — сообщил тот вполголоса. — Похоже, мне-таки доведется узнать, что нужно мистеру «скорпиону». Правда; может, я первый его припечатаю.

Наступило продолжительное молчание, затем Икинс произнес:

— Вот он ко мне подползает. Дрейк правду сказал. Я-то уж точно в жизни не видал ничего похожего. Сейчас попробую раздавить его к чер...

Они услышали, как он вскрикнул — скорее от удивления, чем от боли.

Соренсен спросил:

— Икинс, ты меня слышишь? Ты где? Мы тебе можем помочь?

— Он и *вправду* верткий, — отозвался Икинс своим обычным голосом. — Такой верткой твари я в жизни не видывал. Вскочил мне на шею, ужалил и был таков...

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Соренсен.

— Хорошо. Было почти не больно.

— Где «скорпион»?

— Удрал в заросли.

— А звери?

— Ушли. Знаешь, — сказал Икинс, — может, людей эта тварь не берет. Может...

— Что? — спросил Соренсен. — Что с тобой происходит?

Наступило долгое молчание, потом раздался негромкий, спокойный голос Икинса:

— Мы поговорим позднее. А сейчас нам нужно посоветоваться и решить, что с вами делать.

— Икинс!

Ответа не последовало.

IV

В лагере царило глубокое уныние. Они не могли взять в толк, что именно произошло с Икинсом, а размышлять на эту тему никому не хотелось. С неба било злое послеполуденное солнце, отражаясь от белого песка волнами зноя. Сырые джунгли дымились; казалось, они, как огромный сонный зеленый дракон, исподволь подбираются к людям, тесня их к равнодушному океану. Стволы у винтовок так накалились, что к ним невозможно было притронуться; вода во флягах стала теплой, как кровь. Вверху понемногу

скапливались, громоздились друг на друга плотные серые кучевые облака. Начинался сезон муссонов.

Дрейк сидел в тени сарая для копры. Он стряхнул с себя сонную одурь ровно настолько, чтобы прикинуть, как им оборонять лагерь. Джунгли вокруг он рассматривал как вражескую территорию. Перед джунглями они расчистили полосу шириной в полсотни ярдов. Эту ничейную землю, возможно, какое-то время еще удастся отстаивать.

Затем наступит черед последней линии обороны — хижин и сарая для копры. Далее — берег и океан.

Три с половиной месяца они были на острове полновластными хозяевами, теперь же оказались прижатыми к узкой непадежной полоске берега.

Через плечо Дрейк бросил взгляд на лагуну и вспомнил, что у них еще остается путь к отступлению. Если эта тварь слишком уж насыдет со своим проклятым зверинцем, они смогут удрать на кече. Если повезет.

Подошел Соренсен и присел рядом.

— Что поделываешь? — спросил он.

Дрейк кисло усмехнулся:

— Разрабатываю генеральный стратегический план.

— Ну и как?

— Думаю, сможем продержаться. У нас полно боеприпасов. Если понадобится, зальем расчищенный участок бензином. Мы, конечно, не дадим этой твари выставить нас с острова. — Дрейк на минуту задумался: — Но искать сокровище станет безумно сложно.

Соренсен кивнул.

— Хотел бы я узнать, что ей нужно.

— Может, узнаем от Икинса, — заметил Дрейк.

Пришлось подождать еще полчаса, прежде чем переговорное устройство заговорило. Голос Икинса звучал пронзительно-резко:

— Соренсен? Дрейк?

— Слушаем, — отзывался Дрейк. — Что тебе сделала эта проклятая тварь?

— Ничего, — ответил Икинс. — Вы сейчас разговариваете с этой тварью. Я называюсь Квидак.

— Господи, — обратился Дрейк к Соренсену, — видно, «скорпион» его загипнотизировал!

— Нет. Вы говорите не с Икинсом под гипнозом. И не с другим существом, которое всего лишь пользуется Икинсом как передатчиком. И не с прежним Икинсом — его больше не существует. Вы говорите со многими особями, которые суть одно.

— Я что-то не пойму, — сказал Дрейк.

— Это очень просто, — ответил голос Икинса. — Я Квидак, совокупность. Но моя совокупность складывается из отдельных составляющих, таких как Икинс, несколько крыс, пес по кличке Оро, свинья, муравьед, казуар...

— Погоди, — перебил Соренсен, — я хочу разобраться. Значит, я сейчас разговариваю не с Икинсом. Я разговариваю — как это — с Квидаком?

— Правильно.

— И вы — это Икинс и все другие? Вы говорите устами Икинса?

— Тоже правильно. Но это не означает, что прочие индивидуальности стираются. Совсем наоборот. Квидак — это такое состояние, такая совокупность, в которой разные составляющие сохраняют свойственные им черты характера, личные потребности и желания. Они отдают свои силы, знания и неповторимое мироощущение Квидаку как целому. Квидак — координирующий и управляющий центр, но знания, постижение, специфические навыки — все это обеспечивают индивидуальные составляющие. А все вместе мы образуем Великое Сообщество.

— Сообщество? — переспросил Дрейк. — Но вы же добиваетесь этого принуждением!

— На начальном этапе без принуждения не обойтись, иначе как другие существа узнают про Великое Сообщество?

— А они в нем останутся, если вы отключите контроль? — спросил Дрейк.

— Вопрос лишен смысла. Теперь мы образуем единую и неделимую совокупность. Разве ваша рука к вам вернется, если ее отрезать?

— Это не одно и то же.

— Одно и то же, — произнес голос Икинса. — Мы единый организм. Мы находимся в процессе роста. И мы от всего сердца приглашаем вас в наше Великое Сообщество.

— К чертовой матери! — отрезал Дрейк.

— Но вы просто обязаны влиться, — настаивал Квидак. — Высшая цель Квидака в том и состоит, чтобы связать все существа планеты, наделенные органами чувств, в единый совокупный организм. Поверьте, вы слишком уж переоцениваете совсем ничтожную утрату индивидуальности. Но подумайте, что вы приобретете! Вам откроются мировосприятие и специфический опыт всех остальных существ. В рамках Квидака вы сможете полностью реализовать свои потенциальные...

— Нет!

— Жаль, — произнес Квидак. — Высшая цель Квидака должна быть достигнута. Итак, добровольно вы с нами не сольетесь?

— Ни за что! — ответил Дрейк.

— В таком случае мы сольемся с вами, — сказал Квидак.

Раздался щелчок — он выключил устройство.

Из зарослей вышли несколько крыс и остановились там, где их могли достать пули. Вверху появилась райская птица; она парила над расчищенным участком совсем как самолет-разведчик. Пока они на нее смотрели, крысы, петляя, рванулись к лагерю.

— Открывайте огонь, — скомандовал Дрейк, — но берегите боеприпасы.

Началась стрельба. Целиться в юрких крыс да еще на фоне серовато-коричневой почвы было очень трудно. К крысам тут же присоединилась дюжина раков-отшельников. Выказывая недюжинную хитрость, они бросались вперед именно тогда, когда в их сторону никто не глядел, а в следующую секунду замирали, сливаясь с защитным фоном.

Из джунглей вышел Икинс.

— Гнусный предатель, — сказал Кейбл, ловя его на мушку.

Соренсен ударом по стволу сбил прицел:

— Не смей!

— Но ведь он помогает этой твари!

— От него это не зависит, — сказал Соренсен. — К тому же он безоружный. Оставь его в покое.

Понаблюдав с минуту, Икинс скрылся в зарослях.

Атакующие крысы и раки одолели половину расчищенного участка. Однако на близком расстоянии прицеливаться стало легче, и рубеж в двадцать ярдов им так и не удалось взять. Когда же Рисетич подстрелил райскую птицу, наступление вообще захлебнулось.

— А знаешь, — сказал Дрейк, — мне кажется, мы выкрутимся.

— Возможно, — ответил Соренсен. — Не понимаю, чего Квидак хочет этим добиться. Он же знает, что нас так просто не возьмешь. Можно подумать...

— Глядите! — крикнул кто-то из оборонявшихся. — Наш корабль!

Они оглянулись и поняли, зачем Квидак организовал нападение.

Пока они занимались крысами и раками, пес Дрейка подплыл к кечу и перегрыз якорный канат. Предоставленный сам себе, кеч дрейфовал по ветру, и его сносило на риф. Вот судно ударилось — сперва легко, потом крепче и через минуту, резко накренившись, прочно засело в кораллах.

В устройстве затрещало, и Соренсен поднял его с земли. Квидак сообщил:

— Кеч не получил серьезных повреждений, он только потерял подвижность.

— Черта с два, — огрызнулся Дрейк. — А если в нем, чего доброго, пробило сквозную дыру? Как вы собираетесь убраться с острова, Квидак? Или вы намерены так здесь и осесть?

В свое время я непременно отбуду, — сказал Квидак. — И я хочу сделать так, чтобы мы отбыли вместе.

V

Ветер утих. В небе на юго-востоке, уходя вершинами все выше и выше, громоздились серо-стальные грозовые тучи. Под гнетом их

черных, плоских снизу, как наковальня, массивов жаркий неподвижный воздух всей тяжестью давил на остров. Солнце утратило свой яростный блеск, стало вишнево-красным и безучастно скатывалось в плоский океан.

Высоко в небе, куда не долетали пули, кружила одинокая райская птица. Она поднялась минут через десять после того, как Рисетич подстрелил первую.

Монти Бирнс с винтовкой на боевом взводе стоял на краю расчищенного участка. Ему выпало первому нести караул. Остальные наскоро пообедали в сарае для копры. Снаружи Соренсен и Дрейк обсуждали сложившееся положение.

— На ночь придется всех загнать в сарай, — сказал Дрейк. — Рисковать слишком опасно — в темноте может напасть Квидак.

Соренсен кивнул. За один день он постарел лет на десять.

— А утром разработаем какой-нибудь план, — продолжал Дрейк. — Мы... Я что-то не то говорю, Билл?

— По-твоему, у нас есть какие-то шансы? — спросил Соренсен.

— А как же! Отличные шансы.

— Ты рассуждай практически, — сказал Соренсен. — Чем дольше это будет тянуться, тем больше зверья Квидак сможет на нас натравить. Какой у нас выход?

— Выследить его и убить.

— Поклятая тварь не крупней твоего большого пальца, — раздраженно возразил Соренсен. — Как прикажешь его выслеживать?

— Что-нибудь да придумаем, — сказал Дрейк. Соренсен начинал его тревожить. Состояние духа в экспедиции и так оставляло желать лучшего, и нечего Соренсену дальше его подрывать.

— Хоть бы кто подстрелил эту чертову птицу, — сказал Соренсен, поглядев в небо.

Примерно раз в четверть часа райская птица пикировала, чтобы рассмотреть лагерь вблизи, и, не успевал караульный прицелиться, снова взмывала на безопасную высоту.

— Мне она тоже на нервы действует, — признался Дрейк. — Можете, ее для того и запустили. Но рано или поздно мы...

Он не договорил. Из сарая послышалось громкое гудение передатчика, и голос Эла Кейбла произнес:

— Внимание, внимание, вызывает Вуану. Нам нужна помощь.

Дрейк и Соренсен вошли в сарай. Сидя перед передатчиком, Кейбл бубнил в микрофон:

— Мы в опасности, мы в опасности, вызывает Вуану, нам нужна...

— Черт побери, ты хоть соображаешь, что делаешь?! — оборвал его Дрейк.

Кейбл повернулся и смерил его взглядом. По рыхлому розоватому телу Кейбла струйками лился пот.

— Прошу по радио о помощи — вот что я делаю. По-моему, я вышел на контакт, но они мне еще не ответили.

Он повертел ручку настройки, и из приемника прозвучал скукающий голос с английским акцентом:

— Значит, пешка d2-d4? Почему ты ни разу не попробовал другое начало?

Последовал шквал помех, и кто-то ответил глубоким басом:

— Твой ход. Заткнись и ходи.

— Хожу, хожу, — произнес голос с английским акцентом. — Конь f6.

Дрейк узнал голоса. Это были коротковолновики-любители — плантатор с Бугенвиля и хозяин магазинчика в Рабауле. Каждый вечер они на час выходили в эфир — поругаться и сыграть партию в шахматы.

Кейбл нетерпеливо постучал по микрофону.

— Внимание, — произнес он, — вызывает Вуану, экстренный вызов...

Дрейк подошел к Кейблу и, взяв микрофон у него из рук, осторожно положил на стол.

— Мы не можем просить о помощи, — сказал он.

— Что ты мелешь! — закричал Кейбл. — Мы должны просить!

Дрейк почувствовал, что смертельно устал.

— Послушай, если мы пошлем сигнал бедствия, на остров тут же кто-нибудь приплывет, но они не будут подготовлены к тому, что здесь творится. Квидак их захватит и использует против нас.

— А мы объясним им, что происходит, — возразил Кейбл.

— Объясним? Что именно? Что контроль над островом захватывает какое-то неизвестное насекомое? Они решат, что все мы свихнулись от лихорадки, и с первой же шхуной, которая курсирует между островами, направят к нам врача.

— Дэн прав, — сказал Соренсен. — В такое не поверишь, пока не увидишь собственными глазами.

— А к тому времени, — добавил Дрейк, — будет уже поздно. Икинс все понял, прежде чем до него добрался Квидак. Поэтому он и сказал, что никаких сообщений не надо.

Кейбл все еще сомневался:

— Тогда зачем он сказал, чтоб забрали передатчик?

— Затем, чтобы он не смог отправить сообщение, когда Квидак его охомукает, — ответил Дрейк. — Чем больше народа кругом, тем легче Квидаку делать свое дело. Будь у него передатчик, он бы в эту самую минуту уже вопил о помощи.

— Да, так оно вроде и выходит, — безнадежно признал Кейбл. — Но, черт побери, самим-то нам со всем этим не справиться.

— Придется справляться. Если Квидаку удастся нас захватить, а потом выбраться с острова — конец Земле-матушке. Крышка. Никаких тебе всемирных войн, ни водородных бомб с

радиоактивными осадками, ни героических группок сопротивления. Все и вся превратится в составляющие этого квидачьевого сообщества.

— Так или иначе, а помощь нам нужна, — стоял на своем Кейбл. — Мы здесь одни, от всех отрезаны. Допустим, мы предупредим, чтобы корабль не подходил к берегу...

— Не выйдет, — сказал Дрейк. — К тому же, если б и захотели, мы все равно не сможем просить о помощи.

— Почему?

— Потому что передатчик не работает. Ты говорил в бездействующий микрофон.

— А принимает нормально, — возразил Кейбл.

Дрейк проверил, все ли отключено.

— Приемник в порядке. Но видимо, где-то что-то разъединилось, когда мы вытаскивали рацию с корабля. На передачу она не работает.

Кейбл несколько раз щелкнул по мертвому микрофону и положил его на место. Все столпились вокруг приемника, следя за партией между рабаульцем и плантатором с Бугенвиля.

— Пешка с4.

— Пешка е6.

— Конь с3.

Неожиданно отрывистой очередью затрещали помехи, сошли на нет, потом снова прозвучали тремя отчетливыми «очередями».

— Как ты думаешь, что это? — спросил Соренсен.

Дрейк пожал плечами:

— Может быть все, что угодно. Собирается шторм и...

Он не закончил фразы. Стоя у открытой двери, он заметил, что едва начались помехи, райская птица камнем упала вниз и пронеслась над лагерем. Когда же она вернулась на высоту и возобновила свое медленное кружение, помехи прекратились.

— Любопытно, — сказал он. — Ты видел, Билл? Как только снова пошли помехи, птица сразу снизилась.

— Видел, — ответил Соренсен. — Думаешь, это не случайно?

— Не знаю. Нужно проверить.

Дрейк вытащил бинокль, прибавил в приемнике звук и вышел из сарая понаблюдать за джунглями. Он ждал, прислушиваясь к разговору шахматистов, который происходил за три-четыре сотни миль от острова:

— Ну, давай, ходи!

— Дай же подумать минуту.

— Минуту! Слушай, я не собираюсь всю ночь торчать перед этим треклятым передатчиком. Ходи...

Раздался взрыв помех. Из джунглей семенящим шагом вышли четыре свиньи. Они продвигались медленно — как разведгруппа, которая нащупывает уязвимые места в обороне противника. Свиньи остановились — помехи кончились. Караульный Бирнс вскинул ружье и выстрелил. Животные повернули и под

треск помех скрылись в джунглях. Помехи затрещали опять — райская птица спикировала для осмотра лагеря и снова поднялась на безопасную высоту. После этого помехи окончательно прекратились.

Дрейк опустил бинокль и вернулся в сарай.

— Точно, — сказал он. — Помехи связаны с Квидаком. Мне кажется, они возникают, когда он пускает в дело зверей.

— По-твоему, он управляет ими по радио? — спросил Соренсен.

— Похоже на то, — ответил Дрейк. — Либо напрямую по радио, либо посылает приказы на длине радиоволн.

— В таком случае, — сказал Соренсен, — и сам он что-то вроде маленькой радиостанции?

— Конечно. Ну и что?

— А то, — пояснил Соренсен, — что его можно запеленговать.

Дрейк энергично кивнул, выключил приемник, пошел в угол и взял портативный пеленгатор. Он настроил его на частоту, на которой Кейбл поймал разговор между Рабаулом и Бугенвилем, включил и стал в дверях.

Все следили за тем, как он вращает рамочную антенну. Он засек сигнал наибольшей мощности, медленно повернул рамку, снял пеленг и перевел его на компасе в азимут. Затем сел и развернул мелкомасштабную карту юго-западной Океании.

— Ну как? — поинтересовался Соренсен. — Это Квидак?

— Должен быть он, — ответил Дрейк. — Я засек твердый нуль почти точно на юге. Он прямо перед нами, в джунглях.

— А это не отраженный сигнал?

— Я взял контрольный пеленг.

— Может, это какая-нибудь радиостанция?

— Исключено. Следующая станция прямо на юге — Сидней, а до него тысяча семьсот миль. Для нашего пеленгатора многовато. Нет, это Квидак, можно не сомневаться.

— Стало быть, у нас есть способ его обнаружить, — сказал Соренсен. — Двое пойдут в джунгли с пеленгаторами...

— И расстанутся с жизнью, — закончил Дрейк. — Мы можем запеленговать Квидака, но его звери обнаружат нас куда быстрее. Нет, в джунглях у нас нет ни малейшего шанса.

— Выходит, это нам ничего не дает, — сказал Соренсен с убитым видом.

— Дает, и много, — возразил Дрейк. — Теперь у нас появилась надежда.

— То есть?

— Он управляет животными по радио. Мы знаем, на какой частоте он работает, и можем ее занять. Будем глушить его сигналы.

— Ты уверен?

— Уверен? Конечно нет. Но я знаю, что две радиостанции в

одной зоне не могут работать на одной частоте. Если мы настроимся на частоту Квидака и сумеем забить его сигналы...

— Понимаю, — сказал Соренсен. — Может, что-нибудь и получится! Если нам удастся заблокировать его сигналы, он не сможет управлять зверьем, а уж тогда запеленговать его будет нетрудно.

— Хороший план, — сказал Дрейк, — но с одним маленьким недостатком: передатчик у нас не работает. Без передатчика нет передачи, а без передачи — глушения.

— Ты сумеешь его починить? — спросил Соренсен.

— Попробую, — ответил Дрейк. — Но особенно не надейся. Всеми радиодеталями в экспедиции заведовал Икинс.

— У нас есть запчасти, — сказал Соренсен. — Лампы, инструкции...

— Знаю. Дайте время, и я разберусь, что там вышло из строя. Вопрос в том, сколько времени намерен нам дать Квидак.

Медно-красный солнечный диск наполовину ушел в океан. Закатные краски тронули громаду грозowych туч и растворились в коротких тропических сумерках. Кладовискатели принялись укреплять на ночь дверь и окна сарая.

VI

Дрейк снял заднюю крышку передатчика и пришел в ужас от обилия проводов и ламп. Металлические коробочки были скорее всего конденсаторами, а покрытые воском цилиндрические штучки с равным успехом могли оказаться и катушками сопротивления, и чем-то еще. От одного взгляда на это непонятное и хрупкое хозяйство голова шла кругом. Как в нем разобраться? И с чего начать?

Он включил рацию и выждал несколько минут. Кажется, горели все лампы — одни ярко, другие тускло. Он не обнаружил ни одного оборванного провода. Микрофон по-прежнему не работал.

Итак, с поверхностным осмотром покончено. Следующий вопрос: получает ли рация достаточно питания?

Он включил ее и проверил батареи аккумулятора вольтметром. Батареи были заряжены до предела. Он снял свинцовые колпачки, почистил и поставил обратно, проследив, чтобы они плотно сели на место. Проверил все контакты, прошептал ластивую молитву и включил передатчик.

Передатчик все так же молчал.

Дрейк с проклятием выключил его в очередной раз. Он решил заменить все лампы, начиная с тусклых. Если это не поможет, он попробует заменить конденсаторы и катушки сопротивления. А если и это ничего не даст, то пустить себе пулю в лоб никогда не

поздно. С этой жизнерадостной мыслью он распечатал комплект запчастей и принялся за дело.

Все остальные тоже были в сарае — заканчивали подготовку к ночи. Дверь заперли и посадили на клинья. Два окна пришлось оставить открытыми для доступа воздуха — в противном случае кладоискатели просто задохнулись бы от жары. Но к каждой раме прибили по сложенной вдвое крепкой противомоскитной сетке, а у окон поставили часовых.

Через крышу из оцинкованного железа ничто не могло проникнуть, но земляной пол, хоть и был хорошо утрамбован, все же вызывал опасения. Оставалось одно — не сводить с него глаз.

Кладоискатели устраивались на ночь, которая обещала быть долгой. Дрейк продолжал возиться с передатчиком, повязав лоб носовым платком, чтобы пот не тек в глаза.

Через час зажужжало переговорное устройство. Соренсен ответил на вызов:

— Что вам нужно?

— Мне нужно, — произнес Квидак голосом Икинса, — чтобы вы прекратили бессмысленное сопротивление. Я хочу, чтобы вы со мной слились. У вас было время обдумать положение, и вы должны понимать, что другого выхода нет.

— Мы не хотим с вами сливаться, — сказал Соренсен.

— Вы должны, — заявил Квидак.

— Вы собираетесь нас заставить?

— Это сопряжено с трудностями, — ответил Квидак. — Мои звериные составляющие не годятся как инструмент принуждения. Икинс — замечательный механизм, но он у нас один. Сам я не имею права подвергаться опасности — это поставит под угрозу вышую цель Квидака.

— Получается тупик, — заметил Соренсен.

— Нет. Нам сложно только вас захватить. Убить вас совсем не трудно.

Все, кроме Дрейка, поежились, он же, занятый передатчиком, даже не поднял головы.

— Мне бы не хотелось вас убивать, — продолжал Квидак. — Но все решает высшая цель Квидака, а она подвергнется риску, если вы не вольетесь, и окажется под угрозой, если вы покинете остров. Поэтому вы или вольетесь, или будете ликвидированы.

— Мне это видится по-другому, — сказал Соренсен. — Если вы нас убьете — вы в состоянии нас убить, — вам ни за что не выбраться с острова. Икинс не справится с кечем в одиночку.

— Отплывать на кече нет никакой необходимости, — возразил Квидак. — Через полгода сюда опять зайдет рейсовая шхуна. На ней мы с Икинсом и покинем остров. К этому времени никого из вас не будет в живых.

— Вы нас запугиваете, — сказал Соренсен. — С чего вы взяли, будто сможете нас убить? Днем у вас не очень-то получилось.

Он поймал взгляд Дрейка и показал на рацию. Дрейк развел руками и вернулся к работе.

— Днем я и не пытался, — сказал Квидак. — Я займусь этим ночью. *Этой* ночью — чтобы не дать вам найти более действенную систему защиты. Сегодня ночью вы должны со мной слиться, или я убью одного из вас.

— Одного из вас?

— Да. Одного человека. Через час — другого. Возможно, это заставит оставшихся передумать и слиться. А если нет, к утру вы все погибнете.

Дрейк наклонился и шепнул Соренсену:

— Потяни резину, дай мне еще минут десять. Я, кажется, нашел, в чем загвоздка.

Соренсен произнес:

— Нам бы хотелось побольше узнать о Сообществе Квидака.

— Лучший способ узнать — это слиться.

— Но сперва мы бы все-таки хотели узнать немного больше.

— Это нельзя описать, — произнес Квидак убедительно, горячо и настойчиво. — Попробуйте вообразить, что вы — это именно вы и в то же время вас подключили к совершенно новым разветвленным системам чувств. Вы, например, можете узнать мир, каким его ощущает собака, когда бежит лесом, ориентируясь по запаху, и этот запах для нее — и для вас тоже — так же ясен, как дорожный указатель. Совсем по-другому воспринимает действительность рак-отшельник. Через него вы постигнете медленный взаимообмен жизненных форм на стыке суши и моря. У него очень замедленное чувство времени. А вот у райской птицы наоборот — она воспринимает мгновенно и все пространство разом. Каждое существо на земле, под землей и в воде, а их множество, имеет свое собственное, особое восприятие реальности, и оно, как я обнаружил, не очень отличается от мировосприятия животных, некогда обитавших на Марсе.

— А что случилось на Марсе потом? — спросил Соренсен.

— Все формы жизни погибли, — скорбно ответил Квидак. — Все, кроме Квидака. Это случилось в незапамятные времена. А до этого на всей планете долгие века царили мир и процветание. Все живые существа были составляющими в Сообществе Квидака. Но доминантная раса оказалась генетически слабой. Рождаемость все зрелая падала; последовала полоса катастроф. В конце концов вся жизнь прекратилась, остался один Квидак.

— Потрясающе, — заметил Соренсен с иронией.

— Это был дефект расы, — поспешил возразить Квидак. — У более стойкой расы, такой как на вашей планете, инстинкт жизни не будет подорван. Мир и процветание будут длиться у вас бесконечно.

— Не верю. То, что случилось на Марсе, повторится и на Земле, если вам удастся ее захватить. Проходит какое-то время, и рабам просто-напросто надоедает цепляться за жизнь.

— Вы не будете рабами. Вы будете функциональными составляющими в Сообществе Квидака.

— А править этим сообществом будет, разумеется, Квидак, — заметил Соренсен. — Как пирог ни режь, а начинка все та же.

— Вы судите о том, чего не знаете, — сказал Квидак. — Мы достаточно побеседовали. В ближайшие пять минут я готов умертвить одного человека. Намерены вы слиться со мной или нет?

Соренсен взглянул на Дрейка. Дрейк включил передатчик.

Пока передатчик нагревался, на крышу обрушились струи дождя. Дрейк поднял микрофон, постучал по нему и услышал в динамике щелчок.

— Работает, — сказал он.

В это мгновение что-то ударилось в затянутое сеткой окно. Сетка провисла: в ней трепыхался крылан, свирепо поглядывая на людей крохотными красными глазками.

— Забейте окно! — крикнул Соренсен.

Не успел он договорить, как вторая летучая мышь врезалась в сетку, пробила ее и шлепнулась на пол. Ее прикончили, но в дыру влетели еще четыре крылана. Дрейк остервенело от них отбивался, однако не сумел отогнать их от рации. Летучие мыши метили ему прямо в глаз, и Дрейку пришлось отступить. Один крылан угодил под удар и упал на землю с переломанным крылом, но остальные добрались до рации и столкнули ее со стола.

Дрейк безуспешно попытался ее подхватить. Он услышал, как лопнули лампы, но должен был защищать глаза.

Через несколько минут они прикончили еще двух крыланов, а уцелевшие удрали в окно. Окна забили досками. Дрейк наклонился и осмотрел передатчик.

— Есть надежда наладить? — спросил Соренсен.

— Ни малейшей, — ответил Дрейк. — Они выдрали все провода.

— Что же нам теперь делать?

— Не знаю.

Раздался голос Квидака:

— Вы должны немедленно дать ответ.

Никто не сказал ни слова.

— В таком случае, — произнес Квидак, — я вынужден, как ни жаль, одного из вас сейчас умертвить.

VII

Дождь хлестал по железной крыше, ветер задувал все сильнее. Издалека приближались раскаты грома. Но в сарае раскаленный воздух стоял неподвижно. Висевший на центральной балке керосиновый фонарь освещал середину помещения резким желтым светом, оставляя углы в глубокой тени. Кладонскатели подались к центру, подальше от стен, и стали спинами друг к другу, что

натолкнуло Дрейка на сравнение со стадом бизонов, сбившихся в круг для отпора волку, которого они чуют, хотя еще не видят.

Кейбл сказал:

— Послушайте, может, попробовать это Сообщество Квида-ка? Может, оно не такое уж страшное, как...

— Заткнись! — отрезал Дрейк.

— Сами подумайте, — увещевал Кейбл, — это все-таки лучше, чем помирать, — скажете нет?

— Пока никто еще не умирает, — возразил Дрейк. — Сделай милость, заткнись и гляди в оба.

— Меня сейчас, кажется, вырвет, — сказал Кейбл. — Выпусти меня, Дэн.

— Блуй, где стоишь, — посоветовал Дрейк. — И не забывай смотреть в оба.

— Нет у тебя права мне приказывать! — заявил Кейбл и шагнул было к двери, но сразу же отскочил.

В дюймовый зазор между дверью и полом пролез желтоватый скорпион. Рисетич припечатал его каблуком, растоптал в кашу тяжелым ботинком и завертелся на месте, отмахиваясь от трех ос, которые проникли через забитое окно.

— Плевать на ос! — крикнул Дрейк. — Следите за полом!

Из тени выползли несколько мохнатых пауков. Они ворочались на земле, а Дрейк и Рисетич лупили по ним прикладами. Бирнс заметил, что из-под двери вылезает огромная плоская многоножка. Он попробовал на нее наступить, промахнулся, многоножка мигом очутилась у него на ботинке, потом выше — на голый икре. Бирнс взвыл: вокруг ноги у него словно обвилась раскаленная стальная лента. Он успел, однако, раздавить многоножку, прежде чем потерял сознание.

Дрейк осмотрел ранку и решил, что она не смертельна. Он растоптал еще одного паука, но тут Соренсен тронул его за плечо. Дрейк поглядел в дальний угол, куда тот показывал.

К ним скользили две большие змеи. Дрейк признал в них черных гадюк. Обычно пугливые, сейчас они наступали с бесстрашием тигра.

Кладонскатели в ужасе заматались, пытаясь увернуться от змей. Дрейк выхватил револьвер и опустился на одно колено. Не обращая внимания на ос, которые вились вокруг, он в колеблющемся свете фонаря попытался взять на мушку изящную живую мишень.

Гром ударил прямо над головой. Долгая вспышка молнии осветила сарай, сбив Дрейку прицел. Он выстрелил, промахнулся и приготовился отразить нападение.

Змеи не стали нападать. Они уползали, отступая к крысиной норе, через которую проникли. Одна быстро проскользнула в нору, вторая двинулась следом, но остановилась на полдороге.

Соренсен тщательно прицелился из винтовки. Дрейк отвел ствол:

— Пстой-ка минутку!

Змея помешкала, затем выползла из норы и снова заскользила по направлению к ним.

Новый раскат грома и яркая вспышка. Гадюка повернула назад и, извиваясь, исчезла в норе.

— В чем дело? — спросил Соренсен. — Они испугались грозы?

— Нет, вся хитрость в молнии! — ответил Дрейк. — Вот почему Квидак так спешил. Он знал, что надвигается буря, а он еще не успел закрепиться на острове.

— Что ты хочешь сказать?

— Молния, — объяснил Дрейк. — Электрическая буря! Она глушит его радиокоманды! А когда его заглушают, звери снова становятся обычными зверями и ведут себя, как им и положено. Чтобы восстановить управление, ему требуется время.

— Буря когда-нибудь кончится, — сказал Кейбл.

— На наш бек, может, и хватит, — сказал Дрейк. Он взял пеленгаторы и вручил один из них Соренсену. — Пойдем, Билл. Мы выследим эту тварь прямо сейчас.

— Эй, — позвал Рисетич, — а мне что делать?

— Можешь пойти поплавать, если мы через час не вернемся, — ответил Дрейк.

Дождь сек косыми струями, подгоняемый яростными порывами юго-западного ветра. Гром грохотал не смолкая, и каждая молния, как казалось Дрейку и Соренсену, метила прямо в них. Они дошли до джунглей и остановились.

— Здесь мы разойдемся, — сказал Дрейк. — Так больше шансов сойтись на Квидаке.

— Верно, — согласился Соренсен. — Береги себя, Дэн.

Соренсен нырнул в джунгли. Дрейк прошел пятьдесят ярдов вдоль опушки и тоже шагнул в заросли.

Он продирался напрямик; за поясом у него был револьвер, в одной руке пеленгатор, в другой — фонарик. Джунгли, чудилось ему, жили своей собственной злой жизнью, как будто ими управлял Квидак. Лианы коварно обвивались вокруг ног, а кусты стремились заключить его в свои цепкие объятия. Каждая ветка так и норовила хлестнуть его по лицу, словно это доставляло ей особое удовольствие.

Пеленгатор отзывался на разряд при каждой вспышке, так что Дрейк с большим трудом держался курса. Но Квидаку, конечно, достается еще и не так, напоминал он себе. В перерывах между разрядами молний Дрейк выверял пеленг. Чем глубже он забирался в джунгли, тем сильнее становился сигнал Квидака.

Через некоторое время он отметил, что промежутки между вспышками увеличиваются. Буря уносила к северу. Сколько еще молнии будут ему защитой? Десять, пятнадцать минут?

Он услышал поскуливание и повел фонариком. К нему приближался его пес Оро. Его ли? А может, Квидака?

— Давай, старина, — подбодрил Дрейк. Он подумал, не бро-

силь ли пеленгатор, чтобы вытащить из-за пояса револьвер, но не знал, будет ли тот стрелять после такого ливня.

Оро подошел и лизнул ему руку. Его пес. По крайней мере, пока не кончилась буря.

Они двинулись вместе. Гром переместился на север. Сигнал в пеленгаторе звучал во всю силу. Где-то тут...

Он увидел свет от другого фонарика. Навстречу ему вышел запыхавшийся Соренсен. В зарослях он порядком ободрался и поцарапался, но не потерял ни винтовки, ни пеленгатор с фонариком.

Оро яростно заскреб лапами перед кустом. Все озарилось долгой вспышкой, и они увидели Квидака.

В эти последние секунды до Дрейка дошло, что дождь кончился. Перестали сверкать и молнии. Он бросил пеленгатор. Наставив фонарик, он попытался взять на прицел Квидака, который зашевелился и прыгнул...

На шею Соренсену, точно над правой ключицей.

Соренсен вскинул и опустил руки. Он повернулся к Дрейку и, не дрогнув ни единым мускулом, поднял винтовку. У него был такой вид, словно убить Дрейка — единственная цель его жизни.

Дрейк выстрелил почти в упор. Пуля развернула Соренсена, и он упал, выронив винтовку.

Дрейк склонился над ним с револьвером наготове. Он понял, что не промахнулся. Пуля вошла как раз над правой ключицей. Рана была скверная. Но Квидаку, который оказался непосредственно на пути пули, пришлось много хуже. От него только и осталось, что с пяток черных капель на рубашке Соренсена.

Дрейк торопливо забинтовал Соренсена и взвалил на спину. Он спрашивал себя, как бы он поступил, очутись Квидак над сердцем Соренсена, или на горле, или на лбу.

Лучше не думать об этом, решил Дрейк.

Он двинулся назад в лагерь, и его пес затрусил с ним рядом.

ХРАНИТЕЛЬ

Он приходил в сознание медленно, понемногу начиная ощущать боль во всем теле, ушибы и пульсирующую опухоль на животе. Он попробовал вытянуть ноги. Ноги ничего не коснулись, и он вдруг понял, что его тело не имеет никакой опоры. Я мертвец, решил он, свободно плавающий в пространстве.

Плавающий? Он открыл глаза. Да, он именно плавал. Прямо над ним находился потолок... а может быть, пол? Он едва удержался от крика, моргнул; зрение вдруг приобрело четкость, и он увидел, что его окружает.

И понял, что находится в космическом корабле. Кабина напоминала бойню: вокруг него дрейфовали ящики и приборы,

явно вырванные из своих мест каким-то внезапным резким толчком. По полу тянулись обгоревшие провода. Выдвижные ящики настенного стеллажа сплавились в единый монолит.

Он внимательно всматривался в окружающую обстановку, но ничего не узнавал. Насколько ему известно, все это он видел впервые. Вытянув руку, он оттолкнулся от потолка и поплыл вниз, затем, оттолкнувшись уже от пола, сумел ухватиться за настенный поручень. Крепко ухватившись за перила, он попытался собраться с мыслями.

— Всему этому, несомненно, есть логическое объяснение, — произнес он вслух, просто ради того, чтобы услышать собственный голос. — Осталось лишь только вспомнить, какое.

Вспомнить...

Как его имя?

Он не знал.

— Эй, — крикнул он. — Есть здесь кто-нибудь?

Слова эхом отразились от стен узкого прохода. Ответа не было.

Уворачиваясь от дрейфующих ящиков, он пролетел через кабину и спустя полчаса понял, что на корабле кроме него никого нет.

Он снова вернулся в нос корабля, где находился длинный пульт с установленным перед ним мягким креслом. Он пристегнулся ремнями к креслу и принялся изучать пульт.

На пульте было два экрана, большой и малый. Под большим располагались две кнопки, помеченные как «передний» и «задний обзор». Под кнопками имелась откалиброванная шкала. Малый экран не имел никакой маркировки.

Не найдя других элементов управления, он нажал кнопку переднего обзора. Экран прояснился, показав черное пространство со светящимися точками звезд. Он очень долго, разинув рот, смотрел на них, затем повернулся к экрану спиной.

Во-первых, сказал он себе, необходимо собрать воедино все, что я знаю, и посмотреть, какие из этого можно сделать выводы. Итак...

— Я — человек, — сказал он. — Нахожусь в космическом корабле, в космосе. Мне известно, что существуют звезды и планеты. Теперь посмотрим дальше...

Он имел определенные познания в астрономии, еще меньшие — в физике и химии. Он помнил кое-что из английской литературы, но не мог вспомнить никаких имен, кроме Тройдзела, популярного романиста. Он знал имена авторов некоторых исторических книг, однако совершенно не помнил их содержания.

А еще он знал, что название этому — амнезия.

Внезапно он испытал огромное желание увидеть себя, взглянуть на свое собственное лицо. Тогда наверняка вернутся и память, и самосознание. Он снова поплыл по кабине, разыскивая зеркало.

Здесь был еще один настенный стеллаж с выдвижными ящичка-

ми. Он стал поспешно открывать их, выбрасывая содержимое в невесомость. В третьем ящике он обнаружил бритвенный футляр с маленьким стальным зеркальцем и принялся озабоченно изучать собственное отражение.

Бледное вытянутое лицо неправильной формы. Черная щетина на подбородке. Бескровные губы.

Лицо незнакомца.

Он подавил начавшуюся было панику и бросился обыскивать кабину, в надежде отыскать какой-нибудь ключ, позволяющий идентифицировать собственную личность. Он торопливо хватал пролетающие мимо ящики и вытряхивал из них содержимое, однако не находил ничего, кроме пищи и воды.

Тогда он обежал взглядом всю кабину.

В углу плавал опаленный листок бумаги. Он поймал его.

«Дорогой Рэн, — начиналась записка. — Химики очень торопились и делали проверку пептина наспех, в последнюю минуту. Похоже, есть большая вероятность потери памяти. Что-то связанное с сильноедействием препарата плюс околошоковое состояние после того, что ты перенес, — не важно, сознаешь ли ты сам это или нет. Они поставили нас в известность только *сейчас!* Я наскоро пишу тебе весточку за четырнадцать минут до времени ноль, просто как напоминание в случае, если они окажутся правы.

Во-первых, не ищи никакого управления кораблем. Все автоматизировано, или, по крайней мере, должно быть, если эта груда склеенного картона выдержит. (Не вини техников, у них практически не было времени закончить его и отправить до вспышки.)

Твой курс выбирается с помощью автоматической системы планетарной селекции тютеляка в тютелюку. Не думаю, что ты способен забыть теорию Марчелли, но в случае, если ты все же ее забудешь, не волнуйся насчет посадки у каких-нибудь восемнадцатиголовых разумных сороконожек. Ты достигнешь планеты с гуманоидной жизнью, потому что она *обязательно должна быть гуманоидной*.

Ты, возможно, окажешься немного побитым после старта, но пептин поможет тебе выкарабкаться. Если кабина окажется в беспорядке, то только лишь потому, что мы не имели времени проверить все допуски на прочность.

Теперь насчет миссии. Сразу же обратиться к помощи Проектора Один в ящике Пятнадцать. Предохранительная защита установлена на самоуничтожение после одного просмотра, убедись, что ты понял это. Миссия абсолютной важности, док, и каждый мужчина и женщина Земли с тобой. Не дай нам потерпеть крах».

Под текстом стояла подпись какого-то Фреда Андерсона.

Рэн, автоматически используя имя, названное в письме, осмотрелся в поисках ящика Пятнадцать. И сразу обнаружил, где

тот находился. Ящики с Одиннадцатого по Двадцать Пятый оказались искорежены и оплавлены, а их содержимое уничтожено.

Теперь лишь обгорелый листок бумаги связывал его с прошлым, друзьями и всей Землей. Однако, хотя потеря памяти все же имела место, стало заметно легче оттого, что этому нашлось какое-то объяснение.

Но в чем же дело? Почему корабль отправляли в такой спешке? Зачем в корабль поместили именно его? И почему он один?

Да и вся миссия чрезвычайной важности — если она так жизненно необходима, — почему ее не обезопасили лучшим образом?

Записка ставила больше вопросов, чем давала ответов. Нахмурившись, Рэн снова подплыл к пульту. И опять посмотрел на экран с видом звездного неба, пытаясь понять причину.

Может, все дело в страшной болезни, а он единственный, кто оказался незараженным? И тогда построили корабль и отправили его в космос. А миссия? Контакт с другой планетой, поиск противоядия и доставка его на Землю...

Бредятина.

Он снова оглядел пульт и нажал кнопку заднего обзора.

И едва не потерял сознания. Слепящий, обжигающий глаза свет заполнил все поле экрана. Он поспешно уменьшил яркость изображения и, наконец, уяснил, что это. И в письме упоминалась вспышка.

Теперь Рэн знал точно, что Солнце превратилось в Сверхновую, а Земля полностью уничтожена.

Часов на корабле не оказалось, и доктор Рэн не имел представления, сколько длился его полет. В течение долгого времени он, потрясенный случившимся, метался по кораблю, постоянно возвращаясь к экрану.

По мере разгона корабля яркость Сверхновой уменьшалась.

Рэн ел и спал. Он облазил весь корабль, изучая и исследуя его. На пути все время попадались плавающие в невесомости ящики, и он просто подтягивал их к себе и осматривал содержимое.

Дни прошли, или недели?

Спустя некоторое время Рэн начал соединять известные ему факты в единое целое. Имелись, конечно, пробелы и вопросы, а, возможно, и неверное понимание, но начало было положено.

Итак, его выбрали, чтобы отправить в корабле в космос. Не как пилота, поскольку корабль был полностью автоматизирован, а по какой-то иной причине. В письме его называли «док». Возможно, это значило, что он доктор.

Вопрос: какой доктор?

Он не знал.

Создатели корабля понимали, что Солнце превращается в

Сверхновую и, очевидно, не имели возможности спасти значительную часть населения Земли. Вместе с тем они пожертвовали собой и всеми остальными, чтобы спасти его.

Опять вопрос: почему именно его?

От него ждали исполнения работы чрезвычайной важности. Такой важности, что буквально все без исключения были подчинены ей, и даже гибель самой Земли отходила на второй план по сравнению с завершением миссии.

И снова вопрос: в чем заключается эта миссия?

Доктор Рэн просто представить себе не мог ничего столь важного. Однако у него не имелось никаких иных предположений, которые хотя бы приближались к объяснению известных ему фактов.

Тогда он попытался подойти к проблеме, опираясь на другую точку зрения.

Что бы он сделал в первую очередь, спрашивал он себя, если бы знал, что в ближайшее время Солнце превратится в Сверхновую, а он имеет возможность спасти лишь ограниченное число людей?

Он бы послал пары, по крайней мере одну пару в попытке увековечить человеческий род.

Но, очевидно, лидеры Земли не видели решения проблемы подобным способом.

По прошествии еще какого-то времени засветился, подавая признаки жизни, малый экран. На нем загорелась надпись: *Планета. Контакт через 100 часов.*

Он сел перед пультом и стал наблюдать. Прождал очень долго, пока не изменились цифры. *Контакт через 99 часов.*

В запасе оставалась еще уйма времени. Он поел и вернулся к наведению порядка на корабле.

Устанавливая ящики в сохранившиеся ячейки стеллажей, он обнаружил тщательно упакованный и надежно привязанный аппарат, который сразу определил как проектор. На боку аппарата была выгравирована большая цифра «2».

Запасной, решил Рэн, и его сердце учащенно забилося. Почему же он раньше не подумал об этом? Он приставил к глазам окуляр и нажал на кнопку.

Просмотр фильма занял больше часа. Он начинался с поэтического обзора Земли, показа городов, полей, лесов, рек и океанов, а также людей, животных и всего остального, представленного в коротких зарисовках. Фильм шел без звукового сопровождения.

Камера переключилась на обсерваторию, визуально объясняя ее назначение. Было показано обнаружение солнечной неустойчивости, лица астрофизиков, открывших ее.

Затем началась гонка со временем и скоростная постройка корабля. Он увидел себя поднимающимся на борт и улыбающимся

в камеру, пожимающим чью-то руку и исчезающим внутри. Здесь фильм заканчивался. Нужно было запечатать камеру, сделать ему инъекцию и после отправить в полет.

Начался другой ролик.

«Привет, Рэн», — раздался голос, и появилось изображение крупного спокойного мужчины в костюме, который с экрана смотрел на Рэна. — «Не могу противиться представленной возможности снова поговорить с тобой, доктор Эллис. Сейчас ты в глубоком космосе и несомненно видел Сверхновую, уничтожившую Землю. Ты остался, смею сказать, один.

Но ты им не будешь, Рэн. Как полномочный представитель народа Земли, я воспользовался этой последней возможностью пожелать тебе удачи в твоей великой миссии. Я не должен напоминать тебе, что все мы с тобой. Не чувствуй себя одиноким.

Ты, конечно, видел фильм в Проекторе Один и имеешь полное понимание о своей миссии. Эта часть фильма — с моим лицом и голосом — будет автоматически уничтожена в нужный момент. Естественно, пока мы не можем посвятить неземлян в нашу маленькую тайну.

Они и сами вскоре поймут. Ты можешь свободно объяснять им все, что останется на этой пленке. Таким образом ты расположишь их к себе. Не упоминай, естественно, о величайшем открытии и технологии его применения. Если они захотят иметь сверхсветовой двигатель, скажи правду, что ты не знаешь принципа его действия, поскольку он был изобретен лишь за год до превращения Солнца в Сверхновую. Объясни им, что любое вмешательство в конструкцию корабля приведет к разрушению двигателей.

Счастливо, доктор. И удачной охоты».

Лицо исчезло, и аппарат загудел сильнее, уничтожая запись последнего ролика.

Рэн аккуратно упаковал проектор, уложил его в ящик, ящик привязал к стеллажу, а сам вернулся к пульта.

Надпись на экране сообщала: *Контакт через 97 часов.*

Он уселся в кресло и попытался систематизировать факты с учетом новых данных. Напрягая память, он смутно вспомнил великую и миролюбивую цивилизацию Земли, уже почти готовую отправиться к звездам, когда была обнаружена нестабильность Солнца. Открытие сверхсветовой скорости произошло слишком поздно.

Несмотря на все это, именно его выбрали, чтобы отправить в космос на спасающемся корабле. Сверхсветовую скорость по какой-то необъяснимой причине применили исключительно для него. Порученное ему дело, очевидно, считалось куда более важным, чем любые попытки, направленные на выживание расы в целом.

Он должен войти в контакт с разумной жизнью и поведать им о Земле. И в то же время должен воздерживаться от любого

упоминания о величайшем открытии и полученной в его результате технологии.

Чем бы они ни были.

А затем он должен исполнить свою миссию.

Он почувствовал себя на пределе срыва. Он не мог вспомнить.

Ну почему эти дураки не выгравировали инструкцию на бронзе?

В чем может заключаться подобная миссия?

И снова надпись на экране: *Контакт через 96 часов.*

Доктор Рэн Эллис вжался в кресло пилота и заплакал от явного крушения планов Земли.

Приборы огромного корабля изучили, определили пробы и доложили обстановку. Малый экран ожил. *Хлорсодержащая атмосфера. Жизнь отсутствует.*

Информация была передана в корабельные селекторы. Одни цепи замкнулись, другие разомкнулись, и вот избран новый курс, и корабль начал разгон.

Доктор Эллис ел, спал и размышлял.

Подлетели еще к одной планете. Она была изучена и отвергнута.

Доктор Эллис продолжал размышлять и сделал одно не слишком значительное открытие.

Оказывается, он обладал фотографической памятью. Он обнаружил это, вспоминая фильм. Он мог восстановить в памяти любой эпизод длившейся больше часа ленты, каждое лицо, каждое движение.

Он поэкспериментировал над собой и понял, что данная способность постоянна. Сначала это немного беспокоило его, пока он не догадался, что, видимо, сей фактор и сыграл роль в отборе. Фотографическая память давала полное преимущество в изучении нового языка.

Вот уж где ирония судьбы, подумал он. Великолепная память при полном ее отсутствии.

И третья планета была отвергнута.

В попытках разгадать природу своей миссии, Эллис рассматривал разнообразные варианты, которые только могли прийти ему в голову.

Сооружение гробницы Земле? Возможно. Но к чему же тогда крайняя необходимость, подчеркнутая важность?

А возможно, он послан в качестве учителя. Последний благородный жест Земли для обучения некоторых обитаемых планет путям мира и согласия.

Но при чем здесь доктор, для такой-то работы? Да это и не логично. На подобную науку у людей уходят тысячелетия, а не несколько лет. И, кроме того, данное предположение вовсе не соответствует настрою двух посланий. Оба человека, и тот, что в

фильме, и написавший записку, казались весьма практичными людьми, и совсем не вписывались в образ альтруистов.

Вот и четвертая планета, попавшаяся на пути, была проверена и отвергнута.

И что, размышлял доктор Эллис, считалось «великим открытием»? Если не сверхсветовая скорость, тогда что? Скорее всего какое-нибудь философское знание. Путь, каким человечество может прийти к миру и жить в нем, или нечто вроде этого?

Но тогда почему ему не полагалось о нем упоминать?

Экран вспыхнул, показывая содержание кислорода на пятой планете. Поначалу Эллис проигнорировал данное сообщение, но вдруг заметил, как, пробуждаясь к жизни, в глубине корпуса корабля загудели генераторы.

Приготовиться к посадке — высветилась надпись на экране.

Сердце Эллиса конвульсивно сжалось, и ему на миг стало трудно дышать.

Вот оно. Страх рос по мере увеличения гравитации. Он старался перебороть этот ужас, но безуспешно. И когда корабль явно пошел на снижение и ремни ощутимо врезались в тело, он закричал.

На большом экране появилось изображение зелено-голубой кислородосодержащей планеты.

И тут Эллис вспомнил.

«Резкий выход из глубокого космоса в планетарную систему подобен родовому шоку».

Обычная реакция, сказал он себе, легко поддающаяся контролю любого психиатра.

Психиатра!

Доктор Рэндольф Эллис. Психиатр. Теперь он знал, что он за доктор. Он напрягал всю свою память в поисках дополнительной информации. Безрезультатно.

Зачем Земля отправила в космос психиатра?

Доктор Эллис потерял сознание, когда корабль с пронзительным боем вошел в атмосферу.

Его обнаружили сразу же после приземления. Расстегнув ремни, Эллис включил обзорные экраны. К кораблю неслись какие-то машины, битком набитые людьми. На первый взгляд человекоподобными.

Пришло время принимать решение, от которого будет зависеть вся его жизнь на этой планете. Что он должен делать? Какие избрать действия?

Немного подумав, Эллис решил положиться на импровизацию. Тем более, что пока он не выучит язык, никакое общение невозможно.

А уж после он может сказать, что послан с Земли, чтобы... чтобы...

Что?

Придет время, и он придумает что. Взглянув на выведенную на экран информацию, Эллис увидел, что воздух планеты пригоден для дыхания.

Открылся шлюз и доктор Рэндольф Эллис вышел наружу.

Корабль произвел посадку на континент, называемый Кредд, а тамошние жители звались кредданами. В политическом отношении планета достигла стадии единого мирового правительства, но столь недавно, что обитателей все еще разделяли по прежним политическим системам.

Имея фотографическую память, Эллис не встретил трудностей в изучении кредданского языка, имевшего обычную языковую основу на ключевых словах. Люди, по-видимому, ведущие свое происхождение от схожего с человеком корня, казались не более чуждыми, чем иные представители его собственной расы. Эллис был уверен, что это предусмотрено создателями корабля, системы которого отвергали любых других разумных существ. Чем больше он размышлял об этом, тем больше росла уверенность, что миссия основывалась на подобном сходстве.

Эллис учился, изучал и думал. Как только он достаточно овладеет языком, предстоит встреча с правящим советом. Именно этой встречи он боялся и оттягивал ее как можно дольше. Тем не менее время аудиенции все-таки пришло.

Его провели через залы Здания Совета, и он оказался у двери Главного Зала Заседаний. Эллис вошел внутрь, держа подмышкой проектор.

— Добро пожаловать, — сказал ему председатель совета. Эллис ответил приветствием и представил свои фильмы. Обсуждение началось лишь после того, как их посмотрели все.

— Значит, вы — последний представитель своей расы? — спросил председатель. Эллис кивнул, глядя прямо в дружелюбное, изборожденное морщинами, старческое лицо.

— Почему ваш народ послал именно вас? — поинтересовался один из членов совета. — Почему же не послали двоих: мужчину и женщину?

Именно этот вопрос, подумал Эллис, я постоянно задаю себе сам.

— Я не могу объяснить психологию моей расы в нескольких словах, — сказал он им. — Ответ на наше решение содержится в самом смысле нашего существования.

Лишенная смысла ложь, подумал он про себя. Однако что еще ему оставалось ответить?

— Все же вам как-нибудь придется объяснить нам психологию своей расы, — заявил член совета.

Эллис кивнул, глядя поверх голов членов совета. Он осознавал эффект, который произвел на них прекрасно подготовленный

фильм. Они должны быть довольны этим последним представителем великой расы.

— Мы очень заинтересованы вашими достижениями в области движения со сверхсветовой скоростью, — сказал еще один член совета. — Вы сможете нам помочь в овладении этим знанием?

— Боюсь, нет, — ответил Эллис. Он уже выяснил, что их уровень технологии предшествовал атомной, отставая от земной на несколько столетий. — Я не ученый и не знаю ни конструкции, ни способа действия подобного двигателя. Это была наша самая последняя разработка.

— Мы и сами сможем разобраться с ним, — заявил член совета.

— Не уверен в мудрости подобного решения, — ответил Эллис. — Мой народ не считал благоразумным предоставлять планете технологическую продукцию, превосходящую имеющийся уровень технических достижений. При постороннем вмешательстве двигатели переключатся на режим самоуничтожения.

— Вы сказали, что вы не ученый, — вежливо сменил тему пожилой председатель. — Тогда позвольте узнать, кто вы?

— Психиатр, — ответил Эллис.

Беседа продолжалась несколько часов. Эллис увиливал, хитрил и выдумывал, пытаясь скрыть пробелы в своей памяти. Совет хотел знать о всех фазах земной жизни, о всех подробностях психологических и общественных достижений. Их поразила земная методика определения преднового состояния звезды. Они хотели знать, с какой целью послали именно его? И, наконец, в виду предстоящего одиночества, не имела ли его раса склонности к самоубийству?

— Мы еще о многом побеседуем с вами в будущем, — сказал председатель совета, заканчивая заседание.

— Буду счастлив ответить на все, что в моих силах, — ответил Эллис.

— Похоже, этого будет не так уж много, — заметил один из членов совета.

— Ну, Элгт, не забывайте о потрясении этого человека, — проговорил председатель. — Вся его раса уничтожена. И я не уверен, что мы способны до конца излечить его от подобной потери.

Он повернулся к Эллису.

— Вы, уважаемый, оказали нам неизмеримую помощь. Например, теперь мы знаем о возможности управлять энергией атома, поэтому можем вести целенаправленные исследования в этой области. Конечно, правительство воздаст вам должное за такую помощь. Чем бы вы хотели заняться?

Эллис помедлил, размышляя об ответе.

— Хотели бы вы возглавить проект музея-мемориала Земли? Монумента нашему великому народу?

«В том ли моя миссия?» — подумал Эллис и отрицательно покачал головой.

— Я врач, уважаемый. Психиатр. Не мог бы я помочь в этом качестве?

— Но ведь вы не знаете нашего народа, — заботливо проговорил председатель. — У вас уйдет вся жизнь на изучение природы наших трудностей и проблем до уровня, дающего право на практику.

— Верно, — согласился Эллис. — Но наши расы очень похожи. И развитие наших цивилизаций шло сходными путями. Поскольку я представляю более развитые психологические традиции, мои методики могут оказаться полезными для ваших врачей.

— Конечно, конечно, доктор Эллис. Я не смею ошибаться, недооценивая представителя вида, совершившего межзвездный перелет. — Пожилой председатель печально улыбнулся. — Я лично представляю вас руководителю одной из наших клиник.

Председатель поднялся с места.

— Пойдемте со мной.

С учащенно бьющимся сердцем Эллис последовал за ним. Его миссия должна быть каким-то образом связана с психиатрией. Иначе зачем же послали именно психиатра? Но он до сих пор не имел понятия о том, что ему предназначалось делать. Но что самое скверное, он практически ничего не мог вспомнить из своей психиатрической квалификации.

— Думаю, это забота тестирующей аппаратуры, — заявил врач, глядя на Эллиса поверх очков. Врач был молод, круглолиц и горел желанием учиться у старшей земной цивилизации. — Вы можете предложить какие-то усовершенствования?

— Мне нужно более подробно ознакомиться с установкой, — ответил Эллис, следуя за врачом по длинному бледно-голубому коридору. Тестирующая аппаратура поражала абсолютной бессмысленностью.

— Мне даже не стоит вам говорить, как я рад выдавшейся возможности, — сообщил врач. — Я несколько не сомневаюсь, что вы, земляне, раскрыли многие тайны мозга.

— О, да, — согласился Эллис.

— А там, внизу, у нас палаты, — объяснил врач. — Хотите посмотреть?

— Отличная мысль. — Эллис, сердито теребя губу, шел за врачом. Память не возвращалась. В настоящий момент он имел познания в психиатрии на уровне рядового обывателя. Если вскоре ничего не произойдет, он будет вынужден признаться в том, что у него амнезия.

— В этой палате, — объяснил врач, — мы содержим несколько тихих больных.

Эллис зашел за ним в палату и посмотрел на пустые бессмысленные лица троих пациентов.

— Кататоник, — пояснил доктор, указывая на первого. — Не думаю, что вы лечите таких.

Врач улыбнулся самым естественным образом.

Эллис не ответил. В его мозгу возникло иное воспоминание.

«Разве это этично?» — спросил доктор Эллис, но не здесь, а в похожей палате на Земле.

«Конечно», — ответил кто-то. — «Мы не вмешиваемся в нормальных. Но идиоты, абсолютно безнадежные психи, которые никогда не смогут использовать свой разум, совсем другое дело. Не следует считать, что мы их обворовываем. Это, скорее, милосердие...»

Вот и все, не больше. Эллис не знал, с кем он разговаривал. С другим врачом, наверное. Они обсуждали какой-то новый метод работы с дефективными. Новый способ лечения? Возможно. При чем сильнодействующий, судя по удовлетворению говорившего.

— Вы нашли способ лечения для подобных случаев? — спросил луноликий врач.

— Да, конечно, — ответил Эллис, унимая нервную дрожь в руках.

Врач отступил на шаг и уставился на Эллиса.

— Но это невозможно! Вы не можете исправить мозг, имеющий органические нарушения, износ или явный недостаток развития...

Эллис едва сдержался.

— Вы слушайте *меня*, я говорю *вам*. Вперед, доктор.

Эллис посмотрел на больного, лежащего на первой кровати.

— Пришлите мне каких-нибудь ассистентов, доктор.

Врач поколебался немного, затем быстро вышел из палаты.

Склонившись над кататоником, Эллис взглянул ему прямо в глаза. Он был уверен в том, что делает, но все же протянул руку и коснулся лба больного.

В мозгу Эллиса что-то щелкнуло. Кататоник мгновенно потерял сознание. Эллис немного подождал, однако дальше ничего не происходило. Тогда он подошел к другому больному и повторил процедуру.

Этот тоже потерял сознание, то же самое случилось и с третьим.

Врач вернулся с двумя помощниками, с вытаращенными от удивления глазами.

— Что произошло? — спросил он. — Что вы с ними сделали?

— Не знаю, воздействуют ли наши методы на ваших людей, — резко ответил Эллис. — Пожалуйста, оставьте меня ненадолго одного, совсем одного. Мне необходимо сосредоточиться...

И отвернулся от больных.

Врач начал было что-то говорить, но потом, передумав, тихо вышел из палаты вместе с ассистентами.

Обливаясь нервным потом, Эллис прощупал пульс у первого больного. Есть. Эллис принялся расхаживать по палате.

Он явно обладал какой-то силой. Он способен наносить психический удар. Отлично. Итак, нервы-соединения. Сколько же нервных связей в мозге человека? Какая-то фантастическая цифра, десять в двадцать пятой степени. Нет, кажется, неверно. Но все равно цифра фантастическая.

Что это значит? А это значит, что он уверен в себе.

Первый больной застал и сел. Эллис подошел к нему. Человек поднял голову и снова застал. Возможно, Земля нашла ответ на безумие. И в качестве последнего дара вселенной, его послали, чтобы исцелять...

— Как вы себя чувствуете? — спросил он у пациента.

— Неплохо, — ответил тот... по английски!

— Что вы сказали? — от удивления у Эллиса перехватило дыхание. Он даже решил, что произошла некая мыслепередача. Передал ли он больному собственное понимание английского? Посмотрим, не переключение ли это нагрузки от поврежденных нервных связей к незадействованным...

— Я чувствую себя отлично, док. Классная работа. Мы были не совсем уверены, что эта обмотанная проволокой картонка, именуемая кораблем, выдержит и не распадется на части, но, как я тебе уже говорил, это было лучшее, что мы могли сделать при данных...

— Кто вы?

Больной встал с кровати и посмотрел по сторонам.

— Все аборигены ушли?

— Да.

— Я — Хайнс. Представитель Земли. Что с тобой, Эллис?

— А эти двое...

— Доктор Клайтель.

— Фред Андерсон.

Назвавшийся Хайнсом внимательно осмотрел свое тело.

— Мог бы подыскать мне «носителя» получше, Эллис. По старой дружбе. Впрочем, неважно. Что случилось, дружище?

Эллис объяснил про потерю памяти.

— А разве ты не получил запись?

Эллис рассказал обо всем.

— Память мы тебе вернем, не волнуйся, — заявил Хайнс. — Великолепное ощущение — снова быть в теле. Владеть им.

Тут открылась дверь, и в комнату заглянул молодой врач. Увидев пациентов, он не смог сдержать удивленного крика:

— Вы сделали это! Вы способны...

— Доктор, пожалуйста, — оборвал его Эллис. — Не надо шуметь. Должен вас попросить не тревожить нас хотя бы час.

— Конечно-конечно, — с уважением произнес врач, убрав голову и закрыл за собой дверь.

— Как это возможно? — спросил Эллис, глядя на троих пациентов. — Я не понимаю...

— Великое открытие, — пояснил Хайнс. — Неужели не помнишь? Ты работал над ним. Нет? Андерсон, объясни.

К Эллису очень медленно подошел третий пациент. Тут Эллис заметил, что прежде бессмысленные лица больных начали приобретать осмысленные выражения.

— Разве не помнишь, Эллис, про исследования личностных факторов?

Эллис отрицательно помотал головой.

— Ты искал наименьший общий знаменатель человеческой жизни и личности. Источник оных, если желаешь. А сами исследования начались почти век назад, с открытием Оргеля, что личность не зависит от тела, хотя само тело и оказывает определенное воздействие на нее. Теперь вспомнил?

— Нет. Продолжай.

— Проще говоря, ты и еще тридцать человек из вашей группы выяснили, что минимальная бесконечно малая частица личности является независимой нематериальной субстанцией. Ты назвал ее М-молекулой. И она представляет собой комплекс ментальной модели.

— Ментальной?

— То есть нематериальной, — пояснил Андерсон. — И она может быть передана от одного носителя к другому.

— Прямо как имущество, — пробормотал Эллис.

Андерсон, заметив в дальнем углу палаты зеркало, подошел к нему, чтобы изучить свое новое лицо. Увидев отражение, он вздрогнул и вытер с губ слюну.

— Древние мифы об обиталище духа не так уж далеки от истины, — заметил доктор Клайтель. Из троих он оказался единственным, кто носил новое тело с непринужденностью. — Всегда находились люди, обладающие способностью отделять свои души от тел. Астральная проекция и тому подобное. Однако до недавнего времени не представлялось возможности локализовать личность, пока не была использована процедура инвариантного разделения и ресинтезирования.

— То есть это означает, что вы бессмертны? — спросил Эллис.

— Ну, нет, — заявил Андерсон, снова подходя к Эллису. Он корчил разнообразные гримасы в попытке сдержать непроизвольное слюновыделение своего носителя. — Личность тоже имеет ограниченное время жизни. Оно, конечно, больше срока службы тела, но пока ограничена пределом.

Ему, наконец, удалось остановить слюновыделение.

— Однако личность может сохраняться в бездействии неопределенно долгий период времени.

— А какое лучшее место для хранения нематериальной молекулы, чем твой собственный мозг? — вставил Хайнс. — Твои

нервные соединения дали приют всем нам, Эллис. Там есть множество комнат. Ведь количество связей в человеческом мозге измеряется десятками в...

— Про это я помню, — сказал Эллис. — И начинаю понимать.

Теперь он знал, почему выбрали его. Для такой работы необходим именно психиатр, имеющий доступ к носителям. И готовили его особым способом. Ну и, конечно, креданам не полагалось знать о миссии и М-молекуле. Они могли бы весьма недружелюбно отнестись к собственному народу, хотя и дефективному, узнай о том, что их телами обладают земляне.

— Смотрите-ка, — произнес Хайнс. Он как зачарованный глядел на загнутые назад пальцы. Хайнс обнаружил, что его носитель обладает вдвойне большим по сравнению с человеческой рукой количеством суставов. Остальные двое изучали свои тела так же, как человек коня. Они загибали руки, напрягали мышцы, пробовали ходить.

— Но, — спросил Эллис, — как будет раса.. я имею в виду, как насчет женщин?

— Заполучим побольше носителей обоих полов, — пояснил Хайнс, все еще пробуя согнуть свои пальцы. — Ты станешь величайшим врачом этой планеты, и всех дефективных для лечения начнут направлять только к тебе. Естественно, мы все будем хранить в тайне. Никто не проболтается раньше времени.

Он помолчал немного и усмехнулся.

— Эллис, ты понимаешь, что это означает? Земля не погибла! Она будет жить снова!

Доктор Эллис кивнул. И все же ему было трудно идентифицировать крупного вежливого Хайнса из фильма со стоявшим перед ним визгливым пугалом. Всем понадобится и время, и хорошая приспособляемость.

— Пора приниматься за дело, — заявил Андерсон. — После того как ты обслужишь всех дефективных на этой планете, мы перезаправим корабль и снова отправим тебя.

— Куда? — спросил Эллис. — На другую планету?

— Конечно. Здесь от силы наберется около нескольких миллионов носителей, поскольку нормальных людей мы не трогаем.

— Только?! Так сколько же людей во мне хранится?

Из холла послышались голоса.

— Ты действительно сундук, — ухмыляясь, проговорил Хайнс. — Быстро по койкам, парни. Я, кажется, слышу голос врача. Сколько, спрашиваешь? Население Земли насчитывало порядка четырех миллиардов. И все они в тебе.

МАТ

Игроки встретились за грандиозной и бесконечной доской космоса. Плавнодвигающиеся светящиеся точки, служившие им фигурами, составляли две разделенные пространством комбинации. По начальному расположению фигур, еще даже до первого хода, исход игры был уже предreshen.

Оба соперника видели это и знали, кто из них победит. Но продолжали игру.

Потому что партию следовало довести до конца.

— Нильсон!

Лейтенант Нильсон с блаженной улыбкой сидел перед оружейным пультом. На обращение он не отреагировал.

— Нильсон!

Лейтенант посмотрел на свои пальцы взглядом недоуменного ребенка.

— Нильсон! Ну-ка, оторвись от клавиатуры! — Над лейтенантом стремительно выросла фигура генерала Брэнча. — Ты слышишь меня, лейтенант?

Нильсон вяло кивнул и снова посмотрел на пальцы, однако его вниманием тут же опять завладел светящийся строй кнопок на оружейном пульте.

— Классно, — сказал он.

Генерал Брэнч ворвался в кабину, схватил лейтенанта за плечи и хорошенько встряхнул.

— Классная штука, — указывая на пульт, улыбнулся генералу Нильсон.

Маргрэйвс, второй по чину в команде, просунул голову в дверь. На рукаве у него все еще красовались сержантские нашивки, поскольку его произвели в полковники всего три дня назад.

— Послушай, Эд, прибыл представитель президента, — сообщил он. — Незапланированный визит.

— погоди, — отозвался Брэнч. — Я захочу закончить инспекцию.

Он мрачно улыбнулся. Один черт в инспекции, если при обходе обнаруживается, сколько свихнувшихся еще осталось.

— Ты слышишь меня, лейтенант?

— Десять тысяч кораблей, — проговорил Нильсон. — Десять тысяч, раз — и нету!

— Прошу прощения, — сказал генерал, и, нагнувшись, залепил лейтенанту сильную пощечину.

Лейтенант Нильсон разрыдался.

— Эй, Эд, ну так что насчет представителя?

От полковника Маргрэйва несло виски, но Брэнч не стал

устраивать ему разнос. Если у тебя остался толковый офицер, ты не учиняешь ему разносов, что бы он там ни вытворял. А потому Брэнч одобрял виски. Не самый скверный способ разрядиться, особенно в данных обстоятельствах. Возможно, даже лучше, чем мой собственный, подумал он, взглянув на свои покрытые шрамами пальцы.

— Я поступил с тобой правильно, Нильсон, ты понимаешь?

— Да, сэр, — дрожащим голосом ответил лейтенант. — Теперь я в норме, сэр.

— Ну вот и отлично, — заявил Брэнч. — Можешь нести дежурство?

— Какое-то время, да, — ответил Нильсон. — Но, сэр, я все же не совсем в полном порядке. И чувствую это.

— Знаю, — согласился генерал. — Ты заслужил отдых. Но ты единственный стрелковый офицер, которого я оставил на этом борту корабля. Отдохнуть сможешь только в дурдоме.

— Постараюсь, сэр, — сказал Нильсон, снова прирастая взглядом к пульта. — Но временами мне слышатся голоса. Я ничего не могу обещать, сэр.

— Эд, — опять начал Маргрейвс. — Этот представитель...

— Пошли. Пока, Нильсон.

Лейтенант, не отрываясь, смотрел на пульт, и даже не обернулся в сторону уходящих командиров.

— Я привел его в рубку, — сообщил Маргрейвс. Его слегка кренило вправо. — Предложил ему выпить, но он не пожелал.

— Ладно.

— Он лопается от вопросов, — продолжал, хихикая, Маргрейвс. — Один из тех усердных загорелых чиновников Госдепа, явившийся выиграть войну за пять минут. Очень дружелюбный парень. Хотел знать мое личное мнение, почему флот маневрировал в космосе целый год, не производя никаких боевых действий.

— И что ты ему ответил?

— Да сказал, что мы ждали партию лучевых пушек. Думаю, он мне почти поверил. А потом он завел беседу насчет материально-технического обеспечения.

Брэнч хмыкнул. Не следовало обсуждать, что полупьяный Маргрейвс наговорил представителю. Не в этом дело. Уже долгое время официальное вмешательство в ведение войны считалось обязательным.

— Однако вынужден тебя покинуть, — заявил Маргрейвс. — У меня осталось кой-какое незавершенное дело, которому я просто обязан уделить серьезное внимание.

— Давай, — сказал Брэнч, поскольку это было все, что он мог ответить, ибо незавершенное дело Маргрейвса имело отношение к бутылке.

Генерал Брэнч в одиночестве отправился в рубку.

Представитель президента смотрел на огромный, целиком занимавший одну из стен рубки экран локатора. На экране медленно двигались светящиеся точки. Тысячи зеленых точек слева представляли собой земной флот, отделенный черным пустым пространством от оранжевых точек флота противника. Объемное изображение подвижной линии фронта медленно менялось. Армии точек группировались, перемещались, отступали и наступали, совершая движения в гипнотизирующей тишине.

Но меж ними постоянно оставалась черная пустота. Генерал Брэнч наблюдал это зрелище уже почти год. По его мнению, экран был излишней роскошью. По экрану все равно невозможно определить, что происходит в действительности. Это могли сделать лишь ПК-компьютеры, а они в экране не нуждались.

— Приветствую вас, генерал, — поздоровался представитель президента, протягивая для пожатия руку. — Меня зовут Ричард Элснер.

Брэнч пожал ему руку, отметив про себя, что описание Маргрейвса оказалось довольно точным. Представителю было не больше тридцати, а его загар смотрелся довольно странно после целого года окружавших генерала бледных лиц.

— Вот мои полномочия, — заявил Элснер, вручая Брэнчу целую пачку бумаг. Генерал бегло пробежал по ним взглядом, отметив, что полномочия Элснера определяют его как Глас Президента в Космосе. Высокая честь для такого молодого человека.

— Ну как там Земля? — спросил Брэнч, исключительно ради того, чтобы что-нибудь сказать. Он предложил Элснеру кресло и сел сам.

— Трудно, — ответил Элснер. — Мы дочиства выгребли из планеты радиоактивные элементы, чтобы сохранить боеспособность вашего флота, не говоря уже о чудовищных затратах на доставку пищи, кислорода, запчастей и прочего требующегося вам оборудования для удержания на поле боя флота подобной величины.

— Знаю, — пробормотал Брэнч. Его широкое лицо не выражало никаких эмоций.

— Я бы хотел начать прямо с претензий президента, — с извиняющимся смехом произнес Элснер. — Просто ради того, чтобы облегчить душу.

— Давайте прямо с них, — согласился Брэнч.

— Значит так, — сказал Элснер, сверяясь по записной книжке. — Ваш флот находится в космосе уже одиннадцать месяцев и семь дней, верно?

— Да.

— В течение всего этого времени имели место лишь мелкие столкновения, но ни одного по-настоящему развернутого сражения. Вы и командующий противника, очевидно, удовлетворились покусыванием друг друга, словно недовольные псы.

— Мне бы не хотелось проводить подобную аналогию, —

ответил Брэнч, мгновенно ощутив неприязнь к молодому человеку. — Но продолжайте.

— Извиняюсь. Это было хотя и неудачное, но вынужденное сравнение. Так или иначе, но сражения не произошло, несмотря на ваше некоторое численное превосходство. Верно?

— Да.

— Тем более вы знаете, что содержание флота подобной величины расточает ресурсы Земли. Президенту хотелось бы знать, почему не состоялось сражение.

— Сперва мне бы хотелось выслушать остальные претензии, — сказал генерал, сжимая разбитые кулаки и с завидным самообладанием удерживаясь от того, чтобы пустить их в ход.

— Очень хорошо. Теперь моральный фактор. Мы продолжаем получать от вас доклады о имеющих место инцидентах боевого утомления — помешательствах, прямо говоря. Цифры абсурдны! Тридцать процентов молодых людей помещены в сумасшедший дом. Это переходит всякие границы, даже учитывая нынешнюю напряженную обстановку.

Брэнч не ответил.

— Короче, — закончил Элснер, — я бы хотел получить ответы на эти вопросы. А затем я бы просил вашей помощи в переговорах о перемирии. Война изначально была абсурдна. И выбрала ее не Земля. Президенту кажется, что ввиду сложившейся статической ситуации командующий противника согласится с подобной идеей.

Пошатываясь, в рубку вошел полковник Маргрейвс. Его лицо покраснело. Он закончил свое незавершенное дело, убавив еще на четверть содержание уже начатой бутылки.

— Похоже, я слышу о перемирии? — воскликнул он.

Элснер бросил на него быстрый взгляд и снова повернулся к Брэнчу.

— Полагаю, вы позаботитесь об этом сами. Если вы свяжетесь с командующим неприятеля, я попробую с ним договориться.

— Им не интересно, — сказал Брэнч.

— Откуда вы знаете?

— Я пробовал. Я пытаюсь вести мирные переговоры вот уже шесть месяцев. Однако противная сторона требует нашей полной и безоговорочной капитуляции.

— Но ведь это же полный абсурд, — качая головой, удивился Элснер. — У них нет намерений к переговорам? Силы флотов примерно равны. И даже не было главных сражений. Как же они могут...

— Проще простого! — заорал Маргрейвс, идя прямо на представителя и свирепо глядя ему в лицо.

— Генерал, этот человек пьян. — Элснер встал.

— Конечно, ты, юный кретин! Разве ты еще не понял? *Война проиграна.* Окончательно и бесповоротно.

Элснер сердито обернулся к Брэнчу. Генерал вздохнул и встал.

— Правда, Элснер. Война проиграна. Всему флоту известно об этом. Вот почему так плохо с моральным духом. Мы просто болтаемся здесь в ожидании всеобщего уничтожения.

Флоты перестраивались и лавировали. Тысячи точек плавали в космосе, создавая искривленные хаотичные структуры.

Кажущиеся хаотичными.

Структуры блокировались, раскрывались и закрывались, динамично, легко уравнивались. Каждая конфигурация представляла собой планируемое движение фронта на сто тысяч миль. Противостоящие друг другу точки совершали перемещения, чтобы занять местоположение в соответствии с требованиями новой комбинации.

Где преимущество? Для неискушенного наблюдателя игра в шахматы кажется бессмысленным построением фигур и позиций. Но игроки, понимающие суть построений, заранее могут знать, выиграна партия или проиграна.

Механические игроки, делавшие ходы тысячами точек, знали, кто из них выиграл, а кто проиграл.

— А теперь давайте-ка лучше расслабимся, — утешающе проговорил Брэнч. — Маргрейвс, смешай нам пару коктейлей. А я все объясню.

Полковник подошел к стенному бару в углу рубки.

— Я жду, — заявил Элснер.

— Для начала, краткий обзор. Помните, когда два года назад была объявлена война, обе стороны подписали Холмстедский пакт, запрещающий подвергать бомбардировке планеты обитания. Была оговорена встреча в космосе, флот на флот.

— Это древняя история, — перебил Элснер.

— Это отправная точка. Земной флот вылетел, сгруппировался и прибыл к назначенному месту встречи. — Брэнч прочистил горло. — Вам известно о ПВК? Позиционно-вероятностных компьютерах? Они нечто вроде шахматистов, только с огромным расширенным пределом возможностей. Они распределяют элементы флота по оптимальной оборонительно-атакующей схеме, основываясь на конфигурации флота противника. Так была установлена исходная позиция.

— Не вижу нужды... — начал было Элснер, но Маргрейвс, вернувшийся с выпивкой, перебил его.

— погоди, мой мальчик. Вскоре наступит поразительное просветление.

— Когда флоты встретились, ПВК просчитали вероятности нападения. И вычислили, что в случае нашей атаки мы лишимся примерно 87 процентов своего флота против 65 процентов потерь неприятеля. Если атакует противник, то потери составят 79

процентов их флота против 64 — нашего. Такова была изначальная ситуация. По экстраполяции в то время оптимальная атакующая позиция противника давала им в результате 45 процентов потерь своего флота, а нашего — 72.

— Я не так уж сильно разбираюсь в ПВК-компьютерах, — признался Элснер. — Мое поле деятельности — психология.

Он отпил глоток, скривился и отпил еще.

— Думайте о них как о шахматистах, — посоветовал Брэнч. — Они способны оценить вероятность потерь при атаке в любой данной точке в любой момент времени, в любой позиции. Они могут просчитать любые возможные ходы обеих сторон. Поэтому, когда мы сошлись, сражения так и не произошло. Ни один командующий не согласился подвергнуть уничтожению почти весь свой флот.

— Ну а потом? — спросил Элснер. — Что же помешало вам использовать имеющееся у вас некоторое численное превосходство? Почему вы не использовали это свое преимущество?

— Ага! — воскликнул, отпивая из стакана, Маргрейвс. — Грядет просветление!

— Позвольте мне продолжить аналогию, — сказал Брэнч. — Если имеются два шахматиста равновысокого мастерства, исход игры определяется при получении кем-то из них преимущества. Раз появилось такое преимущество, другой игрок не способен победить, если первый не допустит ошибки. И если все идет как должно, исход игры предreshен. Поворотный момент может наступить всего через несколько ходов после начала партии, хотя сама игра длится еще несколько часов.

— И помните, — встрял Маргрейвс. — Для неискушенного наблюдателя видимого преимущества может и не быть. Даже если ни одна из фигур не потеряна.

— Именно здесь это и произошло, — печально закончил Брэнч. — ПВК обоих флотов действуют с максимальной эффективностью. Однако противник имеет преимущество, которое тщательным образом развивает. И мы ничего не можем сделать в противовес.

— Но как это случилось? — спросил Элснер. — Кто допустил ошибку?

— ПВК определили причину ошибки, — пояснил Брэнч. — Исход войны был заложен в нашем стартовом боевом порядке.

— Что вы имеете в виду? — спросил Элснер, отставляя стакан.

— Только то, что сказал. Боевой порядок флота был установлен за несколько световых лет от места сражения еще до того, как мы вошли в соприкосновение с флотом противника. Этого оказалось достаточно. Достаточно для ПВК, по крайней мере.

— В утешенье можно лишь добавить, — опять встрял Маргрейвс, — что если бы шансы были пятьдесят на пятьдесят, преимущество с тем же успехом могло быть и у нас.

— Мне нужно разобраться в этом получше, — заявил Элснер. — Я пока еще всего не понимаю.

— Война проиграна. Что вам еще хочется знать?

Элснер покачал головой.

— Я духом пал, а потому попался в сети злого рока, — процитировал Маргрейвс. — Неужто стоит после этого винить меня в грехопадении?

Лейтенант Нильсон сидел у оружейного пульта, сцепив пальцы в замок, поскольку испытывал почти непреодолимое желание нажать на кнопки.

Красивенькие кнопочки.

Лейтенант выматерился и засунул руки под себя. Он обещал генералу продолжать. А что продолжать — неважно. Минуло три дня с тех пор, как он последний раз видел генерала, а он все еще был назначен продолжать. Лейтенант сконцентрировал все внимание на шкалах пульта.

Чувствительные стрелки индикаторов колебались и подрагивали, постоянно измеряя расстояние и устанавливая координаты цели. Стрелки индикаторов точной настройки опускались и поднимались в соответствии с маневрами корабля, приближаясь к красной линии, но ни разу не доходя до нее.

Красная линия означала готовность. Стоит лишь маленькой черной стрелочке пересечь красную черточку, он должен открыть огонь.

Лейтенант ждал уже целый год, наблюдая за маленькой стрелкой. Маленькой стрелкой. Маленькой стрелкой. Маленькой стрелкой...

Прекрати.

...когда нужно открывать огонь.

Лейтенант Нильсон вытащил из-под себя руки и принялся изучать ногти. Брезгливо выковырнул кусок грязи из-под ногтя и снова сцепил пальцы.

Опять посмотрел на красивые кнопочки, черную стрелку, красную черту.

И улыбнулся. Он обещал генералу. Всего три дня назад.

А потом старался не слушать, что кнопки нашептывали ему.

— Вот чего я не понимаю, — заявил Элснер, — так это почему вы не можете изменить позицию. Отступить и перегруппироваться, к примеру?

— Я объясню, — сказал Маргрейвс. — Это даст возможность Эду прерваться и выпить. Идите сюда.

Он подвел Элснера к контрольному пулту. Брэнч с Маргрейвсом три дня познакомили Элснера с кораблем, скорее чтобы немного

разрядиться самим, чем по какой-то иной причине. Последний день они посвятили длительному запою.

— Видите эту шкалу? — Маргрейвс ткнул пальцем в пульт. Пульт имел размеры около четырех футов в ширину и двадцати в длину. С помощью расположенных на нем кнопок и переключателей велось управление движением всего флота. — Видите затемненную зону? Ею отмечен предел безопасности. Если мы применим запрещенную конфигурацию, стрелка перейдет в другую область, и все полетит в тартарары!

— А что такое «запрещенная конфигурация»?

— Запрещенные конфигурации — это такие боевые порядки, которые могут обеспечить неприятелю преимущество в атаке. Или, говоря другими словами, перемещения, которые изменяют картину вероятностных потерь настолько, что дают гарантию атаке противника.

— И потому вы можете перемещаться только в строго заданных пределах? — спросил Элснер, глядя на шкалу.

— Точно. Из бесконечного количества возможных боевых порядков мы можем выбрать лишь несколько, если хотим вести безопасную игру. Совсем как в шахматах. Скажем, вы хотите провести свою пешку на шестое поле в тыл сопернику. Но для этого необходимо сделать два хода. Однако, после того как вы пойдете на седьмое поле, у вашего противника открывается свободная линия, что неизбежно ведет к мату. Конечно, если противник сам сходит слишком нагло, преимущество изменится снова, и мы атакуем.

— Но это лишь наши надежды, — вставил генерал Брэнч. — И мы молимся, чтобы враги допустили какую-нибудь ошибку. Флот находится в постоянной боевой готовности. И если наши ПВК определят, что противник где-то слишком рассредоточился...

— В этом-то и кроется причина психозов, — заключил Элснер. — Все люди на грани нервного срыва в ожидании шанса, который, как они уверены, так и не появится. И тем не менее они продолжают ждать. Сколько еще, по-вашему, это продлится?

— Перемещения и проверки могут занять чуть больше двух лет, — сказал Брэнч. — После чего противник окажется в оптимальном атакующем боевом порядке, имея 29 процентов вероятностных потерь против наших 93. Враги просто будут обязаны атаковать, иначе вероятность начнет изменяться в нашу пользу.

— Эх, вы, черти несчастные, — мягко произнес Элснер. — Ждать шанса, который никогда не появится, зная, что раньше или позже космос и так уничтожит вас.

— Зато как славно, — согласился Маргрейвс с инстинктивным отвращением к симпатии, проявленной гражданским.

В коммутаторе что-то зажужжало. Генерал Брэнч подошел и воткнул в гнездо штекер. «Алло? Да. Да... Верно, Уильямс. Верно». И отключил связь.

— Полковник Уильямс вынужден запереть своих людей в каютах, — объяснил Брэнч. — В третий раз за месяц. Я должен заняться с ПВК. Необходимо просчитать новую конфигурацию, которая учтет вывод его группы.

Он подошел к пульту и принялся нажимать на кнопки.

— Безумья дух и здесь витает, — заявил Маргрейвс. — Ну и каковы ваши планы, мистер Представитель Президента?

— О, да, — сказал лейтенант Нильсон смеющейся комнате. — О, да.

И глядя на все кнопки сразу, лейтенант думал и радостно улыбался своим мыслям.

Какая глупость. Джорджия.

Нильсон принял всепоглощающую глубину святости, накинул ее на плечи. Откуда-то слышалось птичье пение.

Конечно.

Три красных кнопки. Нажать. Три кнопки зеленых. Нажать. Четыре шкалы. Переместить.

«Ого. Нильсон свихнулся».

— Три — это за меня, — произнес Нильсон и украдкой коснулся лба. Затем снова потянулся к клавиатуре. В его мозгу переплетались невообразимые ассоциации, производимые неисчислимыми раздражителями.

«Лучше упрятать его в дурдом. Осторожно!»

Ласковые руки обняли меня, когда я нажал две коричневых за маму и одну, главную, за всех остальных.

«Не дайте ему открыть огонь из этого орудия!»

А я поднимаю руки и лечу, лечу.

— Есть ли какая-нибудь надежда в отношении этого парня? — спросил Элснер после того, как они заперли Нильсона в камере.

— Кто его знает, — ответил Брэнч. На его широком лице играли желваки. Внезапно он развернулся, закричал и со всей силы врезал кулаком по стальной стене. Потом фыркнул и застенчиво улыбнулся.

— Глупо, не правда ли? Маргрейвс пьет. Я выпускаю пар, колошматя стены. Пойдемте лучше перекусим.

Офицеры питались отдельно от солдат. Брэнч считал, что с некоторыми из них могли расправиться психопаты из команды. Лучше уж держать их порознь.

Во время еды Брэнч вдруг повернулся к Элснеру.

— Приятель, я не сообщил тебе всей правды. Я сказал, что это может продлиться два года? Послушай, люди не выдержат столько. Я и сам не знаю, смогу ли удержать флот больше двух недель.

— И что же вы предлагаете?

— Не знаю, — ответил Брэнч. Он все еще отказывался рас-

смаатривать возможность капитуляции, хотя и знал, что это был единственный реалистичный ответ на вопрос Элснера.

— Пусть не вполне уверен, — заявил Элснер, — но все же считаю, что решение вашей дилеммы есть.

Офицеры перестали жевать и уставились на него.

— У вас найдется для нас какое-нибудь супероружие? — поинтересовался Маргрейвс. — Дезинтегратор за пазухой?

— Боюсь, нет. Но думаю, оттого что вы так близко столкнулись с проблемой, вы и не видите здесь никакого просвета. Именно тот самый случай, когда за деревьями не видно леса.

— Продолжайте, — методично пережевывая хлеб, произнес Брэнч.

— Подойдите к вселенной с точки зрения ПВК. Как к строго причинно-следственному миру, где в логической последовательности каждый результат имеет свою причину и каждый фактор может быть мгновенно просчитан. Но это не будет картиной реального мира. ПВК рассчитаны на то, чтобы видеть специализированную вселенную и проводить экстраполяцию на ее базисе.

— Ну и как бы вы поступили? — спросил Маргрейвс.

— Надо разорвать связь соединений, — сказал Элснер. — Привести мир к неопределенности. Ввести человеческий фактор, который машины просчитать не смогут.

— Интересно, как это вы введете в шахматную партию фактор неопределенности? — спросил Брэнч.

— Да просто плюнуть на решающий момент, и все тут. Как это просчитает машина?

— А никак. Она классифицирует ваш влевок как постороннюю помеху и проигнорирует его.

— Верно. — Элснер на секунду задумался. — А само сражение... Сколько времени оно продлится, если считать от начала боевых действий?

— Минут шесть, — ответил Брэнч. — Плюс-минус двадцать секунд.

— Ага, значит, это подтверждает мою идею, — заявил Элснер. — Аналогия шахматной партии, примененная вами, ошибочна. Здесь нет реального сравнения.

— Зато это очень удобный способ сравнения, — заметил Маргрейвс.

— Но *неверный*. Шах и мат королю не эквивалентен уничтожению всего флота, впрочем, как и другие шахматные комбинации. В шахматах игра ведется по правилам, предварительно согласованным игроками. В данной же игре вы можете сыграть по собственным правилам.

— Данная игра имеет присущие самой себе правила, — сказал Брэнч.

— Нет, — не согласился Элснер. — Только ПВК играют по правилам. Разве нет? Предположите, что можно обойтись без ПВК. Пусть каждый командир полагается лишь на себя и атакует

по собственному усмотрению, а не по боевой схеме. Что тогда случится?

— Ничего не получится, — сказал Маргрейвс. — ПВК вдобавок обладают способностью подводить итоги общего положения дел, основываясь на базисе возможностей планирования среднего человека. Более того, они управляют наступлением в несколько раз быстрее человека. Это будет напоминать стрельбу по глиняным болванам.

— Но вы должны попытаться сделать хоть что-нибудь, — настаивал Элснер.

— Подождите-ка минутку, — сказал Брэнч. — Вы можете развивать какие угодно теории. Но я знаю, что мне сообщают ПВК и верю им. Пока еще я командующий флотом и не собираюсь рисковать жизнями своих подчиненных ради каких-то дурацких прожектов.

— Дурацкие прожекты порой выигрывают войны, — ответил Элснер.

— Обычно они их проигрывают.

— Согласно вашему собственному признанию, война и так проиграна.

— Я могу еще ждать, когда неприятель допустит ошибку.

— И вы считаете, это произойдет?

— Нет.

— Ну и тогда?

— Я намерен ждать.

Окончание трапезы было завершено в тягостной тишине. После чего Элснер ушел в свою каюту.

— Ну, Эд? — спросил Маргрейвс, расстегивая рубашку.

— Гну, — огрызнулся генерал. Он вытянулся на кровати и попытался собраться с мыслями. Это уж слишком. Логистика. Предрешение сражения. Предстоящий разгром. Он хотел было врезать кулаком в стену, но удержался. И так уже растянуты сухожилия. Ему надо поспать.

В полузабытье, находясь на грани сна и дремы, генерал услышал щелчок.

Дверь!

Брэнч выпрыгнул из кровати и покрутил ручку. Затем бросился на дверь всем телом.

Заперто.

— Пристегнитесь, пожалуйста, генерал. Мы атакуем, — раздался по внутренней связи голос Элснера. — Я изучил клавиатуру на вашем пульте, сэр, и отыскал включение магнитных затворов. Огромное удобство в случае мятежа, не правда ли?

— Идиот! — заорал Брэнч. — Ты всех нас убьешь! ПВК...

— Отключил я ваши ПВК, — вежливо объяснил Элснер. —

Сам я довольно логичный парень, и, кажется, знаю, какой плевок побеспокоит их.

— Да он же просто псих! — крикнул Маргрейвс генералу. И они вдвоем бросились на стальную дверь. И тут же оба оказались на полу.

— Всем стрелкам, огонь — по усмотрению! — радировал Элснер флоту.

Корабль пришел в движение. Атака началась.

Точки поплыли навстречу друг другу, пересекая ничейное пространство космоса.

И соединились! Сражение началось.

Шесть минут по человеческому времяисчислению. Часы — по мерке скоростного электронного шахматиста. Шахматист за мгновение проверил свои фигуры в поисках боевой схемы атаки.

Схемы не было!

Половина фигур соперника-шахматиста понеслась в космос, полностью нарушив правила партии. Наступление велось по всем флангам. Фланги разъединялись, воссоединялись снова, вырывались вперед, разрушая свои боевые порядки и создавая их вновь.

Нет схемы?

Должна быть. Шахматист знал, что все имеет схему. Вопрос лишь в том, как ее найти. Необходимо только проанализировать проделанные ходы и вычислить дальнейшие, чтобы просчитать предполагаемый итог партии.

Итог был — хаос!

Точки мчались во все стороны, расходились под прямыми углами, останавливались и возвращались, делая совершенно бессмысленные ходы.

Что это означает, спросил себя шахматист с холодным беспристрастием металла. Он ожидал появления узнаваемой комбинации, безо всяких эмоций наблюдая, как его фигуры снимаются с доски.

— Сейчас я выпущу вас из каюты, — сообщил Элснер. — Но не пытайтесь остановить меня. Думаю, я выиграю это сражение.

Замок открылся. Генерал с полковником со всех ног помчались по коридору к рубке, собираясь разорвать Элснера на мелкие кусочки.

Ворвавшись в рубку, они замерли.

Экран показывал огромное количество точек землян, плавающих вокруг рассеянных точек противника.

Однако остановило их вовсе не это зрелище, а Нильсон.

Лейтенант смеялся, а его руки порхали над переключателями и кнопками главного пульта управления.

ПВК монотонно бубнил о потерях: «Земля — 18 процентов. Потери противника — 83, 84, 86. Земля — 19».

— Мат! — закричал Элснер. Он стоял рядом с Нильсоном,

сжимая в руке разводной ключ. — Множественность схем. Я подсунул неприятельским ПВК нечто такое, что они не сумели переварить. Атака при явном отсутствии схемы. Бессмысленные боевые порядки.

— Но они-то что делают? — спросил Брэнч, показывая на тающие точки противника.

— Все еще рассчитывают на своего шахматиста, — пояснил Элснер. — До сих пор ждут от его свихнувшегося разума выдачи информации о боевом порядке атаки. Слишком много веры в машины, генерал. А вот этот человек и понятия не имеет, что ведет стремительное наступление.

... И нажать еще три — за папу, на ветвях оливы я всегда хотел, две две две, к любимой с пряжками на туфельках, коричневая, все коричневые кнопки вниз, восемь красных — за грех...

— А гаечный ключ зачем? — спросил Маргрейвс.

— Ах, это? — Элснер взвесил в руке ключ. — Чтобы после наступления отключить Нильсона.

... И опять — за любовь, и черная, все черные, любимая, кнопки нажать, когда я юным был совсем, я помню брошку на траве...

УРОВЕНЬ СУЩЕСТВОВАНИЯ

— Ты в своем уме, Амелия? Ради всех святых, ну почему ты должна выходить замуж именно за *пионера*? Каким образом ты собираешься стать счастливой в совершенно диких местах, в такой глуши? — предупреждала ее мать.

— Шапка не глушь, мама, — отвечала Амелия.

— Но там же нет никакой цивилизации. Дикое, примитивное место. И как долго твой *пионер* там продержится? Знаю я этих типов. Их всегда тянет на покорение новых земель.

— Значит, я буду покорять их вместе с ним, — заявила Амелия с убежденностью, соответствующей ее собственному пионерскому духу.

Однако у матери подобной уверенности не было.

— Пограничная жизнь трудна, дорогая. Труднее, чем ты себе ее представляешь. И ты действительно готова отказаться от своих друзей, от всех удобств, к которым привыкла?

— Да!

Матери хотелось добавить еще кое-что к уже сказанному, но с тех пор как умер ее муж, она стала менее уверена в собственной правоте и менее решительна, чтобы навязывать свои убеждения другим.

— Тебе жить, — в заключение сказала она.

— Не волнуйся, мама, я знаю, на что иду, — заявила Амелия.

Она хорошо знала, что Дирк Богрен не переносит скученности. Этот крупный мужчина нуждался в просторе, тишине и в глотке свежего воздуха. Он как-то рассказывал ей о своем отце, перебравшемся в недавно мелиорированную пустыню Гоби. У старика не выдержало сердце, когда местность настолько переполнилась поселенцами, что землю пришлось разгораживать в соответствии с окружающими правилами, и тогда он умер, обратив лицо к звездам.

Дирк был такой же. Амелия вышла за него замуж и переехала жить на безлюдную Полярную Шапку северного полушария. Однако после них сюда прибыло еще множество переселенцев, и Шапка стала называться Шапка-сити. Вскоре там появились магазины и фабрики, а по разогретой атомной энергией земле во все стороны от города потянулись маленькие опрятные пригороды.

Это произошло даже раньше, чем ожидала Амелия.

Как-то вечером они сидели на веранде, и Дирк обозревал свою территорию. Он долго смотрел на верхушку радарной вышки, едва различимой у дальних границ его участка.

— Скоро здесь станет тесно, — наконец проговорил он.

— Да и так уже чуть-чуть стало, — подтвердила Амелия.

— Следующее, чем они займутся, будет устройство поля для гольфа. Как думаешь, не пришло время переезжать?

— Верно, — после непродолжительных легких сомнений согласилась Амелия. Больше слов не понадобилось.

Они продали ферму, купили подержанный космический корабль и загрузили его лишь самым необходимым. Перед стартом друзья Дирка устроили в его честь прощальную вечеринку. Они принадлежали к первой волне переселенцев и еще помнили, когда Шапка была покрыта снегом и льдом.

Приятели, слегка завидуя, подшучивали над Дирком.

— Отправляешься на астероид, да?

— Местечко как раз по мне, — согласился Дирк.

— Ну ты и неженка! — хохотнул один из старожилов. — Легкая же тебе предстоит жизнь!

— Ой, не знаю.

— Думаешь, еще способен отработать свои честные пять часов в день?

Дирк ухмылялся, пил пиво и слушал, какие советы дают Амелии женщины.

— Возьми побольше теплых вещей. Вот помню на Марсе...

— Запасись лекарствами и предметами первой помощи...

— А еще будут проблемы с низкой гравитацией...

— Эй, Дирк! — окликнул его один из приятелей. — И ты заберешь такую хорошенькую девушку, как Амелия, с собой на астероид?

— Обязательно, — хмыкнул Дирк.

— Ей там не понравится, — предостерег другой. — Ни тебе вечеринок, ни новых нарядов, ни ухажеров.

— А люди там сходят с ума от переутомления...

— Да не слушайте вы этих болтунов, — поспешно вступила в разговор пожилая женщина. — Вы полюбите такую жизнь сразу, как только немного к ней привыкнете.

— Нисколько не сомневаюсь, — вежливо ответила Амелия, надеясь, что это окажется правдой.

Незадолго до старта она позвонила матери и сообщила ей новость. Мать нисколько не удивилась.

— Ну, дорогая, там будет нелегко, — сказала она. — Однако ты знала, на что шла, выходя за него замуж. Астероиды, именно то место, куда хотел отправиться твой отец.

Отец запомнился Амелии вежливым человеком с тихим голосом. Каждый вечер, возвращаясь из банка, он прочитывал объявления о подержанных космических кораблях и составлял подробные списки необходимого походного снаряжения. Мать же даже слышать не хотела о переезде. По этому поводу состоялось несколько бурных ссор, оставивших после себя тщательно скрываемую горечь разочарования. Однако все эти горечи вскоре были зачеркнуты вертолетом, врезавшимся в машину отца, когда тот возвращался из банка.

— Постарайся быть хорошей женой, — напутствовала мать.

— Естественно, постараюсь, — немного злясь, отвечала Амелия.

Земля расширяла свои границы в космосе, но новые рубежи уже были покорены и заселены. Дирк изучил все существующие карты пояса астероидов, однако толком так ничего и не узнал. Никто еще не забирался в такую даль, и обширный район на картах обозначался просто как НЕИЗВЕСТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ.

Путешествие оказалось долгим и опасным, но здесь были и свободные земли и так необходимое человеку пространство. Со стойческим терпением Дирк пробирался сквозь летающие осколки скал, целеустремленно направляя звездолет только вперед по никому неведомому маршруту.

— Назад мы не вернемся, — сказал он Амелии. — А потому нет смысла отмечать путь на карте.

Амелия согласно кивнула, но дыхание у нее учащалось, когда она смотрела на мрачные и мертвые осколки, освещенные светом далекого Солнца. Она не могла побороть в себе страх перед новой жизнью, мрачным и одиноким существованием на дальних рубежах. Амелия вздрогнула и накрыла руку Дирка.

Он улыбнулся, не отрывая взгляда от циферблатов и шкал.

Отыскав каменную плиту в несколько миль длиной и примерно с милю шириной, они совершили посадку в мрачном, лишенном атмосферы мире. Установили купол и включили гравитационную установку. Едва сила тяжести достигла нормальной величины,

Дирк принялся распаковывать и собирать Робота-Управляющего. Это была кропотливая и утомительная работа, но наконец Дирк вставил программную ленту и включил управление.

Робот принялся за работу. Дирк включил имевшиеся в наличии прожекторы. С помощью небольшого подъемного крана он высвободил из корабельных захватов Походное Жилище, установил его в центре купола и привел в действие. Жилище раскрылось, словно гигантский цветок, образовав опрятный пятикомнатный домик, оснащенный всей необходимой мебелью, кухней, водопроводом и прочими составляющими.

Это было только начало. Но распаковать все сразу — дело просто невозможное. Установка температурного режима оказалась похороненной где-то в недрах корабля, и Дирку пришлось оборудовать дом запасным обогревателем, который он подключил к генератору.

Амелия же слишком замерзла, чтобы заняться приготовлением ужина. Температура в Жилище едва достигала 52 градусов по Фаренгейту. Даже в мехах производства Изыскательской корпорации она все равно мерзла, а гнетущий свет люминесцентных ламп нагонял на нее еще больший холод.

— Дирк, — робко поинтересовалась она. — А нельзя ли сделать так, чтобы стало немного теплее?

— Наверно, можно. Но это замедлит работу робота.

— Я не знала, — сказала Амелия. — Тогда я потерплю.

Но работать при люминесцентном освещении оказалось почти невозможно, и она неверно установила указатель на шкале Основного Пищевого Блока. Бифштекс вышел подгоревшим, картофель слипся, а яблочный пирог едва не замерз.

— Боюсь, без привычных удобств из меня получается не больно хорошая хозяйка, — пытаюсь улыбнуться, проговорила Амелия.

— Забудь, — успокоил ее Дирк и волком набросился на еду, словно это был обычный ужин на Земле.

Они легли спать. Амелии с трудом удалось заснуть на походном матрасе. Однако она испытывала сомнительное удовлетворение от сознания того, что Дирку тоже неудобно. Слишком уж его изнежила относительно легкая жизнь на Шапке.

Когда они проснулись, все казалось уж не таким мрачным. Трудившийся целую ночь Робот-Управляющий собрал основную осветительную установку, и теперь они имели собственное небольшое солнце и приблизительно точное разделение дня и ночи. Управляющийся также выгрузил тяжелых Роботов-Фермеров, и они подключились к разгрузке Домашних Роботов.

Дирк руководил производством пахотной почвы и координировал посевные работы, выполняемые роботами. Он трудился полный пятичасовой день, и когда маленькое солнце коснулось горизонта, пришел домой изможденный.

Амелия между тем целый день вводила программы в основные

синтезаторы пищи, и в этот вечер смогла подать мужу простой, но горячий, состоящий из восьми блюд обед.

— Конечно, это не особый двадцатиблюдный, — извинилась она, когда Дирк принялся за закуски.

— Да я никогда и не мог съесть его весь, — заметил Дирк.

— И вино недостаточно охлаждено.

Дирк оторвался от еды и усмехнулся.

— Елки-палки, дорогая, да я могу пить теплую Олу-Колу, даже не замечая этого.

— Ну уж нет. Покуда я здесь готовлю, — заявила Амелия. Но она уже отметила по крайней мере одно преимущество пограничной жизни — голодный мужчина съест все, что ни подашь.

Дирк помог Амелии свалить тарелки в моечную машину, а потом установил в гостиной проектор. Когда на экране появились кадры фильма, они уютно устроились в прочных пенопластовых креслах, точно так же, как до них это делали предыдущие поколения пионеров. Такая связь с прошлым глубоко тронула Амелию.

Дирк распаковал их обычную кровать и отрегулировал под ней силу тяжести. В эту ночь они спали так крепко, как никогда прежде на Шапке.

Однако жизнь на астероиде не давала повода расслабиться. Дирк трудился по пять, а иногда даже по шесть часов в день, меняя пленки с программой у Полевых Роботов, выкрикивая команды и потев в старании выжать из роботов максимально возможное.

Через несколько дней на синтезированном черноземе зазеленели всходы семян ускоренного роста. Но уже было ясно, что урожай не удался.

Дирк охрип. Он заряжал в роботов программы внесения в почву дополнительных элементов и возился с солнцем, увеличивая подачу ультрафиолета. Однако и через неделю виды на урожай не изменились.

Амелия в тот день тоже вышла в поле. На лице Дирка играли все краски заката, а его стиснутые кулаки упирались в бока. Он смотрел на чахлую низкорослую кукурузу, едва достигавшую ему до груди.

Амелия ничего не сказала мужу, и только в утешение положила ему руку на плечо.

— Мы еще не побеждены, — пробормотал Дирк.

— И что ты намерен делать? — спросила Амелия.

— Если будет нужно, через неделю сделаю новый посев. Я заставлю роботов работать, покуда у них шарниры не заскрипят. Почва будет плодородной! Должна быть!

Амелия даже отступила на шаг, пораженная неистовством мужа. Однако она хорошо понимала, что он сейчас чувствует. Ведь на Земле фермеру достаточно лишь выдать распоряжение Роботу-Управляющему, и через несколько дней уже можно снимать

урожай. Дирк же возился со своим мизерным урожаем больше недели.

— А что ты станешь делать с этим? — поинтересовалась она.

— Сормлю скоту, — ответил Дирк. И в сгущающихся сумерках они отправились к дому.

На следующий день Дирк вынул из морозильников скотину, оживил и поместил в установленные заранее загоны и стойла. Животные с удовольствием набросились на кукурузу и пшеницу. Следующий посев семян ускоренного роста был удачнее — второй урожай вырос до нормальных размеров.

У Амелии было не так много времени, чтобы любоваться триумфом Дирка. По земным стандартам их пятикомнатное жилище считалось весьма скромным, но и его требовалось содержать в порядке. Это оказалось не таким уж простым делом. Амелия выросла в обычном загородном доме, где домашние работы выполнялись автоматически в строго заданном временном режиме. Здесь же каждую операцию выполнял отдельный механизм, да вдобавок управляемый вручную. У нее просто не хватало времени прятать агрегаты обратно в стенные шкафы, и те постоянно попадались под ноги, нарушая убранство дома и делая его похожим на магазин бытовой техники.

Вместо удобного централизованного пульта управления Амелии приходилось пользоваться циферблатами, кнопками и переключателями, напех понатыканными по всему дому. Поначалу она и вовсе проводила большую часть времени, отыскивая управление для агрегатов целевого назначения: сухой чистки, мытья пола, протирки окон и прочих операций, без которых не представляла себе нормальной жизни. Дирк обещал соединить все разрозненные системы управления в единую цепь, но у него и своих забот хватало по горло.

Домашние Роботы тоже оказались не того уровня, к которому привыкла Амелия. Они представляли собой походные, рассчитанные на длительную эксплуатацию модели, и не обладали привычной для Амелии утонченностью. У них была ограниченная память и в довершение полное отсутствие предвидения. К концу дня у Амелии гудело в ушах от их грубых хриплых голосов. Большую часть суток дом напоминал поле боя — словно роботы брали его штурмом, а не делали там уборку.

Долгие дни тяжелой пятичасовой работы шли и шли, и, наконец, Амелия почувствовала, что не в силах больше этого переносить. В отчаянье она по телесвязи вызвала мать.

На крошечном узкоформатном экране она увидела мать, сидевшую в любимом пневмокресле, которое стояло у стены из поляризованного стекла. Стена была отрегулирована таким образом, что Амелия могла видеть вдали город, устремившийся ввысь во всей своей блистающей красе.

— Похоже, у тебя неприятности? — спросила мать.

За креслом матери мелькнул робот и бесшумно поставил перед

ней чашку чая. Амелия несколько не сомневалась, что он проделал это безо всякой команды. Чуткий механизм предугадывал желания хозяина — вполне обычное явление для роботов, долгое время проживших в семье.

— Понимаешь... — едва не впадая в истерику, начала объяснение Амелия. Но тут ее собственный робот, пошатываясь, прошел по комнате и едва не выбил дверь, поскольку система фотоэлектрических элементов сработала с запаздыванием.

Ну это уж слишком!

— Я хочу домой, — разрыдалась Амелия.

— Ты же знаешь, здесь тебе всегда рады, дорогая. Но как же твой муж?

— Дирк тоже вернется, я уверена. Мы подыщем ему хорошую работу, правда, мама?

— Думаю, сможем. Но разве он этого хочет?

— Чего? — задала бессмысленный вопрос Амелия.

— Сможет ли подобный человек удовлетвориться Землей?

Сможет ли он вернуться?

— Сможет, если меня любит.

— А ты его любишь?

— Мама, это нечестно! — воскликнула Амелия, испытывая неприятное чувство досады.

— Большая ошибка — заставлять человека делать то, что он делать не желает, — сказала мать. — Твой отец... Ну ладно, значит, ты считаешь, что не справишься со своими обязанностями?

— Не знаю, — ответила Амелия. — Я... я попробую.

Потом ей стало легче. Амелия научилась ладить с домом, не замечать его неудобств. Она стала понимать, что такая жизнь доставляет ей удовольствие порой не меньшее, чем та, когда они с Дирком создавали хозяйство на Шапке.

Но они покинули Шапку. И как только они обживут астероид, не захочет ли Дирк перебраться на новое дикое место?

Однажды Дирк обнаружил жену сидящей у маленького бассейна и плачущей от отчаянья.

— Эй! Что случилось? — спросил он.

— Ничего.

Он неловко погладил ее по голове.

— Скажи мне.

— Да ничего. Ничего.

— Нет, скажи мне.

— Да ну, обустривать дом, вешать занавески, обучать роботов и прочее, зная...

— Зная что?

— Что когда-нибудь ты непременно захочешь уехать отсюда, и все старания — неизвестно ради чего... — Она выпрямилась и попыталась улыбнуться. — Прости, Дирк. Мне не следовало этого говорить.

Дирк надолго задумался. Потом внимательно посмотрел на Амелию и сказал:

— Я хочу сделать тебя счастливой. Веришь?

Она кивнула.

— Считаю, мы и так уже довольно напереезжались. Это наш дом, и мы останемся здесь навсегда.

— Правда, Дирк?

— Обещаю.

Амелия крепко обняла его и внезапно вспомнила.

— О, Господи! Мой «наполеон» сгорит!

И быстро побежала на кухню.

Следующие несколько недель стали самыми счастливыми в ее жизни. По утрам во всей красе вставало запрограммированное солнце, пробуждая их к работе. Сразу после завтрака начинался трудовой день.

Пасмурных дней здесь вообще не бывало. Амелия и Дирк установили противометеоритный экран для дополнительной защиты воздушного купола. А случалось, возились с ветровой установкой, чтобы помочь реанимированным пчелам обеспечить высокую опыляемость посевов.

По вечерам они наблюдали закаты. А порой Дирк заставлял Полевых Роботов исполнять неуклюжие танцы. Дирк был требовательный, но понимающий хозяин. И он считал, что некоторое разнообразие полезно роботам так же, как и людям.

Амелия пожалела о Земле только однажды. Это случилось, когда Дирк поймал с Луны ретрансляцию Пасхального Крестного хода. От музыки и ярких красок сердце Амелии защемило, но это длилось недолго.

Первый посетитель появился спустя несколько месяцев. Он прибыл на ухарски разукрашенном корабле, совершив посадку на грубо обтесанной взлетно-посадочной полосе принадлежащего Дирку астероида.

Изображенные на боку корабля восьмифутовые буквы сложились в надпись: СТРАНСТВУЮЩИЙ МАГАЗИН ПОТТЕРА. Наружу выбрался щеголеватого вида молодой человек. Он понюхал воздух, сморщился и направился к дому.

— Чем могу служить, незнакомец? — остановил его у двери дома Дирк.

— Добрый день, селянин, — поздоровался молодой человек, протягивая руку, которую Дирк не удосужился пожать. — Я делал обычный облет Марса, и когда прослышал про вас, решил, может, пожелаете купить немного мишуры, чтобы... чтобы приукрасить это мрачное местечко.

— Не пожелаю, — ответил Дирк.

Поттер любезно осклабился, посмотрел на строгий, лишенный украшений фермерский дом и спартанского вида бассейн.

— А что-нибудь для жены? — спросил Поттер, подмигивая Амелии. — Меня еще долго не будет в этих местах.

— Рад слышать такое приятное известие, — заявил Дирк.

Однако Амелия с сияющими от восторга глазами захотела осмотреть магазин Поттера и потащила за собой Дирка.

Она, как ребенок, перепробовала всю технику, имеющую отношение к домашнему хозяйству, все современные экономящие время бытовые агрегаты. Она с восторгом смотрела на изысканные, тончайшего материала наряды с автоматически открывающимися декольте и окантовками, хотя ее собственное серое платье тоже было шито по последней моде.

Потом Амелия увидела Роботов-Акторов. Поразительно человеческой внешностью и благородными манерами они мучительно напомнили ей дом.

— Не можем ли мы купить труппу? — спросила она Дирка.

— Ведь у нас есть фильмы, не так ли? Моего отца они вполне устраивали...

— Но, Дирк, эти роботы играют настоящие пьесы!

— Здесь представлена особая труппа, исполняющая все лучшие пьесы со времен Джорджа Бернарда Шоу, — пояснил Поттер.

Дирк с отвращением глянул на красивые человекоподобные механизмы.

— А что еще они умеют делать?

— Делать? Они играют, — сказал Поттер. — О, Господи, селянин, надеюсь, вы не ждете от произведений искусства исполнения тяжелых фермерских обязанностей?

— А почему бы и нет? — возразил Дирк. — Не верю я в изнеженных роботов. Фермерский труд достаточно хорош для моего Робота-Управляющего, а он, держу пари, куда умнее этих пустозвонов.

— Ваш Робот-Управляющий не артист, — надменно заметил Поттер.

Но Амелия так страстно возжелала приобрести труппу, что Дирк не стал противиться. Пока он перетаскивал их в дом — Роботы-Акторы оказались слишком нежны, чтобы самостоятельно ходить по каменистой поверхности — Амелия купила себе платье.

— И что же такая девушка, как вы, делает в подобной глуши? — поинтересовался Поттер.

— Мне здесь нравится.

— О, да, согласен — для житья, конечно, сносно. И сама жизнь, дающаяся тяжким трудом, без роскоши, но отдаляющая неосвоенные рубежи, и тому подобная мура... Но вам-то самой разве не тошно обходиться без привычных удобств?

Амелия не ответила.

Поттер пожал плечами.

— Этот сектор созрел для колонизации, так что скоро у вас появится компания.

Амелия забрала платье и ушла в дом, а Поттер улетел.

Дирк неохотно признал, что в долгие тихие вечера на астероиде Роботы-Акторы составляли приятную компанию. Он даже

вполне сносно стал относиться к *Человеку и Супермену*, а спустя еще некоторое время начал давать роботам указания, которые они, естественно, игнорировали.

И все равно Дирк был убежден, что его Робот-Управляющий не уступит им ни в чем, если только его голосовой блок немного усовершенствовать.

Однако развлечения быстро потонули в продолжительных пятичасовых рабочих днях. Дирк начал подбирать другие мелкие астероиды и подцеплять их к маточному. Он высеял быстрорастущий лес, соорудил водопад, и продолжал возиться со старой отцовской установкой климатического режима. Заставив, наконец, ее работать, он получил возможность воспроизводить на планете смену сезонов.

Но как-то раз вдруг заработала телесвязь, и Дирк получил космограмму. Послание пришло от Изыскательской корпорации, той самой земной фирмы, что производит для пионеров полный комплекс снаряжения. Фирма предлагала Дирку работу в качестве руководителя главной испытательной лаборатории с зарплатой, едва ли не выходящей за рамки воображения.

— Ой, Дирк! — радостно воскликнула Амелия. — Какая возможность!

— Возможность? Ты о чем?

— Ты можешь разбогатеть и иметь все, что пожелаешь.

— Я и так имею все, что желаю, — заявил Дирк. — Ответ им: спасибо, нет.

Амелия тяжело вздохнула. Она передала фирме отказ Дирка, однако от себя добавила, что в дальнейшем фирма, не исключено, может воспользоваться его услугами.

Какой смысл окончательно хлопнуть дверью?

В течение долгого лета на взлетно-посадочной площадке совершил посадку еще один корабль. Он был гораздо старше и куда более изношенным, чем тот, что принадлежал самому Дирку. С последних пяти футов корабль рухнул на землю, встряхнув весь маленький планетоид. Из корабля выбралась молодая пара.

Их звали Джейн и Перси Филипс. Они обосновались в нескольких тысячах миль от владения Дирка. И все у них шло плохо. Силовая установка разладилась, роботы сломались, пища кончилась. В отчаянье они отправились на ферму Дирка, так как находились на грани голода, проведя без пищи два дня.

Дирк и Амелия оказали им первую помощь, вернув молодой семье здоровье. Выяснилось, что Филипсы пренебрегли правилами выживания. Перси Филипс даже не знал, как управлять роботами, и Дирку пришлось заняться его обучением.

— Вы должны показать им, кто здесь хозяин, — напутствовал Дирк.

— Но я думал, что правильная, отданная тихим вежливым голосом команда...

— Ни в коем случае, — мотая головой, возразил Дирк. —

Рабочие Роботы глупы, да к тому же угрюмы и злопамятны. Вы просто *должны бомбить* их командами. А если необходимо, то и не лениться подгонять их пинками.

Филипс поднял брови.

— Дурно обращаться с роботами?

— Вы должны показать им, кто есть человек.

— Но в колонизационной школе нас учили обращаться с роботами уважительно, — запротестовал Филипс.

— Здесь вам придется избавиться от многих земных понятий, — резко оборвал его Дирк. — А теперь послушайте меня. Я был воспитан роботом. Некоторые из моих лучших друзей — роботы. И я знаю, о чем говорю. Единственный способ добиться уважения роботов заключается в том, чтобы самому собрать и наладить их.

Филипс хоть и с некоторым сомнением, но все же признал, что Дирк, возможно, прав.

— Естественно, я прав. Вы сказали, ваша силовая установка барахлит?

— Да, но роботы здесь ни при чем.

— Это они-то ни при чем? Ведь они имеют свободный доступ к зарядочным розеткам, не так ли?

— Да, они подзаряжаются самостоятельно.

— И вы полагаете, что, зарядившись, они отключаются от сети? Робот будет тянуть энергию до конца, покуда не сядет напряжение. Вы разве не знаете старых роботских фокусов?

— Видимо, именно так и случилось, — согласился Филипс. — Но зачем им это?

— Роботы — прирожденные пьяницы, — объяснил Дирк. — Производители нарочно закладывают им в память подобные программы. Тогда робот быстрее изнашивается, и вы вынуждены приобретать новых. Поверьте мне, им же самим на пользу, если вы поморите их энергетическим голодом.

— Кажется, мне предстоит еще многому научиться, — вздохнул Филипс.

А его жене Джейн следовало обучиться еще большему. Амелии пришлось по многу раз рассказывать, какие кнопки не следует нажимать, какие тумблеры не выключать без предварительной регулировки таймеров, а каким циферблатам не позволять произвольной самонастройки на выбранный режим работы. Она убеждала Джейн не доверять приготовление пищи Роботам-Уборщикам, а Чистильщику-Полотеру, пускай он и многофункциональный механизм, не стоит поручать закатывать консервы.

— Я и не подозревала, что нужно столько всего знать, — сокрушенно сказала Джейн. — Как же вы со всем этим управляетесь?

— И вы научитесь, — уверила ее Амелия, вспомнив первые годы собственной походной жизни.

Филипсы вернулись на свой астероид. Когда они отбыли, Амелия поначалу решила, что будет испытывать одиночество,

однако оказалось неожиданно приятно снова остаться наедине с Дирком и вернуться к работе на ферме.

И все же люди не оставляли их в покое. Следующим объявился представитель Марсианской Сельской Энергетической Сети. Поселенцы начали осваивать пояс астероидов, пояснил он, и поэтому энергетическая сеть расширяется. Он хотел, чтобы и ферма Дирка вошла в нее.

— Ни за что, — наотрез отказался Дирк.

— Почему? Это совсем не дорого...

— Я сам вырабатываю свою энергию.

— Ах, этими самыми крошечными генераторчиками, — презрительно глядя на солнце Дирка, заявил представитель. — Но для действительно серьезного прироста эксплуатационных характеристик...

— Не нужно мне. Мой астероид вращается достаточно быстро, чтобы обеспечить меня энергией.

— Вы сможете больше эксплуатировать роботов.

— И от этого они скорее изнасятся.

— Тогда вы сможете приобрести самые последние модели.

— А новые изнашиваются еще быстрее.

— Тогда приобретите более совершенную генераторную систему, — настаивал представитель. — Ваше маленькое солнышко слабовато.

— Однако меня вполне устраивает и такое.

Представитель удивленно покачал головой.

— Видимо, я так никогда и не смогу понять вас, пионеров, — в заключение сказал он и отбыл восвояси.

Дирк с Амелией попытались вернуться к прежней жизни. Однако до них уже стал доходить свет от соседних астероидов, а лунное телевидение заглушалось местными сигналами. Начались регулярные еженедельные рейсы почтовой ракеты, а бюро путешествий занялось организацией туров в астероидный пояс.

У Дирка появился хорошо знакомый Амелии неудовлетворенный взгляд, искательно обращенный к небу. Он снова лишился простора, а спокойствие фермы постоянно нарушалось пламенем пролетающих ракет.

Однако Дирк дал Амелии обещание, и был вынужден соблюдать его, даже если оно и доведет его до могилы. Лицо Дирка осунулось, он с головой ушел в работу, занимаясь хозяйством по шесть-семь, а иногда и по восемь часов в день.

Уже объявлялся продавец швейных машинок, а веселая решительная женщина попыталась продать Дирку «Энциклопедию Солнечной Системы». Были проложены новые маршруты космических кораблей, и далекие опасные тропинки превратились в суперскоростные трассы.

Однажды вечером, сидя на веранде, Дирк с Амелией увидели в небе огромную световую надпись, протянувшуюся в космосе на

несколько миль: «ТОРГОВЫЙ ЦЕНТР РОЗЕНА. МАГАЗИНЫ, РЕСТОРАН, ЛУЧШИЕ НАПИТКИ НА АСТЕРОИДАХ».

— Магазины, — пробормотала Амелия. — Ресторан! Ох, Дирк, может, сходим?

— Почему бы и нет, — согласился он, беспомощно пожав плечами.

На следующее утро Амелия нарядилась в свое лучшее платье и заставила Дирка надеть костюм. Они сели в старенький корабль и взлетели.

Центр Розена, суматошный пограничный городишко, раскинувшийся на четырех объединенных между собой астероидах, вел доблестную борьбу за то, чтобы называться *городом*. Городишко был переполнен шумными энергичными людьми, а нагруженные механизмами роботы тяжело ступали по дорогам.

Амелия повела Дирка в ресторан, где им подали настоящий земной ужин. Дирку там не понравилось. Его слегка мутило от дыхания других людей, да и пища оказалась чересчур нежной. Ужин закончился тем, что Дирк заказал скверного вина и попытался всучить роботу-официанту чаевые.

Донельзя несчастный, он позволил таскать себя по магазинам, где всего лишь раз проявил какой-то интерес. Это случилось в магазине тяжелого оборудования. Там он ознакомился с новой антигравитационной установкой. Такую модель Дирк прежде не встречал.

— Замечательная вещь для планет с повышенной гравитацией, — сказал ему робот-продавец. — Мы считаем, что такая машина прекрасно зарекомендует себя, к примеру, на лунах Юпитера.

— Лунах Юпитера?

— Это я просто ради примера, сэр, — объяснил робот. — Там ведь никто еще не был. Совершенно неисследованные территории.

Дирк кивнул, с отсутствующим видом поглаживая полированную поверхность машины.

— Слушай, Амелия, — сказал он. — Как ты думаешь, та вакансия на Земле еще не занята?

— Возможно, — ответила она. — А что?

— Какая разница — жить здесь или на Земле. Эти люди просто играют в пионеров.

— Ты считаешь, что на Земле сможешь быть счастливым?

— Возможно.

— Сомневаюсь, — произнесла Амелия.

Ей вспомнилось, как хорошо им жилось на астероиде. Они жили полной, насыщенной жизнью, предназначенной только для них двоих, отодвигая границы дикой первозданной природы с помощью примитивного оборудования (а то и вовсе без него), собранного на скорую руку.

Это было еще до того, как сюда прибыли люди, до шума Земли,

до пикающей локтями цивилизации, подобравшейся к самому порогу их дома.

Ее мать разглядела трудную особенность характера Дирка и попыталась объяснить это дочери. Дирк никогда не станет счастливым на Земле. А счастье невозможно и для нее, если муж будет недоволен жизнью. Точно так же, как было и с ее отцом, занимавшимся одним делом и постоянно мечтавшим о другом, в котором бы нашел удовлетворение.

— Мы покупаем эту антигравитационную установку, — сказала Амелия роботу. И обернувшись к Дирку, добавила: — Нам она очень пригодится на пути к Юпитеру.

ЗАКАЗ

Если бы дела не шли так вяло, Слобольд, может, и не взялся бы за эту работу. Но дела шли еле-еле, и, казалось, совсем никто больше не нуждается в услугах дамского портного. В прошлом месяце ему пришлось уволить своего помощника, а в следующем, видимо, придется уволнять себя самого.

Слобольд предавался этим думам, сидя в окружении рулонов хлопчатобумажной ткани, шерсти, габардина, покрытых пылью журналов мод и разодетых манекенов.

Но тут его размышления прервал вошедший в ателье мужчина.

— Вы — Слобольд? — поинтересовался он.

— Совершенно верно, сэр, — одновременно вскакивая с места и заправляя рубашку, подтвердил Слобольд.

— Меня зовут Беллис. Полагаю, Клиш уже связался с вами? Насчет пошива платьев?

Разглядывая лысого расфуфыренного коротышку, Слобольд лихорадочно соображал. Он не знал никакого Клиша, и, по-видимому, мистер Беллис ошибся портным. Он уже было открыл рот, чтобы сообщить об этом незнакомцу, но вовремя одумался — ведь дела шли так вяло.

— Клиш, — задумчиво пробормотал он. — Да-да, как же, помню-помню.

— Могу вас заверить, что за платья мы платим очень хорошо, — строго проговорил мистер Беллис. — Однако мы требовательны. Чрезвычайно требовательны.

— Естественно, мистер Беллис, — испытывая легкий укол совести, но стараясь не обращать на это внимания, произнес Слобольд. Он и так делает мистеру Беллису одолжение, решил он, поскольку из всех живущих в городе Слобольдов-портных он, несомненно, самый лучший. А уж если потом выяснится, что он не тот Слобольд, ну тогда он просто сошлется на знакомство с неким другим Клишем, отчего, видимо, и произошла ошибка.

— Отлично, — стягивая замшевые перчатки, заявил мистер Беллис. — Клиш, конечно, объяснил вам подробности?

Слобольд не ответил, но всем своим видом показал, что да, конечно, объяснил, и что он, Слобольд, был весьма удивлен услышанным.

— Смею вас заверить, — продолжал мистер Беллис, — что для меня это было настоящим откровением.

Слобольд пожал плечами.

— А вы такой невозмутимый человек, — восхищенно проговорил мистер Беллис. — Видимо, поэтому Клиш и выбрал именно вас.

Слобольд принялся раскуривать сигару, поскольку не имел ни малейшего понятия, какое напустить на себя выражение лица.

— Теперь о заказе, — весело произнес мистер Беллис и запустил руку в нагрудный карман серого габардинового пиджака. — Вот полный список размеров для первого платья. Но, как понимаете, никаких примерок, естественно.

— Естественно, — согласился Слобольд.

— Заказ надлежит выполнить через три дня. Эгриш не может ждать дольше.

— Понятное дело, — снова подтвердил Слобольд.

Мистер Беллис вручил ему сложенный листок бумаги.

— Клиш, вероятно, уже предупредил вас, что дело требует строжайшей тайны, но позвольте мне еще раз напомнить об этом. Никому ни слова, пока семейство как следует не акклиматизируется. А вот ваш задаток.

Слобольд настолько хорошо держал себя в руках, что даже не вздрогнул при виде пяти стодолларовых банкнот.

— Значит, через три дня, — сказал он, пряча в карман деньги.

Мистер Беллис, размышляя о чем-то, постоял еще немного, потом пожал плечами и вышел.

Едва он скрылся за дверью, Слобольд развернул листок. И поскольку теперь за ним больше никто не наблюдал, изумленно разинул рот.

Ничего подобного он прежде не видел. Платье нужно было сшить на особу восьми футов ростом, да еще учесть при этом определенные модификации фигуры. Но какие модификации!

Пробежав взглядом по списку, содержащему свыше пятидесяти размеров и указаний, Слобольд понял, что у дамы, которой предназначалось платье, на животе три груди, причем каждая своей величины и формы. Помимо того, на спине у нее несколько больших горбов. На талию отводилось всего восемь дюймов, зато четыре руки: судя по проймам рукавов, по толщине не уступят стволу молодого дуба. О ягодицах не упоминалось вообще, однако величина клеши подразумевала чудовищные размеры.

Материал платья — кашемир; цвет — блестяще черный.

Слобольд понял, почему не должно быть примерок. Глядя на указания, он нервно теребил себя за нижнюю губу.

— Вот так платьице! — вслух произнес он и покачал головой.

Свыше пятидесяти мерок — это уж чересчур, да и кашемир никогда не считался подходящим материалом для платья. Нахмурившись, он еще раз перечитал бумагу. Что же это такое? Дорогостоящая шутка? Сомнительно. Мистер Беллис отнюдь не выглядел шутником. Портновский инстинкт подсказывал Слобольду, что платье наверняка предназначено для персоны, имеющей именно такую деформированную фигуру.

От таких мыслей его бросило в дрожь, и хотя стоял великолепный солнечный день, Слобольд включил верхний свет.

По-видимому, решил Слобольд, платье предназначено для очень богатой, но имеющей чрезвычайно уродливую фигуру женщины. А еще он подумал, что со дня сотворения мира вряд ли встречались подобные уродства.

Однако дела шли еле-еле, а цена была подходящей. А если цена подходящая, он готов шить и юбочки для слоних и переднички для гиппопотамш.

Слобольд отправился в мастерскую. Включив свет, он принялся чертить выкройки.

Мистер Беллис появился ровно через три дня.

— Великолепно, — разглядывая платье, восхитился он. Вытащив из кармана мерку, он принялся проверять размеры.

— Нисколько не сомневаюсь в вашей работе, — пояснил он, — но платье должно быть сшито тюtelька в тюtelьку.

— Естественно, — согласился Слобольд.

Закончив промеры, мистер Беллис спрятал мерку в карман.

— Просто замечательно, — заметил он. — Думаю, Эгриш останется довольна. Свет все еще беспокоит ее. Вы же знаете, свет для них непривычен.

Слобольд в ответ лишь хмыкнул.

— После жизни во тьме это трудно, но они приспособятся, — заявил мистер Беллис.

— Я тоже так считаю, — согласился Слобольд.

— Так что вскоре они приступят к работе, — с любезной улыбкой сообщил мистер Беллис.

Слобольд принялся упаковывать платье, усиленно пытаясь уловить хоть какой-то смысл из слов мистера Беллиса.

«После жизни во тьме», — повторил он про себя, заворачивая платье в бумагу. «Приспособятся», — думал он, укладывая сверток в коробку.

Значит, Эгриш такая не одна. Беллис имел в виду многих. И впервые Слобольду пришла мысль, что заказчики не земляне. Тогда откуда? С Марса? Вряд ли, там света тоже хватает. А как насчет обратной стороны Луны?

— А вот списки размеров еще для трех платьев, — прервал его размышления мистер Беллис.

— Да я могу работать по тем, что вы мне уже дали, — все еще думая о других планетах, ляпнул Слобольд.

— То есть как это? — удивился мистер Беллис. — То, что впору Эгриш, другим не годится.

— Ох, да, запомятовал, — с трудом отрываясь от размышлений, сказал Слобольд. — Но, может, сама Эгриш пожелает спать еще несколько платьев по той же выкройке?

— Нет. Для чего?

Слобольд решил воздержаться от дальнейших вопросов из опасения, что возможные ошибки наведут мистера Беллиса на определенные подозрения.

Он просмотрел списки новых размеров. При этом ему пришлось проявить все свое самообладание, ибо будущие заказчики настолько же отличались от Эгриш, насколько та отличалась от нормальных людей.

— Управитесь за неделю? — поинтересовался мистер Беллис. — Не хочется вас подгонять, но дело не терпит отлагательства.

— За неделю? Думаю, да, — произнес Слобольд, разглядывая стодолларовые купюры, которые мистер Беллис разложил на прилавке. — Да, уверен, конечно управлюсь.

— Вот и отлично, — сказал мистер Беллис. — А то бедняги просто не переносят света.

— А почему же они не взяли с собой свою одежду? — вырвалось у Слобольда, и он тут же пожалел о проявленном любопытстве.

— Какую еще одежду? — строго уставившись на Слобольда, спросил мистер Беллис. — У них нет никакой одежды. Никогда не было и очень скоро не будет опять.

— Я запомятовал, — покрываясь обильным потом, промямлил Слобольд.

— Хорошо. Значит, неделя. — Мистер Беллис направился к выходу. — Да, кстати, через пару дней с Темной стороны вернется Клиш.

И с этими словами он вышел.

Всю неделю Слобольд трудился не покладая рук. Он вовсе перестал выключать свет и начал избегать темных углов. По форме платьев он догадывался, как выглядят их будущие владельцы, что отнюдь не способствовало крепкому сну по ночам. Он испытывал огромное желание, чтобы мистер Беллис больше не упоминал о своих знакомцах. Слобольд и так уже знал достаточно, чтобы не опасаться за свой рассудок.

Он знал, что Эгриш и ее друзья-приятели всю жизнь жили во тьме. Следовательно, они прибыли из мира, лишенного света.

Какого мира?

Там у себя они не носят никакой одежды. Так зачем же им сейчас понадобились платья?

Кто они такие? Зачем прибыли сюда? И что, интересно, подразумевает мистер Беллис, говоря об их предстоящей работе?

За неделю Слобольд пришел к выводу, что честное голодание куда лучше такой постоянной работы.

— Эгриш осталась очень довольна, — спустя неделю заявил мистер Беллис, закончив проверку размеров. — Другим тоже понравится, нисколько не сомневаюсь.

— Рад слышать, — ответил Слобольд.

— Они оказались более адаптателны, чем я смел надеяться, — сообщил мистер Беллис. — Они уже понемногу акклиматизируются. Ну и, конечно, ваша работа очень поможет.

— Весьма рад, — машинально улыбаясь, произнес Слобольд, испытывавший лишь одно желание, чтобы мистер Беллис поскорее ушел.

Однако мистер Беллис был не прочь побеседовать. Он перешел через прилавок и проговорил:

— Не вижу никаких причин, почему они должны функционировать только во тьме. Это сильно ограничивает их действия. Вот я и забрал их с Темной стороны.

Слобольд кивнул.

— Думаю, это все. — Мистер Беллис с коробкой подмышкой направился к выходу. — Кстати, вам бы следовало сообщить мне, что вы не тот Слобольд.

Слобольд сумел лишь выдавить жалкое подобие улыбки.

— Однако ничего страшного не произошло, — добавил мистер Беллис, — поскольку Эгриш выразила желание лично поблагодарить вас.

И он вежливо закрыл за собой дверь.

Слобольд долго не мог сдвинуться с места и лишь тупо глядел на выход. Потом, наконец, пощупал засунутые в карман сто долларовые банкноты.

— Бред какой-то, — произнес он и быстро запер входную дверь. Потом поспешно бросился к черному ходу и там тоже запер дверь на засов. После чего закурил сигару.

— Совершеннейший бред, — повторил он.

Стоял ясный солнечный день, и Слобольд, улыбнувшись своим страхам, верхний свет все же выключил.

И вдруг услышал сзади легкий шорох.

Сигара выпала из пальцев Слобольда, но сам он даже не шолохнулся. Он не издал ни единого звука, хотя его нервы были натянуты до предела.

— Привет, мистер Слобольд, — поздоровался чей-то голос.

Слобольд стоял в залитом ярким светом ателье и не мог сдвинуться с места.

— Мы хотим поблагодарить вас за прекрасную работу, — продолжал голос. — Все мы.

Слобольд понял, что если он сейчас не посмотрит на говорящего, то тут же сойдет с ума. Нет ничего хуже неизвестности. И он начал медленно оборачиваться.

— Клиш сказал, что мы должны прийти, — пояснил голос. — Он считает, что нам следует показаться вам первому. Я имею в виду в дневное время.

Тут Слобольд завершил поворот и увидел и Эгриш и остальных троих. Однако они не были одеты в платья.

В платья они одеты не были. Да и о каких платьях может идти речь, если посетители просто не имели тел? Перед ним прямо в воздухе висели четыре огромные головы. Головы ли? Да, решил Слобольд, иначе чем же еще считать эти бугристые уродства.

Однако было в них что-то смутно узнаваемое.

Слобольд отчаянно пытался себя убедить, что у него галлюцинации. Да я просто не мог встречать их раньше, твердил он себе. Мистер Беллис обмолвился, будто они прибыли с Темной стороны. Они жили и действовали во тьме. Они даже никогда не носили одежды и вскоре не будут носить снова...

И тут Слобольд вспомнил. Он действительно видел их раньше, в особенно скверных и тяжких кошмарах.

Именно кошмарами они и были.

Теперь все стало на свои места. Они являются тем, кто о них думает. А почему кошмары должны ограничивать себя ночью? Дневное время — огромная неосвоенная территория, уже созревавшая для эксплуатации.

Мистер Беллис создал семейство дневных кошмаров. И вот они здесь.

Но зачем им платья? Слобольд понял зачем, но этого оказалось слишком много для его рассудка. Единственное, чего он сейчас страстно желал, так это тихо и благопристойно сойти с ума.

— Мы сейчас подойдем, — проговорила Эгриш. — Хотя свет нас все еще беспокоит.

И Слобольд увидел, как четыре фантастические головы медленно начали приближаться к нему.

— Благодарим за маски-пижамы. Сидят они превосходно.

Слобольд рухнул на пол.

— Но ты нас обязательно увидишь, — были последние слова Эгриш.

НАКОНЕЦ-ТО ОДНИ

Корабль, отправлявшийся раз в год на Ио, занял стартовую позицию и полчища андроидов приступили к завершению наземной подготовки. Собравшаяся поглазеть на это событие толпа в предвкушении развлечений все более уплотнялась. Прозвучал горн, пронзительно завизжала предупредительная сирена. Из последних не задраенных иллюминаторов посыпались конфетти, продолговатые ленты серебристого и алого цвета.

— Всем провожающим покинуть борт корабля! — раздался из громкоговорителей зычный голос капитана — разумеется, человека.

В центре всего этого оживления стоял с лоснящимся от пота лицом Ричард Арвелл. Груда багажа, скопившегося вокруг него, с каждой минутой все увеличивалась. Дорогу к кораблю ему преграждал невысокий, смешной на вид правительственный чиновник.

— Нет, сэр, я никак не могу позволить вам сделать это, — не без пафоса произнес чиновник.

Пропуск Арвелла был подписан и завизирован, билет оплачен, документы в полном порядке. Чтобы добиться этого, ему пришлось выстоять перед доброй сотней дверей, объясняться с сотней невежд и, тем не менее, удалось добиться своего. А теперь, в самом конце восхождения к успеху, удача вроде бы от него отвернулась.

— Мои документы в полном порядке, — настаивал Арвелл с наигранным спокойствием.

— На вид они действительно в порядке, — спокойно возразил чиновник. — Только вот цель вашего вылета настолько абсурдна...

В это мгновение робот-носильщик неуклюже подхватил ящик с андроидом Арвелла.

— Осторожнее! — крикнул Арвелл.

Робот с грохотом уронил ящик на землю.

— Идиот! Дурак неумелый! Неужели нельзя было сделать хоть одного толкового робота, который бы следовал указаниям? — обратился Арвелл к чиновнику.

— Именно этот вопрос в один прекрасный день задала моя жена, — ответил чиновник, сочувственно улыбаясь. — Как раз тогда, когда наш андроид...

— Грузить все это в корабль, сэр? — спросил робот.

— Пока нет, — ответил чиновник.

— Всем посторонним покинуть корабль! Последнее предупреждение! — прогремели громкоговорители.

Чиновник снова уставился в бумаги Арвелла.

— Так вот. Все дело в месте назначения. Вы действительно желаете отправиться на один из астероидов, сэр?

— Именно так, — ответил Арвелл. — Я намерен обосноваться на одном из астероидов. Как раз об этом и говорится в моих документах. Соболаговолите подписать их и пропустить меня на корабль.

- Но ведь на астероидах никто не живет. Там нет поселений.
- Я знаю.
- На астероидах, по сути, нет ни единого человека.
- Верно.
- Вы будете совершенно один.
- Я хочу быть один, — с жаром произнес Арвелл.

Чиновник недоверчиво глянул на него.

— Примите во внимание связанный с этим риск. В наше время никто никогда не остается один.

— Я останусь. Как только вы подпишете мои бумаги, — взмолился Арвелл. Взглянув на корабль, он увидел, что все иллюминаторы уже закрыты и задраены. — Пожалуйста!

Чиновник заколебался. Документы, несомненно, были в полном порядке. Но оставаться одному — совершенно одному — было опасно. Это было равносильно самоубийству.

Однако, и этого нельзя было отрицать, нарушения законов здесь не было никакого.

Не успел он нацарапать свою подпись, как Арвелл закричал:

— Носильщик! Носильщик! Грузите все это в корабль! Потопляйтесь! И осторожней с андроидом!

Робот-носильщик поднял ящик так резко, что Арвелл услышал, как стукнулась о боковину голова андроида. Он вздрогнул, но сейчас было не время выговаривать роботу — закрывалась последняя дверь.

— Подождите! — закричал Арвелл и бегом пустился по бетонной площадке. Робот-носильщик громыхал вслед за ним. — Подождите! — снова закричал он, поскольку корабельный андроид продолжал методично закрывать дверь, не обращая внимания на распоряжения Арвелла, не подкрепленные корабельным начальством. Пришлось вмешаться одному из людей, членов экипажа корабля, и на время двери перестали закрываться. Арвелл с разбегу влетел внутрь корабля, за ним вдогонку через дверной проем пролетел багаж, и дверь закрылась.

— Ложитесь! — закричал кто-то из экипажа — человек. — Пристегнитесь. Выпейте вот это. Мы отправляемся.

Как только корабль задрожал и начал подниматься, Арвелл ощутил ни с чем не сравнимое хмельное чувство огромного удовлетворения. Он все-таки добился своего, победил, и скоро, очень скоро, будет один.

* * *

Однако треволнения Арвелла не закончились даже в космосе. Ибо капитан корабля, высокий сидящий мужчина, наотрез отказался высадить его на астероиде.

— У меня это никак не укладывается в голове. Вы хотя бы ведаете, что творите? Я прошу вас пересмотреть свое решение.

С'ни сидели в мягких креслах в уютной каюте капитана.

Арвелл чувствовал себя невыносимо уставшим. Его раздражало самодовольное, ничем не примечательное лицо шкипера. На какое-то мгновение он даже задумался о том, а не придушить ли этого человека. Однако, в этом случае, ему уже ни за что не видать столь желанного уединения. Каким-то образом он должен убедить и этого последнего угрюмого идиота, стоящего у него на пути.

За спиной капитана бесшумно возник робот-стюард.

— Не угодно ли выпить, сэр? — раздался резкий металлический голос робота. От неожиданности капитан едва не подпрыгнул.

— Неужели обязательно нужно шнырять у меня за спиной? — возмутился капитан, обращаясь к роботу.

— Простите, сэр, — ответил робот. — Не угодно ли выпить, сэр? Оба человека взяли бокалы.

— Почему, — задумчиво произнес капитан, — эти машины нельзя надлежащим образом вышколить?

— Я и сам не раз задумывался над этим, — сказал Арвелл.

— Вот этот робот, — продолжал капитан, — в высшей степени квалифицированный слуга. И, тем не менее, у него выработалась нелепая привычка шнырять у людей за спиной.

— А для моего андроида, — заметил Арвелл, присуща очень неприятная дрожь левой руки. Нарушение координации, отставание по фазе одних движений от других. Так, во всяком случае, объяснили мне эту особенность механики. Один даже обещал попытаться устранить.

Капитан пожал плечами.

— Может быть, новые модели лишены... — он безнадежно махнул рукой и поднес бокал к губам.

Арвелл отпил немного из своего бокала и решил, что атмосфера взаимопонимания в конце концов установилась. Он доказал капитану, что вовсе не сумасшедший. Напротив, его воззрения вполне обычны. Теперь самое время воспользоваться преимуществами сложившейся ситуации.

— Надеюсь, сэр, — сказал он, — астероид не доставит вам особых хлопот.

Капитан поморщился от досады.

— Мистер Арвелл, вы упрашиваете меня совершить по сути антиобщественный поступок. Для меня, как для человеческого существа, сам факт вашей высадки на астероиде будет чем-то вроде проявления собственной несостоятельности. В нашу эпоху никто не бывает одиноким. Мы держимся все вместе, жмемся друг к другу. Многолюдье обеспечивает нам ощущение покоя и безопасности. Мы поддерживаем друг друга.

— Совершенно верно. Но необходимо также допускать и возможность индивидуальных различий. Я — один из тех немногих, которые искренне хотят уединения. Из-за этого я могу казаться чудаком. Но, разумеется, к моим желаниям следует относиться с уважением.

— Гмм, — капитан серьезно взглянул на Арвелла. — Вам

просто кажется, что вы хотите уединения. А приходилось ли вам испытывать его хоть раз по-настоящему?

— Нет, — признался Арвелл.

— О, тогда вы и понятия не имеете об опасностях, присущих этому состоянию. Разве не лучше было бы, мистер Арвелл, в полной мере пользоваться преимуществами нашей эпохи?

Капитан стал разглагольствовать о Великом Мире, который длится уже более двухсот лет, и о психологической стабильности, благодаря которой он существовал. Слегка покрасневшись, он горячо защищал взаимовыгодный симбиоз между человеком, этим организовавшимся в общество животным, и его творениями, безупречно функционирующими машинами. Он напомнил о величайшей задаче человечества — организации функционирования своих созданий с наибольшей эффективностью.

— Все это верно, — согласился Арвелл, — но не для меня.

— А вы пытались подступиться к этому? — хитро улыбаясь, спросил капитан. — Вы испытывали глубокое волнующее чувство взаимного сотрудничества? Чувство удовлетворения, которое приносит руководство сельскохозяйственными андроидами, когда они возделывают пшеничные поля, управление андроидами, орудующими под водой? Какая важная, полезная задача! Даже наиболее простая задача — быть надсмотрщиком, ну, скажем, над 20-ю или 30-ю фабричными роботами, и то позволяет испытать при ее решении чувство глубокого удовлетворения. И этим чувством можно поделиться и в еще большей степени усилить его посредством контактов со своими собратьями-людьми.

— Все это не доставляет лично мне ни малейшего удовлетворения, — сказал Арвелл. — Все это не для меня. Я хочу провести остаток своих дней в одиночестве, читая книги и размышляя на своем крохотном астероиде.

Капитан устало потер веки.

— Мистер Арвелл, я не сомневаюсь в том, что вы в здравом уме, и поэтому являетесь хозяином своей судьбы. Я не могу остановить вас. Но все-таки подумайте! Одиночество опасно для современного человека. Невероятно опасно, хотя это не сразу заметно. По этой причине люди научились избегать его.

— Для меня оно не опасно, — произнес Арвелл.

— Остается только надеяться, — сказал капитан. — Я от души желаю вам успеха.

* * *

Наконец была пройдена орбита Марса и начался пояс астероидов. Арвелл выбрал подходящих размеров каменную глыбу. Корабль выравнивал свою скорость со скоростью астероида.

— Вы продолжаете настаивать на том, что представляете себе, что именно хотите сделать? — спросил капитан на прощание.

— Безусловно! — воскликнул Арвелл, едва сдерживая волнение от того, что столь желанное одиночество совсем уже рядом.

В течение нескольких следующих часов члены экипажа, облаченные в скафандры, переносили пожитки Арвелла с корабля на астероид и закрепляли их на поверхности. Они смонтировали генераторы воды и воздуха, и выложили запасы основных компонентов для производства пищи. В самом конце они надули прочный купол из пластика, внутри которого предстояло жить Арвеллу, и перешли к распаковке андроида.

— Поосторожней с ним, — предупредил Арвелл.

Неожиданно ящик выскользнул из неловких рук робота и начал медленно уплывать прочь.

— Зацепите за него трос! — крикнул капитан.

— Быстрее, — взвизгнул Арвелл, наблюдая за тем, как его бесценная машина уплывает в безвоздушное пространство.

Один из членов команды — человек — выстрелил гарпун с тросом и начал притягивать к себе колотившийся по корпусу корабля ящик. Без дальнейших задержек он был прикреплен к астероиду. Теперь, наконец, Арвелл был полностью готов к вступлению во владение своей собственной крохотной планетой.

— Я хочу, чтобы вы еще разок серьезно задумались над этим, — мрачно сказал капитан. — Над опасностью одиночества.

— Все это предрассудки, — резко огрызнулся Арвелл, сгорая от нетерпения остаться одному. — Никакой такой опасности не существует.

— Я вернусь с дополнительным грузом провизии через шесть месяцев. Поверьте мне, опасность существует. Ведь совсем не случайно современный человек избегает...

— Мне можно идти? — оборвал капитана Арвелл.

— Пожалуйста. Желаю удачи.

Одетый в скафандр, с гермошлемом на голове, Арвелл оттолкнулся от корабля в направлении своего крохотного островка в космосе и уже с него наблюдал за отлетом. Когда корабль стал светящейся точкой не больше обычной звезды, он принялся за обустройство. Прежде всего, разумеется, андроид. Он надеялся, что несмотря на грубое обращение, андроид не получил каких-либо повреждений. Арвелл быстро вскрыл ящик и активировал механизм. Стрелка прибора на лбу андроида показывала, что накопление энергии идет нормально. Вполне нормально.

Арвелл осмотрелся. Астероид представлял собой вытянутую черную скалу. На нем находились все припасы Арвелла, андроид, пища и книги. Со всех сторон был беспредельный космос, холодный свет звезд, тусклое солнце и абсолютно черная ночь.

Он слегка вздрогнул и отвернулся.

Андроид теперь был активирован полностью. Впереди было немало работы. Но Арвелл, как очарованный, еще раз взглянул на окружающее его космическое пространство.

Корабль, эта едва различимая звездочка, скрылся из вида.

Впервые Арвелл испытывал то, о чем раньше имел только смутное представление. Он испытывал уединение. Уединение полное и абсолютное. Из глубины ночи, которой теперь никогда не будет конца, на него безжалостно глядели алмазные точки звезд. Вокруг не было ни единого человека — для него лично человеческая раса перестала существовать. Он был один.

От этого можно было сойти с ума.

Арвелл был в восторге.

— Наконец-то я один! — крикнул он звездам.

— О, да, — произнес андроид, резко вскакивая на ноги и бросаясь к нему. — Наконец-то мы одни!

ВЕЧНОСТЬ

С такой крупной ставкой Чарлсу Денисону не следовало допускать небрежности. Изобретатель вообще не должен позволять себе небрежности, особенно если изобретение крайне значимо и явно патентабельно. Слишком уж много развелось загребущих рук, готовых захватить все, что принадлежит другому, да и людей, жирующих на творчестве неискушенных ученых, куда больше, чем нужно.

Определенный параноидальный заскок сослужил Денисону неплохую службу, однако ему явно не хватало жизненно важных свойств, необходимых каждому изобретателю. Однако он даже не понимал полной степени собственной небрежности, покуда пуля, выпущенная из пистолета с глушителем, не выбила кусочек гранитной стены всего в трех дюймах от его головы.

Вот тогда-то он и понял. Но как это зачастую случается, понимание пришло слишком поздно.

Отец оставил Чарлсу Денисону не такое уж и скромное состояние, а посему он поступил в Гарвард и, отслужив положенный срок в военно-морских силах, имел возможность продолжить свое образование. Когда Денисону исполнилось тридцать два, он занялся частными исследованиями в собственной небольшой лаборатории в Ривердейле, Нью-Йорк. Областью его деятельности была биология растений; он опубликовал несколько заслуживающих внимания статей и даже продал свою разработку нового инсектицида одной развивающейся корпорации. Гонорары помогли Денисону расширить возможности личной деятельности.

Денисону нравилось работать в одиночку. Это соответствовало его характеру, хотя и довольно замкнутому, но вовсе не мрачному и необщительному. Два-три раза в год он приезжал в Нью-Йорк посмотреть кой-какие спектакли и фильмы, не пренебрегая при этом предоставившимся поводом пару раз как следует выпить, после чего удовлетворенный проведенным временем возвращался домой к своему добровольному уединению. Он вел

холостяцкую жизнь, и, казалось, судьба предопределила ему оставаться таким.

Спустя совсем немного после того, как Денисон отметил свое сорокалетие, он натолкнулся на некую весьма интригующую путеводную нить, которая выводила его на совершенно иную ветвь биологии. Денисон продолжал следовать этой нити, и, распуская таинственный клубок, медленно развивал его в гипотезу. Через три года, благодаря счастливому случаю, он получил окончательные доказательства.

Денисон изобрел самый эффективный эликсир долголетия. Он не служил защитой против насильственной смерти, однако при прочих условиях мог справедливо быть назван сывороткой бессмертия.

Вот тут-то и пришло время для осмотрительности, однако годы уединения лишили Денисона необходимой осторожности к людям и их побуждениям. Он относился с заметным невниманием к окружающему его миру, и ему никогда не приходило в голову, что мир-то вовсе не относился с равным невниманием к нему самому.

Денисон думал только о своей сыворотке. Конечно, она была ценным и оригинальным открытием. Но вот относилась ли она к тому разряду изобретений, которые необходимо опубликовывать? Готов ли мир к эликсиру долголетия?

Подобные размышления никогда не приводили Денисона в восторг. Однако со времени появления атомной бомбы многим ученым пришлось учитывать и этическую сторону своей профессии. Денисон учел ее и решил, что бессмертие неизбежно.

Человечество во всех аспектах своего существования выискивало и зондировало тайны природы, пытаясь уяснить, что как устроено и каким образом действует. Если бы один не открыл огня, рычага, пороха, атомной бомбы или бессмертия, это бы обязательно сделал другой. Человек хотел знать все тайны природы, и способа сокрыть их просто не существовало.

Приняв на вооружение эту мрачную, но удобную философию, Денисон уложил в портфель все формулы и доказательства, засунул в карман пиджака двухунцовую бутылочку готового продукта и покинул свою ривердейлскую лабораторию. Уже наступил вечер, а потому Денисон планировал провести ночь в хорошем городском отеле, посмотреть фильм, и на следующий день отправиться в вашингтонское Бюро Патентов.

В метро Денисон с головой ушел в чтение газеты и едва осознавал, что рядом есть люди. Он стал осознавать это только тогда, когда человек, сидящий справа, ткнул ему под ребра чем-то твердым. Денисон обернулся и увидел вздернутый носик маленького пистолета, упиравшегося ему в бок. Развернутая газета скрывала оружие от глаз ехавших в вагоне пассажиров.

— В чем дело? — спросил Денисон.

— Передайте сюда, — ответил сосед.

Денисон был ошеломлен. Откуда об открытии знал кто-то

еще, кроме него самого? И как они посмели попытаться ограбить его прямо в вагоне общественного метро?

Потом он решил, что скорее всего у него просто хотят отобрать деньги.

— У меня совсем немного, — хрипло произнес Денисон, потянувшись за бумажником. Сидевший слева мужчина наклонился и шлепнул по портфелю.

— Не деньги, — сказал он. — Микстуру бессмертия.

Каким-то непостижимым образом они о ней знали. А что если отказаться отдать портфель? Посмеют ли они открыть пальбу в вагоне метро? Правда, оружие очень малого калибра, и шум выстрелов будет заглушен грохотом метро. А, может, риск оправдывает себя в борьбе за такой грандиозный приз, который имел при себе Денисон?

Он быстро окинул их взглядом. Ничем не примечательные люди, одетые неброско, скорее даже мрачно. Вид их одежды вызвал у Денисона какие-то неприятные воспоминания, но времени подробно копаться в памяти у него теперь попросту не было. Пистолет болезненно упирался в ребра.

Поезд подходил к станции. Денисон взглянул на человека слева и уловил отблеск света на крошечном шприце.

Многие изобретатели, занятые исключительно собственными мыслями, имеют замедленные реакции. Но Денисон служил на флоте и командовал орудийным расчетом. А потому сейчас он не стал считать себя пассивным участником событий. Да будь он проклят, если с такой легкостью отдаст свое изобретение.

Денисон рванулся с места, и шприц лишь проткнул рукав пиджака, даже не задев руки. Он с размаху ударил портфелем человека с пистолетом и попал ему в лоб металлическим уголком. Двери открылись, Денисон выскочил из вагона, и, оставив позади выпучивших от изумления глаза грабителей, помчался вверх по лестнице и выбежал на улицу.

Оба грабителя, у одного из которых на лбу проступила кровь, погнались за ним следом. Денисон мчался вперед, не разбирая дороги и дико оглядываясь в поисках полицейских.

Сзади послышались крики преследователей: «Держи вора! Полиция! Полиция! Задержите его!»

Они явно были готовы к встрече с полицией и несомненно стали бы утверждать, что портфель и бутылка принадлежат им. Нелепая ситуация! Вдобавок полная негодования уверенность, звучавшая в их пронзительных голосах, лишала Денисона присутствия духа. Развитие событий ему совсем не понравилось.

Самый лучший выход из создавшегося положения — конечно, полицейский. В портфеле полно доказательств, подтверждавших, кто он такой. А его имя даже обозначено на наружной стороне крышки портфеля. Один взгляд скажет любому...

В глаза Денисону попался отблеск от металлической пластинки. Он на бегу взглянул на нее и был потрясен, увидев на воловьей

коже крышки портфеля металлическую планку, прикрепленную поверх того места, где было раньше обозначено его имя. Очевидно, это сделал человек, сидевший в вагоне слева от Денисона, когда хлопнул по портфелю.

Денисон ковырнул планку, но та сидела крепко.

«Собственность Эдварда Джеймса Флайерти, Смитфилдский институт», значилось на табличке.

Возможно, от полицейского будет не так уж много проку.

Однако эта проблема имела чисто академический характер, поскольку на переполненной Бронкс-стрит Денисон не замечал ни одного полицейского. Люди шарахались в стороны, когда Денисон пробегал мимо них, с разинутыми ртами глазели на погоню, но в дело не вмешивались. Ему никто не помогал, но никто и не мешал. Однако преследователи продолжали вопить: «Держи вора! Держи вора!»

Весь длинный квартал уже был насторожен. Люди словно медлительная домашняя скотина неохотно включались в действие. Побуждаемые возмущенными криками преследователей, некоторые уже начали делать пробные, пока еще неуверенные шаги в сторону Денисона.

Если он не уравновесит шкалу общественного мнения, то столкнется с определенными неприятностями. Денисон переборол застенчивость и гордость и закричал: «На помощь! Грабят! Задержите их!»

Однако его голосу не хватало морального негодования и абсолютной убежденности в правоте, присущих двум пронзительным голосам преследователей.

Молодой крепыш уже было преградил путь Денисону, но в последний момент какая-то женщина утянула его в сторону.

— Не нарывайся на неприятности, Чарли.

— Почему никто не позовет полицейского?

— Да? А где они, эти полицейские?

— Я слышал, на большом пожаре в районе 178-стрит.

— Мы могли бы остановить этого типа.

— Давай, начинай. А я за тобой.

Дорогу Денисону внезапно преградила четверка ухмыляющихся юнцов в черных мотоциклетных куртках и ботинках, возбужденная шансом поразвлечься и предвкушая наслаждение возможностью почесать кулаки во имя закона и порядка.

Увидев их, Денисон резко свернул с тротуара и помчался через дорогу на противоположную сторону улицы. И едва не угодил под автобус.

Он быстро увернулся, упал, поднялся и побежал дальше.

Плотный поток транспорта задержал преследователей. Денисон свернул в боковую улицу, пробежал ее до конца и выбежал на другую, слыша, как постепенно стихают визгливые голоса погони.

Он находился в квартале массивных многоквартирных домов. Легкие Денисона горели, словно он дышал пламенем пышущей

жаром печи, а в левом боку кололо так, будто он был прошит насквозь раскаленной докрасна проволокой. Тут уж ничем не поможешь, надо только передохнуть.

И вот тут-то первая пуля, выпущенная из бесшумного оружия, выбила кусочек из гранитной стены всего в трех дюймах от головы Денисона. Именно тогда он осознал всю степень своей беспомощности.

Денисон вытащил из кармана бутылочку. Он-то надеялся провести с сывороткой большое количество экспериментов, прежде чем опробовать ее на людях. Однако теперь иного выбора не оставалось. Денисон вытащил пробку и одним махом проглотил содержимое.

И тут же побежал снова, поскольку в гранитную стену ударила еще одна пуля. Огромные кварталы многоквартирных домов, тихие и чужие, казалось, никогда не кончатся. На улицах даже не было пешеходов — только Денисон, куда медленнее, чем раньше, бежавший мимо необъятных домов с пустыми глазницами скон.

Сзади него появился длинный черный автомобиль, обшаривающий светом фар двери и проулки. Неужели полиция?

— Вот он! — раздался пронзительный крик одного из преследователей.

Денисон нырнул в узенький переулок между домами, пробежал его насквозь и выскочил на другую улицу. Но там уже стояли еще два подобных автомобиля. Расположившись по противоположным сторонам квартала, автомобили светили фарами навстречу друг другу, пытаясь поймать Денисона в перекрестье лучей. Переулок, откуда выбежал Денисон, тоже был освещен светом фар первого автомобиля. Окружили!

Денисон метнулся к ближайшему дому и рванул дверь. Заперто. Автомобили приближались. И, глядя на них, Денисон вспомнил те неприятные ассоциации, уже возникавшие у него в метро.

Оба автомобиля представляли собой катафалки.

Грабители в метро своими угрюмыми лицами, мрачной одеждой, однотонными галстуками и визгливыми негодующими голосами напоминали ему гробовщиков. Они и были гробовщиками!

Ну конечно! Конечно же! Нефтяные компании могли выразить желание заблокировать изобретение дешевого горючего нового типа, которое лишало бы их прибылей; стальные корпорации могли пытаться остановить развитие недорогого, но более прочного, чем сталь, пластика...

А производство сыворотки бессмертия выводило из бизнеса владельцев похоронных бюро.

За успехами Денисона и тысяч других исследователей-биологов велось пристальное наблюдение. И как только он сделал открытие, к этому уже были готовы.

Катафалки остановились. Из них вышли мрачные респекта-

белые люди в черных костюмах и жемчужно-серых галстуках и со всех сторон обступили Денисона. Портфель тут же вырвали из рук, и он мгновенно почувствовал укол иглы в плечо. Без ощущения предобморочного головокружения Денисон потерял сознание.

Придя в себя, он заметил, что сидит в кресле, по обе стороны от которого стояли вооруженные люди. Прямо перед Денисоном расхаживал невзрачного вида низенький толстяк в представительном костюме.

— Меня зовут Беннет, — представился толстячок. — Мистер Денисон, прошу прощение за насилие, которому вы подверглись. О вашем изобретении мы узнали в самый последний момент, и потому нам пришлось пойти на некоторые импровизации. Пули были только средством напугать и задержать вас. Убийство не входило в наши планы.

— Ага. Вы просто хотели украсть мое открытие, — сказал Денисон.

— Не совсем, — поправил его мистер Беннет. — Секретом бессмертия мы владеем уже давно.

— Понятно. Значит, вы хотели утаить бессмертие от людей, чтобы сохранить свой проклятый похоронный бизнес.

Ну разве можно быть таким наивным? — улыбаясь, спросил мистер Беннет. — Ни я, ни мои товарищи не гробовщики. Мы придумали такую маскировку, чтобы правдоподобнее мотивировать свои действия в случае, если бы наш план захватить вас дал осечку. Тогда бы и другие подумали точно так же, и только так же, как и вы, что главной нашей целью было обезопасить свой бизнес.

Денисон нахмурился и, наблюдая за толстяком, ждал продолжения.

— Маскировка для нас — обычное дело, — все еще улыбаясь, пояснил мистер Беннет. — Возможно, до вас доходили слухи о новом карбюраторе, разработку которого прикрыли бензиновые компании? Или об универсальном источнике пищи, который утаивают основные поставщики продовольствия? Или о новом синтетическом материале, которому так и не дали появиться хлопкопроизводители? Это все наша работа! А изобретения закончили свой путь здесь.

— Вы пытаетесь произвести на меня впечатление? — спросил Денисон.

— Естественно.

— Зачем же вам понадобилось мешать мне запатентовать сыворотку бессмертия?

— Мир еще не готов для нее, — объяснил мистер Беннет.

— Он не готов для многого, — заявил Денисон. — Почему же вы не заблокировали изобретение атомной бомбы?

— Пытались. Хотели сделать это под маской корыстных интересов угле- и нефтедобывающих компаний, но допустили

ошибку. Однако мы добились успеха в поразительном количестве прочих случаев.

— И какая же цель скрывается за вашими действиями?

— Благополучие Земли, — внушительно провозгласил мистер Беннет. — Представьте себе, что произойдет, если люди получат вашу сыворотку. Проблемы рождаемости, производства пищи, жизненного пространства — осложнятся буквально все. Напряженность усилится и война станет реальной угрозой...

— Да ну? — возразил Денисон. — А по-моему, дела и сейчас обстоят именно таким образом. И безо всякого там бессмертия. Более того, вопли о гибели мира раздавались всегда по поводу любого изобретения или открытия. Будь то порох, печатный пресс, нитроглицерин, атомная бомба — всем им давно уже полагалось уничтожить человечество. Однако люди научились управлять ими. Именно так и должно быть! Вы не сможете повернуть время вспять и закрыть уже сделанное кем-то открытие. Уж если оно есть, человечество должно о нем узнать!

— Да, но с кровавыми, бессмысленными и бесполезными последствиями, — с отвращением заметил мистер Беннет.

— Человек таков, каков он есть.

— Нет, если руководить им надлежащим образом, — заявил мистер Беннет.

— Нет?

— Именно нет, — продолжал мистер Беннет. — Видите ли, сыворотка бессмертия обеспечит решение проблемы политической власти. Правление неизменной просвещенной элиты — гораздо лучшая форма правления, несравнимо лучшая, чем подверженная ошибкам недееспособная демократия. Но, обращаясь к истории, такая элита — монархия ли, олигархия, диктатура или же хунта — не способны увековечить себя. Лидеры умирают, и последователи начинают драться друг с другом за власть, после чего неизбежно наступает хаос. С бессмертием этот последний недостаток будет ликвидирован, то есть не будет прерываться линия лидерства, поскольку лидеры присутствуют всегда.

— Постоянная диктатура, — съязвил Денисон.

— Да. Постоянное и непрерывное правление небольшой, тщательно отобранной элитарной группы, основанное на исключительном праве обладания бессмертием. Такова историческая неизбежность. Единственный вопрос в том, кому первому удастся захватить власть.

— И вы считаете, что это сделаете именно вы, — заявил Денисон.

— Конечно, наша организация пока еще малочисленна, но абсолютно крепка. И она укрепляется с каждым новым изобретением, попадающим к нам в руки, и каждым новым ученым, присоединяющимся к нам. Пришло наше время, Денисон! Мы бы хотели видеть вас в своих рядах, среди элиты.

— То есть вы хотите, чтобы я присоединился к вам? — изумленно спросил Денисон.

— Естественно. Наша организация нуждается в ученых мозгах, способных помочь нам в работе ради спасения человечества от самого себя.

— Нет уж, увольте, — сказал Денисон. Сердце его учащенно забилося.

— Вы не хотите к нам присоединиться?

— Мне бы хотелось видеть всех вас повешенными.

Мистер Беннет задумчиво кивнул и сморщил маленькие губки.

— Вы выпили свою сыворотку, не так ли?

Денисон кивнул.

— Полагаю, это означает, что вы убьете меня прямо сейчас?

— Мы не убиваем, — сказал мистер Беннет. — Мы, в основном, выжидаем. Я думаю, вы разумный человек, и, думаю, вы еще посмотрите на суть вещей с нашей точки зрения. Мы будем рядом очень-очень долго. Поэтому, воля ваша. Уведите его.

Денисона посадили в лифт и опустили глубоко под землю. Потом провели по длинному коридору, вдоль которого стояли вооруженные люди. Денисон с конвоирами прошли четыре массивные двери и остановились у пятой. Денисона втолкнули внутрь, и дверь за ним закрылась.

Он попал в большое хорошо обставленное помещение. Примерно двадцать человек, находившихся там, подошли поприветствовать его.

Один из них, приземистый, кряжистый мужчина, оказался старым знакомым Денисона по университету.

— Неужто Джим Феррис?

— Точно, — подтвердил Феррис. — Добро пожаловать в Клуб Бессмертных, Денисон.

— Я читал, что ты в прошлом году погиб а авиакатастрофе.

— Я просто... исчез, — с печальной улыбкой заметил Феррис. — После изобретения сыворотки бессмертия. Так же, как и прочие.

— Все?

— Из присутствующих здесь пятнадцать человек изобрели сыворотку независимо друг от друга. Остальные добились успеха в других областях. Самый старый член нашего клуба — доктор Ли, изобретатель сыворотки, пропавший в Сан-Франциско в 1911 году. А ты — наше последнее приобретение. Наш клуб, наверное, самое охраняемое на Земле место.

— Тысяча девятьсот одиннадцатый! — только и смог вымолвить Денисон. На него навалилось такое отчаяние, что он тяжело рухнул в кресло. — Значит, надежды на спасение нет?

— Никакой. Есть только представленные нам четыре возможности выбора, — объяснил Феррис. — Некоторые уходят от нас и присоединяются к Гробовщикам. Другие кончают жизнь само-

убийством. Третьи — их немного — сходят с ума. А оставшиеся образовали Клуб Бессмертных.

— Для чего? — изумленно спросил Денисон.

— Чтобы выбраться отсюда, — ответил Феррис. — Добыть свободу и подарить наши открытия миру. Чтобы преградить этим зарвавшимся диктаторчикам путь наверх.

— Но ведь они должны быть в курсе ваших планов.

— Конечно. Но они позволяют нам жить, потому что, и довольно часто, кое-кто из нас теряет надежду и присоединяется к ним. И они не думают, что мы когда-нибудь вырвемся отсюда. Они слишком самодовольны. Типичный недостаток всех новоявленных элит и основная причина их падения.

— Но ты же сказал, что это самое охраняемое место на Земле.

— Да, — подтвердил Феррис.

— А кто-нибудь из вас пытался отсюда выбраться за последние пятьдесят лет? Ведь для освобождения понадобится вечность!

— Вечность — как раз именно то, что мы имеем, — сказал Феррис. — Однако мы надеемся, что столь долгий срок нам не потребуется. Всякий вновь появляющийся человек приносит свои планы и идеи. Что-нибудь да обязательно сработает.

— *Вечность*. — Денисон закрыл лицо руками.

— Ты можешь присоединиться к ним, — твердым голосом произнес Феррис. — Или покончить с собой. Либо просто сидеть в уголке и потихоньку сходить с ума. Выбирай.

Денисон уставился в потолок.

— Я должен быть честен и с вами, и с собой. Не уверен, что мы выберемся. Более того, я даже не уверен, что кто-нибудь из вас думает, будто мы сможем это сделать.

Феррис пожал плечами.

— А с другой стороны, — продолжал Денисон, — считаю это чертовски хорошей идеей. Если вы введете меня в курс дела, я пожертвую всем ради Проекта Вечность. И будем надеяться, что их самодовольство сохранится.

— Наверняка, — сказал Феррис.

Освобождение, конечно, не потребовало вечности. Через каких-нибудь 137 лет Денисону и его коллегам удалось вырваться из заточения и раскрыть заговор Гробовщиков. Гробовщики предстали перед Высоким Судом по обвинению в похищении людей, тайной подготовке свержения правительства и нелегальном владении бессмертием. Вину признали по всем статьям обвинения, а наказание определили суммарным сроком.

Однако Денисон и его коллеги тоже незаконно обладали бессмертием, которое являлось исключительной привилегией нынешней правящей элиты. Однако их не предали смертной казни ввиду оказанной услуги государству Клубом Бессмертных.

Однако такое прощение оказалось преждевременным. Спустя несколько месяцев члены Клуба Бессмертных ушли в подполье, открыто провозгласив своей целью свержение Правящей Элиты и

распространение бессмертия в массы. Проект Вечность, как именовали его сами члены клуба, получил поддержку у диссидентов, которых еще не успели арестовать. Однако это не считалось серьезной угрозой.

Но сия уклонистская акция никоим образом не умаляет славы Клуба по совершению побега от Гробовщиков. Гениальный способ, которым Денисон и его коллеги выбрались из, казалось бы, неприступной тюрьмы, используя лишь стальную пряжку от брючного ремня, моток вольфрамовой проволоки, три куриных яйца и кучу из двенадцати химикалий, без труда и задержки добываемых из человеческого тела, слишком хорошо известен, чтобы о нем здесь повторять.

МУСОРЩИК НА ЛОРЕЕ

— Совершенно невозможно, — категорически заявил профессор Карвер.

— Но ведь я видел своими глазами! — уверял Фред, его помощник и телохранитель. — Сам видел вчера ночью! Принесли охотника — ему наполовину снесло голову, — и они...

— Погоди, — прервал его профессор Карвер, склонив голову в выжидательной позе.

Они вышли из звездолета перед рассветом, чтобы полюбоваться на обряды, совершаемые перед восходом солнца в селении Лорей на планете того же названия. Обряды, сопутствующие восходу солнца, если наблюдать с далекого расстояния, зачастую очень красочны и могут дать материал на целую главу исследования по антропологии; однако Лорей, как обычно, оказался досадным исключением.

Солнце взошло без грома фанфар, вняв молитвам, вознесенным накануне вечером. Медленно поднялась над горизонтом темно-красная громада, согрев верхушки дремучего леса дождевых деревьев, среди которых стояло селение. А туземцы крепко спали...

Однако не все. Мусорщик был уже на ногах и теперь ходил с метлой вокруг хижин. Он медленно передвигался шаркающей походкой — нечто похожее на человека и в то же время невыразимо чуждое человеку. Лицо мусорщика напоминало стилизованную болванку, словно природа сделала черновой набросок разумного существа. У мусорщика была причудливая, шишковатая голова и грязно-серая кожа.

Подметая, он тихонько напевал что-то хриплым, гортанным голосом. От собратьев-лорейн мусорщика отличала единственная примета: лицо его пересекала широкая полоса черной краски. То была социальная метка, метка принадлежности к низшей ступени в этом примитивном обществе.

— Итак, — заговорил профессор Карвер, когда солнце взошло без всяких происшествий, — явление, которое ты мне описал, невероятно. Особенно же невероятно оно на такой жалкой, захудалой планете.

— Сам видел, никуда не денешься, — настаивал Фред. — Вероятно или невероятно — это другой вопрос. Но видел. Вы хотите замять разговор — дело ваше.

Он прислонился к сучковатому стволу стабикуса, скрестил руки на впалой груди и метнул злобный взгляд на соломенные крыши хижин. Фред находился на Лорее почти два месяца и день ото дня все больше ненавидел селение.

Это был хилый, неказистый молодой человек, с прической «бобрик», которая невыгодно подчеркивала его низкий лоб. Вот уже почти десять лет Фред сопровождал профессора во всех странствиях, объездил десятки планет и насмотрелся всевозможных чудес и диковин. Однако чем больше он видел, тем сильнее укреплялось в нем презрение к Галактике как таковой. Ему хотелось лишь одного: вернуться домой, в Байонну (штат Нью-Джерси), богатым и знаменитым или хотя бы богатым и неизвестным.

— Здесь можно разбогатеть, — произнес Фред тоном обвинителя. — А вы хотите все замять.

Профессор Карвер в задумчивости поджал губы. Разумеется, мысль о богатстве приятна. Тем не менее профессор не собирался прерывать важную научную работу ради погони за журавлем в небе. Он заканчивал свой великий труд — книгу, которой предстояло полностью подтвердить и обосновать тезис, выдвинутый им в самой первой статье — «Дальтонизм среди народов Танга». Этот тезис он позднее развернул в книге «Недостаточность координации движений у рас Дранга». Профессор подвел итоги в фундаментальном исследовании «Дефекты разума в Галактике», где убедительно доказал, что разумность существ внеземного происхождения уменьшается в арифметической прогрессии, по мере того как расстояние от Земли возрастает в геометрической прогрессии.

Теперь тезис расцветал пышным цветом в последней работе Карвера, которая суммировала все его научные изыскания и называлась «Скрытые причины врожденной неполноценности внеземных рас».

— Если ты прав... — начал Карвер.

— Смотрите! — воскликнул Фред. — Другого несут! Увидите сами!

Профессор Карвер заколебался. Этот дородный, представительный, краснощекий человек двигался медленно и с достоинством. Одет он был в форму тропических путешественников, несмотря на то что Лорей отличался умеренным климатом. Профессор не выпускал из рук хлыста, а на боку у него был крупнокалиберный револьвер — точь-в-точь как у Фреда.

— Если ты не ошибся, — медленно проговорил Карвер, — это для них, так сказать, немалое достижение.

— Пойдемте! — сказал Фред.

Четыре охотника за шрэгами несли раненого товарища к лекарственной хижине, и Карвер с Фредом зашагали следом. Охотники заметно выбились из сил; должно быть, их путь к селению длился не день и не два, так как обычно они углубляются в самые дебри дождь-лесов.

— Похож на покойника, а? — прошептал Фред.

Профессор Карвер кивнул. С месяц назад ему удалось сфотографировать шрэга в выигрышном ракурсе, на вершине высокого, кряжистого дерева. Он знал, что шрэг — это крупный, злобный и быстроногий хищник, наделенный ужасающим количеством когтей, клыков и рогов. Кроме того, это единственная на планете дичь, мясо которой не запрещают есть бесчисленные табу. Туземцам приходится либо убивать шрэгов, либо гибнуть с голоду.

Однако раненый недостаточно ловко орудовал копьем и щитом, и шрэг распорол его от горла до таза. Несмотря на то что рану сразу же перевязали сушеными листьями, охотник истек кровью. К счастью, он был без сознания.

— Ему ни за что не выжить, — изрек Карвер. — Просто чудо, что он дотянул до сих пор. Одного шока достаточно, не говоря уж о глубине и протяженности раны...

— Вот увидите, — пообещал Фред.

Внезапно селение пробудилось. Мужчины и женщины, серокожие, с шишковатыми головами, молчаливо провожали взглядами охотников, направляющихся к лекарственной хижине. Мусорщик тоже прервал работу, чтобы поглядеть. Единственный в селении ребенок стоял перед родительской хижинкой и, засунув большой палец в рот, глазел на шествие. Навстречу охотникам вышел лекарь Дег, успевший надеть ритуальную маску. Собрались плясуны-исцелители — они торопливо накладывали на лица грим.

— Ты думаешь, удастся его залатать, док? — спросил Фред.

— Будем надеяться, — благочестиво ответил Дег.

Все вошли в тускло освещенную лекарственную хижину. Раненого лорезянина бережно уложили на травяной тюфяк, и плясуны начали перед ним обрядовое действо. Дег затянул торжественную песнь.

— Ничего не получится, — сказал Фреду профессор Карвер с бескорыстным интересом человека, наблюдающего за работой парового экскаватора. — Слишком поздно для исцеления верой. Прислушайся к его дыханию. Не кажется ли тебе, что оно становится менее глубоким?

— Совершенно верно, — ответил Фред.

Дег окончил свою песнь и склонился над раненым охотником. Лорезянин дышал с трудом, все медленнее и неувереннее...

— Пора! — вскричал лекарь. Он достал из мешочка малень-

кую деревянную трубочку, вытащил пробку и поднес к губам умирающего. Охотник выпил содержимое трубочки. И вдруг...

Карвер захлопал глазами, а Фред торжествующе усмехнулся. Дыхание охотника стало глубже. На глазах у землян страшная рана превратилась в затянувшийся рубец, потом в тонкий розовый шрам и, наконец, в почти незаметную белую полоску.

Охотник сел, почесал в затылке, глуповато ухмыльнулся и сообщил, что ему хочется пить, лучше чего-нибудь хмельного.

Тут же, на месте, Дег торжественно открыл празднество.

Карвер и Фред отошли на опушку дождь-леса, чтобы посоветоваться. Профессор шагал словно лунатик, выпатив отвислую нижнюю губу и время от времени покачивая головой.

— Ну так как? — спросил Фред.

— По всем законам природы этого не должно быть, — ошеломленно пробормотал Карвер. — Ни одно вещество на свете не дает подобной реакции. А прошлой ночью ты тоже видел, как оно действовало?

— Конечно, черт возьми, — подтвердил Фред. — Принесли охотника — голова у него была наполовину оторвана. Он проглотил эту штуковину и исцелился прямо у меня на глазах.

— Вековая мечта человечества, — размышлял профессор Карвер. — Панацея от всех болезней.

— За такое лекарство мы могли бы заломить любую цену, — сказал Фред.

— Да, могли бы... а кроме того, мы бы исполнили свой долг перед наукой, — строго одернул его профессор Карвер. — Да, Фред, я тоже думаю, что надо получить некоторое количество этого вещества.

Они повернулись и твердым шагом направились обратно в селение.

Там в полном разгаре были пляски, исполняемые представителями различных родовых общин. Когда Карвер и Фред вернулись, плясали сатгохани — последователи культа, обожествляющего животное средней величины, похожее на оленя. Их можно было узнать по трем красным точкам на лбу. Своей очереди дожидались дресфейд и таганья, названные по именам других лесных животных. Звери, которых тот или иной род считал своими покровителями, находились под защитой табу, и убивать их было строжайше запрещено. Карверу никак не удавалось найти рационалистическое толкование туземным обычаям. Лореяне упорно отказывались поддерживать разговор на эту тему.

Лекарь Дег снял ритуальную маску. Он сидел у входа в лекарственную хижину и наблюдал за плясками. Когда земляне приблизились к нему, он встал.

— Мир вам! — произнес он слова приветствия.

— И тебе тоже, — ответил Фред. — Недурную работку ты проделал с утра.

Дег скромно улыбнулся:

— Боги снизошли к нашим молитвам.

— Боги? — переспросил Карвер. — А мне показалось, что большая часть работы пришлась на долю сыворотки.

— Сыворотки? Ах, сок серси! — Выговаривая эти слова, Дег сопроводил их ритуальным жестом, исполненным благоговения. — Да, сок серси — это мать всех лорейн.

— Нам бы хотелось купить его, — без обиняков сказал Фред, не обращая внимания на то, как неодобрительно насупился профессор Карвер. — Сколько ты возьмешь за галлой?

— Приношу вам свои извинения, — ответил Дег.

— Как насчет красивых бус? Или зеркал? Может быть, вы предпочитаете парочку стальных ножей?

— Этого нельзя делать, — решительно отказался лекарь. — Сок серси священен. Его можно употреблять только ради исцеления, угодного богам.

— Не заговаривай мне зубы, — процедил Фред, и сквозь нездоровую желтизну его щек пробился румянец. — Ты, ублюдок, воображаешь, что тебе удастся...

— Мы вполне понимаем, — вкрадчиво сказал Карвер. — Нам известно, что такое священные предметы. Что священо, то священо. К ним не должны прикасаться недостойные руки.

— Вы сошли с ума, — шепнул Фред по-английски.

— Ты мудрый человек, — с достоинством ответил Дег. — Ты понимаешь, почему я должен вам отказать.

— Конечно. Но по странному совпадению, Дег, у себя на родине я тоже занимаюсь врачеванием.

— Вот как? Я этого не знал!

— Это так. Откровенно говоря, в своей области я слышу самым искусным лекарем.

— В таком случае ты, должно быть, очень святой человек, — сказал Дег, склонив голову.

— Он и вправду святой, — многозначительно вставил Фред. — Самый святой из всех, кого тебе суждено здесь видеть.

— Пожалуйста, не надо, Фред, — попросил Карвер и опустил глаза с деланным смущением. Он обратился к лекарю:

— Это верно, хоть я и не люблю, когда об этом говорят. Вот почему в данном случае, сам понимаешь, не будет грехом дать мне немного сока серси. Напротив, твой жреческий долг призывает тебя поделиться со мной этим соком.

Лекарь долго раздумывал, и на его почти гладком лице едва уловимо отражались противоречивые чувства. Наконец он сказал:

— Наверное, все это правда. Но, к несчастью, я не могу исполнить вашу просьбу.

— Почему же?

— Потому что сока серси очень мало, просто до ужаса мало. Его еле хватит на наши нужды.

Дег печально улыбнулся и отошел.

Жизнь селения продолжалась своим чередом, простая и неиз-

менная. Мусорщик медленно обходил улицы, подметая их своей метлой. Охотники отправлялись лесными тропами на поиски шрегов. Женщины готовили пищу и присматривали за единственным в селении ребенком. Жрецы и плясуны каждый вечер молились, чтобы поутру вошло солнце. Все были по-своему, покорно и смиренно, довольны жизнью.

Все, кроме землян.

Они провели еще несколько бесед с Дегом и исподволь вывели подноготную о соке серси и связанных с ним трудностях.

Растение серси — это низкорослый, чахлый кустарник. В естественных условиях оно растет плохо. Кроме того, оно противится искусственному разведению и совершенно не выносит пересадки. Остается только тщательно выпалывать сорняки вокруг сорси и надеяться, что оно расцветет. Однако в большинстве случаев кусты сорси борются за существование год-другой, а затем хиреют. Лишь немногие расцветают, и уж совсем немногие живут достаточно долго, чтобы дать характерные красные ягоды.

Из ягод серси выжимают эликсир, который для населения Лорея означает жизнь.

— При этом надо помнить, — указал Дег, — что кусты серси встречаются редко и на больших расстояниях друг от друга. Иногда мы ищем месяцами, а находим один-единственный кустик с ягодами. А ягоды эти спасут жизнь только одному лореянину, от силы двум.

— Печально, — посочувствовал Карвер. — Но, несомненно, усиленное удобрение почвы...

— Все уже пробовали.

— Я понимаю, — серьезно сказал Карвер, — какое огромное значение придаете вы соку серси. Но, если бы вы уделили нам малую толику — пияту-другую, мы отвезли бы его на Землю, исследовали и постарались синтезировать. Тогда вы получили бы его в неограниченном количестве.

— Но мы не решаемся расстаться даже с каплей. Вы заметили, как мало у нас детей?

Карвер кивнул.

— Дети рождаются очень редко. Вся жизнь у нас — непрерывная борьба нашей расы за существование. Надо сохранять жизнь каждому лореянину, до тех пор пока на смену ему не появится дитя. А этого можно достигнуть лишь благодаря неустанным и нескончаемым поискам ягод серси. И вечно их не хватает, — лекарь вздохнул. — Вечно не хватает.

— Неужели этот сок излечивает все? — спросил Фред.

— Да, и даже больше. У того, кто отведал серси, прибавляется пятьдесят лет жизни.

Карвер широко раскрыл глаза. На Лорее пятьдесят лет приблизительно равны шестидесяти трем земным годам.

Серси — не просто лекарство, заживляющее раны, не просто средство, содействующее регенерации! Это и напиток долголетия!

Он помолчал, обдумывая перспективу продления своей жизни на шестьдесят лет, затем спросил: «А что если по истечении этих пятидесяти лет лореянин опять примет серси?»

— Неизвестно, — ответил Дег. — Ни один лореянин не станет принимать серси вторично, когда его и так слишком мало.

Карвер и Фред переглянулись.

— А теперь выслушай меня внимательно, Дег, — сказал профессор Карвер и заговорил о священном долге перед наукой. Наука, объяснил он лекарю, превышает расы, превышает веры, превышает религии. Развитие науки превышает самой жизни. В конце концов если и умрут еще несколько лореян, что с того? Так или иначе рано или поздно им не миновать смерти. Важно, чтобы земная наука получила образчик сока серси.

— Может быть, твои слова и справедливы, — отозвался Дег, — но мой выбор ясен. Как жрец религии саннигериат я унаследовал священную обязанность охранять жизнь нашего народа. Я не нарушу своего долга.

Он повернулся и ушел. Земляне вернулись в звездолет ни с чем.

Выпив кофе, профессор Карвер открыл ящик письменного стола и извлек оттуда рукопись «Скрытые причины врожденной неполноценности внеземных рас». Любовно перечитал он последнюю главу, специально трактующую вопрос о комплексе неполноценности у жителей Лорея. Потом профессор Карвер отложил рукопись в сторону.

— Почти готова, Фред, — сообщил он помощнику. — Работы осталось на недельку — ну, самое большее, на две!

— Угу, — промычал Фред, рассматривая селение через иллюминатор.

— Вопрос будет исчерпан, — провозгласил Карвер. — Книга раз и навсегда докажет прирожденное превосходство жителей Земли. Мы неоднократно подтверждали свое превосходство силой оружия, Фред, доказывали его и мощью передовой техники. Теперь оно доказано силой бесстрастной логики.

Фред кивнул. Он знал, что профессор цитирует предисловие к своей книге.

— Ничто не должно стоять на пути великого дела, — сказал Карвер. — Ты согласен с этим, не правда ли?

— Ясно, — рассеянно подтвердил Фред. — Книга прежде всего. Поставьте ублюдков на место.

— Я, собственно, не это имел в виду. Но ты ведь знаешь, что я хочу сказать. При создавшихся обстоятельствах, быть может, лучше выкинуть серси из головы. Быть может, надо ограничиться завершением начатой работы.

Фред обернулся и заглянул хозяину в глаза.

— Профессор, как вы думаете, сколько вам удастся выжать из этой книги?

— А? Ну что ж, последняя, если помнишь, разошлась совсем

неплохо. На эту спср будет еще больше. Десять, а то и двадцать тысяч долларов! — Он позволил себе чуть заметно улыбнуться. — Мне, видишь ли, повезло в выборе темы. На Земле широкие круги читателей явно интересуются этим вопросом, что весьма приятно для ученого.

— Допустим даже, что вы извлечете из нее пятьдесят тысяч. Курочка по зернышку клюет. А знаете ли вы, сколько можно заработать на пробирке с соком серси?

— Сто тысяч? — неуверенно предположил Карвер.

— Вы смеетесь! Представьте себе, что умирает какой-нибудь богач, а у нас есть единственное лекарство, способное его вылечить. Да он вам все отдаст! Миллионы!

— Полагаю, ты прав, — согласился Карвер. — И мы внесли бы неоценимый вклад в науку. Но, к сожалению, лекарство ни за что не продаст нам ни капли.

— Покупка — далеко не единственный способ поставить на своем, — Фред вынул револьвер и пересчитал патроны.

— Понятно, понятно, — проговорил Карвер, и его румяные щеки слегка побледнели. — Но вправе ли мы...

— А вы-то как думаете?

— Что ж, они безусловно неполноценны. Полагаю, я привел достаточно убедительные доказательства. Можно смело утверждать, что в масштабе Вселенной их жизнь недорого стоит. Гм, да... да, Фред, таким препаратом мы могли бы спасти жизнь землянам!

— Мы могли бы спасти собственную жизнь, — заметил Фред. — Кому охота загнаться раньше срока?

Карвер встал и решительно расстегнул кобуру своего револьвера.

— Помни, — сказал он Фреду, — мы идем на это во имя науки и ради Земли.

— Вот именно, профессор, ухмыльнулся Фред и двинулся к люку.

Они отыскиали Дега вблизи лекарственной хижины. Карвер заявил без всяких предисловий:

— Нам необходимо получить сок серси.

— Я вам уже объяснял, — удивился лекарь. — Я рассказал вам о причинах, по которым это невозможно.

— Нам нужно во что бы то ни стало, — поддержал шефа Фред. Он выхватил из кобуры револьвер и свирепо взглянул на Дега.

— Нет.

— Ты думаешь, я шулки шучу? — нахмурился Фред. — Ты знаешь, что это за оружие?

— Я видел, как вы стреляете.

— Ты, может, думаешь, что я постесняюсь выстрелить в тебя?

— Я не боюсь. Но серси ты не получишь.

— Буду стрелять, — испуганно заорал Фред. — Клянусь, буду стрелять!

За спиной лекаря медленно собирались жители Лорея. Серо-

кожие, с шишковатыми черепами, они молча занимали свои места; охотники держали в руках копья, прочие селяне были вооружены ножами и камнями.

— Вы не получите серси, — сказал Дег.

Фред неторопливо прицелился.

— Полно, Фред, — обеспокоился Карвер, — тут их целая куча... Стоит ли...

Тощее тело Фреда подобралось, палец побелел и напрягся на курке. Карвер закрыл глаза.

Наступила мертвая тишина.

Вдруг раздался выстрел.

Карвер опасливо открыл глаза.

Лекарь стоял, как прежде, только дрожали его колени. Фред оттягивал курок. Селяне безмолвствовали. Карвер не сразу сообщил, что произошло. Наконец он заметил Мусорщика.

Мусорщик лежал, уткнувшись лицом в землю, все еще сжимая метлу в вытянутой левой руке; ноги его слабо подергивались. Из дыры, которую Фред аккуратно пробил у него во лбу, струилась кровь.

Дег склонился над Мусорщиком, но тут же выпрямился.

— Скончался, — сказал лекарь.

— Это только цветочки, — пригрозил Фред, нацеливаясь на какого-то охотника.

— Нет! — вскричал Дег.

Фред посмотрел на него, вопросительно подняв брови.

— Отдам тебе сок, — пояснил Дег. — Отдам тебе весь наш сок серси. Но вы оба тотчас же покинете Лорей!

Он бросился в хижину и мгновенно вернулся с тремя деревянными трубочками, которые сунул Фреду в ладони.

— Порядочек, профессор, — сказал Фред. — Надо срочно сматываться.

Они прошли мимо молчаливых селян, направляясь к звездолету. Вдруг мелькнуло что-то яркое, блеснув на солнце. Фред взвыл от боли и выронил револьвер. Профессор Карвер поспешно подобрал его.

— Какой-то недоносок зацепил меня, — сказал Фред. — Дайте револьвер!

Описав крутую дугу, у их ног зарылось в землю копьё.

— Их слишком много, — рассудительно заметил Карвер. — Прибавим шаг!

Они пустились к звездолету и, хотя вокруг свистели копья и ножи, добрались благополучно и задраили за собой люк.

— Дешево отделались, — сказал Карвер, переводя дыхание, и прислонился спиной к люку. — Ты не потерял сыворотку?

— Вот она, — ответил Фред, потирая руку. — Черт!

— Что случилось?

— Рука онемела.

Карвер осмотрел рану, глубокомысленно поджал губы, но ничего не сказал.

— Онемела, — повторил Фред. — Уж не отравлены ли у них копы?

— Вполне возможно! — допустил профессор Карвер.

— Отравлены! — завопил Фред. — Глядите, рана уже меняет цвет!

Действительно, по краям рана почернела и приобрела гангренозный вид.

— Сульфидин, — порекомендовал Карвер. — И пенициллин. Не о чем беспокоиться, Фред. Современная фармакология Земли...

— ...может вовсе не подействовать на этот яд. Откройте одну трубочку!

— Но, Фред, — возразил Карвер, — наши запасы сока крайне ограничены. Кроме того...

— К чертовой матери! — разъярился Фред. Здоровой рукой он взял одну трубочку и вытащил пробку зубами.

— погоди, Фред!

— Еще чего!

Фред осушил трубочку и бросил ее на пол. Карвер с раздражением произнес:

— Я хотел только подчеркнуть, что следовало бы подвергнуть сыворотку испытаниям, прежде чем пробовать ее на землянах. Мы ведь еще не знаем, как реагирует человеческий организм на это вещество. Я желал тебе добра.

— Как же, желали, — насмешливо ответил Фред. — Погляди-те лучше, как действует это лекарство.

Почерневшая рана снова приобрела цвет здоровой плоти и теперь затягивалась. Вскоре осталась лишь белая полоска шрама. Потом и она исчезла, а на ее месте виднелась упругая розовая кожа.

— Хорошая штука, а? — шумно радовался Фред, и в голосе его чуть заметно проскальзывали истеричные нотки. — Действует, профессор, действует! Выпей и ты, друг, живи еще пятьдесят лет! Как ты думаешь, удастся нам синтезировать эту штуку? Ей цена — миллион, десять миллионов, миллиард! А если не удастся, то всегда есть добрый старый Лорей! Можно навешиваться каждые полсотни годков или около того для заправки! Она и на вкус приятна, профессор. Точь-в-точь как... что случилось?

Профессор Карвер уставился на Фреда широко раскрытыми от изумления глазами.

— В чем дело? — с усмешкой спросил Фред. — Швы, что ли, перекосились? На что вы глазеете?

Карвер не отвечал. У него дрожали губы. Он медленно попятился.

— Какого черта, что случилось?

Фред метнул на профессора яростный взгляд, затем бросился в носовую часть звездолета и посмотрелся в зеркало

— *Что со мной стряслось?*

Карвер пытался заговорить, но слова застряли в горле. Не отрываясь следил он, как черты Фреда медленно изменяются, сглаживаются, смазываются, словно природа делает черновой набросок разумной жизни. На голове у Фреда проступали причудливые шишки. Цвет кожи медленно превращался из розового в серый.

— Я же советовал тебе выждать, — вздохнул Карвер.

— *Что происходит?* — испуганно прошептал Фред.

— Видишь ли, — ответил Карвер, — должно быть, тут налицо остаточный эффект серси. Рождаемость на Лорее, сам знаешь, практически отсутствует. Даже при всех целебных свойствах серси эта раса должна была давным-давно вымереть. Так и случилось бы, не обладай серси и иными свойствами — способностью превращать низшие формы животной жизни в высшую — в разумных лорейан.

— Бредовая идея!

— Рабочая гипотеза, основанная на утверждении Дега, что серси — мать всех лорейан. Боюсь, что в этом кроется истинное значение культа зверей и причина наложенных на них табу. Различные животные, наверное, были родоначальниками определенных групп лорейан, а может быть, и всех лорейан. Даже разговоры на эту тему объявлены табу; в туземцах явно укоренилось ощущение глубокой неполноценности, оттого что они слишком недавно вышли из животного состояния.

Карвер устало потер лоб.

— Можно предполагать, — продолжал он, — что соку серси принадлежит немалая роль в жизни всей расы. Рассуждая теоретически...

— К черту теории, — буркнул Фред, с ужасом обнаруживая, что голос его стал хриплым и гортанным, как у лорейан. — Профессор, сделайте что-нибудь!

— Не в моих силах что-либо сделать.

— Может, наука Земли...

— Нет, Фред, — тихо сказал Карвер.

— *Что?*

— Фред, прошу тебя, постарайся понять. Я не могу взять тебя на Землю.

— Что вы имеете в виду? Вы, должно быть, спятили!

— Отнюдь нет. Как я могу привезти тебя с таким фантастическим объяснением? Все будут считать, что твоя история — не что иное, как грандиозная мистификация.

— Но...

— Не перебивай. Никто мне не поверит. Скорее поверят, что ты необычайно смысленный лорейанин. Одним лишь своим присутствием, Фред, ты опровергнешь отправной тезис моей книги!

— Не может того быть, чтоб вы меня бросили, — пролепетал Фред. — Вы этого не сделаете.

Профессор Карвер все еще держал в руках оба револьвера.

Он сунул один из них за пояс, а второй навел на Фреда.

— Я не собираюсь подвергать опасности дело всей своей жизни. Уходи отсюда, Фред.

— Нет!

— Я не шучу. Пошел вон, Фред.

— Не уйду! Вам придется стрелять!

— Надо будет — выстрелю, — заверил его Карвер. — Пристрелю и выкину.

Он прицелился.

Фред попятился к люку, снял запоры, открыл его.

Снаружи безмолвно ждали селяне.

— Что они со мной сделают?

— Мне, право, жаль, Фред, — сказал Карвер.

— Не пойду! — взвизгнул Фред и обеими руками вцепился в проем люка.

Карвер толкнул его в руки ожидающей толпы, а вслед ему бросил две оставшиеся трубочки с соком серси.

После этого Карвер поспешно задраил люк, не желая видеть дальнейшего.

Не прошло и часа, как он уже вышел из верхних слоев атмосферы.

Когда он вернулся на Землю, его книгу «Скрытые причины врожденной неполноценности внеземных рас» провозгласили исторической вехой в сравнительной антропологии. Однако почти сразу пришлось столкнуться с кое-какими осложнениями.

На Землю вернулся некий капитан-астронавт, по фамилии Джонс, который утверждал, что обнаружил на планете Лорей туземца, во всех отношениях не уступающего жителю Земли. В доказательство своих слов капитан Джонс проигрывал магнитофонные записи и демонстрировал киноленты.

В течение некоторого времени тезис Карвера казался сомнительным, пока Карвер лично не изучил вещественные доказательства противника. Тогда он с беспощадной логикой заявил, что так называемый сверхлореянин, это совершенство с Лорея, этот, с позволения сказать, ровня жителям Земли, находится на самой низшей иерархической ступени Лорея: он — Мусорщик, о чем ясно говорит широкая черная полоса на его лице.

Капитан-астронавт не стал спорить, что так оно и есть.

Отчего же, заявлял Карвер, этому сверхлореянину, несмотря на все его хваленые способности, не удалось достигнуть хоть сколько-нибудь достойного положения в том жалком обществе, в котором он живет?

Этот вопрос заткнул рты капитану и его сторонникам и даже по существу вдребезги разбил их школу. И теперь во всей

Галактике мыслящие земляне разделяют карверовскую доктрину врожденной неполноценности внеземных существ.

СПЕЦРАЗДЕЛ ВЫСТАВКИ

В это утро в музее было как-то непривычно пусто, отметил про себя мистер Грант, ведя миссис Грант через облицованный мрамором вестибюль. В данных обстоятельствах это было совсем не плохо.

— Доброе утро, сэр, — произнес пожилой, розовощекий служитель музея.

— Доброе утро, Саймонс, — ответил мистер Грант. — Это миссис Грант.

Миссис Грант угрюмо кивнула и прислонилась к боевой пироге из Центральной Америки. Ее плечи были на одном уровне с плечами гребца из папье-маше, и куда шире. Глядя на них, мистер Грант на мгновение задумался — а поможет ли ему специальный раздел выставки? Можно ли рассчитывать на успех, имея дело с женщиной столь крупной, столь сильной, столь уверенной в себе?

Он очень надеялся на Него. В случае неудачи он станет посмешищем.

— Добро пожаловать в наш музей, — сказал служитель. — Я уверен в том, что посещение нашего музея доставит вам немалое удовольствие.

— Последний раз я была здесь еще ребенком, — ответила миссис Грант, прикрывая огромной ладонью зевок.

— Миссис Грант не очень-то интересуют следы минувшего, — пояснил мистер Грант, опираясь на трость. — Мои занятия орнитологией тоже не производят на нее особого впечатления. И, тем не менее, она согласилась сопровождать меня при посещении спецраздела выставки.

— Спецраздела, сэр? — удивился служитель и заглянул в записную книжку. — Я не уверен в том, что...

— Вот мой приглашительный билет, — сказал мистер Грант.

— Да, сэр. — Служитель внимательно проверил протянутый ему билет, затем вернул его. — Надеюсь, вы останетесь довольны, сэр. По-моему, последними, кто осматривал спецраздел, были мистер Карвер и его жена.

— Верно, — кивнул мистер Грант. Он был весьма неплохо знаком с этим кротким лысоватым Карвером. А его тощая, вечно ворчливая жена, отличавшаяся ярко-рыжими волосами, была старой подругой миссис Грант. Спецраздел выставки, по-видимому, оказался очень эффективным средством, ибо после его посещения Карвер откровенно повеселел, и работа стала просто спориться у него. Спецраздел выставки, безусловно, был куда более эффективнее в деле улаживания конфликтов, чем консультации

по вопросам семейной жизни, психоанализ, психотерапия или даже простая взаимотерпимость.

Это было совершенно уникальным начинанием музея. Администрация музея была очень довольна, когда его завсегдатаи были веселы и энергичны, ибо только в этом случае они могли всецело отдаваться пропагандируемым музеем наукам. К тому же спецраздел выставки имел большое общеобразовательное значение и восполнял существенный пробел в экспозиции музея.

Широкая публика ничего не знала о существовании спецраздела, поскольку общественность была чрезвычайно консервативна к инновациям музея, диктовавшимся научной необходимостью. Да иначе и не могло быть, отметил про себя мистер Грант.

Служитель извлек из кармана ключ.

— Непременно верните его мне, сэр, — предупредил служитель.

Мистер Грант кивнул и повел миссис Грант дальше, мимо стеклянных ящиков с уссурийскими тиграми и огромными гималайскими медведями, мимо буйволов с остекленевшими глазами и семьи оленей, навечно застывших в то время, когда они щипали траву.

— Сколько все это будет продолжаться? — спросила миссис Грант.

— Совсем недолго, — ответил мистер Грант, помня о том, что спецраздел был знаменит непродолжительностью пребывания в нем.

— Мне должны доставить кое-какие покупки, — сказала миссис Грант. — И к тому же у меня важные дела.

Проходя с нею мимо зубра и пятнистого оленя, мистер Грант на мгновение задумался над тем, какие же именно важные дела были у его жены. Ведь интересы миссис Грант, казалось, сводились днем к телевидению, а вечерами — к кинофильмам.

И, конечно же, к этим ее заказам!

Мистер Грант вздохнул. Было совершенно ясно, что они абсолютно не подходили друг другу. Подумать только: он, невысокий, даже хрупкий мужчина с высокоразвитым интеллектом женился по собственной воле на женщине такого атлетического сложения и с куриными мозгами. Но такое случалось и с другими. С доктором Карвером, например.

Мистер Грант ухмыльнулся украдкой, припомнив закон притяжения противоположностей. Закон, бывший не столько практичным, сколько романтическим. Неужели все его занятия орнитологией ничему его не научили? Разве малиновка — пара могучему кондору? Да ведь это просто абсурд! Насколько было бы лучше, если бы он решился вступить во французский Иностраный легион, промотал бы свое наследство в необузданных оргиях или подался бы в какое-нибудь совсем дикое глемея в качестве шамана. Такое можно было бы вполне пережить, со временем

свыкнуться. Но такая женитьба? Никогда. Во всяком случае, не с миссис Грант, несмотря на все ее прелести.

Естественно, надеяться оставалось только на спецраздел выставки.

— Сюда, — пробормотал мистер Грант, направляя жену в неожиданной возникший проход между двумя стеклянными кубами.

— Где же эта экспозиция? — недовольно повысила голос миссис Грант. — Мне нужно быть дома, чтобы получить заказы.

— Здесь, совсем рядом, — сказал мистер Грант, подводя ее к двери с ярко-красной надписью: «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН». Он снова задумался над тем, какие именно заказы должны быть доставлены ей сегодня. Казалось, она делает грандиозное количество заказов. И посыльные зачастую оставляют в пепельнице окурки дорогих сигар.

— Вот мы и пришли, — сказал мистер Грант. Он отпер обитую железом дверь и они прошли в просторный зал. Обстановка в нем изображала поляну в джунглях. Прямо перед ними располагалась хижина с крышей из тростника. Чуть поодаль — другая хижина, поменьше, наполовину спрятанная в кустах.

На покрытой густой травой земле праздно валялись несколько дикарей, лениво переговариваясь друг с другом.

— Да ведь они живые! — воскликнула миссис Грант.

— Конечно. Это, понимаешь, новый эксперимент в области описательной антропологии.

Здесь же была древняя сморщенная старуха, которая подбрасывала щепки в потрескивавший под огромным глиняным котлом огонь. В котле что-то булькало.

Заметив чету Грант, дикари поднялись на ноги. Один из них сладко зевнул и потянулся. Раздался легкий треск в суставах.

— Потрясающие парни, — прошептала миссис Грант.

Мистер Грант согласно кивнул. Это не могло ускользнуть от ее внимания.

Рядом с дикарями на земле валялись разукрашенные деревянные мечи, длинные копья, острые ножи из бамбука. Зал был наполнен непрерывным щебетаньем, изредка прерываемым возбужденным кудахтаньем. Время от времени какая-то птица издавала сердитое гоготанье, другая что-то трубила в ответ.

Миссис Грант сказала:

— Мы можем теперь уйти? О-о-о!

Рядом с нею стоял один из туземцев. Спутанные волосы и раскрашенное лицо придавали ему дикий и непривычный вид. Позади стояли еще двое. Глядя на эту компанию, мистер Грант подумал, сколько по сути дикарского было и в самой миссис Грант с ее чрезмерной косметикой, дешевыми мехами и побрякивающими драгоценностями.

— Что они хотят? — спросила миссис Грант, глядя на полубнаженных мужчин с чувством, весьма далеким от страха.

— Им хочется, чтобы ты осмотрела их стойбище, — ответил мистер Грант. — Это является составной частью экспозиции.

Миссис Грант заметила, что первый туземец смотрит на нее с нескрываемым вождением, и не стала возражать, когда ее повели дальше.

Ей показали котел для приготовления пищи, различное оружие, украшения, которыми была покрыта первая хижина. Затем туземцы повели ее ко второй хижине. Один из них подмигнул ей и поманил взглядом внутрь хижины.

— Действительно интересно, — сказала она, в свою очередь, подмигнула дикарю и последовала за ним. Двое других также прошли внутрь, причем один из них, прежде чем войти, подобрал с земли нож.

— Почему ты утаил от меня, что они, возможно, охотники за головами? — послышался голос миссис Грант. — Ты видел эти сморщенные головы?

Мистер Грант про себя улыбнулся. Подумать только, каких трудов стоило заполучать эти головы. Власти в государствах Южной Америки совершенно запретили их вывоз. Специальный раздел выставки был по всей вероятности единственным сохранившимся центром этого уникального народного искусства.

— У одной из них рыжие волосы. Она точь-в-точь похожа на миссис...

Раздался крик, а затем грохот яростной схватки. Мистер Грант затаил дыхание. Их было, на всякий случай, трое, но миссис Грант очень сильная женщина... Хотя, конечно, ей не под силу...

Один из дикарей, пританцовывая, выскочил из хижины, и ведьма, колдовавшая у огня, взяла несколько зловеще выглядящих орудий и прошла внутрь хижины. Содержимое котла продолжало весело булькать.

Мистер Грант облегченно вздохнул и решил, что смотреть дальше нет смысла. К тому же, антропология не входила в сферу его интересов. Он запер за собой железную дверь и направился в отдел орнитологии, решив, что заказы миссис Грант вовсе не требуют его присутствия при их получении.

Ловушка для ЛЮДЕЙ

РАССКАЗЫ

КАПКАН

1

И вот наступил день Земельных Забегов, тот самый день великих надежд и страшных трагедий, олицетворяющий собой нравы несчастного двадцать первого века. Как и остальные участники забега, Стив Бакстер пытался пораньше добраться до линии старта, однако ошибка в оценке требуемого для этого времени стоила ему серьезных проблем. Эмблема участника помогла Стиву пробраться через внешние плотные ряды толпы без особых затруднений, но чтобы протиснуться сквозь сплошную людскую массу, образовавшую внутренний клубок из человеческих тел, рассчитывать на эмблему или мускулы было просто бесполезно. Бакстер прикинул плотность толпы: 8,7 единиц — почти максимум. Страсти разгорелись до предела, и эмоциональный взрыв мог произойти в любую секунду, несмотря на то что устроители состязаний опрыскивали толпу транквилизаторами. Имей он в запасе время, Бакстер, может, и сумел бы обойти этот живой клубок, но до начала забега оставалось всего шесть минут.

Тогда он решил рискнуть и стал протискиваться через, казалось, слипшиеся восдино тела. На лице Бакстера застыла улыбка, вещь абсолютно необходимая, когда имеешь дело с людским скоплением такой плотности. Вскоре Бакстер уже мог разглядеть линию старта — высокий помост в Глоб-парке Джерсисити. Остальные участники забега были уже там. Ну еще каких-нибудь двадцать ярдов, и я у цели, подумал Стив, только бы эти скоты не поддались панике.

Однако ему еще предстояло протиснуться сквозь последнее ядро толпы, состоявшее целиком из здоровенных типов с отвисшими челюстями и бессмысленным взглядом — агглюцинирующих истериофилов, выражаясь языком пандемииологов. Спрессованные

как сардины в банке и действующие как единый простейший организм, эти ублюдки были способны лишь на слепое сопротивление и неукротимую ярость к любому, кто пытался проникнуть в их ряды.

Поначалу Стив даже засомневался, а стоит ли? Эта толпа была куда опасней, чем стадо буйволов из древних преданий, а составляющие ее типы уже смотрели на него, раздувая ноздри, и зловеще топтали землю.

Не оставляя себе времени на раздумья, Бакстер бросился вперед. На него со всех сторон обрушились удары, сопровождаемые ужасающим ревом разъяренной толпы, а бесформенные тела навалились и сжали так, что Бакстер едва не задохнулся.

Но тут власти предусмотрительно включили Музак. Древняя таинственная мелодия, вот уже больше века усмирявшая самых неистовых, и на сей раз не подвела. Толпа замерла, и Стиву Бакстеру удалось пробраться к линии старта.

Главный судья уже зачитывал Обращение. Хотя все участники и подавляющее большинство зрителей и так знали его почти наизусть, закон, тем не менее, требовал его оглашения.

— Джентльмены, — начал Обращение судья. — Вы собрались, чтобы принять участие в забеге за приобретение земли, имеющейся в государственном пользовании. Вы, пятьдесят счастливицков, были выбраны из пятидесяти миллионов жителей Южного Вэстчестера посредством розыгрыша всеобщей лотереи. Забег начинается здесь, а заканчивается у регистрационной линии, расположенной у Земельного Управления на Таймс-сквере в Нью-Йорке, что составляет примерно 5,7 уставных миль. Всем участникам разрешается избирать любой маршрут: передвигаться по земле, под или над землей. Единственное условие — дойти до финиша лично, никакие замены не разрешаются. Первые десять финалистов...

В толпе воцарилось гробовое молчание.

— ...получат по одному акру свободной земли с домом и фермерским инвентарем. Правительственный транспорт бесплатно доставит каждого победителя с семьей к месту их нового владения. Вышеназванный участок земли площадью в один акр переходит в собственность победителя всецело и безвозмездно, не подлежит отчуждению и принадлежит ему и его наследникам вплоть до третьего поколения.

При этих словах толпа разом вздохнула. Среди собравшихся никто в глаза не видел ни единого акра свободной земли, а уж об обладании таковым и мечтать не приходилось. Целый акр, принадлежащий только тебе и твоей семье, такое не могло привидеться даже в самых фантастических грезах.

— Как отмечено далее, — продолжал судья, — правительство не несет никакой ответственности за возможные смертельные случаи во время данного состязания. Должен поставить вас в известность, что уровень смертности в Земельных Забегах при-

мерно равен 68,9 процента. Любой претендент, желающий отказаться от состязания, может сделать это прямо сейчас, не опасаясь каких-либо последствий.

Судья ждал, и на секунду Стиву Бакстеру захотелось отказаться от этой самоубийственной затеи. Несомненно, что он, Аделия, дети, тетя Фло и дядя Джордж уж как-нибудь да проживут в своей уютной однокомнатной квартирке жилого блока Ларчмонтского Мемориального центра Фреда Аллена для семей среднего достатка. И к тому же он не принадлежал к разряду бравых мускулистых молодцов с увесистыми волосатыми кулаками. Стив Бакстер работал консультантом по деформационным системам и считался весьма неплохим специалистом. Характером он обладал мягким, а телосложением — скорее жилистым, чем мускулистым. К тому же Бакстер страдал явно выраженной одышкой. Так какого черта он должен переться в неизвестность мрачнейшего Нью-Йорка, самого опасного из всех Городов-Джунглей?

— Лучше откажись, Стив, — словно в ответ на его мысли прозвучал чей-то голос.

Бакстер обернулся и увидел Эдварда Фрейхофа Сент-Джона, своего зажиточного и весьма неприятного соседа по Ларчмонту; высокого и элегантного Сент-Джона с телом бывшего спортсмена и лицемерным хищным взглядом, который уж слишком часто задерживался на очаровательной белокурой Аделии.

— Ничего у тебя не выйдет, Стив, детка, — заявил Сент-Джон.

— Возможно, — спокойно ответил Бакстер. — Но у тебя-то, полагаю, все выйдет как надо?

Сент-Джон кивнул и приложил палец к губам, давая понять, что он в курсе всех дел. Вот уже несколько недель он намекал на какую-то информацию, добытую за взятку у какого-то коррумпированного инспектора Земельных Забегов. Эта информация должна была существенным образом повысить шансы Сент-Джона при прохождении через Манхеттен, самый густонаселенный и опасный городской район в мире.

— Выходи из игры, крошка Стив, — произнес Сент-Джон скрипучим голосом. — Не лезь не в свое дело, а за мной не пропадет. Поделюсь сладким кусочком пирожка.

Бакстер покачал головой. Он не считал себя храбрецом, но скорее предпочел бы смерть, чем принял подачку от Сент-Джона. Да и в любом случае он больше не сможет жить так же, как жил раньше. Согласно принятому в прошлом месяце Дополнению к Акту о Расширенном Семейном Проживании Стив обязан взять к себе трех незамужних кузин и вдовую тетку, чью однокомнатную полуподвальную квартиру в промышленном комплексе Лейк-Плесида снесли при строительстве нового туннеля Олбани—Монреаль.

Даже с противошоковыми прививками десять человек в одной комнате — это уж слишком! Он просто обязан выиграть участок земли!

— Я остаюсь, — тихо сказал Бакстер.

— Ладно, сучонок, — нахмурил брови Сент-Джон, и его жесткое сардоническое лицо исказилось в гримасе. — Но помни, я тебя предупредил.

— Джентльмены, на старт! — выкрикнул главный судья.

Соперники умолкли и выстроились вдоль линии старта, сощурив глаза и крепко сжав зубы.

— Внимание!

Пятьдесят избранников выжидающе наклонились. С напряженными мышцами замерла сотня человеческих ног.

— Марш!

Забег начался.

Вой суперзвуковых систем на время парализовал толпу, окружившую место старта. Соперники прорвались сквозь неподвижные людские ряды и бросились бежать, огибая вереницы застрявших в пробках автомобилей. Затем они разбежались в разные стороны, придерживаясь, однако, главным образом, восточного направления — к Гудзону и зловещего вида городу, раскинушемуся на противоположном берегу реки и наполовину скрытому пеленой смога из гари, выхлопных газов и прочих продуктов неполного сгорания.

Лишь один Стив Бакстер не свернул на восток.

Единственный из участников забега, он повернул на север, к мосту Джорджа Вашингтона и Беар-Маунтен-сити. Плотно сжав губы, он двигался, словно во сне.

В далеком Ларчмонте Аделия Бакстер, следившая за забегом по телевизору, невольно вскрикнула, а ее восьмилетний сын Томми завопил, указывая на экран: «Мама! Мама! Папа бежит на север, к мосту! А мост в этом месяце перекрыт. Там ему не пройти!»

— Не волнуйся, детка, — вздохнула Амелия. — Папа знает, что делает.

Она заявила это с уверенностью, которой сама вовсе не испытывала. И когда фигура мужа затерялась в толпе, ей ничего не оставалось делать, кроме как ждать... и молиться. А сам-то Стив знал, что делает? Или сказавшееся напряжение сбило его с толку?

2

Первые семена проблем были брошены в почву еще в двадцатом веке, но пожинать ужасающий урожай выпало на долю веку двадцать первому. В течение тысячелетий прирост населения шел медленным темпом, однако внезапно произошел резкий скачок, и население планеты в короткий срок увеличилось вдвое, а потом удвоилось еще раз. Распространение болезней держалось под контролем, продовольствия тоже хватало, а потому кривая смерт-

ности неуклонно снижалась, а рождаемость — шла вверх. И словно в ужасном кошмаре население планеты увеличивалось в геометрической прогрессии, разрастаясь подобно раковой опухоли.

На четырех всадников Апокалипсиса, этих древних стражей порядка, надежд почти не осталось. Голод и Мор были изгнаны навеки, а Война стала слишком дорогим удовольствием, недоступным нынешнему веку. Осталась лишь Смерть, но и та, сведенная к минимуму, превратилась в жалкую тень своей былой славы.

Наука с поразительным упорством продолжала свой путь к великой цели — поискам способов продления жизни в условиях лавинообразно растущего количества людей.

И людей становилось все больше и больше. Человечество пополнялось новыми членами, загрязняющими воздух и отравляющими водоемы, жующими рыбный хлеб с прессованными водорослями и напряженно ожидающими катастрофы, которая поуменила бы их неимоверно разросшиеся ряды.

Количественный рост населения планеты перешел в качественное изменение образа жизни человека. В прошлых, девственных веках опасности были свойственны скорее необжитым территориям — вершинам гор, пустыням и джунглям. Но в двадцать первом веке ускоренные поиски жизненного пространства привели к заселению и этих, ранее пустующих мест. Приключения и опасности стали достоянием чудовищно разросшихся и неподдающихся никакому правительственному контролю городов. В городах можно было обнаружить современный эквивалент диких племен, свирепых зверей и смертельных заболеваний. Экспедиция в Нью-Йорк или Чикаго требовала куда большей выносливости, находчивости и отваги, чем беспечные викторианские прогулки на вершину Эвереста или к истокам Нила.

В этом спрессованном мире земля считалась самой большой ценностью. И когда в распоряжении правительства оказывались свободные земельные участки, оно выделяло их при помощи региональных лотерей, кульминацией которых и являлись Земельные Забеги. За образец этих состязаний были взяты подобные гонки, состоявшиеся в девяностых годах девятнадцатого столетия вслед за открытием Оклахомской территории и Черокского участка.

Земельные Забеги считались беспристрастным распределением наделов и одновременно интересным спортом и захватывающим зрелищем. За ними следили миллионы зрителей, а врачи отмечали определенный положительный психотерапевтический эффект, снижающий возбуждение масс, который и сам по себе служил достаточным оправданием подобных состязаний. Кроме того, высокий уровень смертности участников являлся еще одним аргументом в пользу таких состязаний. Хотя по отношению к общему количеству людей на планете число смертельных случаев

можно было и не учитывать, перенаселенный мир с благодарностью относился даже к такому ничтожному облегчению.

Состязание продолжалось уже три часа. Включив портативный приемник, Стив Бакстер прослушал сводку последних новостей. Он узнал, что первую группу участников, добравшуюся до Голландского моста, завернул обратно отряд вооруженной полиции. Те, что похитрее, избрали более длинный южный маршрут и теперь приближались в Веррацинскому мосту. Фрейхофу Сент-Джону, действующему самостоятельно и предъявившему значок заместителя мэра, позволили пройти через кордон у Линкольновского туннеля.

Теперь пришло время рискнуть и Стиву Бакстеру. С мрачным видом, но не теряя присутствия духа, он вступил на территорию пользующегося дурной славой Свободного Порта Хобокен.

3

Береговую линию Хобокена скрывали сумерки. При свете луны Стив разглядел покачивающиеся на воде готовые к отправке быстроходные суда контрабандного флота Хобокена. На каждом из них поблескивала эмблема береговой охраны. Некоторые суда уже были загружены партиями товара, представляющего собой коробки с сигаретами из Северной Каролины, спиртным из Кентукки, апельсинами из Флориды, марихуаной из Калифорнии и оружием из Техаса. На всех ящиках стояло официальное клеймо: «КОНТРАБАНДА — НАЛОГ УПЛАЧЕН». В эти несчастные дни несчастного века загнанное в угол правительство взимало налоги даже с нелегального бизнеса, придавая ему тем самым как бы законный характер.

Выбрав подходящий момент, Бакстер пробрался на борт груженного марихуаной быстроходного контрабандного судна и затаился среди благоухающих тюков. Команда готовилась к скорому отплытию. Эх, только бы его не обнаружили во время краткого плавания через реку...

— Эй, что тут у нас за черт сидит?

Неожиданно появившийся из носового отсека пьяный механик застал Бакстера врасплох. На его крик сбежалась вся команда. Это были жестокие, беспощадные люди, для которых убийство считалось обычным ремеслом. Они принадлежали к той же породе безбожников, которые несколько лет назад разграбили Вихоукен, сожгли Форт Ли и совершали набеги и грабежи по всему пути следования к Инглвудским воротам. Стив Бакстер знал, что от таких пощады не жди. И тем не менее со спокойствием, достойным удивления, произнес:

— Джентльмены, мне необходимо попасть на тот берег Гудзона, если вы, конечно, не возражаете.

Капитан корабля, огромный метис с бугристой мускулатурой и изрезанным шрамами лицом, пополам перегнулся от хохота.

— Ты просишься мотануть на тот берег вместе с нами? — спросил он на береговом хобокенском жаргоне. — Принимаешь нас за паромщиков с Кристофер-стрит, да?

— Вовсе нет, сэр. Но я надеялся...

— Отправиться на кладбище вместе с надеждами!

Команда гоголом отреагировала на шутку.

— Я готов заплатить за переправу, — с достоинством сказал Стив.

— *Заплатить?* — сквозь смех продолжал капитан. — Ага, мы иногда продаем билеты, на прямой рейс до середины реки, а оттуда на дно.

Команда вновь зашлась смехом.

— Чему быть, того не миновать, — заметил Бакстер. — Позвольте только отправить письмецо жене и детишкам.

— Бабе и последышам? — переспросил капитан. — Отчего нет!

У меня самого они были когда-то, покуда все не пошло прахом.

— Печально слышать, — искренне пожалел Бакстер.

— Ага, — лицо капитана смягчилось. — Помню, как...

И капитан заговорил на таком чудовищно портовом жаргоне, что Бакстер почти не разобрал, о чем шла речь. Он понял лишь то, что семейную жизнь капитана постигло какое-то страшное горе.

— Наверно, вы тогда были счастливы? — осторожно спросил он.

— Думаю, да, — мрачно ответил капитан.

Вперед протиснулся кривоногий коротышка.

— Эй, капитан, завязывай с ним, да отправимся, пока эта параша здесь не развонялась.

— Ты мне приказывать, гаденыш? — рассвирепел капитан. — Во имя Иисуса, мы позволим ему здесь вонять, покуда я не скажу хватит! А с ним я сам разберусь, и, разрази меня гром, если кто-нибудь думает иначе!

И, повернувшись к Бакстеру, добавил:

— Мы возьмем тебя, кореш, задаром, и, может, даже не ограбим.

Таким образом Стив Бакстер, по воле случая затронув слабую струну горьких воспоминаний капитана, получил отсрочку. Судно отчалило и вскоре уже резало отдающие желтизной серо-зеленые воды Гудзона.

Однако отсрочка, полученная Стивом, оказалась недолгой.

Посреди реки, уже в Федеральных водах, вечерние сумерки рассеял мощный луч прожектора, и последовал официальный приказ бросить канат. К несчастью, судно контрабандистов наткнулось на эсминец, патрулирующий Гудзон.

— Черт возьми! — взревел капитан. — Штрафовать да убивать, больше они ни на что не способны! Но мы тоже не пацаны. К оружию, братва!

Команда быстро расчехлила пулеметы пятидесятого калибра. Натуженно взвыли дизели, и груженное марихуаной судно, лавируя, понеслось к спасительному берегу Нью-Йорка. Однако эсминец обладал лучшими скоростными характеристиками, а пулеметы не шли ни в какое сравнение с четырехдюймовыми пушками. Прямым попаданием снарядов были вдребезги разнесены носовые заграждения, произошел взрыв на капитанском мостике, оказался пробитым грот-марс, получили повреждения фок-штанги и фалы бизани.

Казалось, пришло время выбирать: капитуляция или гибель. Но тут капитан потянул носом воздух.

— Держись, молодцы! — заорал он. — Западник идет!

Вокруг еще свистели снаряды, но с запада уже катилась волна непроницаемого смога. Все, до чего дотрагивались его чернильные щупальца, тонуло в крошечной тьме. Изрядно потрепанное суденышко поспешно оставило поле боя, а команда, мгновенно натянув респираторы, воздавала хвалу чадящим свалкам и помойкам, занимавшим огромную территорию в западной части города. Как заметил капитан, дурной ветер дует не к добру.

Спустя полчаса они пришвартовались у пирса на 79-й улице. Капитан дружески обнял Стива и пожелал ему удачи.

Стив Бакстер продолжил свое путешествие.

Широкий Гудзон остался позади. Предстояло преодолеть еще тридцать кварталов центральной части города. Однако выбор маршрутов был невелик — с десяток, не более. Согласно последней радиосводке, Стив Бакстер ушел в сильный отрыв от остальных участников забега, включая Фрейхофа Сент-Джона, который так еще и не выбрался из лабиринтов тоннеля Линкольна.

Казалось, он предусмотрел решительно все, и каждый его шаг был верным. Но оптимизм Стива Бакстера проявился слишком рано. Нью-Йорк с наскока не одолеешь. Осталось пройти еще неизвестную ему самую опасную часть пути.

4

После нескольких часов отдыха в брошенной машине хорошо выспавшийся Стив Бакстер двинулся на юг по Вест-Энд-авеню. Близился рассвет, волшебное время суток в городе, когда на любом из перекрестков можно повстречать не более двух сотен встающих с зарей горожан. Высоко вверх взмывали башни Манхэттена, причудливо украшенные частоколом антенн. Глядя на этих монстров, упирающихся в серовато-бурое небо, Бакстер пытался представить себе, как выглядел Нью-Йорк сто лет назад в спокойный и счастливый период, предшествующий демографическому взрыву.

Однако его размышления неожиданно прервались. Появившаяся словно из-под земли группа вооруженных мужчин преградила ему путь. Маски, широкополые черные шляпы и пущенные через плечо патронташи придавали им злобещий и в то же время весьма колоритный вид. Один из них, судя по всему, главарь, вышел вперед. Это был старик, с лицом, вырезанным словно из камня, наголо бритым черепом, густыми черными усами и печальными глазами, обрамленными набухшими красными веками.

— Незнакомец, — обратился он к Бакстеру, — покажи-ка свой пропуск.

— Боюсь, у меня нет никакого пропуска, — развел руками Бакстер.

— Еще бы, черт возьми, он был, — согласился главарь. — Я, Пабло Стейнмиц, в здешних местах лично выдаю пропуска, а вот тебя что-то не припоминаю.

— Я нездешний, — объяснил Стив Бакстер. — Просто иду мимо.

Мужчины в шляпах заухмылялись, пихая друг друга локтями. Пабло Стейнмиц потер щетинистый подбородок и сказал:

— Слушай, сынок, значит, получается, что ты пытаешься пройти по частной, да к тому же еще облагаемой пошлиной дороге безо всякого разрешения владельца. То есть меня. А посему выходит, что ты незаконно вторгся в чужую собственность.

— Но разве можно иметь частную, да еще облагаемую пошлиной дорогу в самом центре Нью-Йорка?

— Она моя, потому что я так сказал, — заявил Пабло Стейнмиц, поглаживая пальцем зарубки на прикладе винчестера семьдесят восьмого калибра. — В общем, выбирай, незнакомец, плата или игра.

Бакстер потянулся за бумажником и обнаружил, что тот исчез. Очевидно, капитан контрабандистов не сумел перебороть своих низменных инстинктов и на прощание обчистил карманы Бакстера.

— У меня нет денег, — сказал Стив Бакстер, смущенно улыбаясь. — Видимо, мне следует повернуть обратно.

Стейнмиц покачал головой.

— Что вперед, что назад — все равно надо платить. Так что выбор один: платить или играть.

— Ну, тогда я выбираю игру, — сказал Стив Бакстер. — А что я должен делать?

— Бежать, — объяснил Пабло. — А мы по очереди будем в тебя стрелять, причем целиться только в затылок. Кто первым попадет, тот и получит индюка.

— Это нечестно! — заявил Бакстер.

— Конечно, тебе придется туговато, — нежно сказал Стейнмиц. — Но правила есть правила, даже при анархии. Но если ты будешь достаточно проворен и как следует рванешь ради свободы...

Бандиты снова заухмылялись и, подталкивая друг друга локтями, сдвинули на затылки черные широкополые шляпы и вытащили пистолеты. Бакстер уже приготовился к смертельной гонке...

Но в этот момент послышался женский крик:

— А ну-ка стой!

Бакстер обернулся на голос и увидел, как сквозь толпу бандитов протискивается стройная рыжеволосая девушка в наряде, состоящем из тореадорских рейтуз, пластиковых калош и гавайской рубашки. Это экзотическое одеяние, довершенное воткнутой в волосы розой и ниткой жемчуга на шее, подчеркивало ее броскую красоту. Бакстеру еще не доводилось встречать более яркого очарования.

Пабло Стейнмиц нахмурился и пощипал себя за ус.

— Флейм! — прогремел он. — Какого дьявола тебе здесь надо?

— Да так. Решила прервать вашу забаву, папа, — дерзко ответила девушка. — Захотелось вот поболтать с этим лопухом.

— Не лезь в мужские дела, — проговорил Стейнмиц. — Беги, незнакомец.

— Только попробуй, незнакомец! — воскликнула девушка, и в ее руке зловеще блеснул револьвер.

Отец и дочь скрестили взгляды. Старый Пабло не выдержал первым.

— Черт возьми, Флейм, — сказал он. — Правила есть правила, даже для тебя. Если кто-то незаконно вторгается на нашу территорию и не может заплатить, значит, он должен сыграть.

— И всего-то? — спросила Флейм и, запустив под рубаху руку, вытащила серебряный двадцатидолларовик.

— Держи! — Она бросила монету под ноги Пабло. — Раз я плачу, то, может, и сама с ним поиграю. Пошли, незнакомец.

Ухватив Бакстера за руку, она потащила его за собой. Бандиты, глядя на них, перемигивались и посмеивались, пока Стейнмиц не осадил их свирепым взглядом. А сам, покачав головой и почесав за ухом, сморкнулся и выругался:

— Вот чертовка!

Однако эти грубоватые слова он произнес с большой нежностью.

5

На ночь бандиты разбили лагерь на углу 69-й стрит и Вест-Эндавеню. Мужчины в черных шляпах расположились у костра. На вертел насадили сочный кусок мяса, а в объемистый закопченный котел высыпали несколько упаковок свежемороженых овощей. Старик Стейнмиц, отдохавший от воображаемой боли в деревян-

ной ноге, как следует приложился к жестяной банке с мартини. Из темноты доносился вой одинокого пса, вызывающего к суке.

Стив и Флейм сели в стороне от остальных. Ночная тишина, нарушаемая лишь отдаленным грохотом мусоровозов, чарующе подействовала на обоих. Их руки встретились, пальцы переплелись.

Наконец Флейм заговорила.

— Стив, я... я тебе нравлюсь?

— Ну конечно, — ответил Бакстер, дружески обнимая девушку за плечи.

— Понимаешь, — сказала молодая разбойница, — я все думала...

И внезапно смущенно умолкла. Но потом, собравшись с духом, продолжила:

— Ох, Стив, почему бы тебе не прекратить эту гонку для самоубийц и не остаться со мной? У меня есть своя земля, Стив, настоящая! Сто квадратных ярдов в самом центре Нью-Йорка. Мы с тобой даже можем заняться фермерством.

Бакстер чуть было не поддался соблазну — да и кто бы устоял? Естественно, он заметил, какие чувства питает к нему прекрасная разбойница, и сам был готов ответить взаимностью. Чарующая красота Флейм Стейнмиц и ее гордая душа, даже не принимая в расчет сам по себе привлекательный факт наличия земельного участка, без труда могли покорить сердце любого мужчины. Вот и сердце Бакстера учащенно забилося, и он еще крепче обнял хрупкие девичьи плечи.

Однако чувство верности одержало верх. По сути, Флейм являла собой тот романтический образ, мечту о котором мужчина проносит через всю жизнь. Но ведь Аделия была его юношеской любовью, его женой, матерью его детей и преданной подругой всех лет совместной жизни. Характер Стива Бакстера не позволял сделать иного выбора.

Властная красавица не привыкла к отказам. Разъяренная как ошпаренная тигрица, она пригрозила собственными руками вырвать у Бакстера сердце, обвалить в муке, посыпать солью и перцем и изжарить на медленном огне. Ее огромные сверкающие гневом глаза и вздымающаяся грудь говорили о том, что это не просто образные выражения.

Несмотря ни на что, Стив Бакстер спокойно, но неумолимо настаивал на своем. И Флейм с грустью поняла, что никогда бы не полюбила этого человека, если бы он не придерживался высоких моральных принципов, из-за которых ее собственные желания становились неосуществимыми.

И поутру она предложила отпустить кроткого незнакомца с миром, и даже утихомирила своего разбушевавшегося отца, обозвавшего Стива Бакстера безответственным дураком, которого никуда не следует отпускать ради его же собственного блага.

— Это не поможет, папа, разве не понимаешь? — сказала

девушка. — Он должен жить собственной жизнью, пусть даже она ведет его к гибели.

Пабло Стейнмиц смирился, но ворчал еще долго. А Стив Бакстер продолжил свою отчаянную одиссею.

6.

Он направился к центру города, где люди так толпились и толкались, что едва не довели его до истерики. Оглушенный непрерывным грохотом, ослепленный светом неоновых огней, отражавшихся от хромированных поверхностей, Стив Бакстер, наконец, попал в район со множеством указателей:

«ТОЛЬКО СЮДА»

«ПРОХОД ЗАКРЫТ»

«ДЕРЖАТЬСЯ СЕРЕДИНЫ»

«ЗАКРЫТО ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ И ПРАЗДНИКАМ»

«ЗАКРЫТО В БУДНИЕ ДНИ»

«ПОВОРОТ ИЗ ЛЕВОГО РЯДА ТОЛЬКО НАЛЕВО».

Плутаясь в лабиринте противоречивых указателей, он забрел в обширный нищенский район, известный как Центральный парк. Каждый квадратный фут земли, насколько хватало глаз, был занят убогими навесами, жалкими вигвамами, потрепанными лачугами и зловонными публичными домами. Внезапное появление Стива среди озлобленных обитателей парка вызвало поток комментариев, причем весьма неместного свойства. Поселенцы вообразили, что он инспектор санитарной службы, явившийся закрыть их малярийные колодцы, забить их трихинозных свиней и сделать прививки их чахоточным детям. Обступив Стива со всех сторон, они размахивали костылями и выкрикивали угрозы.

К счастью, неисправный тостер в Центральном Онтарио вызвал короткое замыкание в электросети, и свет в округе внезапно погас. Воспользовавшись паникой, Стив бежал.

Однако теперь он оказался в районе, где уличные указатели были давно сорваны, дабы запутать налоговых инспекторов. Солнце же скрывали плотные белые облака, а от компаса не было никакого толку из-за близости чудовищной груды металлолома — жалких остатков легендарной городской системы метрополитена.

Стив Бакстер понял, что окончательно и безнадежно заблудился.

Однако он упрямо продолжал движение с самоотверженностью, питаемой исключительно неведением. Он потерял счет дням, пока бродил по неизвестным улицам, обходя кучи битого кирпича и стекла, груды сплюснутых автомобилей и прочий хлам. Сверхподозрительные обитатели кварталов отказывались отвечать на вопросы, подозревая в нем агента ФБР. Стив скитался по городу, неспособный добыть себе воды и еды, не рискуя даже

устроиться на отдых из опасения оказаться раздавленным толпами людей.

Его подобрал сердобольный сотрудник службы социальной помощи, когда Бакстер пил из фонтана, зараженного гепатитом. Этот обремененный житейской мудростью седовласый старик выходил Бакстера в своем жалком домике, сооруженном целиком из скрученных газет и находящемся неподалеку от заросших мохом руин Линкольновского центра. Он посоветовал Бакстеру прекратить бессмысленные поиски выхода и посвятить себя помощи несчастным, доведенным до скотского состояния людям, ибо уж кого-кого, а таких хватало с избытком.

Это был благородный идеал, и Стив даже заколебался, но тут, на свою удачу, услышал передачу о последних результатах забега из почтенного возраста радиоприемника, принадлежащего сотруднику социальной службы.

Уже многие претенденты встретили свою судьбу на идиосинкратических дорогах города. Фрейхоф Сент-Джон попал в тюрьму за нарушение санитарных норм второй степени. А группа участников, успешно перебравшаяся через Веррацинский мост, бесследно исчезла в занесенных снегом вершинах неприступных Бруклинских высот.

Стив Бакстер понял, что из борьбы он еще не вышел.

7

Явно обнадеженный, он снова начал продвижение к цели. Но теперь Бакстер впал в другую крайность: на смену отчаянью к нему пришла чрезмерная самоуверенность, состояние куда более опасное, чем самое глубокое чувство безнадежности. Он быстро продвигался на юг и, воспользовавшись временным затишьем движения, выбрался на скоростной тротуар. Совершив этот в высшей степени беспечный поступок, он не подумал о последствиях. И тут же к своему ужасу обнаружил, что попал на трассу с односторонним движением, где никакие повороты не разрешались. Тротуар уводил к неизвестным территориям Джонс-Бича, Файр-Айленда, Патчого и Ист-Хэмптона.

Ситуация требовала немедленного разрешения. Слева тянулась сплошная бетонная стена, справа — разделительная ограда в пояс высотой, по которой шла предупредительная надпись:

**«ПЕРЕПРЫГИВАТЬ ЗАПРЕЩЕНО С 12.00 ДО 24.00
ПО ВТОРНИКАМ, ЧЕТВЕРГАМ И СУББОТАМ»**

Сегодня как раз был вторник, заплодень — день и время действия запрета. Тем не менее, нимало не колеблясь, Стив Бакстер перемахнул через ограду.

Возмездие последовало незамедлительно и было ужасным. Из засады вылетел замаскированный полицейский фургон, открыв по

толпе шквальный беспорядочный огонь. В этом злосчастном веке полиции строго предписывалось законом в случае малейшего подозрения применять оружие.

Бакстер скрылся в ближайшей кондитерской. А там, осознав неизбежность наказания, попытался сдаться. Но и на это он не имел права рассчитывать, поскольку городские тюрьмы и так уже были переполнены. Град пуль заставил его вжаться в пол. Суровые полицейские тем временем устанавливали минометы и портативные огнеметы.

Похоже, пришел конец не только надеждам, но и самой жизни Стива Бакстера. Лежа на полу среди драже и кусков пирожных с кремом, он вручил свою душу Господу и приготовился умереть с достоинством.

Однако его отчаянье оказалось столь же преждевременным, сколь преждевременным был недавний оптимизм. Услышав непонятный шум, Бакстер поднял голову и увидел, что полицейский фургон с тыла атакует группа вооруженных людей. Развернувшись навстречу новой угрозе люди в голубой форме были обстреляны с флангов и уничтожены все до единого.

Стив Бакстер вышел поблагодарить своих спасителей, и обнаружил во главе группы нападавших Флейм О'Рурк Стейнниц. Прекрасная разбойница не смогла забыть незнакомца с мягким голосом и, несмотря на возражение пропойцы отца, тенью следовала за Стивом, а в критическую минуту пришла ему на выручку.

Мужчины в черных шляпах занялись грабежом, а Флейм и Стив уединились в уже разграбленном ресторане Говарда Джонса. Именно здесь, под облупленными оранжевыми фронтами, оставшимися от более спокойной и обходительной эпохи, меж ними произошла робкая сцена любви, которая по сути была не более чем кратким и грустным эпизодом. И вскоре Стив Бакстер вновь окунулся в бушующий водоворот города.

8

Он упрямо шел к цели. От густого смога глаза Стива сжались до узких щелочек, а плотно стиснутые губы выделялись тонкой белой линией на закопченном лице. Он уже добрался до Сорок девятой стрит и Восьмой авеню, где обстановка менялась со зловещей внезапностью, присущей каменным джунглям.

При переходе улицы Бакстер вдруг услышал оглушительный грохот. Он догадался, что изменился свет светофора. Озверевшие от многодневного ожидания водители, не обращая внимания на такую незначительную помеху, как Стив Бакстер, одновременно нажали на педали акселераторов. Стив оказался на пути встречного потока машин.

Путь назад, равно как и вперед, был отрезан. Недолго думая, Стив Бакстер сдвинул крышку люка и за полсекунды до столкно-

вения нырнул под землю. Над головой измученно заскрежетал металл, и послышался тяжелый удар столкнувшихся машин.

Бакстер продолжал движение по канализационной системе. Эта сеть туннелей хоть и была плотно заселена, но оказалась заметно безопаснее дорог на поверхности. И всего лишь раз дело чуть не окончилось бедой — когда какой-то бандюга напал на него возле отстойника. Однако Бакстер призвал на помощь уже приобретенный опыт и разделался с нападавшим, заполоучив в награду его каноэ, вещь абсолютно необходимую в путешествии по туннелям нижнего уровня. Он всю дорогу греб изо всех сил, пока каноэ течением не вынесло на поверхность.

И вот долгожданная цель почти рядом. Остался лишь один квартал. Всего один квартал — и Стив Бакстер у Земельного Управления на Таймс-сквер.

Но в тот самый момент, когда до финиша уже было рукой подать, появилось препятствие, перечеркнувшее все надежды Стива Бакстера.

9

Вдоль Сорок второй стрит, перегораживая ее пополам, высилась стена, на север и юг уходящая в бесконечность. Стоя у этого циклопического сооружения, возведенного за ночь в квазичувствительной манере Нью-Йоркской архитектуры, Стив Бакстер выяснил, что здесь ведется строительство гигантского жилого комплекса для семей с высокими доходами, а это каменное чудовище представляет собой одну из стен жилого массива. На время строительства все движение к Таймс-сквер было переведено на круговой маршрут через Куин-Баттери и восточную часть Тридцать седьмой стрит.

Бакстер прикинул, что на путь по новому маршруту у него уйдет не менее трех недель, да к тому же придется идти через совершенно неисследованный округ Гармент. Итак, для него забег окончен.

Смелость, упорство и прочие добродетели — все оказалось напрасным. И будь он неверующим, то не исключено, что решил бы на самоубийство. Испытывая горечь поражения, Стив Бакстер включил свой маленький радиоприемник и прослушал последние известия.

Четверо уже достигли Земельного Управления. Еще пятеро находились в нескольких сотнях ярдов от цели, двигаясь по другую сторону стены с юга. В довершение ко всему Стив услышал, что Фрейхоф Сент-Джон, получивший помилование лично от губернатора, уже был на подходе к Таймс-сквер с восточного направления.

И в этот момент беспросветного отчаянья Бакстер вдруг почувствовал на плече чью-то руку. Обернувшись, он увидел

Флейм. Хоть своенравная девушка и поклялась больше не иметь с ним никаких дел, ее сердце не выдержало. Этот честный человек с покладистым характером значил для нее больше, чем собственная гордость, а может, даже больше, чем сама жизнь.

Стена? Ну и что? Плевое дело для дочери главаря разбойников! Если стену нельзя обойти, пройти ее насквозь или пролезть под ней, значит, остается ее перелезть. И она принесла полный комплект снаряжения скалолаза. Девушка была убеждена, что Бакстер должен использовать последний шанс для достижения цели, и что именно она, Флейм О'Рурк Стейнмиц, просто обязана помочь ему в этом, не принимая никаких возражений.

Бок о бок они взбирались по ровной стене, преодолевая бесчисленные опасности в виде птиц, самолетов, снайперов и прочих умников, короче говоря, все, что может предложить непредсказуемый город. А далеко внизу с лицом, напоминающим растрескавшийся гранит, стоял и наблюдал за ними старый Пабло Стейнмиц.

И вот, преодолев все опасности, они достигли вершины и начали спуск с другой стороны стены.

И вдруг Флейм сорвалась!

С ужасом Бакстер следил, как стройная девушка летит навстречу своей смерти, чтобы на той же Таймс-сквер закончить жизнь на острие автомобильной антенны, пронзившей ее насквозь. Обезумевший от горя Бакстер спустился вниз и рухнул на колени перед телом Флейм.

В тот же самый момент стоявший по другую сторону стены старый пьянчуга Пабло Стейнмиц почувствовал, что произошло что-то необразимо ужасное. Он вздрогнул, рот его перекосило от горя, и он слепо потянулся за бутылкой.

Сильные руки подняли Стива Бакстера. Непонимающим взглядом он посмотрел в сочувственное красное лицо чиновника Управления Федеральных Земель, едва осознавая тот факт, что дошел до финиша. С удивительным равнодушием Бакстер выслушал, как упрямство и надменность Сент-Джона спровоцировали беспорядки в и без того взрывоопасном Бирманском квартале и как в результате этого Сент-Джону пришлось искать спасения в лабиринте развалин Публичной библиотеки, откуда ему так до сих пор и не удалось выбраться.

Однако характеру Стива Бакстера не было свойственно злораство, даже если из всех возможных реакций это чувство было наиболее вероятным.

Самое главное заключалось в том, что он, Стив Бакстер, вовремя успел в Земельное Управление, чтобы получить в награду последний оставшийся акр земли.

Ценой успеха были боль, страдания и жизнь молодой разбойницы.

Время лечит все, и спустя несколько недель Стив Бакстер уже не вспоминал о драматических событиях гонки. Правительственный самолет доставил его с семьей в городок Корморан, расположенный в горах Сьерра-Невады, а оттуда на вертолете они долетели к месту их нового проживания. Затянутый в кожу инспектор Земельного Управления лично вышел встретить и проводить семью Бакстеров до места.

Схематично огороженный участок размещался на почти вертикальном склоне горы. Вокруг, насколько хватало глаз, друг к другу лепились однообразные огороженные участки площадью ровно в один акр. Еще недавно здесь велись разработки, и по всей поверхности пыльной серой земли тянулись гигантские рвы. И ни единого деревца или травинки. Однако, как и было обещано, на участке имелся дом, а точнее лагуна, смотревшаяся так, словно простоят лишь до первого сильного дождя.

Несколько минут Бакстеры молча обзоредали свой участок. Наконец, Аделия не выдержала:

— Ой, Стив!

— Знаю, — ответил Стив.

— Это же наша земля! — воскликнула Аделия.

— Стив кивнул и неуверенно произнес:

— Она выглядит не слишком... привлекательно.

— Привлекательно? Да ты что? Она же *наша*, Стив! Целый акр! Мы даже сможем здесь что-нибудь выращивать, Стив.

— Ну, может, не сразу...

— Знаю, знаю! Сперва мы приведем землю в порядок, потом засадим, а уж потом будем снимать урожай! Мы будем здесь жить, Стив! Неужели не понятно?

Стив Бакстер молча разглядывал свой выигрыш. Дети, сынишка Томми и белокурая малышка Аделия, уже возились в земле, играя с комочками глины. Прочистив горло, Государственный инспектор заявил:

— Как вам известно, вы еще можете изменить решение.

— Что-что? — переспросил Бакстер.

— Изменить решение. Вернуться в городскую квартиру. Я имею в виду, что некоторые считают, будто здесь несколько мрачновато, не совсем то, чего они ожидали.

— Нет, Стив, не надо! — простонала жена.

— Нет, папа, нет, — заплакали дети.

— Вернуться? — повторил Бакстер. — Да у меня и в мыслях нет такого. Я просто смотрю. Мистер, да я в жизни не видел сразу столько земли!

— Понимаю, — тихо отозвался инспектор. — Я здесь вот уже двадцать лет, а все равно до сих пор сам не могу насмотреться.

Стив с Аделией радостно переглянулись. Инспектор потер нос и сказал:

— Ладно, друзья, думаю, я вам больше не нужен.

И потихоньку удалился.

Супруги Бакстер продолжали неотрывно глядеть на свою землю. Наконец Аделия воскликнула:

— Ой, Стив, Стив! И это все наше! Ты выиграл ее для нас. Сам! Бакстер закусил губу. Потом очень тихо проговорил:

— Нет, милая, не только сам. Мне помогли.

— Кто, Стив? Кто помог?

— Когда-нибудь я все тебе расскажу, — ответил Стив Бакстер. — А теперь, давай-ка зайдем в наш дом.

Взявшись за руки, они направились к хижине. За их спинами садилось солнце, утопая в густом смоге Лос-Анджелеса.

И трудно вообразить себе более счастливое окончание истории, произошедшей во второй половине двадцать первого века.

САМОЕ ДОРОГОЕ

Хадуэлл разглядывал проносящуюся под ним планету. Дрожь восторга пробегала по телу. Он видел прекрасный мир зеленых равнин, красных гор и беспокойных серо-синих океанов. Приборы звездолета проанализировали собранную информацию и вынесли заключение: идеальные условия для обитания человека. Хадуэлл ввел в компьютер программу посадки и раскрыл блокнот.

Из-под пера Хадуэлла уже вышло несколько книг — «Белые тени пояса астероидов», «Сага глубокого космоса», «Приключения межпланетного бродяги» и «Терира — планета-загадка».

Хадуэлл записал: «Новая планета дыбилась подо мной, влекущая и таинственная, будоражащая воображение! Что я найду там, пришелец со звезд? Что прячется под зеленым покровом? Опасность? Любовь? Исполнение желаний? Ждет ли покой истомленного путника?»

Высокий, стройный, рыжеволосый, Ричард Хадуэлл унаследовал от отца приличное состояние и купил космическую шхуну класса СС. На этой почтенного возраста посудине он шесть лет путешествовал по просторам Вселенной и писал восторженные книги об увиденных им мирах. Но, честно говоря, восторг был притворным, так как далекие планеты не приносили ничего, кроме разочарования.

Их обитателей Хадуэлл находил исключительно глупыми и уродливыми. Желудок не принимал местной пищи, глаза — манер туземцев. Тем не менее Хадуэлл сочинял романтические истории и надеялся, что когда-нибудь одна из них выпадет и на его долю.

И вот новая планета, не изъеденная язвами городов, прекрасная. Для посадки он выбрал местечко неподалеку от маленькой деревеньки с крытыми тростником хижинами.

— Может, здесь я найду любовь, — вздохнул Хадуэлл, когда шхуна пошла на снижение.

Ранним утром Катага и его дочь Меле, оставив позади свитый из лиан мост, направились к Известняковой горе, чтобы набрать лепестки фрэга. На всю Игати славился аромат растущего там фрэга. Да иного и не могло быть, ибо на Известняковой горе жил Тангукари, бог улыбки.

Днем к ним присоединился Брог, юноша с вечно надутым лицом, которого никогда никому не ставили в пример.

Меле чувствовала, что этим днем должно произойти какое-то очень важное событие. Гибкая, как тростинка, она словно зачарованная переходила от цветка к цветку, ветер играл ее длинными черными волосами.

Знакомые предметы приобрели необычную четкость и значимость. Она смотрела на деревню, хижины которой рассыпались по противоположному берегу реки, на возвышающуюся над ней Островерхую гору, где вершились брачные церемонии, на синее вдаль море.

Даже старый жрец признавал, что на Игати нет девушки красивей Меле. Она ждала, что жизнь увлечет ее в бурный водоворот. Но один монотонный день сменялся другим, и оставалось лишь собирать лепестки фрэга под жаркими лучами двух солнц.

Ее отец что-то напевал. Он представлял себе, как собранные лепестки будут бродить в большом чане. Лэг, жрец, пробормочет над бражкой какие-то нужные слова, выльет полную чашу перед образом Тангукари. А по завершении ритуала вся деревня, включая собак, вволю напьется чудесного напитка.

От таких мыслей работа спорилась. Кроме того, Катага обдумывал сложный и опасный план, реализация которого могла упрочить его репутацию в деревне.

Брог выпрямился, промакнул лицо концом набедренной повязки, взглянул на небо в ожидании дождя.

— Эй! — внезапно воскликнул он.

Катага и Меле подняли головы.

— Там! — указал Брог. — Смотрите туда!

Серебряная искорка в ореоле красного и зеленого пламени спускалась с небес, увеличиваясь с каждой секундой, превращаясь в блестящую сферу.

— Пророчество! — истово прошептал Катага. — Наконец-то... через столько веков ожидания.

— Давайте сообщим в деревню! — предложила Меле.

— А раз я увидел первым, — сказал Брог, — следовательно, оказал деревне важную услугу. Не кажется ли вам, что я имею право на...

Собственно, Брог просил о том, к чему стремился, о чем молился, ради чего интеллигентный человек, вроде Катаги, строил

искусные планы. Но назвать желанное вслух считалось неприличным. Впрочем, Меле и Катага и так все поняли.

— Как по-твоему? — спросил Катага.

— Полагаю, он что-то заслужил, — ответила Меле.

Брог потер руки.

— А может, ты, Меле? Сама?

— Однако решать должен жрец.

— Пожалуйста, — взмолился Брог. — Лэг заявит, что я не готов! Пожалуйста, Катага! Сделай все сам!

Катага искоса взглянул на каменное лицо дочери и вздохнул.

— Извини, Брог. Если б мы были одни... Но Меле не терпит никаких отклонений от общепринятого. Пусть решает жрец.

Брог кивнул, признавая поражение. А блестящая сфера опустилась все ниже, к плоской равнине вблизи деревни. Трое игатийцев подхватили мешки с лепестками фрэга и заспешили домой.

Они подошли к мосту из лиан, висящему над бурной рекой. Катага послал Брома первым, затем — Меле. И последовал за ними, достав из набедренной повязки маленький ножик.

Как он и рассчитывал, Меле и Брог ни разу не оглянулись. Они думали лишь о том, как бы сохранить равновесие на легком, качающемся мосту. На середине Катага провел пальцами по главной несущей лиане. Нащупал поврежденные волокна, обнаруженные им несколько дней назад. Чуть больше надпилил их ножом. Волокна разошлись. Еще один-два надреза, и мост рухнет под тяжестью человека. Довольный собой, Катага спрятал нож в набедренную повязку и поспешил за Бромом и Меле.

Известия о прибытии гостя переполошили деревню. Мужчины и женщины не могли говорить ни о чем другом, как об этом важном событии, и вскоре перед святилищем Инструмента начались пляски, прекратившиеся, правда, как только из храма Тангукари вышел старый жрец.

За долгие годы Лэг, высокий, высохший старик, внешне стал похож на своего улыбающегося благодушного бога. На его облысевшей голове топорщилась перышками корона жреческой касты, он тяжело опирался на священную черную булаву.

— Дети мои, — начал Лэг, — сбылось древнее пророчество Игати. Великая сверкающая сфера упала с небес, как и предрекали старые легенды. Из сферы выйдет существо, похожее на нас, посланное к нам Тангукари.

Люди нивали, жадно ловя каждое слово.

— Посланец будет творить добро. Он, как никто другой, облегчит нашу жизнь. А закончив работу и объявив, что должен отдохнуть, он будет ждать награды, — голос Лэга упал до шепота. — Награда эта — предел мечтаний и молитв каждого игатийца. Тангукари жалует ее только тем, кто хорошо служит ему и всей деревне.

Жрец повернулся к Бромгу.

— Ты, Брог, стал первым, кто увидел посланца. Ты хорошо послужил деревне, — жрец поднял руки. — Друзья! Считаете ли вы, что Брог должен получить награду, которую он ждет?

Большинство утвердительно закивали, но тут вперед выступил Вэсси, богатый купец.

— Это несправедливо. Мы трудимся ради этого мига всю жизнь и приносим в храм богатые подарки. Брог не сделал ничего такого, чтобы получить даже самую обычную награду. Кроме прочего, нужно помнить: он низкого происхождения.

— Твои рассуждения не лишены здравого смысла, — признал жрец, и Брог застонал от разочарования. — Но Тангукари щедр не только к высокородным. Каждый, кто верно служит ему, может рассчитывать на его благоволение. Если Брог не будет вознагражден, не потеряют ли остальные надежды?

Толпа одобрительно загудела, и из глаз Брога брызнули слезы благодарности.

— На колени, Брог, — лицо жреца лучилось добротой и любовью.

Брог преклонил колени. Все затаили дыхание.

Лэг поднял тяжелую булаву и со всей силой ударил по голове Брога. Тот упал на землю, дернулся и затих. На его губах застыла блаженная улыбка.

— Какая прелесть, — завистливо пробормотал Катага.

Меле сжала его руку.

— Не волнуйся, отец. Придет день, и ты получишь награду.

— Надеюсь, — вздохнул Катага, — но как знать наверняка? Вспомни Ри́и. Милейший человек, а какой набожный! Бедняга, всю жизнь работал и молился о мучительной смерти. А что произошло? Он умер во сне, в собственной постели! Разве это смерть для мужчины?

— Бывают же исключения.

— Я могу привести еще с полдюжины подобных примеров.

— Не стоит волноваться об этом, отец. Я уверена, ты умрешь прекрасно. Как Брог.

— Да, да... но, если подумать, смерть Брога весьма тривиальна, — его глаза сверкнули. — Я хочу что-то действительно запминающееся, болезненное, долгое и чудесное, вроде награды, ожидающей посланца.

Меле отвернулась.

— Тебя бурувает гордыня, отец.

— Ты права, — вздохнул Катага. — Но, когда-нибудь... — Он улыбнулся. Его день еще придет! Умный и решительный мужчина не пустит на самотек такое важное дело и сам подготовит себе мучительную смерть, вместо того чтобы ждать, пока недоумок-жрец сочтет, что пришла его пора. Называйте это ересью или как-то еще, но внутренний голос твердил Катаге, что мужчина имеет право умирать так, как ему хочется, если, разумеется, сумеет реализовать намеченное.

Мысль о надрезанной лиане согревала сердце. Как хорошо, что он так и не научился плавать.

— Пойдем встречать посланца, — Меле дернула отца за руку.

И вслед за остальными они направились к лугу, на который опустилась блестящая сфера.

Ричард Хадуэлл откинулся в кресле пилота и вытер со лба пот. Последние туземцы только что покинули его корабль, и он слышал, как они пели и смеялись, возвращаясь в деревню в вечерних сумерках. В рубке пахло цветами, медом и вином, а серые металлические стены, казалось, еще вибрировали от рокота барабанов.

Хадуэлл улыбнулся, достал блокнот, выбрал ручку и начал писать.

«Игати — хранилище красоты, планета гордых вершин и бурлящих горных потоков, нескончаемых пляжей черного песка, зеленеющих джунглей и цветущих лугов».

Неплохо, отметил про себя Хадуэлл, и продолжил.

«Живут здесь мирные гуманоиды со светло-коричневой кожей, грациозные и красивые. Они встретили меня цветами и танцами, многообразными проявлениями радости и любви. Гипнопрепараты позволили быстро освоить их язык, и скоро мне стало казаться, что я родился и вырос в этой деревне. Добродушные и смешливые, нежные и вежливые, они живут в полном согласии с природой. Какой урок преподнесен Цивилизованному человеку!

Туземцы и их улыбающийся бог Тангукари вызывают только добрые чувства. Остается надеяться, что Цивилизованный человек с его стремлением к уничтожению и неистовым образом жизни не доберется сюда, чтобы сбить их с тропы счастливой умеренности».

Хадуэлл взял другую ручку, с более тонким пером.

«Тут есть девушка, ее зовут Меле, которая... — он зачеркнул строчку. — Черноволосая девушка по имени Меле, несравненно прекрасная, подошла и заглянула мне прямо в душу...» — Хадуэлл зачеркнул и это.

Нахмурившись, он набросал еще несколько вариантов.

«Ее маленькие алые губки чуть дрогнули, когда я...»

«Хотя ее маленькая рука лишь на мгновение коснулась...»

Хадуэлл вырвал страницу. Лучше вернуться к главному, а Меле оставить на потом.

Закрыв блокнот, Хадуэлл долго смотрел на далекую деревню, освещенную факелами. Затем раскрыл блокнот.

«Однако мне представляется, что их культура достаточно сильна, чтобы вобрать в себя только лучшее, отбросив все наносное. Моя помощь пойдет лишь на пользу. И я всем сердцем хочу им помочь».

Хадуэлл закрыл блокнот и убрал ручки.

Следующим днем Хадуэлл начал творить добро. Он заметил, что многие игатийцы страдают болезнями, переносчиками которых являлись кровососущие насекомые. Подбирая соответствующие антибиотики, он вылечил всех, за исключением самых запущенных случаев.

При врачебных обходах его всегда сопровождала Меле. Прекрасная игатийка быстро приобрела навык ухода за больными, и вскоре Хадуэлл уже не мог обходиться без нее.

Наконец в деревне не осталось тяжелых больных, и Хадуэлл проводил все больше времени в залитой солнечными лучами роще. Там он отдыхал и работал над книгой.

Заметив изменение распорядка дня Хадуэлла, жрец тут же собрал жителей деревни, чтобы обсудить дальнейшие действия.

— Друзья, — обратился к собравшимся Лэг, — наш благодетель, Хадуэлл, оказал деревне неоценимые услуги. Но Хадуэлл устал и отдыхает, нежась в солнечных лучах. То есть он ждет награду, за которой прилетел к нам.

— Посланец заслужил награду, — согласно кивнул Вэсси, купец. — Полагаю, что жрец должен взять булаву, пойти в рощу и...

— С чего такая скаредность? — удивился Джул, готовящийся стать жрецом.

— Ты прав, — с неохотой признал Вэсси. — Я предлагаю вогнать ему под ногти ядовитые шипы легенбюри.

— Может, шипы достаточны для купца, — возразил Тгара, камнетес, — но не для Хадуэлла. Он заслуживает смерти вождя! Я предлагаю привязать его к дереву и разжечь под пятками небольшой костерок, чтобы...

— Подождите, — оборвал его Лэг. — Хадуэлл достоин смерти мученика. Отнесем его к ближайшему гигантскому муравейнику и погрузим в него по шею.

Предложение жреца встретили с восторгом.

Уточнив последние мелочи, они назначили время празднества. Деревня трепетала в религиозном экстазе. Хижины украсились цветами. Только Меле, непонятно по какой причине, было не по себе. Низко склонив голову, она пересекла деревню и направилась к роще, где отдыхал Хадуэлл.

Раздевшись по пояс, тот загорал под двумя солнцами.

— Привет, Меле, — помахал он рукой. — Я слышу барабаны. Что-то готовится?

— У нас будет праздник, — Меле села рядом.

— Отлично. Можно мне поучаствовать?

Меле, не сводя с него глаз, медленно кивнула. Ее сердце таяло при виде истинного мужества. Посланец свято соблюдал древний кодекс, согласно которому мужчина должен притворяться, будто праздник его смерти не имеет к нему никакого отношения. В ее

деревне никому не удавалось казаться столь безучастным. Но, разумеется, посланец Тангукари лучше других знает, как нужно вести себя в столь ответственный момент.

— Скоро начнется праздник? — спросил Хадуэлл.

— Через час, — ответила Меле. Еще недавно ей было легко и свободно рядом с Хадуэллом, а теперь словно что-то сдавило сердце. Объяснения она не находила. Застенчиво взглянула Меле на яркую одежду посланца, его рыжие волосы.

— Хадуэлл мог бы сделать что-нибудь еще для деревни? Что угодно! Мы оценили бы твою доброту.

— Конечно, мог бы. Но я подумал, что сначала можно и отдохнуть, а потом, не спеша...

— Нет! Пожалуйста! — взмолилась Меле. — Эти ирригационные каналы, о которых ты говорил. Ты можешь приступить к ним немедленно?

— Если ты хочешь, я готов. Но...

— О, дорогой! — Меле отступила на шаг, когда Хадуэлл протянул к ней руки. — Нет времени! Я должна вернуться и оповестить деревню.

Меле примчалась в деревню и нашла жреца в храме. Лэг молился. Меле рассказала ему о новых планах посланца Тангукари.

Старый жрец медленно кивнул.

— Тогда церемонию следует отложить. Но скажи, дочь моя, чем вызвана твоя заинтересованность?

Меле покраснела и промолчала.

Жрец улыбнулся, но затем лицо его посуровело.

— Я понимаю. Послушай меня, девочка. Не позволяй любви отвлечь тебя от истинного служения Тангукари, не отходи от древних обычаев нашей деревни.

— У меня и в мыслях такого не было! — возмутилась Меле. — Я просто чувствовала, что смерть мученика — недостаточная награда Хадуэллу. Он заслуживает большего. Он заслуживает... Абсолюта.

— За последние шестьсот лет никто не удостоивался Абсолюта, — возразил Лэг. — С той поры как герой и полубог В'ктат спас игатицев от ужасных гуилвийских чудовищ.

— Но Хадуэлл тоже герой! — настаивала Меле. — Дай ему время, он проявит себя! Покажет, на что способен!

Старый жрец повозил по полу булаву, глубоко задумался.

— Может, ты и права, наверное, права.

Тут он резко поднял голову, изучающе взглянул на девушку.

— Но скажи мне правду, Меле. Ты действительно хочешь сохранить его для абсолютной смерти? Или оставить для себя?

— Он должен получить смерть, которую заслуживает, — Меле отвела глаза.

Тут в храм вбежал Вэсси, купец.

— Пойдемте скорее! — воскликнул он. — Несчастье с Иглаи, землепашцем! Он обошел табу!

Толстый веселый землепашец умер ужасной смертью.

Он шел обычным путем от своей хижины к центру деревни мимо старого колючего дерева. Внезапно дерево рухнуло на него. Сотни шипов вонзились в его тело. Очевидцы свидетельствовали, что Иглаи больше часа стонал, прежде чем отошел в мир иной.

Но умер он со счастливой улыбкой на лице.

Жрец оглядел толпу, собравшуюся вокруг тела Иглаи. Кто-то прятал под ладонью ухмылку. Лэг подошел к колючему дереву, осмотрел его. Увидел следы надпилов, замаскированные высушенной глиной. Повернулся к толпе.

— Часто ли Иглаи подходил к этому дереву?

— Конечно, — ответил другой землепашец. — Он всегда обедал под ним.

Люди улыбались уже не таясь, гордые подвигом Иглаи. Все загворили разом.

— А я-то думал, почему он тут ест.

— Он еще говорил, что любит есть в одиночестве.

— Ха!

— Должно быть, он все время пилил дерево.

— Многие месяцы. Дровесина-то крепкая.

— Молодец, Иглаи, ничего не скажешь.

— Подумать только! Он всего лишь землепашец и не так уж истово поклонялся богу. А устроил себе такую прекрасную смерть.

— Слушайте, добрые люди! — вскричал Лэг. — Иглаи совершил святотатство. Только жрец может разрешить насильственную смерть.

— Не пойман — не вор, — донеслось из толпы.

Жрец печально склонил голову. На этот раз он проиграл. Если бы он поймал Иглаи за руку, то назначил бы тому суровое наказание. Иглаи никогда не решился бы еще на одну попытку самоубийства и, скорее всего, умер бы в собственной постели от старости. Но он опоздал. Землепашец добился своего, и крылья смерти уже принесли его к Рукечанги. Просить бога наказать Иглаи после смерти бесполезно, ибо тот сам разберется с землепашцем, представшим сейчас перед его очами.

Неделю спустя Хадуэлл записал в дневнике:

«Нет ни одного народа, похожего на игатийцев. Я жил среди них, ел и пил с ними, изучал их образ жизни. И то, что открылось мне, поражает воображение.

Дело в том, что у игатийцев нет такого понятия, как война. Вдумайся в это, Цивилизованный человек! За всю их историю не было ни одной войны. Они и представить не могут, что это такое. Поясню вышесказанное на примере.

Я пытался объяснить, что такое война, Катаге, отцу моей несравненной Меле. Тот почесал затылок и спросил:

— Ты говоришь, многие убивают многих? Это и есть война?

— Ее часть, — ответил я. — Тысячи, гибнут тысячи.

— Значит, многие умирают в одно и то же время и одинаковым образом?

— Совершенно верно, — кивнул я.

Катага долго думал, затем взглянул на меня.

— Плохо, когда много людей умирает одновременно и одинаково. Не приносит удовлетворения. Каждый должен умирать по-своему.

Только представь, Цивилизованный человек, невероятную наивность последней фразы. И в то же время не истина ли лежит в основе этой наивности, истина, которую еще предстоит нам осознать?

Более того, туземцы никогда не ссорятся, не дерутся между собой, не знают преступлений, убийств.

И вот к какому выводу я пришел: насильственная смерть незнакома этому народу за исключением, естественно, несчастных случаев.

Ужасно, конечно, что несчастные случаи не так уж редки и почти всегда исход их фатален. Но последнее я отношу к суровости природы и какой-то детской беззаботности туземцев. И надо отметить, что случаи эти не остаются незамеченными. Жрец, с которым у меня установились теплые дружеские отношения, очень озабочен их частотой и постоянно призывает жителей деревни к осторожности.

Очень хороший человек.

А теперь перехожу к главному (тут Хадуэлл улыбнулся).

Меле согласилась стать моей женой! Церемония бракосочетания состоится сегодня. Уже готовится праздничное пиршество. Я считаю себя самым счастливым из смертных, ибо Меле прекрасна, прекрасна и удивительна.

У нее развитое общественное сознание. Возможно, чересчур развитое. Она постоянно убеждает меня сделать еще что-нибудь для деревни. И я потрудился на славу. Закончил ирригационную систему, ввел в севооборот несколько быстросозревающих злаков, научил игатийцев основам металлообработки и многому, многому другому. Она, однако, хочет большего.

Но тут я поставил точку. Я имею право на отдых.

Только Меле не хочет меня понять. Она твердит, что я должен работать и работать. И упоминает о каком-то ритуале, связанном с Абсолютом (если я перевел правильно).

Но с меня хватит. Я отказался делать что-то еще, во всяком случае, в ближайшие год-два.

Абсолют состоится сразу же после нашей свадьбы. Полагаю, речь идет о почестях, которые хотят воздать мне жители деревни. Я выразил согласие их принять.

Будет интересно».

Все население деревни во главе с жрецом проследовало к Островерхой горе, где, как указывалось ранее, вершились брачные

церемонии. Мужчины, украшенные перьями экзотических птиц, женщины в ожерельях из ракушек и блестящих камней. В центре процессии четверо здоровяков несли какой-то странный агрегат. Хадуэлл лишь мельком взглянул на него, но знал, что агрегат этот с почтением вытащили из хижины, крытой черным тростником, по всей вероятности, святилища.

Гуськом, по одному прошли они по мосту из лиан. Катага, замыкавший колонну, улыбаясь про себя, еще раз полоснул ножом по уже подрезанной лиане.

Островерхая гора — узкий черный пик — возвышалась над морем. Хадуэлл и Меле стояли над самым обрывом, лицом к жрецу. Шум стих, едва Лэг поднял руки.

— О, великий Тангукари! — воскликнул Жрец. — Благослови этого мужчину, твоего посланца, который пришел к нам с небес в сверкающей сфере и сделал для Игати больше, чем кто бы то ни было. И благослови твою дочь, Меле. Научи ее любить память своего мужа... и укрепи в вере предков.

Произнося эти слова, жрец пристально смотрел на Меле. А та, с высоко поднятой головой, и не думала отводить взгляд.

— А теперь я объявляю вас мужем и женой!

Хадуэлл заключил Меле в объятия и поцеловал. Радостные крики огласили морской берег. Катага застенчиво улыбался.

— Хочу порадовать тебя, Хадуэлл, — продолжал жрец.

— О? — Хадуэлл с неохотой оторвался от жены.

— Мы тут посоветались и решили, что ты достоин... Абсолюта!

— Я очень тронут!

Жрец махнул рукой. Четверо мужчин подтащили странный агрегат, который он видел лишь издали. Теперь Хадуэлл разглядел, что это платформа размером с большую кровать, вырубленная из черного дерева. Колючки, крюки, заостренные раковины, грозные шипы. Выемки, похожие на чаши. Еще какие-то приспособления...

— Впервые за шестьсот лет Инструмент покинул святилище, в котором хранился, — возвестил жрец. — С тех пор как В'ктат, герой-полубог, спас игатийцев от уничтожения. Но его вынесли ради тебя, Хадуэлл.

— О, я недостоин, — потупился тот.

Скромность Хадуэлла произвела самое благоприятное впечатление.

— Поверь мне, — с жаром возразил Лэг, — ты достоин. Согласен ли ты на Абсолют, Хадуэлл?

Тот взглянул на Меле. Но не смог прочитать выражение ее прекрасного лица. Повернулся к жрецу. Бесстрастная маска. Толпа замерла. Хадуэлл склонился на Инструмент. Малоприятное зрелище. В его душу закралось сомнение.

Может, он ошибся в суждениях об этом народе? Инструмент, похоже, предназначался для пыток. Эти колючки и крюки... Да и все остальное... Хадуэллу представилось, как их можно использо-

вать, и по его телу пробежала дрожь. Перед ним — густая толпа, за спиной — обрыв в тысячу футов. Хадуэлл вновь взглянул на Меле.

И прочел на ее лице лишь любовь и обожание.

Так чего волноваться, подумал Хадуэлл. Они никогда не причинят ему вреда, особенно после того, что он для них сделал.

Несомненно, Инструмент используется лишь символически.

— Я согласен, — ответил Хадуэлл.

Последовал взрыв восторга, игатийцы окружили Хадуэлла, улыбаясь, пожимая руки.

— Церемонию проведем немедленно, — решил Лэг. — В деревне, перед статуей Тангукари.

Тут же они тронулись в обратный путь во главе со жрецом. Хадуэлл и Меле переместились в середину процессии. После бракосочетания Меле не произнесла ни слова.

В молчании перешли они качающийся мост. Игатийцы сгруппировались вокруг Хадуэлла. Если б не их врожденная доброжелательность, он мог бы заподозрить жителей деревни в дурных намерениях.

А жрец спешил к алтарю Тангукари.

Внезапно раздался громкий крик. Все повернулись и бросились к реке. Добежав до берега, Хадуэлл увидел, что произошло. Катага, отец Меле, вновь замыкал шествие. Когда он добрался до середины моста, неожиданно лопнула главная несущая лиана. Катаге удалось схватиться за боковую лиану, и он завис над рекой. Но ненадолго. У всех на глазах его пальцы разжались, и он рухнул в воду.

Хадуэлл оцепенел. Как в замедленном кино прокручивалось перед ним падение Катаги, торжествующая улыбка на его лице, ревущая река, торчащие из воды скалы ниже по течению.

Страшная неминуемая смерть ждала Катагу.

— Он умеет плавать? — спросил Хадуэлл Меле.

— Нет, — ответила девушка. — Он не захотел учиться... Папа! Как ты мог!

Бурный поток пугал Хадуэлла куда больше, чем бездонная пустота космоса. Но погибал отец его жены. И времени на раздумья не оставалось.

Хадуэлл бросился в ледяную воду.

Катага уже терял сознание, когда Хадуэлл схватил его за волосы и потащил к ближайшему берегу. Но река не хотела расставаться с добычей. Водовороты кружили их и тянули ко дну. Чудом удалось Хадуэллу избежать первой скальной гряды. Но впереди громоздились вторая и третья.

Жители деревни, что-то крича, бежали по берегу.

Силы убывали, но Хадуэлл не оставлял попыток выбраться из воды. Острый камень процарапал ему бок. Катага приходил в себя, начал вырываться.

— Не сдавайся, старик, — подбадривал его Хадуэлл. До берега

оставался какой-нибудь десяток футов, но поток вновь поволок их к середине.

Нечеловческим усилием Хадуэллу удалось схватиться за склонившуюся над водой ветвь. Он не разжал пальцев, пока жители деревни, следуя указаниям жреца, не вытащили обоих на берег.

Их отнесли к храму Тангукари. Отдышавшись, Хадуэлл подмигнул Катаге.

— Едва уползли, старик!

— Подонок! — тот плюнул в Хадуэлла и захромал прочь.

Хадуэлл изумленно смотрел ему вслед.

— Должно быть, старик повредился умом, — он повернулся к жрецу. — Ну, так когда приступим к Абсолюту?

Угрожающие лица игатийцев надвинулись на него.

— Ха! Он хочет Абсолюта!

— Какой наглец!

— После того, как он вытащил бедного Катагу из реки, ему хватает совести...

— Спасти жизнь собственному тестю!

— Да откуда он свалился на нашу голову? — задал риторический вопрос Вэсси. — Смерть для него — слишком большая честь.

Хадуэлл никак не мог понять причину массового умопомешательства. Он обратился к жрецу.

— Что происходит?

Лэг, сжав обледеневшие губы, печально смотрел на него и молчал.

— Разве меня не удостоят церемонии Абсолюта?

— Ты ее заслужил, — последовал ответ. — Если кто достоин Абсолюта, так это ты, Хадуэлл. Справедливость требует, чтобы ты получил Абсолют. Но есть принципы милосердия и сострадания, которые так ценит Тангукари. Если взглянуть на случившееся под этим углом, ты, Хадуэлл, совершил недостойный, отвратительный проступок, вытащив беднягу из реки. Боюсь, простить такое невозможно.

Хадуэлл не знал, что и сказать. Очевидно, он нарушил табу, не позволяющее спасать игатийцев, свалившихся в реку. Но откуда мог он знать о существовании табу? Разве такой пустяк мог перевесить все доброе, что он сделал для них?

— Неужели вы не можете хоть как-нибудь отблагодарить меня? — взмолился он. — Вы мне нравитесь. Я хочу жить среди вас. Я уверен, вы что-то придумаете.

Глаза старого жреца затуманились сочувствием. Он сжал булаву, оторвал ее от земли.

Его остановил возмущенный гул толпы.

— Я бессилен, — булава легла на землю. — Оставь нас, лживый посланец. Уходи от нас, о, Хадуэлл. Ты не достоин даже смерти.

— Ладно! — терпение Хадуэлла лопнуло. — Черт с вами,

грязные дикари. Не останусь с вами ни за какие коврижки. Я ухожу. Ты со мной, Меле?

Девушка вздрогнула, взглянула на Хадуэлла, затем — на Лэга. Повисла тяжелая тишина.

Меле гордо вскинула маленький подбородок.

— Я замужняя женщина. Пошли, Ричард.

— Молодец, — кивнул Хадуэлл и поспешил к звездолету. Меле последовала за ним.

— Меле! — в отчаянии вскричал жрец, но девушка даже не обернулась. Они поднялись по трапу, тот втянулся вовнутрь, люк захлопнулся.

Минуту спустя языки красного и синего пламени окутали серебристую сферу. Она оторвалась от земли, плавно набирая скорость, поднималась все выше и выше, превратилась в точку, растворилась в небе.

По щекам жреца катились слезы...

— Дорогая, мы летим на Землю, мою родную планету, — пояснил Хадуэлл. — Тебе там понравится.

— Обязательно, — Меле не отрывала глаз от россыпи звезд на черном бархате космоса.

Где-то среди них затерялся ее дом, куда ей уже не вернуться. Но другого выхода не было. Женщина всегда идет за мужчиной, которого любит. И если любит по-настоящему, никогда не теряет веры в него.

Меле по-прежнему верила в Хадуэлла.

Под одеждой она нащупала миниатюрный, вставленный в ножны кинжал. Его кончик покрывал медленно действующий, вызывающий ужасные боли яд. Кинжал передавался по наследству из поколения в поколение и использовался, когда поблизости не было жреца и только для самых любимых членов семьи.

— Теперь я не буду терять время попусту, — продолжал Хадуэлл. — Ты вдохновишь меня на великие дела. Ты будешь гордиться мною, дорогая.

Меле согласно кивала. Когда-нибудь, думала она, Хадуэлл искупит грех перед ее отцом. Возможно, уже в следующем году. А потом он получит от нее самое дорогое, что может дать женщина своему мужчине.

Мучительную смерть.

МОЖЕТ, ПОГОВОРИМ?

1

И все же госадка, несмотря на причуды гравитации от двух солнц и шести лун, была удовольствием.

Проблемы могли возникнуть лишь из-за низкой облачности, да и то только в том случае, если бы Джексон входил в атмосферу в ручном режиме. Однако он считал это дуростью.

Куда проще и безопаснее задействовать автопилот, развалиться в кресле и наслаждаться полетом.

В двух тысячах футов от поверхности планеты облачность рассеялась, и Джексон понял, что не ошибся. Внизу находился город.

Специфика его работы требовала от человека длительного одиночества, однако — тут заключался весьма забавный парадокс — требовала и в высшей степени общительного характера. Такое противоречие привело к тому, что с годами у Джексона выработалась привычка разговаривать с самим собой. Впрочем, все, кто занимался подобной работой, приобретали схожие привычки. Джексон мог общаться с кем угодно: будь то человек или существо другой расы, — и неважно какой оно формы, цвета или размера.

За разговоры ему и платили. Он вел беседы с самим собой в долгих межзвездных перелетах, а уж если выдавалась возможность поговорить с кем-то или чем-то, что вдобавок обладало способностью отвечать, то порой не мог остановиться. Джексон считал редкой удачей, что за его болтливость ему еще и платят.

«И не просто платят, — напомнил он себе, — а *хорошо* платят. Да еще и с премиальными. А с планетой мне, кажется, и вовсе повезло. Похоже, я сорву на ней неплохой куш, если меня, конечно, здесь не убьют».

Полное одиночество в межзвездных полетах да угроза гибели относились к единственным недостаткам его работы. Но уж если работа простая и неопасная, то и оплата оставляет желать лучшего.

Убьют ли его? Тут никогда не угадаешь. Поведение чужеродных созданий непредсказуемо — совсем как у человека, а может, и того больше.

«Не думаю, однако, что меня здесь убьют, — произнес вслух Джексон. — Нутром чую: нынче удачный денек».

Такая нехитрая философия в течение долгих лет придавала ему сил и в бесконечных пустотах космоса, и на различных планетах. И он не видел причин именно сейчас менять свою точку зрения.

Корабль совершил посадку, и Джексон привел его в состояние полной боеготовности. Затем взял пробы воздуха на содержание кислорода и прочих элементов и провел анализ на наличие местных микроорганизмов. Жить и дышать здесь оказалось можно. Джексон поудобней устроился в кресле и стал ждать. Ожидание, естественно, не затянулось. Они — местные, туземцы, аборигены — называй как угодно, явились взглянуть на космический корабль. А Джексон разглядывал их через иллюминатор.

«Так, — произнес он. — Похоже, разумную жизнь в этой глуши представляют собой настоящие ребятки гуманоиды. А сие означает премию в пять тысяч долларов дядюшке Джексону».

Местные обитатели оказались одноголовыми и двуногими. Они имели столько же, сколько и у человека, пальцев, носов, глаз, ушей и ртов. Их кожа была такого же цвета, как и у представителей белой расы с Земли, губы — бледно-розовые, а волосы — черные, каштановые и даже рыжие.

«Эй, да они же точь-в-точь как братишки земляне! — воскликнул Джексон. — Черт, а, может, за это мне и премию увеличат? За человекообразных, а?»

Аборигены были одеты. Некоторые держали в руках изящные палочки с искусно выполненной резьбой, напоминающие щегольские тросточки. Женщины носили украшения, изготовленные из узорчатого металла, покрытого эмалью. Джексон прикинул, что период культурного развития планеты примерно соответствует последнему периоду бронзового века.

Аборигены о чем-то говорили друг с другом, сопровождая слова оживленной жестикуляцией. Джексон, естественно, не понимал их языка, но сейчас это и не имело значения. Главное, что язык у них был, а речевые звуки без труда могли быть воспроизведены его голосовыми связками.

«Совсем не так, как на той мерзкой планетище, куда меня занесло в прошлом году, — сказал себе Джексон. — Из-за тамошних чертовых сукиных сынов с их ультразвуковой речью мне пришлось обвеситься специальными наушниками и кучей микрофонов! Да еще при той-то жаре, когда и в тени-то было не меньше 110...»

Местные ожидали его выхода, о чем Джексон прекрасно знал, но первый момент контакта — дело всегда тонкое и нервное. Да и то лишь в том случае, если у туземцев хватает ума на него пойти.

Джексон нехотя подошел к люку и открыл его. Протерев глаза и прочистив горло, он сумел изобразить на лице дружескую улыбку. Перед выходом он напомнил себе: «Без суеты, дружище. Помни, ты всего-навсего простой межзвездный бродяга, этакий галактический скиталец, явившийся протянуть руку дружбы и вручить земные дары. Тебе и надо-то: поговорить немного, и ничего больше. Заставь их поверить в это, дорогуша, и внеземные Джоны проникнутся к тебе доверием. Не забывай Правило Джексона: все разумные существа обладают прямо-таки религиозной склонностью к вере, и некий трехязыкий Сунг с Орангуса-5 готов ради нее вылезти из шкуры, совсем как какой-нибудь Джо Доукс из церкви Святого Павла».

Сказав это, Джексон нацепил искусственную улыбку и вышел немного поговорить.

— Ну и как вы здесь поживаете? — спросил он просто ради того, чтобы услышать собственный голос.

Стоявшие в первых рядах отшатнулись. Все сразу нахмурились, а те, которые помоложе, принялись пробовать пальцами лезвия бронзовых ножей. Оружие, конечно, грубоватое, но зато и

самое эффективное из всего когда-либо придуманного. Аборигены с самым зловещим видом начали приближаться к Джексону.

— Эй, там, полегче на поворотах, — крикнул Джексон, стараясь придать голосу уверенность и спокойствие.

Однако те, зажав в руках ножи, продолжали наступать. Джексон же пока оставался на месте, но уже готовился юркнуть в люк, как заяц в норку, очень надеясь, что в нужный момент это ему удастся.

Вдруг из подобравшейся к нему ближе всех троицы воинственно настроенных людей (для удобства Джексон решил называть их «людьми») выдвинулся вперед самый старший и, обернувшись к наступавшим, отчаянно жестикулируя, что-то заговорил. Остальные двое, не опуская ножей, молча слушали.

— Правильно, — храбрясь, крикнул им Джексон. — Посмотрите хорошенько. Большой корабль с грузом. Много хороших лекарств. Да и сама машина мощная — технология-то ого-го как вашу обскакала. Стоит того, чтобы остановиться и призадуматься, не правда ли?

Аборигены остановились и, если и не призадумались, то уж, по крайней мере, затеяли крупную перепалку. Они размахивали руками и тыкали пальцами то на корабль, то в сторону города.

— Ага, дошло-таки, — заявил Джексон. — Сила разговаривает на универсальном языке, верно, братишки?

Джексон был свидетелем множества подобных сцен на множестве разных планет. Он почти с буквальной точностью мог воспроизвести диалоги аборигенов.

Обычно происходило вроде следующего.

Итак, в диковинной колеснице с неба сваливается незванный гость. В связи с этим выявляются по-порядку: первое — любопытство, второе — страх, третье — враждебность. После нескольких минут благоговейного созерцания некий абориген обычно говорит своим приятелям:

«Эта чертова железяка обладает адской силой!»

«Ты прав, Хэрби», — соглашается его приятель, второй абориген.

«Ха, держу пари, что прав, — продолжает некий Хэрби. — И, черт возьми, с такой-то мощью, технологией и материалами этот вооруженный до зубов сукин сын вроде может нас и поработить. А я нисколько не сомневаюсь, что именно к этому он и стремится».

«Ты попал в точку, Хэрби, скорей всего так и будет».

«Так вот что я вам скажу, — продолжает Хэрби. — Я скажу: давайте не будем рисковать. Хотя этот поганец и выглядит довольно дружелюбным, но уж больно много у него силы. А это неправильно. А правильно сейчас вот что: принять в расчет, что он стоит себе, в ус не дует и ждет нечто вроде оаций. А посему давай-ка положим конец страданиям этого ублюдка и выпустим ему кишки, а уж потом спокойненько обсудим, как наилучшим образом извлечь выгоду из сложившейся ситуации».

«Во имя Иисуса, я с тобой!» — кричит его приятель Фред. Остальные шумно выражают свое согласие.

«С нами Бог, ребята! — кричит Хэрби. — Давайте набросимся на чужака и выпустим ему кишки прямо *сейчас!*»

И они начинают приближаться. Но тут в последний момент умудренный жизнью док (третий абориген) вмешивается и говорит: «Минутку, парни, нам не следует так поступать. С одной стороны, у нас есть законы...»

«А пошел ты со своими законами!» — вопит Фред (прирожденный смутьян и придурок, частенько используемый в качестве козла отпущения).

«...а с другой стороны, — продолжает док, — помимо законов, для нас это может быть чертовски опасно».

«Нас с Фредом не запугаешь, — заявляет храбрый Хэрб. — А ты, док, конечно, пока в кино сходи или куда-нибудь там еще. Мы с ребятами и сами управимся».

«Я не имею в виду сиюминутную опасность для нас лично, — с презрением отвечает рассудительный док. — Я боюсь разрушения нашего города, поголовного истребления наших любимых и полного уничтожения всей нашей культуры».

Фред с Хэрбом останавливаются. «Что ты болтаешь, док? Да это же просто вонючий чужак. Воткнуть ему нож в брюхо — и окочурится как миленький!»

«Дурачье безмозглое! — гремит мудрый док. — Конечно, вы можете его убить! А что потом?»

Фред бестолково мычит, кося в сторону пришельца лупоглазыми голубыми глазами.

«Идиоты! Вы что же думаете — у чужаков только один такой корабль? И вы полагаете, они не знают, куда отправился этот парень? Дурья башка, да ты бы лучше пораскинул мозгами! Прикинул бы, что у них таких кораблей *множество*, сообразил бы, что они чертовски озвереют, если *этот* корабль не объявится в положенный срок, да предположил бы, что, когда чужаки узнают почему, они чертовски разозлятся, мгновенно прилетят сюда и истребят все и вся!»

«Интересно, с чего вдруг я должен такое предполагать?» — удивляется скудоумный Фред.

«Да потому что твой котелок должен хоть чуточку варить, когда имеешь дело с подобной ситуацией!»

«Ну, положим, мой-то, может, и варит, — глупо ухмыляясь, заявляет Фред. — Но, может, у пришельцев котелки недовариваются?»

«Может-не может, — передразнивает его мудрый док. — Ладно, детка, охолонь, мы-то не должны рисковать из-за твоего чертова «*может*». Мы не в состоянии позволить себе кокнуть пришельца, исключительно полагаясь на шанс, что, *может*, его народ не поступит так, как на их месте поступили бы всякие

здравомыслящие существа, то есть раздолбали бы нас ко всем чертям».

«Н-да, похоже, нам действительно не следует его резать, — вступает в разговор Хэрби. — Но, док, а что же нам делать тогда?»

«Ждать и смотреть, чего он, собственно, хочет».

2

С учетом сделанной Джексоном реконструкции диалога аборигенов примерно так все и было. Джексон сталкивался с подобной ситуацией по меньшей мере раз 30 — 40. В итоге все сводилось к политике ожидания и наблюдения. Подрядчика с Земли могли убить лишь случайно, еще до того, как успевал вмешаться мудрый советчик. Но ведь Джексон как раз за риск и платили.

Где бы ни был убит подрядчик, кара следовала неизбежно и незамедлительно. Однако возмездие сопровождалось естественным сожалением, поскольку Земля была планетой в высшей степени цивилизованной и привыкла жить по законам. Только нецивилизованная, находящаяся на низкой стадии развития раса склонна к геноциду. А посему народы Земли считали геноцид делом весьма неприятным и очень не любили читать про него в утренних газетах. Однако посланцев необходимо защищать, а убийство подлежит наказанию, об этом тоже знал каждый. Знать-то знал, но, читая о геноциде за чашкой утреннего кофе, удовольствия, естественно, не испытывал. Подобная новость могла испортить настроение на весь день. Три-четыре геноцида подряд, и избиратель может рассердиться настолько, что вспомнит о своем избирательном голосе.

К счастью, подобные неприятности случались не столь часто, поскольку чужаки обычно быстро уясняли ситуацию и, несмотря на языковой барьер, схватывали на лету, что смерть землянина даром им не пройдет.

Вслед за воинственной троицей это мало-помалу дошло и до остальных. Горячие головы убрали ножи. И все разом заулыбались, за исключением Джексона, который и так уже скалился как гиена. Аборигены принялись помахивать руками и шаркать ногами, выражая тем самым, что вот, мол, добро пожаловать.

— Совсем другое дело, — заметил Джексон, отвечая на приветствие несколькими изящными взмахами руки. — Вот теперь я чувствую себя как дома. А сейчас, полагаю, вы отведете меня к своему вождю, покажете город и все такое прочее. Я поживу с вами, выучу тарабарщину, и мы с вами малость потолкуем. А после — дельце будет обстряпано в наилучшем виде. *Вперед!*

И Джексон резвым шагом двинулся в сторону города. После недолгого размышления его вновь приобретенные друзья потопали вслед за ним.

Пока все шло согласно плану.

Джексон, как, впрочем, и остальные подрядчики, был исключительных способностей полиглотом. Своими основными инструментами он считал необыкновенную память и в высшей степени тонкий слух. Но что куда более важно, он обладал поразительной способностью к языкам и сверхъестественной интуицией понимания их смысла. Сталкиваясь с непонятным языком, Джексон быстро и безошибочно выделял главные языковые элементы и основные конструкционные блоки словопостроения. И уж совсем без усилия распределял вокализации в вопросительные, волевые или эмоциональные аспекты речи. Для его тренированного уха грамматические конструкции не представляли особых трудностей, с суффиксами и приставками проблем тоже не возникало, а потому построение слова давалось ему с легкостью. Джексон не сильно разбирался в лингвистике как науке, но это ему и не требовалось, поскольку он был прирожденным лингвистом и интуитивно понимал то, что описывают и изучают лингвисты-ученые.

Ему еще не попадался язык, которого он бы не смог освоить.

И, признаться, он и не рассчитывал где-либо такой встретить. Джексон, бывало, частенько говаривал своим друзьям по нью-йоркскому Клубу Вилкообразного Языка: «Знаете, бездельники, на самом деле в языках чужаков нет ничего сложного. По крайней мере, еще не было такого, которого бы я не освоил. Честно. Уверяю вас, братцы, что человек, способный изъясняться на сиукском или кхмерском, и среди звезд не встретит особых трудностей».

Так это и было до того дня, как...

В городе Джексону пришлось вытерпеть множество утомительных церемоний, которые растянулись на целые трое суток. Не проходило ни дня, чтобы пришельца из космоса не тащили к кому-нибудь на визит. Вполне естественно, что каждый — будь то мэр, губернатор, президент или старейшина, включая их жен, желали позжать пришельцу руку. Конечно, всех их понять можно, но Джексон не терпел пустой траты времени. Он должен выполнять свою работу, пусть и не очень-то приятную; и чем раньше ее начнет, тем раньше закончит.

На четвертый день он сумел свести официальную муру к минимуму и с готовностью приступил к изучению местного языка.

Язык, и это скажет вам любой лингвист, несомненно самое прекрасное творение разума. Однако его красота таит определенный элемент опасности. Язык можно сравнить с постоянно изменяемым ликом моря. Подобно морю, никогда нельзя угадать наверняка, какие рифы скрываются в его глубинах. Прозрачная вода порой прячет самые коварные отмели.

Джексон, хорошо подготовленный к самым разнообразным языковым каверзам, поначалу не встретил никаких. На основном языке (хон) планеты (На) говорило подавляющее большинство ее

обитателей (Эн-а-То-На, буквально — люди, живущие на На, или нанианцы, как предпочел их называть Джексон). А сам хон показался языком и вовсе бесхитростным. Для определения одного понятия в нем допускался только один термин; смещения, наложения и агглютинации полностью исключались. Конструкция понятий состояла из последовательностей простых слов (например, «космический корабль» — *хо-па-ай-ан*, то есть лодка-летающая-по-небу). Таким образом, хон очень напоминал китайский. Различия в ударениях употреблялись не только для разделения анонимов, но и для позиционного чередования гласных — с целью выражения «ощущения реальности», физического дискомфорта и трех категорий приятного ожидания. Для компетентного лингвиста все это не представляло ни трудностей, ни особого интереса.

Разумеется, язык вроде хона всегда довольно зануден из-за длинного списка слов, требующих запоминания. Однако ударения и словопостроения шелкались как орешки, хотя и были неотъемлемой частью создания смысла предложения из разрозненных слов. Поэтому, взвесив все и вся, Джексон остался доволен и усваивал язык с обычной для себя скоростью.

Спустя примерно неделю наступил день триумфа, когда Джексон смог сказать своему учителю: «Самого доброго дня вам, уважаемый учитель. Как ваше благословенное здоровье в сей восхитительный день?»

«Примите поздравления с наилучшим *ирд-ванк*! — с благожелательной улыбкой ответил учитель. — Ваше произношение, уважаемый ученик, безупречно! Воистину *гор-нак*, а ваша способность к восприятию моего разлюбезного родного языка превыше всяких *ур-нак-тай*».

Джексон просиял от похвал вежливого старика учителя. Он ощущал глубокое удовлетворение от своих успехов, пусть и не понял некоторых слов. *Ирд-ванк* и *ур-нак-тай* звучали почти узнаваемо, но вот *гор-нак* он явно слышал впервые. Конечно, в начальной стадии изучения любого языка ляпсусы неизбежны, но Джексон и так уже знал достаточно, чтобы самому понимать нанианцев и чтобы нанианцы понимали его. А это было как раз то, что и требовала его работа.

В полдень Джексон вернулся на корабль. В течение всего времени его пребывания в городе люк оставался открытым, однако ни одна вещь не пропала. Джексон разочарованно покачал головой, но и расстраиваться особо не стал. Набив карманы разными безделушками, он снова отправился в город.

Теперь он был полностью готов к выполнению заключительной и самой важной части своей миссии.

3

В самом центре делового квартала города, на пересечении улиц Ам и Альхретто, Джексон обнаружил то, что искал — контору по

продаже недвижимости. Он вошел внутрь, и там его принял мистер Эрум, младший партнер фирмы.

— Да-да-да, — сердечно пожимая Джексону руку, повторял Эрум. — Какая высокая честь, сэр. Вы желаете приобрести собственность?

— Вообще-то хотел бы, — сказал Джексон. — Если, конечно, у вас нет дискриминационных законов, запрещающих продажу собственности иностранцам.

— Никаких проблем, — воскликнул Эрум. — Воистину, это *омрое* удовольствие, когда человек из такого далека, да еще представитель великой цивилизации, будет жить среди нас!

Джексон сдерживал смех.

— Тогда единственная проблема, которую я могу вообразить, заключается в наличии законных платежных средств. У меня, естественно, нет вашей валюты, но у меня есть некоторое количество золота, платины, бриллиантов и прочего, что на Земле очень высоко ценится.

— Здесь тоже высоко ценится, — успокоил его Эрум. — Некоторое количество, говорите? Милостивый государь, тогда у нас с вами и вовсе не будет проблем: *«благгле мит оввле»*, как сказал поэт.

— Именно так, — согласился Джексон. Эрум использовал несколько незнакомых слов, но это не имело никакого значения. Основной смысл и так ясен. — Тогда, пожалуй, начнем с хорошего промышленного объекта. Должен же я чем-то заниматься. А потом подберем дом.

— Несомненно, *проминикс*, — весело проговорил Эрум. — Сейчас я *посутую* по своим спискам... Ага, что вы скажете насчет *бромикаиновой фабрики*? Первокласное состояние. Легко может быть приспособлена для производства *феровой* мануфактуры или же использована по прямому назначению.

А здесь есть какой-нибудь рынок сбыта *бромикаина*? — поинтересовался Джексон.

— Боже, благослови мой *муйзертан*, ну конечно же! *Бромикаин* просто необходим, хотя его продажа и имеет сезонный характер. Видите ли, рафинированный *бромикаин*, или *аринаия*, используется производителями *протигаша*, которые убирают урожай в период солнцестояния, за исключением, конечно, тех отраслей хозяйства, которые переходят на *тиказиновую реваутуру*. То же самое...

— Отлично-отлично, — прервал его Джексон. Его не интересовало, что такое *бромикаин*, и он даже не собирался смотреть на него. Если это прибыльное занятие, пусть будет. — Покупаю, — заявил он.

— Вы не пожалеете, — сообщил Эрум. — Хорошая *бромикаиновая фабрика* всегда к тому же *гарвелдаш*, *хагаташ* и *менифей*...

— Нисколько не сомневаюсь, — сказал Джексон, сожалея о явно недостаточном словарном запасе хона. — Сколько?

— Ну, сэр, цена не проблема. Но сперва вы должны заполнить *олланбритную* форму. Всего лишь несколько *скеновых* вопросов, на которые *на-паги-рует* каждый.

И Эрум вручил Джексону бланк формы.

Первый вопрос анкеты был таков:

«Сколько раз за последний период вы *эликатировали* *мушкии* *форсикально*? Проставьте даты всех случаев. Если таковых не имелось, обоснуйте причину *трансгишального редикта*».

Джексон не стал читать дальше.

— Что сие означает? — справился он у Эрума. — Что еще за *эликатировал* *ли* *я* *мушкии* *форсикально*?

— Означает? — недоуменно улыбнулся Эрум. — Означает именно то, о чем спрашивается.

— Я имею в виду, — поправился Джексон, — что я не понял смысла некоторых слов. Вы не могли бы их мне объяснить?

— Нет ничего проще, — ответил Эрум. — *Эликация* *мушкий* примерно то же самое, что и *бифурация* *пробишкой*.

— Прошу прощения? — не понял Джексон.

— Ну, *эликация*, — это действительно очень просто, хотя, может, и не совсем прилично с точки зрения закона. *Скорбадация* — всего лишь форма *эликации*, а также *манрувное гаринирование*. Некоторые говорят, что когда мы *дрорцискально* дышим в вечерних *сабсисах*, то тоже *эликатуем*. Лично я считаю такое предположение слишком фантастичным.

— Тогда давайте попробуем *мушкии*, — предложил Джексон.

— Пожалуйста, начинайте! — ответил Эрум, разражаясь взрывом хохота. — Если только вам удастся сделать это в одиночку... ха-ха! — И игриво пихнул локтем Джексона в бок.

— Гм, да, — холодно ответил Джексон. — Может, вы тогда объясните значение слова *мушкия*?

— Конечно! Как иногда случается, такой вещи просто не существует. Выкладывайте любую сумму, но *мушкию* все равно не получите. Одна *мушкия* — это просто смысловой софизм — разве не видите?

— Ладно, принимаю ваше объяснение. Тогда что такое *мушкии* во множественном числе?

— Ну, главным образом, объект *эликации*. И лишь второстепенно они являются деревянными сандаловыми палочками, которые используются для возбуждения эротических фантазий последователями религии Кутора.

— Наконец-то, добрались до привычных понятий! — воскликнул Джексон.

— Ну, уж если ваши вкусы соответствуют этому... — ответил Эрум с заметным холодком.

— Я имею в виду понимание вопроса заполнения формы...

— О, конечно, прошу прощения, — извинился Эрум. — Но видите ли, вопрос-то заключается в том, сколько раз вы *эликатировали* *мушкии* *форсикально*. А здесь сокрыто глубокое различие.

— Да-а?

— Конечно! Модификация меняет весь смысл.

— Боюсь, что так, — согласился Джексон. — И боюсь, вы вряд ли сможете объяснить, что значит *форсикально*.

— Естественно, могу! — заверил его Эрум. — Нашу с вами беседу с небольшой помощью *демсовой метарфорации* можно определить как «*форсикально композиционный разговор*».

Джексон засопел.

— В общем так, — объяснил Эрум. — *Форсикально* — это наклонение, способ. А в целом это означает «задушевно-ведущийся-разговор-ради-продления-случайно-завязавшейся-дружбы».

— Теперь куда понятнее, — сказал Джексон. — Значит, когда некто *эликатирует мушкии форсикально*...

Я ужасно боюсь, что вы опять неверно поняли, — вздохнул Эрум. — Употребленное мною объяснение касается только беседы. Иное дело, когда речь идет о *мушках*.

— Но что же это означает тогда?

— Ну, означает, или скорее, выражает — усиленный и интенсифицированный случай *мушкированной эликации*, но с определенным *нмогметическим* уклоном. Лично я считаю это весьма неудачным фразеологическим сочетанием.

— А как бы вы выразились сами?

— Я бы просто выстроил обычный порядок слов и послал бы к черту цветастую речь, — задумчиво сказал Эрум. — Я бы выразился проще: «Сколько раз за последнее время вы занимались *дунфуглированием вока* в незаконных, безнравственных или *инсиртируемых* обстоятельствах с помощью или без оной и/или согласия *нойгрис грис* и если нет, то почему».

— Значит, вы бы выразились именно так? М-да...

— Несомненно, — с вызовом произнес Эрум. — Ведь это формы для взрослых, не правда ли? Так почему бы не изъясняться прямо и не назвать *спиглера спиглером*? Все время от времени *дунфуглируют вок*. Ну и что? Ничьи чувства не пострадают, уверяю вас. Кого должно волновать, если дело касается только некоего индивидуума и витой деревяшки?

— Деревяшки? — переспросил Джексон.

— Да, деревяшки. Обычной деревяшки. Так зачем же допускать нелепые двусмысленности?

— А что с деревяшкой делают? — поспешно спросил Джексон.

— Делают? Да ничего особенного, если следовать традиции. Однако религиозная аура — это уж слишком для понимания наших так называемых интеллектуалов. Они, по-моему, не способны отличить простой первобытный факт, деревяшку, от культурных *вольтуриний*, которые окружают ее *фестерхиссами* и распространяются на *ауйсы*.

— Таковы уж интеллектуалы, — подтвердил Джексон. — Но вы-то сами можете отделить, и тогда найдете...

— Я найду, что не следует делать из мухи слона! Я имею в виду, что, если придерживаться верных оценок, кафедральный собор — не более чем груда камней, а лес — простое скопление атомов. Так почему же тогда здесь мы должны придерживаться иного взгляда? *Эликатировать мушкии форсикально* можно и без деревяшки! Что вы на это скажете?

— На меня произвели впечатление ваши слова, — пробормотал Джексон.

— Не поймите меня превратно! Я не говорил, что это просто, естественно или даже правильно. Но как же еще, черт возьми, можно изъясниться вернее? Почему нужно изменять *корморованную гратию* и вдобавок считать, что все получается правильно? — Эрум помолчал и хихикнул. — Хотя изменить, конечно, можно: смотрелось бы глупо, но по сути вышло бы верно.

— Чрезвычайно интересно, — промывчал Джексон.

— Боюсь, я был излишне страстным, — вытирая лоб, проговорил Эрум. — Я изъяснялся не слишком громко? Как вы считаете, меня могли услышать?

— Нет-нет. И я нахожу нашу беседу весьма интересной. К сожалению, сейчас я вынужден покинуть вас, мистер Эрум, но завтра я обязательно вернусь, чтобы заполнить форму и выкупить недвижимость.

— Я придержу ее специально для вас, — заверил его Эрум. Он встал и с чувством пожал Джексону руку. — Премного вам благодарен. Не часто мне выдается возможность для такой откровенной, не сдерживаемой рамками беседы.

— И я нашел ее весьма познавательной, — промямлил Джексон и, выйдя из конторы Эрума, неторопливо побрел к кораблю. Он был смущен, расстроен и раздосадован одновременно. Лингвистические выкрутасы утомляли его, не важно какой вразумительный смысл они имели. И ему, кровь из носа, необходимо выяснить, как можно *эликатировать мушкии форсикально*.

«Не бери в голову, — успокаивал он себя. — За ночь разберешься, потом вернешься в контору и разделаешь под орех эти чертовы формы. Не вешай нос, дружище».

Он разберется. Он, черт возьми, просто обязан разобраться и стать владельцем недвижимости.

Поскольку именно в этом и заключалась вторая и главная часть его работы.

Земля прошла долгий путь от агрессивных войн до порядка наших дней. Согласно историческим книгам в те древние времена правитель, если ему чего-то хотелось, отправлял свои войска и отбирал желаемое. И если кто-то из его подданных опрометчиво интересовался, почему правителю этого хочется, тот просто-напросто замуровывал любопытных в темнице, зашивал в мешок и бросал в море, а то и безо всяких там выкрутас рубил любопытные

головы. Причем вовсе не чувствуя вины за содеянное, ибо искренне верил, что он прав, а они заблуждаются.

Такая политика, называемая *droit de seigneur* (правом сильного), являла собой одну из самых примечательных черт примитивного капитализма, известного древним.

Однако в течение столетий культурные процессы неумолимо развивались, и в мир пришла этика. Медленно, но уверенно в разум человеческой расы впитывались понятия честной и справедливой игры. Правителей стали избирать голосованием, а те в свою очередь стали относиться к желаниям избирателей с ответственностью. Концепции Справедливости, Милосердия и Добра крепко укоренились к головам, напрочь вытеснив первобытный закон зубов и когтей и исправив жестокое скотство древних доперестроечных эпох. Прежние времена канули в Лету, и ныне ни один правитель не посмел бы просто *отобрать* желаемое — избиратели бы не позволили.

Сегодня для того чтобы *отнять*, требовалось серьезное оправдание. Например, если Граждане Земли, которым случилось законно и честно владеть собственностью на чужих планетах, постоянно нуждались в защите и требовали военного присутствия Земли, дабы обезопасить себя, свой дом и свое понимание свободы и жизни по закону от вмешательства малоразвитых чужаков...

Но сперва такой Гражданин должен был на законных основаниях приобрести подобную собственность и владеть ей, чтобы оградить себя от посягательств конгрессменов с обливающимся кровью сердцем за права аборигенов и влюбленных в чужаков газетчиков, которым всегда неймется затеять расследование, по какому бы поводу Земля ни вторглась на чужую планету.

Для обеспечения законных оснований покорения планет и существовали подрядчики.

«Послушай-ка, Джексон, — сказал Джексон сам себе, — завтра ты просто обязан заполучить в собственность эту *бромикашную* фабрику и владеть ею, не вызывая ничьих сомнений в законности приобретения. Ты меня понял, дружок?»

Назавтра, сразу после полудня, Джексон снова отправился в город. Несколько часов интенсивной учебы и продолжительных консультаций у старого учителя вполне хватило, чтобы понять, какие он делал ошибки.

Все оказалось довольно просто. Джексон в крайней самонадеянности опрометчиво пренебрег инвариантной выделительной техникой хона, использующей модальности. Основываясь на ранней стадии изучения языка, он посчитал, что значение слова и определенный порядок слов в предложении являются единственными определяющими факторами, требуемыми для понимания языка. Но это оказалось не так. При дальнейшем изучении Джексон выяснил, что язык хон имеет несколько неожиданных

особенностей: например, аффиксации и элементарную форму удвоения. А потому вчера он оказался не готов к морфологическим противоречиям и, столкнувшись с ними, увяз в семантическом болоте.

Выучить новые формы оказалось несложно, однако здесь присутствовала некая весьма неприятная особенность: они были до конца нелогичны и противоречили целостному духу хона.

Одно слово, производимое серией простых звуков и имеющее единственное значение, — именно это правило построения хона он вначале и обнаружил. Теперь же выяснилось еще и наличие восемнадцати исключений — составных слов, в образовании которых использовалась различная языковая техника, — вдобавок каждое из них сопровождалось целым списком модифицирующих суффиксов. Для Джексона это было так же странно, как наткнуться на пальмовую рощу в Антарктиде.

Выучив все восемнадцать исключений, он задумался о статье, которую мог бы написать по возвращении домой.

На следующий день Джексон, уже куда более осторожный, задумчиво побрел к городу.

4

В конторе Эрума он без труда заполнил необходимые правительственные формы. На первый вопрос — «Сколько раз за последний период вы *эликатировали мушкии форсикально?*» — он честно ответил: «ни разу». В данном контексте множественное число слова *мушкии* являлось единственным числом слова «женщина» (единственное число слова *мушкия* использовалось для определения женского рода).

Эликация в соединении с наречием *форсикально*, естественно, оказалась термином, определяющим роль сексуальных отношений. А все вместе взятое, принимая во внимание полное сочетание слов и порядок их расположения, придававшие фразе особый контекст, обозначало бисексуальные отношения.

Таким образом, Джексон честно признал, что, не будучи нанианцем, никогда не испытывал в этом особой потребности.

Джексон злился на себя, что не разобрался с вопросом самостоятельно.

Без труда ответив на остальные пункты анкеты, он вручил заполненный бланк Эруму.

— Все вполне *блякно*, — сообщил Эрум. — Теперь осталось лишь несколько простых формальностей, и сделка будет оформлена полностью. С первой мы покончим сегодня же, после чего я договорюсь о краткой официальной церемонии подписания Акта Передачи Собственности. Потом еще пара пустяков — и готово. Думаю, на это уйдет дня два, и собственность целиком в вашем распоряжении. Владейте на здоровье.

— Замечательно, — обрадовался Джексон. Такая незначительная задержка его не трогала. Наоборот, он ожидал, что оттяжек и проволочек будет куда больше. На большинстве планет местные на лету схватывали суть происходящего; да тут и большого ума не требовалось, чтобы уяснить — Земля решила прибрать к рукам то, что ей захотелось. Но законным путем.

А почему законным? Тоже нетрудно догадаться. Земляне воспитывались в идеалистических традициях. Они горячо верили в такие понятия как правда, справедливость, милосердие и прочую муру. И не только верили, но и позволяли этим благородным идеалам руководить их действиями, за исключением, конечно, тех случаев, когда это было невыгодно или неудобно. Тогда они, естественно, действовали сообразно цели, но продолжали рассуждать о морали. Что ж, ханжество свойственно всем разумным расам.

Земляне желали захватить все, что им нравилось, однако хотели, чтобы это выглядело благородно. Задача, конечно, непростая, особенно когда предмет желания являл собой планету, принадлежащую другой расе. Однако цель оправдывает средства, и тем или иным способом, но их желание обычно исполнялось.

Большинство чужих рас понимало бесполезность открытого сопротивления, а потому прибегало к обманным тактикам уловок и ухищрений. Иногда они попросту отказывались продавать собственность, а иногда действовали хитрее и требовали заполнения всевозможных бесконечно умножающихся форм или одобрения неких местных чиновников, которые постоянно отсутствовали на месте. Однако на любую тактику оттяжек подрядчик всегда имел свою подходящую контртактику.

Ах, они отказываются продавать собственность на своей планете? Законы Земли особенно запрещали подобную практику, а Декларация Свободы Права гарантировала право выбора места жительства и работы. Согласно ей любой может жить там, где ему хочется. За этот основной принцип Свободы Земля и боролась, особенно если кто-то вынуждал ее бороться с нарушением основополагающих прав.

Ах, они ставят палки в колеса? Земная Доктрина Гражданской Собственности не могла допустить такого отношения.

Ах, чиновник отсутствует? Земной Универсальный Кодекс Против Преднамеренной Изоляции ясно запрещал подобную практику.

И так далее, и так далее, и так далее...

Это была игра умов, в которой Земля заведомо выходила победителем. Ведь для сильнейшего такая сообразительность дело обычное.

Однако нанианцы даже не пытались сопротивляться. Джексон посчитал, что они заслуживают презрения.

Обмен земной платины на местную валюту прошел успешно, и Джексону выдали пачку хрустящих пятивзровых купюр. Сияющий от удовольствия Эрум радостно сказал:

— Ну теперь, мистер Джексон, мы можем завершить сделку, если вы будете так любезны *протромбраминдлировать* в обычной манере.

Джексон обернулся. Его глаза сощурились в узкие щелки, а губы сжались в одну тонкую бескровную линию.

— Что вы сказали?

— Да я в общем-то попросил вас...

— О чем вы попросили, я слышал. Я спрашиваю, что сие означает?

— Ну, означает... — Эрум улыбнулся. — Означает не больше того, что сказано. То есть *этибокально* выражаясь...

— Дайте мне синоним, — проговорил Джексон низким угрожающим голосом.

— Но здесь нет синонима!

— Послушай, приятель, соображай, с кем имеешь дело, — процедил Джексон, протягивая руку к горлу Эрума.

— Стойте! Подождите! — воскликнул Эрум. — Мистер Джексон, умоляю вас! Как можно дать синоним, если понятие определяется единственным словом? Как же еще по-иному я могу его выразить?

— Ты меня дурачить? — взвыл Джексон. — Лучше брось! У нас есть законы против преднамеренного одурачивания, умышленного обструкционизма, подозреваемой суперпозиции и всего прочего, на что вы, чужаки, только способны. Ты меня понял?

— Понял-понял, — задрожал от страха Эрум.

— Тогда слушай дальше: оставь свои агглютинации, ты, пес коварный! Ты говоришь на совершенно рядовом без аналитических выкрутас языке, отличающимся только своими сверхобособленными наклонностями. С таким языком, приятель, ты просто не можешь агглютинировать большим количеством сложносоставных слов. Усек?

— Да-да! — воскликнул Эрум. — Но поверьте, я ни малейшим образом и не думал *нумнискакерировать*! Никаких *нумнискакий*! Вы действительно должны *дрембрумчить* мне!

Джексон взял себя в руки и отвел кулак. Бить чужака — поступок непростительной глупости, особенно если тот говорит правду. Землянам бы это не понравилось, и ему, Джексону, обязательно срезали бы гонорар. А если, не приведя Господь, он еще случайно и убьет Эрума, тут меньше чем шестью месяцами тюрьмы не отделаешься.

И пока...

— Я выясню, лжешь ты, или нет! — проревел Джексон и пулей вылетел из конторы.

Смешавшись с толпой, Джексон больше часа блуждал по трущобам квартала Граз-Эз, расположенного у серого вонючего Непедрина. Никто не обращал на него ни малейшего внимания. По всем внешним признакам Джексон вполне мог сойти за нанианца, точно так же как любой нанианец мог сойти за землянина.

Обнаружив на углу улиц Ниш и Даа незамыганного вида салун, Джексон зашел туда. Внутри было тихо, и сидели одни мужчины. Джексон заказал местного пива, и когда получил кружку, сказал бармену:

Со мной сегодня приключилась забавная вещь.

— Да-а? — заинтересовался бармен.

— Угу, — подтвердил Джексон. — У меня сорвалась крупная сделка. В последнюю минуту меня, видите ли, попросили *про-
тромбраминдлировать* в обычной манере.

Он внимательно изучал флегматичное лицо бармена, на котором вдруг отразилось легкое замешательство.

— Так почему же вы этого не сделали?

— То есть, а вы бы, значит, сделали?

— Ну конечно! Черт возьми, это же стандартная *казантрипа-
ция*.

— Ну да, — подтвердил слова бармена один из завсегдатаев. — Если, конечно, откинуть подозрения о *нумнискаких*.

— Не думаю. Вряд ли они бы отважились на такое, — произнес Джексон вялым невыразительным голосом и, расплатившись за пиво, собрался уходить.

— Эй, послушайте, — окликнул его бармен. — А вы уверены, что они не *нумнисакирировали*?

— Понятия не имею, — проталкиваясь к выходу, честно ответил Джексон.

Джексон доверял своим инстинктам и в отношении языка, и в отношении народа. А инстинкты как раз подсказывали, что нанианцы народ прямодушный, не расположенный к надувательству. Эрум не изобретал новые слова в попытке одурачить его. Он говорил на языке хон так, как его понимал.

Но если это так, то планета На имела чертовски странный язык. Совершенно эксцентричный. И подтексты его были более чем странны. Они были немыслимы.

5

Вечером Джексон снова принялся за работу. Он дополнительно обнаружил целый класс исключений, о существовании которых прежде даже не подозревал. Группа исключений состояла из двадцати девяти многозначных усиленных. Слова, бессмысленные сами по себе, служили для усложнений и выделений противоречий с целью усиления противопоставлений и снижения значимости

других слов. Особый тип воздействия определялся их местоположением в предложении.

То есть когда Эрум попросил его *протромбраминдлировать* в обычной манере, он всего лишь имел в виду, чтобы Джексон выразил обязательное традиционное уважение в виде хлопанья в ладоши за затылком при одновременном покачивании с носков на пятки. Причем это полагалось выполнять с выражением истинного удовольствия в согласии с общей обстановкой, состоянием нервов и желудка, учитывая требования морального и религиозного кодекса, а также в соответствии с мысленными восприятиями колебаний холода, жары и влажности, но не забывая о терпении и прощении.

Хотя Джексон и здесь не нашел для себя особых трудностей, все это противоречило предыдущим его знаниям о хоне. Мало того, что противоречило, — было просто немыслимо, невозможно и полностью нарушало порядок. Словно уже наткнувшись на пальмы в заснеженной Антарктиде, он обнаружил на них вместо кокосов гроздь винограда.

Такого просто не могло быть, но ведь было.

Джексон сделал все, что от него требовалось, Лишь после *протромбраминдлирования* в обычной манере с формальностями было покончено. Осталось последнее — официальная церемония подписания Акта.

Эрум уверял его, что это совсем простое дело, но у Джексона уже закрались подозрения о встрече с возможными проблемами.

На подготовку ушло полных три дня. Джексон вызубрил все двадцать девять исключаящих наклонений вместе с использованием их в обычном порядке слов, а также все возможные варианты при перестановках — каждого в отдельности и в различных комбинациях. По окончании зубрежки индекс раздражительности по шкале Графхаймера у Джексона вырос до 97,3620. В его небесно-голубых глазах появился зловещий блеск. Его тошнило и от языка хон и от всех нанианцев вместе взятых. К тому же у него появилось препротивнейшее ощущение, что чем больше он учит, тем меньше понимает. Хон являл собой полнейшее нарушение канонів и норм.

— Ну хорошо, — обратился Джексон к себе и всей вселенной. — Я выучил-таки нанианский язык. Я выучил категорию совершенно необъяснимых исключений и целый класс исключений из исключений.

Помолчав немного, он добавил:

— Я выучил *исключительное* количество исключений. Глядя со стороны, можно подумать, что этот чертов язык и состоит-то из одних только исключений. Но такое, черт возьми, невозможно, немыслимо и недопустимо. Язык обязан подчиняться определенным правилам, иначе никто никого не поймет. Только так и никак иначе. И если кто-то считает, что при помощи лингвистических выкрутас он обведет Фреда К. Джексона вокруг пальца...

Здесь он опять умолк и вытащил из кобуры бластер. Проверив заряд и сняв оружие с предохранителя, он засунул его обратно.

— Пусть лучше поостережется болтать со старичком Джексоном на полном двусмысленностей жаргоне, — пригрозил «старичок» Джексон. — И первый же, кто это попробует, заработает трехдюймовую дыру в своем вшивом мошенническом брюхе...

Облегчив таким образом душу, Джексон отправился в город.

Вместе с легким умопомрачением он ощущал необыкновенный прилив решимости. Его работа заключается в том, чтобы законным путем отобрать планету у ее обитателей. А раз для этого необходимо понимать их язык, он его поймет, даже если дело кончится парой-тройкой трупов.

А чьих, ему наплевать.

Эрум поджидал Джексона в конторе. Своим присутствием контору почтили также: мэр, председатель Городской Думы, председатель самоуправления города, двое старейшин и директор Сметного Бюро. Все улыбались приветливо, хотя и несколько нервно. Джексона ждали уважаемые люди, всем своим видом создававшие в конторе дружескую атмосферу, словно Джексона с радостью принимали в ряды глубокоуважаемых собственников, среди которых он стал бы самым глубокоуважаемым, истинным украшением Факки. Чужаки порой прибегали к подобной тактике, делая хорошую мину при плохой игре, пытаясь тем самым снискать себе милость у Неотвратимого Землянина.

— Мун, — произнес Эрум, с энтузиазмом пожимая Джексону руку.

— И тебе того же, приятель, — ответил Джексон, не имея ни малейшего понятия о смысле услышанного, но нимало не беспокоясь об этом. У него хватит и словарного запаса для свободного изъяснения на нанианском и решимости для окончательного решения дела.

— Мун! — сказал мэр.

— Спасибо, папаша, — кивнул ему Джексон.

— Мун! — в один голос воскликнули остальные чиновники.

— Рад за вас, парни, — ответил Джексон и обернулся к Эруму. — Ну давай кончать с делами, лады?

— Мун-мун-мун, — проговорил Эрум. — Мун. Мун-мун.

Несколько секунд Джексон в упор сверлил его взглядом. Затем, едва сдерживаясь, подчеркнуто вежливо спросил:

— Эрум, детка, а ты уверен, что хочешь сказать мне именно это?

— Мун, мун, мун, — твердо заявил Эрум. — Мун, мун мун мун. Мун, мун.

Немного помолчав, он нервно обратился к мэру:

— Мун-мун?

— Мун... мун-мун, — уверенно ответил мэр, а остальные чиновники согласно закивали головами. Потом вдруг все разом усталились на Джексона.

— *Мун, мун-мун?* — робко, но с достоинством обратился к нему Эрум.

Джексон на миг потерял дар речи. На его щеках выступил холерический румянец, а на шее вздулась большая вена. Однако сумев собрать всю свою выдержку, он медленно и спокойно, но с явной угрозой в голосе выговорил:

— То есть, значит, вы, вшивое задрипанное мужичье, удумали-таки меня провести?

— *Мун-мун?* — обратился мэр к Эруму.

— *Мун-мун, мун-мун-мун,* — зачастил тот, в недоумении разводя руками.

— Предупреждаю, вам бы лучше стоило изъясняться попонятней, — проговорил Джексон все еще спокойно, однако вена у него на шее пульсировала уже как пожарный шланг под напором.

— *Мун!* — обратился один из старейшин к председателю самоуправления.

— *Мун мун-мун мун?* — жалобно проблеял председатель, но его голос сломался на последнем слове.

— Значит, изъясняться понятно вы не желаете, я вас правильно понял, ребятишки?

— *Мун! Мун-мун!* — с посеревшим от страха лицом завопил мэр. Остальные, словно проглотив язык, смотрели, как Джексон вытаскивает бластер и тычет дулом в грудь Эрума.

— Кончай лопотать белиберду! — приказал Джексон. Вена на шее билась как взбешенный питон.

— *Мун-мун-мун!* — бросился на колени Эрум.

— *Мун-мун-мун!* — взвизгнул мэр и лишился чувств.

— Ну сейчас ты у меня огребешь, — пригрозил Джексон, кладя палец на курок.

Стуча от страха зубами, Эрум сумел лишь вымолвить «*Мун-мун-мун?*», но потом его нервы сдали, и он замер с отвисшей челюстью и выпученными глазами, ожидая неминуемой гибели. Джексон уже напруг на курке палец, но вдруг внезапно передумав, убрал бластер в кобуру.

— *Мун-мун,* — едва слышно выдохнул Эрум.

— Ублюдки, — выругался Джексон и, отступив на шаг, окинул взглядом сжавшихся от страха нанианских чиновников.

Он бы с превеликой радостью разнес их всех в клочья, но сделать этого просто не смел, ибо до него, кажется, начал доходить смысл чудовищной реальности. Безупречный слух лингвиста и мозг полиглота непрерывно анализировали ситуацию, и Джексон с ужасом начал понимать, что нанианцы и не пытались обвести его вокруг пальца. Они вовсе не несли окоlesiцу, а говорили на настоящем языке, который был основан на единственном слове «*мун*». Это слово несло в себе огромную гамму понятий и меняло свое значение в различных сочетаниях, изменяемых по количеству, ударению, ритму и числу повторений и сопровождаемых активной жестикуляцией и изменением выражения лица.

Язык, состоящий из бесконечных вариаций одного и того же слова! Джексон отказывался в это верить, но он был слишком хорошим лингвистом, чтобы сомневаться в себе.

Он, конечно, выучит и такой язык, но к тому времени, когда он его освоит, какие еще произойдут изменения?

Джексон вздохнул и потер лицо ладонью. По сути, изменение языка — процесс неизбежный. Все языки меняются. Но на Земле и всех прочих планетах, с которыми она контактировала, процессы изменения языка проходили очень медленно.

А на планете На — быстро. Язык хон менялся с быстротой, сравнимой со скоростью смены моды на Земле, и даже гораздо быстрее. Он менялся как цены или погода. Изменение шло непрерывно и бесконечно в соответствии с непонятными правилами и непостижимыми принципами. Язык менял свою форму, как сходящая с гор лавина меняет облик. По сравнению с хоном английский представлялся вечным ледником.

Язык планеты На был подобен реке Гераклита, в которую нельзя войти дважды, ибо там постоянно сменяется вода. Так вот: по отношению к хону это являлось буквальной истиной.

Дело само по себе скверное, но еще хуже то, что сторонний наблюдатель вроде Джексона вообще не имел ни малейших надежд на фиксацию или обособление хотя бы одного-единственного термина из динамически меняющейся сети терминов, составляющих язык планеты На. Влезть в систему — значит непредсказуемо изменить ее, и если вычленишь отдельный термин, то его связь с системой нарушится, и сам термин будет пониматься ошибочно. А посему, согласуясь с фактом постоянного изменения, язык не поддается идентификации и контролю и через неопределенность сопротивляется всем попыткам им овладеть.

Ошеломленный и пораженный, Джексон смотрел на чиновников с чувством, близким к благоговению.

— Вам это удалось, парни, — наконец вымолвил он. — Вы победили. Старушка Земля могла бы запросто проглотить вас и не поперхнуться, а вы, черт возьми, и рыпнуться не сумели бы. Но наш народ уважает законы. А закон гласит, что основным условием любой сделки является взаимная коммуникабельность.

— Мун? — вежливо спросил Эрум.

— А следовательно, выходит так, что я оставляю вас, парни, на ваше собственное усмотрение, — продолжал Джексон. — По крайней мере, до тех пор пока действует этот дурацкий закон. Но, черт возьми, разве отсрочка смертной казни не лучший подарок обреченному, не так ли?

— Мун мун, — нерешительно промямлил мэр.

— Мне стоит убираться отсюда немедленно, — заявил Джексон. — Справедливость есть справедливость... Но если я когда-нибудь выясню, что вы, нанианцы, водили меня за нос...

И не закончив фразу, Джексон быстро вышел из конторы и отправился к кораблю. Через полчаса он уже был в космосе, а

спустя еще пятнадцать минут летел в соответствии с вновь избранным курсом.

6

Из конторы Эрума официальные лица наблюдали за уходящим в полуночное небо звездолетом, своим огненным хвостом напоминающим комету. Вскоре он превратился в яркую светящуюся точку, а затем и вовсе исчез.

Чиновники молча переглянулись. И вдруг одновременно разразились безудержным хохотом. Обхватив бока, они смеялись все сильнее и сильнее, а по их щекам ручьями струились слезы.

Первым прекратил истерику мэр. Напоследок усмехнувшись, он произнес:

— *Мун, мун, мун-мун.*

Это мгновенно отрезвило всех остальных, и их веселье разом улетучилось. Они с тревогой созерцали далекое враждебное небо, размышляя о своем недавнем приключении.

Наконец самый младший из них, Эрум, спросил:

— *Мун-мун? Мун-мун?*

Чиновники улыбнулись наивности вопроса. Но ответить на него никто не смог. И в самом деле, почему? Неужели кто-то действительно осмелится даже предположить такое?

Однако нелегко оставаться в сомнениях не только к грядущему, но и к уже прошедшему. И если истинный ответ невозможен, то отсутствие всякого ответа и вовсе невыносимо.

Молчание затянулось.

Наконец губы Эрума скривились в циничной усмешке, и он хрипло произнес:

— *Мун! Мун-мун! Мун?*

Конечно, его шокирующие слова были не больше чем проявлением вспыльчивой жестокости юности, однако подобное заявление просто не могло оставаться без внимания. И почтенный старейшина вышел вперед, дабы попытаться дать ответ на вопрос.

— *Мун мун, мун-мун, — с разоружающим простодушием заговорил старик. — Мун мун мун-мун? Мун мун-мун-мун. Мун мун мун; мун мун мун, мун мун. Мун, мун мун мун-мун мун мун. Мун-мун? Мун мун мун мун!*

Такое откровенное изъяснение веры пронзило Эрума до самого сердца. Слезы неожиданно брызнули из его глаз, и, забыв все свое молодецкое ухарство, он обернулся к небу и, погрозив ему кулаком, закричал:

— *Мун! Мун! Мун-мун!*

Ласково улыбнувшись, мудрый старейшина проворчал:

— *Мун-мун-мун; мун, мун-мун.*

Эта удивительная и пугающая правда прозвучала так иронично, что, слава Богу, ее никто не услышал.

ЗАПОВЕДНАЯ ЗОНА

— Славное местечко, правда, капитан? — с нарочитой небрежностью сказал Симмонс, глядя в иллюминатор. — С виду прямо рай.

И он зевнул.

— Выходить вам еще рано, — ответил капитан Килпеппер и увидел, как вытянулась физиономия разочарованного биолога.

— Но, капитан...

— Нет.

Килпеппер поглядел в иллюминатор на волнистый луг. Трава, усеянная алыми цветами, казалась такой же, как два дня назад, когда корабль совершил посадку. Правее луга пестрел желтыми и оранжевыми соцветиями коричневый лес. Левее вставали холмы, в их окраске перемежались оттенки голубого и зеленого. С невысокой горы сбегал водопад.

Деревья, цветы и прочее. Что и говорить, недурно выглядит планета, и как раз поэтому Килпеппер ей не доверяет. На своем веку он сменил двух жен и пять новехоньких кораблей и по опыту знал, что за очаровательной внешностью может скрываться всякое. А пятнадцать лет космических полетов прибавили ему морщин на лбу и седины в волосах, но не дали никаких оснований отказываться от этого недоверия.

— Вот отчеты, сэр.

Помощник капитана Мориней подал Килпепперу пачку бумаг. На широком, грубо вылепленном лице Мориней — нетерпение. Килпеппер услышал, как за дверью шепчутся и переминаются с ноги на ногу. Он знал, там собралась команда, ждет, что он скажет на этот раз.

Всем до смерти хочется выйти наружу.

Килпеппер перелистал отчеты. Все то же, что в предыдущих четырех партиях. Воздух пригоден для дыхания и не содержит опасных микроорганизмов; бактерий никаких, радиация отсутствует. В соседнем лесу есть какие-то животные, но пока они себя никак не проявляли. Показания приборов свидетельствуют, что на несколько миль южнее имеется большая масса металла, возможно, в горах скрыто богатое рудное месторождение. Надо обследовать подробнее.

— Все прекрасно, — с огорчением сказал Килпеппер. Отчеты вызвали у него неясную тревогу. По опыту он знал — с каждой планетой что-нибудь да неладно. И лучше выяснить это с самого начала, пока не стряслось беды.

— Может, нам выйти, сэр? — стоя навтыяжку, спросил корытшка Мориней.

Килпеппер прямо почувствовал, как команда за дверью затаила дыхание.

— Не знаю. — Килпеппер почесал в затылке, пытаясь найти предлог для нового отказа. Наверняка тут что-нибудь да неладно. —

Хорошо, — сказал он наконец. — Покуда выставьте полную охрану. Выпустите четверых. Дальше двадцати пяти футов от корабля не отходить.

Хочешь не хочешь, а людей надо выпустить. Иначе после шестнадцати месяцев полета в жаре и в тесноте они просто взбунтуются.

— Слушаю, сэр! — и помощник капитана выскочил за дверь.

— Полагаю, это значит, что и ученым можно выйти, — сказал Симмонс, сжимая руки в карманах.

— Конечно, — устало ответил Килпеппер. — Я иду с вами. В конце концов, если наша экспедиция и погибнет, невелика потеря.

После шестнадцати месяцев в затхлой, искусственно возобновляемой атмосфере корабля воздух безымянной планеты был упоительно сладок. С гор налетал несильный свежий бодрящий ветерок.

Капитан Килпеппер скрестил руки на груди, пытливо принюхался. Четверо из команды бродили взад-вперед, разминали ноги, глубоко с наслаждением вдыхали эту свежесть. Ученые сошлись в кружок, гадая, с чего начинать. Симмонс нагнулся, сорвал травинку.

— Странная штука, — сказал он, разглядывая травинку на свет.

— Почему странная? — спросил Килпеппер.

— А вот посмотрите. — Худощавый биолог поднял травинку повыше. — Все гладко. Никаких следов клеточного строения. Ну-ка, поглядим... — он наклонился к красному цветку.

— Эй! К нам гости! — космонавт по фамилии Флинн первым заметил туземцев. Они вышли из леса и рысцой направились по лугу к кораблю.

Капитан Килпеппер быстро глянул на корабль. Охрана у орудий начеку. Для верности он тронул оружие на поясе и остановился в ожидании.

— Ну и ну! — пробормотал Эреймик.

Лингвист экспедиции, он рассматривал приближающихся туземцев с чисто профессиональным интересом. Остальные земляне просто таращили глаза.

Первым шагало существо с жирафьей шеей не меньше восьми футов в высоту, но на коротких и толстых бегемотьих ногах. У него была веселая, приветливая физиономия. И фиолетовая шкура в крупный белый горошек.

За ним следовали пять белоснежных зверьков размером с терьера, у этих вид был важный и глуповатый. Шествие заключал толстячок красного цвета с длиннейшим, не меньше шестнадцати футов, зеленым хвостом.

Они остановились перед людьми и поклонились. Долгая минута прошла в молчании, потом раздался взрыв хохота.

Казалось, хохот послужил сигналом. Пятеро белых малышей

вскочили на спину жирафопотама. Посуетились минуту, потом взобрались друг дружке на плечи. И еще через минуту вся пятерка вытянулась вверх, удерживая равновесие, точь-в-точь цирковые акробаты.

Люди бешено зааплодировали.

И сейчас же красный толстячок начал раскачиваться, стоя на хвосте.

— Браво! — крикнул Симмонс.

Пять мохнатых зверьков спрыгнули с жирафьей спины и принялись плясать вокруг зеленохвостого красного поросенка.

— Ура! — выкрикнул Моррисон, бактериолог.

Жирафопотам сделал неуклюжее сальто, приземлился на одно ухо, кое-как поднялся на ноги и низко поклонился.

Капитан Килпеппер нахмурился, крепко потер руки. Он пытался понять, почему туземцы так странно себя ведут.

А те запели. Мелодия странная, но ясно, что это песня. Так они музицировали несколько секунд, потом раскланялись и начали кататься по траве.

Четверо из команды корабля все еще аплодировали. Эреймик достал записную книжку и записывал звуки, которые издавали туземцы.

— Ладно, — сказал Килпеппер. — Команда, на борт.

Четверо посмотрели на него с упреком.

— Дайте и другим поглядеть, — сказал капитан.

И четверо нехотя гуськом поплелись к люку.

— Надо думать, вы хотите еще к ним присмотреться, — сказал Килпеппер ученым.

— Разумеется, — ответил Симмонс. — Никогда не видели ничего подобного.

Килпеппер кивнул и вернулся в корабль. Навстречу уже выходила другая четверка.

— Мориней! — закричал капитан. Помощник влетел в рубку. — Подите поищите, что там за металл. Возьмите с собой одного из команды и все время держите с нами связь по радио.

— Слушаю, сэр, — Мориней широко улыбнулся. — Приветливый народ, правда, сэр?

— Да, — сказал Килпеппер.

— Славная планетка, — продолжал помощник.

— Да.

Мориней пошел за снаряжением.

Капитан Килпеппер сел и принялся гадать, что же неладно на этой планете.

Почти весь следующий день он провел, разбираясь в новых отчетах. Под вечер отложил карандаш и пошел пройтись.

— Найдется у вас минута, капитан? — спросил Симмонс. — Хочу показать вам кое-что в лесу.

Килпеппер по привычке что-то проворчал, но пошел за биологом. Ему и самому любопытно было поглядеть на этот лес.

По дороге к ним присоединились трое туземцев. Эти очень походили на собак, только вот окраска не та — все трое красные в белую полоску, точно леденцы.

— Ну вот, — сказал Симмонс с плохо скрытым нетерпением, — поглядите кругом. Что тут, по-вашему, странного?

Капитан огляделся. Стволы у деревьев очень толстые, и растут они далеко друг от друга. Так далеко, что между ними видна следующая прогалина.

— Что ж, — сказал Килпеппер, — тут не заблудишься.

— Не в том дело, — сказал Симмонс. — Смотрите еще.

Килпеппер улыбнулся. Симмонс привел его сюда, потому что капитан для него куда лучший слушатель, чем коллеги-ученые, — те заняты каждый своим.

Позади прыгали и резвились трое туземцев.

— Тут нет подлеска, — сказал Килпеппер, когда они прошли еще несколько шагов.

По стволам деревьев карабкались вверх какие-то вьющиеся растения, все в многокрасочных цветах. Откуда-то слетела птица, на миг повисла, трепеща крылышками, над головой одной из красно-белых, как леденец, собак и улетела.

Птица была серебряная с золотом.

— Ну как, не замечаете, что тут неправильно? — нетерпеливо спросил Симмонс.

— Только очень странные краски, — сказал Килпеппер. — А еще что не так?

— Посмотрите на деревья.

Деревья увешаны были плодами. Все плоды висели гроздьями на самых нижних ветках и поражали разнообразием красок, форм и величины. Были такие, что походили на виноград, а другие — на бананы, и на арбузы, и...

— Видно, тут множество разных сортов, — наугад сказал Килпеппер, он не очень понимал, на что Симмонс хочет обратить его внимание.

— Разные сорта! Да вы присмотритесь. Десять совсем разных плодов растут на одной и той же ветке.

И в самом деле, на каждом дереве — необыкновенное разнообразие плодов.

— В природе так не бывает, — сказал Симмонс. — Конечно, я не специалист, но точно могу определить, что это плоды совсем разных видов, между ними нет ничего общего. Это не разные стадии развития одного вида.

— Как же вы это объясняете? — спросил Килпеппер.

— Я-то объяснять не обязан, — усмехнулся биолог. — А вот какой-нибудь бедняга ботаник хлопот не оберется.

Они повернули назад к кораблю.

— Зачем вы пошли сюда, в лес? — спросил капитан.

— Я? Кроме основной работы я немножко занимаюсь антропологией. Хотел выяснить, где живут наши новые приятели. Не удалось. Не видно ни дорог, ни какой-либо утвари, ни расчищенных участков земли, ничего. Даже пещер нет.

Килпепера не удивило, что биолог накоротке занимается еще и антропологическими наблюдениями. В такую экспедицию, как эта, невозможно взять специалистов по всем отраслям знания. Первая забота — о жизни самих астронавтов; значит, нужны люди, сведущие в биологии и в бактериологии. Затем — язык. А уж потом ценятся познания в ботанике, экологии, психологии, социологии и прочее. Когда они подошли к кораблю, кроме прежних животных — или туземцев, — там оказалось еще восемь или девять птиц. Все тоже необычайно яркой раскраски — в горошек, в полоску, пестрые. Ни одной бурой или серой.

Помощник капитана Мориней и член команды Флинн выбрались на опушку леса и остановились у подножья невысокого холма.

— Что, надо лезть в гору? — со вздохом спросил Флинн, на спине он тащил громоздкую фотокамеру.

— Придется, стрелка велит, — Мориней ткнул пальцем в циферблат. Прибор показывал, что как раз за гребнем холма есть большая масса металла.

— Надо бы в полет брать с собой автомашины, — сказал Флинн, сгибаясь, чтобы не так тяжело было подниматься по некрутому склону.

— Ага, или верблюдов.

Над ними пикировали, парили, весело щебетали красные с золотом пичуги. Ветерок колыхал высокую траву, мягко напевал в листве недалежного леса. За ними шли двое туземцев. Оба очень походили на лошадей, только шкура у них была в белых и зеленых крапинах. Одна лошадь галопом пустилась по кругу, центром круга оказался Флинн.

— Чистый цирк! — сказал он.

— Ага, — подтвердил Мориней.

Они поднялись на вершину и начали было спускаться. И вдруг Флинн остановился.

— Смотри-ка!

У подножья холма стояла тонкая прямая металлическая колонна. Оба вскинули головы. Колонна вздымалась выше, выше, вершину ее скрывали облака.

Они поспешно спустились с холма и стали осматривать колонну. Вблизи она оказалась солиднее, чем подумалось с первого взгляда. Около двадцати футов в поперечнике, прикинул Мориней. Металл голубовато-серый, похоже на сплав вроде стали, решил он. Но, спрашивается, какой сплав может выдержать при такой вышине?

— Как, по-твоему, далеко до этих облаков? — спросил он.

Флинн задрал голову.

— Кто его знает, добрых полмили. А может, и вся миля.

При посадке колонну не заметили за облаками, да притом, голубовато-серая, она сливалась с общим фоном.

— Невозможная штука, — сказал Мориней. — Любопытно, какая сила сжатия в этой машине?

Оба в почтительном испуге уставились на исполинскую колонну.

— Что ж, — сказал Флинн, — буду снимать.

Он спустил с плеч камеру, сделал три снимка на расстоянии в двадцать футов, потом, для сравнения, снял рядом с колонной Мориней. Следующие три снимка он сделал, направив объектив вверх.

— По-твоему, что это такое? — спросил Мориней.

— Это пускай наши умники соображают, — сказал Флинн. — У них, пожалуй, мозга за мозгу заскочит. — И опять взвалил камеру на плечи. — А теперь надо топать обратно. — Он взглянул на зеленых с белым лошадей. — Приятней бы, конечно, верхом.

— Ну-ну, валяй, сломишь себе шею, — сказал Мориней.

— Эй, друг, поди сюда, — позвал Флинн.

Одна из лошадей подошла и опустилась подле него на колени. Флинн осторожно забрался ей на спину. Уселся верхом и ухмыляясь поглядел на Мориней.

— Смотри не расшиби аппарат, — предостерег Мориней, — это государственное имущество.

— Ты славный малый, — сказал Флинн лошади. — Ты умница.

Лошадь поднялась на ноги и улыбнулась.

— Увидимся в лагере, — сказал Флинн и направил своего коня к холму.

— Погоди минутку, — сказал Мориней. Хмуро поглядел на Флинна, потом поманил вторую лошадь. — Поди сюда, друг.

Лошадь опустилась подле него на колени, и он уселся верхом.

Минуту-другую они на пробу ездили кругами. Лошади повиновались каждому прикосновению. Их широкие спины оказались на диво удобными. Одна красная с золотом пичужка опустилась на плечо Флинна.

— Ого, вот это жизнь, — сказал Флинн и похлопал своего коня по шелковистой шее. — Давай к лагерю, Мориней, кто доскачет первым.

— Давай, — согласился Мориней.

Но как ни подбадривали они коней, те не желали переходить на рысь и двигались самым неспешным шагом.

Килспепер сидел на корточках возле корабля и наблюдал за работой Эреймика. Лингвист был человек терпеливый. Его сестры всегда удивлялись братнину терпению. Коллеги неизменно воздавали хвалу этому его достоинству, а в годы, когда он преподавал,

его за это ценили студенты. И теперь ему понадобились все запасы выдержки, накопленные за шестнадцать лет.

— Хорошо, попробуем еще раз, — сказал Эреймик спокойнейшим тоном. Перелистал «Разговорник для общения с инопланетянами второго уровня разумности» (он сам же и составил этот разговорник), нашел нужную страницу и показал на чертеж.

Животное, сидящее рядом с Эреймиком, походило на невообразимую помесь бурундука с гималайским медведем пандой. Одним глазом оно покосилось на чертеж. Другой глаз нелепо вращался в глазнице.

— Планета, — сказал Эреймик и показал пальцем. — Планета.

Подошел Симмонс.

— Извините, капитан, я хотел бы тут поставить рентгеновский аппарат.

— Пожалуйста.

Килппер подвинулся, освобождая биологу место для его снаряжения.

— Планета, — повторил Эреймик.

— *Элам весел холам крам*, — приветливо промолвил бурундук-панда.

Черт подери, у них есть язык. Они произносят звуки, несомненно что-то означающие. Стало быть, надо только найти почву для взаимопонимания. Овладели ли они простейшими отвлеченными понятиями? Эреймик отложил книжку и показал пальцем на бурундука-панду.

— Животное, — сказал он и посмотрел выжидательно.

— Придержи его, чтоб не шевелился, — попросил Симмонс и навел на туземца рентгеновский аппарат. — Вот так, хорошо. Еще несколько снимков.

— Животное, — с надеждой повторил Эреймик.

— *Ифул бифул бокс*, — сказала животное. — *Хофул тофул локс, рамадан, самдуран, ифул бифул бокс*.

Терпенье, напомнил себе Эреймик. Держаться уверенно. Бодрее. Не падать духом.

Он взял другой справочник. Этот назывался «Разговорник для общения с инопланетянами первого уровня разумности».

Он отыскал нужную страницу и отложил книжку. С улыбкой поднял указательный палец.

— Один, — сказал он.

Животное подалось вперед и понюхало палец.

Эреймик хмуро улыбнулся, выставил второй палец.

— Два, — сказал он. И, выставив третий палец: — Три.

— *Углекс*, — неожиданно заявило животное.

Так они обозначают число «один»?

— Один, — еще раз сказал Эреймик и опять показал указательным пальцем.

— *Вересеревеф*, — благодушно улыбаясь, ответило животное.

Неужели это — еще одно обозначение числа «один»?

— Один, — снова сказал Эреймик.

— *Севеф хевеф улуд крам, араган, билиган, хомус драм*, — запел бурундук-панда.

Потом поглядел на трепыхающиеся под ветерком страницы «Разговорника» и опять перевел взгляд на лингвиста, который с замечательным терпением подавил в себе желание придушить этого зверя на месте.

Когда вернулись Мориней с Флинном, озадаченный капитан Килпеппер стал разбираться в их отчете. Пересмотрел фотографии, старательно, в подробностях изучал каждую.

Металлическая колонна — круглая, гладкая, явно искусственного происхождения. От народа, способного сработать и воздвигнуть такую штуку, можно ждать неприятностей. Крупных неприятностей.

Но кто поставил здесь эту колонну? Уж, конечно, не веселое глупое зверье, которое вертится вокруг корабля.

— Так вы говорите, вершина колонны скрыта в облаках? — переспросил Килпеппер.

— Да, сэр, — сказал Мориней. — Этот чертов шест, наверно, вышиной в целую милю.

— Возвращайтесь туда, — распорядился капитан. — Возьмите с собой радар. Возьмите, что надо для инфракрасной съемки. Мне нужен снимок верха этой колонны. Я хочу знать точно, какой она вышины и что там наверху. Да побыстрей.

Флинн и Мориней вышли из рубки.

Килпеппер с минуту рассматривал еще не просохшие снимки, потом отложил их. Одолеваемый смутными опасениями, прошел в корабельную лабораторию. Какая-то бессмысленная планета, вот что тревожно. На горьком опыте Килпеппер давно убедился: во всем на свете есть та или иная система. Если ее вовремя не обнаружишь, тем хуже для тебя.

Бактериолог Моррисон был малорослый унылый человечек. Сейчас он казался просто придатком к своему микроскопу.

— Что-нибудь обнаружили? — спросил Килпеппер.

Моррисон поднял голову, прищурился и замигал.

— Обнаружил полное отсутствие кое-чего, — сказал он. — Обнаружил отсутствие черт знает какой прорвы кое-чего.

— То есть?

— Я исследовал образцы цветов, — сказал Моррисон, — и образцы почвы, брал пробы воды. Пока ничего определенного, но наберитесь храбрости.

— Набрался. А в чем дело?

— На всей планете нет никаких бактерий.

— Вот как? — только и нашелся сказать капитан. Новость не показалась ему такой уж потрясающей. Но по лицу и тону бактериолога можно было подумать, будто вся планета состоит из зеленого сыра.

— Да, вот так. Вода в ручье чище дистиллированной. Почва на этой планете стерильней прокипяченного скальпеля. Единственные микроорганизмы — те, что привезли с собой мы. И они вымирают.

— Каким образом?

— В составе здешней атмосферы я нашел три дезинфицирующих вещества, и, наверно, есть еще десяток, которых я не обнаружил. То же с почвой и с водой. Вся планета стерилизована!

— Ну и ну, — сказал Килпеппер. Он не вполне оценил смысл этого сообщения. Его все еще одолевала тревога из-за стальной колонны. — А что это, по-вашему, означает?

— Рад, что вы спросили, — сказал Моррисон. — Да, я очень рад, что вы об этом спросили. А означает это просто-напросто, что такой планеты не существует.

— Бросьте.

— Я серьезно. Без микроорганизмов никакая жизнь невозможна. А здесь отсутствует важное звено жизненного цикла.

— Но планета, к несчастью, существует, — Килпеппер мягко повел рукой вокруг. — Есть у вас какие-нибудь другие теории?

— Да, но сперва я должен покончить со всеми образцами. Хотя кое-что я вам скажу, может быть, вы сами подберете этому объяснение.

— Ну-ка.

— Я не нашел на этой планете ни одного камешка. Строго говоря, это не моя область, но ведь каждый из нас, участников экспедиции, в какой-то мере мастер на все руки. Во всяком случае, я кое-что смыслю в геологии. Так вот, я нигде не видал ни единого камешка или булыжника. Самый маленький, по моим расчетам, весит около семи тонн.

— Что же это означает?

— А, вам тоже любопытно? — Моррисон улыбнулся. — Прощу извинить. Мне надо успеть до ужина закончить исследование образцов.

Перед самым заходом солнца проявлены были рентгеновские снимки всех животных. Капитана ждало еще одно странное открытие. От Моррисона он уже слышал, что планета, на которой они находятся, существовать не может. Теперь Симмонс заявил, что не могут существовать здешние животные.

— Вы только посмотрите на снимки, — сказал он Килпепперу. — Смотрите. Видите вы какие-нибудь внутренние органы?

— Я плохо разбираюсь в рентгеновских снимках.

— А вам и незачем разбираться. Просто смотрите.

На снимках видно было немного костей и два-три каких-то органа. На некоторых можно было различить следы нервной

системы, но большинство животных словно бы состояло из однородного вещества.

— Такого внутреннего строения и на дождевого червя не хватит, — сказал Симмонс. — Невозможная упрощенность. Нет ничего, что соответствовало бы легким и сердцу. Нет кровообращения. Нет мозга. Нервной системы кот наплакал. А когда есть какие-то органы, в них не видно ни малейшего смысла.

— И ваш вывод...

— Эти животные не существуют, — весело сказал Симмонс. В нем было сильно чувство юмора, и мысль эта пришлась ему по вкусу. Забавно будет напечатать научную статью о несуществующем животном.

Мимо, вполголоса ругаясь, шел Эреймик.

— Удалось разобраться в их наречии? — спросил Симмонс.

— Нет! — выкрикнул Эреймик, но тут же смутился и покраснел. — Извините. Я их проверял на всех уровнях разумности, вплоть до класса ББ-3. Это уровень развития амебы. И никакого отклика.

— Может быть, у них совсем отсутствует мозг? — предположил Килпеппер.

— Нет. Они способны проделывать цирковые трюки, а для этого требуется некоторая степень разумности. И у них есть какое-то подобие речи и явная система рефлексов. Но что им ни говори, они не обращают на тебя внимания. Только и знают, что поют песенки.

— По-моему, всем нам надо поужинать, — сказал капитан. — И, пожалуй, не помешает глоток-другой подкрепляющего.

Подкрепляющего за ужином было вдоволь. После полудюжины глотков ученые несколько пришли в себя и смогли, наконец, рассмотреть кое-какие предположения. Они сопоставили полученные данные.

Установлено: туземцы — или животные — лишены внутренних органов, систем размножения и пищеварения. Налицо не менее трех дюжин разных видов, и каждый день появляются новые.

То же относится к растениям.

Установлено: планета свободна от каких-либо микробов — явление, из ряда вон выходящее, — и сама себя поддерживает в состоянии стерильности.

Установлено: у туземцев имеется язык, но они явно не способны кого-либо ему научить. И сами не могут научиться чужому языку.

Установлено: нигде вокруг нет мелких или крупных камней.

Установлено: имеется гигантская стальная колонна высотой не меньше полумили, точнее удастся определить, когда будут проявлены новые снимки. Никаких следов машинной цивилиза-

ции не обнаружено, однако эта колонна явно продукт такой цивилизации. Стало быть, кто-то эту колонну сработал и здесь поставил.

— Сложите все факты вместе — и что у вас получится? — спросил Килпеппер.

— У меня есть теория, — сказал Моррисон. — Красивая теория. Хотите послушать?

Все сказали, что хотят, промолчал один Эреймик, он все еще маялся от того, что не сумел расшифровать язык туземцев.

— Как я понимаю, эта планета кем-то создана искусственно. Иначе не может быть. Ни одно племя не может развиваться без бактерий. Планету создали существа, обладающие высочайшей культурой, те же, что воздвигли тут стальную колонну. Они сделали планету для этих животных.

— Зачем? — спросил Килпеппер.

— Вот в этом-то и красота, — мечтательно сказал Моррисон. — Чистый альтруизм. Поглядите на туземцев. Беззаботные, игривые. Не знают никакого насилия, свободны от каких-либо дурных привычек. Разве они не заслуживают отдельного мира? Мира, где им можно играть и резвиться и где всегда лето?

— И правда, очень красиво, — сказал Килпеппер, сдерживая усмешку. — Но...

— Здешний народ — напоминание, — продолжал Моррисон. — Весть всем, кто попадет на эту планету, что разумные существа могут жить в мире.

— У вашей теории есть одно уязвимое место, — возразил Симмонс. — Эти животные не могли развиваться естественным путем. Вы видели рентгеновские снимки.

— Да, верно, — мечтатель в Моррисоне вступил в короткую борьбу с биологом и потерпел поражение. — Может быть, они роботы.

— Вот это, по-моему, и есть объяснение, — сказал Симмонс. — Как я понимаю, то же племя, которое создало стальную колонну, создало и этих животных. Это слуги, рабы. Знаете, они, пожалуй, даже думают, что мы и есть их хозяева.

— А куда девались настоящие хозяева? — спросил Моррисон.

— Почему я знаю, черт возьми? — сказал Симмонс.

— И где эти хозяева живут? — спросил Килпеппер. — Мы не обнаружили ничего похожего на жилье.

— Их цивилизация ушла так далеко вперед, что они не нуждаются в машинах и домах. Их жизнь непосредственно слита с природой.

— Тогда на что им слуги? — безжалостно спросил Моррисон. — И зачем они построили эту колонну?

В тот вечер готовы были новые снимки стальной колонны, и ученые жадно принялись их исследовать. Высота колонны оказа-

лась около мили, вершину скрывали плотные облака. Наверху, по обе стороны, под прямым углом к колонне выдавались длинные, в восемьдесят пять футов выступы.

— Похоже на наблюдательный пункт, — сказал Симмонс.

— Что они могут наблюдать на такой высоте? — спросил Моррисон. — Там, кроме облаков, ничего не увидишь.

— Может быть, они любят смотреть на облака, — заметил Симмонс.

— Я иду спать, — с отвращением сказал капитан.

Наутро Килпеппер проснулся с ощущением: что-то неладно. Он оделся и вышел из корабля. Ветерок — и тот доносил какое-то неуловимое неблагополучие. Или просто разыгрались нервы?

Килпеппер покачал головой. Он доверял своим предчувствиям. Они означали, что у него в подсознании завершился некий ход рассуждений.

Возле корабля как будто все в порядке. И животные тут же, лениво бродят вокруг.

Килпеппер свирепо поглядел на них и обошел корабль кругом. Ученые уже взялись за работу, они пытались разгадать тайны планеты. Эреймик пробовал понять язык серебристо-зеленого зверька со скорбными глазами. В это утро зверек был необычно вял. Он еле слышно бормотал свои песенки и не устаивал Эреймика вниманием.

Килпепперу вспомнилась Цирцея. Может быть, это не животные, а люди, которых обратил в зверей какой-нибудь злой волшебник? Капитан отмахнулся от нелепой фантазии и пошел дальше.

Команда не замечала перемены по сравнению со вчерашним. Все пошли к водопаду купаться. Килпеппер отрядил двоих провести микроскопический анализ стальной колонны.

Колонна тревожила его больше всего. Ученых она, видно, нисколько не занимала, но капитан этому не удивлялся. У каждого свои заботы. Вполне понятно, что для лингвиста на первом месте язык здешнего народа, а ботаник ищет ключ к загадкам планеты в деревьях, приносящих несусветное разнообразие плодов.

Ну а сам-то он что думает? Капитан Килпеппер перебирал свои догадки. Ему необходима обобщающая теория. Есть же какая-то единая основа у всех этих непонятных явлений.

Какая тут подойдет теория? Почему на планете нет микробов? Почему нет камней? Почему, почему, почему? Наверняка всему есть более или менее простое объяснение. Оно почти уже нащупывается — но не до конца.

Капитан сел в тени корабля, прислонился к опоре и попробовал собраться с мыслями.

Около полудня к нему подошел Эреймик. И один за другим швырнул свои лингвистические справочники о бок корабля.

— Выдержка, — заметил Килпеппер.

— Я сдаюсь, — сказал Эреймик. — Эти скоты теперь уже вовсе не обращают на меня внимания. Они больше почти и не разговаривают. И перестали показывать фокусы.

Килпеппер поднялся и подошел к туземцам. Да, прежней живости как не бывало. Они слоняются вокруг, такие вялые, словно дошли до крайнего истощения.

Тут же стоит Симмонс и что-то помечает в записной книжке.

— Что случилось с нашими приятелями? — спросил Килпеппер.

— Не знаю, — сказал Симмонс. — Может быть, они были так возбуждены, что провели бессонную ночь.

Жирафопотам неожиданно сел. Медленно перевалился на бок и замер.

— Странно, — сказал Симмонс. — Я еще ни разу не видел, чтобы кто-нибудь из них лег.

Он нагнулся над упавшим животным, прислушался, не бьется ли сердце. И через несколько секунд выпрямился.

— Никаких признаков жизни, — сказал он.

Еще два зверька, покрытые блестящей черной шерстью, опрокинулись наземь.

— О, Господи, — кинулся к ним Симмонс. — Что же это делается?

— Боюсь, я знаю, в чем причина, — сказал, выходя из люка, Моррисон, он страшно побледнел. — Микробы. Капитан, я чувствую себя убийцей. Думаю, этих бедных зверей убили мы. Помните, я вам говорил, что на этой планете нет никаких микроорганизмов? А сколько мы сюда занесли! Бактерии так и хлынули от нас к новым хозяевам. А хозяева, не забудьте, лишены какой-либо сопротивляемости.

— Но вы же говорили, что в атмосфере содержатся разные обезвреживающие вещества?

— По-видимому, они действуют недостаточно быстро, — Моррисон наклонился и осмотрел одного зверька. — Я уверен, причина в этом.

Все остальные животные, сколько их было вокруг корабля, падали наземь и лежали без движения. Капитан Килпеппер тревожно озирался.

Подбежал, задыхаясь, один из команды. Он был еще мокрый после купания у водопада.

— Сэр, — задыхаясь, начал он. — Там у водопада... животные...

— Знаю, — сказал Килпеппер. — Верните людей сюда.

— И еще, сэр, — продолжал тот. — Водопад... понимаете, водопад...

— Ну-ну, договаривайте.

— Он остановился, сэр. Он больше не течет.

— Верните людей, живо!

Купальщик кинулся обратно к водопаду. Килпеппер огляделся по сторонам, он сам не знал, что высматривает. Вот стоит коричневый лес, там все тихо. Слишком тихо.

Кажется, он почти уже нашел разгадку...

Он вдруг осознал, что мягкий, ровный ветерок, который непрерывно овеивал их с первой минуты высадки на планете, замер.

— Что за чертовщина, что такое происходит? — беспокойно произнес Симмонс.

Они направились к кораблю.

— Как будто солнце светит слабее? — прошептал Моррисон.

Полной уверенности не было. До вечера еще очень далеко, но, казалось, солнечный свет и вправду меркнет.

От водопада спешили люди, поблескивали мокрые тела. По приказу капитана один за другим скрывались в корабле. Только ученые еще стояли у входного люка и осматривали затихшую округу.

— Что же мы натворили? — спросил Эреймик. От вида валяющихся за смертью животных его пробирала дрожь.

По склону холма большими прыжками по высокой траве неслись те двое, что ходили к колонне, — неслись так, будто за ними гнался сам дьявол.

— Ну, что еще? — спросил Килпеппер.

— Чертова колонна, сэр! — выговорил Мориней. — Она поворачивается! Этакая махина в милю вышиной, из металла неведомо какой крепости — и поворачивается!

— Что будем делать? — спросил Симмонс.

— Возвращаемся в корабль, — пробормотал Килпеппер.

Да, разгадка совсем близко. Ему нужно еще только одно небольшое доказательство. Еще только одно...

Все животные повскакали на ноги! Опять, трепеща крыльями, высоко взмыли красные с серебром птицы. Жирафопотам поднялся, фыркнул и пустился наутек. За ним побежали остальные. Из леса через луг хлынул поток невиданного, невообразимого зверья.

Все животные мчались на запад, прочь от землян.

— Быстрее в корабль! — закричал вдруг Килпеппер.

Вот она, разгадка. Теперь он знал, что к чему и только надеялся, что успеет вовремя увести корабль подальше от этой планеты.

— Скорей, черт побери! Готовьте двигатели к пуску! — кричал он ошарашенным людям.

— Так ведь вокруг раскидано наше снаряжение, — возразил Симмонс. — Не понимаю, почему такая спешка...

— Стрелки, к орудиям! — рывкнул Килпеппер, подталкивая ученых к люку.

Внезапно на западе замаячили длинные тени.

— Капитан, но мы еще не закончили исследования...

— Скажите спасибо, если останетесь живы, — сказал капитан, когда все вошли в корабль. — Вы что, еще не сообразили? Закройте люк! Все закупорить наглухо!

— Вы имсете в виду вертящуюся колонну? — спросил Симмонс, он налетел в коридоре на Моррисона, споткнулся и едва не упал. — Что же, надо думать, какой-то высокоразвитый народ...

— Эта вертящаяся колонна — ключ в боку планеты, — сказал Килпеппер, почти бегом направляясь к рубке. — Ключ, которым ее заводят. Так устроена вся планета. Животные, реки, ветер — у всего кончился завод.

Он торопливо задал автопилоту нужную орбиту.

— Пристегнитесь, — сказал он. — И соображайте. Место, где на ветках висят лакомые плоды. Где нет ни единого вредного микроба, где не споткнешься ни об единый камешек. Где полным-полно удивительных, забавных, ласковых зверюшек. Где все рассчитано на то, чтобы радовать и развлекать... Детская площадка!

Ученые во все глаза уставились на капитана.

— Эта колонна — заводной ключ. Когда мы, незванные, сюда заявились, завод кончился. Теперь кто-то сызнова заводит планету.

За иллюминатором по зеленому лугу на тысячи футов протянулись тени.

— Держитесь крепче, — сказал Килпеппер и нажал стартовую клавишу. — В отличие от игрушечных зверюшек я совсем не жажду встретиться с детками, которые здесь резвятся. А главное, я отнюдь не жажду встречаться с их родителями.

ЗАПАХ МЫСЛИ

По-настоящему неполадки у Лероя Кливи начались, когда он вел почтолет-243 по неосвоенному звездному скоплению Пророкоугольника. Лероя и прежде то удручали обычные трудности межзвездного почтальона: старый корабль, изъязвленные трубы, невыветренные астронавигационные приборы. Но теперь, считывая показания курса, он заметил, что в корабле становится невыносимо жарко.

Он подавленно вздохнул, включил систему охлаждения и связался с Почтмейстером Базы. Разговор велся на критической дальности радиосвязи, и голос Почтмейстера еле доносился сквозь океан статических разрядов.

— Опять неполадки, Кливи? — спросил Почтмейстер зловещим голосом человека, который сам составляет графики и свято в них верует.

— Да как вам сказать, — иронически ответил Кливи. — Если

не считать труб, приборов и проводки, все прекрасно, вот разве изоляция и охлаждение подкачали.

— Действительно, позор, — сказал Почтмейстер, внезапно преисполняясь сочувствием. — Представляю, каково тебе там.

Кливи до отказа крутанул регулятор охлаждения, стер пот, заливающий глаза, и подумал, что Почтмейстеру только кажется, будто он знает, каково сейчас его подчиненному.

— Я ли снова и снова не ходатайствую перед правительством о новых кораблях? — Почтмейстер невесело рассмеялся. — Похоже, они считают, будто доставлять почту можно на любой корзине.

В данную минуту Кливи не интересовали заботы Почтмейстера. Охлаждающая установка работала на полную мощность, а корабль продолжал перегреваться.

— Не отходите от приемника, — сказал Кливи. Он направился в хвостовую часть корабля, откуда как будто истекал жар, и обнаружил, что три резервуара заполнены не горючим, а пузырящимся раскаленным добела шлаком. Четвертый на глазах претерпевал такую же метаморфозу.

Мгновение Кливи тупо смотрел на резервуары, затем бросился к рации.

— Горючего не осталось, — сообщил он. — По-моему, произошла каталитическая реакция. Говорил я вам, что нужны новые резервуары. Сяду на первой же кислородной планете, какая подвернется.

Он схватил Аварийный Справочник и пролистал раздел о скоплении Пророкоугольника. В этой группе звезд отсутствовали колонии, а дальнейшие подробности предлагалось искать по карте, на которую были нанесены кислородные миры. Чем они богаты, помимо кислорода, никому не ведомо. Кливи надеялся выяснить это, если только корабль в ближайшее время не рассыплется.

— Попробую З-М-22, — проревел он сквозь нарастающие разряды.

— Хорошенько присматривай за почтой, — протяжно прокричал в ответ Почтмейстер. — Я тотчас же высылаю корабль.

Кливи ответил, что он сделает с почтой — со всеми двадцатью фунтами почты. Однако к этому времени Почтмейстер уже прекратил прием.

Кливи удачно приземлился на З-М-22, исключительно удачно, если принять во внимание, что к раскаленным приборам невозможно было прикоснуться, размякшие от перегрева трубы скрутились узлом, а почтовая сумка на спине стесняла движения. Почтолет-243 выплыл в атмосферу, словно лебедь, но на высоте двадцати футов от поверхности отказался от борьбы и камнем рухнул вниз.

Кливи отчаянно силился не потерять остатки сознания. Борта корабля приобрели уже темно-красный оттенок, когда он вывалился из запасного люка; почтовая сумка по-прежнему была

прочно пристегнута к его спине. Пошатываясь, с закрытыми глазами он пробежал сотню ярдов. Когда корабль взорвался, взрывная волна опрокинула Кливи. Он встал, сделал еще два шага и окончательно провалился в небытие.

Когда Кливи пришел в себя, он лежал на склоне маленького холмика, уткнувшись лицом в высокую траву. Он пребывал в непередаваемом состоянии шока. Ему казалось, что разум его отделился от тела и, освобожденный, витает в воздухе. Все заботы, чувства, страхи остались с телом: разум был свободен.

Он огляделся и увидел, что мимо пробегают маленький зверек, величиной с белку, но с темно-зеленым мехом.

Когда зверек приблизился, Кливи заметил, что у него нет ни глаз, ни ушей.

Это его не удивило — напротив, показалось вполне уместным. На кой черт сдались белке глаза да уши? Пожалуй, лучше, что белка не видит несовершенства мира, не слышит криков боли...

Появился другой зверь, величиной и формой тела напоминающий крупного волка, но тоже зеленого цвета. Параллельная эволюция? Она не меняет общего положения вещей, заключил Кливи. У этого зверя тоже не было ни глаз, ни ушей. Но в пасти сверкали два ряда мощных клыков.

Кливи наблюдал за животными с вялым интересом. Какое дело свободному разуму до волков и белок, пусть даже безглазых? Он заметил, что в пяти футах от волка белка замерла на месте. Волк медленно приближался. На расстоянии трех футов он, по-видимому, потерял след — вернее, запах. Он затряс головой и медленно описал возле белки круг. Потом снова двинулся по прямой, но уже в неверном направлении.

Слепой охотится на слепца, подумал Кливи, и эти слова показались ему глубокой извечной истиной. На его глазах белка задрожала вдруг мелкой дрожью: волк закружился на месте, внезапно прыгнул и сожрал белку в три глотка.

Какие у волков большие зубы, безразлично подумал Кливи. И в тот же миг безглазый волк круто повернулся в его сторону.

Теперь он съест меня, подумал Кливи. Его забавляло, что он окажется первым человеком, съеденным на этой планете.

Когда волк ощерился над самым его лицом, Кливи снова лишился чувств.

Очнувшись он вечером. Уже протянулись длинные тени, солнце уходило за горизонт. Кливи сел и в виде опыта осторожно согнул руки и ноги. Все было цело.

Он привстал на одно колено, еще пошатываясь от слабости, но уже почти полностью отдавая себе отчет в том, что случилось. Он помнил катастрофу, но так, словно она происходила тысячу лет назад: корабль сгорел, он отошел поодаль и упал в обморок. Потом повстречался с волком и белкой.

Кливи неуверенно встал и огляделся по сторонам. Должно быть, последняя часть воспоминаний ему пригрезилась. Его бы

давно уже не было в живых, окажись поблизости какой-нибудь волк.

Тут Кливи взглянул под ноги и увидел зеленый хвостик белки, а чуть поодаль — ее голову.

Он лихорадочно пытался собраться с мыслями. Значит, волк и в самом деле был, да к тому же голодный. Если Кливи хочет выжить до прихода спасателей, надо выяснить, что тут произошло и почему.

У животных не было ни глаз, ни ушей? Но тогда каким образом они выслеживали друг друга? По запаху? Если так, то почему волк искал белку столь неуверенно?

Послышалось негромкое рычание, и Кливи обернулся. Менее чем в пятидесяти футах появилось существо, похожее на пантеру — на зеленовато-коричневую пантеру без глаз и ушей.

Проклятый зверинец, подумал Кливи и затаился в густой траве. Чужая планета не давала ему ни отдыха, ни срока. Нужно же ему время на размышление! Как устроены эти животные? Не развито ли у них вместо зрения чувство локации?

Пантера поплелась прочь.

У Кливи чуть отлегло от сердца. Быть может, если не попадаться ей на пути, пантера...

Едва он дошел в своих мыслях до слова «пантера», как животное повернулось в его сторону.

Что же я сделал? — спрашивал себя Кливи, поглубже зарываясь в траву. Она не может меня учуять, увидеть или услышать. Я только решил ей не попадаться...

Подняв морду кверху, пантера мерным шагом затрусила к нему.

Вот оно что! Животное, лишенное глаз и ушей, может обнаружить присутствие Кливи только одним способом.

Способом телепатическим!

Чтобы проверить свою теорию, Кливи мысленно произнес слово «пантера», отождествляя его с приближающимся зверем. Пантера взревела и заметно сократила разделяющее их расстояние.

В какую-то ничтожную долю секунды Кливи постиг многое. Волк преследовал белку при помощи телепатии. Белка замерла — быть может, отключила свой крохотный мозг. Волк сбился со следа и не находил его, пока белке удавалось тормозить деятельность мозга.

Если так, то почему волк не напал на Кливи, когда тот лежал без сознания? Быть может, Кливи перестал думать — по крайней мере, перестал думать на той длине волн, какую улавливает волк? Но не исключено, что дело обстоит гораздо сложнее.

Сейчас основная задача — это пантера.

Зверь снова взвыл. Он находился всего лишь в тридцати футах от Кливи, и расстояние быстро уменьшалось. Главное — не думать, решил Кливи, не думать о... думать о чем-нибудь другом.

Тогда, может быть, пан... ну, может быть, она потеряет след. Он принялся перебирать в уме всех девушек, которых когда-либо знал, старательно припоминая мельчайшие подробности.

Пантера остановилась и в сомнении заскребла лапами по земле.

Кливи продолжал думать: о девушках, о космолетах, о планетах и опять о девушках, и о космолетах, и обо всем, кроме пантеры.

Пантера придвинулась еще на пять футов.

Черт возьми, подумал он, как можно не думать о чем-то? Ты лихорадочно думаешь о камнях, скалах, людях, пейзажах и вещах, а твой ум неизменно возвращается к... но ты отмахиваешься от нее и сосредоточиваешься на своей покойной бабке (святая женщина!), старом пьянчуге отце, синяках на правой ноге. (Сосчитай их. Восемь. Сосчитай еще раз. По-прежнему восемь.) А теперь ты поднимаешь глаза, небрежно, видя, но не признавая п... Как бы там ни было, она все же приближается.

Пытаться о чем-то не думать — все равно что пытаться остановить лавину голыми руками. Кливи понял, что человеческий ум не так-то просто поддается бесцеремонному сознательному торможению. Для этого нужны время и практика.

Ему осталось около пятнадцати футов на то, чтобы научиться не думать о п...

Ну что ж, можно ведь думать о карточных играх, о вечеринках, о собаках, кошках, лошадях, овцах, волках (убирайтесь прочь!), о синяках, броненосцах, пещерах, логовах, берлогах, детенышах (берегись!), п-панегириках, и эмпириках, и мазуриках, и клириках, и лириках, и трагиках (примерно 8 футов), обедах, филе-миньонах, фиалках, финиках, филинах, поросятах, палках, пальто и п-п-п-п...

Теперь пантера находилась в каких-нибудь пяти футах от него и готовилась к прыжку. Кливи был больше не в состоянии изгонять запретную мысль. Но вдруг в порыве вдохновения он подумал: «Пантера-самка!»

Пантера, все еще напрягшаяся для прыжка, с сомнением повела мордой.

Кливи сосредоточился на идее пантеры-самки. Он и есть пантера-самка, и чего, собственно, хочет добиться этот самец, пугая ее? Он подумал о своих (тьфу, черт, самкиных!) детенышах, о теплом логове, о прелестях охоты на белок...

Пантера медленно подошла вплотную и потерлась о Кливи. Он с отчаянием думал о том, какая прекрасная стоит погода и какой мировой парень эта пантера — такой большой, сильный, с такими огромными зубами.

Самец замурылкал!

Кливи улегся, обвинил вокруг пантеры воображаемый хвост и решил, что надо поспать. Пантера стояла возле него в нерешитель-

ности. Казалось, чувствовала, что дело неладно. Потом испустила глубокий горловой рык, повернулась и ускакала прочь.

Только что село солнце, и все вокруг залила синева. Кливи обнаружил, что его сотрясает неудержимая дрожь, и он вот-вот разразится истерическим хохотом. Задержись пантера еще на секунду...

Он с усилием взял себя в руки. Пора серьезно поразмыслить.

Вероятно, каждому животному свойствен характерный запах мысли. Белка испускает один запах, волк — другой, человек — третий. Весь вопрос в том, только ли тогда можно выследить Кливи, когда он думает о каком-либо животном? Или его мысли, подобно аромату, можно засечь, даже если он ни о чем особенном не думает?

Пантера, видно, учуяла его лишь в тот миг, когда он подумал именно о ней. Однако это можно объяснить новизной, чуждый запах мыслей мог сбить пантеру с толку в тот раз.

Что ж, подождем — увидим. Пантера, наверное, не тупица. Просто такую шутку с нею сыграли впервые.

Всякая шутка удается... однажды.

Кливи лег навзничь и воззрился в небо. Он слишком устал, чтобы двигаться, да и тело, покрытое кровоподтеками, ныло. Что предстоит ему ночью? Выходят ли звери на охоту? Или на ночь устанавливается некое перемирие? Ему было наплевать.

К черту белок, волков, пантер, львов, тигров и северных оленей!

Он уснул.

Утром он удивился, что все еще жив. Пока все идет хорошо. В конце концов денек может выдаться не дурной. В радужном настроении Кливи направился к своему кораблю.

От почтолета-243 осталась лишь грудка искореженного металла на оплавленной почве. Кливи нашел металлический стержень, прикинул его на руке и заткнул за пояс, чуть ниже почтовой сумки. Не ахти какое оружие, но все-таки придает уверенность.

Корабль погиб безвозвратно. Кливи стал бродить по окрестностям в поисках еды. Вокруг рос плодоносный кустарник. Кливи осторожно надкусил неведомый плод и счел, что он терпкий, но вкусный. Он до отвала наелся ягод и запил их водой из ручейка, что журчал неподалеку в ложбинке.

Пока он не видел никаких зверей. Как знать, сейчас они, чего доброго, окружают его кольцом.

Он постарался отвлечься от этой мысли и занялся поисками укрытия. Самое верное дело — затаиться, пока не придут спасатели. Он блуждал по отлогим холмам, тщетно пытаясь найти скалу, деревце или пещерку. Дружелюбный ландшафт мог предложить разве что кусты высотой в шесть футов.

К середине дня он выбился из сил, пал духом и лишь тревожно всматривался в небо. Отчего нет спасателей? По его расчетам

быстроходное спасательное судно должно прибыть за сутки, от силы за двое.

Если Почтмейстер правильно указал планету.

В небе что-то мелькнуло. Он взглянул вверх, и сердце его неистово заколотилось. Ну и картина!

Над ним, без усилий балансируя гигантскими крыльями, медленно проплыла птица. Один раз она нырнула, словно провалилась в яму, но тут же уверенно продолжила полет.

Птица поразительно смахивала на стервятника.

Кливи побрел дальше. Еще через мгновение он очутился лицом к лицу с четырьмя слепыми волками.

Теперь по крайней мере с одним вопросом покончено. Кливи можно выследить по характерному запаху его мыслей. Очевидно, звери этой планеты пришли к выводу, будто пришелец не настолько чужероден, чтобы его нельзя было съесть.

Волки осторожно подкрадывались. Кливи испробовал прием, к которому прибег накануне. Вытащив из-за пояса металлический стержень, он принялся воображать себя волчицей, которая ищет своих волчат. Не поможет ли один из вас, джентльмены, найти их? Еще минуту назад они были тут. Один зеленый, другой пятнистый, третий...

Быть может, эти волки не мечут пятнистых детенышей. Один из них прыгнул на Кливи. Кливи огрел его стержнем, и волк, шатаясь, отступил.

Все четверо сомкнулись плечом к плечу и возобновили атаку.

Кливи безнадежно попытался мыслить так, как если бы его вообще не существовало на свете. Бесполезно. Волки упорно надвигались. Кливи вспомнил о пантере. Он вообразил себя пантерой. Рослой пантерой, которая с удовольствием полакомится волком.

Это их остановило. Волки тревожно замахали хвостами, но позиций не сдали.

Кливи зарычал, забил лапами по земле и подался вперед. Волки попятились, но один из них проскользнул к нему в тыл.

Кливи подвинулся вбок, стараясь не попадать в окружение. Похоже было, что волки не слишком-то поверили спектаклю. Быть может, Кливи бездарно изобразил пантеру. Волки больше не отступали. Кливи свирепо зарычал и замахнулся импровизированной дубинкой. Один волк стремглав пустился наутек, но тот, что прорвался в тыл, прыгнул на Кливи и сбил его с ног.

Бахтаясь под волками, Кливи испытал новый прилив вдохновения. Он вообразил себя змеей — очень быстрой, со смертоносным жалом и ядовитыми зубами.

Волки тотчас же отскочили. Кливи зашипел и изогнул свою бескостную шею. Волки яростно ощерились, но не выказали никакого желания наступать.

И тут Кливи допустил ошибку. Рассудок его знал, что надо держаться стойко и проявлять побольше наглости. Однако тело

поступило иначе. Помимо своей воли он повернулся и понесся прочь.

Волки рванулись вдогонку, и, бросив взгляд кверху, Кливи увидел, что в предвкушении поживы слетаются стервятники. Он взял себя в руки и попытался снова превратиться в змею, но волки не отставали.

Вьющиеся над головой стервятники подали Кливи идею. Космонавт, он хорошо знал, как выглядит планета сверху. Кливи решил превратиться в птичку. Он представил себе, как парит в вышине, легко балансируя среди воздушных течений, и смотрит вниз на землю, которая ковром расстилается все шире и шире.

Волки пришли в замешательство. Они закружились на месте, стали беспомощно подпрыгивать в воздух. Кливи продолжал парить над планетой, взмывая все выше и выше, и в то же время медленно пятился назад.

Наконец он потерял волков из виду, и наступил вечер. Кливи был измучен. Он прожил еще один день. Но, по-видимому, все гамбиты удаются лишь единожды. Что он будет делать завтра, если не придет спасательное судно?

Когда стемнело, он долго еще не мог заснуть и все смотрел в небо. Однако там виднелись только звезды, а рядом слышалось лишь редкое рычанье волка да рев пантеры, мечтающей о завтраке.

...Утро наступило слишком быстро. Кливи проснулся усталый, сон не освежил его. Не вставая, Кливи ждал.

— Где же спасатели? Времени у них была предостаточно, — решил Кливи. — Почему их еще нет? Если будут слишком долго мешкать, пантера...

Не надо было так думать. В ответ справа послышался звериный рык.

Кливи встал и отошел подальше. Уж лучше иметь дело с волками...

Об этом тоже не стоило думать, так как теперь к реву пантеры присоединилось рычание волчьей стаи.

Всех хищников Кливи увидел сразу. Справа из подлеска грациозно выступила зеленовато-желтая пантера. Слева он явственно различил силуэты нескольких волков. Какой-то миг он надеялся, что звери передерутся. Если бы волки напали на пантеру, Кливи удалось бы улизнуть...

Однако зверей интересовал только пришелец. К чему им драться между собой, понял Кливи, когда налицо он сам, во всеуслышание транслирующий свои страхи и свою беспомощность?

Пантера двинулась вперед. Волки оставались на почтительном расстоянии, по-видимому, намеренные удовольствоваться остатками ее трапезы. Кливи опять было попробовал взлететь по-птичьи, но пантера после минутного колебания продолжила свой путь.

Кливи попытался к волкам, жалея, что некуда влезть. Эх, окажись тут скала или хотя бы приличное дерево...

Но ведь рядом кусты! С изобретательностью, порожденной отчаянием, Кливи стал шестифутовым кустом. Вообще-то он понятия не имел, как мыслит куст, но старался изо всех сил.

Теперь он цвел. А один из корней у него слегка расшатался. После недавней бури. Но все же, если учесть обстоятельства, он был отнюдь не плохим кустом.

Краешком веток он заметил, что волки остановились. Пантера стала метаться вокруг него, пронзительно фыркнула и склонила голову набок.

Ну право же, подумал Кливи, кому придет в голову откусить ветку куста? Ты, возможно, приняла меня за что-то другое, но на самом деле я всего-навсего куст. Не хочешь ведь набить себе рот листьями? И ты можешь сломать зуб о мои ветки. Слышанное ли дело, чтобы пантера поедала кусты? А ведь я и *есть* куст. Спроси у моей мамы. Она тоже куст. Все мы кусты, исстари, с каменноугольного периода.

Пантера явно не собиралась переходить в атаку. Однако не собиралась и удалиться. Кливи не был уверен, что долго протянет. О чем он теперь должен думать? О прелестях весны? О гнезде малиновок в своих волосах?

На плечо к нему опустилась какая-то птичка.

Ну не мило ли, подумал Кливи. Она тоже думает, что я куст. Намерена свить гнездо в моих ветвях. Совершенно прелестно. Все прочие кусты лопнут от зависти.

Птичка легонько клюнула Кливи в шею.

Полегче, подумал Кливи. Не надо рубить сук, на котором сидишь...

Птичка клюнула еще раз, примериваясь. Затем прочно стала на перепончатые лапки и принялась долбить шею Кливи со скоростью пневматического молотка.

Проклятый дятел, подумал Кливи, стараясь не выходить из образа. Он отметил, что пантера внезапно успокоилась. Однако когда птичка долбанула его шею пятнадцатый раз, Кливи не выдержал: он сгреб птичку и швырнул ее в пантеру.

Пантера щелкнула зубами, но опоздала. Оскорбленная птичка произвела разведочный полет вокруг головы Кливи и упорхнула к более спокойным кустам.

Мгновенно Кливи снова превратился в куст, но игра была проиграна. Пантера замахнулась на него лапой. Он попытался бежать, споткнулся о волка и упал. Пантера зарычала над его ухом, и Кливи понял, что он уже труп.

Пантера оробела.

Тут Кливи превратился в труп до кончиков горячих пальцев. Он лежал мертвым много дней, много недель. Кровь его давно вытекла. Плоть протухла. К нему не притронется ни одно здраво-мыслящее животное, как бы голодно оно ни было.

Казалось, пантера с ним согласна. Она попятилась. Волки испустили голодный вой, но тоже отступили.

Кливи увеличил давность своего гниения еще на несколько дней и сосредоточился на том, как ужасно он неудобоварим, как безнадежно неаппетитен. И в глубине души — он был в этом убежден — искренне не верил, что годится кому бы то ни было на закуску. Пантера продолжала пятиться, а за нею и волки. Кливи был спасен! Если надо, он может теперь оставаться трупом до конца дней своих.

И вдруг до него донесся *подлинный* запах гниющей плоти. Оглядевшись по сторонам, он увидел, что рядом опустилась исполинская птица!

На Земле ее называли бы стервятником.

Кливи едва не расплакался. Неужто ему ничто не поможет? Стервятник подошел к нему вперевалочку. Кливи вскочил и ударил его ногой. Если ему и суждено быть съеденным, то уж, во всяком случае, не стервятником.

Пантера с быстротой молнии явилась вновь, и на ее глупой пушистой морде, казалось, были написаны ярость и смятение.

Кливи замахнулся металлическим стержнем, жалея, что нет поблизости дерева — забраться, пистолета — выстрелить или хоть факела — отпугнуть...

Факел!

Кливи тотчас же понял, что выход найден. Он полыхнул пантере огнем в морду, и та отползла с жалобным визгом. Кливи поспешно стал распространяться во все стороны, охватывая пламенем кусты, пожирая сухую траву.

Пантера стрелой умчалась прочь вместе с волками.

Пришел его черед! Как он мог забыть, что всем животным присущ глубокий инстинктивный страх перед огнем! Право же, Кливи будет самым огромным пожаром, какой когда-либо бушевал в этих местах.

Поднялся легкий ветерок и разнес его огонь по холмистой земле. Из-за кустов высочили белки и дружно понеслись прочь. В воздух взмыли стаи птиц, а пантеры, волки и прочие хищники бежали бок о бок, забыв и помышлять о добыче, стремясь лишь уберечься от пожара — от него, Кливи!

Кливи смутно сознавал, что отныне стал настоящим телепатом. С закрытыми глазами он видел все, что происходит вокруг, и все ощущал почти физически. Он наступал гудящим пламенем, сметая все на своем пути. И *чувствовал* страх тех, кто поспешно спасался бегством.

Так и должно быть. Разве благодаря сообразительности и умению приспособиться человек не был всегда и везде царем природы? То же самое и здесь. Кливи торжествующе перепрыгнул через узенький ручеек в трех милях от старта, воспламенил группу кустов, запыхнул, выбросил струю пламени...

Тут он почувствовал первую каплю воды.

Он все горел, но одна капля превратилась в пять, потом в пятнадцать, потом в пятьсот. Он был прибит водой, а его пища — трава и кусты — вскоре промокли насквозь.

Он начинал угасать.

Это просто нечестно, подумал Кливи. По всем правилам он должен был выиграть. Он дал планете бой на ее условиях и вышел победителем... лишь для того, чтобы слепая стихия все погубила.

Животные осторожно возвращались.

Дождь хлынул как из ведра. У Кливи погас последний язычок пламени. Бедняга вздохнул и лишился чувств...

— ...Чертовски удачная работа. Ты берег почту до последнего, а это признак хорошего почтальона. Может, удастся выхлопотать тебе медаль.

Кливи открыл глаза. Над ним, сияя горделивой улыбкой, стоял Почтмейстер. Кливи лежал на койке и видел над собой вогнутые металлические стены звездолета.

Он находился на спасательном судне.

— Что случилось? — прохрипел он.

— Мы подоспели как раз вовремя, — ответил Почтмейстер. — Тебе пока лучше не двигаться. Еще немного — и было бы поздно.

Кливи почувствовал, как корабль отрывается от земли, и понял, что покидает планету З-М-22. Шатаясь, он подошел к смотровому окну и стал вглядываться в проплывающую внизу зеленую поверхность.

— Ты был на волосок от гибели, — сказал Почтмейстер, становясь рядом с Кливи и глядя вниз. — Нам удалось включить увлажняющую систему как раз вовремя. Ты стоял в центре самого свирепого степного пожара из всех, что мне приходилось видеть.

Глядя вниз на безупречный зеленый ковер, Почтмейстер, видно, усомнился. Он посмотрел еще раз в окно, и выражение его лица напомнило Кливи обманутую пантеру.

— Постой... А как получилось, что на тебе нет ожогов?

НЕОБХОДИМАЯ ВЕЩЬ

Ричард Грегор сидел за своим столом в пыльной конторе фирмы «ААА-ПОПС» (Астронавтического антиэнтропийного агентства по оздоровлению природной среды), тупо уставившись на список, включавший ни много ни мало 2305 наименований. Он пытался вспомнить, что же тут упущено.

Антирадиационная мазь? Осветительная ракета для вакуума? Установка для очистки воды? Нет, все это уже есть.

Он зевнул и взглянул на часы. Арнольд, его компаньон, вот-вот должен вернуться. Еще утром он отправился заказать все эти 2305

предметов и проследить за их погрузкой на корабль. Через несколько часов точно по расписанию они стартуют для выполнения нового задания.

Но все ли он предусмотрел? Космический корабль — это остров на полном самообеспечении. Если на Дементии II у тебя кончатся бобы, ты там не отправишься в лавку. А если, не дай бог, сгорит обшивка основного двигателя, никто не поспежит заменить ее. На борту должно быть все — и запасная обшивка, и инструмент для замены, и инструкция, как это сделать. Космос слишком велик, чтобы позволить себе роскошь спасательных операций.

Аппаратура для экстракции кислорода... Сигареты... Да прямо универсальный магазин, а не ракета.

Грегор отбросил список, достал колоду потрепанных карт и разложил безнадежный пасьянс собственного изобретения.

Спустя несколько минут в контору небрежной походкой вошел Арнольд.

Грегор с подозрением посмотрел на компаньона. Когда маленький химик, сияя от счастья, начинал лихо подпрыгивать, это обычно означало, что «ААА-ПОПС» ждут крупные неприятности.

— Ты все достал? — робко поинтересовался Грегор.

— В лучшем виде, — гордо заявил Арнольд.

— Старт назначен на...

— Успокойся, будет полный порядок!

Он уселся на край стола.

— Я сегодня сэкономил кучу денег.

— Бог ты мой, — вздохнул Грегор. — Что ты еще натворил?

— Нет, ты только подумай, — торжественно произнес Арнольд. — Только подумай о тех деньгах, которые попусту тратятся на снаряжение самой обычной экспедиции. Мы упаковываем 2305 единиц снаряжения ради одного-единственного ничтожного шанса, что нам может понадобиться одна из них. Полезная нагрузка корабля снижена до предела, жизненное пространство стеснено, а эти вещи никогда не понадобятся!

— За исключением одного или двух случаев, когда они спасают нам жизнь.

— Я это учел. Я все тщательно изучил и нашел возможность существенно сократить список. Небольшое везение — и я отыскал ту единственную вещь, которая действительно нужна экспедиции. Необходимую вещь!

Грегор поднялся. Он был намного выше своего компаньона. Ему представилась сцена с нанесением тяжелых телесных повреждений, но он сдержал себя.

— Арнольд, — сказал он, — я не знаю, что ты там нашел, но лучше бы ты погрузил эти 2305 предметов на борт корабля. И как можно быстрее!

— Я не могу этого сделать, — ответил Арнольд, нервно хихикнув. — Деньги кончились. Но эта штука себя окупит.

— Какая штука?

— Единственная, действительно необходимая вещь. Поехали на корабль, я тебе ее покажу.

Больше Грегор не смог вытянуть из него ни слова.

Всю долгую дорогу в космопорт Кеннеди Арнольд таинственно улыбался. Их корабль уже стоял на пусковой площадке готовый к старту.

Арнольд торжествующе распахнул люк.

— Вот! — воскликнул он. — Смотри! Это панацея от всех возможных бед!

Грегор вошел внутрь. Он увидел большую фантастического вида машину с беспорядочно размещенными на корпусе циферблатами, лампочками и индикаторами.

— Что это?

— Не правда ли, красавица? — Арнольд нежно похлопал машину. — Я выудил ее у межпланетного старьевщика Джо практически за бесценок.

Грегору все стало ясно. Когда-то он сам имел дела со старьевщиком Джо, и каждый раз это приводило к печальным последствиям. Немыслимые машины Джо в самом деле работали, но как — это другой вопрос.

— Ни с одной из машин Джо я не отправлюсь в космос, — твердо заявил Грегор. — Может быть, нам удастся продать ее на металлолом?

Он судорожно бросился разыскивать кувалду.

— погоди, — взмолился Арнольд. — Дай я покажу ее в работе. Подумай сам. Мы в глубоком космосе. Выходит из строя основной двигатель. Мы обнаруживаем, что на третьей шестеренке открутилась и исчезла гайка. Что мы делаем?

— Мы берем новую гайку из числа 2305 предметов, которые взяли с собой на случай вот таких чрезвычайных обстоятельств, — сказал Грегор.

— В самом деле? Но ведь ты не включил в список четырехдюймовую дюралевою гайку! — торжествующе вскричал Арнольд. — Я проверял. Что тогда?

— Не знаю. А что ты можешь предложить?

Арнольд подошел к машине, нажал на кнопку и громко и отчетливо произнес:

— Дюралевая гайка, диаметр четыре дюйма.

Машина глухо зарокотала. Вспыхнули лампочки. Плавно отодвинулась панель, и глазам компаньонов представилась сверкающая, только что изготовленная гайка.

— Готово! — воскликнул Арнольд.

— Хм, — произнес Грегор без особого энтузиазма. — Итак, она делает гайки. А что еще?

Арнольд снова нажал на кнопку.

— Фунт свежих креветок.

Панель отодвинулась — внутри были креветки.

— Дал маху — следовало заказать очищенные, — заметил Арнольд. — Ну, да ладно.

Он нажал на кнопку:

— Графитовый стержень. Длина четыре фута, диаметр два дюйма.

На этот раз панель открылась больше — и появился стержень.

— Что еще она может делать? — спросил Грегор.

— А что бы ты хотел? Тигренка? Карбюратор? Двадцатипятиваттную лампочку? Жевательную резинку?

— Ты хочешь сказать — она может состряпать все что угодно?

— Все, что ни пожелаешь! Это Конфигуратор! Попробуй сам.

Грегор попробовал и быстро произвел на свет одно за другим пинту питьевой воды, наручные часы и банку майонеза.

— Неплохо, — сказал он. — Но...

— Что «но»?

Грегор задумчиво покачал головой. Действительно — что? Просто по собственному опыту он знал, что эти новинки никогда не бывают столь надежны в работе, как кажется на первый взгляд.

Он задумался, затем снова нажал на кнопку:

— Транзистор серии E1324.

Машина глухо загудела, отодвинулась панель, и он увидел крохотный транзистор.

— Неплохо, — признал Грегор. — Что ты там делаешь?

— Чищу креветки, — ответил Арнольд.

Насладившись салатом из креветок, приятели вскоре получили разрешение на взлет, и через час их корабль был уже в космосе.

Они направлялись на Деннетт IV, планету средних размеров в созвездии Сикофакс. Деннетт был жаркой, влажной, плодородной планетой с одним-единственным серьезным недостатком — чрезмерным обилием дождей. Почти все время на Деннетте шел дождь, а когда его не было, собирались тучи. Компаньонам предстояло ограничить выпадение дождей. Основами регулирования климата они вполне владели. Это были частые для многих миров трудности. Несколько суток — и все будет в порядке.

Путь не был отмечен никакими событиями. Впереди показался Деннетт. Арнольд выключил автопилот и повел корабль сквозь толщу облаков. Они опускались в километровом слое белесого тумана. Вскоре показались горные вершины, а еще через несколько минут корабль завис над скучной серой равниной.

— Странный цвет для ландшафта, — заметил Грегор.

Арнольд кивнул. Он привычно повел корабль по спирали, выровнял его, аккуратно опустил и, сбалансировав, выключил двигатель.

— Интересно, почему здесь нет растительности? — размышлял вслух Грегор.

Через мгновение они это узнали. Корабль на секунду замер, а затем провалился сквозь мнимую равнину и, пролетев несколько десятков метров, рухнул на поверхность.

«Равниной» оказался туман исключительной плотности, какого нигде, кроме Деннетта, не встретить.

Компаньоны быстро отстегнули ремни, тщательно ощупали себя и, убедившись в отсутствии увечий, приступили к осмотру корабля.

Неожиданное падение не принесло ничего хорошего их старенькой посудине. Радио и автопилот оказались напрочь выведенными из строя. Были покорежены десять пластин в обшивке двигателя, и, что хуже всего, полетели многие элементы в системе управления.

— Нам еще повезло, — заключил Арнольд.

— Да, — сказал Грегор, вглядываясь в туман. — Однако в следующий раз лучше садиться по приборам.

— Ты знаешь, отчасти я даже рад, что все так произошло. Теперь ты убедишься, как незаменим Конфигуратор. Ну что, приступим к работе?

Они составили список всех поврежденных частей.

Арнольд подошел к Конфигуратору и нажал на кнопку:

— Пластина обшивки двигателя, пять дюймов на пять, толщина полдюйма, сплав 342.

Конфигуратор быстро изготовил требуемое.

— Нам нужно десять штук, — сказал Грегор.

— Знаю, — ответил Арнольд и снова нажал на кнопку: — Повторить.

Машина бездействовала.

— Наверное, надо ввести команду полностью, — решил Арнольд.

Он ударил кулаком по кнопке и произнес:

— Пластина обшивки двигателя, пять дюймов на пять, толщина полдюйма, сплав 342.

Конфигуратор не шелохнулся.

— Странно, — сказал Арнольд.

— Куда уж, — произнес Грегор, чувствуя, что внутри у него что-то обрывается.

Арнольд попробовал еще раз — безрезультатно. Он задумался, затем, снова ударив кулаком по кнопке, сказал:

— Пластиковая чашка.

Машина произвела чашку из ярко-голубого пластика.

— Еще одну, — сказал Арнольд.

Конфигуратор не откликнулся, и Арнольд попросил восковую свечу. Машина ее изготовила.

— Еще одну восковую свечу, — приказал Арнольд.

Машина не повиновалась.

— Интересно, — произнес Арнольд. — Мне следовало бы раньше подумать о такой возможности.

— Какой возможности?

— Очевидно, Конфигуратор может произвести все что угодно, но только в единственном числе.

Арнольд провел еще один эксперимент, заставив машину изготовить карандаш. Она это сделала, но только один раз.

— Прекрасно, — подытожил Грегор, — но нам нужны еще девять пластин. И для системы управления необходимы четыре абсолютно идентичные детали. Что будем делать?

— Что-нибудь придумаем, — беззаботно ответил Арнольд.

— Надеюсь.

За бортом корабля начался дождь.

— Я могу найти поведению машины только одно объяснение, — говорил Арнольд несколько часов спустя. — Полагаю, здесь действует принцип наслаждения.

— Что? — встрепнулся Грегор. Он дремал, убаюканный мягким шелестом дождя.

— Эта машина обладает своего рода разумом, — продолжал Арнольд. — Получив стимулирующее воздействие, он переводит его на язык исполнительных команд и производит предметы в соответствии с заложенной в памяти программой.

— Производит, — согласился Грегор, — но только единожды!

— Да, но почему? Здесь ключ ко всей нашей проблеме. Я полагаю, мы столкнулись с фактором самоограничения, вызванного стремлением к наслаждению.

— Не понимаю.

— Послушай. Создатели машины не стали бы ограничивать ее возможности таким образом. Единственное объяснение, которое я нахожу, заключается в том, что при подобной сложности машина приобретает почти человеческие черты. Машина получает определенное наслаждение от производства только новых предметов. Сотворив изделие, машина теряет к нему всякий интерес и хочет произвести что-нибудь еще.

Такое объяснение снова повергло Грегора в апатичную дремоту.

— Реализовать весь заложенный в нее потенциал, — продолжал Арнольд, — вот чего хочет машина. С этой точки зрения всякое повторение — пустая трата времени.

— Более дурацких рассуждений я в жизни не слышал, — сказал Грегор. — Но допустим, ты прав. Что же мы все-таки можем сделать?

— Не знаю, — ответил Арнольд.

— Я так и думал.

В этот вечер Конфигуратор произвел им на ужин вполне приличный ростбиф. На десерт был яблочный пирог. Ужин заметно улучшил моральное состояние приятелей.

— Заменители... — задумчиво произнес Грегор, затягиваясь сигаретой марки «Конфигуратор». — Вот что мы должны попробовать. Сплав 342 — не единственный материал, из которого можно

изготовить обшивку. Есть и другие сплавы, которые продержатся до нашего возвращения на Землю.

Вряд ли можно было хитростью заставить Конфигуратор изготовить пластину из какого-либо ферросплава. Компаньоны приказали машине изготовить бронзовую пластину и получили ее. Однако после этого Конфигуратор отказал им как в медной, так и в оловянной пластинах. На алюминиевую пластину машина согласилась, так же как на пластины из кадмия, платины, золота и серебра. Пластина из вольфрама была уникальным изделием, удивительно, как Конфигуратор вообще смог ее отлить. Плутоний был отвергнут Грегором, и подходящие материалы стали постепенно истощаться. Арнольду пришла идея использовать сверхпрочную керамику. Наконец, последнюю пластину сделали из чистого цинка.

Конечно, пластины из благородных металлов могли расплавиться, однако при хорошем охлаждении была надежда, что они продержатся до Земли.

В общем, ночью приятели неплохо поработали и уже под утро смогли выпить за успех предприятия превосходный, хотя и несколько маслянистый херес марки «Конфигуратор».

На следующий день они смонтировали пластины. Кормовая часть корабля имела вид лоскутного одеяла.

— По-моему, очень даже неплохо! — восхитился Арнольд.

— Только бы они продержались до Земли, — судя по голосу, Грегор отнюдь не разделял энтузиазма своего компаньона. — Ну ладно, пора приниматься за систему управления.

Здесь возникла новая проблема. Были разбиты четыре абсолютно одинаковые детали — хрупкие, тончайшей работы платы из стекла и проволоки. Заменители исключались.

Машина без колебаний изготовила одну деталь, но тем дело и кончилось. К полудню приятели чувствовали себя просто омерзительно.

— Есть какие-нибудь идеи? — спросил Грегор.

— Пока нет. Может, пообедаем?

Они решили, что салат из омаров будет очень кстати, и заказали его Конфигуратору. Тот недолго погудел и... ничего.

— Ну а сейчас в чем дело? — спросил Грегор.

— Вот этого-то я как раз и боялся, — ответил Арнольд.

— Боялся чего? Мы ведь еще не заказывали омаров.

— Но мы заказывали креветки. И те и другие относятся к ракообразным. Боюсь, что Конфигуратор разбирается в классах объектов.

— Ну что же, придется открывать консервы, — со вздохом сказал Грегор.

Арнольд вяло улыбнулся.

— Видишь ли, — сказал он, — когда я купил Конфигуратор, то подумал, что нам больше не придется беспокоиться о еде. Дело в том, что...

— Как, консервов нет?!

— Нет...

Они вернулись к машине и заказали семгу, форель, тунца... Безрезультатно. С тем же успехом они попробовали получить свиную отбивную, баранью ножку и телятину.

— По-моему, Конфигуратор решил, что вчерашний ростбиф поставил точку на мясе всех млекопитающих, — сказал Арнольд. — Это интересно. Если дело так пойдет дальше, мы сможем разработать новую теорию видов...

— Умирая голодной смертью, — добавил Грегор.

Он потребовал жареного цыпленка, и на этот раз Конфигуратор сработал без колебаний.

— Эврика! — воскликнул Арнольд.

— Черт! — выругался Грегор. — Надо было заказать индейку.

На планете Деннетт продолжался дождь. Вокруг залатанной хвостовой части корабля клубился туман.

Арнольд занялся какими-то манипуляциями с логарифмической линейкой, а Грегор, покончив с хересом, безуспешно пытался получить ящик виски. Убедившись в бесплодности своих попыток, он принялся раскладывать пасьянс.

После скудного ужина, состоявшего из остатков цыпленка, Арнольд наконец завершил расчеты.

— Это может подействовать, — сказал он.

— Что именно?

— Принцип наслаждения!

Арнольд поднялся и принялся расхаживать взад и вперед.

— Раз эта машина обрела почти человеческие черты, у нее должны быть и способности к самообучению. Я думаю, мы сможем научить ее испытывать наслаждение от многократного производства одной и той же вещи, а именно — элементов системы управления.

— Может, стоит и попробовать, — с надеждой отозвался Грегор.

Поздно вечером приятели начали переговоры с машиной. Арнольд настойчиво нашептывал ей о прелестях повторения. Грегор громко рассуждал об эстетическом наслаждении от многократного производства таких шедевров, как элементы системы управления. Арнольд все шептал о трепете от бесконечного производства одних и тех же предметов. Снова и снова — все те же детали, все из того же материала, производимые с одной и той же скоростью. Экстаз! Грегор философствовал, сколь гармонично это соответствует облику и способностям машины. Он говорил, что повторение гораздо ближе к энтропии, которая с механической точки зрения само совершенство.

По непрерывному щелканью и миганию можно было судить, что Конфигуратор внимательно слушал. Когда на Деннетте забрезжил промозглый рассвет, Арнольд осторожно нажал на кнопку и дал команду изготовить нужную деталь.

Конфигуратор явно колебался. Лампочки неопределенно мигали, стрелки индикаторов нерешительно дергались.

Наконец послышался щелчок, панель отодвинулась, и показался второй элемент системы управления.

— Ура! — закричал Грегор, хлопнув Арнольда по плечу.

Он поспешно нажал на кнопку и заказал еще одну деталь.

Конфигуратор громко и выразительно загудел и... ничего не произвел.

Грегор сделал еще одну попытку, однако и на этот раз машина — уже без колебаний — отказалась выполнить просьбу людей.

— Ну а сейчас-то в чем дело? — спросил Грегор.

— Все ясно, — грустно ответил Арнольд. — Он решил попробовать повторение только ради того, чтобы определить, не лишает ли себя чего-нибудь, не испытываю его. Я думаю, что Конфигуратору повторение не понравилось.

— Машина, которая не любит повторения! — тяжело вздохнул Грегор. — Это так не по-человечески...

— Как раз наоборот, — с тоской произнес Арнольд. — Это слишком по-человечески...

Время приближалось к ужину, и приятели решили выудить из Конфигуратора что-нибудь съестное. Получить овощной салат было довольно несложно, однако он оказался не слишком калорийным. Конфигуратор добавил буханку хлеба, но о пироге не могло быть и речи. Молочные продукты также исключались: накануне компаньоны заказывали сыр. Наконец, только через час, после многочисленных попыток и отказов, их усилия были вознаграждены фунтом бифштекса из китового мяса, — видно, Конфигуратор был не совсем уверен в его происхождении.

Сразу после ужина Грегор снова стал вполголоса напевать машине о радостях повторения. Конфигуратор мерно гудел и периодически мигал лампочками, показывая, что все еще слушает.

Арнольд обложился справочниками и стал разрабатывать новый план. Спустя несколько часов он вдруг вскочил с радостным криком:

— Я знал, что его найду!

— Что найдешь? — живо поинтересовался Грегор.

— Заменитель системы управления!

Он сунул книгу буквально под нос Грегору.

— Смотри! Ученый на Ведньере II создал это пятьдесят лет назад. Система по современным понятиям неуклюжа, но она неплохо действует и вполне подойдет для нашего корабля.

— Ага. А из чего она сделана? — спросил Грегор.

— В том-то вся и штука! Мы не можем ошибиться. Она сделана из особого пластика!

Арнольд быстро нажал на кнопку и прочитал описание системы управления.

Ничего не произошло.

— Ты должен изготовить систему управления Ведньер! —

закричал Арнольд. — Если ты этого не сделаешь, то нарушишь собственные принципы!

Он снова ударил по кнопке и еще раз отчетливо прочитал описание системы.

И на этот раз Конфигуратор не повиновался.

Тут Грегора осенило ужасное подозрение. Он быстро подошел к задней панели Конфигуратора и нашел там то, чего опасался.

Это было клеймо изготовителя. На нем было написано: **КОНФИГУРАТОР, КЛАСС 3. ИЗГОТОВЛЕН ВЕДНЬЕРСКОЙ ЛАБОРАТОРИЕЙ. ВЕДНЬЕР II.**

— Конечно, они уже использовали его для этих целей, — грустно констатировал Арнольд.

Грегор промолчал. Сказать было нечего.

Внутри на стенках корабля появились капли. На стальной пластине в хвостовом отсеке обнаружилась ржавчина.

Машина продолжала слушать увещевания о пользе повторения, но ничего не производила.

Снова возникла проблема обеда. Фрукты исключались из-за яблочного пирога. Не стоило и мечтать о мясе, рыбе, молочных продуктах, каше. В конце концов компаньонам удалось отведать лягушек, печеных кузнечиков, приготовленных по древнему китайскому рецепту, и филе из игуаны. Однако после того, как с ящерицами, насекомыми и земноводными было покончено, приятели поняли, что пищи больше не будет.

И Арнольд, и Грегор чувствовали нечеловеческую усталость. Длинное лицо Грегора совсем вытянулось.

За бортом непрерывно лил дождь. Корабль все больше засасывало в хлипкую почву.

Но тут Грегора осенила еще одна идея. Он старался тщательно ее обдумать. Новая неудача могла повергнуть в уныние. Вероятность успеха была ничтожной, но упускать ее было нельзя.

Грегор медленно приблизился к Конфигуратору. Арнольд испугался неистового блеска в его глазах.

— Что ты собираешься делать?

— Я собираюсь дать этой штуке еще одну, последнюю команду, — хрипло ответил Грегор.

Дрожащей рукой он нажал на кнопку и что-то прошептал. В первый момент ничего не произошло. Внезапно Арнольд кричал:

— Назад!

Машина затряслась и задрожала, лампочки мигали, стрелки индикаторов судорожно дергались.

— Что ты ей приказал? — спросил Арнольд.

— Я приказал ей воспроизвести себя!

Конфигуратор затрясся в конвульсиях и выпустил облако черного дыма. Приятели закашлялись, судорожно глотая воздух.

Когда дым рассеялся, они увидели, что Конфигуратор стоит на месте, только краска на нем в нескольких местах потрескалась, а некоторые индикаторы бездействуют. Рядом с ним, сверкая каплями свежего масла, стоял еще один Конфигуратор.

— Ура! — закричал Арнольд. — Это спасение!

— Я сделал гораздо больше, — устало ответил Грегор. — Я обеспечил нам состояние.

Он повернулся к новому Конфигуратору, нажал на кнопку и прокричал:

— Воспроизведись!

Через неделю, завершив работу на Деннетте IV, Арнольд, Грегор и три Конфигуратора уже подлетали к космопорту Кеннеди. Как только они приземлились, Арнольд выскочил из корабля, быстро поймал такси и отправился сначала на Кэнэл-стрит, а затем в центр Нью-Йорка. Дела заняли немного времени, и уже через несколько часов он вернулся на корабль.

— Все в порядке, — сказал он Грегору. — Я поговорил с несколькими ювелирами. Без существенного влияния на рынок мы можем продать около двадцати больших камней. После этого, думаю, надо, чтобы Конфигураторы занялись платиной, а затем... В чем дело?

Грегор мрачно смотрел на него.

— Ты ничего не замечаешь?

— А что? — Арнольд огляделся.

Там, где раньше стояли три Конфигуратора, сейчас их было уже четыре.

— Ты приказал им воспроизвести еще одного? — спросил Арнольд. — Ничего страшного. Теперь надо только приказать, чтобы они сделали по бриллианту.

— Ты все еще ничего не понял! — грустно воскликнул Грегор. — Смотри!

Он нажал на кнопку ближайшего Конфигуратора и сказал:

— Бриллиант.

Конфигуратор затрясся.

— Это все ты и твой проклятый принцип наслаждения, — устало проговорил Грегор.

Машина вновь завибрировала и произвела на свет... еще один КОНФИГУРАТОР!!!

ЛАБИРИНТ РЕДФЕРНА

Для Чарльза Энджера Редферна это утро было ничем не примечательно. Если не считать того, что из почтового ящика он извлек два странных письма.

Одно было в простом белом конверте, и на мгновение ему показалось, что он узнает почерк, которым был написан адрес. Из конверта он достал лист, на котором не было ни

обращения, ни подписи. Некоторое время он гадал — чей же это такой знакомый почерк? Потом сообразил, что это имитация его собственного. Слегка заинтригованный, но все еще не предчувствуя ничего, кроме скуки, он прочел следующее:

«Большая часть призывов так называемого (и довольно глупо называемого) *Лабиринта* Редферна несомненно останется без отклика. Ибо, судя по всему, большинству безразлично — выбрать то или иное. *Лабиринт* Редферна не в состоянии продемонстрировать на выходе более того, что было в него запущено на входе. В данном случае — ничего, кроме обескураживающего бессилия самого Редферна. Есть мнение, что Редферн не способен преодолеть свое собственное безволие и мягкотелость. Он не в состоянии преодолеть свою собственную, им же ненавистную рабскую натуру. Он не может избавиться от склонности к уступкам и к подчинению.

По причине такого скандального жизненного банкротства читатель ощущает в себе склонность быть целеустремленно непоследовательным: он благодарен *Лабиринту* за его ненавязчивую краткость, но в то же время злобно желает еще большей краткости.

Но это быстро проходит, и читатель обнаруживает, что его превалирующим настроением является молчаливое сопротивление желанию вообще что-нибудь ощущать. С чувством глубокого удовлетворения он обнаруживает свою индифферентность. И хотя он не желает ничего помнить о *Лабиринте*, он и не затрудняет себя усилиями, чтобы забыть.

Читатель противопоставляет скуке Редферна свою скуку, еще более опустошительную; он имитирует редферновскую враждебность и легко превосходит ее. Он даже отказывается признать существование Редферна; а под конец у него появляется уверенность, что он вообще никогда в жизни не имел дела ни с каким *Лабиринтом*. (Он, конечно, прав; и повторные вхождения в *Лабиринт* уже не поколеблют его уверенность.)

Этот *Лабиринт* мог бы быть использован как образцовый монумент скуке, если бы не искажался (так типично для Редферна) одной-единственной раздражающей идеей, которая гласит:

«ТЕОРЕМА 113. Всем известно, что хаотический Лабиринт-Ловушка управляет своими жертвами с помощью железных законов; но лишь немногие сознают, что из этого следует такой же логический вывод: именно, что Лабиринт-Ловушка сам является одной из таких жертв и, следовательно, сам подпадает под действие своих тягостных занудливых законов».

Редферн сам не формирует этих «законов» — ляпсус, который можно было предвидеть. Но один из них легко можно вывести из кажущегося на первый взгляд бессмысленным утверждения:

«ЛЕММА 282. Провидение, какой бы внешний облик оно ни принимало, неизбежно милосердно».

Итак, следуя Редферну: Лабиринт-Ловушка управляет человеком-жертвой, но Провидение управляет им самим. Это вытекает из закона, согласно которому Лабиринт-Ловушка (как и все остальное, кроме Провидения) является зависимым. Закон гласит, что Лабиринт-Ловушка должен выдавать, проявлять свою сущность — он *обязан быть познаваемым*. Доказательством этого является тот факт, что Редферн, самый мягкий и несамостоятельный из людей, это знает.

Но теперь мы хотим знать, какими законами управляется Лабиринт-Ловушка. *Каким образом* Лабиринт-Ловушка становится познаваемым? Без знания этого закона мы ничего не можем сделать, и Редферн нам тут не поможет. Он сам ничего не может сказать, а если бы даже и мог, то все равно ничего не сказал бы. Таким образом, для того чтобы получить описание закона, объясняющего Лабиринт-Ловушку, его характерные черты и формы, вкуче с некоторыми интимными деталями (для облегчения опознания), мы снова обращаемся к ничем в иных случаях не примечательному Чарльзу Энджеру Редферну.

Редферн отбросил письмо. Его надуманные, туманные двусмысленности наскучили ему. Но эта витиеватая, квазираскованная манера, это общее впечатление мишуры и показухи странным образом оказали на него и успокаивающее действие. Такое, в чем-то приятное ощущение испытывает человек, дознавшийся, что то, что он почитал за подлинное, оказалось на самом деле подделкой. Он потянулся за вторым письмом.

Конверт был неестественно длинным и узким; он был скучного больнично-голубого цвета, и от него исходил слабый, но безошибочно узнаваемый запах йодоформа. Его имя, выведенное выцветшими печатными буквами, подделывавшимися под машинопись, было указано правильно. Адрес же — Бульвар Брукнера, 132 — неверен. Он был зачеркнут, и на нарисованной имитации почтового штемпеля можно было прочесть: «Вернуть отправителю». (Обратного адреса на конверте не было.) Это тоже, в свою очередь, было перечеркнуто черной жирной линией, а ниже кто-то дописал: «Попробуйте 12-ю стрит, 137-В».

Это был его правильный адрес.

Редферн подумал, что все эти детали уже излишни; казалось, что им самое место быть на имитации письма внутри конверта. Он извлек из конверта письмо. Оно (несомненно из экономии) было написано на клочке коричневой оберточной бумаги. Он прочел:

«ПРИВЕТ! Вас выбрали как одного из тех действительно современных и проницательных людей, для которых новизна ощущений на шкале внутренних ценностей превышает боязнь возможного риска, и чье желание необычного сдерживается лишь прирожденным вкусом и чувством стиля. Мы верим, что Вы принадлежите к тому самому сорту непредубежденных искателей приключений, с которыми мы хотели бы дружить.

Вследствие этого мы пользуемся случаем, чтобы пригласить Вас на ГРАНДИОЗНОЕ ОТКРЫТИЕ нашего ЛАБИРИНТА!!!

Излишне говорить, что этот Лабиринт (единственный в своем роде на всем Восточном Побережье) насыщен острыми ощущениями. На наших кривых вы не встретите ничего прямолинейного!!! Это Лабиринт делает описания убогими, а желания — инфантильными.

Пожалуйста, свяжитесь с нами, и мы организуем место и время Вхождения, где и когда Вам будет удобно.

Наша единственная забота — это всего лишь жизнь, свобода и погоня за счастьем.

Свяжись с нами как можно скорее, слышишь? ПРЕМНОГО БЛАГОДАРНЫ, ПАРЯ!!!!!»

Вместо подписи стоял телефонный номер. Редферн скорбно помахал письмом в воздухе. Это, несомненно, была работа одного знакомого сверхрелигиозного английского майора — утомительная ипохондрия и ужасающее остроумие.

Автор письма пытался разыграть его; поэтому Редферн, совершенно, решил сделать вид, будто попался на розыгрыш. Он набрал указанный в письме номер телефона.

Ему ответил голос, который мог принадлежать женщине средних лет. Голос казался раздраженным, но смирившимся с судьбой.

— Институт Исследования Поведения Редферна.

Редферн нахмурился, прокашлялся и сказал:

— Я насчет Лабиринта.

— Насчет чего? — спросила женщина.

— Лабиринта.

— Вы какой номер набираете?

Редферн сказал. Женщина согласилась, что это номер Редферновского Института, но она ничего не знает про Лабиринт. Если, конечно, он не имеет в виду известные Л-серии лабиринтов, которые используются в экспериментах с крысами. Лабиринты Л-серии, сказала она, изготавливаются в различных модификациях и стоят в зависимости от площади в квадратных футах. Серия начинается с Л-1001, простого двоичного лабиринта с принудительным выбором, площадью в двадцать пять квадратных футов, и кончается Л-1023 — моделью со случайной селекцией и многовариантным выбором, площадью девятьсот квадратных футов и с приспособлениями для демонстрации на большую аудиторию.

— Нет, — сказал Редферн, — боюсь, что это не вполне то, что я имел в виду.

— Тогда что же вы имели в виду? — спросила женщина. — Мы также строим лабиринты по заказу, как указано на желтых страницах нашего проспекта.

— Но я не прошу, чтобы вы строили лабиринт для меня, — сказал Редферн. — Видите ли, согласно письму, которое я по-

лучил, этот Лабиринт уже существует, и он достаточно велик, так что подходит и для людей, для хомо, так сказать, сапиенс.

— И это именно то, что вы имели в виду? — спросила женщина тоном глубочайшего подозрения.

Редферн обнаружил, что он бормочет:

— Это все письмо, что я получил. Меня пригласили на грандиозное открытие этого Лабиринта, и там был ваш телефон, по которому мне надо было получить дальнейшие инструкции.

— Послушайте, мистер, — женщина прервала его лепет злым голосом. — Не знаю, может быть, вы просто шизик, или все это какая-то дурацкая шутка или еще что, а только Редферновский Институт — респектабельная фирма, существующая уже тридцать пять лет, и если вы будете еще надоедать мне с вашим вздором, то я потребую проследить номер вашего телефона, и вы понесете наказание по всей строгости закона!

Она бросила трубку.

Редферн опустился в кресло. Его руки дрожали. Пытаясь раскрыть суть первичной мистификации-ловушки, он задумал и попробовал применить контрмистификацию и, в результате, влип во вторичную или вспомогательную ловушку. Этакая нелепость! Он чувствовал себя последним идиотом.

Затем им овладела беспокоящая мысль. Он открыл манжеттенский телефонный справочник и попытался найти в нем Исследовательский Институт Поведения Редферна. Как и следовало ожидать, в списке абонентов такого телефона не оказалось.

Он позвонил в справочную и запросил Список Изменений, затем Дополнительный и Расширенный Списки. Наконец, дойдя до желтых страниц, он стал проглядывать по алфавиту Лабиринты, Ловушки, Исследования, Бихевиористские, Научное оборудование и Лабораторное оборудование. Не было там никакого Редферна и никакой фирмы, специализирующейся на конструировании Лабиринтов.

Он сообразил, что после прохождения вторичной ловушки он теперь вполне закономерно попал в третичную, и что, скорее всего, серия на этом не заканчивается.

Но, конечно, это был не розыгрыш. Слишком много доказательств противного накопилось к этому моменту. Трюк с розыгрышем фактически был частью самого Лабиринта — маленькая петля, очень быстро возвращающаяся к исходной точке, к точке входа в Лабиринт. Или же к точке *сильно напоминающей исходную*.

Одним из основных свойств Лабиринта является удвоение, дублирование, повторы. И этот прием, несомненно, был использован: открыто — путем упоминания имени Редферна в обоих письмах и имитацией его почерка; косвенно — путем использования нудных противоречий в каждом предложении.

Описание законов Ловушки-Лабиринта (который, как утверждалось, он одновременно и знал и не знал) было достаточно простым. Это могло быть только описанием его собственных,

касающихся Лабиринта-Ловушки эмоций; эти надуманные, туманные двусмысленности наскучили ему. Эта витиеватая, квазираскованная манера, это общее впечатление мишуры и показухи странным образом оказали на него успокаивающее действие. Такое приятное ощущение испытывает человек, дознавшийся, что то, что он считал за подлинное, оказалось на самом деле подделкой.

Таким образом, он теперь видел, что первое письмо в действительности было Лабиринтом — этим рабским, бесконечно успокаивающимся монументом скуке, чье совершенство портила только одна немаловажная деталь — его собственное существование. Второе письмо было необходимым дубликатом первого, оно было нужно для того, чтобы удовлетворялись требования закона Лабиринта.

Конечно, возможны были и другие точки зрения; но тут Редферну пришла в голову мысль, что, возможно, он все это когда-то уже обдумывал.

ВСЕ ПРОВЕРЯЕТСЯ НА ПРАКТИКЕ

Его руки устали, но он снова и снова поднимал молоток и бил по зубилу. Работа была почти закончена: еще несколько букв — и надпись, высеченная на твердом граните, будет завершена. Он поставил последнюю точку и выпрямился, не заметив упавших на пол пещеры инструментов. Он вытер пот с покрытого пылью лица и гордо прочел написанное:

**Я ВОССТАЛ ИЗ ГРЯЗИ ЭТОЙ ПЛАНЕТЫ НАГ И БЕЗЗАЩИТЕН, Я ИЗГОТОВИЛ ОРУДИЯ ТРУДА. Я СТРОИЛ И ЛОМАЛ, ТВОРИЛ И РАЗРУШАЛ. Я СОЗДАЛ НЕЧТО, ПРЕВЗОШЕДШЕЕ МЕНЯ, И ЭТО МЕНЯ УНИЧТОЖИЛО.
МОЕ ИМЯ — ЧЕЛОВЕК, И ЭТО МОЙ ПОСЛЕДНИЙ ТРУД.**

Он улыбнулся. Неплохо написано. Может, и недостаточно красиво, но вполне подходяще, как дань последнего из людей исчезнувшей человеческой расе. Он взглянул на инструменты, валявшиеся у ног. Они больше не были нужны, и он испарил их.

Проголодавшись после долгой работы, он присел на корточки в конце пещеры и создал обед. Посмотрев на пищу, почувствовал, что чего-то не хватает; потом сотворил стол со стулом, тарелки и чашки. Ему стало стыдно — ведь он снова забыл о них.

Хотя некуда было спешить, он ел торопливо. Его обед составили гамбургер, картофельное пюре, горошек, хлеб и мороженое — так обычно получалось, если он не думал о чем-то особенном.

«Привычка», — решил он. Закончив, он заставил остатки пищи исчезнуть, и вместе с ними стол с посудой растворились в воздухе. Стул он оставил, и, сидя на нем, в раздумье уставился на надпись. «Прекрасно», — подумалось ему, — «но ни одно человеческое существо, кроме меня, не прочтет этого».

Не было совершенно никаких сомнений в том, что он единственный живой человек на Земле — война была тщательной. Так тщательна, как только человек — очень аккуратное животное — мог ее вести. В войне не было неприсоединившихся, политике «моя хата с краю» не было места. Воевали или на одной стороне, или на другой. Бактерии, газы и радиация окутали Землю подобно огромной туче. В первые дни войны «непобедимое секретное» оружие побеждало «секретное» с почти монотонной регулярностью. И после того как последний палец нажал последнюю кнопку, самозапускающиеся и самонаводящиеся бомбы и ракеты продолжали литься на Землю. Несчастливая Земля стала огромной свалкой, без единого живого существа — растения или животного — от горизонта до горизонта.

Он видел значительную часть этого и ждал, пока не убедился, что упала последняя бомба; тогда он спустился.

«Очень умно с твоей стороны», — горько подумал он, оглядывая из своей пещеры равнину из застывшей лавы, на которой стоял его корабль, и искореженные горы вдалеке.

Ты — предатель. Но кого это волнует?

Он был капитаном в Войсках Защиты Западного Полушария и за два дня военных действий понял, чем все это кончится. Загрузив корабль сжатым воздухом, пищей и водой, он сбежал. Он знал, что в суматохе и разрушении, царивших вокруг, его не хватятся, а через несколько дней не осталось никого, кто мог бы его искать. Он направил корабль на обратную сторону Луны и стал ждать. Война была двенадцатидневной; он предполагал, что она продлится четырнадцать — но пришлось ждать 6 месяцев, прежде чем перестали взрываться автоматические ракеты. Тогда он вернулся.

Чтобы узнать, что остался один...

Он ожидал, что другие поймут тщетность всего, загрузят корабли и тоже прилетят на обратную сторону Луны. Очевидно, им не хватило времени, даже если и возникало желание. Он надеялся на то, что могли остаться отдельные группы спасшихся, но он не нашел никого. Война была слишком тщательной.

Посадка на Земле должна была бы убить его — ведь сам воздух был ядовит. Он не обращал внимания — и жил. Казалось, что у него выработался иммунитет к микробам и радиации; или это была часть его новой силы? Он повстречал достаточно и того, и другого, перелетая на своем корабле от руин одного города к

руинам другого, вдоль взорванных долин и равнин, сожженных гор. Он не нашел жизни, но сделал открытие.

Он мог творить. Он осознал свою силу на третий день на Земле. Затосковав, он захотел увидеть дерево посреди расплавленного камня и металла. И дерево возникло. Остаток дня он экспериментировал и обнаружил, что может создать все, что видел или о чем слышал когда-либо.

Предметы, которые были ему известны лучше, он создавал лучше. Предметы, о которых он знал только из книг или разговоров — дворцы, например — получались кособокими и хрупкими, хотя он мог довести их до совершенства, мысленно работая над деталями. Все его творения были трехмерны. Даже пища имела вид пищи и, кажется, насыщала его. Он мог забыть о любом из своих творений, лечь спать и, проснувшись, находил его там, где оно и было, ничуть не изменившимся. Он мог и разрушать. Одно мысленное усилие — и созданный им предмет исчезал. Чем больше был предмет, тем дольше приходилось дематериализовывать его.

Предметы, которые он не создавал — долины и горы — он мог разрушать тоже, но нужно было больше времени. Казалось, материей легче управлять, если она была создана им. Он даже мог создавать птиц и маленьких животных — или что-то, что выглядело как птицы и животные.

Он никогда не пытался создать человека.

Он не был ученым; он был космическим пилотом. Он имел смутное представление об атомной теории и практически не разбирался в генетике. Он думал, что какие-то изменения произошли в его клетках, в его мозге или, может быть, в самой Земле. Причина этого не особо его беспокоила. Это было действительно-стью и он примирился с ней.

Он снова уставился на памятник. Что-то в нем беспокоило его.

Конечно, он мог бы сотворить его, но он не знал, сколько просуществуют его создания после того, как он умрет. Они казались достаточно стабильными, но могли разрушиться вместе с его собственным разрушением... Поэтому он пошел на компромисс. Он создал молоток и зубило, но выбрал гранитную стену, которую создала природа. Напряженно работая много часов, здесь же отдыхая и питаясь, он выбил буквы на стене внутри пещеры, чтобы они меньше подвергались эрозии.

Из пещеры был виден корабль, возвышающийся на гладкой земле выжженной равнины. Он не торопился вернуться на корабль. За шесть дней надпись была закончена, навечно и глубоко выбитая на скале.

Мысль, которая беспокоила его при взгляде на гранит, наконец поднялась на поверхность. Единственными возможными читателями его надписи будут пришельцы со звезд. Как они расшифруют ее? Он зло уставился на надпись. Надо было написать ее специальными символами. Но какими? Математическими?

Конечно, но что это скажет пришельцам о Человеке? И что заставляет его думать, что они вообще найдут эту пещеру?

Нет необходимости в надписи, когда вся история Человека написана на лице планеты, похожем на подгоревшую корку. Он проклял свою глупость, заставившую его потратить шесть дней на ненужную надпись. Он был уже готов уничтожить ее, когда услышал шаги у входа в пещеру.

Он едва не упал, вскочив на ноги.

Там стояла девушка. Он быстро заморгал, но она не исчезла — высокая, темноволосая девушка, одетая в рваную грязную одежду, сделанную из одного куска ткани.

— Привет, — сказала она и вошла в пещеру. — Я услышала еще в долине, как ты стучишь.

Машинально он предложил ей свой стул и создал другой для себя. Она осторожно попробовала прочность стула, прежде чем уселась.

— Я видела, как ты сделал это, — произнесла она, — но я все еще не верю. Это зеркала?

— Нет, — пробормотал он неуверенно. — Я создаю. У меня есть сила... Одну минутку! А как ты сюда попала?

Он потребовал ответа, а мозг в это время лихорадочно перебирал и отбрасывал варианты: «Она пряталась в одной из пещер? На вершине горы?» Нет, оставалось только одно возможное объяснение...

— Я была на твоём корабле, дружок, — она откинулась в кресле и обхватила колено руками. — Когда ты загружал корабль, я поняла, что ты хочешь улететь. Мне скучновато было вставлять предохранители восемнадцать часов в день и я убежала с тобой. Кто-нибудь еще остался в живых?

— Нет. Но почему я не видел тебя? — он смотрел на одетую в лохмотья, но от этого не менее прелестную девушку, и неясная мысль промелькнула у него в голове. Он протянул руку и тронул ее плечо. Она не отстранилась, но на хорошеньком личике отразилась обида.

— Я настоящая, — сказала она резко. — Ты должен был видеть меня на Базе. Помнишь?

Он попытался мысленно вернуться в то время, когда База еще была — казалось, несколько веков назад. Там была темноволосая девушка, одна из тех, на кого он не обращал внимания.

— Я думаю, что я замерзла до смерти, — снова заговорила девушка. — Или погрузилась в кому через несколько часов после взлета корабля. Паршивая же система обогрева на этой посудине!

Она задрожала от воспоминаний.

— Это отняло бы слишком много кислорода, — объяснил он. — Я обогревал и обновлял воздух только в пилотской кабине. Берег запасы.

— Я рада, что ты не видел меня! — рассмеялась она. — Я, наверное, выглядела как черт, вся покрытая инеем и мертвая! Ну и спящая красавица из меня получилась! Да, я замерзла. Когда ты открыл все отсеки, я ожила. Вот и вся история. Наверное, это заняло несколько дней. Как же вышло, что ты меня не увидел?

— Я думаю, причина в том, что я давно не заглядывал на ракету, — предположил он. — Мне не нужны продукты. Смешно — я думал, что открыл все отсеки, но на самом деле не помню...

Она взглянула на надпись на стене.

— Что это?

— Я подумывал оставить что-то вроде памятника...

— А кто прочтет надпись? — практично спросила она.

— Наверное, никто. Это была дурацкая затея. — Он сконцентрировался и через несколько секунд гранитная стена стала снова гладкой.

— Я не могу понять до сих пор, как же ты выжила. — Озадаченно произнес он.

— Но я выжила. Я не видела, как ты сделал это, — она сделала жест в сторону стула и стены, — но я примирилась с тем, что ты можешь это. Почему бы и тебе не примириться с тем, что я жива?

— Пойми меня правильно, — произнес человек. — Мне очень нужно было чье-то общество. Особенно женское. Это просто... Отвернись-ка на секунду.

Она подчинилась с удивленным видом. Он быстро уничтожил щетину на лице и сотворил чистые выглаженные брюки и рубашку. Сбросив свою поношенную форму, он переоделся во все новое, уничтожил лохмотья; подумав, создал расческу и причесал спутавшиеся каштановые волосы.

— Хорошо, — сказал он. — Теперь можешь смотреть.

— Неплохо! — улыбнулась девушка, окинув его взглядом. — Дай-ка мне расческу — и может, сделаешь мне платье? Двенадцатый размер, но учти — я кое-где располнела.

С третьей попытки он справился с задачей — он никогда не подозревал как обманчивы женские формы — и под конец создал пару золотых босоножек на высоких каблуках.

— Немного жмут, — сказала она, надев их. — И не слишком-то удобно разгуливать в таких не по тротуарам. Однако — большое спасибо. С твоими способностями можно не задумываться о поисках рождественских подарков, не правда ли?

Ее темные волосы блестели под полуденным солнцем, она выглядела прелестно и была очень похожа на человека.

— Посмотри, может быть, и ты можешь творить? — настаивал он, страстно мечтая разделить свои новые потрясающие способности с ней.

— Я уже пыталась, — сказала она. — Ничего не выходит. Мир все еще принадлежит мужчинам.

Он нахмурился.

— Как я могу убедиться в том, что ты настоящая?

— Ты опять? Вспоминаешь, как создал меня, хозяин? — спросила она, поддразнивая его, и наклонилась, чтобы ослабить ремешок на босоножке.

— Я думал о женщинах, — мрачно сказал он. — Должно быть, я создал тебя во сне. Почему бы не допустить, что мое подсознание имеет те же возможности, что и сознание? Надо полагать, я придал тебе память, придумал легенду. Наверно, получилось очень реалистично. И если тебя создало мое подсознание, сознание никогда не узнает об этом.

— Ты просто смешон!

— Потому что, если бы мое сознание знало, — продолжал он непреклонно, — оно бы отвергло твое существование. Все твои функции как творения моего подсознания были бы предохранить меня от знания и доказать каким бы то ни было образом — с помощью обаяния или логики — что ты существовала раньше...

— Давай-ка ты сделаешь еще одну женщину, если твой разум так хорош! — Она сложила руки на груди и откинулась в кресло, кивнув головой.

— Ладно! — Он уставился в глубину пещеры и женщина начала появляться. Она неохотно принимала форму: одна рука короче другой, ноги слишком длинные. Концентрируя свои усилия, он добился правильных пропорций. Но глаза ее были посажены под странным углом, плечи и спина были искажены. Он создал оболочку без мозга и внутренних органов, просто автомат. Он приказал ей говорить, но только бульканье вырывалось из ее бесформенного рта: он не создал голосовых связок. Пожав плечами, он уничтожил кошмарную фигуру.

— Я не скульптор, — произнес он. — И не Бог.

— Я рада, что ты, наконец, понял это.

— Это все равно не доказывает, — продолжал упорствовать он, — что ты настоящая. Я не знаю, на что способно мое подсознание.

— Сделай что-нибудь для меня, — сказала девушка внезапно. — Я устала слушать эту чепуху.

Я причинил ей боль, подумал он. Единственное, кроме меня, человеческое существо на планете, и я причинил ей боль!

Он кивнул, взял ее за руку и вывел из пещеры. На равнине внизу он создал город. Он экспериментировал с ним несколько дней назад и теперь было гораздо легче. Словно сошедший со страниц «Тысячи и одной ночи», воплотивший мечты детства город поднялся к небу черным, белым и розовым цветами. Стены его были из сияющего рубина, ворота — из черного дерева, инкрустированного серебром. Башни были красно-золотыми и украшены сапфирами. Прекрасная лестница из слоновой кости поднималась к самому высокому опаловому шпилью тысячами ступенек из испещренного прожилками мрамора. Там были лагу-

ны с голубой водой, над которой летали маленькие птички, а серебряные и золотые рыбки проносились в их спокойных глубинах.

Они шли через город, и он создавал для нее розы — белые, желтые и красные — и сады, полные странных цветов. Между двумя увенчанными куполами спиральными зданиями он создал огромный бассейн. На воду он пустил разукрашенную пурпурную барку, нагруженную всеми яствами и напитками, какие он только мог вспомнить.

Они плыли по лагуне, овеваемые созданным им легким ветерком.

— И все это не настоящее, — напомнил он ей немного погодя.

Она улыбнулась.

— Нет. Это можно потрогать. Это настоящее.

— А что будет после моей смерти?

— Кого это интересует? Тем более, если ты можешь сделать все это, ты излечишь любую болезнь. Может быть, тебе удастся победить старость и смерть.

Она сорвала цветок со склонившейся ветки и вдохнула его аромат.

— Ты можешь предохранить его от увядания и смерти. То же самое ты, наверное, сможешь сделать и для нас. Так в чем же дело?

— Хочешь уйти? — сказал он, выпуская дым только что созданной сигареты. — Хочешь найти новую планету, нетронутую войной? Хочешь начать сначала?

— Сначала? Ты имеешь в виду... Может, позже. Сейчас я даже не могу проходить мимо корабля, он напоминает мне о войне.

Они проплыли еще немного.

— Теперь ты убедился, что я настоящая?

— Если честно, то нет, — ответил он. — Но я очень хочу поверить.

— Тогда слушай, — шепнула она, наклоняясь к нему. — Я настоящая.

Она обвила руками его шею.

— Я всегда была настоящей. И всегда буду. Ты хочешь доказательств? Ну, я знаю, что я настоящая. И ты знаешь. И что еще тебе надо?

Он смотрел на нее, чувствуя ее теплые руки на шее, слушал ее дыхание. Он чувствовал аромат ее кожи и волос, особенный, принадлежащий только ей.

Медленно он произнес:

— Я верю тебе. Я люблю тебя. Как... как тебя зовут?

Она подумала мгновение.

— Джоан.

— Странно, — сказал он. — Я всегда мечтал о девушке по имени Джоан. А как твоя фамилия?

Она поцеловала его.

Над их головами ласточки, созданные им, — его ласточки — описывали широкие круги над лагуной, его рыбки пронеслись бесцельно туда и обратно, и его город простирался, гордый и прекрасный, до края искривленных лавовых гор.

— Ты не сказала мне свою фамилию, — напомнил он.

— Ах! Девичья фамилия женщины ничего не значит, — она всегда берет фамилию мужа.

— Это отговорка!

Она улыбнулась:

— Правда?

ЛАКСИАНСКИЙ КЛЮЧ

Ричард Грегор сидел за столом в пыльном кабинете фирмы «ААА-ПОПС» (Астронавтическое антиэнтропийное агентство по оздоровлению природной среды) и раскладывал пасьянс. В холле раздался шум и топот, затем что-то упало. Дверь приоткрылась, и Арнольд, партнер Грегора, заглянул внутрь.

— Я только что сделал нас богачами, — объявил он и, раскрыв дверь пошире, приказал: — Тащите его сюда, парни!

Четверо грузчиков, тяжело дыша, заволокли в кабинет черную квадратную машину размером с годовалого слоненка.

— Вот! — гордо сообщил Арнольд, после чего расплатился с грузчиками и, напустив на лицо мечтательное выражение, уселся в кресло напротив машины.

Грегор не спеша отложил карты в сторону и с видом человека, которого ничем не удивишь, осмотрел приобретение со всех сторон.

— Сдаюсь, — наконец сказал он. — Что это такое?

— Это миллион долларов, — охотно ответил Арнольд. — Можешь считать, у нас в кармане.

— Допустим, но все же — что это такое?

— Бесплатный Производитель, — с гордой улыбкой произнес Арнольд. — Сегодня утром я проходил мимо свалки старика Джо — той самой, где он держит всякий инопланетный хлам, — и обнаружил там эту штуку. Сторговался, можно сказать, за бесценок. Джо даже не знал, что это и зачем.

— Я, положим, тоже не знаю, — заметил Грегор. — А ты?

Арнольд встал на четвереньки и попытался прочесть инструкцию, выгравированную на лицевой панели машины, в самом низу.

Не поднимая головы, он спросил:

— Ты слышал что-нибудь о планете Мелдж?

Грегор кивнул. Мелдж была маленькая, всеми забытая планета на северной окраине Галактики, довольно далеко от торговых маршрутов. Когда-то на планете процветала могучая цивилизация, обязанная своим благополучием так называемой Старой

науке Мелджа. Но технологические секторы Старой науки были давно утеряны, цивилизация почти угасла, и лишь изредка то на одной, то на другой планете находили какие-то непонятные механизмы, произведенные на заводах некогда великой промышленной державы.

— И ты полагаешь, что этот ящик имеет какое-то отношение к Старой науке? — спросил Грегор.

— Ну да. Это Мелджский Бесплатный Производитель. Могу поклясться, что во всей Галактике их осталось не больше пяти.

— А что он производит?

— Откуда мне знать? — ответил Арнольд, поднимаясь с пола. — Дай-ка мне мелдж-английский словарь.

С видимым усилием сохраняя спокойствие, Грегор подошел к книжной полке.

— Ты и вправду не знаешь, что эта штукавина производит?

— Словарь давай. Спасибо. Какая тебе разница, что? Главное — бесплатно. Машина берет энергию из воздуха, из космоса, от Солнца, откуда угодно, и нас это не касается. Ее не нужно ни заправлять, ни обслуживать, и работает она вечно.

Арнольд раскрыл словарь и принялся за перевод надписи на панели.

— Их ученые были не дураки, — проговорил он, записав в блокнот несколько предложений. — Производитель из ничего делает что-то, а что именно — не так уж важно. Мы всегда сможем это самое что-то продать, и сколько мы на этом заработаем — все будет нашей чистой прибылью.

Грегор посмотрел на своего партнера, и его печальное вытянутое лицо стало еще печальнее.

— Арнольд, — наконец произнес он, я хотел бы кое-что тебе напомнить. Ты по специальности химик, я эколог. И оба мы ничегошеньки не понимаем в машинах, тем более в сложных инопланетных машинах.

Не обращая на Грегора внимания, Арнольд повернул какую-то рукоятку. Производитель заурчал.

— И кроме того, — продолжал Грегор, отойдя от машины подальше, — мы с тобой — агентство по оздоровлению среды. Забыл, что ли? И незачем нам связываться со всякими авантюрами...

Производитель часто закашлял.

— Я все перевел, — сообщил Арнольд. — Здесь написано: «Мелджский Бесплатный Производитель. Очередной Триумф Лаборатории Глоттена. Неразрушимый Бездефектный Производитель. Не Требуется Энергетических Затрат. Чтобы Включить, Нажмите Кнопку Номер Один. Чтобы Выключить, Воспользуйтесь Лаксианским Ключом. В случае Обнаружения Неисправности, Пожалуйста, Верните Производитель в Лабораторию Глоттена».

— Ты, наверно, меня не понял, — возобновил атаку Грегор. — Мы с тобой...

— Прекрати! — перебил его Арнольд. Когда эта машина заработает, нам с тобой работать будет уже не нужно. А вот и кнопка номер один.

В машине что-то звякнуло, послышалось ровное гудение. С минуту ничего не происходило.

— Возможно, ей надо прогреться, озабоченно произнес Арнольд.

Вдруг из отверстия на лицевой панели посыпался серый порошок.

— Должно быть, побочный продукт, — пробормотал Арнольд.

Прошло пятнадцать минут. Куча серого порошка продолжала расти.

— Что бы это могло быть? — не выдержал Грегор.

— Не имею ни малейшего понятия, — ответил Арнольд. — Надо провести анализы.

С этими словами он набрал в пробирку порошка и направился к своему столу. Грегор остался у машины, задумчиво глядя на растущую серую кучу.

— Может быть, нам лучше выключить Производитель, пока мы не узнали, что это такое?

— Ни в коем случае! — отозвался Арнольд. — Что бы это ни было, оно стоит денег.

Он зажег горелку, заполнил пробирку дистиллированной водой и приступил к работе. Грегор только пожал плечами. Он давно уже привык к розовым мечтам своего друга. С того времени, когда они создали компанию «ААА-ПОПС», Арнольд без устали искал легкий способ разбогатеть. Все его замыслы до сих пор оборачивались лишь хлопотами и неприятностями, гораздо более тягостными, чем та обычная работа, за которую бралась компания, но Арнольд быстро об этом забывал.

По крайней мере, думал Грегор, иногда получалось смешно. Он сел за свой стол и разложил новый пасьянс.

Следующие несколько часов в конторе стояла тишина. Производитель тихо гудел. Арнольд упорно работал. Добавлял реактивы, сливал, перемешивал, сверял результаты с таблицами в толстенных книгах. Грегор сходил за сэндвичами и кофе.

Поев, он стал нервно рассказывать вокруг машины, то и дело поглядывая на растущую кучу серого порошка. Производитель гудел заметно громче, и порошок сыпался уже широкой струей.

Час спустя Арнольд оторвался от работы и сообщил:

— Нам повезло! О будущем можно не беспокоиться.

— И что же это за порошок? — поинтересовался Грегор. Может быть, на сей раз удача и впрямь не обошла их стороной?

— Это тангриз!

— Тангриз?

— Совершенно верно.

— Не будешь ли ты так любезен и не объяснишь ли мне, зачем он нужен, этот чертов тангриз?

— Я думал, ты знаешь. Тангриз — это основной продукт питания мелджской расы. Каждый взрослый житель Мелджа потребляет несколько тонн тангриза ежегодно.

— Ты говоришь, это едят?

Грегор посмотрел на кучу порошка с уважением. Машина, которая производит еду двадцать четыре часа в сутки, может оказаться хорошим вложением капитала. Особенно если учесть, что ее эксплуатация ровным счетом ничего не стоит.

Арнольд уже листал телефонный справочник.

— Алло, Межзвездная Продуктовая Корпорация? Могу я говорить с президентом? Что? Тогда с вице-президентом. Это очень важно. Что? Ладно, слушайте. Я могу предложить вашей корпорации практически неограниченное количество тангриза. Это основной продукт питания на планете Мелдж. Что? Да, все правильно. Я знал, что это вас заинтересует. Что? Да, конечно, я подожду.

Он повернулся к Грегору.

— Эти корпорации... Да, да, я слушаю. Да, сэр. Вы занимаетесь тангризмом? Замечательно...

Грегор подошел поближе, стараясь расслышать, что говорят на другом конце линии.

— Наша цена? А что за цены сейчас на рынке? Ах, так... Пять долларов за тонну, конечно, не слишком много, но я полагаю... Что? Пять *центов* за тонну? Вы это серьезно?

Грегор отвернулся и устало опустился в кресло. Продолжение разговора его уже не интересовало.

— Да, да. Я понимаю. Простите, я не знал.

— Похоже, — сказал Арнольд, повесив трубку, — что на Земле много тангриза не продать. У нас здесь живут примерно пятьдесят мелджан, но доставка груза в северное полушарие съест всю прибыль.

Грегор озабоченно поглядел на машину. Она, похоже, вышла на режим, потому что тангриз валил из нее мощной струей. Серый порошок уже лежал по всей комнате толстым слоем.

— Не беспокойся, — попытался утешить Арнольд своего компаньона, — тангриз наверняка можно использовать как-нибудь еще.

Он вернулся к столу и сел за книги.

— Может, его пока выключить? — спросил Грегор.

— Ни в коем случае! Пусть работает. Он нам деньги делает.

Пока Арнольд копался в справочниках, Грегор попытался подойти к окну, но ходить по щиколотку в порошке оказалось очень неудобно.

К вечеру уровень порошка поднялся на два фута. Несколько авторучек и карандашей уже потонули в нем безвозвратно, и Грегор начал волноваться, выдержит ли пол.

Наконец Арнольд закрыл книгу и произнес:

— Есть еще одна возможность применения.

— Что ты имеешь в виду?

— Тангриз можно использовать как строительный материал. На воздухе через неделю-другую он затвердевает и становится прочным, как гранит. Мы прямо сейчас позвоним в какую-нибудь строительную компанию.

Грегор набрал номер Строительной компании Толедо—Марс и объяснил некоему мистеру О'Тулу, что они могут предоставить в его распоряжение неограниченное количество тангриза.

— Тангриз, говорите? Не очень-то он сейчас в ходу. На нем краска не держится. Но вообще-то, к вашему сведению, на какой-то планете живут психи, которые его едят. Почему бы вам...

— Мы предпочитаем продавать тангриз для строительных целей, — твердо сказал Грегор.

— Что ж, я думаю, мы можем его купить. Пригодится для чего-нибудь попроще и подешевле. Предлагаю, по пятнадцать за тонну.

— Пятнадцать долларов?

— Центов!

— Хорошо, мы сообщим вам о своем решении.

Арнольд, услышав сумму, принялся рассуждать:

— Предположим, наша машина будет выдавать тонн по десять в сутки. И так каждый день, год за годом... Сейчас прикинем... Выходит около пятисот пятидесяти долларов в год. Богачами мы не станем, но будет чем налоги платить.

— Однако мы не можем оставить машину здесь, — сказал Грегор, глядя на россыпи тангриза.

— Конечно, не можем. Найдем ей местечко где-нибудь за городом, и пусть себе работает. А тангриз будем забирать когда вздумается.

Грегор опять позвонил О'Тулу и сообщил, что готов заключить сделку.

— Прекрасно, — ответил О'Тул. — Вы в курсе, где находятся наши заводы? Привозите в любое время.

— Нам привозить? Я считал, вы сами...

— При цене пятнадцать центов за тонну? Мы и так делаем вам одолжение, забирая у вас эту дрянь. Доставка за вами!

— Паршиво, — сказал Арнольд, когда Грегор положил трубку. — Перевозка нам обойдется...

— ...гораздо больше, чем пятнадцать центов за тонну, — закончил Грегор. — Ты все-таки выключи эту штуку, пока мы не решим, что с ней делать.

Арнольд подобрался к Производителю.

— Сейчас посмотрим. Вот, нашел. «Чтобы Выключить, Воспользуйтесь Лаксианским Ключом».

— Ну так и воспользуйся.

— Подожди минуточку...

— Выключишь ты ее или нет? — закричал Грегор.

Арнольд выпрямился, виновато улыбаясь.

- Поди попробуй...
- А в чем проблема?
- В том, что у нас нет Лаксианского Ключа.

После лихорадочных переговоров с музеями, исследовательскими институтами и археологическими факультетами стало ясно, что никто Лаксианский Ключ в глаза не видел и ничего о нем не слышал. В отчаянье Арнольд позвонил старому Джо на иноплатную свалку.

— Нет, у меня нет ключа, — услышал он в ответ. — А почему, ты думаешь, я уступил тебе Производитель так дешево?

Партнеры молча усталились друг на друга. Мелджский Бесплатный Производитель, довольно урча, выплевывал новые и новые порции бесполезного порошка. Оба кресла и радиатор уже скрылись под серыми волнами, из-под которых теперь виднелись только столы, шкаф и сама машина.

— Вот тебе и безбедная жизнь, — в сердцах сказал Грегор.

— Ладно, что-нибудь придумаем...

Арнольд вернулся к своим книгам. Остаток вечера он провел в поисках иных способов применения тангриза. Чтобы совсем не утонуть в порошке, Грегору пришлось отгresti часть тангриза в холл.

Утром солнце безуспешно пыталось заглянуть в их окна, покрытые серой пылью. Арнольд встал из-за стола и потянулся.

— Ничего не нашел? — спросил Грегор.

— Боюсь, ничего...

Грегор отправился за кофе. Когда он вернулся, Арнольд уже успел поругаться с домовладельцем и двумя здоровенными краснощеками полицейскими.

— Я требую, — орал домовладелец, — чтобы вы немедленно убрали отсюда эту дрянь!

— И кроме того, — добавил один из полицейских, — существует запрет на использование промышленных установок в деловом районе.

— Это не промышленная установка, — попытался возразить Грегор. — Это Мелджский Бесплатный..

— А я сказал — установка! — отрезал полицейский. — И я приказываю немедленно остановить производство!

— В том-то все и дело, — вступил в разговор Арнольд, — что мы не можем ее выключить...

— Как это не можете? — подозрительно спросил полицейский. — Шутки со мной шутить? Я приказываю...

— Сэр, я клянусь...

— Слушай меня, остряк. Мы сюда вернемся через час. Или вы к этому времени ее выключаете и выносите отсюда мусор, или — за решетку!

И все трое удалились.

Грегор и Арнольд посмотрели друг на друга, потом уставились на Производителя. Порошок все прибывал.

— Черт бы их побрал! — не выдержал Арнольд. — Ведь должен быть какой-то выход!

— Спокойнее, — откликнулся Грегор, вытряхивая из волос серую пыль.

В эту минуту дверь открылась и вошел высокий человек в строгом синем костюме с каким-то сложным прибором в руках.

— Так это здесь! — удовлетворенно произнес он.

У Грегора блеснула надежда.

— У вас в руках Лаксианский Ключ? — спросил он.

— Какой еще ключ? Это регистратор утечки. И похоже, он привел меня к тому, что я искал, — строго ответил человек. — Меня зовут Гастерс.

Он смахнул пыль с подоконника, взглянул еще раз на свой регистратор и начал заполнять какой-то бланк.

— Что все это значит? — спросил Арнольд.

— Я из Энергетической компании, — ответил Гастерс. — Вчера, начиная с полудня, мы регистрируем огромную утечку энергии.

— И поэтому вы пришли к нам?

— Именно так. Ваша машина очень прожорлива. — Гастерс кончил писать, сложил бланк и спрятал его в карман. — Счет вам будет выслан.

С некоторым трудом он открыл дверь и, уже уходя, обернулся, чтобы еще раз поглядеть на Производителя.

— Должно быть, ваша машина делает нечто особо ценное, если вы можете позволить себе такой расход энергии. Платиновый порошок, верно?

Когда Гастерс ушел, Грегор с издевкой спросил у Арнольда:

— Значит, «не требует энергетических затрат»?

— Видишь ли, Грегор, — пряча глаза, ответил тот, — я не мог знать, что она сама будет хापать энергию из ближайшего источника...

— Вот именно, — продолжал издеваться Грегор, — «из воздуха, из космоса, от Солнца» — а заодно у ближайшей энергетической компании!

— Но базовый принцип...

— К черту базовый принцип! — взорвался Грегор. — Мы не можем отключить этот ящик! У нас нет этого проклятого Лаксианского Ключа! Нет, и никто не знает, где его взять. Скоро мы будем по уши в этом поганом тангризе, который нам даже вывезти не на чем. И вдобавок оказывается, что мы тратим энергии больше, чем Сверхновая!

В дверь громко постучали, с лестницы послышались сердитые голоса. Арнольд напряженно думал, потом вдруг вскочил.

— Не все еще потеряно! — патетически воскликнул он. — Эта машина сделает нас богатыми!

Но Грегора не прельстили радужные обещания.

— Послушай, Арнольд, — сказал он. — Давай-ка лучше ее утопим. Или сбросим на Солнце.

— С ума сошел? Срочно готовь наш корабль к отлету...

Следующие несколько дней вспоминались как дурной сон. За огромную плату наняли они людей, которые вынесли машину и очистили помещение от тангриза. Затем пришлось везти Производитель, из которого фонтаном бил серый порошок, через весь город до космопорта. А чего стоила погрузка в корабль! Но теперь все это было позади.

Производитель стоял в трюме корабля, постепенно заполняя его порошком, а корабль уносился из Солнечной системы.

— В этом есть своя логика, — рассуждал Арнольд. — На Земле тангриз никому не нужен. Следовательно, нечего и пытаться сбыть его там. А вот на планете Мелдж...

— Не нравится мне все это, — ответил Грегор.

— И зря. Теперь-то мы не ошиблись. Везить тангриз слишком дорого, поэтому мы берем машину и вместе с ней направляемся туда, где тангриз у нас с руками оторвут.

— А если и там он не нужен?

— Такого не может быть. Для мелджан тангриз — что для нас хлеб. Считай, что дело в шляпе.

Через две недели в иллюминаторе появился Мелдж. Тангриз к тому времени заполнил трюм доверху. Грегор с Арнольдом запечатали все люки. Нарастающее давление грозило разорвать корабль на куски. Пришлось выбрасывать тангриз тоннами, это требовало времени и, самое главное, большого расхода воздуха. Перед спуском на планету весь корабль был набит порошком, а кислорода оставалось чуть-чуть.

Сразу после посадки мелджанин в оранжевой форме поднялся на корабль оформить документы.

— Добро пожаловать! — приветствовал он землян. — Вы — редкие гости на нашей маленькой планете. Надолго к нам?

— Как получится, — ответил Арнольд. — Мы хотим установить с вами торговые отношения.

— О, это замечательно! — обрадовался чиновник. — Наша планета очень нуждается в свежих деловых контактах. Могу я поинтересоваться, что вы собираетесь нам предложить?

— Мы будем продавать тангриз. Это ваш собственный...

— Что продавать?

— Тангриз. У нас есть Бесплатный Производитель, и мы...

— Очень сожалею, но вы должны немедленно покинуть планету, — строго сказал чиновник и нажал красную кнопку на маленьком приборчике, прикрепленном к запястью.

— У нас есть визы!

— А у нас есть законы. Вы должны отбыть незамедлительно и забрать с собой ваш Производитель.

— Послушайте, а как на вашей планете насчет свободы предпринимательства?

— Производство тангриза у нас запрещено.

Пока шел спор, на поле с грохотом въехали танки и расположились вокруг корабля. Мелджанин, пятась, выбрался из кабины и торопливо спустился по трапу.

— Подождите! — в отчаянье закричал Грегор. — Если вы боитесь конкуренции, то примите Производитель от нас в подарок!

— Нет! — встрепенулся Арнольд.

— Да! Откапывайте его и берите. Отдайте его бедным.

На поле появилась еще одна колонна танков, в воздухе промелькнули боевые самолеты.

— Проваливайте сейчас же! — заорал чиновник. — Неужели вы рассчитываете продать здесь хоть крупинку тангриза? Оглянитесь вокруг!

Они оглянулись. Перед ними простиралось посадочное поле, все в серой пыли. Поодаль стояли некрашенные серые здания. За ними тянулись унылые серые поля. Еще дальше виднелись невысокие серые горы.

Во все стороны, насколько хватало глаз, все было из того же серого тангриза.

— Вы хотите сказать, что вся планета... — начал Грегор и осекся.

— Сами не видите, что ли? — сказал чиновник. — Здесь Старая наука возникла, здесь она развилась и угасла. Но всегда отыщутся недоучки, которые не могут пройти мимо старой машины, чтобы не сунуть в нее свой нос. А теперь проваливайте! Но если вдруг найдете Лаксианский Ключ, то возвращайтесь и называйте любую цену.

АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ

Эдселю хотелось кого-нибудь убить. Вот уже три недели работал он с Парком и Факсоном в этой мертвой пустыне. Они раскапывали каждый курган, попадавшийся им на пути, ничего не находили и шли дальше. Короткое марсианское лето близилось к концу. С каждым днем становилось все холоднее, с каждым днем нервы у Эдселя, и в лучшие времена не очень-то крепкие, понемногу сдавали. Коротышка Факсон был весел — он мечтал о куче денег, которые они получают, когда найдут оружие, а Парк молча тащился за ними, словно железный, и не произносил ни слова, если к нему не обращались.

Эдсель был на пределе. Они раскопали еще один курган и опять не нашли ничего похожего на затерянное оружие марсиан.

Водянистое солнце таращилось на них, на невероятно голубом небе были видны крупные звезды. Сквозь утепленный скафандр Эдселя начал просачиваться вечерний холодок, леденя суставы и сковывая мышцы.

Внезапно Эдселя охватило желание убить Парка. Этот молчаливый человек был ему не по душе еще с того времени, когда они организовали партнерство на Земле. Он ненавидел его больше, чем презирал Факсона.

Эдсель остановился.

— Ты знаешь, куда нам надо идти? — спросил он Парка зловеще низким голосом.

Парк только пожал плечами. На его бледном, худом лице ничего не отразилось.

— Куда мы идем, тебя спрашивают? — повторил Эдсель.

Парк опять пожал плечами.

— Пулю ему в голову, — решил Эдсель и потянулся за пистолетом.

— Подожди, Эдсель, — умоляющим тоном сказал Факсон, становясь между ними, — не выходи из себя. Ты только подумай о том, сколько мы загребем денег, если найдем оружие! — От этой мысли глаза маленького человечка загорелись. — Оно где-то здесь, Эдсель. Может быть, в соседнем кургане.

Эдсель заколебался, пристально поглядел на Парка. В этот миг больше всего на свете ему хотелось убивать, убивать, убивать...

Знай он там на Земле, что все получится именно так! Тогда все казалось легким. У него был свиток, а в свитке... сведения о том, где скрыт склад легендарного оружия марсиан. Парк умел читать по-марсиански, а Факсон дал деньги для экспедиции. Эдсель думал, что им только нужно долететь до Марса и пройти несколько шагов до места, где хранится оружие.

До этого Эдсель еще ни разу не покидал Земли. Он не рассчитывал, что ему придется пробыть на Марсе так долго, замерзать от ледящего ветра, голодать, питаясь безвкусными концентратами, всегда испытывать головокружение от разреженного скудного воздуха, проходящего через обогатитель. Он не думал тогда о натруженных мышцах, ноющих оттого, что все время надо продираться сквозь густые марсианские заросли.

Он думал только о том, какую цену заплатит ему правительство, любое правительство, за это легендарное оружие.

— Извините меня, — сказал Эдсель, внезапно сообразив что-то, — это место действует мне на нервы. Прости, Парк, что я сорвался. Веди дальше.

Парк молча кивнул и пошел вперед. Факсон вздохнул с облегчением и двинулся за Парком.

«В конце концов, — рассуждал про себя Эдсель, — убить их я могу в любое время».

Они нашли курган к вечеру, как раз тогда, когда терпение Эдселя подходило к концу. Это было странное, массивное сооружение, выглядевшее точно так, как написано в свитке. На металлических стенках осел толстый слой пыли. Они нашли дверь.

— Дайте-ка я ее высажу, — сказал Эдсель и начал вытаскивать пистолет.

Парк оттеснил его и, повернув ручку, открыл дверь.

Они вошли в огромную комнату, где грудями лежало сверкающее легендарное марсианское оружие, остатки марсианской цивилизации.

Люди стояли и молча смотрели по сторонам. Перед ними лежало сокровище, от поисков которого все уже давно отказались. С того времени, когда человек высадился на Марсе, развалины великих городов были тщательно изучены. По всей равнине лежали сломанные машины, боевые колесницы, инструменты, приборы — все говорило о титанической цивилизации, на тысячи лет опередившей земную. Кропотливо расшифрованные письма рассказали о жестоких войнах, бушевавших на этой планете. Однако в них не говорилось, что произошло с марсианами. Уже несколько тысячелетий на Марсе не было ни одного разумного существа, не осталось даже животных.

Казалось, свое оружие марсиане забрали с собой.

Эдсель знал, что это оружие ценилось на вес чистого радия. Равного не было во всем мире.

Они сделали несколько шагов в глубь комнаты. Эдсель поднял первое, что ему попало под руку. Похоже на пистолет 45-го калибра, только крупнее. Он подошел к раскрытой двери и направил оружие на росший неподалеку куст.

— Не стреляй! — испуганно крикнул Факсон, когда Эдсель прицелился. — Оно может взорваться или еще что-нибудь. Пусть им занимаются специалисты, когда мы все это продадим.

Эдсель нажал на спусковой рычаг. Куст, росший в семидесяти пяти футах от входа, исчез в ярко-красной вспышке.

— Неплохо, — заметил Эдсель, ласково погладил пистолет и, положив его на место, взял следующий.

— Ну хватит, Эдсель, — умоляюще сказал Факсон, — нет смысла испытывать здесь. Можно вызвать атомную реакцию или еще что-нибудь.

— Заткнись, — бросил Эдсель, рассматривая спусковой механизм нового пистолета.

— Не стреляй больше, — продолжал просить Факсон. Он умоляюще поглядел на Парка, ища его поддержки, но тот молча смотрел на Эдселя.

— Ведь что-то из того, что здесь лежит, возможно, уничтожило марсианскую расу. Ты снова хочешь заварить кашу, — продолжал Факсон.

Эдсель опять выстрелил и с удовольствием смотрел, как вдали плавился кусок пустыни.

— Хороша штучка! — Он поднял еще что-то, по форме напоминающее длинный жезл. Холода он больше не чувствовал. Эдсель забавлялся этими блестящими штучками и был в прекрасном настроении.

— Пора собираться, — сказал Факсон, направляясь к двери.

— Собираться? Куда? — медленно спросил его Эдсель. Он поднял сверкающий инструмент с изогнутой рукояткой, удобно умещавшейся в ладони.

— Назад, в космопорт, — ответил Факсон, — домой, продавать всю эту амуницию, как мы и собирались. Уверен, что мы можем запросить любую цену. За такое оружие любое правительство даст миллионы.

— А я передумал, — задумчиво протянул Эдсель. Краем глаза он наблюдал за Парком.

Тот ходил между грудями оружия, но ни к чему не прикасался.

— Послушай-ка, парень, — злобно сказал Факсон, глядя Эдселю в глаза, — в конце концов, я финансировал экспедицию. Мы же собирались продать это барахло. Я ведь тоже имею право... То есть нет, я не то хотел сказать... — Еще не испробованный пистолет был нацелен ему прямо в живот. — Ты что задумал? — пробормотал он, стараясь не смотреть на странный блестящий предмет.

— Ни черта я не собираюсь продавать, — заявил Эдсель. Он стоял, прислонившись к стенке так, чтобы видеть обоих.

— Я ведь и сам могу использовать эти штуки.

Он широко ухмыльнулся, не переставая наблюдать за обоими партнерами.

— Дома я раздам оружие своим ребятам. С ними мы запросто скинем какое-нибудь правительство в Южной Америке и продержимся, сколько захотим.

— Ну, хорошо, — упавшим голосом сказал Факсон, не спуская глаз с направленного на него пистолета. — Только я не желаю участвовать в этом деле. На меня не рассчитывай.

— Пожалуйста, — ответил Эдсель.

— Ты только не думай, я не собираюсь об этом болтать, — быстро проговорил Факсон, — я не буду. Просто не хочется стрелять и убивать. Так что я лучше пойду.

— Конечно, — сказал Эдсель.

Парк стоял в стороне, внимательно рассматривая свои ногти.

— Если ты устроишь себе королевство, я к тебе приеду в гости, — сказал Факсон, делая слабую попытку улыбнуться. — Может быть, сделаешь меня герцогом или еще кем-нибудь.

— Может быть.

— Ну и отлично. Желаю тебе удачи, — Факсон помахал ему рукой и пошел к двери.

Эдсель дал ему пройти шагов двадцать, затем поднял оружие и нажал на кнопку. Звук не последовало, вспышки тоже, но у Факсона правая рука была отсечена начисто. Эдсель быстро нажал

кнопку еще раз. Маленького человечка рассекло надвое. Справа и слева от него на земле остались глубокие борозды.

Эдсель вдруг сообразил, что все это время он стоял спиной к Парку, и круто повернулся. Парк мог бы схватить ближайший пистолет и разнести его на куски. Но Парк спокойно стоял на месте, скрестив руки на груди.

— Этот луч пройдет сквозь что угодно, — спокойно заметил Парк, — полезная игрушка.

Полчаса Эдсель с удовольствием таскал к двери то одно, то другое оружие. Парк к нему даже не притрагивался, с интересом наблюдая за Эдселем. Древнее оружие марсиан было как новенькое; на нем не сказались тысячи лет бездействия. В комнате было много оружия разного типа, разной конструкции и мощности. Изумительно компактные тепловые и радиационные автоматы, оружие, мгновенно замораживающее, и оружие сжигающее, оружие, умеющее рушить, резать, коагулировать, парализовать и другими способами убивать все живое.

— Давай-ка попробуем это, — сказал Парк.

Эдсель, собиравшийся испытать интересное трехствольное ружье, остановился.

— Я занят, не видишь, что ли?

— Перестань возиться с этими игрушками. Давай займемся серьезным делом.

Парк остановился перед низкой черной платформой на колесах. Вдвоем они выкатили ее наружу. Парк стоял рядом и наблюдал, как Эдсель поворачивал рычажки на пульте управления. Из глубины машины раздалось негромкое гудение, затем ее окутал голубоватый туман. Облако тумана росло по мере того, как Эдсель поворачивал рычажок, и накрыло обоих людей, образовав вроде правильного полушария.

— Попробуй-ка пробить ее из бластера, — сказал Парк.

Эдсель выстрелил в окружающую их голубую стену. Заряд был полностью поглощен голубой стеной. Эдсель испробовал на ней еще три разных пистолета, но они тоже не могли пробить голубоватую прозрачную стену.

— Сдается мне, — тихо произнес Парк, что такая стена выдержит и взрыв атомной бомбы. Это, видимо, мощное силовое поле.

Эдсель выключил машину, и они вернулись в комнату с оружием. Солнце приближалось к горизонту, и в комнате становилось все темнее.

— А знаешь что? — сказал вдруг Эдсель. — Ты неплохой парень, Парк. Парень что надо.

— Спасибо, — ответил Парк, рассматривая кучу оружия.

— Ты не сердись, что я разделался с Факсоном, а? Он ведь собирался донести на нас правительство.

— Наоборот, я одобряю.

— Уверен, что ты парень что надо. Ты бы мог меня убить,

когда я стрелял в Факсона. — Эдсель умолчал о том, что на месте Парка он так бы и поступил.

Парк пожал плечами.

— А как тебе идея насчет королевства со мной на пару? — спросил Эдсель, расплывшись в улыбке. — Я думаю, мы это дело провернем. Найдем себе приличную страну, будет уйма девочек, развлечений. Ты как насчет этого?

— Я за, — ответил Парк, — считай меня в своей команде.

Эдсель похлопал его по плечу, и они пошли дальше вдоль рядов с оружием.

— С этим все довольно ясно, — продолжал Парк, — варианты того, что мы уже видели.

В углу комнаты они заметили дверь. На ней виднелась надпись на марсианском языке.

— Что тут написано? — спросил Эдсель.

— Что-то насчет абсолютного оружия, — ответил Парк, разглядывая тщательно выписанные буквы чужого языка, — предупреждают, чтобы не входили.

Парк открыл дверь. Они хотели войти, но от неожиданности отпрянули назад.

За дверью был зал, раза в три больше, чем комната с оружием, и вдоль всех стен, заполняя его, стояли солдаты. Роскошно одетые, вооруженные до зубов, солдаты стояли неподвижно, словно статуи. Они не проявляли никаких признаков жизни.

У входа стоял стол, а на нем было три предмета: шар размером с кулак, с нанесенными на нем делениями, рядом — блестящий шлем, а за ним — небольшая черная шкатулка с марсианскими буквами на крышке.

— Это что — усыпальница? — пошептал Эдсель, с благоговением глядя на резко очерченные неземные лица марсианских воинов.

Парк, стоявший позади него, не ответил.

Эдсель подошел к столу и взял в руки шар. Осторожно он повернул стрелку на одно деление.

— Как ты думаешь, что они должны делать? — спросил он Парка. — Ты думаешь...

Оба они вздрогнули и попятились.

По рядам солдат прокатилось движение. Они качнулись и застыли в позе «смирно». Древние воины ожили.

Один из них, одетый в пурпурную с серебром форму, вышел вперед и поклонился Эдселю.

— Господин, ваши войска готовы.

Эдсель от изумления не мог найти слов.

— Как вам удалось остаться живыми столько лет? — спросил Парк. — Вы марсиане?

— Мы слуги марсиан, — ответил воин.

Парк обратил внимание на то, что, когда солдат говорил, губы его не шевелились. Марсианские солдаты были телепатами.

— Мы Синтеты, господин.

— Кому вы подчиняетесь?

— Активатору, господин, — Синтет говорил, обращаясь непосредственно к Эдселю, глядя на прозрачный шар в его руках.

— Мы не нуждаемся в пище или сне, господин. Наше единственное желание — служить вам и сражаться.

Солдаты кивнули в знак одобрения.

— Веди нас в бой, господин...

— Можете не беспокоиться, — сказал Эдсель, придя, наконец, в себя. — Я вам, ребята, покажу, что такое настоящий бой, будьте уверены.

Солдаты торжественно трижды прокричали приветствие. Эдсель ухмыльнулся, оглянувшись на Парка.

— А что обозначают остальные деления на циферблате? — спросил Эдсель. Но солдат молчал. Видимо, вопрос не был предусмотрен введенной в него программой.

— Может быть, они активируют других Синтетов, — сказал Парк. — Наверное, внизу есть еще залы с солдатами.

— И вы еще спрашиваете, поведу ли я вас в бой? Еще как поведу!

Солдаты еще раз торжественно прокричали приветствие.

— Усыпи их и давай придумаем план действий, — сказал Парк.

Эдсель, все еще ошеломленный, повернул рычаг назад. Солдаты замерли, словно превратившись в статуи.

— Пойдем назад.

— Ты, пожалуй, прав.

— И захвати с собой все это, — сказал Парк, показывая на стол.

Эдсель взял блестящий шлем и черный ящик и вышел наружу вслед за Парком. Солнце почти скрылось за горизонтом, и над красной пустыней протянулись черные длинные тени. Было очень холодно, но они этого не чувствовали.

— Ты слышал, Парк, что они говорили? Слышал? Они сказали, что я их вождь! С такими солдатами... — он засмеялся. С такими солдатами, с таким оружием его ничто не сможет остановить. Да, уж он выберет себе королевство. Самые красивые девочки в мире, ну и повеселится же он...

— Я генерал! — крикнул Эдсель и надел шлем на голову.

— Как, идет мне, Парк? Похож я...

Он замолчал. Ему послышалось, будто кто-то что-то шепчет, бормочет. Что это?

...проклятый дурак. Тоже придумал королевство! Такая власть — это для гениального человека, человека, который способен переделать историю. Для меня!

— Кто это говорит? Ты, Парк? А? — Эдсель внезапно понял, что с помощью шлема он мог слышать чужие мысли, но у него уже

не осталось времени осознать, какое это было бы оружие для правителя мира.

Парк аккуратно прострелил ему голову. Все это время пистолет был у него в руке.

Что за идиот! — подумал про себя Парк, надевая шлем. Королевство! Тут вся власть в мире, а он мечтает о каком-то вшивом королевстве. Он обернулся и посмотрел на пещеру.

С такими солдатами, силовым полем и всем оружием я завоюю весь мир. Он думал об этом спокойно, зная, что так оно и будет.

Он собрался было назад, чтобы активировать Синтетов, но остановился и поднял маленькую черную шкатулку, выпавшую из рук Эдселя.

На ее крышке стремительным марсианским письмом было выгравировано: «Абсолютное оружие».

Что бы это могло означать? — подумал Парк. Он позволил Эдселю прожить ровно столько, чтобы испытать оружие. Нет смысла рисковать лишний раз. Жаль, что он не успел испытать и этого.

Впрочем, и не нужно. У него и так хватает всякого оружия. Но вот это, последнее, может облегчить задачу, сделать ее гораздо более безопасной. Что бы там ни было, это ему, несомненно, поможет.

— Ну, — сказал он самому себе, — давай-ка посмотрим, что считают абсолютным оружием сами марсиане, — и открыл шкатулку.

Из нее пошел легкий пар. Парк отбросил шкатулку подальше, опасаясь, что там ядовитый газ.

Пар пошел струей вверх и в стороны, затем начал сгущаться. Облако ширилось, росло и принимало какую-то определенную форму.

Через несколько секунд оно приняло законченный вид и застыло, возвышаясь над шкатулкой. Облако поблескивало металлическим отсветом в угасающем свете дня, и Парк увидел, что это огромный рот под двумя немигающими глазами.

— Хо-хо? — сказал рот. — Протоплазма! — Он потянулся к телу Эдселя.

Парк поднял дезинтегратор и тщательно прицелился.

— Спокойная протоплазма, — сказала чудовище, пожирая тело Эдселя, — мне нравится спокойная протоплазма, — и чудовище заглохило тело Эдселя целиком.

Парк выстрелил. Взрыв вырыл десятифутовую воронку в почве. Из нее выплыл гигантский рот.

— Долго же я ждал! — сказал рот.

Нервы у Парка сжались в тугой комок. Он с трудом подавил в себе надвигающийся панический ужас. Сдерживая себя, он не спеша включил силовое поле, и голубой шар окутал его.

Парк схватил пистолет, из которого Эдсель убил Факсона, и почувствовал, как удобно легла в его руку прикладистая рукоятка.

Чудовище приближалось. Парк нажал на кнопку, и из дула вырвался прямой луч...

Оно продолжало приближаться.

— Сгинь, исчезни! — завизжал Парк. Нервы у него начали рваться.

Оно приближалось с широкой ухмылкой.

— Мне нравится спокойная протоплазма, — сказала Оно, и гигантский рот сомкнулся над Парком, — но мне нравится и активная протоплазма.

Оно глотнуло и затем выплыло сквозь другую стенку поля, оглядываясь по сторонам в поисках миллионов единиц протоплазмы, как бывало давным-давно.

РЫБОЛОВНЫЙ СЕЗОН

Они жили в новом районе лишь неделю, и соседи впервые пригласили их в гости. Кармайклы явно ждали — во всех окнах горел яркий свет, входная дверь была приоткрыта.

— Ну, как я выгляжу? — спросила Филис Маллен на пороге. — Швы не перевернулись, волосы не разлохматились?

— Полный ажур, в красной шляпке ты неотразима, — заверил ее муж. — Только постарайся этим не козырять.

Она скорчила ему физиономию и нажала кнопку звонка. В глубине раздался мелодичный перезвон.

Маллен поправил галстук и вытащил платочек из нагрудного кармана на микроскопическую долю повыше.

— Должно быть, наливают вино в погребе, — сказал он жене. — Позвонить еще?

— Нет, давай подождем.

Они подождали, потом снова позвонили.

— Странно, — произнесла Филис. — Договорились на сегодня...

В распахнутые окна вливался теплый весенний воздух. Сквозь венецианские жалюзи виднелись карточный столик, расставленные стулья, накрытый обеденный стол... Все было готово. Но на звонок никто не отзывался.

— Может, они вышли? — предположила Филис. Ее муж быстрым шагом пересек лужайку и подошел к гаражу.

— Машина на месте, — вернувшись, сообщил он и толкнул приоткрытую дверь.

— Джим, не входи.

— Я и не вхожу. — Он просунул голову внутрь. — Люди! Есть кто-нибудь?!

В доме царил молчание.

— Эй! — крикнул он и напряженно прислушался. Из соседнего коттеджа доносился обычный шум предвыходного дня — там

разговаривали, смеялись. По улице проехала машина. Он слушал. Где-то в доме треснула половица; потом снова наступила тишина.

— Если бы они ушли, то не бросили бы все нараспашку. Наверное, что-то случилось. — Маллен ступил внутрь; Филис последовала за ним, но нерешительно остановилась в гостиной, в то время как муж пошел на кухню. Она слышала, как он открыл дверь в погреб, позвал: — Ау, кто-нибудь! — потом вернулся в гостиную, нахмурился и пошел на второй этаж. Немного погодя Маллен с озадаченным видом спустился вниз. — Никого.

— Пойдем отсюда, — нервно сказала Филис. Ей вдруг стало не по себе в этом ярко освещенном пустом доме.

— Может, закрыть дверь? — спросил Джим Маллен.

— Что толку? Все окна настежь.

— Все-таки... — Он прикрыл дверь, и они медленно пошли к себе домой, то и дело оглядываясь на залитый светом коттедж. Маллен не удивился бы, если б откуда-нибудь вдруг выскочили Кармайклы с веселым криком: «Разыграли!».

Но дом хранил молчание.

Мистер Картер мастерил искусственных мух для рыбной ловли. Неторопливо и методично его ловкие пальцы с любовной бережностью управлялись с цветными нитями. Он был так погружен в свою работу, что не заметил прихода Малленов.

— Папа, мы дома, — сказала Филис.

— Ага, — пробормотал мистер Картер. — Только взгляните на эту прелесть! — Он протянул законченное творение — почти точную копию шершня. Крючок был хитроумно запрятан в нависавших желтых и черных нитях.

— Кармайклы, наверное, куда-нибудь ушли, — сказал Маллен, снимая пиджак.

— Утром попытаю счастья на Старом Ручье, — отозвался мистер Картер. — Чутье подсказывает мне, что там водится форель.

Маллен внутренне усмехнулся. С отцом Филис разговаривать было трудно. В последнее время он не знал другой темы, кроме рыбной ловли. В день своего семидесятилетия старик оставил весьма процветающее дело и без остатка посвятил себя любимому занятию.

Теперь, спустя десять лет, мистер Картер выглядел великолепно. Кожа его была розовой, глаза чистыми и безмятежными, красивые белые волосы аккуратно зачесаны назад. Причем он находился в здравом уме — если говорить с ним о рыбалке.

— Перекусим, что ли...

Филис с сожалением сняла красную шляпку, разгладила вуаль и положила ее на кофейный столик. Мистер Картер вплеп еще одну нить к своей мухе, придирчиво осмотрел ее, потом отложил в сторону и последовал за ними на кухню.

Пока Филис варила кофе, Маллен рассказал старику о происшедшем. Ответ мистера Картера был типичным.

— Лучше сходи-ка утром на рыбалку и выкинь это из головы. Рыбная ловля, Джим, не просто спорт. Рыбная ловля — это образ жизни, да и философия, если хочешь. Я люблю посидеть на берегу тихой заводи... Думаю поискать завтра. Если есть где-нибудь рыба, то почему не здесь?

Филис улыбнулась, глядя как Джим беспокойно ерзает на стуле. Ее отца, раз уж он разошелся, теперь так просто не остановить. А разойтись на эту тему — ему раз плюнуть!

— Представь себе, — продолжал мистер Картер, — молодого энергичного администратора. Ну вроде тебя, Джим. Спешит по делам. Обычное дело, да? Но в конце последнего длинного коридора — ручей с форелью. Или представь политика. Ты их, безусловно, предостаточно видишь в Олбани. В руке дипломат, вечно в заботах...

— Странно, — сказала Филис, перебивая отца на полуслове. Она разглядывала неоткрытую бутылку молока. — Посмотри.

Молоко они покупали станертоновской маслодельни. Зеленая этикетка на *этой* бутылке гласила: «Станероновска маладелня».

— И вот. — Она указала пальцем. Ниже было написано: «Разришино нью-йорКской комисией здравоохраненя».

Это сильно смахивало на неумелую подделку или розыгрыш.

— Откуда ты это взяла? — спросил Маллен.

— Из магазина мистера Эдриджа. Может, какой-нибудь рекламный трюк?

— Презираю тех, кто ловит на червя, — с чувством заявил мистер Картер. — Муха — это творение искусства. Тот же, кто пользуется червем, способен обирать сирот и рушить храмы!

— Не пей его, — сказал Маллен. — Давай-ка взглянем на остальные продукты.

Они обнаружили еще три фальшивки: конфету «Объеденье» в оранжевой обертке вместо обычной розовой; пачку «Американского Сыра», почти на треть больше привычной; и бутылку «Газрованной вады».

— Очень странно, — пробормотал Маллен, потирая подбородок.

— Мелюзгу я никогда не беру, — продолжал мистер Картер. — Это не спортивно. Я их отпускаю. Таково неписаное правило рыболова. Пускай растут, пускай зреют, пускай набираются опыта. Мне нужны старые, которых на мякине не проведешь, которые укрываются в корягах и улепетывают при виде крючка. Вот с кем интересно состязаться!

— Отнесу-ка я это к Эдриджу, — решил Маллен, складывая подозрительные продукты в бумажный пакет. — Если найдешь еще что-нибудь подобное, отложи.

— Старый Ручей, — задумчиво произнес мистер Картер. — Там они, там...

Утро выдалось тихим и солнечным. Мистер Картер спозаранку позавтракал и ушел на Старый Ручей легкой юношеской походкой, заливчато сдвинув на бок потрепанную широкополую шляпу. Джим Маллен допил кофе и отправился к дому Кармайклов.

Машина все так же стояла в гараже. Окна были все еще распахнуты, стол накрыт, свет горел — все, как предыдущим вечером. Маллену невольно вспомнилась прочитанная когда-то история о корабле под всеми парусами — но без единой души на борту.

— Может, позвонить кому-нибудь? — предложила Филис, когда муж вернулся домой. — Что-то произошло, я уверена.

— Но кому?

Они почти никого еще не знали в этом районе.

Проблему решил телефонный звонок.

— Если это кто-нибудь отсюда, — сказал Джим, — спроси у них.

— Алле?

— Простите, вы, очевидно, меня не помните. Я — Мариам Карпентер, живу в конце улицы... К вам случайно не заходил мой муж?

Даже искаженный телефоном, голос выражал беспокойство и страх.

— Нет. К нам сегодня вообще никто не приходил.

— А...

— Может быть, вам нужна какая-нибудь помощь? — спросила Филис.

— Я не могу понять, — произнесла миссис Карпентер. — Джордж — мой муж — как обычно позавтракал со мной утром, потом поднялся наверх за пиджаком. Больше я его не видела.

— Ох...

— Вниз он не спускался, уверена. Я пошла посмотреть, что его задерживает — мы должны были уехать, — но его не было. Я обыскала весь дом. Решила, что он меня разыгрывает, хотя Джордж в жизни никогда так не шутил, и посмотрела даже под кроватями и в шкафах. Потом заглянула в погреб, спросила у соседей... Как в воду канул! Я и подумала: может, он заскочил к вам?

Филис рассказала ей об исчезновении Кармайклов. Они еще немного поболтали и распрощались.

— Джим, — заявила Филис. — Мне это не нравится. Надо сообщить в полицию.

— Мы окажемся круглыми дураками, когда выяснится, что они гостили у друзей в Олбани.

— Все равно.

Джим набрал номер полицейского участка, но линия была занята.

— Пойду сам.

— И захвати с собой это...

Она протянула ему бумажный пакет.

Капитан Леснер был терпеливым краснолицым человеком. Всю ночь и все утро он выслушивал нескончаемый поток жалоб. Его патрульные устали, его сержанты устали, а сам он устал больше всех. Однако он провел мистера Маллена в свой кабинет и внимательно выслушал его рассказ.

— Я хочу, чтобы вы все записали, — попросил Леснер. — Насчет Кармайклов нам еще звонил их сосед. Включая мужа миссис Карпентер, это уже десять за два дня.

— Десять... чего?

— Исчезновений.

— О, Господи, — тихо выдохнул Маллен и поправил бумажный пакет. — Все из нашего города?

— Все до единого, — отчеканил капитан Леснер, — из одного района. А точнее, даже с четырех улиц этого района. — Он перечислил названия улиц.

— И я живу там, — пробормотал Маллен.

— Я тоже.

— У вас есть какие-нибудь соображения о личности похитителя?

— Вряд ли это похититель, — сказал Леснер, закуривая уже двадцатую сигарету за день. — Никаких записок. Никаких требований о выкупе. У многих пропавших гроша ломаного нет за душой. Это просто невероятно!

— Значит, орудует маньяк?

— Безусловно. Но как он захватывает целые семьи? Или взрослых мужчин крепкого телосложения, таких, как вы? И где он прячет их или их тела? — Леснер ожесточенно затушил сигарету. — Мои люди обшаривают сейчас каждый метр города. Привлечены полицейские всех пригородов. Полиция штата останавливает и проверяет автомашины. И ничего!

— Да, чуть не забыл, вот еще что. — Маллен показал фальшивые продукты.

— И опять, я ничего не знаю, — раздраженно признался капитан. — У меня не хватает времени. Я захлебываюсь в заявлениях... — Зазвонил телефон, но Леснер не обращал внимания. — Похоже на козни черного рынка. Я уже отправил нечто подобное в Олбани на анализ. Необходимо установить источник. Не исключено, что действуют из-за границы. Между прочим, ФБР... А, будь проклят этот телефон!

Он схватил трубку.

— Леснер слушает. Да... да... Ты уверена? Конечно, Мэри. Немедленно еду.

Он опустил трубку. Его красное лицо внезапно побелело.

— Звонила свояченица, — выдавил он. — Моя жена пропала!

Маллен вел машину на бешеной скорости. У порога он резко затормозил, едва не стукнувшись головой о ветровое стекло, и вбежал в дом.

— Филлис! — закричал он. Где она? О, Боже, если...

— Что случилось? — спросила Филлис, выходя из кухни.

— Я думал...

Он схватил ее в охапку и крепко сжал.

— Ну, знаешь, — улыбнулась она, — мы уже не молодожены. Как-никак полтора года...

Маллен рассказал ей о том, что узнал в полицейском участке.

Филлис словно впервые увидела их гостиную. Неделю назад она казалась уютной и теплой. Сейчас каждая тень пугала, каждая приоткрытая дверь в шкаф наводила ужас. Этот дом уже никогда не станет родным и близким.

Раздался стук.

— Не подходи, — прошептала Филлис.

— Кто там? — спросил Маллен.

— Джо Даттон, ваш сосед. Вы, должно быть, слышали новости?

— Да, — ответил Маллен, стоя за закрытой дверью.

— Мы баррикадируем улицы, — сказал Даттон. — Будем проверять всех входящих и выходящих. Придется взяться за дело самим, раз полиция бессильна. Вы с нами?

— Еще бы.

Маллен открыл дверь. На пороге стоял высокий смуглый мужчина в старой армейской форме. В руке он сжимал увесистую деревянную палку.

— Перекроем эти кварталы, так что и комар не проскочит.

Маллен поцеловал жену и ушел вместе с ним.

Днем в актовом зале школы состоялось общее собрание. В зал набились все жители пораженного участка и еще столько горожан, сколько влезло. Сразу выяснилось, что, несмотря на блокаду, из района исчезло еще три человека.

В краткой речи капитан Леснер сообщил, что он обратился за помощью в Олбани. Подходят специальные части; кроме того, подключается ФБР. Он честно признал, что не имеет понятия, кто это делает и зачем. Совершенно необъяснимым оставалось и то, что все пропавшие — из одного участка.

Из Олбани пришло сообщение по поводу фальшивых продуктов, которыми, казалось, был наводнен весь район. Химики не обнаружили никаких токсических веществ. Это камня на камне не

оставляло от новой теории, будто людей одурманивали, заставляя их покидать дома. Тем не менее, капитан советовал воздержаться от употребления этих продуктов. Осторожность не повредит.

Мэр в своем выступлении призвал жителей не поддаваться панике и проявлять благоразумие. Гражданские власти способны справиться с любой ситуацией.

Конечно, сам мэр жил в другом районе.

Собрание закончилось, люди вернулись на баррикады. К ночи прибыла помощь из Олбани — войска и снаряжение. Все четыре улицы взяли в кольцо. Установили прожектора, ввели комендантский час.

Мистер Картер не был свидетелем этих увлекательных событий. Целый день он удил и вернулся на закате, с пустыми руками, но счастливый.

— Прекрасная погода для рыбной ловли! — заявил он.

Маллены провели кошмарную ночь — полностью одетые, урывками погружаясь в сон, невольно наблюдая за мельтешением прожекторных лучей на стеклах, прислушиваясь к чеканному шагу солдатских патрулей.

Воскресенье, восемь часов утра. Еще двое пропавших. Исчезли из небольшого района, охраняемого лучше тюрьмы.

В десять часов мистер Картер, решительно отметя все возражения Малленов, вскинул на плечо свою сумку и ушел. С тринадцатого апреля, с начала рыболовного сезона, он не пропустил ни одного дня и дальше собирался продолжать в том же духе.

Воскресенье, полдень. Пропал еще один человек. Общее число исчезнувших достигло шестнадцати.

Воскресенье, час дня. Нашлись пропавшие дети!

Полицейская машина обнаружила их на окраине, всех восьмерых, включая сына Кармайклов. Чем-то глубоко потрясенные, они шли к городу. Все были срочно доставлены в больницу.

И никаких следов пропавших взрослых.

Слухи разносятся куда быстрее, чем могут распространить новости газеты или радио. С детьми не сделали ничего плохого. Медицинское обследование подтвердило, что они не помнят, где были и как туда попали. Специалисты обнаружили только общее для всех пострадавших ощущение полета и чувство тошноты. Для вящей безопасности детей оставили в больнице, под усиленной охраной.

А к вечеру из района исчез еще один ребенок.

На закате мистер Картер пришел домой с двумя крупными рыбинами. Он весело приветствовал Малленов и отправился в гараж чистить форель.

Джим Маллен вышел на задний дворик и зашагал к гаражу вслед за тестем. Он хотел прояснить у старика какую-то фразу,

оброненную им день или два назад. Память не подсказывала ее точно, но это казалось очень важным...

Его окликнул худенький лысый сосед, чью фамилию он забыл.

— Маллен, я понял.

— Что?

— Вы задумывались над выдвигаемыми теориями?

— Конечно.

— Так слушайте. Это не похитители. В их действиях нет никакой логики. Верно?

— Ну, очевидно.

— Исключен и маньяк. Как бы он мог схватить пятнадцать, шестнадцать человек? И вернуть детей? С этим не справится и банда маньяков. По крайней мере, не перед носом у такой уймы полицейских. Правильно?

— Продолжайте, — краем глаза Маллен заметил, что во дворик вышла толстая жена соседа. Она подошла к ним и прислушалась.

— То же самое относится и к шайке бандитов, и даже к марсианам. Это неосуществимо и бессмысленно. Надо искать что-то *невозможное*. И вот тут-то мы и находим единственно логичный ответ.

Маллен искося взглянул на женщину. Та стояла, сложа руки на груди, и пронизывала его испепеляющим взглядом. «Похоже, она на меня злится, — подумал Маллен. — Что я такого сделал?»

— Вывод только один, — торжественно произнес сосед. — Где-то рядом существует дыра. Дыра в пространственно-временном континиуме.

— Что?! — выпалил Маллен.

— Дыра во времени, — разъяснил лысый инженер. — Или в пространстве. Или и там, и там. Только не спрашивайте меня, как она образовалась; главное, что она есть. Стоит человеку попасть в эту дыру, как — бац! — он в другом месте. Или в другом времени. Или в другом месте и в другом времени. Конечно, дыру эту не увидишь — в четвертом-то измерении! — но она есть. Я полагаю, что если проследить движение этих людей, то выяснится, что каждый из них проходил через какую-то определенную точку — и пропал.

— Ммм... — задумчиво хмыкнул Маллен. — Любопытно. Но ведь известно, что многие исчезали прямо из своих домов.

— Да, — озадаченно согласился сосед. — Одну минутку, сейчас соображу... О, понял! Дыра в пространстве — времени не стационарна. Она перемещается, дрейфует. Сперва в доме Карпентера, затем спонтанно сдвигается...

— Но почему она не выходит за пределы наших четырех улиц? — спросил Маллен, недоумевая, в чем причина такого злобного взгляда жены соседа.

— Ну... должны же у нас быть какие-то ограничения!

— А как вернулись дети?

— О, Господи, Маллен, что вы пристаёте ко мне со всякими пустяками?! Я предлагаю хорошую рабочую теорию. Нам необходимо набрать больше фактов, чтобы прояснить все до конца.

— Общий привет! — бодро закричал мистер Картер, появившись из гаража с двумя красивыми, тщательно вычищенными и вымытыми рыбами. — Форель — достойнейший соперник и, между прочим, великолепно на вкус. Самый прекрасный спорт и самая прекрасная еда! — Он неторопливо вошел в дом.

— У меня теория получше, — сказала жена соседа, разведя руки и опустив их на могучие бедра.

Оба мужчины повернулись к ней.

— Кого одного совершенно не беспокоит все происходящее? Кто везде разгуливает с огромной сумкой, в которой, по его словам, рыба? Кто *утверждает*, что проводит время на рыбалке?

— О, нет, — поразился Маллен. — Только не мистер Картер. У него целая философия...

— Плевала я на философию! — завизжала женщина. — Он дурачит вас, но меня ему не надуть! Я знаю только, что он один совершенно спокоен, шляется повсюду и вообще, линчевать его мало!

С этими словами она круто повернулась и вперевалку направилась к своему дому.

— Послушайте, Маллен, — проговорил лысый сосед. — Я прошу прощения. Вы же знаете этих женщин... Она очень расстроена, хотя Дэни сейчас в больнице, в безопасности.

— Разумеется, — заверил Маллен.

— Она не понимает концепции пространственно-временного континуума, — с искренним огорчением продолжал сосед. — Утром ей самой будет стыдно. Вот увидите.

Мужчины пожали друг другу руки и разошлись по домам.

Сумерки спустились быстро, и по всему городу зажглись прожектора. Лучи света прорезали улицы, дворы, отражались в стеклах. Жители района приготовились к ожиданию новых исчезновений.

Джим Маллен чувствовал себя на редкость беспомощным. Губы его жены побелели и растрескались, глаза опухли. Зато мистер Картер был, как всегда, бодр и пожарил на всех форели.

— Сегодня я набрел на прелестное тихое озеро, — объявил мистер Картер. — Около устья Старого Ручья, чуть выше по притоку. Я ловил там целый день, нежась на чудесной травке и любуясь облаками. Фантастическая вещь — облака! Завтра я снова буду ловить там. А потом двинусь дальше. Опытный рыбак не станет злоупотреблять хорошим местом. Умеренность — вот девиз рыбака. Хорошенького понемножку. Я часто думаю...

— Папа, ну пожалуйста, уймись! — выкрикнула Филис и

заплакала. Мистер Картер грустно покачал головой, понимающе улыбнулся и направился в гостиную работать над новой мухой.

Маллены понуро пошли спать.

Джим проснулся и сел в постели. Рядом тихо сопела жена. Светящийся циферблат часов показывал без двух минут пять. Почти утро, подумал Маллен.

Он вылез из постели, накинул халат и, стараясь не шуметь, прошлепал по лестнице вниз. Из окна кухни были видны фигуры часовых и качающиеся прожекторные лучи. Маллен налил себе стакан молока и отрезал кусок свежего кекса.

— Похитители! — подумал Джим. — Маньяки. Пришельцы с Марса. Дыры в пространстве. Чушь какая!.. Черт побери, о чем же я хотел спросить мистера Картера? О чем-то очень важном... — Он сполоснул стакан и вернулся в гостиную.

Неожиданно его резко швырнуло на бок. Что-то его держало! Он отчаянно замолотил руками, но бить было не в кого. Его ухватила незримая стальная длань! Ноги оторвались от пола, и на миг Джим завис в воздухе, извиваясь и брыкаясь. Безжалостная хватка вокруг ребер сжала так, что он едва мог дышать. Его неумолимо начало поднимать.

— Дыра в пространстве, — подумал Маллен и попытался крикнуть. Размахивая руками, он задел за тахту и тут же вцепился в нее. Его стало поднимать вместе с тахтой. Он рванулся, и то, что его держало, на миг ослабло.

Маллен упал, мгновенно вскочил и прыгнул к двери. Его снова поймало и ухватило, но он уже был около батареи и просунул за нее обе руки.

Маллена тянуло все сильнее; батарея страшно скрипела. Ему казалось, что он сейчас разорвется надвое, но из последних сил держался. Неожиданно незримая длань отпустила.

Джим свалился на пол.

Когда он пришел в себя, уже был день. Филис, закусив губу, плескала ему в лицо водой.

— Я еще здесь? — пробормотал Маллен.

— Как ты себя чувствуешь? Что произошло? О, милый, давай уедем отсюда...

— Где твой отец? — пробормотал Маллен, вскарабкиваясь на ноги.

— На рыбалке. Ты сядь, сейчас я вызову врача.

— Нет. Погоди, — он прошел на кухню и достал кекс. На этикетке было написано: «Кондитерская Джонсона, Нью-Йорк». Заглавная «К». Совсем крошечная ошибка.

А мистер Картер? Не здесь ли таится ответ? Маллен кинулся

наверх и торопливо оделся. Он запихнул кекс в карман и выбежал на улицу.

— До моего возвращения ничего не трогай! — закричал он Филис. Она проследила взглядом, как его машина скрылась за поворотом, и, стараясь не расплакаться, побрела на кухню.

Маллен добрался до Старого Ручья за пятнадцать минут. Он оставил машину и пошел вверх по течению.

— Мистер Картер! — кричал он. — Мистер Картер!

Он шел и кричал около получаса, все дальше углубляясь в лес. Деревья склонялись над ручьем и переплетали над ним свои ветви. Маллен шел уже прямо по воде, почти бежал, то и дело оскальзываясь.

— Мистер Картер!

— Я тут! — раздался голос старика. Вскоре появился и он сам, на крутом берегу маленькой заводи, с длинной бамбуковой удочкой. Маллен в изнеможении свалился рядом.

— Наконец-то ты прислушался к моему совету, — удовлетворенно сказал мистер Картер.

— Нет, — едва отдышавшись, выпалил Маллен. — Я хочу, чтобы вы мне кое-что объяснили.

— С радостью, — отозвался старик. — Что тебя интересует?

— Рыбак ведь не станет вылавливать всю рыбу из водоема, не так ли?

— Я бы не стал, но некоторые способны и на такое.

— А наживка? Правда, что всякий настоящий рыбак пользуется искусственной наживкой?

— Я горжусь своими мухами, — сказал мистер Картер. — Я стремлюсь приблизиться к оригиналу. Вот, к примеру, изумительная копия шершня. Или вот — чудесный комар.

Внезапно леска натянулась. Старик легко и уверенно потащил и вскоре протянул Маллену бьющуюся форель.

— Это еще практически малек — мне он не нужен.

Он осторожно снял рыбу с крючка и бросил ее в воду.

— Когда вы отпускаете их, как по-вашему, — они понимают? Они не расскажут другим?

— Конечно, нет, — ответил мистер Картер. — Они не могут научиться даже на собственном опыте. Мне уже дважды попадается один и тот же. Им еще надо подрасти.

— Ясно... — Маллен посмотрел на тестя. Старик совершенно не замечал того, что происходит вокруг, совершенно не замечал ужаса, обуявшего район.

— Рыбаки живут в своем собственном мире, — подумал Маллен.

— Ты бы пришел на час пораньше, — посетовал мистер Картер. — Ключнул настоящий красавец. Фунта два, не меньше. Ну и задал же он мне работенку! И под конец сорвался. Но... Эй, что ты делаешь?!

— Назад! — заорал Маллен, спрыгнув в воду. Теперь он понял, почему его беспокоила мысль о мистере Картере. Аналогия.

Безобидный мистер Картер ловит свою форель, как тот, другой рыбак ловит...

— Все назад! Предупредите остальных! — кричал Маллен, беснуясь в воде. Только бы Филис не прикасалась ни к каким продуктам!..

Он вытащил из кармана кекс и зашвырнул его как можно дальше.

МИР СНА

В бесконечности существует бесконечное множество миров — и так в каждом цикле: AETH DE PLACITUS RELIQUE.

Лэниген снова увидел тот же сон и с надрывным криком проснулся. Он сел на кровати и стал всматриваться в лиловую тьму. Зубы его стучали, а губы свело в судорожной гримасе. Рядом с ним сидела взволнованная Эстель, его жена. Но Лэниген даже не взглянул в ее сторону. Все еще находясь под впечатлением сна, он ждал ощутимых доказательств реальности мира.

По комнате проплыло кресло и с глухим стуком врезалось в стену. Лицо Лэнигена слегка расслабилось. Рука Эстель коснулась его руки, однако это успокаивающее прикосновение он воспринял как обжигающий шлепок.

— Вот, — сказала жена. — Выпей-ка это.

— Нет, — отказался Лэниген. — Я уже в норме.

— И тем не менее, выпей.

— Нет. Я действительно в полном порядке.

Судорожная гримаса сошла с его лица. Лэниген снова находился в привычном ему мире. Это было так здорово, что Лэниген не хотел вот так сразу его лишиться, отогнав прочь с помощью снотворного.

— Тот же самый сон? — спросила Эстель.

— Да, тот же... Мне не хочется о нем говорить.

— Ладно, — согласилась Эстель. (Она соглашается со мной потому, что я ее здорово напугал, подумал Лэниген. Да, собственно, я сам сильно напуган.) — Милый, а сколько сейчас времени?

Лэниген взглянул на часы.

— Пятнадцать минут седьмого.

Но тут минутная стрелка дернулась и резко ушла вперед.

— Нет, без пяти семь.

Ты еще будешь спать?

— Нет, — ответил Лэниген. — Пожалуй, я лучше встану.

— Хорошо, милый. — Эстель зевнула и закрыла глаза, но через несколько секунд снова открыла их и спросила: — Послушай, а как ты думаешь, может, стоит позвонить...

— Он уже мне назначил прием на 12.10, — перебил жену Лэниген.

— Очень хорошо, — произнесла Эстель и снова закрыла глаза. Ее сморил сон, и Лэниген, наблюдавший за спящей женой, заметил, как ее каштановые волосы приобрели голубоватый оттенок. Эстель тяжело вздохнула.

Он встал с кровати и оделся.

Лэниген был мужчиной крупного сложения с ярко выраженными чертами лица и аллергической сыпью на шее. За исключением легко запоминающейся внешности в нем не было ничего выдающегося, кроме, пожалуй, постоянно снящегося ему кошмара, который медленно, но верно вел Лэнигена к безумию.

Следующие несколько часов он провел, сидя на пороге дома и наблюдая, как в светлеющем небе звезды превращаются в новые.

Потом он решил прогуляться. Как назло, в двух кварталах от дома он повстречал Джорджа Торстена. Пару месяцев назад Лэниген опрометчиво рассказал Торстену о своем сне. А Торстен, добродушный, отзывчивый парень самозабвенно верил в самопомощь, дисциплину, практичность, здравый смысл и прочие куда более серьезные добродетели. Поначалу твердолобый здравомысленный подход Торстена к делу принес Лэнигену кратковременное облегчение. Однако теперь его участливое отношение действовало на нервы. Люди вроде Торстена несомненно были солью земли и главной опорой нации, но для Лэнигена, борющегося с неосызаемым наваждением (и проигрывающего схватку), Торстен превратился из просто надоедливой типа в настоящий ужас.

— Привет, Том, как делишки? — поздоровался Торстен.

— Отлично, — ответил Лэниген. — Просто здорово.

Он удовлетворенно кивнул и продолжил прогулку под медленно перекрашивающимся в зеленый цвет небом. Однако от Торстена так легко не отделаешься.

— Том, старина, я все думаю над твоей проблемой, — сказал Торстен. — Я за тебя очень волнуюсь.

— Благодарю за заботу, — ответил Лэниген. — Но тебе и в самом деле не стоит за меня беспокоиться...

— Я делаю это потому, что так хочу, — заявил Торстен, сообщив простую прискорбную правду. — Я с детства проявляю интерес к людям, а с тобой мы вот уже который год друзья и соседи.

— Верно, — тупо произнес Лэниген. (Самое худшее для нуждающегося в помощи — принять ее.)

— Слушай, Том, тебе поможет небольшой отпуск.

У Торстена на все случаи жизни имелся простейший рецепт. А поскольку он практиковал лечение души, не имея на то лицензии, то всегда был очень осторожен и прописывал такое лекарство, которое можно приобрести, не обращаясь в аптеку.

— Я не могу позволить себе отпуск в этом месяце, — сказал Лэниген. (Теперь небо уже приобрело розово-бежевую окраску; три сосны увяли; дуб превратился в кактус.)

Торстен сердечно рассмеялся.

— Старина, да ты не можешь не позволить себе отпуска прямо сейчас! Ты разве так не думаешь?

— Нет. Наверно, нет.

— Так *подумай!* Ты устал, перенапрягся, совершенно переутомлен. Ты так много работаешь!

— Я был в отпуске целую неделю, — сказал Лэниген и посмотрел на часы. Золотой корпус превратился в свинцовый, но время часы показывали относительно верно. С начала разговора прошло не более двух часов.

— Этого недостаточно, — заявил Торстен. — Ты оставался в городе, рядом со своей работой. А тебе нужно выбраться на природу. Том, когда ты последний раз был в кемпинге?

— В кемпинге? Не уверен, что я вообще когда-нибудь там был.

— Вот видишь! Старина, да ты просто обязан соприкоснуться с истинной природой. Никаких тебе улиц и зданий, только реки и горы...

Лэниген снова взглянул на часы и увидел, что они опять золотые. Он обрадовался, поскольку купил их за 60 долларов.

— ...Деревья и озера, — заливался соловьем Торстен. — Ты должен почувствовать траву под ногами, увидеть горные вершины, уходящие в золотистое небо...

Лэниген покачал головой.

— Я был в деревне, Джордж. Нисколько не помогло.

Однако упрямство Торстена простым путем не преодолешь.

— Ты должен уехать подальше от искусственности.

— А разве все и так не одинаково искусственно? — заявил Лэниген. — Деревья или дома — какая разница?

— Дома создает человек, — возвысил голос Торстен, — а деревья — Бог.

У Лэнигена имелись сомнения насчет обоих утверждений, но он не собирался вступать в дискуссию с Торстеном.

— Возможно, ты прав. Я подумую.

— Не подумаешь, а сделаешь. Как раз случайно я знаю одно замечательное местечко. В Майнсе. Там есть такое маленькое озерцо...

Торстен был мастер на подробные описания. Однако на счастье Лэнигена нашелся повод, чтобы переключить внимание Торстена. По другую сторону улицы горел дом.

— Это чей же? — поинтересовался Лэниген.

— Макэлби, — ответил Торстен. — Второй пожар за месяц.

— Может, нам нужно поднять тревогу?

— Ты прав. Но с этим я и сам справлюсь. А ты помни, что я сказал тебе насчет того местечка в Майнсе.

Торстен развернулся и побскал звать на помощь. Но тут произошла одна забавная вещь: едва он ступил на тротуар, бетонное покрытие неожиданно промялось, и левая нога Торстена

по щиколотку ушла в бетон. Сам же он, по инерции пролетев носом вперед, растянулся на дороге.

Том поспешил сму на подмогу, стараясь успеть, пока бетон снова не затвердеет.

— С тобой все в порядке? — спросил он.

— Проклятье, лодыжка подвернулась, — пробурчал Торстен. — Порядок, идти я могу.

И он похромал сообщить о пожаре. Лэниген остался и стал смотреть на горящий дом. Он решил, что пожар был вызван самопроизвольным возгоранием. Через несколько минут, как он и ожидал, огонь так же самопроизвольно погас.

Радоваться несчастью другого — дурной тон, но Лэниген не смог сдержатъ смейка по поводу вывихнутой лодыжки Торстена. И даже внезапный поток воды, заливший главную улицу, не испортил его хорошего настроения.

Но тут Лэниген вспомнил свой сон, и паника охватила его с новой силой. Он быстрым шагом направился на прием к врачу.

На этой неделе присмная доктора Самсона оказалась маленькой и темной комнатенкой. Старенький серый диванчик исчез, его заменили два кресла и подвесная койка. Потертая ковровая дорожка тоже изменила свой рисунок, а лилово-коричневый потолок был усыпан сигаретным пеплом. Однако портрет Андретти висел на своем обычном месте, а большая, замысловатой формы пепельница была тщательно вычищена.

Дверь кабинета открылась, и оттуда высунулась голова доктора Самсона.

— Привет, — поздоровалась голова. — Погоди минутку.

И голова убралась снова.

Самсон сдержал слово. Через три секунды (по часам Лэнигена) доктор пригласил его в кабинет. А секунду спустя (опять же по часам) Лэниген уже лежал, вытянувшись на кожаной кушетке, со свежей бумажной салфеткой над головой.

— Ну, Том, что с тобой случилось? — поинтересовался доктор Самсон.

— То же самое, — ответил Лэниген. — Только гораздо хуже.

— Сон?

Лэниген кивнул.

— Давай обсудим его еще раз?

— Я предпочел бы не делать этого, — сказал Лэниген.

— Боишься?

— Причем больше, чем обычно.

— Даже сейчас?

— Да. Особенно сейчас.

Помолчав немного с терапевтической целью, доктор Самсон продолжил:

— Ты говорил раньше о страхе перед этим сном, но никогда не объяснял, *почему* ты его так боишься.

— Ну... в общем, это звучит довольно глупо.

Лицо Самсона осталось серьезным, спокойным и сосредоточенным. Это было лицо человека, который не находит здесь ничего глупого и который изначально не способен находить ничего глупого. Возможно, доктор просто применял особую врачебную тактику, но именно такую, что самым успокаивающим образом подсыпывала на Лэнигена.

— Ладно, я вам скажу, — внезапно проговорил Лэниген. И умолк

— Продолжай, — подбодрил его доктор Самсон.

— Ну, видимо, потому я верю: каким-то образом, каким-то путем, каким, я и сам не понимаю...

— Ну дальше, дальше.

— ...Что каким-то образом мир моего сна становится реальным миром. — Он снова умолк, затем хриплым голосом продолжил: — И в один прекрасный день я проснусь и обнаружу себя в *том мире*. Тот мир станет реальностью, а этот превратится в сон.

Он поднял глаза, чтобы посмотреть, какое впечатление на доктора Самсона произведет его безумное откровение. Но, если доктор и был обеспокоен, он ничем не выдал своей тревоги. Доктор преспокойно разжал трубку раскаленным кончиком левого указательного пальца и, выбросив использованный палец, произнес:

— Продолжай, пожалуйста.

— Продолжать? Но я уже все сказал!

На розовато-лиловом ковре доктора Самсона появилось пятно величиной с двадцатипятипесовую монету. Оно темнело, утолщалось и, наконец, выросло в небольшое плодовое деревце. Доктор сорвал один из фиолетовых стручков, понюхал его и бросил на стол. Затем посмотрел на Лэнигена — строго, но печально.

— Ты говорил мне раньше про мир твоего сна, Том.

Лэниген кивнул.

— Мы обсудили его, проследили его происхождение, исследовали его значение для тебя лично. Я думаю, за прошедшие месяцы мы нашли причину, почему у тебя *возникает необходимость* терзать себя этим кошмарным страхом.

Лэниген печально кивнул.

— Но ты отказываешься понимать и всякий раз забываешь, что мир твоего сна — просто *сон*, ничего кроме сна, управляемого произвольными законами сновидений, которые ты сам же и изобретаешь ради удовлетворения собственных психических потребностей.

— Мне бы очень хотелось этому верить, — ответил Лэниген. — Но вся беда в том, что мир моего сна чертовски разумен.

— Вовсе нет, — не согласился доктор Самсон. — Он просто

иллюзорное следствие твоей самозамкнутости. Действия человека основаны на определенных предположениях о природе мира. Допустим, его предположения и поведение полностью осмысленны и разумны. И изменить его предположения, эти фундаментальные аксиомы, почти невозможно. Например, как ты докажешь человеку, что он не управляется неким секретным радио, слышимым только ему?

— Я понимаю проблему, — пробормотал Лэниген. — И это происходит со мной?

— Да, Том. Ты ждешь от меня доказательств реальности истинного мира и ложного мира твоих снов. Ты согласен отказаться от своих фантазий, если я предоставлю тебе такие доказательства.

— Да! Совершенно верно! — воскликнул Лэниген.

— Но видишь ли, я не могу их предоставить, — заявил доктор Самсон. — Природа мира явна, но недоказуема.

Немного подумав, Лэниген спросил:

— Послушайте, док, но я ведь не настолько болен, как тот тип с секретным радио, а, док?

— Нет. Ты — нет. Ты более благоразумен и более рационален. Ты сомневался в реальности настоящего мира, но, к счастью, ты сомневался и в реальности своих иллюзий.

— Тогда давайте их проверим, — предложил Лэниген. — Я понимаю ваши трудности, но, док, клянусь вам, я приму любые доказательства, какие только смогу воспринять.

— Это не моя область, — сказал Самсон и сосредоточенно наморщил лоб. Немного подумав, он произнес: — Мне кажется, что мы познаем мир при помощи ощущений, следовательно, в конце анализа мы должны предъявить свидетельства таких ощущений.

Лэниген кивнул, и доктор продолжил:

— Итак, мы знаем о существовании вещей, поскольку наши чувства говорят нам об этом. А как нам проверить справедливость наших наблюдений? Только сравнивая их с чувственным восприятием других людей. Мы будем знать, что наши чувства нас не обманывают, если чувства других людей подтверждают существование предмета, о котором идет речь.

Лэниген подумал немного и отметил:

— Следовательно, реальный мир — это просто набор сущностей, одинаково воспринимаемых разными людьми?

Самсон скривил губы и заявил:

— Я уже говорил, что не силен в метафизике, однако считаю это допустимым доказательством.

— Да... Но, доктор, предположим, что все наблюдатели ошибаются. Предположим, к примеру, наличие множества миров и реальностей, а не только одной. Предположим далее, что наблюдатель воспринимает лишь одну произвольно выбранную реальность из бесконечного ряда реальностей. Или предположим, сама приро-

да единой реальности такова, что она способна меняться, а я каким-то образом воспринимаю ее изменения.

Доктор Самсон вздохнул, вытащил небольшую зеленую летучую мышь, случайно залетевшую ему в пиджак, и рассеянно прихлопнул ее линейкой.

— Если это так, — сказал он, — то я не могу опровергнуть ни одного из твоих предположений. Том, я считаю, что нам лучше еще раз проанализировать весь твой сон.

Лэниген скривился.

— Мне бы действительно этого не хотелось. У меня такое чувство...

— Догадываюсь, что ты имешь в виду, — улыбнувшись, произнес Самсон. — Зато мы раз и навсегда либо докажем, либо опровергнем твои сомнения, не так ли?

— Видимо, да, — согласился Лэниген. Набравшись храбрости (а что еще оставалось делать?) он начал: — Значит так: сон начинается... начинается...

От одного только воспоминания его сковал ужас — головокружительный, тошнотворный ужас. Лэниген пытался было встать с кушетки, но увидел нависшее над собой лицо доктора, блеснувшее металлом, услышал, как тот произнес: «Попробуй расслабиться... подумай о чем-нибудь приятном», а затем либо Лэниген, либо мир, либо тот и другой вместе, умерли.

Лэниген и (или) мир вернулись к существованию. Какое-то время прошло, а может, и не прошло. Что-то, может, произошло, а может, и нет.

Лэниген приподнялся на кушетке и посмотрел на Самсона.

— Ну, как себя чувствуешь? — спросил доктор.

— Нормально, — ответил Лэниген, — Что случилось?

— Тебе было плохо, — сообщил Самсон. — Расслабься чуть-чуть.

Лэниген снова лег и попытался успокоиться. Доктор сидел за столом и что-то писал. Лэниген зажмурился и сосчитал до двадцати. Потом осторожно открыл глаза. Доктор Самсон все еще писал. Лэниген оглядел комнату, насчитал пять картин, повторно пересчитал их, взглянул на зеленый ковер и снова закрыл глаза. На этот раз он сосчитал до пятидесяти.

— Ну что, побеседуем? — закрывая тетрадь, спросил доктор Самсон.

— Нет, только не сейчас, — ответил Лэниген. (Пять картин, зеленый ковер.)

— Как пожелаешь, — согласился доктор. — Я думаю, на сегодня хватит. Но если хочешь, можешь полежать в приемной...

— Нет, благодарю, я лучше пойду домой, — отказался Лэниген. Он встал с кушетки, прошел по зеленому ковру к двери, оглянулся, снова посмотрел на пять висящих на стене картин и на доктора Самсона, который ободряюще улыбался ему, после чего

вышел в присмную, дошел до входной двери, вышел, прошел по коридору, спустился по лестнице и оказался на улице.

Он шел по улице и смотрел на деревья, на ветвях которых от легкого ветерка трепетали зеленые листья. По обеим сторонам улицы двигался поток машин. Небо оставалось голубым, и очевидно, было таким все время.

Сон? Лэниген ущипнул себя. (Ущипнул свой сон?) И не проснулся. Тогда он вскрикнул. (Воображаемый крик?) И опять не проснулся.

Лэниген попал в свой, до мелочей узнаваемый, кошмар. Но на сей раз он длился много дольше, чем раньше. Следовательно, это больше не сон. (Ведь сон — просто краткодлящаяся жизнь, а жизнь — *очень долгий сон.*) Лэниген совершил переход из реальности в сон (или реальность перебросила в сон Лэнигена!). Невозможное стало возможным, просто став тем, что оно есть.

И тротуар ни разу не прогнулся под его ногами. И Первый Национальный Городской Банк находился там, где ему положено — он был здесь вчера, и будет завтра; гротескно лишенный возможностей, он больше никогда не станет пальцем, аэропланом или скелетом доисторического чудовища, а как был, так и останется угрюмым серым зданием из стали и бетона, сохраняющим бессмысленное существование в своей неизменности до тех пор, пока люди с разрушающей техникой не сломают его.

Лэниген брел по этому замершему миру, видя над собой голубое с белизной по краям небо, застывшее в своей постоянности. И движение транспорта везде было правосторонним, и люди переходили улицы по переходам, и стрелка часов отсчитывала минуты, не нарушая общего хода времени.

А где-то за городом расположились пригороды; но Лэниген знал, что трава там не вырастет внезапно под чьими-нибудь ногами. Она просто растет сама по себе, растет неумолимо, но незаметно глазу, не согласуясь с чьими бы там ни было чувствами. А горы, как были черны и высоки, так такими и оставались — вросшими в землю гигантами, лишенными возможности (и совершенно не предназначенными для этого) маршировать под золотым (или лиловым, или зеленым) небом.

Застывший мир. Предопределенный мир рутины и привычностей. Мир, где жутчайшая скука не только возможна, но предопределена. Реальность, в которой быстроизменяющаяся ртутная субстанция сведена к вязкому вялотекущему клею.

А посему волшебство феноменального мира стало невозможным. А какая жизнь без волшебства?

Лэниген закричал. Он кричал, а вокруг собирались люди, разглядывали его (но ничего не делали); потом, как и ожидалось, явился полицейский (однако солнце ни разу не изменило ни цвета, ни формы); а вскоре и машина скорой помощи промчалась по застывшей улице (но без труб и проститутток, и на четырех колесах, вместо приятных глазу трех или двадцати пяти); и

санитары забрали его в дом, который находился именно там, где ему полагалось быть; и начался длинный нудный разговор; и вопросы исходили от людей, не меняющих своего облика; а стены комнаты, где ему задавали вопросы, так и оставались окрашенными в белый цвет.

Ему прописали отдых, тишину и спокойствие. Именно этим трем ужасным отравам Лэниген сопротивлялся изо всех сил, пытаясь близко не подпустить их к себе. Но ему, естественно, закатали их в сверхдозе.

Однако он не умер — яд оказался недостаточно сильным, — а просто свихнулся окончательно. Спустя три дня его выпустили — образец пациента и образец лечения.

Теперь Лэниген верил, что никакие изменения невозможны. Он превратился в мазохиста, наслаждаясь настырной неизменностью вещей. Он превратился в садиста, поучая других божественному механическому порядку вещей.

Лэниген совершенно приспособил свое безумие (или безумие мира) ко всем сторонам жизни. За исключением одной. Он не был счастлив. Ибо порядок и счастье относятся к тем противоречиям, в примирении которых Вселенная пока еще не преуспела.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ

Вид у посла был вовсе не угрожающий. Роста среднего, сложения изящного, одет в строгий коричневый твидовый костюм (подарок Государственного департамента). Лицо одухотворенное, равнодушное, с тонкими чертами.

«Человек как человек», — думал полковник Серси, сверля прищельца взглядом бесцветных и бесстрастных глаз.

— Чем могу служить? — с улыбкой спросил посол.

— Президент поручил мне курировать ваше дело, — ответил Серси. — Я ознакомился с отчетом профессора Даррига, — он кивнул в сторону своего спутника, — но хотелось бы узнать все из первоисточника.

— Конечно, — согласился пришелец и закурил сигарету. По видимому, просьба доставила ему искреннее удовольствие. «Любопытно», — подумал Серси. Ведь прошла неделя, как посол приземлился, и ведущие ученые страны успели вымотать из него душу.

— Я прибыл, — заговорил пришелец, — как вольный посол, представитель Империи, охватывающей половину Галактики. Я привез вам привет от своего народа и приглашение вступить в наше межпланетное содружество.

— Понятно, — ответил Серси. — Кое у кого из ученых сложилось впечатление, что это не приглашение, а требование.

— Вы будете участвовать в содружестве, — сказал посол. — Хотите вы этого или не хотите.

— Как вы нас разыскиали? — осведомился Серси.

— Каждого из вольных послов прикрепляют к неисследованному участку космоса, — объяснил пришелец. — Мы обшариваем каждую звездную систему этого участка в поисках планет, а каждую планету — в поисках разумной жизни. Как известно, разумная жизнь в Галактике — большая редкость.

Серси кивнул, хотя до сих пор это ему было неизвестно.

— Найдя планету, населенную разумными существами, мы на ней высаживаемся, как это сделал я, и подготавливаем ее обитателей к участию в нашем содружестве.

— А как ваш народ догадается, что вы обнаружили разумную жизнь? — поинтересовался Серси.

— В организм вольного посла вмонтировано передающее устройство, — ответил пришелец. — Оно включается, как только мы попадаем на населенную планету. В космос начинает непрерывно поступать сигнал, который можно принять на расстоянии до нескольких тысяч световых лет. Как только сигнал принят, на планету снаряжают отряд колонизаторов.

Он аккуратно стряхнул пепел в пепельницу.

— У этого метода есть явные преимущества по сравнению с засылкой комплексного отряда из разведчиков и колонизаторов. Отпадает необходимость бросать слишком мощные силы на бесплодный поиск, который может затянуться на десятки лет.

— Конечно, — лицо Серси оставалось бесстрастным. — Расскажите подробнее о самом сигнале.

— Подробнее вам ни к чему. Методами земной техники сигнал невозможно уловить и, следовательно, заглушить. Пока я жив, передача ведется непрерывно.

Дарриг с порывистым вздохом покосился на Серси.

— Но если вы прекратите передачу, а сигнал все еще не будет перехвачен, — обронил Серси, — то нашу планету никогда не отыщут.

— Не отыщут, пока снова не обследуют ваш сектор, — согласился дипломат.

— Прекрасно. Как полномочный представитель Президента США, прошу вас прекратить передачу. Мы не желаем входить в состав вашей Империи.

— Мне очень жаль. — Посол пожал плечами. Наверное, он много раз участвовал в подобных переговорах на множестве других планет. — Но я ничем не могу помочь.

Посол встал.

— Значит, не прекратите?

— Не могу. Однако я разрабатываю для вас философию. Как посол, я обязан предельно смягчить психологический удар. Из новой философии вам станет ясно...

Серси выхватил пистолет. Шесть пуль было послано в голову и тело посла. И посол исчез.

Серси переглянулся с Дарригом. Тот пробормотал что-то насчет призраков. Но тут посол появился вновь.

— По-вашему, это так легко? — сказал он. — Мы, послы, волей-неволей обладаем дипломатической неприкосновенностью. — Он потрогал пальцем одну из дырочек, пробитых пулями в стене. — Убить меня вы не властны. Всего доброго, джентльмены, — попрощался посол.

Дарриг и Серси вернулись на командный пункт.

— Надеюсь, вы все видели, Мэлли? — спросил полковник Серси.

Худощавый лысеющий психиатр грустно кивнул.

— Видел и заснял на пленку.

Серси подошел к экранам. (Квартиру для посла скоропалительно соорудили спустя два дня после того, как он приземлился и передал приглашение. Стены квартиры обили свинцом и сталью, утыкали теле- и кинокамерами, магнитофонами и Бог знает чем еще.)

Посол сидел за столом. Он что-то печатал на портативной пишущей машинке, подаренной правительством США.

— Эй, Гаррисон! — крикнул Серси. — Пора приступать к плану № 2.

Из соседней комнаты появился Гаррисон. Он методично проверил показания манометров, отрегулировал управление и поднял глаза на Серси.

— Можно? — спросил он.

— Можно, — ответил Серси, не отрывая глаз с экрана.

Гаррисон нажал какую-то кнопку, и из скрытых отверстий в стенах кабинета посла вырвались огненные языки.

Кабинет превратился во что-то вроде доменной печи. Серси выждал еще минуты две, затем подал знак Гаррисону, и тот нажал другую кнопку. Огонь исчез.

Посол вновь возник за столом и разочарованно посмотрел на остатки пишущей машинки. На нем самом не было даже копоти.

— Нельзя ли попросить другую машинку? — обратился он к одной из тщательно замаскированных телекамер.

Потом уселся в обгорелое кресло и через секунду, по всей видимости, заснул.

— Самое время собрать военный совет, — сказал Серси.

Мэлли оседлал стул. Гаррисон, усевшись, зажег трубку и стал ее медленно раскуривать.

— Итак, — сказал Серси, — правительство свалило все на наши плечи. Посла надо уничтожить, иначе Земля станет колонией. Ответственность за это возложена на меня. — Серси смущенно улыбнулся. — Вероятно, наверху никто не хочет отвечать за неудачу. А я выбрал вас троих себе в помощники. Мы получим

все, что потребуем, любую помощь, любую консультацию. А теперь — есть идеи?

— Как насчет плана №3? — спросил Гаррисон.

— Дойдет черед и до него, — сказал Серси. — Но, по-моему, он не подействует.

— По-моему, тоже, — согласился Дарриг. — Мы ведь даже не знаем, как он защищается от опасности.

— Вот это — первоочередная проблема. Мэлли, возьмите все данные, которыми мы располагаем, и распорядитесь ввести их в анализатор Дерихмана. Вы ведь знаете, какие сведения нужно получить? «Каковы свойства X, если X умеет то-то и то-то?»

— Есть, — отчеканил Мэлли и вышел.

— Гаррисон, — сказал Серси, — к осуществлению плана №3 все подготовлено?

— Конечно.

— Попробуем.

Серси тщательно подобрал себе штат. Первым избранником стал Гаррисон. Крепко сбитый, вечно хмурый конструктор славился тем, что может сконструировать что угодно, лишь бы у него было хоть смутное представление, как должна действовать эта конструкция.

Мэлли был лучшим психиатром, которого Серси знал.

Дарриг — физик-математик, но сего беспокойный, пытливый ум создавал интереснейшие теории и в других областях науки. Дарриг был единственным из четверых, кто заинтересовался послом как интеллектуальной проблемой.

— Готово! — сообщил Гаррисон.

— Отлично. Давайте.

В комнату посла беззвучно хлынули невидимые потоки жестких гамма-лучей.

Однако подвергнуться их смертельному действию было некому.

— Хватит, — немного погодя сказал Серси. — От этого околе-ло бы стадо слонов.

Посол пять часов пребывал в невидимом состоянии, а потом интенсивность радиации начала слабеть. Тогда он вновь появился в комнате.

— Так я жду машинку, — напомнил он.

— Вот заключение анализатора, — Мэлли подал Серси пачку бумаг. — А вот кратко сформулированный вывод.

Серси прочитал вслух:

— «Простейший способ защиты от того или иного конкретного оружия — стать тем или иным оружием».

— Превосходно, — сказал Гаррисон. — Но что это значит?

— Это значит, — пояснил Дарриг, — что, когда мы угрожаем послу огнем, он сам превращается в огонь. Когда мы в него стреляем, он превращается в пулю — и так до тех пор, пока опасность не проходит, а там он возвращает себе прежние обличье.

Дарриг взял у Серси бумаги и начал их перелистывать.

— Гм... это не окончательно, но вполне убедительно. Всякий другой принцип защиты требует сначала опознать оружие, потом оценить его, а потом уже принимать контрмеры в соответствии с потенциальными возможностями оружия. У посла защита намного безопаснее и срабатывает мгновенно. Ему не приходится опознавать оружие. Скорее всего, его тело каким-то образом отождествляется с тем, что ему угрожает.

— Есть ли способ сломать такую защиту? — спросил Серси.

— Анализатор недвусмысленно указывает, что, если его вывод верен, такого способа нет, — угрюмо заметил Мэлли.

В последующие дни смерть обрушивалась на посла во всех немыслимых формах и сочетаниях. Его закидывали оружием, начиная с каменных топоров и кончая современными атомными гранатами, топили в кислотах, душили ядовитыми газами. Посол философски пожимал плечами и продолжал печатать на очередной новой машинке. На после не появилось ни царапины, зато квартира выглядела так, словно в ней вот уже пятьдесят лет непрерывно идет пьяный дебош.

Прошла неделя, и посла, не встретив возражений с его стороны, переселили в новую, более прочную и надежную камеру. В старую никто не осмелился войти — отпугивали микроорганизмы и высокая радиоактивность.

Посол возобновил работу за пишущей машинкой.

— Побеседуем с ним, — предложил Дарриг на другой день. Серси согласился. Все равно идеи временно иссякли.

— Заходите, джентльмены, — сказал посол так равнодушно, что Серси стало не по себе. — К сожалению, мне нечем вас угостить. По досадному недосмотру меня уже десятый день не снабжают ни пищей, ни водой. Меня-то это, конечно, не волнует.

— Рад слышать, — отозвался Серси. Глядя на посла, никто бы не догадался, что он отразил натиск всех земных средств умерщвления. Напротив, можно было подумать, что бомбежку перенесли Серси и его сотрудники.

— Ну и защита у вас, — дружелюбно произнес Мэлли.

— Рад, что вам нравится.

— Скажите, пожалуйста, а каков ее принцип? — невинно спросил Дарриг.

— Разве вы не знаете?

— Кажется, знаем. Вы становитесь тем, что вам грозит. Правда?

— Безусловно, — подтвердил посол. — Как видите, я от вас ничего не скрываю.

— Примите от нас что-нибудь в благодарность за то, что вы прекратили передачу, — предложил Серси.

— Это что же, взятка?

— Точно, — сказал Серси. — Все, что ни...

— Нет, — отрезал посол.

— Будьте благоразумны, — настаивал Гаррисон. — Вы же не хотите развязать войну, верно? Сейчас на Земле согласие между государствами — против вас. Мы вооружаемся...

— Чем?

— Атомными бомбами, — ответил Мэлли. — Водородными бомбами. Мы...

— Сбросьте на меня бомбу, — прервал посол. — Она не причинит мне вреда. Почему вы думаете, что она причинит вред моему народу?

Все четверо промолчали. Об этом они как-то не подумали.

— Уровень ведения войны, — заявил посол, — истинное мерило цивилизации. Стадия первая — применение простейших орудий уничтожения. Стадия вторая — овладение материей на молекулярном уровне. Сейчас вы приближаетесь к третьей стадии, хотя все еще далеки от полного контроля над атомными и субатомными силами. — Он обаятельно улыбнулся. — Мой народ идет к вершине пятой стадии.

— Это какая же стадия? — полюбопытствовал Дарриг.

— Увидите, — сказал посол. — Но, может быть, вам интересно, насколько типичны мои способности для моих соплеменников? Могу вас заверить, что они вовсе не типичны. Для того чтобы я мог справиться с работой, не превышая своих полномочий, в меня введены кое-какие ограничения, позволяющие мне совершать только пассивные действия.

— Зачем? — спросил Дарриг.

— Если под горячую руку я совершу активное действие, то сотру вашу планету в порошок. И вообще, обычно планеты проявляют гораздо больший интерес к предлагаемой им философии. Уверяю вас, она сильно облегчает перестройку. — Он протянул посетителям стопку бумаги с машинописным текстом. — Может быть, пролистаете?

Дарриг взял у посла бумагу и сунул в карман.

— Если найдется время.

— Рекомендую полюбопытствовать, — сказал посол. — Почему бы вам не сдать?

— Вот что, — сказал Мэлли, когда они вернулись на командный пункт. — Мы еще не все испробовали. Пустим в ход психологию.

— Хоть черную магию, — согласился Серси. — Что вы имеете в виду?

— Насколько я понимаю, — объяснил Мэлли, — посол мгновенно реагирует на опасность. У него безотказный защитный рефлекс. Давайте прибегнем к чему-нибудь такому, на что этот рефлекс не распространяется.

— Например? — сказал Серси.

— Например, гипноз. Может, что-нибудь выведем.

— Конечно, — сказал Серси. — Попробуйте. Любой ценой.

В комнату посла впустили микроскопическое количество

гипнотизирующего газа, и Серси с Мэлли и Дарригом собрались перед видеозэкраном. Одновременно в кресло, где сидел посол, был дан электрический импульс.

— Это чтобы отвлечь внимание, — прокомментировал Мэлли.

Посол исчез, прежде чем его поразил электрический ток, и вскоре вновь появился в кресле.

Немного погодя он отложил книгу и уставился в пустоту.

— Как странно, — произнес он. — Альферн мертв. Добрый друг... идиотская случайность. В пути ему не повезло. Он был обречен. На его пути тайлось... Но такое не часто встречается.

— Думает вслух, — прошептал Мэлли. — Проговаривается. Должно быть, друг у него из головы не выходит.

— Конечно, — продолжал посол, — когда-нибудь Альферн должен был умереть. Бессмертие пока недостижимо. Но такой смертью... и нет защиты. Хаос таится... Нечто, вечно ждущие своего часа. Хотя закон упорядочивания держит все в рамках, сглаживает...

Посол вскочил на ноги, побледнел, он словно пытался что-то припомнить. И рассмеялся.

— Остроумно. Такую шутку вы сыграли со мной в первый и последний раз. Но, джентльмены, она вам не сослужит службы. Я и сам не знаю, чем меня можно одолеть... — Посол снова уселся в кресло, чему-то улыбаясь.

— Что и требовалось доказать! — возликовал Дарриг. — Он уязвим. Погиб же от чего-то его друг Альферн.

— От чего-то в космосе, — напомнил ему Серси. — Но от чего?

— Дайте сообразить, — размышлял Дарриг вслух. — Закон упорядочивания. Это, наверное, неизвестный нам закон природы. А тайлось... что там может таиться, в космосе?

— Мне кажется, я знаю, что там таится! — воскликнул Дарриг. — Потрясающе. Это может вылиться в новую космологию! Пойду-ка я к себе в отель. Мне надо поднять кое-какие книги и желательно, чтобы в ближайшие несколько часов меня никто не тревожил.

Он выбежал из помещения.

— Как по-вашему, к чему он клонит? — спросил Мэлли.

— Ума не приложу, — пожал плечами Серси.

— Ну вот что, — сказал Серси на другой день, — начнем шевелить мозгами. Куда запропастился Дарриг?

— Все продумывает свою идею, — сказал Мэлли, потирая заросший подбородок. — Говорит, что вот-вот докопается до истины.

— Будем исходить из допущения, что его идея порочна, — сказал Серси. — Давайте рассуждать. Например, если посол способен превратиться во что угодно, есть ли что-нибудь такое, во что он не способен превратиться?

— Хороший вопрос, — буркнул Гаррисон.

— А что, если сделать так, — предложил Мэлли. — Пусть он превращается во что угодно, мы поставим его в такое положение, что опасность будет грозить ему уже после превращения.

— Конкретнее, — сказал Серси.

— Предположим, ему что-то грозит. Он превращается в источник опасности. А если что-то угрожает именно этому источнику? И, в свою очередь, само находится под какой-то угрозой? Что он тогда сделает?

— А как это осуществить? — спросил Серси.

— А вот как. — Мэлли снял телефонную трубку. — Алло! Соедините с зоологическим парком. Срочно!

В комнату впихнули упирающегося тигра. Дверь захлопнулась. Тигр посмотрел на посла, посол — на тигра.

— Изобретательно, — одобрил посол.

Тигр прыгнул, точно распрямившаяся пружина, и опустился там, где только что сидел посол.

Дверь снова приоткрылась. В комнату впихнули другого тигра. Он злобно ощерился и прыгнул на первого. Оба столкнулись в воздухе.

В нескольких десятках сантиметров от них появился посол и стал наблюдать за дракой. Он отодвинулся, когда в дверь втолкнули льва, настороженного и готового к бою. Лев прыгнул на посла и чуть не перекувыркнулся, не обнаружив добычи на месте. На безлюдье лев вцепился в одного из тигров.

Посол снова очутился в кресле — он курил и спокойно смотрел, как звери рвут друг друга на куски.

— Сдаюсь, — сказал Мэлли. — Больше ничего в голову не приходит.

Серси, не отвечая, уперся взглядом в пол. Гаррисон в уголке тихо накачивался виски. Зазвонил телефон. Серси снял трубку.

— Раскусил! — услышал он торжествующий голос Даррига. — Послушайте, я сейчас же хватаю такси. Велите Гаррисону вызвать подручных.

— А в чем дело? — спросил Серси.

— В хаосе, который подо всем этим таится! — ответил Дарриг и бросил трубку.

Полчаса, час... Только через три часа после своего звонка на командный пункт лениво вошел Дарриг.

— Привет, — сказал он небрежно.

— К дьяволу приветы! — зарычал Серси. — Почему так долго?

— В пути я познакомился с философией посла, — ответил Дарриг. — Это шедевр.

— Поэтому вы и задержались?

— Да. Я попросил водителя проехать несколько раз вокруг парка, а сам читал.

— Оставим это. В чем же...

— Нельзя это оставить, — перебил Дарриг странным, напря-

женным голосом. — Боюсь, что мы заблуждались. Относительно пришельцев. Если они станут нашими правителями, Земля — колонией, это будет вполне и разумно, и справедливо. Откровенно говоря, я даже мечтаю, чтоб они скорее прилетели.

Голос Даррига дрожал, со лба градом струился пот.

— Я понял... да ладно, Серси. Давайте кончим дурить и признаем посла нашим другом.

— Успокойтесь! — заорал Серси на совершенно спокойного физика. — Вы сами не знаете, что говорите.

— Странно, — бормотал Дарриг. — Я знаю, что я думал... теперь я так не думаю. Мне ясно, в чем ваша беда. Вы не знакомы с настоящей философией. Вы поймете меня, как только прочтете...

Он подал Серси стопку бумаг. Серси тотчас поджег их своей зажигалкой.

— Неважно, — сказал Дарриг. — я заучил наизусть. Вы только послушайте. Аксиома первая: все разумные существа...

Серси выбросил вперед кулак, и Дарриг повалился на пол.

— Слова в тексте, видимо, подобраны так, чтобы вызвать в человеке определенную эмоциональную реакцию. Это своего рода гипноз, — прокомментировал Мэлли.

— Знаете, Мэлли, — обратился к нему Серси, — теперь все в ваших руках. Дарриг нашел разгадку — или думал, что нашел. Вам придется вытянуть его из него.

— Задача нелегкая, — проговорил Мэлли. — У него ведь будет ощущение, что, выдав нам свою тайну, он предает правое дело.

— Как вы этого добьетесь — меня не касается, — отмахнулся Серси. — Лишь бы добились.

— Даже с риском для его жизни? — спросил Мэлли.

— Даже с риском для вашей.

В тот вечер Серси с Гаррисоном допоздна не покидали командный пункт, следя за послом. В голове Серси лихорадочно путались мысли.

Что погубило Альферна в космосе? Можно ли смоделировать это «нечто» и на Земле? Как это — «хаос таится»?

— Кто такой, по-вашему, посол? — спрашивал он Гаррисона. — Человек?

— Похож, — сонно отвечал Гаррисон.

— С виду похож, а на деле непохож. Интересно, каков его настоящий облик?

Гаррисон качал головой и раскуривал трубку.

— Что он собой представляет? — не унимался Серси. — С виду человек, но переображается во что угодно другое. Ничем его не проймешь — адаптируется. Как вода, принимает форму любого сосуда. Будем рассуждать логически. Посол изменяется. Но ведь индивидуальность-то его сохраняется. Сохраняется некая постоянная структура. Что-то в нем остается неизменным, какие бы метаморфозы он не претерпевал. Иначе он не мог бы возвращаться в прежний вид.

— Как тесемка, — произнес Гаррисон, не размыкая век.

— Конечно. Завяжи ее узлами, сплети в жгут, намотай на палец — она останется тесемкой.

— Да.

— Но как одолеть эту структуру? — спросил Серси. Отчего бы не поспать? К черту посла вместе с его колонизаторами, сейчас он, наконец, заснет.

— Проснитесь, полковник!

Серси через силу открыл глаза и посмотрел на Мэлли. Рядом самозабвенно храпел Гаррисон.

— Удалось?

— Нет, — признался Мэлли. — Философия произвела на него слишком глубокое впечатление. Правда, до конца она не подействовала. Дарриг знает, что раньше хотел уничтожить посла по достаточно веским причинам. Теперь его позиция изменилась, зато он чувствует, что предает нас. С одной стороны, он не может причинить вред послу, с другой — он не хочет причинить вред нам.

— И все же молчит?

— Боюсь, он безнадежно помешался. Столкнулись слишком сильные чувства.

Серси отвернулся — у него потемнело в глазах. Даже если Даррига можно вылечить, окажется слишком поздно. Сигнал посла будет принят, и на Землю хлынут пришельцы-колонизаторы.

— А это что? — спросил Серси.

— Клочок бумаги, на котором Дарриг что-то писал.

— «По зрелом размышлении я пришел к выводу, что хаос — Медуза Горгона», — прочел Серси.

— Похоже на бред шизофреника, — заключил психиатр.

— «По зрелом размышлении я пришел к выводу, что хаос — Медуза Горгона», — перечитал Серси. — Не может быть, — спросил он у Мэлли, — что Дарриг старался навести нас на решение? Что он сам себя обманывал, тайком от себя подсказывал нам ответ.

— Возможно, — согласился Мэлли. — Но что же означают эти слова?

— Согласно древнегреческой мифологии хаос — первоначальное состояние Вселенной, не так ли? Бесформенность, породившая мир?

— Вроде того, — сказал Мэлли. — А Медуза — одна из трех сестер с жуткими физиономиями.

Еще с секунду Серси вчитывался в запись. Хаос... Медуза... И закон упорядочивания! Конечно!

Серси с грехом пополам растолкал Гаррисона.

— Надо кос-что сконструировать, — сказал он, — и срочно. Вы меня слышите?

— Конечно. — Гаррисон похлопал глазами и встал. — Но зачем такая спешка?

— Я теперь знаю, что хотел сообщить Дарриг, — ответил полковник. — Идемте, я вам объясню, что от вас требуется. А вы, Мэлли, достаньте мне книгу по греческой мифологии. Да пошевеливайтесь.

В два часа ночи достать книгу по греческой мифологии — дело нелегкое. Мэлли вытащил букиниста из постели, получил книгу и заторопился назад.

У Серси были налитые кровью глаза и возбужденный вид. Гаррисон с подручным хлопотал над тремя неизвестными аппаратами. Серси выхватил у Мэлли книгу, нашел в оглавлении нужные страницы и, просмотрев их, отложил книгу в сторону.

— Великие люди были эти древние греки, — сказал он. — Теперь у нас все готово. А у вас, Гаррисон?

— Почти. — Гаррисон и десять его подручных монтировали последние детали. — Может, все-таки объясните, что вы затеяли?

— Я бы тоже хотел послушать, — ввернул Мэлли.

— Да нет здесь никаких тайн, — сказал Серси. — Просто время поджимает. Попозже все объясню. — Он встал. — А теперь разбудим посла.

С потолка на постель посла молнией метнулся электрический заряд. Посол исчез.

— Теперь он стал частью электронного потока, верно? — сказал Серси.

— Так он утверждает, — откликнулся Мэлли.

— Но в этом потоке он сохраняет костяк собственной структуры, — продолжал Серси. — Иначе он бы не мог вернуться в первоначальный облик. А теперь включим первый излучатель.

Гаррисон включил свое творение и отослал подручных.

— Вот осциллограмма электронного потока, — сказал Серси. — Замечаете разницу? — На экране с нерегулярными промежутками змеились и таяли пики и спады кривой. — Помните, вы загипнотизировали посла? Он проговорился тогда о своем друге, погибшем в космосе.

— Верно, — кивнул Мэлли. — Друга погубила какая-то неожиданность.

— Посол проговорился еще кое о чем, — продолжал Серси. — О том, что основной закон природы — закон упорядочивания — обычно не допускает таких происшествий. У вас это с чем-нибудь ассоциируется?

— Закон упорядочивания, — медленно повторил Мэлли. — Ведь Дарриг сказал, что это неизвестный нам закон природы.

— Сказал. Но последуйте примеру Даррига и подумайте, что это для нас значит. Если в природе есть какая-то упорядочивающая тенденция, то, следовательно, есть и тенденция противополо-

ложная, препятствующая упорядочиванию. А то, что препятствует упорядочиванию, называется...

— Хаос!

— Вот что сообразил Дарриг, и вот до чего должны были додуматься мы сами. В космическом пространстве есть места, где тенденция к упорядочиванию отступает перед хаосом. Альферн убедился в этом на собственном опыте. — Полковник обернулся к пульта. — Ладно, Гаррисон. Включай второй излучатель. — Зигзаги на экране изменили конфигурацию. Зубцы и спады затеяли бешеную бессмысленную пляску.

— Теперь возьмемся за запись Даррига. Медуза Горгона — нечто такое, на что нельзя смотреть. Помните, кто взглянет на нее, тот сразу окаменеет. А Дарриг нашел родство между хаосом и тем, на что нельзя смотреть. Применительно к послу, разумеется.

— Посол не выдержит встречи с хаосом! — вскричал Мэлли.

— В том-то и дело. Посол способен на бесконечное число изменений и превращений. Но что-то основное — некая тайная структура — не должна изменяться, иначе от посла ничего не останется. То, во что посол превращается, надо лишить малейших признаков какого бы то ни было порядка. Привести его в состояние хаоса.

Включили третий излучатель. Осциллограмма стала похожа на след пьяной гусеницы.

— Идею излучателя белого шума подал Гаррисон, — сказал Серси. — Я просто спустил задание: получить электрический ток, лишенный какой бы то ни было упорядоченности. Первый излучатель изменяет все основные характеристики электрического тока. Такое у него назначение: ввести бессистемность. Второй устраняет закономерность, случайно внесенную работой первого; третий устраняет закономерности, которые могли остаться после работы первых двух.

— Это аналогия хаоса? — спросил Мэлли, глядя на экран.

Бешено металась осциллограмма, завывала аппаратура. Но вот в кабине посла появилось какое-то туманное пятно. Оно колыхнулось, сжалось, расширилось...

Затем все вещи, оказавшиеся внутри пятна, исчезли.

— Отключить! — рявкнул Серси. Гаррисон повернул рубильник. Пятно продолжало расти.

— Растет! — простонал Мэлли.

— Производственный риск, — невозмутимо произнес Серси. — Всегда существует возможность, что хаос выйдет из-под контроля. Если это случится...

Пятно перестало расти. Его края колыхнулись, подернулись рябью, пятно начало сжиматься, а потом со взрывом исчезло.

— Закон упорядочения сработал, — сказал Серси и повалился в кресло.

— Посол не выдержал, — сказал Мэлли. — В полностью бес-

порядочном состоянии не сохраняется ни одна система. Посол отправился к своему Альферну. — Мэлли нервно рассмеялся.

— Ступайте-ка в отель, — сказал Серси, — и отоспитесь.

ПРИЗРАК-5

Грегори припал к дверному глазку.

— Читает вывеску, — оповестил он.

— Дай-ка гляну, — не выдержал Арнольд.

Грегори оттолкнул своего компаньона.

— Сейчас постучит... Нет, передумал. Уходит.

Арнольд вернулся к письменному столу и очередному пасьянсу. Вытянутая сухошавая физиономия Грегора стойко маячила у дверного глазка.

Глазок компаньоны врезали сами, со скуки месяца три спустя после того, как на паях основали фирму и сняли помещение под контору. С тех пор «ААА-ПОПС» (Астронавтическому антиэнтропийному агентству по оздоровлению природной среды) не перепало ни единого заказа, даром что в телефонном справочнике фирма значилась первой по счету. Глобальное оздоровление природной среды — давний, почтенный промысел — успели полностью монополизировать две крупные корпорации. Это обстоятельство сковывало руки маленькой и новой фирме, возглавляемой двумя молодыми людьми — обладателями искрометных идей и (в избытке) неоплаченного лабораторного оборудования.

— Возвращается, — зашипел Грегор. — Ну же, прикинься, будто ты важная птица и дел у тебя невпроворот!

Арнольд смел карты в ящик стола и только успел застегнуть последнюю пуговицу белого халата, как в дверь постучали.

Посетителем оказался лысый коротышка, не примечательный ничем, кроме изнуренного вида. Он с сомнением разглядывал компаньонов.

— Природную среду на планетах оздоравлиете?

— Оздоровляем, сэр. — Грегор отложил в сторону кипу бумаг и пожал влажную руку посетителя. — Я Ричард Грегор. А вот мой компаньон, доктор Фрэнк Арнольд.

Впечатляюще выраженный в белый халат и темные очки в роговой оправе, Арнольд рассеянно кивнул и тут же принялся вновь разглядывать на просвет старые пробирки, где давным-давно выпал осадок.

— Прошу, садитесь, мистер... э-э...

— Фернгром.

— Мистер Фернгром. Надеюсь, мы в силах справиться с любым вашим поручением, — радушно сказал Грегор. — Мы осуществляем контроль флоры и фауны, очищаем атмосферу, доводим питьевую воду до кондиции, стерилизуем почву, проводим

испытания на стабильность, регулируем вулканическую деятельность и землетрясения — словом, принимаем все меры, чтобы планета стала пригодна для жилья.

Фернгром по-прежнему пребывал в сомнении.

— Буду говорить начистоту. У меня на руках застряла сложная планета.

— К сложностям нам не привыкать, — самоуверенно кивнул Грегор.

— Я агент по продаже недвижимости, — пояснил Фернгром. — Знаете, там купишь планету, тут ее перепродашь — глядишь, все довольны и каждому что-нибудь да перепало. Вообще-то я занимаюсь бросовыми планетами, тамошнюю среду пускай оздоравливают сами покупатели. Но несколько месяцев назад мне по случаю подвернулась планетка высшего сорта — прямо-таки выхватил из-под носа у крупных воротил.

Фернгром горестно отер пот со лба.

— Прекрасное местечко, — продолжал он уже без всякого энтузиазма. — Среднегодовая температура плюс двадцать пять градусов. Планета гористая, но с плодородной почвой. Водопады, радуги, все честь честью. Причем никакого животного мира.

— Идеально, — одобрил Грегор. — А микроорганизмы есть?

— Не опасные.

— Так чем же вам не угодила планета?

Фернгром замялся.

— Да вы о ней, наверное, слышали. В официальном каталоге она значится под индексом ПКХ-5. Но все называют ее просто Призрак-5.

Грегор приподнял бровь. «Призрак» — странное прозвище для планеты, но доводилось слышать и похлеще. В конце концов надо же как-то именовать новые миры. Ведь в пределах досягаемости звездолетов кишмя кишат светила в сопровождении бесчисленных планет, причем многие заселены или пригодны к заселению. И масса людей из цивилизованного сектора космоса стремится колонизировать такие миры. Религиозные секты, политические меньшинства, философские общины и, наконец, просто пионеры космоса рвутся начать новую жизнь.

— Не припомню, — признался Грегор.

Фернгром конфузливо заерзал на стуле.

— Мне бы послушаться жены. Так нет же — полез в большой бизнес. Уплатил за Призрак вдесятеро против обычных своих цен, а он возьми да и застрянь мертвым капиталом.

— Да что же с ним неладно? — не выдержал Грегор.

— Похоже, там водится нечистая сила! — набравшись духу, выпалил Фернгром.

Оказывается, наспех произведя радиолокационное обследование планеты, Фернгром незамедлительно сдал ее в аренду фермерскому объединению с Дижона-6. На Призраке-5 высадился передовой отряд квартирьеров в составе восьмерых мужчин; суток

не прошло, как оттуда начали поступать бредовые радиодепеши о демонах, вампирах, вурдалаках и прочей враждебной людям нечисти.

К тому времени, как за злополучной восьмеркой прибыл звездолет, в живых не осталось ни одного квартирера. Протокол судебно-медицинского вскрытия констатировал, что рваные раны, порезы и кровоподтеки на трупах могли быть причинены кем угодно, даже демонами, вампирами, вурдалаками и динозаврами, буде таковые существуют в природе.

За недобросовестное оздоровление природной среды Фернгрона арестовали. Фермеры расторгли с ним договор на аренду. Но Фернгром изловчился сдать планету солнцепоклонникам с Опала-2.

Солнцепоклонники проявили осмотрительность. Отправили необходимое снаряжение, но сопровождать его поручили лишь троим, которые заодно должны были разведать обстановку. Эти трое разбили лагерь, распаковали вещички и провозгласили Призрак-5 сущим раем. Они радировали на родную планету: «Вылетайте скорее», — как вдруг раздался истошный вопль, и рация умолкла.

На Призрак-5 вылетел патрульный корабль; его экипаж захоронил три изувеченных трупа и ровно через пять минут покинул планету.

— Это меня доконало, — сознался Фернгром. — Теперь с Призраком никто ни за какие деньги не хочет связаться. Сажать там корабли звездолетчики наотрез отказываются. А я до сих пор не знаю, в чем беда.

Он глубоко вздохнул и посмотрел на Грегора:

— Вам и карты в руки, если возьметесь.

Извинившись, Грегор и Арнольд вышли в переднюю.

Арнольд торжествующе гикнул:

— Есть работенка!

— М-да, — процедил Грегор, — зато какая!

— Мы ведь и хотели поопаснее, — сказал Арнольд. — Расщелкаем этот орешек и все: считай, закрепились на исходных рубежах, не говоря уж о том, что нам положен процент от прибыли.

— Ты, видно, забываешь, — возразил Грегор, — что на планету-то отправлюсь я. А у тебя всего и забот — сидеть дома да осмысливать готовенькую информацию.

— Мы ведь так и договорились, — напомнил Арнольд. — Я ведаю научно-исследовательской стороной предприятия, а ты расхлебываешь неприятности. Забыл?

Грегор ничего не забыл. Так повелось с самого детства: он лезет в пекло, а Арнольд сидит дома да объясняет, почему и впредь надо лезть в пекло.

— Не нравится мне это, — сказал он.

— Ты что, веришь в привидения?

— Конечно, нет.

— А со всем остальным мы справимся. Кто не рискует, тот не выигрывает.

Грегор пожал плечами. Компаньоны вернулись к Фернгрому.

В полчаса сформулировали условия: добрая доля в прибылях от эксплуатации планеты — на случай успеха; — пункт о неустойке — на случай неудачи.

Грегор проводил Фернгрома до двери.

— А кстати, сэр, как вы догадались обратиться именно к нам? — спросил он.

— Больше никто не брался, — ответил Фернгром, чрезвычайно довольный собой. — Всего наилучшего.

Спустя три дня Грегор на грузовом звездолете-развалюхе уже направлялся к Призраку-5. В пути он коротал время за чтением докладов о двух попытках колонизации странной планеты и изучением самых разных свидетельств о сверхъестественных явлениях.

Легче от этого не становилось. На Призраке-5 не было обнаружено никаких следов животной жизни. А доказательств существования сверхъестественных тварей не найдено во всей Галактике.

Все это Грегор хорошенько обдумал, а затем, покуда корабль совершал витки вокруг Призрака-5, проверил свое оружие. Он захватил с собой целый арсенал, достаточный, чтобы развязать форменную войну и победить в ней.

Если только будет в кого палить...

Грузовое судно зависло в нескольких тысячах футов над манящей зеленой поверхностью планеты, причем сократить расстояние хоть на йоту капитан отказался наотрез. На парашютах Грегор сбросил багаж туда, где были разбиты два предыдущих лагеря, после чего пожал руку капитану и прыгнул с парашютом сам.

Совершив «приземление», он поглядел вверх. Грузовое судно улепетывало в космос с такой быстротой, словно за ним по пятам гнались все фурии ада.

Грегор остался на Призраке-5 один-одинешенек.

Проверив, как перенесло спуск оборудование, он дал Арнольду радиограмму о благополучном прибытии. Потом, с бластером наизготовку, обошел лагерь солнцепоклонников.

Те собирались обосноваться у подножия горы, возле кристально чистого озера. Лучших сборных домиков нельзя было и желать. Их не коснулась непогода — Призрак-5 отличался благословенно ровным климатом. Однако выглядели домики на редкость сиротливо.

Один из них Грегор обследовал с особой тщательностью. По ящикам комодов было аккуратно разложено белье, на стенах висели картины, одно окно было даже задернуто шторой. В углу комнаты приткнулся раскрытый сундук с игрушками, припасенными для детишек: те должны были прибыть с основной партией переселенцев.

На полу валялись водяной пистолет, волчок и пакет со стеклянными шариками.

Близился вечер. Грегор перетащил в облюбованный домик все свое снаряжение и занялся подготовкой к ночлегу. Задействовал систему охраны — даже таракан не мог проскочить сквозь экран, не вызвав сигнала тревоги. Включил радарную установку для охраны подступов к домику. Распаковав свой арсенал, уложил под рукой крупнокалиберные пистолеты, а бластер прицепил к поясу. Только тогда, успокоенный, Грегор не торопясь поужинал.

Между тем вечер сменился ночью. Теплую сонную местность окутала тьма. Легкий ветерок взъерошил поверхность озера и зашелестел в высокой траве.

Как нельзя более мирное зрелище.

Грегор пришел к выводу, что переселенцы были истериками. Скорее всего, они сами, впад в беспричинную панику, перебили друг друга.

Последний раз проверив систему охраны, Грегор швырнул одежду на стул, погасил свет и забрался в постель. В комнату заглядывали звезды, здесь они светили ярче, чем над Землей Луна. Под подушкой лежал бластер. Все в мире было прекрасно.

Только Грегор задремал, как почувствовал, что в комнате не один.

Немыслимо. Ведь сигнализация охранной системы не срабатывала. Да и радиолокатор гудит по-прежнему мирно.

И все же каждый нерв в теле до предела натянут...

Грегор выхватил бластер и огляделся по сторонам.

В углу комнаты — кто-то чужой.

Ломать голову над тем, как он сюда попал, было некогда. Грегор направил бластер в незнакомца и тихим решительным голосом произнес:

— Так, а теперь — руки вверх.

Незнакомец не шелохнулся.

Палец Грегора напрягся на спуске, но тут же расслабился. Грегор узнал незнакомца: это же его собственная одежда, брошенная на стул, искаженная звездным светом и его, Грегора, воображением.

Он оскалил зубы в усмешке и опустил бластер. Груда одежды чуть примерно зашевелилась. Ощущая легкое дуновение ветерка от окна, Грегор не переставал ухмыляться.

Но вот груда одежды поднялась со стула, потянулась и целеустремленно зашагала к Грегору.

Оцепенев, он смотрел, как надвигается на него бестелесная одежда. Когда она достигла середины комнаты и к Грегору потянулись пустые рукава, он принялся палить.

И все палил и палил, ибо лоскуты и лохмотья тоже норовили вцепиться в него, будто обрели самостоятельную жизнь. Тлеющие клочки ткани пытались облепить лицо, ремень норовил обвиться

вокруг ног, пришлось все испепелить; только тогда атака прекратилась.

Когда сражение окончилось, Грегор зажег все до единого светильники. Он сварил кофе и вылил в кофейник чуть ли не целую бутылку бренди. Каким-то образом он устоял против искушения — не разнес вдребезги бесполезную систему охраны. Зато связался по рации со своим компаньоном.

— Весьма занятно, — сказал Арнольд, после того как Грегор ввел его в курс событий. — Одушевление! Право же, в высшей степени занятно.

— Я вот и надеялся, вдруг это тебя позабавит, — с горечью откликнулся Грегор. После изрядной дозы бренди он чувствовал себя покинутым и ущемленным.

— Больше ничего не случилось?

— Пока нет.

— Ну, береги себя. Появилась тут у меня одна идея. Надо только сделать кое-какие расчеты. Между прочим, тут один сумасшедший букмекер принимает ставки против тебя — пять к одному.

— Быть того не может!

— Честное слово. Я поставил.

— За меня играл или против? — встрепснулся Грегор.

— Конечно, за тебя, — возмутился Арнольд. — Ведь мы же, кажется, компаньоны?

Они дали отбой, и Грегор вскипятил второй кофейник. Спать ночью он все равно не собирался. Одно утешение — Арнольд все же поставил на него. Правда, Арнольд вечно ставит не на ту лошадку.

Уже при свете дня Грегор с грехом пополам на несколько часов забылся в беспокойном сне. Проснулся он вскоре после полудня, оделся с головы до ног во все новенькое и пошел обыскивать лагерь солнцепоклонников.

К вечеру он кое-что обнаружил. На стене одного из сборных домиков было наспех нацарапано слово «Тгасклит». Т-г-а-с-к-л-и-т. Для Грегора слово это было всего лишь пустым сочетанием нелепых звуков, но он тотчас же сообщил о нем Арнольду.

Затем внимательнейшим образом обшарил свой домик, включил все освещение, задействовал систему охраны и перезарядил бластер.

Казалось бы, все в порядке. Грегор с сожалением проводил глазами заходящее солнце, упоая на то, что доживет до восхода. Потом устроился в уютном кресле и решил поразмыслить.

Итак, животной жизни на планете нет, так же как нет ни ходячих растений, ни разумных минералов, ни исполинских мозгов, обитающих где-нибудь в тверди Призрака-5. Нет даже луны, где могло бы притаиться подобное существо.

А в привидения Грегор не верил. Он знал, что при кропотливом исследовании все сверхъестественные явления сводятся к событиям сугубо естественным. А уж если не сводятся, то сами собой прекращаются. Какой призрак решит топтаться на месте и, стало быть, лезть на глаза неверующему? Как только в замке появляется ученый с кинокамерой и магнитофоном, привидение удаляется на покой.

Значит, остается другой вариант. Предположим, кому-то приглянулась планета, но этот «кто-то» не расположен платить назначенную Фернгромом цену. Разве не может этот «кто-то» затаиться здесь, на облюбованной им планете, и, дабы сбить цену, запугивать и убивать переселенцев?

Получается логично. Можно даже объяснить поведение одежды. Статическое электричество...

Перед Грегором воздвигалась какая-то фигура. Как и вчера, система охраны не сработала.

Грегор медленно поднял взгляд. Некто, стоящий перед ним, достигал десяти футов в высоту и походил на человека, но только с крокодильей головой. Туловище у него имело малиновый окрас с поперечными вишневыми полосами. В лапе чудище сжимало здоровенную коричневую жестянку.

— Привет, — поздоровалось оно.

— Привет, — сказал Грегор, сглотнув слюну. Бластер лежит на столе, всего в каких-то двух футах. Интересно, перейдет ли чудище в нападение, если потянуться за бластером?

— Как тебя звать? — спросил Грегор со спокойствием, возможным разве только в состоянии сильнейшего шока.

— Я Хват-Раковая Шейка, — представилось чудище. — Хватаю всякие вещи.

— Как интересно! — рука Грегора поползла в сторону бластера.

— Хватаю вещи, именуемые Ричард Грегор, — весело и бесхитростно продолжало чудище, — и поедаю обычно в шоколадном соусе.

Чудище протянуло Грегору жестянку, и тот прочел на этикетке: «Шоколад «Смига» — превосходный соус к Грегорам, Арнольдам и Флиннам». Пальцы Грегора сомкнулись на бластере. Он уточнил:

— Так ты меня съесть намерен?

— Безусловно, — заверил Хват.

Но Грегор успел завладеть оружием. Он оттянул предохранитель и открыл огонь. Прошив грудь Хвата, заряд опалил пол, стены, а заодно и брови Грегора.

— Меня так не проймешь, — пояснил Хват, — чересчур я высокий. Бластер выпал из пальцев. Хват склонился над Грегором...

— Сегодня я тебя не съем, — предупредил он.

— Не съешь? — выдавил из себя Грегор.

— Нет. Съесть тебя я имею право только завтра, первого мая. Таковы условия. А сейчас я просто зашел попросить тебя об одной услуге.

— Какой именно?

Хват заискивающе улыбнулся.

— Будь умником, полакомься хотя бы пятком яблок, ладно? Яблоки придают такой дивный привкус мясу!

С этими словами полосатое чудище исчезло.

Дрожащими руками Грегор включил рацию и обо всем рассказал Арнольду.

— Гм, — откликнулся тот, — Хват-Раковая Шейка, вон оно что! По-моему, это решающее доказательство. Все сходится.

— Да что сходится-то? Что здесь творится?

— Сначала сделай-ка все так, как я прошу. Мне надо самому толком убедиться.

Повинуясь инструкциям Арнольда, Грегор распаковал лабораторное оборудование, извлек всевозможные пробирки, реторты и реактивы. Он смешивал, сливал и переливал, как было велено, а под конец поставил смесь на огонь.

— Есть, — сказал он, вернувшись к рации, — а теперь объясни-ка, что здесь происходит.

— Пожалуйста. Отыскал я в словаре твой «тгасклит». В опалианском. Слово это означает «многозубый призрак». Солнцепоклонники-то родом с Опала. Тебе это ни о чем не говорит?

— Их поубивал отечественный призрак, — не без ехидства ответил Грегор. — Должно быть, прокатился зайцем в их же звездолете. Вероятно, над ним тяготело проклятие, и...

— Успокойся, — перебил Арнольд. — Призраки тут ни при чем. Раствор пока не закипел?

— Нет.

— Скажешь, когда закипит. Так вот, вернемся к ожившей одежде. Тебе она ни о чем не напоминает?

Грегор призадумался.

— Разве что о детстве... — проговорил он. — Да нет, это же курам на смех.

— Ну-ка, выкладывай, — настаивал Арнольд.

— Мальчишкой я избегал оставлять одесду на стуле. В темноте она вечно напоминала мне чужого человека, то дракона, то еще какую-нибудь пакость. В детстве, наверное, каждый такое испытывал. Но ведь этим не объяснишь...

— Еще как объяснишь! Вспомнил теперь Хвата-Раковую Шейку?

— Нет. А с чего бы я его теперь вспомнил?

— Да с того, что ты же его и выдумал! Помнишь? Нам было лет по восемь-девять — тебе, мне и Джимми Флинну. Мы выдумали самое жуткое чудище, какое только могли представить; Чудище было наше персональное, желало слопать только тебя, меня или Джимми и непременно под шоколадным соусом. Однако право

на это оно имело исключительно по первым числам каждого месяца, когда мы приносили домой школьные отметки. Избавиться от чудища можно было только одним способом: произнеся волшебное слово.

Тут Грегор действительно вспомнил и удивился, как бесследно все улетучивается из памяти. Сколько ночей напролет не смыкал он глаз в ожидании Хвата! По сравнению с тогдашними ночными страхами плохие отметки казались сущей чепухой.

— Кипит раствор? — спросил Арнольд.

— Да, — послушно бросив взгляд на реторту, сказал Грегор.

— Какого он цвета?

— Зеленовато-синего. Собственно, скорее в синеву, чем...

— Все правильно. Можешь выливать. Нужно будет поставить еще кое-какие опыты, но в общем-то орешек мы раскусили.

— То есть как раскусили? Может, все-таки объяснишь толком?

— Да это же проще простого. Животная жизнь на планете отсутствует. Отсутствуют и привидения — по крайней мере, настолько могущественные, что способны перебить отряд вооруженных мужчин. Сама собою напрашивается мысль о галлюцинациях, вот я и стал выяснять, что же могло их вызвать. Оказывается, многое. Помимо земных наркотиков, в «Каталоге инопланетных редкоземельных элементов» перечислено свыше десятка галлюциногенных газов. Есть там и депрессанты, и стимуляторы; едва вдохнешь — сразу вообразишь себя гением, червем или орлом. А этот, судя по твоему описанию, соответствует газу, который в каталоге фигурирует как лонгстед-42. Тяжелый, прозрачный газ без запаха, физиологически безвреден. Стимулирует воображение.

— Значит, по-твоему, я жертва галлюцинаций? Да уверяю тебя...

— Не так все просто, — прервал его Арнольд. — Лонгстед-42 воздействует непосредственно на подсознание. Он растормаживает самые острые подсознательные страхи, оживляет все то, чего ты в детстве панически боялся и что с тех пор в себе подавлял. Одушевляет страхи. Вот это ты и видел.

— А на самом деле там ничего и нет? — переспросил Грегор.

— Никаких физических тел. Но галлюцинации достаточно реальны для того, кто их ощущает.

Грегор потянулся за непочатой бутылкой бренди. Такую новость следовало обмыть.

— Оздоровить Призрак-5 нетрудно, — уверенно продолжал Арнольд. — Без особых хлопот переведем лонгстед-42 в связанное состояние. А там — богатство!

Грегор предложил было тост, как вдруг его пронизала холодящая душу мысль:

— Если это всего лишь галлюцинация, то что же случилось с переселенцами?

Арнольд ненадолго умолк.

— Допустим, — сказал он наконец, — у лонгстеда есть тенденция стимулировать мортидо — волю к смерти. Переселенцы, скорее всего, походили с ума. Поубивали друг друга.

— И никто не уцелел?

— Конечно, а что тебя удивляет? Последние из выживших покончили с собой или же скончались от увечий. Да ты о том меньше всего тревожся. Я без промедления фрактую корабль и вылетаю для проведения опытов. Успокойся. Через денек-другой выведу тебя оттуда.

Грегор дал отбой. На ночь он позволил себе допить бутылку бренди. Разве ему не причитается? Тайна Призрака-5 раскрыта, компаньонов ждет богатство. Скоро и Грегор в состоянии будет нанимать людей, пускай высаживаются на неведомых планетах, а уж он берется инструктировать их по радио.

Назавтра он проснулся поздно, с тяжелой головой. Корабль Арнольда еще не прибыл; Грегор упаковал оборудование и уселся в ожидании. К вечеру корабля все не было. Грегор посидел на пороге, полюбовался закатом, потом вошел в домик и приготовил себе ужин.

На душе все еще было тяжело из-за неразгаданной тайны переселенцев, но Грегор решил попусту не волноваться. Наверняка отыщется убедительное объяснение.

После ужина он прилег на койку и только смежил веки, как услышал деликатное покашливание.

— Привет, — поздоровался Хват-Раковая Шейка.

Персональная, глубоко интимная галлюцинация вернулась с гастрономическими намерениями!

— Привет, дружище, — радостно откликнулся Грегор, не испытывая даже тени страха или тревоги.

— Яблочками-то подкормился?

— Ох, извини. Упустил из виду.

— Ну, не беда. — Хват старательно скрывал свое разочарование. — Я прихватил шоколадный соус. — Он взболтнул жестянку.

Грегор расплылся в улыбке.

— Иди гуляй, — сказал он. — Я ведь знаю, ты всего-навсего плод моего воображения. Причинить мне вред ты бессилён.

— Да я и не собираюсь причинять тебе вред, — утешил Хват. — Я тебя просто-напросто съем.

Он приблизился. Грегор сохранял на лице улыбку и не двигался, хотя Хват на этот раз выглядел уж слишком плотоядно. Хват склонился над койкой и для начала куснул Грегора за руку.

Вскочив с койки, Грегор осмотрел якобы укушенную руку. На руке остались следы зубов. Из ранки сочилась кровь... вправдашняя... его, Грегора, кровь.

Кусал же кто-то колонистов, терзал их, рвал в клочья и потрошил.

Тут же Грегору вспомнился виденный однажды сеанс гипноза. Гипнотизер внушил испытуемому, что прижмет ему руку горячей сигаретой, а прикоснулся кончиком карандаша.

За считанные секунды на руке у испытуемого злобещим багровым пятном вздулся волдырь: испытуемый *уверовал*, будто пострадал от ожога. Если твое подсознание считает тебя мертвым, значит, ты покойник. Если оно страдает от укусов — укусы нализо.

Грегор в Хвата не верит.

Зато верит его подсознание.

Грегор шмыгнул было к двери. Хват преградил ему дорогу. Стиснул в мощных лапах и приник к шее.

Волшебное слово! Но какое же?

— Альфойсто! — выкрикнул Грегор.

— Не то слово, — сказал Хват. — Пожалуйста, не дергайся.

— Регнастикио!

— Нетушки. Перестань лягаться, и все пройдет, не будет боль...

— Вуоршпельхапилио!

Хват истошно заорал от боли и выпустил жертву. Высоко подпрыгнув, он растворился в воздухе.

Грегор бессильно плюхнулся на ближайший стул. Чудом спасся. Ведь был на волосок от гибели! Ну и дурацкая же смерть выпала бы ему на долю! Это же надо — чтобы тебя прикончило собственное воображение! Хорошо еще, слово вспомнил. Теперь лишь бы Арнольд поторапливался...

Послышался сдавленный ехидный смешок.

Он исходил из мглы полуотворенного стенного шкафа и пробудил почти забытое воспоминание. Грегору девять лет, и Тенепопятам — его личный Тенепопятам, тварь тощая, мерзкая, диковинная — прячется в дверных проемах, ночует под кроватью, нападает только в темноте.

— Погаси свет, — распорядился Тенепопятам.

— И не подумаю, — заявил Грегор, выхватив бластер. Пока горит свет, Тенепопятам не опасен.

— Добром говорю, погаси, не то хуже будет!

— Нет!

— Ах, так? Иген, Миген, Диген!

В комнату прошмыгнули три тварюшки. Они стремительно накинулись на электролампочки и принялись с жадностью грызть стекло.

В комнате заметно потемнело.

Грегор стал палить по тварюшкам. Но они были так проворны, что увертывались, а лампочки разлетались вдребезги.

Тут Грегор понял, что натворил. Не могли ведь тварюшки погасить свет! Неодушевленные предметы воображению не подвластны. Грегор *вообразил*, будто в комнате темнеет, и...

Собственноручно перебил все лампочки! Подвело собственное разрушительное подсознание.

Тут-то Тенепопятам почуял волю. Перепрыгивая из тени в тень, он подбирался к Грегору.

Бластер не поможет. Грегор отчаянно пытался подобрать волшебное слово... и с ужасом вспомнил, что Тенепопятам никаким волшебным словом не проймешь.

Грегор все пятился, а Тенепопятам все наступал, но вот путь к отступлению преградил сундук. Тенепопятам горой навис над Грегором, тот съезжился, зажмурил глаза.

И тут рука его наткнулась на какой-то холодный предмет. Оказывается, Грегор прижался к сундуку с игрушками, а в руке сжимал теперь водяной пистолет.

Грегор поднял его. Тенепопятам отпрянул, опасливо косясь на оружие.

Грегор метнулся к крану и зарядил пистолет водой. Потом направил в чудище смертоносную струю.

Взрыв в предсмертной муке, Тенепопятам исчез.

С натянутой улыбкой Грегор сунул пистолет за пояс.

Против воображаемого чудища водяной пистолет — самое подходящее оружие.

Перед рассветом произвел посадку звездолет, откуда вылез Арнольд. Не теряя времени, он приступил к своим опытам. К полудню все было завершено, и элемент удалось четко идентифицировать как лонгстед-42. Арнольд с Грегором поспешно уложили вещички и стартовали с планеты.

Едва очутившись в открытом космосе, Грегор поделился с компаньоном недавними впечатлениями.

— Сурово, — тихонько, но сочувственно произнес Арнольд.

Теперь, благополучно распрощавшись с Призраком-5, Грегор в состоянии был улыбнуться скромной улыбкой героя.

— Могло быть и хуже, — заявил он.

— Уж куда хуже?

— Представь, что туда затесался бы Джимми Флинн. Вот кто действительно умел выдумывать страшилищ. Ворчучело помнишь?

— Помню только, что из-за него по ночам меня преследовали кошмары, — ответил Арнольд.

Звездолет несли к Земле. Арнольд набрасывал заметки для будущей научной статьи «Инстинкт смерти на Призраке-5: роль истерии, массовых галлюцинаций и стимуляции подсознательного в возникновении физиологических изменений». Затем он отправился в кабину управления — задать курс автопилоту.

Грегор рухнул на койку, преисполненный решимости наконец-то отоспаться. Только он задремал, как в каюту со смертельно бледным от страха лицом ворвался Арнольд.

— Мне кажется, в кабине управления кто-то есть, — пролепетал он.

Грегор сел на койке.

— Никого там не может быть. Мы ведь оторвались...

Из кабины управления донесся рык.

— Боже! — ахнул Арнольд. — Все ясно. После посадки я не стал заdraивать воздушный шлюз. Мы по-прежнему дышим воздухом Призрака-5!

А на пороге каюты возник серый исполин, чья шкура была испещрена красными крапинками. Исполин был наделен неисчислимым множеством рук, ног, щупалец, когтей и клыков да еще двумя крылышками впридачу. Страшилище медленно надвигалось, постанывая и бормоча что-то неодобрительное.

Оба признали в нем Ворчучело.

Грегор рванулся вперед и перед носом у страшилища захлопнул дверцу.

— Здесь нам ничто не грозит, — пропыхтел он. — Дверь герметизирована. Но как мы станем управлять звездолетом?

— А никак, — ответил Арнольд. — Доверимся автопилоту... пока не надумаем, как прогнать эту образину.

Однако сквозь дверь стал просачиваться легкий дымок.

— Это еще что? — воскликнул Арнольд почти в панике.

Грегор насупился.

— Неужто не помнишь? Ворчучело проникает в любое помещение. Против него запоры бессильны.

— Да я о нем все позабыл начисто, — признался Арнольд. — Оно что, глотает людей?

— Нет. Насколько я помню, только изжевывает в кашу.

Дымок сгустался, принимая очертания исполинской серой фигуры Ворчучела. Друзья отступили в соседнюю камеру и заперли за собой следующую дверь. Несколько секунд не прошло, как дым просочился и туда.

— Какая нелепость, — заметил Арнольд, кусая губы. — Дать себя затравить вымышленному чудовищу... Стой-ка! Водяной пистолет еще при тебе?

— Да, но...

— Давай сюда!

Арнольд зарядил пистолет водой из анкера. Тем временем Ворчучело вновь успело материализоваться и тянулось к друзьям, недовольно постанывая. Арнольд окропил его стружкой воды.

Ворчучело по-прежнему наступало.

— Вспомни! — воскликнул Грегор. — Никто никогда не оставлял Ворчучело водяным пистолетом.

Отступили в следующую каюту и захлопнули за собой дверь. Теперь друзей отделял от ледящего космического вакуума только кубрик.

— Нельзя ли как-нибудь профильтровать воздух? — поинтересовался Грегор.

— Чужеродные примеси и так потихоньку уходят вместе с отработанным воздухом, но действие лонгстеда длится часов двадцать.

— А нет ли противоядия?

— Никакого.

Ворчучело снова материализовалось, снова проделывало это отнюдь не молча и уж совсем не любезно.

— Как же его изгнать? — волновался Арнольд. — Есть же какой-то способ! Волшебное слово? Или деревянный меч?

Теперь покачал головой Грегор.

— Я все-таки вспомнил, — ответил он скорбно.

— И чем же его можно прогнать?

— Его не одолеешь ни водяным пистолетом, ни пугачом, ни рогаткой, ни хлопушкой, ни бенгальскими огнями, ни дымовой шашкой, — словом, детский арсенал исключен. Ворчучело абсолютно неистребимо.

— Ох уж этот Флинн и его неугомонная фантазия! Так как же все-таки избавиться от Ворчучела?

— Я же говорю — никак. Оно должно уйти по доброй воле.

А Ворчучело успело вырасти во весь свой гигантский рост. Грегор с Арнольдом шарахнулись в кубрик и захлопнули за собой последнюю дверь.

— Думай же, Грегор, — взмолился Арнольд. — Ни один мальчишка не станет выдумывать чудище, не предусмотрев от него хоть какой-то защиты!

— Ворчучело не прикончишь, — твердил свое Грегор.

Вновь начинало явственно вырисовываться красно-крапчатое чудище. Грегор перебирал в памяти все свои полночные страхи.

И тут (еще чуть-чуть — и стало бы поздно) все ожило в памяти.

Управляемый автопилотом, корабль мчался к Земле. Ворчучело чувствовало себя на борту полновластным хозяином. Оно вышагивало взад-вперед по пустынным коридорам, просачивалось сквозь стальные переборки в каюты и грузовые отсеки, стеноло, ворчало и ругалось последними словами, не находя себе ни единой жертвы.

Звездолет достиг Солнечной системы и автоматически вышел на окололунную орбиту.

Грегор осторожно глянул в щелочку, готовый в случае необходимости мгновенно снова нырнуть в укрытие. Однако зловещего шарканья ног не было слышно, и ни под дверцей, ни сквозь переборки не просачивался оголодавший туман.

— Все спокойно, — крикнул он Арнольду. — Ворчучела как не бывало.

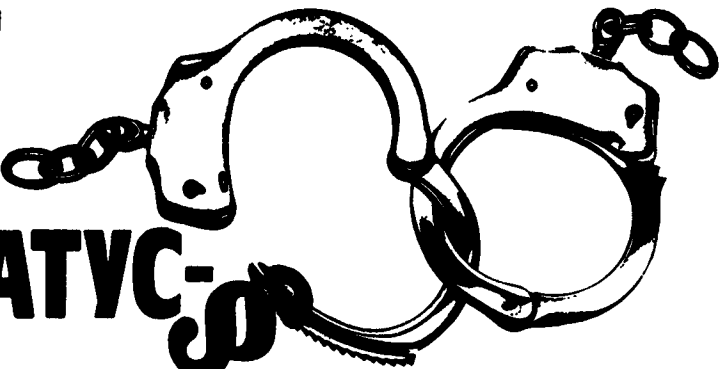
Друзья прибегли к самому верному средству против ночных страхов — забрались с головой под одеяла.

— Говорил же я, что водяной пистолет тут ни к чему, — сказал Грегор.

Арнольд одарил его кривой усмешкой и спрятал пистолет в карман.

— Все равно, оставляю на память. Если женюсь да если у меня родится сын, это ему будет первый подарок.

— Нет уж, своему я припасу кое-что получше, — возразил Грегор и с нежностью похлопал по одеялу. — Вот она — самая надежная защита: одеяло над головой.

СТАТУС- ЦИВИЛИЗАЦИЯ

ГЛАВА 1

Он приходил в сознание медленно и болезненно. Это было путешествие, которое проходило долгое время. Он грезил. Он пробирался через толстые пласты сна из воображаемого начала всего сущего. Он поднимался псевдоподом из начальной тины, и этот псевдопод был им. Он стал амебой, которая содержала его сущность, потом рыбой, отмеченной печатью индивидуальности, потом обезьяной, непохожей на других обезьян. И наконец он стал человеком.

Каким человеком? Он смутно видел себя, безликого, с крепко сжатым в руке лучемером и труп у своих ног. Вот таким человеком.

Он проснулся, протер глаза и стал ждать дальнейшего возвращения памяти.

Он ничего не вспомнил, даже своего имени.

Он поспешно сел и приказал памяти вернуться. Когда она не вернулась, он огляделся, ища в окружающих предметах какой-либо ключ к своей личности.

Он сидел на кровати в маленькой серой комнате. В одной из стен была закрытая дверь. В другой, сквозь занавешенный альков, он увидел крошечный санузел. Свет падал в комнату из какого-то скрытого источника, возможно, через потолок. В комнате была кровать, единственный стул и больше ничего.

Он потер рукой подбородок и закрыл глаза. Он попытался разобраться в том, что знал, и намеках на то, что означает это знание. Он знал, что был человеком, хомо сапиенс, обитателем планеты Земля. Он говорил на английском языке (значит, существуют и другие языки?), он знал названия элементарных вещей: комната, свет, стул. Он обладал вдобавок ограниченным количеством общих знаний.

Он знал, что было много важных вещей, которых сейчас он не знал, но которые знал раньше.

Со мной, должно быть, что-то случилось.

Это что-то могло быть и хуже. Если бы дело зашло чуть дальше, он мог бы остаться бессловесной тварью совсем без мозгов, без языка, не зная, что он мужчина, землянин. Соответствующее количество знаний было ему оставлено.

Но когда он попытался выйти за пределы имеющихся у него фактов, он провалился в темную, наполненную ужасом область. **ХОДА НЕТ.** Исследование его памяти было столь опасным, как... путешествие куда? Он не мог найти аналога, хотя подозревал, что существовали многие.

Я, должно быть, был болен.

Это было единственным доступным объяснением. Он был человеком с воспоминанием о памяти. Он, должно быть, когда-то имел бесценные богатства памяти, выводы о которых он мог сделать только по ограниченному количеству, имевшимся в его распоряжении. Когда-то у него были специфические знания о птицах, друзьях, семье, положении, возможно, о жене. Сейчас он мог только строить о них догадки. Некогда он мог сказать: это похоже на то-то или напоминает что-то. Сейчас ничего не вспоминалось ему, и вещи казались ему похожими друг на друга. Он потерял много сил, противопоставляя и сравнивая. Он не мог. Он не мог больше анализировать настоящее в терминах пережитого прошлого.

Это, должно быть, госпиталь.

Конечно. Он был существом, которое держали в этой палате, добрые доктора возвращали обратно его память, восстанавливая аппарат суждений, чтобы сказать ему, кем и чем он был. Это было очень благородно с их стороны, он чувствовал, как слезы благодарности наворачиваются ему на глаза.

Он встал и медленно обошел маленькую комнату. Он прошел к двери и нашел ее запертой. Эта закрытая дверь на мгновение привела его в панику, которую он тут же строго подавил. Возможно, он был буйным.

Хорошо, но он больше не будет буйным. Они это увидят. Тогда они удостоят всевозможными привилегиями этого своего пациента. Он должен поговорить об этом с доктором.

Он ждал. Прошло много времени, прежде чем он услышал шаги, приближающиеся по коридору к его двери. Он сел на край койки и вслушался, пытаясь подавить возбуждение.

Шаги по ту сторону двери смолкли. Панель окошечка скользнула в сторону, и в отверстии показалось лицо.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил человек.

Он подошел к окошечку и увидел, что человек, спрашивающий его, был одет в коричневую форму. На его талии висел предмет, который он после минутной задержки отождествил с оружием. У него было заурядное непроницаемое лицо.

— Вы могли бы сказать мое имя? — спросил он у охранника.
— Называй себя 402, — ответил тот. — Это номер твоей камеры.

— 402?

Ему это не понравилось. Но «402» было все же лучше, чем ничего. Он снова спросил:

— Я долго был болен? Мне стало лучше?

— Да, — ответил охранник голосом убеждения. — Самое главное — веди себя тихо. Подчиняйся правилам. Это самый лучший путь.

— Конечно, — сказал 402. — Но почему я не могу ничего вспомнить?

— Ну так и полагается, — ответил охранник и пошел прочь.

402 позвал его:

— Подождите! Вы не можете так бросить меня, вы должны сказать мне. Почему я в госпитале?

— В госпитале? — переспросил охранник. Он повернулся к 402 и ухмыльнулся. — Откуда у тебя взялась мысль, что ты в госпитале?

— Я так думаю, — сказал 402.

— Твое предположение не верно. Это тюрьма.

402 вспомнил свой сон об убийстве человека. Сон или воспоминание? С отчаянием он вновь окликнул охранника:

— В чем моя вина? Что я сделал?

— Узнаешь, — ответил охранник.

— Когда?

— После приземления, — сказал охранник. — А теперь готовься к собранию.

Он ушел. 402 сел на кровать и попытался все обдумать. Он узнал немного нового. Он был в тюрьме, и тюрьма должна была приземлиться! Что это за собрание?

402 имел смутное представление о том, что случилось дальше. Прошла неизмеримая пауза. Он сидел на своей кровати и пытался сложить два новых факта о себе. Внезапные звонки испугнули его. А потом дверь камеры открылась, взлетев вверх.

Почему это? Что бы это значило?

402 подошел к двери и выглянул в коридор. Он был очень возбужден, но ему не хотелось покидать безопасную камеру. Он ждал до тех пор, пока не подошел охранник.

— Все в порядке, — сказал охранник. — Никто не причинит тебе ничего плохого. Иди прямо по коридору.

Охранник мягко подтолкнул его. 402 осторожно пошел вниз по коридору. Он видел открытые двери других камер, другие люди выходили в коридор. Сперва он шел в узком потоке, но чем дальше он продолжал идти, тем все больше и больше людей собиралось в

коридоре. Большинство из них смотрело удивленно, но никто из них не говорил. Слышались только приказы охранников:

— Двигайтесь дальше, соблюдайте дистанцию, прямо вперед!

Они вошли в большую круглую аудиторию. 402 увидел, что всю аудиторию опоясывает балкон, на котором через каждые несколько ярдов стояли вооруженные охранники. Стражи казались лишними — трусливые и изумленные арестанты не могли поднять бунта. Он полагал, что мрачные лица охранников были символичны. Они напоминали проснувшимся людям самый важный факт их новой жизни: они были заключенными.

Через несколько минут на трибуну вышел человек в зловещей форме. Он поднял руку, призывая к вниманию, хотя заключенные и так неподвижно смотрели на него. Затем, подумав, он заговорил, и хотя у него не было никаких видимых средств усиления, его голос загремел над аудиторией.

— Это напутственная беседа, — сказал он. — Слушайте внимательно и попытайтесь усвоить то, что я скажу вам. Эти знания будут очень важными для вашего дальнейшего существования!

Заключенные смотрели на него. Он продолжал:

— Все вы в течение последнего часа проснулись в камерах. Вы открыли, что не помните своей жизни — даже своих имен. Все вы владеете скудным запасом общих знаний, чтобы удерживать вас в контакте с реальностью. Я не прибавлю вам знаний. Всех вас, если бы вы вернулись на Землю, считали бы злыми развратными преступниками. Вы были бы людьми наихудшего сорта, людьми, которые лишались всякого права на снисхождение государства. В непросвещенные века вас должны были бы казнить. В наш век вас сослали.

Говоривший поднял руку, когда по толпе прошла волна шепота. Он продолжал:

— Все вы — преступники. И у всех вас одна общая черта: вы не способны повиноваться человеческим законам. Эти законы необходимы для функционирования цивилизации. Не повинувшись им, вы совершили преступление против всего человечества. Из-за этого неповиновения вы отвергнуты. Вы — песок в механизме цивилизации, поэтому вы отправлены в мир, где общество состоит из вас подобных. Там вы сможете создать свои собственные законы и жить по ним. Там осуществится ваше самое большое желание — ничем не сдерживаемая свобода, разрушающая свобода роста раковой опухоли.

Говоривший вытер лоб и бросил проникновенный, серьезный взгляд на заключенных.

— Но, наверное, — сказал он, — для некоторых из вас возможна реабилитация. Омега — планета, на которую мы летим — ваша планета, где правят только заключенные. Этот мир является как раз таким, где вы можете начать здоровую, без всяких предубеждений жизнь с чистым личным делом. Вы забыли прошлую жизнь. Не пытайтесь ее вспомнить. Такие воспоминания

послужат только стимулированию заново ваших преступных наклонностей. Считайте себя заново родившимися с того момента, как вы проснулись в камерах.

Оратор говорил медленно, размеренно и с гипностатическим эффектом. 402 слушал, перед его глазами все расплылось, невидящими глазами он уставился на говорившего.

— Новый мир, — продолжал тот. — Вы возродились вновь и вы имеете способность осознать грех. Без этого вы будете неспособны сражаться со злом, оставшимся в вашем сознании. Помните это! Помните, что этого не избежать и возврата назад нет. Корабли стражи, вооруженные последними моделями лучевого оружия, патрулируют круглосуточно в небесах Омеги. Эти корабли спроектированы так, что уничтожат все, что поднимется выше пяти тысяч футов над поверхностью планеты — непреодолимый барьер, который не сможет преодолеть ни один заключенный. Привыкайте к этим фактам. Именно они влияют на создание законов, которые будут управлять вами и вашими жизнями... Подумайте о том, что я сказал. А сейчас стойте на месте до приземления.

Говоривший исчез с балкона. Некоторое время заключенные просто смотрели на то место, где он только что был. Затем началось бормочущее ворчание. Вскоре оно смолкло. Не было разговоров о чем-то конкретном. Заключенные без памяти прошлого не могли ни на чем основывать предположения о своем будущем. Не могло быть никакого обмена информацией между личностями, потому что эти личности были новоявленными и еще неопределившимися.

Они молча стояли, некоммуникабельные люди, которые долгое время были в тюремном заключении в одиночках. Стражники на балконе стояли как статуи, отдаленные и безликие. И тут слабая дрожь прошла по полу аудитории.

Вибрация повторилась и усилилась. 402 почувствовал тяжесть, одновременно ощущая, как что-то невидимое навалилось на его голову и плечи.

Из громкоговорителя прозвучало:

— Внимание! Корабль сейчас приземлится на Омеге. Мы начинаем выгрузку!

Вибрация прекратилась, и пол принял немного наклонное положение. Ошеломленные заключенные были построены в длинную колонну и выведены из аудитории.

С охранниками по бокам они шли вниз по коридору, который тянулся в бесконечность. Оценив его длину, 402 получил некоторое представление о размерах корабля.

Далеко впереди он увидел пятно солнечного света, которое ярко сияло на фоне бледного освещения коридора. Группа заключенных, двигаясь лентой, достигла пятна, и 402 увидел, что свет исходит из открытой шлюзовой камеры, через которую выходили

преступники. В свою очередь, 402 прошел через шлюз, спустился по длинному трапу и оказался на твердой почве. Он стоял на открытой, освещенной солнцем площади. Охранники строили выгрузившихся заключенных в шеренги. Со всех сторон 402 видел толпы наблюдавших зрителей.

Прогремел громкоговоритель:

— Отзывайтесь на ваши номера! Сейчас вам сообщат ваши имена! Отвечайте сразу, как только назовут ваш номер!

402 почувствовал слабость. Он очень устал. Нет, его сейчас не интересовало, кто он. Все, что он хотел, это лечь и получить возможность обдумать ситуацию. Он посмотрел вокруг и машинально отметил позади себя космическое судно, стражников вокруг и толпы зрителей. Наверху он увидел черные точки,двигающиеся на фоне голубого неба. Всмотревшись, он понял, что это корабли-стражи. Но они не интересовали его.

— Номер 1! Отвечай!

— Здесь! — ответил голос.

— Номер 1, твое имя Уэйн Соутхолдер, 34 года, группа крови А-Л2, индекс АР-431-С. Виновен в измене.

Имена читались по списку, и 402, разомлевший от солнечного света и задремавший стоя, едва не пропустил свой номер.

— Номер 402!

— Здесь!

— Номер 402, твое имя Вилл Баррент. 27 лет. Группа крови О-Л3, индекс ДЖХ-221-Р. Виновен в убийстве.

Зрители приветствовали его, но 402 плохо их слышал. Он пытался приучить себя к имени. Настоящему имени вместо номера. Вилл Баррент. Он надеялся, что не забудет его. Он повторял свое имя вновь и вновь, и чуть не прослушал последние объявления корабельного громкоговорителя:

— Новые люди, только что выпущенные на Омегу! Вы получите временный приют в квадрате А-2. Будьте осторожны и осмотрительны в своих поступках. Смотрите, слушайте и учитесь! Закон вынуждает меня сказать вам, что средняя продолжительность жизни, которая ожидает вас на Омеге, длится в среднем три земных года!

Потребовалось некоторое время, чтобы последние слова дошли до сознания Баррента. Он все еще размышлял о своем имени. Он еще не обдумывал аспекты существования убийцы на планете преступников.

ГЛАВА 2

Новые заключенные были отведены в бараки на площади А-2. Их было приблизительно сотен пять. Они еще не были людьми: они были существами, чьи истинные воспоминания едва выходили за пределы часа. Сидя на нарах, вновь рожденные с любопытством

рассматривали свои тела, изучая с острым интересом руки и ноги. Они пристально смотрели друг на друга и видели свою бесформенность, отображенную в чужих глазах. Они все еще не были людьми, но они не были и детьми. Остались ведь соответствующие абстракции и призраки воспоминаний. Зрелость, рожденная старыми шаблонами привычек и личными чертами, сохранившимися в порванных нитях их прежней жизни на Земле, пришла быстро.

Новые люди цеплялись за смутные воспоминания о мыслях, концепциях и законах. Через пару часов их флегматическая вежливость стала отступать. Они становились теперь людьми. Индивидуумами. Из ошеломленного и поверхностного соответствия начали выступать резкие различия. Характер утверждал сам себя, и пять сотен начали открывать в себе то, чем они были.

Вилл Баррент стоял в очереди, чтобы посмотреть на себя в зеркало. Когда пришел его черед, он увидел отражение худого лица и узкого носа, приятно выглядевшего молодого человека с прямыми каштановыми волосами. У этого человека было решительное, честное, обычное лицо, не омраченное какой-либо сильной страстью. Баррент отвернулся, разочарованный — это было чужое лицо.

Позже, изучая себя более тщательно, он не смог найти шрамов или еще чего-нибудь, отличавшее его тело от тысяч других тел. Его руки были мозолистыми. Он был скорее жилист, чем мускулист. Он гадал, какой же работой он занимался на Земле.

Убийствами?

Он нахмурился. Он не был готов принять это.

Кто-то похлопал его по плечу.

— Как ты себя чувствуешь?

Баррент повернулся и увидел большого, широкоплечего рыжеволосого человека, который стоял позади него.

— Достаточно хорошо, — сказал Баррент. — Вы стояли в колонне позади меня, верно?

— Это именно так. Номер 401. Имя Дэнис Фурен.

Баррент представился тоже.

— Ваше преступление? — спросил Фурен.

— Убийство.

Фурен кивнул. Ответ, похоже, произвел впечатление.

— Что до меня, то я — фальшивомонетчик. Не подумай, глядя на мои руки. — Он вытянул вперед руки — две массивные лапы, скудно покрытые рыжими волосиками. — Но умение в них есть. Мои руки вспомнили прежде, чем любая другая часть меня. На корабле я сидел в своей камере, и мои руки чесались. Они хотели делать вещи. Но остальное мое тело не могло вспомнить, какие.

— И что же вы сделали? — спросил Баррент.

— Я закрыл глаза и дал своим рукам свободу, — ответил Фурен. — Первос, что я узнал, это то, что они поднялись и начали ковырять замок камсры.

Он поднял свои здоровые руки и поглядел на них с восхищением.

— Умные маленькие черти.

— Ковырять замок? — удивился Баррент. — Но я думал, что вы были фальшивомонетчиком.

— Ну да, — сказал Фурен. — Основным моим занятием была подделка. Но пара искусных рук может сделать почти все. Я подозреваю, что меня только *поймали* на подделке денег, но я могу также быть и взломщиком сейфов. Мои руки знают слишком много для того, чтобы быть всего лишь фальшивомонетчиком.

— Вы выяснили о себе больше, чем я, — сказал Баррент. — Все, что у меня есть для начала, это сон.

— Но ведь есть средства, — сказал Фурен. — Должны быть средства на Омеге, которые помогут узнать, кто мы такие. Главное, мы сюда прибыли.

— Согласен, — кисло кивнул Баррент.

— В этом нет ничего плохого, — сказал Фурен. — Разве вы не слышали, что сказал этот человек? Это наша планета!

— В среднем жизнь на ней длится всего три земных года, — напомнил Баррент.

— Это сказано, вероятно, для испуга, — сказал Фурен. — Я бы не стал верить словам охранника. Главное — мы имеем собственную планету. Ты слышал, что они сказали: «Земля отвергает вас!» Старая Земля! Кому она нужна? У нас есть собственная планета. Целая планета, Баррент! Мы свободны!

В разговор вмешался другой человек:

— Это правда, друзья!

У него были глубоко запавшие глаза и заискивающее дружелюбие.

— Меня зовут Джо, — сказал он. — На самом деле Джоао, но я предпочитаю архаичную форму с ее ароматом более милостивых времен. Джентльмены, я случайно услышал ваш разговор, и я всем сердцем согласен с нашим рыжеволосым другом. Подумайте о возможностях! Земля отбросила нас в сторону? Превосходно! Нам лучше без нее. Мы все равны здесь, свободные люди в свободном обществе. Никаких мундиров, никаких охранников, никаких солдат. Только раскаявшиеся преступники, желающие жить в мире.

— За что вас сцапали? — спросил Баррент.

— Они сказали, что я вор на доверие, — ответил Джо. — Мне стыдно признаться, но я не могу вспомнить, что такое вор на доверие. Но, наверное, это вернется ко мне.

— Может быть, у властей есть какая-нибудь система, чтобы восстанавливать память, — сказал Фурен.

— Власти!.. — сказал Джо с оскорбленным достоинством. — Что вы имеете в виду, говоря «власти»? Это *наша* планета. Мы все равны здесь. Определенно, здесь нет никаких властей. Нет, друзья, мы оставили всю эту чепуху позади, на Земле. Мы здесь...

Он внезапно остановился. Дверь барака отворилась, и внутрь вошел человек. Он был, очевидно, старым коренным жителем Омсги, поскольку на нем не было серой тюремной одежды. Он был толст и одет в кричащий желто-синий костюм. На ремне вокруг толстой талии он носил пистолет в кобуре и нож. Он стоял у двери, его руки лежали на бедрах, и он пристально смотрел на вновь прибывших.

— Ну? — сказал он. — Разве вы, новенькие, не узнаете Квестора? Встать!

Люди не шелохнулись.

Лицо Квестора стало красным.

— Я считаю, что вас надо немного поучить уважению!

Даже прежде чем он вынул из кобуры оружие, вновь прибывшие вскочили на ноги. Квестор посмотрел на них со слабым сожалением и засунул пистолет обратно в кобуру.

— Первос, что вам надо лучше всего усвоить, — сказал он, — это свой статус на Омсге. У вас нет статуса. Вы — псоны, а это значит, что вы *ничто*!

Он подождал немного и продолжил:

— Теперь внимание, псоны! Сейчас я вам растолкую ваши обязанности.

ГЛАВА 3

— Первое, что вы, новенькие, должны понять, — сказал Квестор, — это то, чем именно вы являетесь. Это очень важно. И я скажу вам, что вы есть — *псоны*. Вы низшие из низших. Вы без *статуса*. Это — ниже всех, кроме *мутантов*, а они по-настоящему не люди... Какие будут вопросы?

Квестор сделал паузу. Когда стало ясно, что вопросов нет, он продолжал:

— Я определил то, чем вы являетесь. От этого перейдем к тому, чем являются все прочие на Омсге. Прежде всего, важнее вас *каждый*, но некоторые более важны, чем остальные. Следующая в ряду за вами социальная ступень — *Постоянный Житель*, который едва ли считается выше, чем любой из вас, а затем идет *Свободный Гражданин*. Он носит серое кольцо статуса на пальце и одет в черное. Он тоже не важен, но он намного важнее, чем вы. Если вам повезет, некоторые из вас станут Свободными Гражданами. Следующие — *Привилегированные Граждане*; всех их различают по символу, соответствующим их рангам.

Так, золотые серьги, носят Хаджи. В конце концов вы выучите все отличительные признаки и прерогативы различных классов, рангов и степеней. Я могу упомянуть также о священниках. Хотя они и не Привилегированный Класс, но им даны определенные права и неприкосновенность. Я ясно говорю?

Все в бараке пробормотали согласие, и Квестор продолжал:

— Сейчас мы перейдем к вопросу о поведении, когда мы встречаем любого из вышестоящего ранга. Такие, как вы — пеоны, — обязаны приветствовать Свободных Граждан, называя их полным титулом, в почтительной манере. С Привилегированными, такими, как Хаджи, вы можете говорить только тогда, когда они заговорят с вами, и вы стоите с потупленными глазами и сложенными перед собой руками. Вы не покидаете Привилегированного Гражданина, пока вам этого не позволят. Вы не садитесь в их обществе ни при каких обстоятельствах. Понятно? Есть еще многое, что вам надо усвоить. Мое звание Квестора соответствует классу Свободных Граждан, но предоставляет мне также определенные прерогативы Привилегированных.

Квестор пристально посмотрел на людей, чтобы удостовериться, что они его поняли.

— Эти бараки — ваш временный дом. Я набросал график, показывающий, кому подметать, кому мыть полы и так далее. Вы можете спрашивать меня в любое время, но за глупые или дерзкие вопросы можете быть наказаны увечьем или смертью. Помните главное, что вы низшие из низших. Если вы будете держать это в уме, вы сможете остаться в живых.

Квестор постоял безмолвно несколько секунд. Затем он сказал:

— В последующие несколько дней вам дадут различные назначения. Некоторые из вас пойдут на германиевые рудники, некоторые будут обучаться различным ремеслам. Сейчас вы свободны и можете осмотреть Тетрахуд.

Заметив, что большинство уставилось на него вопросительно, Квестор объяснил:

— Тетрахуд — название города, в котором вы находитесь. Это самый большой город на Омеге.

На секунду он задумался.

— Фактически, это единственный город на Омеге.

— Что подразумевает название Тетрахуд? — спросил Джо.

— Откуда я знаю? — ответил Квестор, нахмурясь. — Я полагаю, что это одно из тех старых земных названий, которые всегда можно встретить то там, то здесь. Главное, продумайте каждый свой шаг, когда пойдете туда.

— Почему? — спросил Баррент.

Квестор ухмыльнулся.

— Это, пеон, одна из тех вещей, которые тебе предстоит узнать самому.

Он повернулся и вышел из барака.

Когда он вышел, Баррент подошел к окну. Из него он увидел пустынную площадь и за ней улицы Тетрахуда.

— Вы думаете пойти туда? — спросил Джо.

— Конечно, — сказал Баррент. — Пойдем со мной?

Маленький вор на доверие потряс головой.

— Я не думаю, что это безопасно.

— Фурен, а как вы?

— Мне тоже это не нравится, — сказал Фурен. — Может, пока стоит держаться поближе к баракам.

— Это нелепо, — сказал Баррент. — Это теперь наш город. Никто не пойдет со мной?

Выглядевший не в своей тарелке Фурен согнул плечи и покачал головой. Джо тоже пожал плечами и лег на свою койку. Остальные даже не взглянули на него.

— Очень хорошо, — сказал Баррент. — Я дам вам после полный отчет.

Он подождал несколько секунд на случай, если кто-нибудь передумает, а потом вышел из барака.

Город Тетрахуд был сборищем зданий, растянувшихся вдоль узкого полуострова, который выступал в вялое серое море. Город был огражден высокими каменными стенами с воротами, охраняемыми стражниками. Самым большим строением в городе была Арена, используемая раз в год для проведения Игр. Возле Арены располагался квартал правительственных зданий.

Баррент двигался вдоль узких улиц, разглядывая все вокруг, пытаясь получить некоторое представление о том, на что похож его новый дом. Извилистые, несвымощенные дороги и темные, потрепанные стихиями дома вызывали у него ускользающие обрывки воспоминаний. Он видел похожие места на Земле, но ничего конкретного не мог вспомнить о них. Воспоминания были мучительными, как зуд, но он не мог определить их источник.

После Арены он попал в главный деловой район Тетрахуда. Очарованный, он читал вывески:

**«ВРАЧ БЕЗ ЛИЦЕНЗИИ —
АБОРТЫ ВЫПОЛНЯЮТСЯ, ПОКА ВЫ ЖДЕТЕ»**

Дальше:

«АДВОКАТ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ!»

Это казалось смутно неправильным для Баррента. Он пошел дальше мимо магазинов, рекламировавших краденые товары, мимо маленькой лавочки, которая объявляла:

**«ЧТЕНИЕ МЫСЛЕЙ!
ПОЛНЫЙ ШТАТ СКАНИРУЮЩИХ МУТАНТОВ!
ОТКРЫВАЕМ ВАШЕ ПРОШЛОЕ НА ЗЕМЛЕ!»**

У Баррента возникло желание войти. Но он вспомнил, что у него нет денег, а Омега казалась похожей на место, где высоко ценились деньги.

Он повернул вниз по улице, миновал несколько ресторанов и подошел к зданию с вывеской:

**«ИНСТИТУТ ЯДОВ
Льготные условия.
Плата удовлетворительная.**

Рассрочка до трех лет.
РЕЗУЛЬТАТ ГАРАНТИРУЕТСЯ

или

ВАШИ ДЕНЬГИ БУДУТ ВАМ ВОЗВРАЩЕНЫ»

На следующей двери было написано:

«ГИЛЬДИЯ УБИЙЦ
Отделение 452»

После инструктажей на корабле-тюрьме и в бараке Баррент ожидал, что Омега занимается перевоспитанием преступников. Судя по вывескам, все было вообще не так или, если это было перевоспитание, то в немного странной форме. Он в задумчивости пошел дальше.

Затем он заметил, что люди уступают ему дорогу. Мельком взглянув на него, они исчезали в дверях магазинов. Одна пожилая женщина, увидев его, повернулась и побежала.

Что происходило? Может быть, из-за его тюремной униформы? Нет, на Омеге многие носили ее. Что же тогда?

Улица была почти пустынна. Один лавочник неподалеку от него спешил закрыть стальные шторы на витринах с краденым оборудованием.

— В чем дело? — спросил его Баррент. — Что происходит?

— Ты что, из ума выжил? — вырвалось у лавочника. — Сегодня же День Высадки!

— Прошу прощения...

— День Высадки! — повторил лавочник. — День приземления тюремного корабля. Немедленно возвращайся в барак, идиот!

Он хлопнул последней стальной шторой, закрывая и закрепляя ее. Баррент внезапно почувствовал холодное прикосновение страха. Было что-то очень неправильное. Ему лучше было поспешить с возвращением. Вся эта прогулка была глупостью с его стороны. Он так и не узнал почти ничего нового об обычаях Омеги...

Три человека шли по улице к нему. Они были хорошо одеты, и каждый носил маленькую золотую серьгу Хаджи в левом ухе. Все три человека имели оружие.

Баррент быстро пошел прочь от них. Один из этих людей крикнул:

— Стой, псон!

Баррент увидел, что рука человека качается возле пистолета. Он остановился и спросил:

— В чем дело?

— День Высадки, — сказал человек. Он посмотрел на своих друзей. — Хорошо, кто начнет первым?

— Мы бросим жребий.

— Хорошо, вот монета.

— Нет, на пальцах.

— Готовы? Один, два, три!

— Он мой, — сказал Хаджи слева.

— Подождите, — сказал Баррент. — Что вы делаете?

— Я собираюсь застрелить тебя, — сказал человек.

— Но почему?

Хаджи улыбнулся.

— Потому что это привилегия Хаджи. В каждый День Высадки мы имеем право застрелить любого псона, который покидает район своих барак.

— Но мне не сказали об этом!

— Конечно, не сказали, — ответил человек. — Если бы вам, новичкам, говорили об этом, то никто из вас не покинул бы своих барак в День Высадки, а это испортило бы нам все развлечение.

Он прицелился.

Баррент отреагировал мгновенно. Он бросился на землю в тот момент, когда Хаджи выстрелил, услышав шипение и увидев вспышку, оставившую выщербленную отметку на кирпичах в том месте, где он только что стоял.

— Теперь моя очередь, — сказал другой из тройки.

— Извини, старина, я думаю, что он мой.

— Старшинство, мой друг, имеет свои привилегии. Отойди!

Прежде чем следующий из них смог прицелиться, Баррент был уже на ногах и бежал. Резкие повороты улиц защищали его спину, но он слышал за собой шум своих преследователей. Они бежали не спеша, чуть быстрее прогулочного шага, словно были совершенно уверены в своем успехе. Баррент поднялся на холм, свернул в боковую улицу и тут же понял, что совершил ошибку. Он попал в тупик. Хаджи двигались легким шагом, приближаясь к нему.

Баррент затравленно огляделся. Все двери на фасадах домов были заперты, окна зашторены. Спрятаться тут ему было негде.

И тут он увидел открытую дверь в нескольких ярдах от его преследователей. Он побежал прямо туда. Надпись на здании гласила:

«ЗАЩИТА ЖЕРТВ ОБЩЕСТВА»

«Это для меня», — подумал Баррент.

Он по-спринтерски проскочил перед носом у пораженных Хаджи. Единственный выстрел обжег землю под его пятками, когда он, добравшись до двери, нырнул внутрь.

Его преследователи не последовали за ним. Он слышал их голоса на улице, любезно обсуждавшие вопрос о старшинстве. Баррент понял, что он попал в какого-то рода убежище.

Он находился в просторном, ярко освещенном зале. Несколько оборванных мужчин сидели на скамейке возле двери, смеясь от собственных шуток. Немного дальше темноволосая девушка смотрела на Баррента большими немигающими глазами. В противоположном конце зала за столом сидел человек. Он поманил Баррента.

Баррент подошел к столу. Мужчина, сидевший за ним, был невысокого роста и носил очки. Он ободряюще улыбнулся, ожидая, что скажет Баррент.

— Это «Общество защиты жертв»? — спросил Баррент.

— Совершенно верно, сэр, — сказал человек. — Я Рондольф Дружбер, президент этой бесприбыльной организации. Могу ли я быть чем-нибудь полезен?

— Определенно можете, — сказал Баррент. — Я практически жертва.

— Я понял это по одному вашему виду, — сказал Дружбер, тепло улыбаясь. — У вас определенно вид жертвы: смесь страха и неуверенности с небольшим намеком на уязвимость. Я это определяю безошибочно.

— Это очень интересно, — сказал Баррент, быстро взглянув на дверь и гадая, долго ли преследователи будут уважать его убежище. — Мистер Дружбер, я не член вашей организации.

— Это несущественно, — сказал Дружбер. — Членов в нашей группе хватает, а многие присоединяются к нам только при необходимости. Они вступают, когда в этом есть нужда. Наше намерение — защищать неотъемлемые права всех жертв.

— Да, сэр. Там три человека пытаются убить меня.

— Я понимаю, — сказал мистер Дружбер.

Он открыл ящик и достал оттуда большую книгу. Он быстро пролистал ее и нашел нужную ему страницу.

— Скажите мне, вы выяснили статус тех людей?

— Я полагаю, что они Хаджи, — сказал Баррент. — У каждого из них маленькое золотое кольцо в левом ухе.

— Совершенно верно, — сказал мистер Дружбер. — А сегодня День Высадки. Вы вышли из корабля, который приземлился сегодня, и имеете класс пеона. Это правильно?

— Да, это так, — сказал Баррент.

— Тогда я счастлив сказать вам, что все в порядке. В День Высадки Охота кончается после заката. Вы можете покинуть это помещение с мыслью, что все правильно и ваши права ни коим образом не нарушены.

— Выйти? Вы хотите сказать — выйти после заката солнца?

Мистер Дружбер покачал головой и печально улыбнулся.

— Боюсь, что нет. В соответствии с законом вы должны выйти сейчас же.

— Но ведь они убьют меня!

— Совершенно верно, — сказал мистер Дружбер. — К несчастью, вам ничем нельзя помочь. Вы тот, кто должен быть убит.

— Я думал, что это защищающая организация.

— Да. Мы защищаем *права*, а не жертв. *Ваши* права не нарушены. Хаджи имеют привилегию убивать в День Высадки до заката солнца любого пеона, покинувшего пространство ваших барачков. Могу добавить, что и вы имеете право убить каждого, кто попытается убить вас.

— У меня нет оружия, — сказал Баррент.

— Жертва и не должна иметь оружие, — сказал Дружбер. — В этом и заключается различие, понимаете? Но есть у вас оружие или нет, я боюсь, что вам придется сейчас выйти отсюда.

— У вас есть задняя дверь?

— Извините, нет.

— Тогда я просто не выйду.

Улыбнувшись, мистер Дружбер открыл ящик и вынул из него револьвер. Он навел его на Баррента и сказал:

— Вы действительно должны выйти. У вас могут быть какие-то шансы с Хаджи, но здесь вы умрете без всяких шансов.

— Одолжите мне ваш револьвер, — попросил Баррент.

— Это недопустимо, — сказал Дружбер. — Нельзя допустить, чтобы жертвы бегали по городу с оружием, знаете ли. Это бы все расстроило.

Он щелкнул предохранителем.

— Вы выходите?

Баррент подсчитал свои шансы нырнуть через стол за револьвером и решил, что не успеет это сделать. Он повернулся и медленно пошел к двери. Оба оборванных человека поднялись со скамейки и встали у выхода. Приблизившись к девушке, Баррент заметил, что она очень красива. Он гадал, какие преступления заставили ее покинуть Землю.

В тот момент, когда он проходил мимо нее, он почувствовал, как что-то скользнуло в его руку. Он сжал ладонь и обнаружил, что держит в руке маленький, странного вида револьвер.

— Удачи! — произнесла девушка. — Я надеюсь, что вы знаете, как им пользоваться.

Баррент с благодарностью кивнул. Он не был уверен, что знает, но собирался выяснить это.

ГЛАВА 4

Улица была пустынна, если не считать трех Хаджи, которые стояли в двадцати ярдах и спокойно разговаривали. В то время как Баррент прошел через дверь, двое из Хаджи отодвинулись назад, а третий с опущенным оружием пренебрежительно шагнул вперед. Когда он увидел, что Баррент вооружен, он быстро поднял свой револьвер и прицелился.

Баррент упал на землю и нажал на курок своего незнакомого оружия. Он почувствовал вибрацию в руке и увидел, что плечи Хаджи стали черными и начали рассыпаться. Прежде чем он успел прицелиться в других, револьвер Баррента сильно дернулся и вылетел из руки. Выстрел умирающего Хаджи задел кончик дула его револьвера.

Баррент отчаянно кинулся за револьвером, понимая, что ему не удастся дотянуться до него вовремя. Его кожа покрылась

пупырышками в ожидании смертельного выстрела. Он перекатился к револьверу, чудом еще живой, и прицелился в ближайшего Хаджи.

И едва успел удержаться от выстрела. Хаджи засовывали свое оружие в кобуры. Один из них сказал:

— Бедный старик Дрейкин. Он так и не научился быстро стрелять.

— Отсутствие практики, — сказал другой. — Дрейкин никогда не проводил много времени в тире.

— Ну, если бы ты спросил меня, то я назвал бы это хорошим предмстным уроком. Нельзя бросать практиковаться!

— И, — сказал другой, — нельзя недооценивать пеона. — Он взглянул на Баррента. — Хороший выстрел, парень!

— Да, на самом деле хороший, — сказал первый человек. — Трудно выстрелить из стрелкового оружия так точно во время движения.

Баррент, дрожа, поднялся на ноги, все еще держа наготове оружие девушки и готовый стрелять при первом подозрительном движении Хаджи. Но они не делали никаких движений. Они, казалось, смотрели на этот инцидент как на исчерпанный.

— Что будем делать теперь? — спросил Баррент.

— Ничего, — сказал один из Хаджи. — В День Высадки допущается одно убийство — это все, что может позволить себе любой человек или охотничья партия. После этого вы вне игры.

— Это вообще-то неважный праздник, — сказал другой мужчина. — Не то что Игры или Лотерея.

— Все, что вам остается сделать, это пойти в Регистрационную контору и получить ваше наследство.

— Мое что?

— Ваше наследство, — терпеливо сказал Хаджи. — Вы наследуете имущество вашей жертвы. В случае с Дрейкином, должен сказать с сожалением, это не такая уж большая сумма.

— Он никогда не был хорошим бизнесменом, — сказал печально другой Хаджи. — Но все же это даст вам немного для начала жизни. А поскольку вы совершили дозволенное убийство, даже хотя и крайне необычное, то ваш статус повышается. Вы стали Свободным Гражданином.

На улице вновь появились люди, лавочники стали открывать железные жалюзи. Подъехал грузовик с надписью:

«ОТДЕЛ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ТЕЛ-5»

Четыре человека в форме забрали тело Дрейкина. Нормальная жизнь в Тетрахуде началась вновь. Это более, чем уверения Хаджи, сказало Барренту, что время для убийства прошло. Он положил оружие девушки в карман.

— Регистрационная контора в той стороне, — сказал ему один из Хаджи. — Мы пойдем с вами как свидетели.

Баррент все еще только ограниченно понимал ситуацию. Но поскольку дела внезапно пошли в его пользу, он решил все, что случилось, принимать без вопросов. Позже будет масса времени, чтобы разобраться во всем.

Сопровождаемый Хаджи, он отправился к Регистрационной конторе на Поддальной площади. Там скужающий чиновник выслушал всю историю, достал деловые бумаги Дрейкина и наклеил на них имя Баррента. Это оказалось делом, быстро прокручиваемым в Тетрахуде.

Он обнаружил, что стал теперь владельцем магазина противоядий на Блейзер-бульвар, 3.

Деловые бумаги также официально признавали новый ранг Баррента — Свободный Гражданин. Клерк дал ему кольцо его статуса, сделанное из оружейного металла, и посоветовал переодеться в одежду Свободного как только будет возможность, если он желает избежать неприятных инцидентов.

Снаружи Хаджи пожелали ему удачи. Баррент решил посмотреть, на что похоже его новое дело.

Блейзер-бульвар был короткой аллеей, тянувшейся между двумя улицами. Почти посередине находился магазин с вывеской, гласившей:

«МАГАЗИН ПРОТИВОЯДИЙ»

Под этим можно было прочесть:

«Средства от всех ядов: животного, растительного и минерального происхождения. Носите нашу аптечку выживания «Сделай сам». Двадцать три противоядия в одной коробке!»

Баррент открыл дверь и вошел. За низким прилавком он увидел полки, до потолка уставленные прямоугольными бутылочками с ярлыками, банками и коробками, содержащими странные кусочки листьев, прутьев и лишайников. Позади прилавка была маленькая полочка с книгами, названия которых были примерно такого содержания: «Быстрый диагноз в случае острого отравления», «Семейство мышьяковых», «Видоизменения белены».

Было совершенно очевидно, что яды играют большую роль в повседневной жизни Омеги, раз был магазин противоядий. Надо полагать, имелись и другие магазины, единственной целью которых была продажа ядов. Баррент подумал об этом и решил, что унаследовал странный, но почтенный бизнес. По книгам он изучит, как надо работать с противоядиями.

К магазину примыкала пристройка, в которой размещались гостиная, спальня и кухня. В одном из шкафов в спальне Баррент нашел плохо сшитый костюм Свободного Гражданина, в который он и переоделся. Он вынул оружие девушки из кармана своей тюремной формы, взвесил его на секунду в руке, а затем положил

в карман нового костюма. Он покинул магазин и нашел дорогу к «Обществу защиты жертв».

Дверь была открыта, и три оборванных человека все еще сидели на скамейке. Сейчас они не смеялись. Они, казалось, устали от долгого ожидания. На другом конце зала мистер Дружбер сидел за своим столом, читая толстую пачку бумаг. Не было никаких признаков девушки.

Баррент подошел к столу, и Дружбер встал, приветствуя его.

— Поздравляю! — сказал он. — Дорогой, примите мои самые теплые поздравления! Это был великолепный выстрел. И к тому же в движении!

— Благодарю вас, — сказал Баррент. — Причина моего возвращения сюда...

— Я знаю почему, — перебил его Дружбер. — Вы желали бы получить совет о своих правах и обязанностях как Свободного Гражданина. Что может быть более естественным? Если вы присядете на эту скамейку, я займусь вами...

— Я пришел сюда не за этим, — сказал Баррент. — Я, конечно, хочу узнать о своих правах и обязанностях, но, право, сейчас я хочу найти эту девушку.

— Девушку?

— Да. Она сидела на скамье, когда я вошел сюда. Она-то и дала мне револьвер.

Мистер Дружбер выглядел пораженным.

— Гражданин, вы, должно быть, заблуждаетесь. В этом помещении сегодня весь день не было никаких женщин!

— Она сидела на скамейке возле тех трех мужчин. Очень привлекательная девушка. Вы должны были заметить ее.

— Я определенно заметил бы ее, если бы она была здесь, — сказал Дружбер, моргнув. — Но, как я сказал уже раньше, сегодня женщины не входили в это помещение.

Баррент ожег его взглядом и достал револьвер из кармана.

— В таком случае, откуда взялась эта штука?

— Это я одолжил его вам, — сказал Дружбер. — Я рад, что вы смогли так удачно использовать его, но сейчас буду еще более рад, если вы вернете мне его.

— Вы лжете! — твердо сказал Баррент, сжимая оружие. — Давайте спросим этих людей.

Он подошел к скамейке с оборванцами и обратился к тому, который сидел рядом с девушкой:

— Куда ушла девушка?

Человек поднял угрюмое небритое лицо и спросил:

— О какой девушке вы говорите, Гражданин?

— О той, которая сидела прямо здесь.

— Я не заметил никого. Вы видели женщину на этой скамейке, Рейфил?

— Нет, — сказал Рейфил. — Я сидел здесь постоянно с десяти утра.

— Я тоже не видел, — сказал третий человек. — А у меня острое зрение.

Баррент повернулся обратно к Дружберу.

— Почему вы лжете мне?

— Я сказал вам чистую правду, — сказал Дружбер. — Здесь весь день не было никакой девушки. Я одолжил вам револьвер, так как это моя привилегия, как президента «Общества Защиты жертв». Теперь я буду рад, если вы вернете мне его назад.

— Нет, — сказал Баррент. — Я сохранию револьвер до тех пор, пока не найду девушку.

— Это может оказаться не самым мудрым решением, — сказал Дружбер.

Он поспешил добавить:

— Я имею в виду, что воровство при данных обстоятельствах не прощается.

— Я пойду на этот риск, — отрезал Баррент.

Он повернулся и покинул «Общество Защиты жертв».

ГЛАВА 5

Барренту нужно было время, чтобы оправиться от своего бурного вступления в жизнь Омеги. Начав с беспомощного состояния вновь рожденного, он с помощью убийства продвинулся до владельца магазина противоядий. Из забытого прошлого на планете Земля его катапультировало в сомнительное настоящее в мире, полном преступников. Он увидел мельком сложную классовую структуру и намеки на узаконенную программу убийств. Он открыл определенную уверенность в себе и удивительную быстроту своего револьвера. Он знал, что еще многое должен узнать об Омеге, Земле и самом себе. Он надеялся, что проживет достаточно долго, чтобы сделать необходимые открытия.

В первую очередь, он должен заработать на жизнь. Чтобы достичь этого, нужно изучить все об ядах и противоядиях.

Он вернулся в квартиру позади своего магазина и начал читать книги, оставленные покойным Хаджи.

Литература об ядах была завораживающей. Там были растительные яды, известные на Земле, такие как черемиха, морозник, белладонна и тис. Он узнал о действиях болиголовы, о предварительных отравлениях и следующих за ними конвульсиях. Синильную кислоту миндаля и дигиталис пурпурной наперстянки. Там были грибки, такие как бледная поганка и мухоморы, не говоря уже о чисто омегских растительных ядах, которые выделяли растения, похожие на красные чаши, цветущие лилии и амариллис.

Но растительные яды, хотя и были пугающе многочисленны,

составляли только часть его учебы. Он должен был учитывать животных суши, моря и воздуха, несколько разновидностей смертельных пауков, змей. Из металлических ядов — такие как мышьяк, ртуть и висмут. Были простонародные разъедающие — азотная, фосфорная и серная кислоты. И существовали еще яды дистиллированные, или выжатые из разных источников, среди которых были стрихнин, муравьиная кислота и белладонна...

У каждого яда имелось одно или несколько противоядий, но эти сложные, составленные в осторожных словах формулы, как подозревал Баррент, чаще не имели успеха. Чтобы еще больше осложнить дело, эффективность противоядий, кажется, зависела от правильного диагноза отравляющего агента. А симптомы, вызываемые одним ядом, часто походили на симптомы другого.

Баррент размышлял над этими проблемами, пока изучал книги. Одновременно с определенной нервозностью он обслуживал своих первых клиентов.

Он обнаружил, что многие из его страхов оказались беспочвенными. Несмотря на сотни смертельных веществ, рекомендованных Институтом ядов, большинство отравителей держались за стрихнин и мышьяк. Эти яды были дешевыми и очень надежными. Синильная кислота же обладала легко распознаваемым запахом, ртуть было трудно ввести в организм, а разъедающие вещества, хотя и удовлетворяющие назначению, были опасны и для того, кто их использовал. Борец и мухомор, конечно, превосходны, но нельзя было сбрасывать со счета и белладонну, а бледная поганка обладала мрачным очарованием. Но это были уже яды прежнего, более досужего века. Нетерпеливое младшее поколение, а особенно женщины, составлявшие девяносто процентов отравителей на Омеге, довольствовались самыми обыкновенными средствами, предпочитая мышьяк и стрихнин.

Омегианки были консервативными. Они попросту не интересовались нескончаемым совершенством искусства отравления. Средства их не интересовали, только цели — как можно быстрее и дешевле. Омегианки славилась своим здравым смыслом; хотя энергичные теоретики в Институте ядов и пытались продавать сомнительные микстуры «контактного» яда или «трехдневной плесени» и упорно работали над внедрением сложных и ненадежных средств, требующих ос, острых игл и двойных стекол, они находили очень мало потребителей среди женщин. Простой мышьяк и быстродействующий стрихнин продолжали оставаться главной опорой торговли ядами.

Вполне естественно, это упрощало работу Баррента. Навыками схемы — немедленно рвотное, промывание, нейтрализующий препарат — было достаточно легко овладеть.

Он встретил некоторые затруднения с людьми, которые отказывались верить, что их отравили чем-то заурядным, таким, как мышьяк или стрихнин. Для этого случая Баррент прописывал разные корни, травы, прутья и маленькую гомеопатическую

порцию яда. Но прежде он обязательно давал рвотное, промывание и нейтрализующий препарат.

После того как он устроился, Барренту нанесли визит Дэнис Фурен и Джо. Фурен устроился на временную работу в доках по разгрузке рыбачьих лодок. Джо организовал ночную игру в покер среди правительственных служащих Тетрахуда. Оба они не особенно продвинулись в смысле статуса: без убийств на своем счету они поднялись всего лишь до Постоянного Жителя Второго класса. Они нервно отнеслись к светской беседе со Свободным Гражданином, но Баррент сумел добиться непринужденности в их отношениях. Они были единственными друзьями, имевшимися у него на Омеге, и он не собирался терять их из-за социального положения.

Правила и обычаи Тетрахуда оставались тайной для друзей. Даже Джо не смог что-нибудь выяснить у своих друзей, занятых на правительственной службе. На Омеге закон хранился в тайне. Старожилы использовали свое знание закона для укрепления своей власти над новоприбывшими. Эта система оправдывалась и подкреплялась доктриной равенства всех людей, лежавшей в основе всей юридической системы Омеги. Благодаря фактическому неравенству и принудительному невежеству, власть и статус оставались в руках старожил.

Конечно, все социальные перемещения снизу вверх остановить было нельзя. Но их можно было замедлить, не поощрять и сделать чрезвычайно опасными. На Омеге с законами и обычаями приходилось знакомиться путем рискованного метода проб и ошибок.

Хотя магазин противоядий отнимал у него много времени, Баррент не прекращал своих попыток отыскать девушку. Но он пока не сумел найти даже намек на ее существование.

Он подружился с соседними лавочниками. Один из них, Демон Гаррисбург, был веселым уса́тым молодым человеком, управляющим продовольственным магазином. Это была не вполне серьезная профессия, но, как объяснил Гаррисбург, даже преступники должны были есть. А это делало необходимым существование фермеров, переработчиков, упаковщиков и магазинов.

Гаррисбург довольствовался тем, что его бизнес был ничуть не хуже более традиционных омегских промыслов, сосредоточенных вокруг насильственной смерти. Кроме того, дядя жены Гаррисбурга был министром общественных работ. Через него Гаррисбург ожидал получить сертификат на убийство. С этим крайне важным документом он мог совершить свое разрешенное убийство и подняться до статуса Привилегированного Гражданина. Баррент, соглашаясь, кивнул. Но про себя он гадал, не решит ли жена Гаррисбурга, худая беспокойная женщина, сперва отравить его. Муж ее, похоже, не удовлетворял, а разводы на Омеге были запрещены.

Другой его сосед, Тем Ренд, был долговязым, смешливым человеком лет сорока с небольшим. У него был ожоговый шрам,

тянувшийся как раз из-под левого уха почти до уголка рта — сувенир, подаренный ему полным надежд искателем статуса. Искатель выбрал не того человека.

Тем Ренд владел оружейным магазином. Он постоянно практиковался в обращении с оружием и всегда носил с собой образцы своего товара. Согласно свидетелям, он совершил контрубийство в образцовом порядке. Мечтой Тема было стать членом Гильдии Убийц. Его заявление о приеме в эту древнюю и строгую организацию было поставлено на очередь, и он имел шанс быть принятым в течение месяца. Баррент купил у него пистолет. По совету Ренда он выбрал иглолучевой пистолет марки «Джемисон-Тайр». Он стрелял быстрее и точнее любого стрелкового оружия и обеспечивал ту же ударную силу, что и крупнокалиберная пуля. Разумеется, он не обладал рассеиваемостью такого теплового оружия, каким пользовались Хаджи — те могли убивать в пределах шести дюймов вокруг своей цели. Но лучеметы широкого диапазона поощряли малую меткость. Они были беспорядочным, несерьезным оружием, укреплявшим у владельца черты беззаботности. Из теплового пистолета мог стрелять каждый, но чтобы хорошо стрелять из иглолучевого, нужно было постоянно практиковаться. И практика себя окупала. Хороший иглолучеметчик был более эффективен, чем два широколучевых стрелка.

Баррент воспринял этот совет всей душой, ведь он как-никак исходил от кандидата в профессиональные убийцы и владельца оружейного магазина. Он проводил долгие часы в подвале Ренда, оттачивая свои рефлексy и привыкая к кобуре «Быстр-Выбр».

Нужно было многое сделать и жутко многому обучиться для того, чтобы выжить. Баррент не возражал против тяжелого труда, поскольку он трудился ради стоящей того цели. Он надеялся, что со временем он сможет спокойно догнать в знаниях старожилы.

Но на Омеге не бывает долгого спокойствия.

Однажды далеко за полдень, когда он уже закрывался, Баррента посетил клиент необычного вида. Это был человек лет пятидесяти, коренастый, со строгим смуглым лицом. На нем был красный до колен балахон и сандалии. Вокруг талии он был подпоясан ремнем из сыромятной кожи, с которого свисали темная книжечка и кинжал с красной рукояткой. От него веяло необычайной силой и авторитетом. Баррент был не в состоянии определить его статус.

— Я как раз закрывался, сэр, — сказал Баррент. — Но если вы желаете что-нибудь купить...

— Я пришел сюда не покупать, — ответил посетитель. Он позволил себе маленькую улыбку. — Я пришел сюда продавать.

— Продавать?

— Я — священник, — пояснил вошедший. — Вы новоприбывший в моем округе. Но я пока не замечал вас на службе.

— Я ничего не знал...

Священник поднял руку.

— И по церковному, и по светскому праву неведение — не извинение для невыполнения своего долга. В самом деле, неведение может быть наказано как акт добровольного пренебрежения, основываясь на Законе двадцать-третьего года о Тотальной Личной Ответственности, не говоря уже о Малом Дополнении. — Он снова улыбнулся. — Однако, для вас пока еще и речи нет о дисциплинарном наказании.

— Рад это слышать, сэр, — сказал Баррент.

— Надлежащая форма обращения ко мне — «Дядя», — поправил священник. — Я — Дядя Ингмар, и я пришел рассказать тебе об ортодоксальной религии, которая является культом чистого, трансцендентального Духа Зла, являющегося нашим вдохновителем и утешителем.

— Я буду крайне счастлив услышать о религии Зла, Дядя. Не перейти ли нам в гостиную? — предложил Баррент.

— Конечно, племянник, — согласился священник и последовал за Баррентом в квартиру позади магазина.

ГЛАВА 6

— Зло, — начал священник после того, как удобно уселся в лучшем кресле Баррента, — это сила внутри нас, которая заставляет людей проявлять ловкость и выносливость. Поклонение Злу — это, в сущности, поклонение самому себе, и, таким образом, единственное истинное поклонение. Зло, которому ты поклоняешься, — это идеал существа общественного, человека, довольствующегося своей нишей в обществе и все же готового ухватиться за любую возможность для продвижения, человека, встречающего смерть с достоинством, убивающего без всякого порока жалости. Зло жестоко, поскольку оно истинное отражение безразличной и бессмысленной Вселенной. Зло вечно и неизменно, хотя оно является к нам во многих формах протеиновой жизни.

— Не хотите ли немного вина, Дядя, — перебил его Баррент.

— Спасибо, это очень предусмотрительно, — поблагодарил Дядя Ингмар. — Как идет бизнес?

— Хорошо. Немного замедлился на этой неделе.

— Люди не проявляют сейчас того же интереса к отравлению, — посочувствовал священник. — Не то, что в те времена, когда я был мальчишкой, только что расстриженным и высланным с Земли... Однако я заговорил с тобой о Зле.

— Да, Дядя.

— Мы поклоняемся Злу, — мрачно сказал Дядя Ингмар, — воплощенному в форме Черного, этого рогатого и страшного призрака нашего времени. В Черном мы находим семь главных преступлений и сто одно правонарушение. Нет преступления, не совершенного Черным, совершенного безусловно, как и подобает его природе. Таким образом, мы, слабые существа, строим себя,

беря за образец его совершенства. И иногда Черный вознаграждает нас, появляясь перед нами в ужасной красоте своей огненной плоти. Да, племянник, мне действительно выпала честь видеть его. Два года назад он появлялся перед закрытием Игр, так же как появлялся за год до этого.

С минуту священник предавался размышлениям о божественном посылении. Затем он произнес:

— Поскольку мы признаем в Государстве высочайший потенциал человека для Зла, мы поклоняемся Государству, как высшему, чем человек, созданию, хотя и меньшему, чем создание божественное.

Баррент кивнул. Ему было очень трудно не заснуть. Низкий монотонный голос Дяди Ингмара, читающий лекцию о такой обыденной вещи, как Зло, производил на него усыпляющий эффект. Он с трудом сохранял глаза открытыми.

— Вполне могут спросить, — тянул Дядя Ингмар, — если Зло — это высочайшее достижение природы человеческой, зачем тогда Черный позволил существовать какому-либо Добру во Вселенной? Проблема Добра веками беспокоила непросвещенных. Я отвечу тебе на этот вопрос.

— Да, Дядя? — поддакнул Баррент, украдкой ущипнув себя за мякоть бедра, чтобы не заснуть.

— Но сперва, — сказал Дядя Ингмар, — давай определим наши термины. Давай изучим природу Добра. Давай смело и бесстрашно посмотрим в лицо нашему противнику и откроем истинные черты его физиологии.

— Да, — согласился Баррент, гадая, не следует ли ему открыть окно. Веки у него казались невероятно тяжелыми. Он с силой протер глаза и попытался внимать священнику.

— Добро — это состязание иллюзий, — продолжал Дядя Ингмар своим ровным, монотонным голосом, — которое приписывает человеку несуществующие атрибуты альтруизма, гуманности и благочестия. Как мы можем узнать в Добре иллюзию? Ведь во Вселенной есть только человек и Черный, и поклонение Черному — это поклонение предельному выражению своего «я». Таким образом, мы доказали, что Добро является иллюзией, а раз так, то мы должны признать его атрибуты несуществующими. Понятно?

Баррент не ответил.

— Ты понимаешь это? — резче спросил священник.

— А? — произнес Баррент. Он задремал с открытыми глазами. Ему с усилием удалось заставить себя проснуться и пробормотать. — Да, Дядя, я понимаю.

— Превосходно. Понимая это, мы спрашиваем, почему Черный позволил существовать во Вселенной даже иллюзии Добра? И ответ находится в Законе Необходимости Противоположного: потому что Зло не будет признано за таковое без чего-то контрастирующего с ним. Наилучший контраст — это противоположность. А противоположность Злу — это Добро. — Священник

победоносно улыбнулся. — Это ведь так просто и четко, не правда ли?

— Разумеется, Дядя, — согласился Баррент. — Не хотите ли еще немного вина?

— Только самую капельку, — ответил священник.

Он еще минут десять болтал с Баррентом о природном и чарующем Зле, присущем тварям лесным и полевым, и посоветовал Барренту вести себя по образу этих простодушных созданий. Наконец он поднялся, чтобы уйти.

— Я очень рад, что мы смогли немного поболтать, — сказал священник, пожимая руку Барренту. — Могу ли я рассчитывать на ваше появление на нашей ночной службе в понедельник ночью?

— Службе?

— Конечно, — ответил Дядя Ингмар. — Каждый понедельник ночью мы устраиваем Черную Мессу в Шабашнике на Кирквуд-драйв. После этого Дамы-Патронессы обычно готовят закуску, и мы организуем общинные танцы и хоровое пение. Все это очень весело!

Он широко улыбнулся.

— Как видите, поклонение Злу может быть приятным.

— Я уверен, что это возможно, — ответил Баррент. — Я приду, Дядя.

Он проводил священника до двери. Заперев за ним, он долго обдумывал то, что сказал ему Дядя Ингмар. Сомнений нет, посещение служб было необходимостью. Фактически оно было обязательным. Он лишь надеялся, что Черная Месса не окажется столь же дьявольски скучной, как ингмаровское описание Зла.

Это было в пятницу. Следующие два дня Баррент был занят. Он получил груз гомеопатических трав и корней от своего поставщика в округе Бладпит. Их сортировка и классификация заняла большую часть дня и еще день ушел на их раскладку в надлежащие банки.

В понедельник, возвращаясь в магазин после обеда, Баррент подумал, что встретил ту девушку. Он поспешил за ней, но вскоре потерял ее в толпе.

Вернувшись в магазин, Баррент нашел подсунутое под дверь письмо. Это было приглашение от соседней с ним лавки Сновидений.

Письмо гласило:

«Дорогой Гражданин!

Мы пользуемся возможностью приветствовать вас в этом районе и распространить на вас услуги, предоставляемые прекраснейшей лавкой Сновидений, лучшей на Омеге.

Для вас доступны сны любого вида и типа — и по удивительно низкой цене. Мы специализируемся на снах, воскрешающих память о Земле. Вы може-

те быть уверены, что лавка Сновидений вашего района предлагает вам только наилучшие грезы в жизни. Как Свободный Гражданин, вы наверняка поспешите воспользоваться этими услугами. Можем ли мы надеяться, что вы это сделаете в течение ближайшей недели?

Владельцы».

Баррент отложил письмо. Он понятия не имел, что это за лавка Сновидений или как называются сны. Придется выяснить. Но хотя приглашение было составлено в вежливых выражениях, тон у него был повелительный. Вне всяких сомнений, посещение лавки Сновидений было одной из обязанностей Свободного Гражданина.

Но, конечно же, обязанность могла быть также и удовольствием. Лавка Сновидений казалась интересной, а истинный сон, воскрешающий память о Земле, стоил бы любой цены, какую пожелают запросить за него владельцы.

Но с этим придется обождать. Сегодня ночью будет Черная Месса, и там определенно требовалось его появление.

Баррент вышел из магазина в одиннадцать часов вечера. Он хотел иметь время прогуляться по Тетрахуду, прежде чем пойти на Службу, начинающуюся в полночь.

Он начал свою прогулку с определенным чувством благополучия. И все же из-за иррациональности и неожиданной природы Омеги он чуть не погиб, прежде чем добрался до Шабашника на Кирквуд-драйв.

ГЛАВА 7

Когда Баррент начал свою прогулку, ночь казалась жидкой, почти удушающе влажной. Ни малейшего движения воздуха не было на затемненных улицах. Хотя на нем была только сетчатая черная рубашка, шорты, пояс с оружием и сандалии, Баррент чувствовал себя словно завернутым в толстое одеяло. Большинство жителей Тетрахуда, кроме тех, кто разошелся уже по своим шабашам, ретировались в прохладу своих погребов. Темные улицы были почти пустынными. Немногие встреченные им люди разбегались по домам. Баррент пошел дальше медленнее. В этом молчаливом, упрямом спринте по жаре, затрудняющем прогулку, было ощущение какой-то паники. Баррент попытался выяснить, в чем дело, но никто не останавливался. Один старик крикнул ему через плечо:

— Убирайся с улицы, идиот!

— Почему? — спросил его Баррент.

Старик проворчал что-то неразборчивое и поспешил дальше.

Баррент продолжал свой путь, нервно сжимая в руке рукоять своего иглолучевого пистолета. Что-то, конечно, случилось, но он

понятия не имел, что именно. Его ближайшим укрытием был Шабашник, примерно в полумиле отсюда. Казалось, что лучше всего продолжать двигаться в том направлении, оставаясь настороже, дожидаясь, когда станет ясно, что случилось.

Через несколько минут Баррент остался совершенно один в городе с плотно закрытыми ставнями. Он двигался по центру улицы, достав иглолучевой пистолет из кобуры, готовый к нападению с любой стороны. Наверное, это был какой-то особый праздник, вроде Дня Высадки. Наверное, этой ночью Свободные Граждане являлись законной добычей. На планете, вроде Омеги, все казалось возможным. Но когда произошло нападение, оно все же оказалось абсолютно неожиданным.

В застоявшемся воздухе шелохнулся легкий бриз, растаял и вернулся, на этот раз более сильный, отчетливо охлаждая раскаленные улицы. Ветер накатывался с гор в глубине материка и гулял по улицам Тетрахуда. Баррент почувствовал, что пот у него на груди и спине начал высыхать.

Несколько минут климат Тетрахуда был таким приятным, как только он мог пожелать.

Но температура продолжала падать.

Упала она быстро. Ледяной воздух налетел с отдаленных склонов, и температура почти мгновенно упала с семидесяти градусов по Фаренгейту до шестидесяти.

— «Это нелепо, — подумал про себя Баррент, — мне лучше побыстрее добраться до Шабашника».

Он пошел быстрее, в то время как температура стремительно катилась вниз. Она опустилась до сорока, потом до тридцати градусов. На улицах появились первые признаки мороза.

— «Она не может опуститься еще ниже», — подумал Баррент.

Но она опустилась. По улицам задул сердитый зимний ветер, а температура упала до двадцати. Носившаяся в воздухе влага стала превращаться в снег.

Продрогнув до костей, Баррент припустил по пустынным улицам, а ветер превратился в бурю, дергая и срывая его одежду. Улицы засверкали льдом, создавая опасность гололеда. Он поскользнулся и упал, а встав, вынужден был бежать медленнее, чтобы не упасть снова. А температура продолжала падать, ветер выл и щелкал зубами, словно расвирепевший зверь.

Увидев свет сквозь тяжелые ставни окон, он остановился и забарабанил по ставням, но внутри не раздалось ни звука. Он понял, что жители Тетрахуда никогда никому не помогают — чем больше было тех, кто умирал, тем больше было шансов выжить у уцелевших. Поэтому Баррент кинулся бежать, не жалея ног, которые, казалось, уже одеревенели.

Ветер звенел в его ухах, и на землю падали градины величинной с кулак. Он уже устал бежать. Все, что он мог теперь — это

идти сквозь замерзший белый мир и надеяться, что доберется до Шабашника.

Он шел часы или годы. На одном углу он прошел мимо двух людей, прижавшихся к стене и заиндевевших. Они перестали бежать и замерзли насмерть.

Баррент заставил себя бежать снова. Шов у него на боку заныл, словно ножевая рана, и холод прокрадывался к его рукам и ногам. Скоро холод доберется до его груди, и тогда наступит конец.

Его оглушил шквал града. Без всякого сознательного перехода он обнаружил, что лежит на земле, и чудовищный ветер уносит те крохи тепла, что было в состоянии произвести его тело.

В противоположном конце жилмассива засветился крошечный красный огонек Шабашника. Он на четвереньках пополз к нему, двигаясь механически, по-настоящему уже не ожидая, что доберется туда. Он полз вечность, а манящий красный огонек все оставался на том же расстоянии от него. Но он продолжал ползти и наконец добрался до дверей. Он заставил себя встать и повернул дверную ручку.

Дверь была заперта.

Он слабо забарабанил в дверь. После минутной задержки панель отворилась. Он увидел уставившееся на него лицо человека, затем панель закрылась. Он ждал, что дверь откроется, но она не открывалась. Чего они там ожидают? Что случилось? Баррент попытался было снова забарабанить в дверь, но потерял равновесие и упал на землю. Он перекатился и отчаянно попытался встать. Но потерял сознание.

Придя в себя, Баррент обнаружил, что лежит на кушетке. Двое людей массировали ему руки и ноги, а под собой он ощутил тепло греющей лежанки. На него спокойно смотрело широкое смуглое лицо Дяди Ингмара.

— Теперь чувствуете себя лучше? — спросил Дядя Ингмар.

— Думаю, что да, — ответил Баррент. — Почему вы так долго не открывали дверь?

— Мы было решили вообще ее не открывать, — сообщил ему священник. — Закон запрещает помогать попавшим в беду чужакам. Поскольку вы пока еще не вступили в нашу общину, вы фактически являетесь для нас чужаком.

— Тогда почему вы впустили меня?

— Мой помощник заметил, что у нас четное число поклоняющихся. А нам требуется нечетное число, желательно оканчивающееся на тройку. Там, где конфликтуют церковные и светские законы, светские должны уступать. Поэтому мы и впустили вас, несмотря на правительственное постановление.

— Это нелепое постановление, — отрезал Баррент.

— Отнюдь. Как и большинство законов Омеги, оно создано для поддержания низкой численности населения. Омега, знаете, край-

не бесплодная планета. Постоянное прибытие новых заключенных создает постоянное разбухание численности населения, что ведет к большим неудобствам старожилов. Вот и изыскиваются пути и средства для уменьшения излишка вновь прибывших.

— Это нечестно, — заметил Баррент.

— Вы перемните свое мнение, когда станете старожилом, — заверил его Дядя Ингмар. — А судя по вашему упорству, я уверен, что вы им станете.

— Может быть, — согласился Баррент. — Но что случилось? Температура упала, должно быть, градусов на сто за десять минут.

— На сто восемь градусов, если быть точным, — поправил его Дядя Ингмар. — Все в общем-то очень просто. Омега — это планета, вращающаяся вокруг двойной звезды по эксцентричной орбите. Прочая нестабильность, как мне говорили, происходит от особого физического строения планеты — размещения гор и морей. Результат — разнородный и драматически плохой климат, характеризующийся внезапными сильными перепадами температуры.

Помощник, маленький, полный сомнений парень, добавил:

— Было вычислено, что Омега находится на внешних пределах планет, способных поддерживать человеческую жизнь без крупной искусственной помощи. Если бы флуктуации между жарой и холодом были бы сколь-нибудь сильнее, всякая человеческая жизнь была бы стерта с лица планеты.

— Это совершенный карающий мир, — заявил Дядя Ингмар. — Опытные жители чувствуют, когда должна произойти перемена температуры и прячутся по домам.

— Это действительно адская планета, — сказал Баррент, не найдя других слов.

— Что точно описывает ее, — согласился священник. — Она и есть адская, и, таким образом, в совершенстве подходит для поклонения Черному. Если вы теперь чувствуете себя лучше, Гражданин Баррент, не приступить ли нам к Службе?

За исключением легкого обморожения пальцев рук и ног, с Баррентом все было в норме. Он кивнул и последовал за священником и прихожанами в главную часть Шабашника.

После того, что он пережил, Черная Месса неизбежно оказалась разочарованием. Сидя на своей тепло нагретой скамье в церкви, Баррент подремал всю проповедь Дяди Ингмара о необходимости повседневного совершенствования Зла.

— Поклонение Злу, — говорил Дядя Ингмар, — не следует резервировать исключительно для ночей по понедельникам. Напротив, познание и совершенствование Зла должно заполнять нашу повседневную жизнь. Не каждому дано быть великим грешником, но это никого не должно расхолаживать. Мелкие дурные действия, совершаемые всю жизнь, аккумулируются в

грешное Белое, крайне приятное Черному. Никому не следует забывать, что некоторые из величайших грешников и даже сами демонические святые часто начинали очень скромно. Разве Фрастус не начинал как скромный лавочник, обвешивающий своих клиентов? Кто ожидал, что этот простой человек вырастет в Красного Убивца с Торудайк Лэйн? И кто мог бы вообразить, что Доктор Луэн, сын портового грузчика, станет в один прекрасный день самым авторитетным и выдающимся в мире мастером по применению пыток? Настойчивость и благочестие позволили этим людям подняться над своими естественными препятствиями к выдающемуся положению по правую руку от Черного. И это доказывает, — говорил Дядя Ингмар, — что Зло является делом бедных точно так же, как и богатых.

На этом проповедь кончилась. Баррент мигом проснулся, когда были принесены и показаны почтительной конгрессии священные символы — кинжал с рукояткой красного цвета и алебастровая жаба. Затем он снова задремал и продремал все время, пока вычерчивали магический пятиугольник.

Наконец церемония приблизилась к концу. Были зачитаны имена злых демонов-заступников: Бела, Форкаса, Буэра, Марко-циасса, Астрота и Бегемота. Прочитали молитву об ограждении от воздействия Добра. И Дядя Ингмар извинился за то, что нет девственников для жертвоприношения на Красном Алтаре.

— У нас не хватает средств, — сказал он, — для покупки девственников-пеонки с правительственным сертификатом. Однако я уверен, что в следующий понедельник мы сможем организовать полную церемонию. А теперь мой помощник обойдет вас...

Помощник нес поднос с черным краем для сбора пожертвований. Как и другие прихожане, Баррент сделал щедрый взнос. Это оказалось мудрым шагом. Дядя Ингмар был явно обескуражен отсутствием девственников для жертвоприношения. Если он станет еще чуточку более сердитым, то может решить принести в жертву кого-нибудь из членов конгрегации, девственный он там был или нет.

Баррент не остался на хоровое пение и общинные танцы. Когда вечернее поклонение окончилось, он осторожно высунул голову за дверь. Температура поднялась до семидесяти градусов, и иней на земле уже растаял. Баррент пожал руку священнику и поспешил домой.

ГЛАВА 8

Баррент был по горло сыт неожиданностями и сюрпризами Омеги. Он старался держаться поближе к своему магазину, занимался своим бизнесом и все время остерегался неприятностей. У него начала развиваться омегская внешность: узкие, подозрительно прищуренные глаза, руки всегда рядом с рукояткой пистолета,

ноги, готовые к спринту. Подобно старожилам, он обретал шестое чувство к опасности.

Ночью, после того как были зарешетчены окна и включена тройная сигнализация, Баррент лежал в постели и пытался вспомнить Землю. Зондируя туманные ниши своей памяти, он находил различные намеки и следы осколков картин. Здесь было большое шоссе, петляющее к солнцу, осколок огромного со множеством улиц города, крупный план изогнутого корпуса звездолета. Но картины были непродолжительными. Они существовали долю секунды, а затем исчезали.

В субботу Баррент провел вечер с Джо, Дэнисом Фуреном и своим соседом Темом Рендом. Игра в покер у Джо процветала, и он сумел взятками вымостить себе путь к статусу Свободного Гражданина. Фурен был грубоват и слишком прямодушен для этого, поэтому осталась на уровне Жителя. Но Тем Ренд обещал взять рослого фальшивомонетчика своим помощником, когда Гильдия Убийц примет его заявление.

Начался вечер достаточно приятно, но кончился, как обычно — спором о Земле.

— Слушайте, — сказал Джо. — Мы все отлично знаем, на что похожа Земля. Это комплекс гигантских плавучих городов. Они построены на искусственных островах в разных океанах...

— Нет, города расположены на суше, — возразил Баррент.

— На воде, — стоял на своем Джо. — Люди Земли вернулись в море. У всех есть специальные адаптеры для вдыхания соленой воды. Районы суши больше даже не используются. Море обеспечивает всем...

— Все не так, — не соглашался Баррент. — Я помню огромные города, но они все были на суше.

— Вы оба неправы, — сказал Фурен. — Зачем Земле города? Она бросила их много веков назад. Земля теперь — ландшафтный парк. У каждого есть собственный дом и несколько акров земли. Всем лесам, джунглям позволили разрастись вновь. Люди живут в союзе с природой вместо того, чтобы пытаться покорить ее. Не правда ли, Тем?

— Почти, но не совсем, — ответил Тем Ренд. — Города еще есть, но они находятся под землей. Громадные подземные фабрики и производительные районы. Остальное — все, как сказал Фурен.

— Нет там больше никаких фабрик, — настаивал Фурен. — В них нет необходимости. Любые товары, необходимые человеку, могут быть произведены мысленным управлением.

— Говорю вам, — вмешался Джо, — я помню плавучие города! Я, бывало, жил в секторе Нимуи на острове Пасифия.

— Ты думаешь, это что-то доказывает? — спросил Ренд. — Я помню, что работал на восемнадцатом подземном уровне в Нуэва Чикаго. Моя рабочая квота составляла двадцать дней в году. Остальное время я проводил на природе, в лесах...

— Неверно, Тем, — возразил Фурен. — Нет никаких подзем-

ных городов. Я отлично помню, что мой отец был контролером третьего класса. Наша семья, бывало, проезжала каждый год несколько сотен миль по стране. Когда мы в чем-то *нуждались*, отец *придумывал* это, и оно было тут как тут. Он обещал меня научить, как это делается, но полагаю, что я так и не научился.

— Ну, — заметил Баррент, — двое из вас наверняка имеют ложные воспоминания.

— Это уж наверняка, — согласился Джо. — Все дело в том, кто именно.

— Этого мы никогда не выясним, — ответил Ренд, — если не сможем вернуться на Землю.

Это замечание покончило с дискуссией.

К концу недели Баррент получил еще одно приглашение из лавки Сновидений, составленное в более сильных выражениях, чем первое. Он решил обязательно в тот же вечер сходить туда. Он проверил температуру и обнаружил, что она поднялась до девяноста. Наученный горьким опытом, Баррент упаковал небольшой ранец с одеждой для холодной погоды и тронулся в путь.

Лавка Сновидений была расположена в фешенебельной секции Смертного Ряда. Баррент вошел и оказался в небольшой, роскошно мебелированной приемной. Гладкий молодой человек за полированным столом подарил ему искусственную улыбку.

— Чем могу служить? — спросил молодой человек. — Меня зовут Номис Дж. Аркдраген, помощник управляющего по ночным снам.

— Я хотел бы что-нибудь узнать о том, что при этом происходит, — сказал Баррент. — Как вызывается сон и тому подобное.

— Конечно, — согласился Аркдраген. — Наши услуги легко объяснить, Гражданин...

— Баррент. Вилл Баррент.

Аркдраген кивнул и сверил его имя со списком. Он оторвался от него и сказал:

— Наши сны производятся путем воздействия наркотика на мозг и центральную нервную систему. Есть много наркотиков, вызывающих желанный эффект. Среди наиболее распространенных — героин, морфий, опиум, кока, индийская конопля, москалин. Это все земные продукты. Существующие только на Омсге — это Черная Туфелька, нас, манисей, три-наркотин, дьеданс и разные продукты кармоидной группы. Любой и каждый из них вызывает сны.

— Понятно, — сказал Баррент. — Значит, вы торгуете наркотиками.

— Вовсе нет, — возразил Аркдраген. — Ничего столь простого, столь грубого. В древние времена на Земле люди сами вводили в себя наркотики. В результате возникавшие сны носили случайный характер. Вы никогда не знали, о чем будет сон и какой он

будет продолжительности. Вы никогда не знали, будут у вас грезы или кошмары, ужас или восторг. Эта неуверенность полностью устранена в современной лавке Сновидений. Ныне наши наркотики старательно дозируются, смешиваются и применяются для каждого индивидуально. Достигнув абсолютной точности в создании сна, мы обеспечиваем спокойствие, подобное нирване от Черной Туфельки, через многоцветные галлюцинации москалина и три-наркотика, до сексуальных фантазий, вызываемых насом и морфием, и наконец, до воскрешающих память снов кармоидной группы.

— Меня интересуют именно сны, воскрешающие память, — сказал Баррент.

Аркдраген нахмурился.

— Я бы не советовал делать это при первом же визите.

— Отчего же?

— Сны о Земле имеют тенденцию быть более расстраивающими, чем любые вымышленные постановки. Обычно рекомендуется нарастить терпимость к ним. Я бы советовал милейшую сексуальную фантазию для первого визита. У нас на этой неделе есть особые образцы сексуальных фантазий.

Баррент покачал головой.

— Думаю, я бы предпочел настоящее.

— Не предпочли бы, — ответил со знающей улыбкой помощник управляющего. — Поверьте мне, коль скоро человек привыкнет к заменяющим сексуальным фантазиям, настоящее блекнет по сравнению с этим.

— Меня это не интересует, — отрезал Баррент. — Что мне нужно, так это сны о Земле.

— Но вы же не нарастили терпимости! — возразил Аркдраген. — Вы ведь даже еще не пристрастились!

— А необходимо пристраститься?

— Это важно, — сообщил ему Аркдраген. — Точно так же, чтобы это было неизбежным. Все наши наркотики обеспечивают привыкание, как этого требует закон. Понимаете, чтобы действительно оценить наркотик, надо развить нужду в нем. Это крайне повышает удовольствие, не говоря уже об увеличении терпимости. Вот почему я предлагаю вам начать с...

— Мне нужен сон о Земле! — повторил твердо Баррент.

— Отлично, — неохотно согласился Аркдраген. — Но мы снимаем с себя ответственность за какие-то выпавшие на вашу долю травмы.

Он проводил Баррента по длинному коридору. По обоим сторонам его шли двери, и из-за некоторых из них до Баррента доносились стоны и ахи удовольствия.

— Переживающие, — сказал Аркдраген без дальнейших объяснений.

Он провел Баррента до открытой комнаты неподалеку от

конца коридора. В ней сидел веселого вида бородатый человек в белом халате и читал книгу.

— Добрый вечер, доктор Вэйн, — поздоровался Аркдраген. — Это Гражданин Баррент. Первый визит. Он настаивает на земном сне.

Аркдраген повернулся и вышел.

— Ну, — сказал доктор, — это, я полагаю, мы можем устроить. — Он положил книгу. — Ложитесь здесь, Гражданин Баррент.

В центре комнаты стоял длинный стол, над которым висело сложного вида оборудование. В конце комнаты находились стеклянные шкафы, заполненные стеклянными банками. Они напомнили Барренту о его противоядиях.

Он лег. Доктор Вэйн провел общее обследование, затем специальную проверку на внушаемость, гипнотический индекс, реакции на одиннадцать групп наркотиков и предрасположенность к столбнячным и эпилептическим припадкам. Результаты он записал в блокнот и, проверив свои цифры, подошел к шкафу и начал смешивать наркотики.

— Это, вероятно, будет опасным? — спросил Баррент.

— Не должно, — ответил доктор Вэйн. — Вы кажетесь достаточно здоровым. Совершенно здоровым фактически и с низким уровнем внушаемости. Конечно, эпилептические припадки все же возможны, вероятно, из-за кумулятивных реакций. И потом есть травмы, в результате которых иногда бывают безумие и смерть. Они сами по себе создают интересный материал для изучения. И некоторые люди застревают в своих снах надолго и их невозможно вызволить. Я полагаю, это может быть классифицировано как форма безумия, хотя на самом деле это не так.

Доктор закончил смешивать наркотики. Он заправил этой смесью шприц. У Баррента возникли серьезные сомнения относительно желательности всего этого дела.

— Наверное, мне следовало бы отсрочить этот визит, — сказал он. — Я не уверен, что мне...

— Не беспокойтесь ни о чем, — прервал его доктор. — Это самая прекрасная лавка Сновидений на Омеге. Постарайтесь расслабиться. В результате напряжения мускулов могут быть столбнячные конвульсии.

— Я думаю, мистер Аркдраген был прав, — сказал Баррент. — Кажется, мне не следовало начинать со снов о Земле. Он сказал, что это опасно.

— Ну, — заметил доктор, — что такое жизнь без риска? Кроме того, самые распространенные травмы — это повреждения мозга и разрыв кровеносных сосудов. А у нас есть все средства, чтобы успешно справиться с этим.

Он поднес шприц к левой руке Баррента.

— Я передумал, — заявил Баррент и начал было подниматься с постели.

Доктор Вэйн умело всадил ему в руку иглу.

— Никто не передумывает, — сообщил он Барренту, — войдя в лавку Сновидений. Постарайтесь расслабиться...

Баррент расслабился. Он лежал, откинувшись на постели, и слышал визгливое пение у себя в ушах. Он попытался сосредоточиться на лице врача, но лицо начало меняться...

Лицо было старым, округлым и мясистым. На подбородке и шее выступали складки жира. Лицо было потным, дружески обеспокоенным.

Это был Советник Баррента.

— Теперь, Вилл, — сказал Советник, — ты должен быть осторожным. Ты должен научиться сдерживать свой темперамент. Вилл, ты *должен!*

— Я знаю, сэр, — ответил Баррент. — Дело в том, что я так разозлился на этого...

— Вилл!

— Ладно, — согласился Баррент. — Я буду следить за собой.

Он покинул офис университета и вышел в город. Это был фантастический город небоскребов и улиц на множестве уровней, блестящий город, управляющий далеко раскинувшейся сетью стран и планет.

Баррент шел по третьему пешеходному уровню, все еще в гневе, думая об Эндрю Теркейлере.

Из-за Теркейлера и его глупой ревности заявление Баррента о приеме в Корпус Космических Исследований было отвергнуто. Его Советник ничего не мог поделать: Теркейлер обладал слишком большим влиянием в Приемной Комиссии. Пройдет целых три года, прежде чем Баррент снова сможет подать заявление. В это время он будет привязан к Земле и не в состоянии найти работу. Вся его учеба была направлена для внеземных исследований. На Земле для него не было места, а теперь его отгородили от Космоса.

Теркейлер!

Баррент покинул пешеходный уровень и сел на высокоскоростной трап, направляясь в округ Санте. Когда трап тронулся, он нащупал в кармане небольшой пистолет. Пистолеты были запрещены на Земле. Свой он добыл средствами, не поддающимися прослеживанию.

Он твердо решил убить Теркейлера.

Пошел поток гротескных лиц. Сон потерял четкость. Когда он проснулся, Баррент увидел себя, целящимся из пистолета в худого косоглазого парня, чей вопль о пощаде внезапно оборвался.

Осведомитель с пустотой во взоре и строгими чертами лица отметил преступление и сообщил о нем в полицию.

Полиция взяла его под арест и представила судье.

Судья, с неясным пергаментным лицом, приговорил его к

пожизненному сроку на планете Омега и вынес обязательное постановление, чтобы Барренту очистили память.

Затем сон превратился в калейдоскоп ужасов. Баррент лез на скользкий столб, на крутую гору, на гладкую стену. За ним, настигая его, двигался труп Теркейлера с распоротой грудью. С обоих боков труп поддерживали пустолицый осведомитель и пергаментный судья.

Баррент бежал вниз с холма, по улице, по крыше. Его преследователи наступали ему на пятки. Он вступил в тускло освещенную комнату, захлопнул и запер за собой дверь. Обернувшись, он увидел, что заперся вместе с трупом Теркейлера. В открытой ране на груди расцветал грибок, а голова в шрамах была увенчана красно-пурпурной плесенью. Труп вытянулся, а потом стал приближаться, протягивая к нему руки, и Баррент нырнул головой вперед через окно...

— Выходите из этого, Баррент! Вы перебираете! Выходите из сна!

У Баррента не было времени слушать. Окно превратилось в крутой скат, и он скользил по его полированной поверхности в амфитеатр. Там, по серому песку, к нему полз труп на обрубках рук и ног. Огромные трибуны были пусты, лишь судья и осведомитель сидели на них бок о бок.

— Он застрял.

— Ну, я его предупреждал...

— Выходите из сна, Баррент! Это доктор Вэйн. Вы на Омеге, в лавке Сновидений. Выходите из сна! Еще есть время. Если вы немедленно не выйдете из сна...

Омега? Сон? Не было времени думать об этом. Баррент плыл по темному, дурно пахнувшему озеру. Судья и осведомитель плыли сразу за ним, подталкивая труп, чья кожа медленно сползала.

— Баррент!

А теперь озеро превратилось в густое желе, прилипавшее к его рукам и ногам и заполнявшее его рот, в то время как судья и осведомитель...

— Баррент!

Баррент открыл глаза и обнаружил, что находится на койке в лавке Сновидений. Над ним стоял, выглядевший несколько потрясенным, доктор Вэйн. Рядом стояла медсестра, державшая поднос со шприцами и кислородной маской. Позади них Аркдраген вытирал пот с лица.

— Не думал, что вы сумеете выкарабкаться, — сказал доктор Вэйн. — Никак не думал.

— Он выскочил как раз во время, — сказала медсестра.

— Я его предупреждал, — сказал Аркдраген и покинул комнату.

Баррент сел.

— Что случилось? — спросил он.

Доктор Вэйн пожал плечами.

— Трудно сказать. Наверное, вы склонны к циркуляции реакции, а наркотики иногда бывают недостаточно чистыми. Но такие вещи обычно случаются только раз, не больше. Поверьте мне, Гражданин Баррент, наркотические переживания очень приятны. Я уверен, что во второй раз вы насладитесь ими.

Все еще трясаясь от пережитого, Баррент был уверен, что для него не будет никакого второго раза. Чего бы то ни стоило, он не собирается повторять или даже рисковать повторением этого кошмара.

— Я теперь пристрастен? — спросил он.

— О нет, — ответил доктор Вэйн. — Пристрастие возникает только после третьего или четвертого раза.

Баррент поблагодарил его и вышел. Проходя мимо стола Аркдрагена, он спросил, сколько он должен.

— Нисколько, — ответил Аркдраген. — Первый визит — всегда за счет заведения. — Он подарил Барренту улыбку.

Баррент покинул лавку Сновидений и поспешил в свою квартиру. Ему было о чем поразмыслить. Теперь впервые он получил доказательство, что был добровольным и преднамеренным убийцей.

ГЛАВА 9

Быть обвиненным в убийстве, которого не можешь вспомнить — одно дело, помнить убийство, в котором тебя обвинили — совсем другое. К таким уликам трудно отнестись с недоверием.

Баррент попытался разобраться в своих чувствах по этому вопросу. До своего визита в лавку Сновидений он никогда не ощущал себя убийцей, в чем бы там ни обвиняли его земные власти. В худшем случае он думал, что мог убить человека в неожиданном, неконтролируемом припадке ярости. Но хладнокровно спланировать и совершить убийство...

Почему он совершил его? Неужели его жажда мести была настолько велика, чтобы отбросить сдерживающие начала земной цивилизации? Очевидно, все было именно так. Он убил, и кто-то донес на него, а судья приговорил его к Омеге. Он был убийцей на Земле, а теперь он стал убийцей на планете преступников. Чтобы жить здесь припеваючи, ему требовалось просто следовать своей природной склонности к убийству.

И все же Баррент находил, что сделать это крайне трудно — у него было действительно мало любви к кровопролитию. В День Свободного Гражданина, хотя он и выходил на улицы со своим иглолучевым пистолетом, он не мог заставить себя убить кого-нибудь из представителей низших классов. Он не хотел убивать. Это был нелепый предрассудок, учитывая то, где и кем он был, но предрассудок все же был, и все тут. Как бы часто ни читали ему

лекции Тем Ренд и Джо о его обязанностях Гражданина, Баррент все равно находил убийство крайне неприятным делом.

Он искал помощи у психиатра, который сказал, что его неприятие убийства коренится в несчастном детстве. Фобия была еще больше усложнена травматическими качествами пережитого в лавке Сновидений. Из-за этого убийство, величайшее общественное благо, стало для него отвратительным. Этот антиубийственный невроз в человеке, замечательно подходящем для искусства убийства, говорил психиатр, неизбежно приведет к уничтожению Баррента. Единственным выходом было сменить невроз. Психиатр предложил немедленный курс исцеления в лечебнице для преступно неубийственных.

Баррент посетил лечебницу и услышал, как безумные обитатели вопят о доброте, честности, святости жизни и о других непристойностях. У него не было намерения присоединиться к ним. Возможно, он был болен, но болен не *настолько*!

Друзья говорили ему, что его позиция несотрудничества обязательно приведет его к беде. Баррент соглашался, но он надеялся, что убивая только тогда, когда это будет необходимым, он избежит попадания в поле зрения высоко размещенных индивидов, вершащих правосудие.

Несколько недель его план, казалось, срабатывал. Он игнорировал все более повелительные приглашения из лавки Сновидений и не возвращался на Службы в Шабашник. Его бизнес процветал, и Баррент проводил свободное время, изучая воздействие более редких ядов и практикуясь со своим иглолучевым пистолетом. Он часто думал о той девушке. Он все еще хранил одолженный ему пистолет. Он гадал, увидит ли он ее вновь.

И он думал о Земле. После визита в лавку Сновидений у него случались вспышки воспоминаний, изолированные картины обшарпанного каменного здания, ряда живых дубов, излучины реки, видимой сквозь ивы. Эта полувспаханная земля наполняла его почти невыносимой тоской.

Подобно большинству граждан Омеги его единственным, настоящим желанием было отправиться домой.

А это было невозможно.

Проходили дни, и когда пришла беда, она пришла неожиданно.

Однажды ночью раздался тяжелый стук в дверь. Полусонный Баррент открыл. В дом ввалились четыре человека в форме и сообщили, что он арестован.

— За что? — спросил Баррент.

— Непристрастие к наркотикам, — сказал один из чинов. — У вас есть три минуты на одевание.

— А какое наказание?

— Узнаешь в суде, — ответил чин.

Он подмигнул другим охранникам и добавил:

— Но единственный способ исцелить непотребляющего — убить его. А?

Баррент оделся.

Его привели в широко раскинувшийся зал Министерства Юстиции. Зал этот назывался Судом Линча в честь древнего англо-саксонского судопроизводства. Напротив по коридору от него находилась Звездная Палата — тоже древнего происхождения. Сразу за ней был Суд Последней Инстанции.

Суд Линча разделяла пополам высокая деревянная перегородка, потому что для суда Омеги было основополагающим, чтобы обвиняемый не видел ни своего судьи, ни каких-либо свидетелей обвинения.

— Обвиняемый, встаньте! — произнес голос из-за перегородки.

Голос тонкий, ровный и лишенный эмоций, исходил из маленького репродуктора. Баррент едва мог понять слова — интонации и модуляции пропадали начисто, как и было запланировано. Даже говоря, судья оставался анонимным.

— Вилл Баррент, — заявил судья, — вы были доставлены в суд по крупному обвинению в непристрасности к наркотикам и по мелкому обвинению в религиозной нечестивости. По мелкому обвинению у нас есть клятвенное заявление священника. По крупному обвинению у нас есть свидетельские показания лавки Сновидений. Можете ли вы опровергнуть любое из этих обвинений?

Баррент подумал с минуту, а затем ответил:

— Нет, сэр, не могу.

— В настоящее время можно отказаться от права преследования вас за религиозную нечестивость, поскольку это первое нарушение. Но непристрасие к наркотикам является таким преступлением против государства Омеги, которое нельзя оставить без внимания. Непрерывное потребление наркотиков является принудительной привилегией каждого гражданина. Хорошо известно, что привилегиями необходимо пользоваться, иначе они будут утрачены. Потеря нами привилегий было бы потерей самого краеугольного камня нашей свободы. Таким образом, неприятие или иной отказ воспользоваться привилегией равносильно государственной измене.

Возникла пауза. Часовые беспокойно переминались с ноги на ногу. Баррент, считавший свою ситуацию безнадежной, стоял, вытянувшись по стойке «смирно», и ждал.

— Наркотики служат многим целям, — продолжал скрытый судья. — Мне нет нужды перечислять их желательные качества для потребляющего. Но чтобы вы лучше узнали о точке зрения государства, я скажу вам, что пристрастившиеся — лояльное население, наркотики — источник подходящего налога, наркоти-

ки - яркий образец всего нашего образа мыслей и жизни. Более того, я говорю вам, что непристрастившееся меньшинство населения немедленно становится враждебным омегским институтам. Я даю вам это объяснение, Вилл Баррент, для того, чтобы вы лучше смогли понять вынесенный вам приговор.

— Сэр, — сказал Баррент, — я был не прав, избегая пристрастия. Я не стану ссылаться на неведение, потому что знаю, что закон не признает такого оправдания. Но я буду покорнейше просить дать мне еще один шанс. Прошу вас помнить, сэр, что пристрастие к наркотикам и реабилитация еще возможны для меня.

— Суд признает это, — сказал судья. — По этой причине суд рад применить всю свою власть судебного снисхождения. Вместо немедленной казни вы можете решить выбрать меньшее наказание из двух. Первое — карательное: вы пострадаете от потери правой руки и левой ноги во искупление своего преступления против государства, при этом вы сохраняете жизнь.

Баррент сглотнул и спросил:

— А какое второе решение, сэр?

— Другое наказание, не являющееся карательным, заключается в том, что вы подвергнетесь испытанию Божьим судом, и если вы переживете такое испытание, вам будут возвращены ваши ранги и положение в обществе.

— Я выбираю испытание Божьим судом, — сказал Баррент.

— Отлично, — согласился судья. — Слушание закончено.

Баррента вывели из зала. За спиной у него раздался быстро подавленный смех одного из часовых. Не выбрал ли он неправильно? — подумал Баррент. Не могло ли испытание Божьим судом быть хуже простого членовредительства?

Ему еще предстояло убедиться в этом.

ГЛАВА 10

На Омеге, утверждала пословица, нельзя вогнать лезвие ножа между судом и исполнением приговора. Баррента сразу же отвели в большое круглое помещение в подвале Министерства Юстиции. С высокого сводчатого потолка его ослепили белые дуговые лампы. Ниже один сектор стены был вырезан, чтобы устроить трибуны для зрителей. Когда привели Баррента, трибуны были почти заполнены, и лотошники продавали юридический календарь этого дня.

Несколько минут Баррент был один на каменной сцене. Затем в одной из покрытых резьбой стен открылась дверь, и на сцену выкатилась небольшая машина.

Громкоговоритель, установленный высоко на трибуне, объявил:

— Дамы и господа, прошу внимания! Вам предстоит стать свидетелями испытания Божьим судом между Гражданином Бар-

рентом и IME-213. Займите, пожалуйста, свои места! Состязание начнется через несколько минут.

Баррент осмотрел своего противника. Это была сверкающая машина в форме полусферы, высотой почти четыре фута. Она беспорочно каталась взад-вперед на колесиках. На ее гладкой металлической шкуре вспыхивали узоры красного, зеленого и янтарного цвета от установленных в корпусе лампочек. Она разворошила в Барренте смутные воспоминания о какой-то твари из океана Земли.

— Для тех, кто в первый раз посетил нашу галерею, — продолжал громкоговоритель, — предлагается небольшое объяснение. Заключенный, Билл Баррент, свободно избрал испытание Божьим судом. Орудие правосудия, которым в данный момент является IME-213, пример прекраснейшей творческой инженерной мысли специалистов Омеги. Машина — или Макс, как ее зовут многочисленные друзья и поклонники, — это орудие убийства образцовой эффективности, использующей не менее двадцати трех способов убийства, многие из которых крайне болезненны. В целях испытания она настроена действовать по случайному принципу. Это значит, что Макс не выбирает способ, которым убивает. Методы избираются и отрабатываются произвольно, случайным набором двадцати трех чисел, связанных с равно случайным набором временных интервалов от одной до шести секунд.

Макс вдруг двинулся к центру помещения, и Баррент отступил от него.

— Во власти заключенного, — продолжал голос громкоговорителя, — вывести машину из строя. В таком случае заключенный выигрывает состязание и становится свободным со всеми правами и привилегиями своего положения. Метод выведения из строя варьируется от машины к машине. Для заключенного теоретически всегда возможно выиграть. Говоря практически, это случается в трех с половиной случаях из ста.

Баррент посмотрел на галерею для зрителей. Судя по их одежде, все они были людьми с высоким статусом из класса Привилегированных Граждан.

Затем он увидел сидящую в первом ряду девушку, одолжившую ему револьвер в первый его день в Тетрахуде. Она была такой же прекрасной, как он ее помнил, но ни малейшего следа эмоций не отражалось на бледной коже овального лица. Она разглядывала его с искренним и отвлеченным интересом, как человек, следящий за необыкновенным жуком под стеклом.

— Состязание начинается! — объявил громкоговоритель.

У Баррента не было больше времени на размышление о девушке, потому что к нему катилась машина.

Он осторожно кружил подальше от нее. Макс выдвинул вперед единственное щупальце с замигавшим на его конце белым светом. Машина покатилась к Барренту, тесня его к стене.

Внезапно она остановилась. Баррент услышал клацанье шестеренок. Щупальце было втянуто, и на его месте появилась рука с сочленениями, кончавшаяся лезвием ножа. Двигаясь теперь быстрее, машина прижала его к стене. Рука метнулась вперед, но Баррент сумел увернуться от нее. Он услышал, как скребнуло по камню стены лезвие ножа. Когда рука втянулась, Баррент снова получил шанс перебраться в центр помещения.

Он знал, что его единственный шанс вывести машину из строя был во время паузы, когда селектор сменял ей один способ убийства на другой. Но как выведешь из строя похожую на черепаху машину с гладкой поверхностью?

Макс снова двинулся вперед, и теперь его металлическая шкура тускло блестела зеленой субстанцией, в которой Баррент узнал контактный яд. Он перешел на спринт, кружа по залу, стараясь избежать рокового соприкосновения.

Машина остановилась. Ее поверхность покрылась нейтрализатором, очищая ее от яда. Затем машина снова двинулась к нему, на этот раз без всякого видимого оружия, явно намереваясь раздавить его.

Баррент сильно запыхался. Он вильнул в сторону, и машина вильнула вместе с ним. Он беспомощно стоял у стены, когда машина набрала скорость.

Она остановилась в нескольких дюймах от него. Защелкал селектор. Макс выдвинул своего рода дубинку.

Это, подумал Баррент, было упражнением в прикладном садизме. Если это будет продолжаться довольно долго, машина загоняет его, пока он не свалится, и убьет его на досуге. Что бы он ни собирался делать, ему лучше сделать это немедленно, пока у него еще есть силы.

Пока он обдумывал это, машина взмахнула дубинкой. Баррент не смог полностью уклониться от удара. Дубинка ударила его по левому плечу, и он почувствовал, что рука онемела.

Макс снова занялся выбором. Баррент бросился на его гладкую округлую спину. На самом верху он увидел две крохотные дырочки. Молясь, чтобы они оказались вентиляционными отверстиями, Баррент засунул в них пальцы.

Машина резко остановилась. Зрители взревели. Баррент, онемевшей рукой цепляясь за гладкую поверхность, пытался удерживать пальцы в дырочках. Световые узоры на поверхности Макса переменялись с зеленых на янтарные, а затем на красные. Его глухое жужжание стало тихим гудением.

А затем машина выдвинула трубки запасной вентиляции.

Баррент попытался прикрыть их своим телом, но машина неожиданно крутанулась и сбросила его. Баррент перекатился, вскочил на ноги и перескочил обратно в центр арены.

Состязание продолжалось не более пяти минут, но Баррент был уже измотан. Он заставил себя отступить от машины, которая

надвигалась на него, размахивая широким, сверкающим топором-секачом.

Когда рука с секачом размахнулась, Баррент бросился к ней, вместо того, чтобы попытаться отскочить назад. Он схватил металлическую конечность обеими руками и отогнул ее назад. Металл затрещал, и Барренту подумалось, что он слышит, как начинает поддаваться сочленение. Если бы он смог отломать металлическую руку, он, может быть, и вывел бы машину из строя, в любом случае рука, по крайней мере, могла стать его оружием...

Макс вдруг включил задний ход. Баррент попытался сохранить захват на руке, но она была вырвана. Он упал на пол. Секач опустился, поранив его.

Баррент перекатился и посмотрел на гадерею. Ему конец. Он вполне мог с достоинством принять следующую попытку машины покончить с ним. Зрители торжествующе закричали, наблюдая, как Макс начинает свою трансформацию к новому способу убийства.

А девушка делала ему знаки.

Баррент уставился на нее, пытаясь найти в них какой-нибудь смысл. Она жестом показывала ему что-то перевернуть, перевернуть и уничтожить.

У него не было времени смотреть. Испытывая головокружение от потери крови, он, шатаясь, поднялся на ноги и следил, как нападает машина. Он не трудился рассмотреть, какое оружие она выбрала, все его внимание было сосредоточено на ее колесах...

Когда машина двинулась к нему, Баррент бросился под колеса.

Машина попыталась затормозить и отклониться, но не успела вовремя. Колеса покатались по телу Баррента, резко накренив машину в сторону. Баррент крикнул от удара. Упершись спиной в брюхо машины, он вложил остаток сил в попытку встать.

Какой-то миг машина покачивалась с вертящимися колесами, а затем опрокинулась на спину, Баррент рухнул рядом с ней.

Когда он снова стал видеть, машина была еще на спине. Она выдвигала набор рук, пытаясь перевернуться. Баррент бросился на плоское брюхо машины и замолотил по нему кулаками. Ничего не произошло. Он попытался снять одно из колес, но у него ничего не вышло. Макс подпер себя руками, готовясь перевернуться и вновь начать нападение.

Только тогда Баррент увидел рядом с одним из колес маленькую коробку с предохранителями. Он сорвал крышку, потеряв по ходу дела большую часть ногтя, и вынул предохранитель.

Машина застыла в неподвижности.

Баррент потерял сознание.

ГЛАВА 11

На Омеге закон прежде всего. Скрытый и открытый, церковный и мирской, закон правит всей существующей жизнью, всеми действиями граждан от низших из низших до высочайших из высших. Без закона не могло бы быть никаких привилегий для тех, кто создал закон. Следовательно, закон был абсолютно необходим. Без закона и его строгого соблюдения Омега была бы немислимым хаосом, в котором права человека могли бы простираться ровно настолько и в таком количестве, сколько он лично смог бы их протолкнуть. Эта анархия означала бы конец омегианского общества, и особенно она означала бы конец тем старейшим согражданам из правящего класса, которые обрели высокий статус, но чье умение обращаться с пистолетом давно миновало свой пик.

Следовательно, закон был необходим.

Но Омега была также преступным обществом, состоящим целиком из индивидуумов, нарушавших законы Земли. Это было общество, которое в конечном итоге ставило акцент на индивидуальных усилиях. Это было общество, в котором нарушитель закона был королем, общество, в котором преступления не только прощались, но и служили объектом восхищения и даже вознаграждались, общество, в котором отклонение от правил судили только по степени их успешности.

И это реализовывалось в парадоксе преступного общества с абсолютными законами, которым предназначалось быть нарушенными.

Судья, по-прежнему скрытый за перегородкой, объяснил все это Барренту. Прошло уже несколько часов после окончания испытания Божьим судом. Баррента доставили в лазарет, где ему заштопали его раны. По большей части они оказались мелкими: два сломанных ребра, глубокая рана в левом плече и разные порезы и синяки.

— Соответственно, — продолжал судья, — закон должен быть нарушен и не нарушен. Те, кто никогда не нарушают закон, никогда не повышают свой статус. Их обычно убивают тем или иным способом, поскольку у них отсутствует необходимая для выживания инициатива. Для тех же, кто, подобно вам, нарушает законы, ситуация несколько иная. Закон карает их с абсолютной строгостью — *если они не смогут отвертеться*.

Судья помолчал и продолжал задумчивым голосом:

— Человек высочайшего типа на Омеге, это индивидуум, который понимает законы, ценит их необходимость, знает о наказании за несоблюдение, а потом нарушает их — и преуспевает! Вот, сэр, вы индивидуальный преступник и идеальный омегианин. И именно это вы сумели сделать, Вилл Баррент, выиграв испытание Божьим судом.

— Благодарю вас, сэр, — сказал Баррент.

— Я желал бы, чтобы вы поняли, — продолжал судья, — что

нарушение закона один раз абсолютно не означает, что вы преуспеете и во второй раз. С каждой вашей попыткой неравенство сил против вас будет возрастать — точно так же, как будут возрастать награды, если вы преуспеете. Таким образом, я советую вам не действовать опрометчиво, основываясь на своем новоприобретенном знании.

— Не буду, сэр, — пообещал Баррент.

— Отлично. Отныне вы повышаетесь до статуса Привилегированного Гражданина со всеми вытекающими из этого правами и обязанностями. Вам дозволено сохранить свой бизнес, как и раньше. Более того, вам даруется неделя бесплатного отпуска в районе Озер Облаков, и вы можете отправиться в этот отпуск с любой женщиной по вашему желанию.

— Прошу прощения, — переспросил Баррент, — что там было последнее?

— Неделя отпуска, — повторил скрытый судья, — с любой женщиной по вашему выбору. Это — высокая награда, поскольку на Омеге мужчины превосходят женщин по численности в шесть раз. Вы можете выбрать любую незамужнюю женщину, согласную или несогласную. Я даю вам три дня, чтобы сделать выбор.

— Мне не нужно три дня, сказал Баррент. — Я хочу девушку, сидевшую в первом ряду галереи для зрителей. Девушку с черными волосами и зелеными глазами. Вы знаете, кого я имею в виду?

— Да, — медленно произнес судья. — Я знаю, кого вы имеете в виду. Ее зовут Моэра Эрмэ. Но я предлагаю вам выбрать какую-нибудь другую.

— Есть какая-нибудь причина?

— Нет. Но для вас было бы намного желательней избрать кого-нибудь другого. Мой клерк будет рад снабдить вас списком подходящих молодых женщин. У всех у них есть свидетельства о хорошем поведении. Некоторые из них выпускницы Женского Института, который, как вы наверняка знаете, дает учащимся жесткий курс по искусству и науке гейш. Я могу лично рекомендовать вашему вниманию...

— Моэра — та, что мне требуется, — прервал его Баррент.

— Молодой человек, вы совершаете ошибку.

— Мне придется пойти на этот риск.

— Хорошо, — согласился судья. — Ваш отпуск начнется завтра в девять утра. Я искренне желаю вам удачи.

Охранники вывели Баррента из судебной палаты, и его отвезли обратно в магазин. Друзья, ожидавшие объявления о его смерти, пришли поздравить его. Им не терпелось услышать все детали, все об испытании Божьим судом. Но Баррент теперь усвоил, что тайное знание было дорогой к власти. Он дал им только общие контуры информации.

Той ночью была еще одна причина для торжества. Заявление Тема Ренда было, наконец, рассмотрено, и он был принят в

Гильдию Убийц. Он, как и обещал, брал Фурена своим помощником.

На следующее утро Баррент вышел из своего магазина и увидел перед дверью машину. Она была предоставлена ему для отпуска Министерством Юстиции. На заднем сидении сидела, выглядевшая очень прекрасной и очень обиженной, Моэра Эрмэ.

— Вы с ума сошли, Баррент! — возмущилась она. — Вы думаете, у меня есть время для подобных занятий? Почему вы выбрали меня?

— Вы спасли мне жизнь.

— И я полагаю, вы думаете, что это значит, что я интересуюсь вами? Ну так это неверно. Если у вас есть какое-то чувство благодарности, вы скажете водителю, что передумали. Вы еще можете выбрать другую девушку.

Баррент покачал головой.

— Вы единственная девушка, которая меня интересует.

— Значит, не передумаете?

— Ни за что.

Моэра вздохнула и откинулась на спинку сидения.

— Вы действительно *интересуетесь* мной?

— Намного больше, чем интересуюсь, — усмехнулся Баррент.

— Ну, — решила Моэра, — если вы не хотите передумать, то я полагаю, мне придется примириться с вами.

Она отвернулась, но прежде чем она это сделала, Баррент уловил на ее лице слабый намек на улыбку.

ГЛАВА 12

Озеро Облаков было прекраснейшим отпускным курортом Омеги. По въезде в этот округ все оружие сдавалось у главных ворот. Ни при каких обстоятельствах здесь не дозволялось никаких дуэлей. Ссоры произвольно рассуживались ближайшим барменом, а убийство немедленно каралось потерей всякого статуса.

На Озере Облаков были доступны всевозможные развлечения. Имелись такие зрелища, как состязание по фехтованию, бой быков и травля медведей. Практиковались такие виды спорта, как плавание, альпинизм и лыжи. По вечерам устраивались танцы в главном большом зале за стеклянными стенами, отделявшими Постоянных Жителей от Граждан, а Граждан от элиты. Имелся бар с хорошим запасом наркотиков, содержавших все, что только мог пожелать пристрастившийся из фешенебельного округа, а также некоторые новинки, которые он мог бы захотеть попробовать. Для общительных каждую ночь по средам и субботам устраивались в гроте Сатира оргии. Для робких заведение организовало свидания в масках в темных коридорах под отелем. Но важнее всего были пологие холмы и тенистые леса для прогулок,

свободных от напряженности повседневной борьбы за существование.

Баррент и Моэра остановились в соединяющихся номерах, и дверь между ними была не заперта. Но в первую ночь Баррент не прошел через эту дверь: Моэра не подала никакого знака, что она желает, чтобы он так сделал, а на планете, где женщины имеют легкий и постоянный доступ к ядам, мужчина должен дважды подумать, прежде чем навязывать свое общество там, где его не ждали. Даже владелец магазина противоядий должен был учитывать возможность того, что он будет не в состоянии узнать симптомы.

На второй день их пребывания они залезли высоко в горы. Они поели из корзины с завтраком на травянистом склоне, полого спускавшемся к самому морю. После того, как они позавтракали, Баррент спросил Моэру почему она спасла его жизнь.

— Вам не понравится мой ответ, — предупредила она.

— И все же я хотел бы услышать его.

— Ну, вы выглядели таким нелепо уязвимым в тот день в Обществе Защиты Жертв. Я помогла бы всякому, кто так выглядел.

Баррент кивнул. Ответ был неутешительным.

— А как насчет второго раза?

— К тому времени, я полагаю, у меня уже возник интерес к вам, как вы понимаете. Я совсем не романтична.

— Так какой же интерес? — спросил Баррент.

— Я думала, что вы можете стать хорошим вербовочным материалом.

— Я бы хотел услышать об этом побольше, — сказал Баррент.

Моэра некоторое время молчала, глядя на него немигающими зелеными глазами.

Я мало что могу сообщить вам, — сказала она. — Я член одной организации. Мы выискиваем хороших перспективных кандидатов. Обычно мы начинаем прямо с корабля. После этого вербовщики, вроде меня, отправляются на поиски людей, которых мы можем использовать.

— Какого же типа людей вы ищете?

— К сожалению, Вилл, не вашего.

— Почему же не моего?

— Сперва я серьезно думала завербовать вас, — призналась Моэра. — Вы казались личностью именно того типа, какой нам требуется. Но потом я проверила ваше личное дело.

— И?

— Мы не вербуем убийц. Иногда мы нанимаем их для определенной работы, но не принимаем их в организацию. Есть признаваемые нами смягчающие обстоятельства, например, самозащита. Но, за исключением этого, мы считаем, что человек, совершивший на Земле преднамеренное убийство, не подходит для нас...

— Понятно, — сказал Баррент. — Помогло бы вам чем-нибудь, если бы я сказал, что у меня нет обычного омегианского отношения к убийствам?

— Я знаю это, — ответила Моэра. — Если бы решала я, то я приняла бы вас в нашу организацию. Но решаю не я... Вилл, вы уверены, что вы не совершали убийства?

— Нет, — сказал Баррент. — Вероятно, я убийца.

— Очень жаль, — огорчилась Моэра. — И все же организации нужны личности с высоким потенциалом выживания, что бы они там ни натворили на Земле. Я не могу ничего обещать, но я посмотрю, что можно сделать. Помогло бы, если бы вы смогли побольше выяснить, почему вы совершили убийство. Наверное, были смягчающие обстоятельства.

— Наверное, — с сомнением произнес Баррент. — Я постараюсь выяснить.

Вечером, как раз перед тем, как он собрался лечь спать, Моэра открыла соединяющую номера дверь и вошла к нему. Стройная и теплая, она скользнула к нему в постель. Когда он начал было говорить, она приложила ладонь к его рту. И Баррент, научившийся не искушать судьбу, сохранил молчание.

Остаток отпуска пролетел чересчур быстро. Тема организации больше не поднималась, но, наверняка в качестве компенсации, дверь между номерами не закрывалась. Наконец на исходе седьмого дня Баррент и Моэра вернулись в Тетрахуд.

— Когда я смогу снова увидеться с тобой? — спросил Баррент.

— Я сама разыщу тебя.

— Это не самое лучшее обещание.

— Это самое большее, что я смогу сделать, — ответила Моэра. — Мне очень жаль, Вилл. Я посмотрю, что можно сделать насчет организации.

Барренту пришлось довольствоваться этим. Когда машина подбросила его до магазина, он по-прежнему не знал, ни где она живет, ни какую организацию представляет.

Вернувшись в свою квартиру, он старательно обдумал все детали сна в лавке Сновидений. Там было все: его гнев на Теркейлера, незаконное оружие, встреча, труп, а потом осведомитель и судья. Отсутствовало только одно. У него не было никаких воспоминаний о причинах убийства, никакой памяти о нацеленном пистолете и о выстреле. Сон остановился, когда он встретил Теркейлера, и начался снова после того, как тот был уже убит.

Наверное, он заблокировал момент совершаемого убийства от своего сознания, но, возможно, была какая-то провокация, какая-то удовлетворительная причина, по которой он убил человека. Он должен это выяснить.

Было только два пути получить информацию о Земле. Один лежал через окрашенные ужасом видения лавки Сновидений, а он

твердо решил не ходить туда вновь. Другой путь лежал через услуги сканирующего мутанта.

Баррент испытывал обычную неприязнь к мутантам. Они были совершенно другой расой, и их статус неприкасаемых не был всего лишь предубеждением. Было хорошо известно, что мутанты являлись разносчиками страшных и неизлечимых болезней. Их остерегались и избегали, и они отвечали замкнутостью. Они жили в квартале Мутантов, который был почти самостоятельным городом внутри Тетрахуда. Граждане со здравым смыслом держались подальше от этого квартала, особенно после темноты. Все знали, что мутанты могли быть мстительными.

Но только мутанты обладали способностью сканировать. И в их бесформенных телах обитали необычные силы и таланты, странные и ненормальные способности, которых нормальный человек избегал днем, но тайно искал ночью. Поговаривали, что мутанты были в особой милости у Черного. Некоторые люди считали, что великим искусством черной магии, которым похвалялись священники, могут владеть только мутанты, но никто и никогда не говорил этого в присутствии священника.

Мутанты из-за своих странных талантов имели репутацию помнящих о Земле намного больше, чем было возможно для нормальных мужчин и женщин. Они не только могли вспомнить Землю вообще, но в особенности могли просканировать обратно через пространство и время нить жизни человека, пробить зону забвения и сказать, что случилось с ним на самом деле.

Другие люди полагали, что мутанты вообще не обладали никакими необычными способностями. Они считали их хитрыми плутами, жившими за счет людской доверчивости.

Баррент решил выяснить это сам. Однажды ночью, как следует одетый и вооруженный, он покинул свою квартиру и отправился в Квартал Мутантов.

ГЛАВА 13

Баррент шел по узким кривым улицам Квартала Мутантов с одной рукой, готовой выхватить оружие. Он шел среди хромых и слепых, мимо микроцеллофановых идиотов, мимо жонглера, державшего в воздухе двенадцать пылающих факелов с помощью рудиментальной третьей руки, растущей из его груди. Тут были уличные торговцы, продававшие одежду, амулеты и драгоценности. Стояли телеги, нагруженные острой и антисанитарного вида пищей. Он прошел мимо ряда раскрашенных борделей. В окнах толпились девицы и кричали ему, а четырехрукая и шестиногая женщина сказала ему, что он может как раз вовремя поспеть на дельфийские обряды. Баррент улыбнулся, отвернулся от нее и чуть не врезался в чудовищно толстую женщину, которая распахнула блузку и открыла шесть сморщенных грудей. Он прошмыгнул

мимо нсе, быстро прошел мимо четырех соединенных сиамских близнецов, глядевших на него огромными печальными глазами.

Баррент завернул за угол и остановился. Дорогу ему преграждал высокий оборванный старик с тростью. Старик был полуслеп: над глазницей, где полагалось находиться его левому глазу, кожа стала гладкой и безволосой, но его правый глаз под белой бровью был острым и свирепым.

— Вы желаете воспользоваться услугами настоящего сканера? — спросил старик.

Баррент кивнул.

— Следуйте за мной, — предложил старик.

Он завсрнул в персулок, и Баррент пошел за ним, сжимая рукоять своего иглолучевого пистолета. Закон запрещал мутантам носить оружие, но, подобно этому старику, большинство из них имели тяжелые с железными наконечниками посохи. В ближнем бою никто не мог желать лучшего оружия.

Старик открыл дверь и жестом пригласил Баррента войти. Баррент остановился, вспоминая о слышанных им историях про легковверных граждан, попавших в руки мутантов. Затем он, сжав свой иглолучевой, вошел в дом.

В конце длинного коридора старик открыл дверь и провел Баррента в маленькую, тускло освещенную комнату. Когда его глаза привыкли к полумраку, Баррент смог различить фигуры женщин, сидящих перед простым деревянным столом. На столе стояла миска воды, а в миске был кусок стекла, размером с кулак, с множеством граней.

Одна из женщин была очень стара и совершенно безволоса. Другая была молода и красива. Когда Баррент приблизился к столу, он был шокирован, увидев, что ноги у нсе были соединены ниже колен мембраной из чешуйчатой кожи, а ступни — плавниковой формы.

— Что желаете просканировать, гражданин Баррент? — спросила молодая женщина.

— Как вы узнали мое имя? — ответил вопросом Баррент. И, не получив никакого ответа, сказал: — Ладно, я хочу выяснить все об убийстве, совершенном мною на Земле.

— Почему вы хотите выяснить о нем? — спросила молодая женщина. — Разве власти не относят его на ваш счет?

— Относят. Но я хочу выяснить, почему я совершил его. Может, были смягчающие обстоятельства. Может, я совершил его в порядке самообороны.

— Это действительно важно? — спросила молодая женщина.

— Я думаю, что да, — ответил Баррент. Он мгновенно поколебался, а затем, собравшись с духом, сказал: — Суть дела в том, что у меня невротическое предубеждение против убийства. Я предпочел бы не убивать. Поэтому я хочу выяснить, почему я совершил убийство на Земле.

Мутанты переглянулись. Затем старик усмехнулся и сказал:

— Гражданин, мы поможем вам всем, чем сможем. Мы, мутанты, тоже имеем предубеждение против убийства, поскольку дело обстоит так, что всегда кто-то убивает нас. Мы все стоим на стороне граждан с неврозом против убийства.

— Значит, вы просканируете мое прошлое?

— Все не так просто, — ответила молодая женщина. — Способность сканировать, которая является проявлением пси-таланта, трудно использовать. Она не всегда функционирует, она часто не открывает того, что ей положено.

— Я думал, что все мутанты могут заглянуть в прошлое, когда только захотят, — сказал Баррент.

— Нет, — покачал головой старик, — это не верно. Хотя бы по одному тому, что многие из нас классифицированы как мутанты, а на самом деле не настоящие мутанты. Нынче почти любую деформацию или аномалию называют мутацией. Это удобный термин, чтобы охватить всех, кто не вписывается в Земной стандарт внешности.

— Но некоторые из вас настоящие мутанты?

— Разумеется. Но вообще есть разные типы мутантов. Некоторые просто демонстрируют аномалии, вызванные радиацией: гигантизм, микроцефалию и тому подобное. Лишь немногие из нас обладают пси-способностями, хотя притязают на них все мутанты.

— А вы можете сканировать? — спросил его Баррент.

— Нет. Но Мила может, — показал он на молодую женщину. — Иногда может.

Молодая женщина пристально глядела в миску с водой, на ограниченное стекло. Ее бледные глаза были широко раскрыты — не глаза, а почти сплошные зрачки, — а тело с рыбьим хвостом, поддерживаемое старухой, жестко выпрямилось.

— Она начинает что-то видеть, — пояснил старик. — Вода и стекло просто устройства для фиксирования ее внимания. Мила хороша в сканировании, хотя иногда она путает будущее с прошлым. Такого рода случаи вызывают смущение и создают сканированию дурную славу. С этим, однако, ничего сделать нельзя. Время от времени там, в воде, оказывается будущее, и Мила вынуждена говорить, что она видит. На прошлой неделе она сказала одному Хаджи, что ему предстоит умереть через четыре дня. — Старик тихо засмеялся. — Видели бы вы выражение его лица!

— Она видела, как он умрет? — спросил Баррент.

— Да. От удара ножом. Бедняга все четыре дня не выходил из дома.

— Его убили?

— Конечно. Его убила жена. Мне говорили, что она была женщиной сильной духом.

Баррент надеялся, что Мила не увидит его будущее. Жизнь и

без того была трудна, чтобы предсказания мутантки делали ее еще хуже.

Она оторвала взгляд от ограненного стекла, печально качая головой.

— Я могу сообщить вам очень немного. Я не в состоянии была увидеть убийство. Совершение убийства. Но я видела кладбище и могилу ваших родителей. Там стоит надгробие, наверное, двадцатилетней давности. Кладбище расположено на окраине одного местечка на Земле, называемого Янгерстен.

Баррент с минуту размышлял, но это название ничего не говорило ему.

— Я также, — добавила Мила, — увидела человека, который знает об этом убийстве. Он может рассказать вам о нем, если захочет.

— Этот человек видел убийство?

— Да.

— Он тот, кто донес на меня?

— Не знаю, — ответила Мила. — Я видела труп, чье имя было Теркейлер, и рядом с ним стоял человек по фамилии Иллиарди.

— Он здесь, на Омеге?

— Да. Вы можете найти его прямо сейчас в Эйфориатории на улице Маленького Топора. Вы знаете, где это?

— Я могу выяснить, — сказал Баррент.

Он поблагодарил молодую женщину и предложил плату, которую она отказалась взять. Она выглядела очень несчастной. Когда Баррент выходил, она сказала ему вслед:

— Будьте осторожны!

Баррент остановился в дверях и почувствовал, как холод распространяется у него по груди.

— Вы сканировали мое будущее? — догадался он.

— Лишь немного, — призналась она. — Лишь на несколько месяцев вперед.

— И что вы увидели?

— Я не могу этого объяснить, — смутилась Мила. — То, что я увидела, совершенно невозможно.

— Скажите мне, что это было?

— Я видела вас мертвым. И все же вы были не совсем мертвы. Вы выглядели как труп и смотрели на труп, который был разбит на сверкающие осколки. Но этим трупом были тоже вы.

— Что это значит?

— Не знаю, — ответила Мила.

Эйфориаторий был большим, крикливо-безыскусным заведением, специализирующимся на наркотиках по сниженным ценам. Клиентуру его составляли большей частью пеоны и Постоянные Жители. Баррент чувствовал себя не в своем статусе, когда,

протолкнувшись через толпу, спросил у официанта, где бы он мог найти человека по фамилии Иллиарди.

Официант показал. В угловой кабине Баррент увидел лысого плечистого человека, сидящего за крошечным стаканом тонапикиты. Баррент подошел и представился.

— Рад с вами познакомиться, сэр, — произнес Иллиарди, демонстрируя обязательное уважение к Привилегированному Гражданину. — Чем могу служить?

— Я хочу задать вам несколько вопросов о Земле, — сказал Баррент.

— Я не очень много помню о ней, — ответил Иллиарди, — но охотно поделюсь с вами тем, что знаю.

— Вы помните человека по фамилии Теркейлер?

— Разумеется, — сказал Иллиарди. — Тоший парень. Косоглазый. Гад, каких надо поискать.

— Вы присутствовали при том, как его убили?

Я был там. Это было первое, что я вспомнил, сойдя с корабля.

— Вы видели, кто убил его?

Иллиарди выглядел озадаченным.

— Мне незачем было видеть это. Его убил я.

Баррент заставил себя говорить спокойным ровным голосом:

— Вы уверены в этом? Вы абсолютно уверены?

— Конечно, уверен, — обиделся Иллиарди. — И я буду драться с любым, кто попытается приписать эту заслугу себе. Я убил Теркейлера, хотя он заслуживал куда более худшей участи.

— Когда вы его убили, — спросил Баррент, — вы не видели где-нибудь рядом меня?

Иллиарди внимательно посмотрел на него, а затем покачал головой.

— Нет, по-моему, я не видел вас. Но я не могу быть уверен. Прямо после того, как я убил Теркейлера, все становится прямо как выбеленным.

— Благодарю вас, — сказал Баррент и покинул Эйфориаторий.

ГЛАВА 14

Барренту было над чем поразмыслить, но чем больше он размышлял, тем больше запутывался. Если Теркейлера убил Иллиарди, то почему Баррента депортировали на Омегу? Если была допущена судебная ошибка, то почему его не освободили, когда обнаружили истинного убийцу? Почему кто-то на Земле обвинил его в убийстве, которого он не совершал? И почему ложная память об этом преступлении была вложена в его мозг на подсознательном уровне?

У Баррента не было ответов на эти вопросы. Но он знал, что не зря он никогда не чувствовал себя убийцей. Теперь он имел своего рода доказательство, что он и не был убийцей.

Ощущение невинности все изменило для него. У него стало меньше терпимости к омегским обычаям и вовсе никакого интереса приспосабливаться к преступному образу жизни. Единственное, что он хотел, это бежать с Омеги и вернуться к своему законному наследию на Земле.

Но это было невозможно. Днем и ночью над головой кружили сторожевые корабли. Даже если бы и был какой-то способ избежать их, побег все равно невозможен. Омегская технология продвинулась лишь до уровня двигателей внутреннего сгорания, а все звездолеты находились в распоряжении Земли.

Баррент продолжал работать в магазине противоядий, но отсутствие в нем общественного духа становилось все более очевидным. Он игнорировал приглашения лавки Сновидений и никогда не посещал никаких публичных казней. Когда образовывались бродячие толпы, чтобы малость поразвлечься в квартале Мутантов, Баррент обычно ссылался на головную боль. Он никогда не присоединялся к охотам в День Высадки и нагрубил аккредитованному коммивояжеру из Клуба Пытки Месяца. И даже визиты Дяди Ингмара не могли заставить его изменить свое антиклерикальное поведение.

Он знал, что напрашивается на неприятности. Он ждал неприятностей, и это ожидание было страшно возбуждающим. В конце концов на Омеге не было ничего плохого в нарушении закона — куда ты мог выйти сухим из воды.

В пределах месяца он имел шанс испытать свое решение. Однажды, когда он шел в свой магазин, какой-то человек толкнул его в толпе. Баррент двинулся дальше, но человек схватил его за плечо и повернул лицом к себе.

— Ты кого, по-твоему, толкаешь? — спросил этот человек.

Он был невысок и крепко сложен. Одежда его указывала на ранг Привилегированного Гражданина. Пять серебряных звезд на ремне с кобурой указывали на число узаконенных убийств.

— Я не толкал вас, — ответил Баррент.

— Врешь, *любитель мутантов!*

Толпа смолкла, услышав смертельное оскорбление. Баррент отступил, выжидая. Мужчина быстро, артистично стал выхватывать свое оружие. Но иглолучевой пистолет Баррента был выхвачен на целых полсекунды раньше, чем пистолет этого типа покинул свою кобуру.

Он аккуратно пробуравил ему дырку между глаз, затем, чувствуя движение у себя за спиной, быстро обернулся.

Двое Привилегированных Граждан выхватывали свои тепловые пистолеты. Баррент выстрелил машинально, метнувшись под защиту фасада лавки. Граждане рухнули, как сноп. Деревянный фасад дрогнул под ударом стрелкового оружия, и щепки рассекли

ему ладонь. Баррент увидел четвертого человека, стрелявшего из переулка. Он свалил его двумя выстрелами.

В этом-то и заключалась суть дела. За несколько секунд он убил четырех человек.

Хотя Баррент не считал себя обладателем психологии убийцы, он был доволен и горд. Он стрелял в порядке самообороны. Он дал возможность над чем поразмыслить искателям статуса: в следующий раз они не будут так торопиться пристрелить его. Вполне возможно, что они сосредоточатся на более легких мишенях и оставят его в покое.

Вернувшись в магазин, он обнаружил там поджидавшего его Джо. На лице маленького вора на доверие было кислое выражение.

— Я видел сегодня твою фантастическую стрельбу. Очень ловко.

— Спасибо, — поблагодарил его Баррент.

— Ты думаешь, это тебе поможет? Ты думаешь, что сможешь и дальше нарушать закон?

— Я выхожу сухим из воды, — указал Баррент.

— Верно. Но сколько еще, по-твоему, ты сможешь продолжать в том же духе?

— Сколько мне понадобится.

— Нет у тебя шансов, — возразил Джо. *Никто* не продолжает нарушать закон, выйдя сухим из воды. Только сосунки могут верить в это.

— Им лучше насрать на меня хороших ребят, — усмехнулся Баррент, перезаряжая свой иглолучевой.

— Все произойдет совсем не так, — сказал Джо. — Поверь мне, Вилл. Способов, которыми они могут добраться до тебя, не счесть. Коль скоро закон решит действовать, ты ничем не сможешь остановить его. И не жди также помощи от этой своей подружки.

— Ты ее знаешь? — спросил Баррент.

— Я знаю всех, — мрачно ответил Джо. — У меня есть друзья в правительстве. Я знаю тех людей, которые решили, что с них тебя хватит. Послушай меня, Вилл. Ты хочешь кончить покойником?

Баррент покачал головой.

— Джо, ты не смог бы навестить Моэру? Ты знаешь, как добраться до нее?

— Может быть, — уклончиво ответил Джо. — Для чего?

— Я хочу, чтобы ты ей кое-что передал, — сказал Баррент. — Я хочу, чтобы ты сказал ей, что я не совершал убийства, в котором меня обвинили на Земле.

— Ты с ума сошел?

— Нет. Я нашел человека, который на самом деле совершил его. Это Постоянный Житель второго класса Иллиарди.

— Зачем ты об этом распространяешься? — спросил Джо. — Нет смысла терять заслугу за убийство.

— Я не убивал того человека, — повторил Баррент. — Я хочу, чтобы ты сообщил это Моэре. Ты сообщишь?

— Я скажу ей, — пообещал Джо. — Если смогу ее отыскать. Слушай, ты запомнишь, что я сказал? Может быть, у тебя еще есть время что-то предпринять. Сходи на Черную Мессу или что-нибудь в этом роде. Это может помочь.

— Может быть, я так и сделаю, — согласился Баррент. — Ты обязательно скажешь про это ей?

— Скажу, — заверил его Джо.

Он покинул магазин противоядий, печально качая головой.

ГЛАВА 15

Три дня спустя Барренту нанес визит высокий величественный старик, державшийся столь же прямо, как висевшая у него на боку церемониальная шпага. Старик был одет в куртку с высоким воротником, черные брюки и сверкающие черные сапоги. Баррент понял, что он был высшим правительственным чиновником.

— Правительство Омеги шлет вам привет! — произнес чиновник. — Я — Норинс Джеймс, субминистр Игр. Я нахожусь здесь, как требует закон, чтобы лично уведомить вас о вашей удаче.

Баррент осторожно кивнул и пригласил старика в свою квартиру. Но Джеймс, прямой и полный достоинства, предпочел остаться в магазине.

— Прошлой ночью был ежегодный розыгрыш Лотереи, — заявил Джеймс. — Вы, Гражданин Баррент, один из выигравших призов. Поздравляю вас!

— Что за приз? — спросил Баррент.

Он слышал о ежегодной Лотерее, но имел лишь смутное представление о ее назначении.

— Приз, — изрек Джеймс, — это почет и слава. Ваше имя будет занесено в Гражданский список. Сведения о ваших убийствах будут сохранены для потомства. Более же конкретно — вы получите новый, выпущенный правительством иглолучевой пистолет, а после будете посмертно награждены серебряным орденом Солнечной Вспышки.

— Посмертно?

— Конечно, — сказал Джеймс. — Серебряным орденом Солнечной Вспышки всегда награждают после смерти. Он от этого не менее почетен.

— Я в этом уверен, — бросил Баррент. — Есть еще что-нибудь?

— Всего лишь одна мелочь, — сказал Джеймс. — Как выигравший в Лотерее, вы примете участие в символической церемонии Охоты, которая отмечает начало ежегодных Игр. Охота, как вы, может быть, знаете, персонифицирует наш омегианский образ жизни. В Охоте мы все увидим сложности подъема и драматизм

падения в немилость, используя комбинации с азарта дуэли и возбуждения погони. Даже пеонам дозволяется участвовать в Охоте, потому что это единственный праздник, открытый для всех, и этот праздник символизирует способность простого человека подняться над ограничениями своего статуса.

— Если я правильно понял, — проговорил Баррент, — я один из людей, выбранных на роль преследуемого?

— Да, — подтвердил Джеймс.

— Но вы сказали, что эта церемония символическая. Разве это не значит, что никого не убьют?

— Вовсе нет! — возмутился Джеймс. — На Омеге символ и символизируемое обычно одно и то же. Когда мы говорим «Охота», мы имеем в виду настоящую охоту. Иначе это была бы всего одна лишь видимость.

Баррент с минуту помолчал, обдумывая ситуацию. Перспектива была не из приятных. В поединке человек-на-человека он имел блестящие шансы выжить. Но ежегодная Охота, в которой принимает участие все население Тетрахуда не давала ему и вовсе шансов. Ему следовало бы подготовиться к такой возможности.

— Как меня выбирали? — спросил он.

— Случайным отбором, — ответил Норинс Джеймс. — Любой другой метод был бы несправедливым по отношению к преследуемым, отдающим свою жизнь ради вящей славы Омеги.

— Я не могу поверить, что меня выбрали чисто случайно.

— Отбор был случайным, — сказал Джеймс. — Производили его, конечно, из списка подходящих жертв. Не всякий может быть дичью на Охоте. Человек должен продемонстрировать существенную степень цепкости и ловкости, прежде чем Комитет по Играм подумает о рассмотрении его кандидатуры для отбора. Преследуемым — большая честь, и не та, что мы легко даруем.

— Я этому не верю, — заявил Баррент. — Вы там, в правительстве, задумали добраться до меня. Теперь, кажется, преуспели в этом. Все очень даже просто.

— Вовсе нет. Могу вас заверить, что никто в правительстве не питает к вам ни малейших дурных чувств. Вы, может быть, наслушались глупых историй о мстительных чиновниках, но это просто неправда. Вы нарушили закон, но это больше не забота правительства. Теперь это целиком дело между вами и законом.

Морозно-голубые глаза Джеймса сверкнули, когда он говорил о законе. Спина его выпрямилась, рот стал твердым.

— Закон, — сказал он, — выше преступника и судьбы и правит ими обоими. Закон неизбежен, потому что всякое действие либо законно, либо незаконно. Закон в самом деле, можно сказать, обладает собственной жизнью, совершенно отличной от недолгих жизней существ, составляющих его. Закон управляет всеми аспектами человеческого поведения. Таким образом, в той же степени, в какой человек — законное существо, закон — человек. А будучи человеком, закон обладает собственными слабостями, как человек

своими. Для гражданина, который твердо придерживается закона, закон и труднообнаружим. Для тех, кто отвергает и нарушает его, закон появляется из своей мрачной гробницы и выходит на поиски преступившего.

— И потому-то, — иронически отметил Баррент, — меня и выбрали для Охоты.

— Конечно, — подтвердил Джеймс. — Если бы вы не были избраны таким способом, закон, ревностный и неумолимый, избрал бы другие средства, используя все орудия, имеющиеся в его распоряжении.

— Спасибо за объяснения, — усмехнулся Баррент. — Сколько у меня есть времени, прежде чем начнется Охота?

— До рассвета. Тогда начнется Охота и кончится на рассвете следующего дня.

— А что произойдет, если меня не убьют?

Норинс Джеймс слабо улыбнулся.

— Это случается не часто, гражданин Баррент. Я уверен, что это не должно вас беспокоить.

— Но ведь это случается, не так ли?

— Да. Те, кто переживут Охоту, автоматически заносятся в списки на Игры.

— А если я переживу и Игры?

— Забудьте про это, — дружески посоветовал Джеймс.

— Но что, если я переживу?

— Поверьте мне, гражданин Баррент, этого не случится.

— И все же я хотел бы знать, что случится, если я уцелею?

— Те, кто пережил Игры, находятся за пределами закона.

— Это звучит многообещающе, — заметил Баррент.

— Неверно. Закон, даже в своем самом угрожающем виде, все же охранитель. Ваши права могут быть немногочисленны, но закон гарантирует их соблюдение. Именно из-за этого закона я не убиваю вас здесь на месте. — Джеймс открыл ладонь, и Баррент увидел крошечный однозарядный пистолет. — Закон ставит свои пределы и действует как усмиритель на поведение нарушителя и блюстителя закона. Разумеется, сейчас закон гласит, что вы должны умереть. Но все люди смертны. Закон по своей тяжеловесной и интроспективной природе дает вам время, за которое можно умереть. У вас есть, по крайней мере, день, а без закона у вас и вовсе не было бы времени.

— Что случится, — раздельно спросил Баррент, — если я переживу Игры и выйду за пределы закона?

— За пределами закона есть только одно, — задумчиво произнес Норинс Джеймс. — И это — сам Черный. Те, кто выходит за пределы закона, принадлежат ему. Но лучше тысячу раз умереть, чем попасть к Черному.

Баррент давным-давно отбросил религию Черного, как суеверную чушь. Но теперь, слушая серьезный голос Джеймса, он начал теряться в догадках. Может существовать разница между

повсеместным поклонением Злу и действительным существованием Зла.

— Но если вам повезет, — утешил его Джеймс, — вас убьют раньше. А теперь я закончу наш разговор последними инструкциями.

Все еще держа крошечное оружие, Джеймс сунул свою свободную руку в карман и вытащил красный карандаш. Быстрым, напрактикованным движением он провел карандашом по щекам и лбу Баррента. Он закончил прежде, чем Баррент успел отшатнуться.

— Это метит вас, как одного из преследуемых, — проинструктировал Джеймс. — Охотничьи метки несмываемы. Вот вам выпущенный правительством иглолучевой пистолет. — Он вынул из кармана оружие и положил его на стол. — Охота, как я сказал, начнется с первыми лучами рассвета. С того момента каждый может убить вас, кроме другого преследуемого. Вы можете убивать в ответ. Я бы предложил вам делать это с предельной осторожностью. Звук и вспышка иглолучевого пистолета выдали многих преследуемых. Если вы попытаетесь спрятаться, удостоверьтесь, что у вас есть запасной выход. Помните, что другие знают Тетрахуд лучше вас. Умные охотники за много лет исследовали все возможные потайные места. Многие из преследуемых попадают в капкан в первые же часы праздника. Удачи вам, гражданин Баррент!

Джеймс направился к двери. Он открыл ее и снова повернулся к Барренту.

— Есть, могу добавить, один возможный способ сохранить во время Охоты и жизнь, и свободу. Но поскольку это запрещено, я не могу вам сказать, в чем он заключается.

Норинс Джеймс поклонился и вышел.

Баррент обнаружил после неоднократного мытья, что алые охотничьи метки и впрямь несмываемы. За вечер он разобрал выпущенный правительством иглолучевой пистолет и проверил его части. Как он и подозревал, оружие было с дефектом. Он отбросил его и взял свой собственный.

Он сделал свои приготовления к Охоте, положив в маленький рюкзак еду, нож, запасные боеприпасы и запасной иглолучевой пистолет. А затем он стал ждать, надеясь, вопреки всякому рассудку, что Моэра и ее организация принесут ему в последнюю минуту отмену смертного приговора.

Но никакого помилования не пришло. За час до рассвета Баррент вскинул на плечо рюкзак и покинул магазин противоядий. Он понятия не имел, что делали другие преследуемые, но он уже решил, в каком месте он будет в безопасности от охотников.

ГЛАВА 16

Авторитеты на Омеге согласны между собой, что преследуемые испытывают перемену характера. Если бы преследуемый мог посмотреть на Охоту как на абстрактную проблему, то мог бы прийти, наверное, к более-менее правильным выводам. Но типичный преследуемый, независимо от того, насколько он умен, не может отделить эмоции от рассуждений. В конце концов, охотятся на *него*. Его охватывает паника, безопасность он связывает с местами тайными и отдаленными. Он уходит как можно дальше от дома, забирается глубоко под землю в каналы канализации, прячется в закоулки. Он выбирает тьму вместо света, предпочитает пустынные места и т.д., и т.п.

Это поведение хорошо известно опытным охотникам. Вполне естественно, что сперва они заглядывают в темные пустые места, в подземные переходы, в покинутые склады и здания. Здесь они с безжалостной четкостью находят и выкуривают преследуемого.

Баррент подумал об этом. Он отбросил свой первоначальный инстинкт, который побуждал его спрятаться в разветвленной клоаке Тетрахуда. Вместо этого он за час до рассвета отправился прямо в большое здание, где находилось Министерство Игр.

Он быстро вошел в пустой коридор, прочел указатели и поднялся по лестнице на третий этаж. Он прошел мимо дюжины кабинетов и, наконец, остановился у двери, на которой висела табличка:

**«НОРИНС ДЖЕЙМС»
«Суб-министр Игр»**

Несколько секунд он прислушивался, а затем распахнул дверь и вошел.

С рефлексами у старины Джеймса все еще было в норме. Прежде чем Баррент миновал двери, старик заметил на его лице охотничьи метки. Он остановился, открыл ящик стола и сунул туда руку.

У Баррента не было желания убивать старика. Он швырнул выпущенный правительством иглолучевой и попал ему прямо в лоб. Джеймс отлетел к стене, а затем рухнул на пол.

Нагнувшись над ним, Баррент обнаружил, что пульс у него был отнюдь не слабым. Он связал суб-министра, заткнул ему рот и затолкал под стол. Поискав в ящиках стола, он нашел табличку:

«СОВЕЩАНИЕ: НЕ БЕСПОКОИТЬ!»

Он повесил ее снаружи на дверь и запер ее. Достав собственный иглолучевой пистолет, он сел за стол и стал ждать развития событий.

Наступил рассвет, и водянистое солнце поднялось над Омегой. Из окна Баррент увидел, что улицы заполнились народом. В

городе царил возбужденная карнавальная атмосфера, и шум веселого праздника перемежался с шипением лучеметов или с вyalым треском стрелкового оружия.

К полудню Баррент все еще оставался незамеченным. Он посмотрел на окна и обнаружил, что у него есть доступ к крыше. Он был рад, что нашел запасной выход, точь-в-точь, как предлагал Джеймс.

В полдень Джеймс пришел в сознание. Поборовшись немного со своими путами, он тихо лежал под столом.

Как раз перед вечером кто-то постучал в дверь.

— Министр Джеймс, можно войти?

— Не сейчас, — ответил Баррент так, что, как он надеялся, было хорошей имитацией голоса Джеймса.

— Я думал, вам будет интересна статистика Охоты, — сказал человек за дверью. — Пока что граждане убили семьдесят трех преследуемых, восемнадцать пока в бегах. Это большое улучшение по сравнению с прошлым годом.

— Да, безусловно, — поддакнул Баррент.

— В этом году был большой процент спрятавшихся в системе канализации. Некоторые пытались проблефовать дома. Остальных мы выследили в обычных местах.

— Блестяще, — похвалил Баррент.

— Пока что никто не совершил прорыва, — продолжал говорить. — Странно, что преследуемые редко думают об этом. Но, конечно, это оберегает нас от необходимости использовать машины.

Барренту очень хотелось знать, о чем говорит этот человек. Прорыв? Куда тут прорываться? И как будут использованы машины?

— Мы уже отобрали заместителей для Игр, — добавил говоривший. — Я хотел бы, чтобы вы одобрили список.

— Действуйте по своему усмотрению, — сказал Баррент.

— Да, сэр, — согласился человек за дверью.

Через минуту Баррент услышал его шаги, удаляющиеся влево по коридору. Он решил, что этот человек стал что-то подозревать. Разговор затянулся слишком долго, его следовало прервать раньше. Наверное, ему надо перебраться в другой кабинет.

Прежде чем он успел что-либо сделать, раздался стук в дверь. — Да?

— Гражданский Розыскной Комитет, — ответил басовый голос. — Будьте добры открыть дверь. У нас есть причины считать, что тут прячется предполагаемый преследуемый.

— Чепуха! — возразил Баррент. — Вы не можете войти. Это правительственное учреждение.

— Можем, — заявил бас. — Все комнаты, учреждения и здания открыты для граждан в День Охоты. Вы откроете?

Баррент уже двигался к окну. Он открыл его и услышал позади звуки частых ударов по двери. Он выстрелил пять раз сквозь

дверь, чтобы дать им над чем призадуматься, а затем вылез через окно.

Крыши Тетрахуда, сразу увидел Баррент, выглядели идеальным местом для преследуемого. Следовательно, они были последним местом, где ему следовало находиться. Лабиринт из тесно соединенных крыш, дымоходов и шпилей, казался специально созданным для укрытия, но на крышах уже были люди. Они закричали, увидев его.

Баррент перешел на спринт. Охотники гнались за ним, а с боков уже приближались другие. Он перепрыгнул пятифутовый промежуток между крышами, сумел сохранить равновесие на крутых склонах и без страха взобрался на конек. Он оставил охотников позади. Если он сможет сохранить свой темп еще десять минут, то получит существенную фору. Он сможет тогда покинуть крыши и найти лучшее место для укрытия.

Возник еще пятифутовый разрыв между зданиями. Баррент без колебаний перепрыгнул его.

Он приземлился хорошо. Но его правая нога неожиданно провалилась сквозь прогнившую дранку, погрузившись в дыру до бедра. Он подобрался и рванулся, пытаясь высвободить ногу, но не мог найти точки опоры на крутой крошащейся крыше.

— Вот он!

Баррент рванул дранку обеими руками. Охотники были уже почти в пределах досягаемости иглолучевого пистолета. К тому времени, когда он вытащит ногу, он станет легкой добычей.

Когда на соседнем здании появились охотники, Баррент продрал в крыше трехфутовую дыру. Не видя иной альтернативы, он подтянул свободную ногу и прыгнул в дыру.

Секунду он пребывал в воздухе, а затем приземлился ногами на рухнувший под ним стол и свалился с него на пол. Поднявшись, он увидел, что находится в гостиной класса Хаджи. Меньше чем в трех футах от него в кресле-качалке сидела старуха. Челюсть ее отвисла от ужаса, она машинально продолжала качаться.

Баррент услышал, как охотники продираются сквозь крышу. Он прошел через кухню и заднюю дверь, проскочил под путаницей белья и через живую изгородь выскочил на улицу. Кто-то выстрелил в него из окна второго этажа. Подняв глаза, он увидел мальчика, пытающегося прицелиться в него из ручного лучемета. Отец, вероятно, запретил ему охотиться на улице. Баррент свернул и побежал, пока не достиг переулка. Он выглядел знакомым. Баррент понял, что находится в Квартале Мутантов, неподалеку от дома Милы.

Позади него были слышны крики Охотников. Он добрался до знакомого дома и обнаружил, что дверь была незаперта.

Они были все вместе — одноглазый старик, лысая старуха и Мила. Они не проявили никакого удивления при его появлении.

— Так, значит они выбрали вас в Лотерее, — сказал старик. — Ну, этого мы и ожидали.

— Мила увидела это в воде? — поинтересовался Баррент.

— В этом не было нужды, — невесело усмехнулся старик. — Это было совершенно предсказуемо, учитывая, что вы за личность. Храбрый, но не безжалостный. Это ваша беда, Баррент.

Старик опустил обязательную форму обращения к Привилегированным Гражданам, и это при данных обстоятельствах тоже было предсказуемо.

— Я видел, как это случалось год за годом, — сказал старик. — Вы бы удивились, сколько многообещающих молодых людей кончали в этой комнате, задыхаясь, держа иглолучевой пистолет так, как будто он весил тонну, с охотниками в трех минутах по пятам за ними. Они ожидали, что мы поможем им, но мутанты не любят напрашиваться на неприятности.

— Заткнись, Дам, — сказала старуха.

— Я полагаю, что нам придется помочь вам, — сказал Дам. — Мила решила так по своим собственным соображениям. — Он сардонически усмехнулся. — Мы с матерью говорили ей, что она поступает неправильно, но она единственная из нас, кто может заниматься сканированием, мы должны позволить ей поступать по-своему.

Мила вставила:

— Даже с нашей помощью есть только очень маленький шанс, что он переживет Охоту.

— Если меня убьют, — сказал Баррент, — то как же сбудется ваше предсказание? Помните, вы увидели меня, глядевшим на собственный труп, а тот был разбит на сверкающие осколки?

— Я помню, — сказала Мила. — Но ваша смерть не повлияет на предсказание. Если это не случится с вами в этой жизни, то это просто постигнет ваше другое воплощение.

Баррента это не утешило. Он спросил:

— Что мне надо сделать?

Старик вручил ему охапку лохмотьев.

— Наденьте их, а я поработаю над вашим лицом. Вам предстоит стать мутантом.

Через некоторое время Баррент снова был на улице. Он был одет в лохмотья. Под ними он держал свой иглолучевой, а в свободной руке чашу для подаяний.

Старик обильно поработал с розовато-желтым пластиком. Лицо Баррента было теперь чудовищно распухшим в области лба, а нос его стал плоским и разъехался почти до скул. Форма лица была изменена, а яркие охотничьи метки спрятаны.

Мимо промчалось подразделение охотников, едва уделив ему мимолетный взгляд. Баррент начал чувствовать себя более уверенно. Он выиграл ценное время. Последние лучи водянистого

солнца Омеги исчезли за горизонтом. Ночь даст ему добавочную возможность, и при некоторой удаче он сможет укрыться от охотников до рассвета. После этого будут, конечно, Игры, но Баррент не собирался принимать в них участия. Если его личина была достаточно хороша, чтобы защитить его от всего охотящегося города, то не было причин, почему его должны были поймать для Игр.

Наверное, после того, как праздник кончится, он снова сможет появиться в омегианской общине. Вполне, возможно, что если он сумеет пережить Охоту и вообще избежать Игр, то будет особо вознагражден. Такое самонадеянное и успешное нарушение закона полагалось бы вознаграждать...

Он увидел идущую к нему группу охотников. В ней было человек пять, и среди них был Тем Ренд, выглядевший мрачным и гордым в своей новой форме Убийцы.

— Ты! — крикнул один из охотников. — Не видел пробегавшей мимо этой дорогой дичи?

— Нет, Гражданин, — почтительно поклонился Баррент, держа иглолучевой под лохмотьями наготове.

— Не верьте, — сказал один из группы. — Эти проклятые мутанты никогда не говорят правды.

— Пошли, мы найдем его, — сказал другой.

Группа двинулась дальше, но Тем Ренд задержался.

— Ты уверен, что не видел никого из преследуемых? — спросил Ренд.

— Убежден, Гражданин, — повторил Баррент, гадая, не узнал ли его Ренд.

Он не хотел убивать его. Фактически он не был уверен, что смог бы, потому что рефлексy у Ренда были сверхъестественными. Хотя сейчас иглолучевой пистолет Ренда висел у него на руке, в то время как пистолет Баррента был уже нацелен. Это преимущество в долю секунды могло свести на нет превосходство Ренда в скорости и меткости стрельбы. Но если дело дойдет до перестрелки, подумал Баррент, то скорее всего получится ничья, то есть они более чем вероятно просто убьют друг друга.

— Ну, — сказал Ренд, — если вы *увидите* кого-нибудь из преследуемых, то посоветуйте им не переодеваться мутантом.

— Отчего же?

— Этот фокус никогда не срабатывает надолго, — ровным голосом произнес Ренд. — Он дает преследуемому примерно полчаса передышки. Затем осведомители засекают его. Вот будь я на месте мутанта, я бы не стал сидеть на краю тротуара, а попробовал бы совершить прорыв из Тетрахуда.

— Да?

— Наверняка. Некоторые преследуемые каждый год убегают в горы. Официально об этом не говорят, конечно, и большинство граждан об этом не знает. Но Гильдия Убийц хранит полные

сведения о всех когда-либо использованных трюках, убийствах и побегах. Это часть нашего бизнеса.

— Это очень интересно, — сказал Баррент.

Он понял, что Ренд видел его личину насквозь. Тем не менее он был хорошим соседом, хотя и плохим Убийцей.

— Конечно, — продолжал Ренд, — выбраться из города не-легко. И коль скоро человек выберется, это еще не означает, что он в безопасности. Есть высматривающие охотничьи патрули, и даже хуже, чем они...

Ренд внезапно смолк. К ним подошла группа охотников. Ренд любезно кивнул и пошел мимо своей дорогой.

После того как охотники скрылись в переулке, Баррент встал и двинулся в путь. Ренд дал ему хороший совет. Конечно, некоторые люди бежали из города. Жизнь в бесплодных горах Омеги была крайне трудной, но любые трудности были лучше смерти.

Если он сможет пройти городские ворота, ему надо будет остерегаться охотничьих патрулей. И Ренд упомянул про нечто еще худшее... Барренту хотелось знать, что же именно. Особые подразделения горных охотников? Он желал бы, чтобы Ренд закончил свою фразу.

К наступлению ночи он добрался до Южных Ворот. Болезненно сторбившись, он заковылял к стражникам, загородившим ему дорогу.

ГЛАВА 17

Со стражниками не возникло никаких затруднений. Целые семьи мутантов вытекали из города, ища защиту в горах, пока не пройдет неистовство Охоты. Баррент пристроился к одной из таких групп, и вскоре оказался в миле от Тетрахуда в низких предгорьях, что изгибались полукругом около города.

Здесь мутанты остановились и разбили лагерь. К полуночи Баррент двинулся дальше. Он подымался по каменистому, обветренному склону одной из гор, что была повыше. Он проголодался, но прохладный воздух был бодрящим. Он начал верить, что действительно переживет Охоту.

Неожиданно Баррент услышал шум группы охотников, совершавших прочесывание местности вокруг города. Он легко избежал в темноте встречи с ними и продолжал подъем в гору. Вскоре не стало никаких звуков, кроме постоянного свиста ветра среди скал. Было, наверное, уже два часа ночи, всего три часа до рассвета.

Через час начался дождь, сперва мелкий, но потом перешедший в ливень. Для Омеги это была обычная погода. Привычными были также собравшиеся над горами густые грозовые тучи, раскатистый гром и ярко-желтые вспышки молний. Баррент нашел убежище в мелкой пещере и считал себя счастливым, что температура не упала еще ниже.

Он в полудреме сидел в пещере, остатки грима текли по его лицу, оставляя подтеки. Баррент все же продолжал сонно следить за склоном под ним. Неожиданно в яркой вспышке молнии он увидел что-то,двигающееся вверх по склону прямо к его пещере.

Он встал с иглоизлучателем наготове и подождал новой вспышки молнии. Она сверкнула, и он увидел холодный, мокрый блеск металла, вспыхивающие красно-зеленые лампочки и пару металлических щупалец, цепляющихся за скалы и мелкий кустарник.

Машина была похожа на ту, с которой Баррент сражался в подвале Министерства Юстиции. Теперь он понял, о чем хотел предупредить его Ренд. Теперь он понял, почему лишь немногие преследуемые спасались бегством, даже если они оказывались за пределами самого города. На этот раз машина не будет действовать по принципу случайного выбора, чтобы уравнивать шансы. И здесь уже не будет никакой доступной коробки с предохранителями.

Когда машина оказалась в пределах досягаемости, Баррент выстрелил. Заряд отскочил от бронированной шкуры машины, не причинив ей никакого вреда. Баррент покинул убежище и принялся карабкаться по склону.

Машина неотступно шла за ним, подымаясь по предательски мокрой поверхности горы. Баррент попытался отделаться от нее на плато с гранитными валунами, но от машины было трудно оторваться. Баррент понял, что она, должно быть, идет по следу какого-то запаха. Вероятно, она была настроена следовать за несмываемой краской на его лице.

На крутом склоне горы Баррент покатил на машину валуны, надеясь, что сможет вызвать лавину. Но она уклонилась от большинства камней, а остальные отскочили от нее без всякого видимого эффекта.

Наконец Баррент был загнан в угол — прижат к узкой круглой скале. Он был не в состоянии подняться выше. Он ждал, когда машина окажется перед ним. Тогда он прижал иглоизлучатель к ее металлической шкуре и нажал на спуск.

Машина вздрогнула на миг от силы удара полного заряда иглолучевого пистолета. Затем она выбила оружие из его рук и обхватила щупальцем шею Баррента. Металлическая петля затягивалась. Баррент почувствовал, что теряет сознание. У него еще хватило времени подумать, задушит ли его петля или сломает ему шею.

Вдруг давление исчезло. Машина отступила на несколько футов. За ней Баррент увидел первые серые лучи рассвета.

Он пережил Охоту. Машина была запрограммирована прекратить убийство после рассвета. Но она не позволила ему уйти. Она держала его пленником, пока в узком углу между скалами не появились стражники.

Они привели Баррента в Тетрахуд, где, дико аплодируя, толпа встретила его как героя. После двухчасовой процессии Баррент и

четверо других уцелевших были приняты в кабинете Комиссии по Наградам. Председатель Комиссии произнес краткую и трогательную речь о ловкости и смелости, продемонстрированных каждым из уцелевших на Охоте. Он присвоил каждому из них статус Хаджи и подарил им крошечные золотые серги, соответствующие их новому рангу.

В конце церемонии Председатель пожелал каждому из новых Хаджи легкой смерти на Играх.

ГЛАВА 18

Охранники вывели Баррента из кабинета Комиссии по Наградам. Его провели мимо ряда стальных дверей под Ареной и заперли в камеру. Охранники велели ему набраться терпения: Игры уже начались, и скоро наступит его очередь.

В камеру, рассчитанную на содержание троих заключенных, было набито девять человек. Большинство из них сидели или лежали ничком в полной апатии, уже смирившись со своей неизбежной смертью. Но один из них определенно не хотел отчаиваться. Он протолкался к дверям камеры, когда вошел Баррент.

— Джо!

Маленький вор на доверие улыбнулся ему.

— Печальное место встречи, Вилл.

— Что с тобой случилось?

— Политика, — ответил Джо. — Это опасное дело на Омеге, особенно во время Игр. Я думал, что опасность мне не грозит, но... — Он пожал плечами. — Этим утром меня избрали для Игр.

— Есть хоть какой-нибудь шанс выбраться отсюда?

— Шанс есть, — ответил Джо. — Я рассказал о тебе твоей девушке, так что, наверное, ее друзья смогут что-нибудь сделать. Для себя же я ожидаю отмены приговора.

— Разве это возможно?

— На Омеге возможно все. Лучше, однако, на это не надеяться.

— Что представляют собой Игры?

— Они именно то, что от них можно ожидать, — ответил Джо. — Одиночные схватки между людьми, дуэли на иглолучевых и тепловых пистолетах, бои с разными типами омегианской флоры и фауны, включая хищников... Мне говорили, что это копирование какого-то древнего земного праздника...

— А если кто-то уцелеет, — закончил за него Баррент, — то он находится за пределами закона?

— Именно так.

— Но что означает быть за пределами закона?

— Не знаю, — проговорил Джо. — Об этом, кажется, никто толком не знает. Все, что я смог выяснить, это то, что выживших забирает Черный. Предполагается, что это не из приятных.

— Это я могу понять. На Омеге очень мало *приятного*.

— Это не плохое место, — возразил Джо. — Просто у тебя нет надлежащего духа.

Его прервало прибытие подразделения охранников. Обитателям камеры смертников настало время выходить на Арену.

— Никакой отмены приговора, — заметил Баррент.

— Ну, видать такова судьба, — философски рассудил Джо.

Их препроводили под усиленной охраной и выстроили перед железной дверью, отделявшей каменный блок от главной Арены. Но как раз перед тем как капитан стражников открыл дверь, из бокового коридора торопливо выскочил толстый, хорошо одетый человек, размахивая бумагами.

— Что это? — спросил капитан стражников.

— Предписание об обязательстве. — Толстяк вручил бумагу капитану. — На обратной стороне вы найдете распоряжение о прекращении преследования. — Он вытащил из кармана новые документы. — А вот уведомление о банкротстве-переводе, закладе недвижимого имущества, предписание о доставке арестованного в суд для дачи объяснений и приложение ордера на арест жалованья.

Капитан сдвинул шлем на затылок и почесал узкий лоб.

— Никогда не могу понять, о чем вы, адвокаты, толкуете. Что это значит?

— Это освобождение его от Игр, — объяснил адвокат, указывая на Джо.

Капитан взял бумаги, бросил на них озадаченный взгляд и вручил их адъютанту.

— Ладно, — сказал он. — Забирайте его. В старые времена такого не бывало. *Никто* не мог остановить упорядоченное прохождение Игр.

Победоносно ухмыляясь, Джо прошел через ряды стражников и присоединился к адвокату. Затем спросил у него:

— Есть ли у вас какие-нибудь бумаги на Вилли Баррента?

— Нет, — ответил адвокат. — Его дело в других руках. Боюсь, что оно не может быть рассмотрено до окончания Игр.

— К тому времени я, вероятно, буду уже покойником, — возразил Баррент.

— Это, могу вас заверить, ни в коей мере не помешает рассмотрению вашего дела! — с гордостью сказал адвокат. — Мертвый или живой, вы сохраняете все свои права.

— Ладно, пошли! — скомандовал капитан охранников.

— Удачи! — крикнул вслед Джо.

А затем цепочку осужденных вывели через железную дверь на ослепительный свет Арены.

Баррент пережил рукопашные схватки, в которых была убита четверть осужденных. После этого вооруженных мечами людей

поставили против смертельной омегианской фауны. Звери, с которыми они сражались, включали хинтолитов и хинтосцедов — чудовищ с тяжелой броней и большими челюстями, естественной средой обитания которых был пустынный район далеко к югу от Тетрахуда. Осужденные убили этих зверей, потеряв при этом еще пятнадцать человек.

Баррента поставили против саунса, летучей черной рептилии с западных гор. Какое-то время эта уродливая тварь с ядовитыми зубами сильно давила на него. Но он вовремя вычислил решение. Он перестал пытаться проткнуть кожаную шкуру саунса и сосредоточился на отсечении его хвостовых перьев. Когда он преуспел в этом, летные возможности саунса сильно пошатнулись. Рептилия врезалась в высокую стену, отделяющую бойцов от зрителей, и после чего Баррент относительно легко нанес последний решающий удар в единственный глаз саунса. Огромная и полная энтузиазма толпа зрителей устроила Барренту продолжительные аплодисменты...

Он двинулся обратно в резервный загон и наблюдал, как другие боролись с трихотренами, невероятно проворными маленькими тварями размером с крысу и с наклонностями бешеной росوماхи. На это ушло пять партий осужденных. После короткой интерлюдии рукопашного поединка Арена снова очистилась.

Теперь появились, неуклюже топая, амфибии-криатины с твердым панцирем. Почти ленивые по нраву, креатины были полностью защищены несколькими дюймами панциря. Их узкие кнутовидные хвосты были смертельно опасны для любого приблизившегося к ним человека.

Барренту пришлось драться с одной из этих тварей после того, как она отправила на тот свет четырех его товарищей по несчастью.

Он внимательно следил за предыдущими схватками и заметил единственное место, куда не мог дотянуться хвост криатины. Баррент дождался своей очереди и прыгнул в центр широкой спины криатины.

Когда панцирь раскололся в гигантский рот, ибо это был метод питания криатины, Баррент вогнал в отверстие свой меч. Криатина испустила дух с доставляющей удовольствие быстротой, и толпа вновь выразила Барренту свое одобрение, засыпав Арену цветами.

Победа оставила Баррента стоящим в одиночестве на залитой кровью Арене. Он ждал, гадая, какого же следующего противника выберет ему Комиссия по Играм.

Сквозь песок пробился единственный побег, а затем другой. Через несколько секунд на Арене выросло невысокое толстое дерево, выпускающее новые корни и побеги и втягивающее всю плоть, живую или мертвую, в пять маленьких ртов, окружавших основание ствола. Это было хищное дерево, произрастающее в северо-западных болотах и доставленное с большим трудом.

Говорили, что оно уязвимо для огня, но у Баррента не было огня в своем распоряжении.

Взявшись за меч обеими руками, Баррент обкорнал побеги, но на их месте тут же выросли другие. Он работал с бешеной скоростью, чтобы не дать побегам окружить себя. Руки его начали уставать, а дерево регенерировалось быстрее, чем он мог подстригать его. Казалось, не было никакого способа уничтожить его.

Его единственная надежда заключалась в медленных движениях дерева. Они были достаточно проворными, но не шли ни в какое сравнение с реакцией человека. Баррент вынырнул из угла, в который его загнали ползучие побеги. В двадцати ярдах от него лежал чей-то полузарытый меч. Баррент добрался до него, но услышал предупреждающие крики толпы. Он почувствовал, как один из побегов смыкается вокруг его голени.

Он рубанул по нему, но вокруг его пояса обвились другие. Он вонзил каблуки в песок и ударил мечами друг о друга, пытаясь выбить искру.

С первой же попытки меч в правой руке сломался пополам.

Баррент половинкой меча продолжал свои попытки, в то время как побеги подтаскивали его все ближе к ненасытным рта́м. Из звенящей стали вырвался сно́п искр.

С невероятной быстротой побег охватило пламя. Оно пробежало по отростку к главной системе дерева. Пять ртов застонали, когда к ним метнулся огонь.

Если б все шло своим чередом, Баррент сгорел бы заживо, ибо Арена была почти переполнена высокими горючими побегами. Но пламя грозило уничтожить деревянные стены Арены. Поэтому подразделение охранников бросилось с огнетушителями на защиту Баррента и зрителей.

Шатаясь от изнурения, Баррент отошел в центр Арены, гадая, что еще используют против него, но ничего больше не происходило. Через минуту из президентской ложи был подан знак, и толпа разразилась громом аплодисментов.

Игры закончились.

Баррент выжил.

И все же никто не покидал своих мест. Зрители ждали, что произойдет с Баррентом, который вышел за пределы закона.

Он услышал благоговейное аханье толпы. Быстро обернувшись, Баррент увидел возникшее в воздухе огненное пятно. Оно набухало, выбрасывая лучи света, становясь ослепительно ярким. И Баррент вспомнил, что говорил ему Дядя Ингмар: «Иногда Черный вознаграждает нас, появляясь в ужасающей красоте своей огненной плоти... Да, племянник, мне действительно выпала честь видеть его. Два года назад он появился на Играх, он также появлялся за год до этого...»

Пятно превратилось в красно-желтый шар примерно двадцати футов в диаметре, почти касающийся земли. Центр шара стал утоньшаться, и вскоре превратился в два шара, соединенных

перемычкой: один ослепительно яркий, другой — непроницаемо черный. Пока Баррент смотрел, черный шар удлинился и превратился в ужасающую фигуру Черного.

Баррент попытался бежать, но огромная черноголовая фигура метнулась вперед и поглотила его. Он попал в ослепительный вихрь света и тьмы... Он попытался закричать. А затем потерял сознание.

ГЛАВА 19

Баррент пришел в сознание в тускло освещенной комнате с высоким потолком. Он лежал в постели. Рядом спорили двое:

— Больше просто нет времени ждать, — говорил мужчина. — Ты не понимаешь опасности ситуации.

— Доктор сказал, что ему нужно еще по меньшей мере три дня отдыха!

Это был женский голос. Через мгновение Баррент сообразил, что это говорит Моэра.

— Три дня у него есть.

— И ему еще нужно время для индокринации.

— Ты говорила мне, что он способный. Индокринация не должна занять много времени.

— Она может занять недели.

— Невозможно. Корабль приземлится через шесть дней.

— Эйлан, — предупредила Моэра, — ты пытаешься действовать слишком быстро. Мы не сможем осуществить это сейчас. В следующий раз мы будем подготовлены намного лучше...

— К тому времени ситуация может выйти из-под контроля, — ответил мужчина. — Сожалею, Моэра, но нам придется использовать Баррента немедленно или вовсе его не использовать.

Баррент решил вмешаться.

— Для чего вы хотите меня использовать? Где я? Кто вы?

Мужчина повернулся к постели. Баррент увидел очень высокого мужчину, почти старика, с пушистыми усами.

— Рад, что вы очнулись, — сказал он. — Меня зовут Свен Эйлан. Я командую Второй Группой.

— Что за Вторая Группа? — спросил Баррент. — Как вы вытащили меня с Арены? Вы агенты Черного?

Эйлан усмехнулся.

— Не совсем агенты. Скоро мы вам все объясним. Но сперва, я думаю, будет лучше что-нибудь выпить и закусить.

Медсестра принесла поднос. Пока Баррент ел, Эйлан подошел к кровати стул и рассказал Барренту о Черном.

— Наша Группа, — начал Эйлан, — не может претендовать на сотворение религии Зла. Похоже, что она возникла на Омеге

спонтанно. Но раз она возникла, мы стали пользоваться ею при случае. Священники проявили замечательную склонность к сотрудничеству. В конце концов, поклонники Зла признавали положительную ценность коррупции. Следовательно, на взгляд омегианского священника появление ложного Черного не анафема. Как раз напротив, ибо в ортодоксальном поклонении Злу большое ударение делается на ложные образы, особенно, если это крупные, огненные, впечатляющие образы вроде того, что спас вас с Арены.

— Как вы его произвели? — поинтересовался Баррент.

— Это связано с силовыми полями, — ответил Эйлан. — Более детальные объяснения вы можете получить у наших инженеров.

— Почему вы спасли меня? — спросил Баррент.

Эйлан взглянул на Моэру, которая пожала плечами. С неловким видом Эйлан сказал:

— Мы хотели бы использовать вас для одного важного дела. Но прежде чем я расскажу вам о нем, я думаю, вам следовало бы кое-что узнать о нашей организации. Вы, разумеется, должны испытывать некоторое любопытство относительно нас.

— И немалое, — подтвердил Баррент. — Вы своего рода преступная элита?

— Мы — элита, — согласился Эйлан, — но мы не считаем себя преступниками. На Омегу отправляют два совершенно различных типа людей. Одни настоящие преступники, виновные в убийствах, поджогах, вооруженных грабежах и тому подобном. Это люди, среди которых вы жили. Но есть люди, виновные в преступлениях, заключающихся в отклонении от установленных стандартов, таких как политическая благонадежность, научная неортодоксальность, антирелигиозные наклонности. Эти-то люди и составляют нашу организацию, которую мы называли в целях конспирации Второй Группой. Насколько мы можем вспомнить и реконструировать, наши преступления заключаются по большей части в том, что мы придерживались мнения, отличавшегося от мнения тех, кто правил на Земле. Мы были неконформистами. Мы, вероятно, составляли нестабильный элемент и угрозу власти придерживающимся. Поэтому то и нас депортировали на Омегу.

— И вы отделились от других депортируемых, — заключил Баррент.

— Да, это было необходимо. Хотя бы потому, что настоящие преступники из Первой Группы неохотно поддаются управлению. Мы не могли вести их за собой и не могли позволить себе, чтобы они вели нас, но главное — у нас была задача, которую можно было выполнить только в тайне. Мы не имели представления о том, какие устройства применяют для слежения сторожевые корабли, стерегущие небо Омеги. Чтобы сохранить свою тайну в целости, мы ушли в подполье — в буквальном смысле. Комната, где вы

сейчас находитесь, расположена примерно в двухстах футах под поверхностью. Мы держимся вне поля зрения, кроме особых агентов вроде Моэры, которые вербуют политзаключенных для нашей Группы.

— Меня вы не завербовали, — заметил Баррент.

— Конечно, нет. Вы были якобы виновны в убийстве, что ставило вас вне Второй Группы. Вы казались нам хорошим потенциальным материалом, так что мы время от времени помогали вам. Но нам надо было быть уверенными в вас, прежде чем принять вас в Группу. Ваше отречение от обвинения в убийстве изменило положение. Мы расспросили Иллиарди после того, как вы его обнаружили. Казалось, не было никаких причин сомневаться, что это он совершил убийство, в котором обвинили вас. Еще сильнее в вашу пользу говорили ваши высокие качества выживания, которые прошли предельные испытания во время Охоты и Игр. Мы очень нуждаемся в человеке с вашими способностями.

— А в чем именно заключается ваша работа? — спросил Баррент. — Чего вы хотите достичь?

— Мы хотим вернуться на Землю, — сказал Эйлан.

— Но это невозможно.

— Мы этого не думаем, — возразил Эйлан. — Мы внимательно изучили этот вопрос. Мы думаем, что несмотря на сторожевые корабли, вернуться на Землю можно. Через шесть дней мы выясним это наверняка, и именно тогда будет сделана попытка прорыва.

— Лучше было бы подождать еще шесть месяцев, — снова возразила Моэра.

— Это невозможно. Шесть месяцев задержки были бы губительны. У каждого общества есть своя цель, а преступное население Омеги нацелено на собственное уничтожение. Вы, Баррент, похоже, удивлены. Разве вы этого не заметили?

— Я никогда об этом не думал, — признался Баррент. — В конце концов, я был частью всего этого.

— Это самоочевидно, — сказал Эйлан. — Возьмите учреждения — все они сосредоточены вокруг узаконенного убийства. Даже закон, который пытается регулировать убийства, начинает трещать. Население живет почти что на грани хаоса. Все праздники — только предлоги для массовых убийств. И вполне естественно, что больше нет никакой безопасности. Единственный способ выжить — это убивать. Единственная возможность повысить свой статус — это убивать. Единственное безопасное дело — это убивать все больше и больше, все быстрее и быстрее.

— Вы преувеличиваете, — возразила Моэра.

— Не думаю. Я понимаю, что кажется, будто в учреждениях Омеги есть определенное постоянство, определенный консерватизм, ограничивающий убийства. Но это иллюзия. У меня нет ни малейших сомнений в том, что все умирающие общества сохраня-

ли иллюзию благопристойности вплоть до самого конца. Конец омегианского общества приближается довольно быстро.

— Насколько быстро? — спросил Баррент.

— Точка взрыва будет достигнута примерно через четыре месяца, — сказал Эйлан. — Единственный способ избежать этого заключается в том, чтобы дать населению новое направление, новую цель.

— Землю, — догадался Баррент.

— Именно. Вот почему попытка должна быть предпринята немедленно.

— Ну, в этом я мало разбираюсь, — сказал Баррент. — Но я буду с вами. Я с радостью приму участие в любой экспедиции.

У Эйлана снова был неловкий вид.

— Полагаю, что я выразился недостаточно ясно, — произнес он. — Экспедицией предстоит быть *вам*, Баррент. Вам и только вам... Простите меня, если я вас поразил.

ГЛАВА 20

Во Второй Группе, как объяснил Эйлан, имелся, по крайней мере, один серьезный недостаток: большинство составляющих ее людей уже прошли свой расцвет физических сил. Были люди и помоложе, но они почти не имели дела с насилием и у них мало шансов развить в себе силу характера и способность полагаться только на себя. В условиях безопасности подполья большинство из них никогда не стреляло, никогда не было вынуждено бежать, спасая свою жизнь, никогда не сталкивалось с ситуациями «пан-или-пропал», которые многократно пережил Баррент. Они были храбрыми, но неопытными и неиспытанными. Они охотно предприняли бы экспедицию на Землю, но у них не было никаких шансов преуспеть в этом.

— А вы думаете, что у меня есть шанс? — спросил Баррент.

— Думаю, что да. Вы человек молодой, сильный, инициативный, интеллигентный и крайне изобретательный. У вас высокий коэффициент выживаемости. Если какой-то человек и может преуспеть, то я считаю, что им окажетесь именно вы.

— Почему только один человек?

— Потому что нет смысла посылать группу — это только увеличит шансы быть обнаруженными. Используя одного человека, мы получаем максимум безопасности и возможностей. Если вы преуспеете, мы получим ценную информацию о природе врага. Если же вам не повезет и вас схватят, то ваша попытка будет рассматриваться скорее как попытка индивидуума, а не группы. И мы все, может быть, будем способны поднять всеобщее восстание на Омеге.

— А как мне предстоит вернуться на Землю? — спросил Баррент. — У вас есть припрятанный где-то звездолет?

— К сожалению, нет. Мы планируем транспортировать вас на Землю на борту следующего тюремного корабля.

— Это невозможно.

— Вовсе нет. Мы давно изучаем процедуры приземления и отлета тюремных кораблей. Они следуют шаблону. Заключенных выводят в сопровождении охранников. Пока они собраны на площади, сам корабль не заблокирован, хотя и окружен довольно редким кордоном охранников. Чтобы дать вам возможность пробраться на борт, мы устроим беспорядки. Это отвлечет охранников на достаточное время, чтобы вы успели пробраться на борт.

— Даже если мне это удастся, я буду схвачен, как только охранники вернутся.

— Не должны, — сказал Эйлан. — Тюремный корабль — огромное сооружение со множеством мест, где можно спрятаться зайцу. А потом — на вашей стороне элемент внезапности. Это, может быть, первая за историю Омеги попытка побега.

— А когда корабль достигнет Земли?

— Вы замаскируетесь под члена персонала корабля, — сказал Эйлан. — Помните, неизбежная неэффективность огромной бюрократической машины будет работать на вас.

— Надеюсь, что так, — сказал Баррент. — Предположим, что я благополучно доберусь до Земли и получу нужную вам информацию. Как я доставлю ее вам?

— Вы отправите ее следующим тюремным кораблем. Мы планируем захватить его, — сообщил ему Эйлан.

Баррент устало потер лоб.

— Что заставляет вас надеяться, будто бы все это — моя экспедиция и ваше восстание — может увенчаться успехом против такой мощной организации, как Земля?

— Нам приходится идти на риск, — согласился Эйлан. — Пойти на него или погрузиться в кровавую бойню вместе с остальной Омегой. Я согласен, что перевес сил никак не на нашей стороне. Но наш выбор — либо сделать попытку, либо погибнуть, вообще не сделав никакой попытки.

На это Моэра кивнула.

— Ситуация содержит также и другие возможности. Правительство Земли явно репрессивное. Это предполагает существование подпольных групп сопротивления на самой Земле. Возможно, вы сумеете вступить в контакт с этими группами. Бунт и здесь, и на Земле даст правительству материалы для размышлений.

— Может быть, — допустил Баррент.

— Мы должны надеяться на лучшее, — вздохнул Эйлан. — Вы с нами?

— Разумеется, — заверил его Баррент. — Я предпочитаю лучше умереть на Земле, чем на Омеге.

— Тюремный корабль приземлится через шесть дней, — сказал Эйлан. — За это время вы получите все сведения, которые мы имеем о Земле. Часть их из реконструкции множества фактов из

памяти, часть была сканирована мутантами, а остальное — логические построения. Это все, что у нас есть, и, я думаю, это даст вам достаточно точную картину текущих условий на Земле.

— Когда мы начнем? — спросил Баррент.

— Прямо сейчас, — ответил Эйлан.

Баррент получил общий инструктаж по географии Земли, ее климату и главным центрам народонаселения. Затем его отправили к полковнику Брею, служившему ранее в организациях Глубокого Космоса Земли. Брей рассказал ему о военных силах Земли, о системе и численности сторожевых кораблей вокруг Омеги и их оснащении оружием. Он дал оценку размерам вооруженных сил Земли, их вероятного подразделения на сухопутные, морские и космические группы, их предполагаемого уровня эффективности. Его помощник, капитан Карел, прочитал Барренту лекцию по специальному оружию, его вероятным видам и дальности, доступности его для основного населения Земли. Другой помощник, лейтенант Дауд, рассказал о защитных устройствах, их вероятном местонахождении и способах защиты от них.

Затем Баррент вернулся к Эйлану для получения политических сведений. От него Баррент узнал, что на Земле, как тут считали, была диктатура, узнал ее сильные и слабые стороны, роль тайной полиции, использование террора, проблему осведомителей.

Когда Эйлан закончил свои занятия с ним, Баррент отправился к маленькому, с глазами как бусинки, человеку, прочитавшему ему лекцию о земной системе уничтожения памяти, которая по их предположениям применялась регулярно для обезвреживания оппозиции. Затем он рассказал о вероятной системе подпольного движения на Земле в условиях существующей обстановки, и как Баррент мог бы вступить с подпольщиками в контакт, и что может оказаться полезным в подполье.

Наконец ему сообщили все детали плана Второй Группы проникновения его на борт корабля.

Когда пришел День Высадки, Баррент испытал определенное чувство облегчения. Его уже с души воротило от круглосуточного натаскивания и инструктажа. Любого рода действия казались ему желанными.

ГЛАВА 21

Баррент следил, как огромный тюремный корабль маневрировал и бесшумно опускался на Омегу. Он тускло отсвечивал в полуденном солнце. Открылся люк и спущен трап. Заключенные с охранниками по бокам промаршировали с корабля и собрались на площади.

Как обычно, наблюдать и приветствовать церемонию высадки пришла большая часть населения Тетрахуда. Баррент двинулся через толпу и расположился позади рядов заключенных и охранников. Он коснулся кармана, чтобы удостовериться, что иглолучевой пистолет все еще там. Его сделали для Баррента специалисты Второй Группы, целиком из пластика, чтобы избежать любого детектора металлов. Остальные его карманы были набиты всяческим снаряжением. Он надеялся, что ему не придется им воспользоваться.

Голос из громкоговорителя начал зачитывать номера заключенных точно так же, как во времена высадки Баррента. Он слушал, слегка согнув колени и дожидаясь начала операции.

Голос из громкоговорителя подходил к концу списка заключенных. Осталось только десять номеров. Баррент начал осторожно проталкиваться вперед. Осталось четверо, трое...

Когда был объявлен номер последнего заключенного, бледное небо затемнило черное облако дыма и Баррент понял, что Группа устроила пожар в пустых бараках на площади А-2. Операция началась. Он ждал.

Оглушительный взрыв пронесся сквозь два ряда пустых зданий. Ударная волна была сногшибательной. Даже раньше, чем начали падать обломки, Баррент уже бежал к кораблю.

Второй и третий взрывы прозвучали, когда он находился уже рядом с кораблем. Он быстро сорвал с себя внешнюю омегианскую одежду, под которой оказалась точная копия мундира охранника. Теперь он побежал к трапу.

Голос из громкоговорителя призывал к спокойствию. Охранники были в замешательстве.

Четвертый взрыв швырнул Баррента на землю. Он мгновенно вскочил на ноги и рванулся вверх по трапу. Мгновение — и он очутился внутри корабля. Он слышал, как снаружи капитан охраны выкрикивает слова команды. Охранники начали строиться в ряды с оружием наготове против бушевавшей толпы. Они отступали к кораблю, сохраняя порядок.

У Баррента больше не было времени осматриваться. Он уже стоял в длинном и узком коридоре, затем повернул направо и помчался к носу корабля. Далеко позади себя он слышал тяжелую марширующую поступь охранников.

Теперь, подумал он, хорошо бы, чтобы данная ему информация о корабле оказалась верной, иначе экспедиция закончится раньше, чем началась.

Он прошмыгнул мимо ряда пустых камер и подбежал к двери, на которой было написано:

«КОМНАТА ДЛЯ СБОРА ОХРАНЫ»

Над дверью горела лампочка, показывающая, что система вентиляции работала. Он проскочил мимо и остановился у другой двери. Баррент попробовал открыть ее и обнаружил, что она не заперта.

Помещенис за ней было битком набито запасными частями и блоками. Он вошел и запер за собой дверь.

Охранники прошли мимо по коридору. Баррент слышал, как они разговаривали, заходя в комнату для охраны.

— Из-за чего, по-твоему, начались эти взрывы?

— Кто его знает? Эти заключенные — все сумасшедшие.

— Они взорвали бы всю планету, если бы смогли.

— Хорошо бы...

— Ну, эти взрывы не причинили никакого вреда. Подобный же взрыв был лет пятнадцать назад. Помнишь?

— Меня тогда здесь еще не было.

— Ну, тогда было похуже. Было убито двое охранников и, наверное, около сотни заключенных.

— А из-за чего это было?

— Не знаю. Эти омегиане просто наслаждаются, взрывая все на свете.

— Так и глазом моргнуть не успеешь, как, глядишь, они попытаются взорвать и нас.

— Нет шансов. Ничего у них не выйдет, когда в небе сторожевые корабли.

— Ты так думаешь? Ну а я буду рад вернуться на Контрольный Пункт.

— Верно говоришь. Неплохо будет сойти с этого корабля и как следует развлечься.

— На Контрольном Пункте жить неплохо, но я бы предпочел вернуться на Землю.

— Ну, нельзя же иметь сразу все.

Последний охранник вошел в комнату сбора и наглухо закрыл дверь. Баррент ждал. Через несколько минут он почувствовал, что корабль вибрирует. Начался взлет.

Он узнал некоторые ценные сведения. Очевидно, все или большинство охранников высаживались на Контрольном Пункте. Означало ли это, что на борт поднимается новая команда охранников? Вероятно. А Контрольный Пункт подразумевал, что корабль обыщут на предмет розыска беглых заключенных. Это, вероятно, будет всего лишь поверхностный обыск, поскольку за всю историю Омеги еще не сбежал ни один заключенный. И все же ему придется быть крайне осторожным.

Но этим он займется вплотную, когда придет время. Теперь он почувствовал, что вибрация прекратилась, и понял, что корабль покинул поверхность Омеги. Он был на борту, а корабль — на пути к Земле. Пока все шло по плану.

Следующие несколько часов Баррент оставался на складе. Он чувствовал себя очень усталым, и у него начали болеть суставы. Воздух в тесном помещении был спертым. Заставив себя подняться на ноги, Баррент подошел к вентиляционному отверстию и

приложил к нему ладонь. Оттуда не поступало никакого воздуха. Он достал из кармана маленький измерительный прибор. Содержание кислорода в помещении стремительно падало.

Он осторожно приоткрыл дверь и выглянул. Хотя он был одет в точную копию форменного костюма охранника, он знал, что не мог сойти за своего среди людей, которые так хорошо знали друг друга. Он должен прятаться по-прежнему. И ему необходимо найти воздух.

Коридоры были пустынными. Он прошел мимо комнаты охранников и услышал слабые звуки разговоров, которые шли изнутри. Зеленая лампочка ярко горела над дверью. Баррент пошел дальше, он начал ощущать первые признаки головокружения. Его прибор показывал, что содержание кислорода в воздухе продолжало падать.

Группа исходила из того, что вентиляционная система будет действовать по всему кораблю. Теперь Баррент знал, что только с охранниками и экипажем на борту не было нужды снабжать воздухом весь корабль. Воздух был только на небольших обитаемых островках караульной и в секторе экипажа.

Баррент поспешил дальше по тусклым, безмолвным коридорам, ловя воздух широко раскрытым ртом. А воздух быстро ухудшался. Наверное, его использовали из камеры сбора, прежде чем трогать главные запасы воздуха на корабле.

Он прошел мимо незапертых дверей, но зеленые лампочки над ними не горели. Он чувствовал, как у него стучит кровь в висках, а в ногах было ощущение, словно они приросли к земле. Он попытался вычислить расположение помещений корабля.

Наилучшие шансы для него, казалось, представлял сектор экипажа. Персонал корабля мог оказаться невооруженным. А даже если они и были вооружены, скорее всего не ожидали неприятных сюрпризов, нежели охранники. Наверное, он сможет держать одного из офицеров под дулом пистолета, и возможно, он даже сможет захватить управление кораблем.

Попробовать стоило. Приходилось пробовать.

В конце коридора он вышел к лестнице. Он поднялся мимо дюжины пустых уровней и наконец добрался до надписи на одной из стен, выведенной по трафарету. Она гласила:

«СЕКТОР УПРАВЛЕНИЯ»

И стрелка указывала дорогу.

Баррент вынул из кармана пластиковый иглолучевой пистолет и, шатаясь, двинулся по коридору. Он начал терять сознание. В глазах мерцали черные тени. Он испытывал смутные галлюцинации, вспышки ужаса, при которых чувствовал, что стены коридора падают на него.

Он обнаружил, что ползет на четвереньках к двери с надписью:

«РУБКА УПРАВЛЕНИЯ

Вход разрешен только офицерам корабля»

Коридор казался наполненным серым туманом. На мгновение он прояснился, и Баррент понял, что его глаза не фокусируются, как положено. Он встал на ноги и повернул ручку двери. Она начала открываться. Баррент крепко сжал иглолучевой пистолет и попытался приготовиться действовать.

Но когда дверь открылась, вокруг него неотвратно сомкнулась тьма. Ему подумалось, что он видит пораженные лица, слышит, как чей-то голос кричит:

— Смотрите, он вооружен!

А затем чернота сомкнулась полностью, и он начал бесконечно падать вперед.

ГЛАВА 22

Возвращение сознания было внезапным и полным. Он сел и увидел, что упал внутрь рубки управления. Металлическая дверь за ним была закрыта, и он дышал без труда. Он не видел никаких признаков экипажа. Они, должно быть, пошли за охранниками, считая, что он останется без сознания.

Баррент с трудом поднялся на ноги, инстинктивно подобрав с пола свой иглолучевой пистолет. Он внимательно осмотрел оружие, затем нахмурился и отложил его. Почему, недоумевал он, экипаж оставил его одного в рубке управления, самой важной части корабля? И почему они оставили его вооруженным?

Он попытался вспомнить лица, увиденные им перед тем, как свалился без сознания. Воспоминания о них были неотчетливыми, смутные фигуры с голосами, как во сне. А были ли здесь люди на самом деле?

Чем больше он думал об этом, тем большую уверенность испытывал от мысли, что люди ему померещились, когда он терял сознание. Здесь в действительности никого не было. Он был один в нервном центре корабля.

Баррент приблизился к главному пульту управления. Тот разделялся на десять секций. У каждой имелся ряд приборов, индикаторы которых показывали непонятные цифры. На панели каждой секции имелись выключатели, кнопки, рычаги.

Баррент медленно прошел мимо секций, наблюдая за узорами вспыхивающих лампочек, тянувшихся по потолку, и рябивших панелей управления. Последняя секция, очевидно, контролировала все остальные. На маленьком экране была надпись:

«КООРДИНАЦИЯ:
Ручная — автоматическая»

Слово «автоматическая» было подсвечено снизу лампочкой. Были схожие экраны для навигации, обзора, предотвращения столкновений, входа и выхода из субпространства, выхода и входа в нормальное пространство, приземление. Все они были на автоматическом режиме. Дальше он обнаружил панель программирования, экран которой отсчитывал время полета в часах, минутах и секундах. До Контрольного Пункта оставалось 29 часов, 4 минуты, 51 секунда. Время остановки три часа. Время полета от Контрольного Пункта до Земли — 480 часов.

Пульт управления зажигал сигналы и менял команды автоматически. Все механизмы работали четко и уверенно. У Баррента появилось ощущение, что присутствие человека в этом храме машин — святотатство.

Он проверил воздухопроводы: они были установлены на автоматический режим и подавали ровно столько воздуха, сколько было необходимо для поддержки ничемного человеческого населения, состоящего из одного Баррента.

Но где же был экипаж? Баррент мог понять необходимость управления кораблем на большей части пути автоматически запрограммированной системой. Такая огромная и сложная система должна была быть самообеспечивающей. Но построили-то ее люди, и люди создали программы. Почему же люди не присутствовали, чтобы наблюдать за пультами и модифицировать команды, когда возникала необходимость? Что, если бы охранникам понадобилось подольше задержаться на Омеге? Что, если бы возникла необходимость обойти Контрольный Пункт и вернуться прямо на Землю? Что, если бы настоятельно потребовалось вообще изменить цель полета? Кто переналаживал программы, кто отдавал приказы кораблю, кто направлял все это?

Баррент осмотрелся в рубке управления. Он нашел ящик, где хранились кислородные респираторы. Он надел один такой, испробовал его и вышел в коридор.

После недолгой прогулки он добрался до двери с надписью:

«КУБРИК ЭКИПАЖА»

Внутри помещение было чистым и голым. Койки стояли аккуратными рядами, но без простыней и одеял. Не было никакой одежды в шкафах, никакого личного имущества. Баррент вышел и проверил каюты офицеров и капитана. Он не нашел никаких следов человеческого обитания.

Он вернулся в рубку управления. Теперь было очевидно, что на корабле не имелось никакого экипажа. Наверное, власти на Земле испытывали такую уверенность в надежности своего корабля и программе его управления, что считали присутствие экипажа излишеством. Наверное...

Но Барренту казалось опрометчивым так устроить дела. Было что-то очень странное в Земле, позволяющей звездолетам летать без человеческого контроля.

Он решил отложить дальнейшее обдумывание этой ситуации до тех пор, пока не приобретет больше фактов. В данном случае он прежде всего должен был подумать над проблемой собственного выживания. В карманах у него имелись концентраты, но он был не в состоянии долго продержаться без воды. Имеются ли припасы на корабле без экипажа? Нельзя было забывать о команде охранников, там, внизу, в комнате сбора. И еще он должен подумать о том, что произойдет на Контрольном Пункте и что он на этот счет предпримет.

Баррент обнаружил, что ему не придется решать проблему еды и питья. В офицерской кают-компании машины выдавали разнообразную еду и напитки при нажатии кнопки заказа. Баррент не знал, была ли эта пища натуральной или химически созданной. На вкус она была приятной и сытной, так что он перестал размышлять над этим вопросом.

Он исследовал часть верхних уровней корабля. После того как он несколько раз чуть не заблудился, он решил больше не рисковать. Жизненным центром корабля была рубка управления, и Баррент проводил в ней большую часть времени.

Он нашел иллюминатор. Используя открывающийся ставень, Баррент смог взглянуть на завораживающее зрелище из пылающих в черноте космоса звезд. Их бесконечные гирлянды тянулись за самые дальние пределы его воображения. Глядя на это, Баррент испытывал сильный прилив гордости. Именно здесь было его место, а эти неизвестные звезды — его колледжем.

До Контрольного Пункта оставалось около шести часов. Баррент наблюдал, как оживают новые части пульта управления, проверяя и поправляя силы, управляющие кораблем, готовясь к приземлению. За три с половиной часа до посадки Баррент сделал интересное открытие. Он нашел центральную систему связи всего корабля. Включив прием, он мог подслушать разговоры в караульном помещении.

Он узнал много интересного для себя. Либо из осторожности, либо из-за отсутствия интереса охранники не говорили о политике. Их жизнь проходила на Контрольном Пункте, за исключением периодов несения службы на тюремной корабле. Кое-что из сказанного ими было совершенно непонятно для Баррента. Но он продолжал слушать, замороженный всем, что могли сказать о Земле эти люди.

- Ты когда-нибудь купался во Флориде?
- Я никогда не любил соленую воду.
- За год до того, как меня призвали в охрану, я выиграл третий приз на Дейтонской ярмарке орхидей.
- Я куплю виллу в Антарктиде после отставки.
- Сколько тебе еще осталось?
- Восемнадцать лет.

— Ну, кто-то должен этим заниматься.
— Но почему я? И почему никаких побывок на Земле?
— Ты смотрел ленты и знаешь, почему. Преступления — это болезнь, и притом инфекционная.

— Ну так что?
— Так что если ты работаешь рядом с преступниками, то подвергаешься опасности инфекции. Ты можешь заразить кого-нибудь на Земле.

— Это несправедливо.
— Ничего не поделаешь. Эти ученые знают, о чем говорят. Кроме того, Контрольный Пункт не так уж и плох.

— Если тебе нравится все искусственное — воздух, цветы, пища...

— Ну, нельзя же иметь все. Твоя семья там?
— Они хотят вернуться на Землю.
— Говорят, что после пяти лет пребывания на Контрольном Пункте ты не сможешь вынести Землю. Гравитация действует на тебя...

— Я вынесу гравитацию.
Из этих разговоров Баррент узнал, что мрачнолицые охранники были точно такими же людьми, как и заключенные на Омеге. Большинству охранников не нравились выполняемые ими функции. Подобно омегианам они жаждали вернуться на Землю.

Он отложил эту информацию про запас. Корабль достиг Контрольного Пункта, и гигантский пульт вспыхнул и зарыбил огнями, внося свои последние поправки для сложного приземления.

Наконец маневр был закончен, и двигатели выключились. Через систему связи Баррент слышал, как охранники покидают свою комнату. Он последовал за ними по коридорам до сходного трапа. Он услышал, как последний из них сказал:

— Вон идет контрольный отряд. Что скажете, ребята?
Ответа не было. Охранники убралась, и в коридорах послышался новый звук: тяжело марширующие шаги тех, кого охранник назвал контрольным отрядом.

Их, казалось, было много. Проверка началась с машинного отделения и методично продвигалась вверх. Судя по звукам, они, кажется, открывали каждую дверь на корабле и обыскивали каждую каюту и каждый шкаф.

Баррент держал во вспотевшей руке иглолучевой пистолет и гадал, где же на всей территории корабля он мог бы спрятаться. Ему надо было исходить из предположения, что они осмотрят все. В таком случае его наилучший шанс заключался в том, чтобы уклониться от встречи с ними и спрятаться в уже обысканной части или секторе корабля.

Он натянул через голову респиратор и двинулся по коридору.

ГЛАВА 23

Полчаса спустя Баррент все еще не придумал способа проскочить мимо контрольного отряда. Они закончили инспектировать нижние уровни и поднялись на палубу рубки управления. Барренту было слышно, как они шагают по коридорам. Он продолжал идти в сотне ярдов впереди них, пытаясь найти какое-нибудь укрытие.

В конце коридора должна была быть лестница. Он мог спуститься по ней на другой уровень в уже обысканную часть корабля. Баррент поспешил вперед, гадая, прав ли он относительно местонахождения лестницы. Он все еще имел лишь смутное представление о плане корабля. Если он ошибется, то окажется в западне.

Он дошел до конца коридора — лестница там была. Шаги у него за спиной приближались. Он кинулся вниз, оглядываясь через плечо.

И с разбегу угодил в грудь какого-то человека.

Баррент швырнул себя назад, выхватывая иглолучевой пистолет, чтобы пробуравить огромную фигуру. Но удержался от стрельбы. Стоявшее перед ним существо не было человеком.

Оно достигало почти семи футов в высоту, одетое в черный мундир с выведенной на груди по трафарету надпись:

«ИНСПЕКЦИОННАЯ КОМАНДА АНДРОИД Б-212»

Лицо его было стилизовано под человеческое, умело слепленное из пластика цвета замазки. Глаза его горели темно-красным цветом. Он покачивался на двух ногах, осторожно балансируя и глядя на Баррента, медленно надвигаясь на него. Баррент отступал, гадая, сможет ли остановить его иглолучевой пистолет.

Ему так и не выпало шансов выяснить это, потому что андроид прошел мимо него и стал подниматься по лестнице. На его спине была выведена надпись:

«ОТДЕЛ КОНТРОЛЯ ГРЫЗУНОВ»

Этот конкретный андроид, сообразил Баррент, был запрограммирован искать только крыс и мышей. Присутствие «зайца» не произвело на него никакого впечатления. Надо полагать, другие андроиды были такими же специализированными.

Он остановился в пустом складе на нижнем уровне, пока не услышал звуков удаляющихся андроидов. Затем он поспешил обратно в рубку управления. Никакие охранники на борт не поднялись. Точно по расписанию корабль покинул Контрольный Пункт.

Сстаток путешествия прошел без происшествий. Баррент спал, ел, и перед тем, как судно вошло в подпространство, смотрел через иллюминатор на бесконечный спектакль звезд.

Он попытался представить себе планету, на которую летел, но

в его воображении ничего не возникало. Какие же это люди построили громадные звездолеты, но оказались не в состоянии снабдить их экипажами? Почему они посылали инспекционные команды, при этом давали этим командам самую узкую специализацию? Почему они депортировали значительную часть своего населения, а затем оказывались не в состоянии контролировать условия, при которых жили и умирали депортированные? Почему при этом им было необходимо стирать у депортируемых всякую память о Земле?

Баррент не мог придумать никаких ответов.

Часы рубки управления шли ровно, отсчитывая минуты и часы полета. В нужный момент корабль вошел, а потом вышел из субпространства и перешел на орбиту торможения вокруг зелено-голубой планеты, на которую Баррент смотрел со смешанным чувством. Он обнаружил, что ему трудно осознать, что наконец он возвращается на Землю.

ГЛАВА 24

Звездолет приземлился в полдень яркого солнечного дня где-то на северо-американском континенте Земли. Баррент планировал дожидаться темноты, прежде чем выйти, но на экранах рубки управления вспыхнуло древнее и ироническое предупреждение:

«ВСЕ ЧЛЕНЫ ЭКИПАЖА И ПАССАЖИРЫ ДОЛЖНЫ НЕМЕДЛЕННО ПОКИНУТЬ БОРТ КОРАБЛЯ. СУДНО ОСНАЩЕНО АППАРАТУРОЙ ДЛЯ ПОЛНОЙ ПРОЦЕДУРЫ ОБЕЗЗАРАЖИВАНИЯ. ПРОЦЕДУРА НАЧНЕТСЯ ЧЕРЕЗ 20 МИНУТ»

Он не знал, что подразумевалось под полной процедурой обеззараживания. Но поскольку экипажу подчеркнуто показывали выйти, то респиратор наверняка не смог бы обеспечить полной безопасности. Из двух опасностей — опасность покинуть корабль казалась ему меньшей.

Члены Второй Группы посвятили немало размышлений тому, какую одежду должен надеть Баррент по выходе из корабля. Эти первые минуты на Земле могли оказаться решающими. Никакая хитрость не могла ему помочь, если его одежда будет явно странной, чужеземной, чуждой. Для его спасения нужна типично земная одежда, но члены Группы не были уверены в том, что именно носили теперь граждане Земли. Одна часть Группы хотела, чтобы Баррент оделся в реконструированный ими штатский костюм. Другая часть считала, что мундир охранника послужит ему и по прибытии на Землю. Сам Баррент согласился с третьим мнением, считавшим, что комбинезон механика будет наименее приметным в районе космопорта и менее всего может измениться за прошедшие годы от смены мод. В городах и селах эта

одежда может поставить его в неудобное положение, но эту проблему ему надо будет решать уже на месте.

Он быстро сорвал с себя мундир охранника. Под ним на нем был легкий комбинезон. Спрятав свой иглолучевой пистолет, с коробочкой из-под завтрака в руке Баррент прошел по коридору к трапу. С миг он колебался, гадая, не следует ли ему оставить оружие на корабле, но решил не расставаться с ним. Инспекция все равно разоблачит его, а с иглолучевым у него будет шанс оторваться от полиции.

Он глубоко вздохнул и вышел из корабля по трапу.

Там не было ни часовых, ни инспекционной группы, ни полиции, ни армейских частей, ни таможенников. Там вообще никого не было. Вдалеке на одной стороне широкого поля он увидел блестящие на солнце ряды звездолетов. Прямо перед ним была ограда, а в ней — открытые ворота.

Баррент быстро, но без всякой видимой спешки пересек летное поле. Он понятия не имел, почему все было так просто. Наверное, у Тайной Полиции на Земле имелись более тонкие средства проверки пассажиров со звездолетов.

Он достиг ворот. Там тоже никого не было, кроме лысого мужчины среднего возраста и мальчика лет десяти. Баррент находил невозможным поверить в то, что это были правительственные чиновники, и все же — кто знает обычаи Земли? Он прошел через ворота.

Лысый мужчина подошел к нему, держа мальчика за руку.

— Прошу прощения, — обратился он к Барренту.

— Да?

— Я вижу, что вы сами с корабля. Вы не возражаете, если я задам вам несколько вопросов?

— Вовсе нет, — сказал Баррент, держа руку рядом с молнией комбинезона, под которой находился его иглолучевой.

Теперь он был убежден, что этот человек полицейский агент. Единственное, что не имело смысла, это присутствие ребенка, если только мальчик не был учеником полицейской школы на тренировке.

— Суть дела в том, — пояснил мужчина, — что мой сын Ронни пишет диссертацию для своего школьного диплома Магистра десятого класса. По звездолетам...

— Поэтому мне хотелось бы увидеть их, — сказал Ронни. Это был невысокий умный мальчик с тонким лицом.

— Он хотел увидеть их, — объяснил мужчина. — Я говорил ему, что в этом нет необходимости, поскольку в Энциклопедии есть все необходимые сведения и фотографии. Но он хотел их посмотреть в натуре.

— Это даст мне хороший вступительный абзац, — сказал Ронни.

— Конечно, — энергично кивнул Баррент.

Он начал сомневаться в этом мужчине. Для члена Тайной Полиции он безусловно выбрал извилистую дорогу.

— Вы работаете на корабле? — спросил Ронни.

— Совершенно верно.

— Насколько быстро они летают?

— В реальном или субпространстве? — спросил Баррент.

Этот вопрос, казалось, сбил Ронни с толку. Он оттопырил нижнюю губу и произнес:

— Вот это да, а я и не знал, что они переходят в субпространство! — Он с минуту подумал. — Фактически, по-моему, я и не знаю, что такое субпространство.

Баррент и отец мальчика понимающе улыбнулись.

— Ну, — сказал Ронни, — а насколько быстро они летают в реальном пространстве?

— Сто тысяч миль в час, — ответил Баррент, назвав первую пришедшую в голову цифру.

Мальчик кивнул, и его отец тоже кивнул.

— Очень быстро, — сказал отец.

— И, конечно, намного быстрее в субпространстве, — добавил Баррент.

— Конечно, — согласился лысый мужчина. — Звездолеты действительно очень быстры. Они и должны быть такими. Расстояния-то ведь очень большие. Не правда ли, сэр?

— Очень большие, — подтвердил Баррент.

— Какой силой двигается корабль? — спросил Ронни.

— Обычным способом, — сообщил ему Баррент. — В прошлом году были установлены строенные ускорители, но это больше попадает под классификацию вспомогательных двигателей.

— Я слышал об этих строенных ускорителях, — сказал мужчина. — Отличная штука!

— Подходящая, — согласился Баррент.

Теперь он был уверен в том, что этот человек был тем, за кого себя выдавал: гражданином без всяких специальных знаний о звездолетах, просто приведшим в космопорт своего сына.

— Как вы получаете достаточно воздуха? — спросил Ронни.

— Мы генерируем собственный, — ответил Баррент. — Но воздух-то не беда. Вода — вот главная проблема. Вода, знаешь ли, не сжимается. Ее трудно запасти в достаточных количествах. И потом есть проблемы навигации, когда корабль выходит из субпространства.

— А что такое субпространство? — спросил Ронни.

— В сущности, — сказал Баррент, — это просто иной уровень реальности, реального пространства. Но все это ты сможешь прочесть в энциклопедии.

— Конечно, Ронни, — поддержал Баррента отец мальчика. — Мы не можем долго задерживать пилота здесь. Я уверен, что у него есть масса других важных дел.

— Я довольно-таки тороплюсь, — согласился Баррент. — Ну,

осматривайте все, что хотите. Желаю удачи с диссертацией, Ронни.

Баррент прошел пятьдесят ярдов с зудом в спине, каждую секунду ожидая получить удар иглолучевого или теплового пистолета. Но когда он оглянулся, то увидел, что Ронни и его отец отвернулись от него, серьезно изучая огромное судно. С миг Баррент колебался, глубоко обеспокоенный. Пока что все, что он делал, шло гладко. Подозрительно гладко. Но он ничего не мог поделать, кроме как продолжать...

Дорога из космопорта шла мимо ряда складов к лесному участку. Баррент шел по ней, пока космопорт не скрылся из виду. Затем он покинул дорогу и свернул в лес. Для первого дня на Земле у него было достаточно контактов с людьми. Он хотел поразмыслить, провести ночь в лесу, а утром отправиться в город или поселок.

Он продрался сквозь густой подлесок в настоящий лес. Здесь он шел через рощи гигантских дубов. Повсюду вокруг него чирикали и сустились невидимые птички и другая мелкая живность. Далеко впереди него к дереву был прибит большой белый плакат. Баррент добрался до него и прочел:

**«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПАРК
“ФОРРЕСТДЕЙЛ”
ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА ПИКНИК И В ПОХОД»**

Баррент был немного разочарован, хотя он и понимал, что так близко от космопорта не может быть никаких девственно-диких лесов. Фактически, на столь древней и высокоразвитой планете, как Земля, вероятно, вообще не было никаких девственных земель кроме тех, что сохранились в заповедниках.

Солнце висело низко над горизонтом, и в длинных тенях, отбрасываемых на лесную почву, было прохладно. Баррент нашел удобное место под гигантским дубом, устроил постель из листьев и прилег. Ему было над чем поразмыслить. Почему, например, не было выставлено часовых в самой важной контактной точке Земли — межзвездном порту? Может, меры безопасности начинались дальше, в селах и городах? Или он уже находился под каким-то видом наблюдения, какой-то бесконечно хитрой системы шпионажа, что следила за каждым его движением? Или это было слишком надумано? Могло оказаться так, что...

— Добрый вечер! — произнес голос рядом с его правым ухом.

Баррент метнулся от голоса в спазме нервной реакции, с рукой, дернувшейся за иглолучевым пистолетом.

— И к тому же этот вечер очень приятный, — продолжал голос. — Здесь, в Национальном парке «Форрестдейл» температура семьдесят и две десятых градуса по Фаренгейту, влажность двадцать три процента, барометр стоит на двадцати и девяти десятых. Старые походные волки, я знаю, уже узнают мой голос. Для новых любителей природы среди вас, позвольте мне предста-

виться. Я — Дубчик, ваш дружелюбный дуб. Я бы хотел приветствовать вас всех, и старых и новых, в нашем дружественном Национальном парке!

Сидя, выпрямившись в надвигающейся темноте, Баррент оглядывался, гадая, что это за фокус. Голос действительно, кажется, исходил из гигантского дуба.

— Наслаждение природой, — говорил Дубчик, — теперь легко и доступно каждому. Вы можете насладиться полным уединением и все же быть не более чем в трех минутах ходьбы от общественного транспорта. Для тех же, кто не желает уединения, у нас есть экскурсии с проводниками по этим древним полянам за минимальную стоимость. Не забудьте рассказать своим друзьям о нашем дружелюбном Национальном парке. Всех любителей великолепного пребывания на лоне природы ждут вполне удобные услуги этого парка.

В дереве открылась панель. Из нее выпал спальный мешок, термос и коробка с ужином.

— Желаю вам приятно провести вечер, — сказал Дубчик, — среди дикой роскоши природной страны чудес. А теперь Национальный симфонический оркестр под управлением Оттера Крюга сыграет вам «Горные прогаины» Эрнеста Нестричала, записанные Национальной северо-американской радиовещательной компанией. На этом ваш дружелюбный дуб смолкает.

Из некоторых скрытых репродукторов доносилась музыка. Баррент почесал в затылке, а затем, решив принимать то, что дают, поел, выпил кофе из термоса, раскрыл спальный мешок и лег.

Он сонно размышлял о концепции леса, напичканного громкоговорителями, снаряженного едой и напитками, и все не более чем в десяти минутах ходьбы от общественного транспорта. Земля безусловно многое сделала для своих граждан. Надо полагать, им это нравилось. Или нет? Не могло ли это быть какой-то огромной и хитрой ловушкой, расставленной для него властями?

Какое-то время он метался и ворочался с боку на бок, пытаясь привыкнуть к музыке. Через некоторое время она слилась с шелестом листьев и треском веток. Баррент уснул.

ГЛАВА 25

Утром дружелюбный дуб подал завтрак и бритвенный прибор. Баррент поел, помылся, побрился и направился к ближайшему городку. Он мысленно твердо определил свои цели. Ему надо было обрести какую-то надежную личину, обеспечивающую ему безопасность, а затем установить контакт с подпольем Земли. Достигнув этого, он должен будет выяснить как можно больше о земной Тайной Полиции, военных диспозициях и тому подобном.

Вторая Группа выработала план нападения на Землю и

достижения своих целей. Когда Баррент подошел к окраине городка, он надеялся, что методы Группы сработают. Пока что Земля, на которой он находился, имела очень мало сходства с той Землей, которую представляла себе Группа.

Он шел по бесконечным улицам, вдоль которых белели коттеджи. Сперва он думал, что все дома выглядели одинаково. Затем он понял, что каждый коттедж имел небольшие архитектурные различия. Но вместо того чтобы выделять дома, эти различия только подчеркивали монотонность сходства. Тут были сотни таких коттеджей, тянувшихся, насколько хватало глаз, и располагавшихся на небольших участках с заботливо подстриженными травяными газонами. Его угнетала их одинаковая элегантность. Он неожиданно затосковал по нелепой, неуклюжей, самодельной индивидуальности омегианских зданий.

Баррент добрался до торгового центра. Магазины повторяли установленную домами схему. Они повторяли все: тоже были низкими, скромными и очень похожими. Только близкий осмотр витрин открывал различие между продовольственным магазином и магазином спорттоваров. Он прошел мимо небольшого здания с вывеской, гласящей:

**«РОБОТ-ИСПОВЕДНИК
открыто 24 часа в день»**

Это, кажется, была своего рода церковь.

Процедура обнаружения подполья на Земле, разработанная Второй Группой, была простой и прямолинейной. Революционеры, сказали ему, находятся в небольшом количестве среди самых угнетенных элементов цивилизации. Нищета порождает недовольство: неимущие хотят эксплуатировать имущих. Следовательно, логичнее всего искать подрывную деятельность надо в трущобах.

Теория была хороша. Беда в том, что Баррент не мог найти никаких трущоб. Он шел часами мимо аккуратных магазинов и приятных домиков, игровых площадок и парков, тщательно ухоженных ферм, а затем снова мимо домов и магазинов. Ничто не выглядело намного лучше или хуже, чем все прочее.

К вечеру он устал и натер ноги. Насколько он мог судить, он не открыл ничего значительного. Прежде чем он сможет поглубже вникнуть в сложности Земли, ему придется порасспросить местных граждан. Это был опасный шаг, но он не мог его избежать.

Он стоял в надвигающейся темноте неподалеку от магазина одежды и определял порядок действий. Он прикинется иностранцем, человеком, недавно прибывшем в Северную Америку из Азии или Европы. Таким образом он сможет задавать вопросы с некоторой безопасностью.

В его сторону шел человек, полный, обычный на вид субъект в коричневом деловом костюме. Баррент остановил его.

— Прошу прощения, — обратился к нему Баррент. — Я здесь чужой, только что прилетел из Рима.

— В самом деле? — вежливо спросил прохожий.

— Да. Боюсь, что я не слишком хорошо понимаю здешние порядки, — сказал Баррент с легким оправдывающимся смехом. — Я, кажется, не могу найти дешевых отелей. Не могли бы вы указать мне...

— Гражданин, вы хорошо себя чувствуете? — перебил его прохожий, каменея лицом.

— Как я сказал, я иностранец и ишу...

— Слушайте, — возмущился прохожий, — вы не хуже меня знаете, что теперь нет никаких иностранцев!

— Разве?

— Конечно, нет! Я был в Риме. Там точно такие же дома, как и здесь, в Уилмингтоне. Такие же магазины. Больше нет иностранцев.

Баррент не смог придумать ничего в ответ. Он нервно улыбнулся.

— Более того, — продолжал прохожий, — на Земле больше нет никаких дешевых квартир. С какой стати? Кто бы в них жил?

— В самом деле, кто? — произнес Баррент. — Полагаю, я немного выпил.

— Никто больше не пьет, — изрек прохожий. — Не понимаю, что это за игра такая?

— А как, по-вашему, что это за игра? — спросил Баррент, применяя технику, рекомендованную Группой.

Прохожий нахмурился и уставился на него.

— Кажется, я понял, — сказал он. — Вы — Опрашиватель, да?

— Ммм, — неопределенно произнес Баррент.

— Ну, разумеется, это так, — убежденно заявил прохожий. — Вы один из тех граждан, которые занимаются опросом общественного мнения. Для исследования и всего прочего в том же духе. Верно?

— Вы сделали очень умную догадку, — согласился Баррент.

— Ну, я полагаю, это было не слишком трудно. Опрашиватели всегда ходят вокруг да около, пытаясь определить отношение людей к различным вещам. Я бы вас тут же заметил, если бы вы носили одежду Опрашивателей. — Прохожий снова начал хмуриться. — Как вышло, что вы не одеты в форму Опрашивателей?

— Я только-только приступил к работе, — нашелся Баррент. — Не имел случая достать форму.

— О, вам следует скорее получить надлежащее обмундирование, — нравоучительным тоном заметил прохожий. — Иначе как же граждане смогут определить ваш статус?

— Это только пробное испытание, — сказал Баррент. — Спасибо вам за сотрудничество, сэр. Наверное, у меня будет возможность снова побеседовать с вами в ближайшем будущем.

— В любое время, — ответил прохожий и, вежливо кивнув, пошел своей дорогой.

Баррент подумал об этом и решил, что занятие Опрашивателя было бы для него превосходным. Оно давало ему крайне важное право задавать вопросы, встречаться с людьми, выяснять, как живет Земля. Ему, конечно, придется быть осторожным, чтобы не открыть собственного невежества. Но действуя осмотрительно, он сможет за несколько дней приобрести общее знание этой цивилизации.

Сперва он должен купить одежду Опрашивателя. Это, кажется, было важным. Беда в том, что у него не было никаких денег, чтобы заплатить за нее. Группа оказалась не в состоянии создать дубликат земных денег, ее члены не смогли даже вспомнить, как они выглядели.

Но они снабдили его средствами преодолеть это препятствие. Баррент повернулся и направился в ближайший магазин.

Владелец был низкорослым человеком с фарфорово-голубыми глазами и всегда готовой улыбкой коммивояжера. Он поприветствовал Баррента и спросил, чем может служить.

— Мне нужна одежда Опрашивателя, — сказал Баррент. — Я только что приступил к работе.

— Конечно, сэр, и вы пришли туда, куда следует. Большинство магазинов помельче не имеют одежды ни для чего, кроме... э... обычных профессий. Но здесь, у Жюля Вундерсона, мы имеем готовую одежду для всех пятисот двадцати главных профессий, занесенных в Альманах Гражданского Статуса. Я — Жюль Вундерсон.

— Очень приятно, — ответил Баррент. — У вас есть одежда моего размера?

— Я в этом уверен, — заявил Вундерсон. — Вы хотите регулярную или особую?

— Регулярная, я думаю, подойдет.

— Большинство новых Опрашивателей предпочитают особую, — заметил Вундерсон. — Немного лишней стимуляции ручной выделки увеличивает уважение публики.

— В таком случае я возьму особую.

— Да, сэр. Хотя, через день-другой, мы получим одежду из новой ткани — стимулированной ткани домашней выделки с натуральными ткацкими ошибками. Для человека, различающего статус, это будет престижный образец.

— Наверное, я вернусь за ней, — сказал Баррент. — Но сейчас я возьму какая у вас есть.

— Конечно, сэр, — согласился Вундерсон, разочарованный, но доблестно скрывающий это. — Если вы только подождете минуточку...

После нескольких подгонок Баррент оказался одетым в черный деловой костюм с тонкой окантовкой из белых галунов вокруг лацканов. На его неопытный взгляд он выглядел почти так же, как

другие манекены в костюмах на витрине Вундерсона, как костюмы для банкиров, бакалейщиков, бухгалтеров и тому подобных. Но для Вундерсона, который говорил о лацкане банкира и о складке страхового агента, различия были столь же ясными, как и крикливые символы статусов Омеги. Баррент решил, что это было просто делом тренировки.

— Вот, сэр! — заявил Вундерсон. — Превосходно сидит, и ткань такова, что гарантирует пожизненную носку. Все за тридцать девять девяносто пять.

— Великолечно, — сказал Баррент. — Теперь насчет денег...

— Да, сэр?

Баррент нырнул в омут головой.

— У меня их нет.

— Нет, сэр? Это крайне необычно.

— Да, верно, — согласился Баррент. — Однако у меня есть определенные ценные вещи. — Он извлек из кармана три бриллиантовых кольца, которыми его снабдила Группа на Омеге. — Эти камни — настоящие бриллианты, как вам охотно подтвердит любой ювелир. Если вы возьмете одно из них до тех пор, пока у меня не будет денег для уплаты...

— Нет, сэр, — удивился Вундерсон, — бриллианты и им подобные изделия не обладают никакой внутренней ценностью. Еще с двадцать третьего года, когда фон Блон написал определяющий труд, уничтожающий концепцию ценности редкости...

— Конечно, — согласился Баррент, не зная, что еще сказать. Вундерсон посмотрел на него.

— Я полагаю, однако, что они имеют сентиментальную ценность, как память?

— Разумеется. Они были в нашей семье не одно поколение.

— В таком случае, — сказал Вундерсон, я не хочу лишать вас их. Пожалуйста, не спорьте, сэр. Сентименты — самые ценные из всех эмоций. Я не спал бы ночами, если бы взял у вас даже одно кольцо из этого семейного наследия.

— Но остается вопрос уплаты.

— Заплатите мне на досуге.

— Вы хотите сказать, что доверяете мне, даже не зная меня?

— Само собой разумеется, — криво улыбнулся Вундерсон. — Испробуйте на мне свои методы Опрашивателя, не так ли? Ну, даже ребенку известно, что наша цивилизация основывается на доверии, а не на конкуренции. Это аксиома, что незнакомцу надо доверять, пока он полностью и бесспорно не докажет обратное.

— Неужели вас никогда не обманывали?

— Конечно, нет. Преступности в наше время не существует.

— В таком случае, — спросил Баррент, — что вы знаете насчет Омеги?

— Прошу прощения?

— Омеги. Тюремной планеты. Вы должны были слышать о ней.

— По-моему, да, — осторожно ответил Вундерсон. — Ну, мне следовало бы сказать, что преступности *почти* нет. Я полагаю, всегда найдется несколько прирожденно преступных типов, легко опознаваемых как таковые. Но мне говорили, что их количество не превышает десяти-двенадцати человек в год на население почти в два миллиарда. — Он широко улыбнулся. — Мои шансы встретиться с одним из них ничтожно малы.

Баррент подумал о тюремных кораблях, постоянно снующих взад-вперед между Землей и Омегой, сваливающих свой человеческий груз и отправляющихся за новым. Он гадал, откуда Вундерсон взял свою статистику. Если уж на то пошло, он был удивлен, куда девалась полиция. С тех пор как он покинул звездолет, он не видел ни одного военного мундира. Ему хотелось расспросить об этом, но он посчитал более мудрым не продолжать эту линию разговора.

— Премного благодарен вам за кредит, — сказал Баррент. — Я вернусь с оплатой как можно скорее.

— Конечно вернетесь, — согласился Вундерсон, тепло пожимая руку Баррента. — Не торопитесь, сэр. Спешить некуда.

Баррент еще раз поблагодарил его и покинул магазин.

Теперь он имел профессию. И если другие люди верили так же, как Вундерсон, он имел и неограниченный кредит. Он находился на планете, казавшейся, на первый взгляд, утопией. Утопией, конечно, имевшей определенные противоречия. Он надеялся побольше узнать о них в последующие несколько дней.

В конце квартала Баррент нашел отель, называющийся «Закуси немного». Он снял номер на неделю. В кредит.

ГЛАВА 26

Утром Баррент спросил дорогу до ближайшего филиала публичной библиотеки. Он решил, что ему необходимо извлечь, насколько это в его силах, общие представления о Земле из книг. Знание истории развития земной цивилизации позволит ему понять, чего ему ждать и чего опасаться.

Его одежда Опрашивателя позволила получить доступ к закрытым полкам, где хранились книги по истории. Но сами книги были разочаровывающими. Большинство из них рассказывало о древней истории Земли от самого ее возникновения до зари атомной энергии. Баррент лишь просмотрел их. Когда он читал, к нему вернулись некоторые воспоминания о прочитанном прежде. Он смог быстро перепрыгнуть от Перикловой Греции к императорскому Риму, от него — к Карлу Великому и средним векам, от норманских завоеваний к Тридцатилетней войне, а затем быстро обозреть наполеоновскую эпоху. О мировых войнах он прочел с большим вниманием. Книга заканчивалась взрывом первых атом-

ных бомб. Другие книги на полках просто подробней освещали разные периоды истории, найденные им в первой книге.

После немалых поисков Баррент нашел небольшую работу, озаглавленную «Послевоенная Дилем. Том первый» Артура Уиттлера. Она начиналась там, где заканчивались другие книги по истории — со взрыва атомных бомб над Хиросимой и Нагасаки. Баррент присел и принялся внимательно читать.

Он узнал о холодной войне пятидесятых годов XX века, когда несколько стран обладали атомным и водородным оружием. В разных странах мира, утверждал автор, уже присутствовали семена массового и смехотворного конформизма. В Америке было бешеное сопротивление коммунизму. В России и Китае было бешеное сопротивление капитализму. Одна за другой все страны втягивались в тот или иной лагерь. В целях внутренней безопасности все государства полагались на новейшую технику пропаганды и идеологической обработки. Все страны чувствовали, что им нужно для выживания — жестко придерживаться одобренных государством доктрин.

Давление на индивидуума для приведения его к подчинению этим доктринам стало и сильнее, и тоньше.

Опасность войны миновала. Многочисленные общества Земли стали сливаться в одно сверхгосударство. Но давление по утверждению государственных доктрин вместо того, чтобы уменьшиться, стало еще интенсивнее. Нужда в этом диктовалась продолжающимся демографическим взрывом и множеством проблем унификации по национальной и этническим линиям. Различия во мнениях могли стать смертельными: слишком много групп имело теперь доступ к высшей степени смертельным видам оружия.

При таких обстоятельствах нельзя было терпеть поведения, отклоняющегося от нормы.

Унификация была наконец завершена. Покорение космоса продолжалось. Инженеры шагнули от спутника к межпланетному кораблю, а от него к межзвездному. Но учреждения на Земле становились все более окостенелыми. Цивилизация карала любую оппозицию существующим обычаям, порядкам, верованиям. Эти нарушения социального контракта считались такими же тяжкими, как убийство или поджог. И карались таким же образом. Были использованы древние институты Тайной Полиции, Политической Полиции, Осведомителей. Были использованы всевозможные устройства, способные привести к крайне важной цели — воспитанию человека-соглашателя.

Для нонконформистов же была Омега.

Смертная казнь была отменена давным-давно, не было ни места, ни ресурсов, чтобы принять все возрастающее число преступников, забивших до отказа все тюрьмы. Мировые лидеры решили, наконец, транспортировать этих преступников на отдельную тюремную планету, скопировав систему, применявшуюся французами в Гвиане и Новой Каледонии, а англичанами в

Австралии и ранней Северной Америке. Поскольку было невозможно управлять Омегой с Земли, власти и не пытались делать это. Они просто запаслись гарантией, чтобы ни один заключенный не смог сбежать.

На этом первый том кончался. Заметка гласила, что второй том должен быть посвящен изучению современного общества Земли. Он был озаглавлен «Статус-цивилизация».

На полках второго тома не было. Баррент спросил о нем библиотекаря и получил ответ, что он был уничтожен в интересах общественной безопасности.

Баррент покинул библиотеку и пошел в небольшой парк. Он сел, уставясь в землю, и попытался подумать.

Он ожидал найти Землю, схожую с той, что была описана в книге Уиттлера. Он был подготовлен к полицейскому государству, жесткой системе безопасности, подавленному населению и растущему состоянию смуты. Но все это — явно в прошлом. Пока что он не увидел ни одного полицейского. Он не заметил никакой системы безопасности, и встреченные им люди не казались жестоко подавленными. Как раз напротив. Это казалось похожим на совершенно иной мир.

За исключением того, что год за годом корабли прилетали на Омегу со своим грузом заключенных с промытыми мозгами. Кто их арестовывал? Кто их судил? Какое общество их породило?

Эти ответы ему придется найти самому.

ГЛАВА 27

На следующий день с утра пораньше Баррент начал исследования. Техника его была простой. Он звонил в двери и задавал вопросы. Он предупреждал всех опрашиваемых, что его вопросы могут быть пересыпаны уловками или нелепостями, целью которых было проверить общий уровень развития. Баррент обнаружил, что таким образом он мог спрашивать вообще все что угодно о Земле, мог задавать любые вопросы, забираться в спорные или даже несуществующие области, и делать это, не обнаруживая своего неведения.

Была еще опасность, что какой-нибудь чиновник спросит у него документы или что полиция тайно выскочит в тот момент, когда ее меньше всего ждешь. Но он должен был пойти на этот риск. Начиная с первых домов на Оранжевой Эспленад, Баррент продвигался на север, звоня по ходу в каждый дом. Результаты у него были неровными, как показывает избирательный образец его работы.

(Гражданка А.Л. Готтрайд. Возраст 55 лет, занятие — домохозяйка, сильная прямая женщина, высокомерная, но вежливая с видом: *мне-не-до-шуток.*)

— Вы хотите спросить меня о классе и статусе? Не так ли?

— Да, мэм.

— Вы, Опрашиватели, *всегда* спрашиваете о классе и статусе. Другой бы подумал, что теперь-то вы должны все об этом знать. Ну, ладно. Сегодня, поскольку все равны, есть только один класс. *Средний*. Единственный вопрос тогда: к какой части среднего класса принадлежит индивидуум — высшей, низшей или средней?

— И как это определяется?

— О, по всякого рода признакам. По тому, как человек говорит, ест, одевается, по тому, как ведет себя на публике. По его манерам, по его одежде... Человека высшего среднего класса всегда можно отличить по его одежде. Это совершенно безошибочная примета.

— Понятно. А низшие средние классы?

— Ну, у них хотя бы отсутствует творческая энергия. Они, к примеру, носят одежду готовой выделки, не беря на себя труд улучшить ее. То же относится к их домам. Всего-навсего примитивные украшения, позвольте мне добавить, не в счет. Это просто знак нового среднего класса. Таких личностей у себя дома не принимают.

— Благодарю вас, гражданка Готтрайд... А куда вы отнесете себя по статусу?

(С очень легким колебанием.)

— О, я никогда особенно над этим не задумывалась... К высшему, я полагаю.

(Гражданин Драйстер. Возраст 43 года, занятие — продавец обуви. Стройный скромный мужчина, выглядевший моложе своих лет.)

— Да, сэр. У нас с Майрой трое детей школьного возраста. Все мальчики.

— Не могли бы вы дать мне некоторое представление, в чем состоит их образование?

— Они учатся, как надо читать и писать и как стать хорошими гражданами. Они уже начали обучаться своим профессиям. Самый старший займется разноской обуви, а потом семейным бизнесом — продажей обуви. Другие двое занимаются на ученических курсах по бакалее и розничному маркетингу. Это бизнес родных моей жены. Они также учатся, как сохранить статус и как использовать стандартную технику продвижения вверх. Вот что происходит в открытых классах.

— Ну, а есть другие школьные классы, не открытые?

— Ну, естественно, есть закрытые классы. Их посещает каждый ребенок.

— И чему учат в закрытых классах?

— Не знаю. Они, как я сказал, закрытые.

— Неужели дети никогда не говорят об этих классах?

— Нет. Они говорят обо всем на свете, только не об этом.

— Неужели вы не имеете представления о том, что происходит в закрытых классах?

— Сожалею, но нет. По догадке — и это только догадки, уверяю вас, — я бы сказал, что там изучают, вероятно, что-то религиозное. Но об этом вам надо спросить учителя.

— Благодарю вас, сэр... А как вы классифицируете себя по статусу?

— Средний средний класс. В этом нет сомнения.

(Гражданка Мериджейн. Возраст 51 год. Занятие — школьная учительница. Высокая костлявая женщина.)

— Да, сэр, я думаю, это точно суммирует наш курс обучения в школе «Дитл Беж».

— За исключением закрытых классов?

— Прошу прощения, сэр?

— Закрытых классов. Вы не ослышались. Вы ничего не сказали о них.

— Боюсь, что не смогу ничего сказать.

— Это почему же, гражданка Мериджейн?

— Это вопрос с уловкой? Все знают, что учителя в закрытые классы не допускаются.

— А кто же допускается?

— Дети, конечно.

— Но кто их учит?

— Этим занимается правительство.

— Конечно. Но что преподают в закрытых классах?

— Не имею представления, сэр. Это не мое дело. Закрытые классы — древний и уважаемый институт. То, что в них происходит, возможно, носит религиозный характер. Но это только догадка. Что бы там ни было, это не мое дело. И не ваше, молодой человек, даже если вы Опрашиватель.

— Благодарю вас, гражданка Мериджейн.

(Гражданин Эдгар Ниф. Возраст 107 лет. Занятие — офицер. Высокий мужчина с тростью, водянистые голубые глаза, не потускневшие от возраста.)

— Немного громче, пожалуйста... Так о чем вы спрашивали?

— О вооруженных силах. А конкретно спрашивал...

— Теперь я вспомнил. Да, молодой человек, я был полковником Двадцать Первого Северо-американского Космического Отряда, являвшегося регулярной частью Оборонного Корпуса Земли.

— И как вы оставили службу?

— Нет, это служба оставила меня.

— Прошу прощения, сэр?

— Вы правильно меня расслышали, молодой человек. Это случилось ровно шестьдесят три года назад. Вооруженные Силы Земли были упразднены, за исключением полиции, которую я не могу считать вооруженными силами. Но все регулярные части были ликвидированы.

— Почему это сделали, сэр?
— Не с кем было драться. Не было даже от кого охранять, или так, во всяком случае, мне сообщили. Чертовски глупое дело, я бы сказал.

— Почему, сэр?
— Потому что старый солдат знает, что никогда нельзя сказать, когда может появиться враг. Это может случиться сейчас. И где мы окажемся?

— Разве нельзя будет снова сформировать армию?
— Разумеется. Но нынешнее поколение не имеет никакого представления о службе под ружьем. Не осталось никаких лидеров, помимо нескольких старых военных вроде меня. Потребуется годы, чтобы были сформированы эффективные вооруженные силы с эффективным руководством.

— А в настоящее время Земля совершенно открыта для вторжения извне?

— Да, если не считать полицейских частей. А я серьезно сомневаюсь в их надежности под огнем.

— Не могли бы вы рассказать мне о полиции?

— Я ничего о ней не знаю. Я никогда не утруждал свою голову невоенными делами.

— Но ведь можно допустить, что теперь полиция взяла на себя функции армии, не так ли? Что полиция образует немалые и дисциплинированные силы?

— Такое возможно, сэр. Все возможно.

(Гражданин Мартин Хоннерс. Возраст 31 год. Занятие — вербализатор. Стройный, вялый мужчина с серьезным мальчишеским лицом, гладкими, пшенично-белокурыми волосами.)

— Вы вербализатор, гражданин Хоннерс?

— Да, сэр. Хотя, наверное, «писатель» было бы лучшим словом, если вы не против.

— Конечно. Гражданин Хоннерс, занимаетесь ли вы в настоящее время написанием статей для какого-нибудь из периодических изданий, которые я вижу разбросанными по лоткам?

— Разумеется, нет! Эти пишутся компетентными битюгами для сентиментального восхищения среднего класса. Рассказы эти, если вы не знаете этого, берутся строка за строкой из работ различных популярных писателей двадцатого и двадцать первого веков. Люди занимаются этой работой, всего лишь переставляя прилагательные и наречия, и получают свои произведения. Иногда, как многие говорили, более смелый битюг заменяет глагол или даже существительное. Но такое случается редко. Редакторы таких периодических изданий косо смотрят на размашистые новизации.

— А вы не занимаетесь такой работой?

— Конечно, нет! Моя работа некоммерческая. Я творческий специалист по Конраду.

— Вы не против того, чтобы рассказать мне, что это значит, гражданин Хоннерс?

— Буду счастлив. Моя область трудов заключается в воссоздании трудов Джозефа Конрада, писателя, жившего в доатомную эпоху.

— Как вы подходите к воссозданию этих работ, сэр?

— Ну, в настоящее время я занимаюсь пятым воссозданием «Лорда Джима». Чтобы сделать это, я как можно основательнее погружаюсь в оригинальное произведение. Затем я настраиваюсь на переписывание его так, как написал бы его Конрад, живи он сегодня. Как вы понимаете, это требует предварительного овладения словарем, темами, сюжетами, характерами, настроением, подходом Конрада и так далее. Все это учитывается и все же книга не может быть рабским *повторением*. Она должна сказать что-то новое, точь-в-точь, как сказал бы сам Конрад.

— И вы преуспели в этом?

— Критики не скупились на похвалы, а мой издатель всячески поощрял меня.

— Когда вы закончите пятое воссоздание «Лорда Джима», какие будут ваши дальнейшие планы?

— Сперва я устрою себе долгий отдых. Потом я буду воссоздавать одно из малых произведений Конрада. Наверное, «Плантатора из Малиаты».

— Понятно. Являетесь ли вы деятелем искусства? То есть, то, что вы создаете, является ли это искусством?

— Это цель всякого истинного художника, независимо от того, в каких областях он работает. Искусство, боюсь, очень жестокая госпожа.

(Гражданин Уиллис Уэрк. Возраст 8 лет. Занятие — учащийся. Веселый, черноволосый, загорелый мальчик.)

— Извините, господин Опрашиватель, моих родителей сейчас нет дома.

— Это совершенно неважно, Уиллис. Ты не против, если я задам тебе пару вопросов?

— Не против. А это что у вас под пиджаком, мистер? Оно выступает.

— Вопросы, Уиллис, буду задавать я, если ты не возражаешь... Итак, тебе нравится школа?

— С ней полный порядок.

— Какие курсы ты там проходишь?

— Ну, там есть чтение, письмо и оценка статуса и курс по искусству, музыке, архитектуре, балету и театру. Обычные предметы.

— Понятно. Это в открытых классах.

— Разумеется.

- Ты также посещаешь и закрытые классы?
- Разумеется. Каждый день.
- Ты не против рассказать мне об этом?
- Не против... Это выпирает пистолет? Я знаю, что такое пистолет. Некоторые из ребят передавали друг другу фото в обед, а я подсмотрел. Это пистолет?
- Нет. Мой костюм подогнан не очень хорошо, вот и все. Итак, ты не против рассказать мне, что ты делаешь в закрытом классе?
- Не против.
- Что же тогда там происходит?
- Я не понимаю. Я не помню.
- Брось, Уиллис.
- Правда, мистер Опрашиватель. Мы все заходим в класс и выходим оттуда спустя два часа на перемену. Но это и все. Ничего другого я не могу вспомнить. Я говорил с другими ребятами. Они тоже ничего не могут вспомнить.
- Странно...
- Нет, сэр. Если бы нам полагалось помнить, он не был бы закрытым.
- Возможно и так. Ты помнишь, как выглядит помещение или кто твой учитель в закрытом классе?
- Нет, сэр. Я действительно ничего об этом не помню.
- Спасибо, Уиллис.
(Гражданин Кушулэн Дэнт. Возраст 37 лет. Занятие — изобретатель. Преждевременно облысевший человек с ироничными, прикрытыми тяжелыми веками глазами.)
- Да, это верно. Я изобретатель, специализирующийся на играх. В прошлом году я выдал «Кванти». Она была очень популярна. Вы видели ее?
- Боюсь, что нет.
- Довольно милая игра. Это типа стимулированного «Затеряны-в-пространстве». Игрокам дают неполные данные для их миниатюрных компьютеров и добавочную информацию, когда они выигрывают ее. А в качестве штрафных очков — космические опасности. Масса вспыхивающих лампочек и тому подобное. Очень ходкий товар.
- Вы изобретаете еще что-нибудь, гражданин Дэнт?
- Когда я был мальчиком, то разработал улучшенную модель комбайна. Я спроектировал его так, чтобы он был приблизительно в три раза эффективнее наших нынешних образцов. И поверите ли, я действительно думал, что у меня есть шанс продать его.
- Вы его продали?
- Конечно, нет. В то время я понятия не имел, что бюро патентов закрыто навсегда кроме отдела для игр.
- Вы были расстроены этим?
- В то время немного был. Но скоро я понял, что имеющиеся

у нас модели достаточно хороши. Нет нужды в более эффективных или более остроумных изобретениях. Народ нынче удовлетворен и тем, что у него есть. Кроме того, новые изобретения никак не послужили бы человечеству. Уровень рождаемости и смертности на Земле стабильный, и всем всего хватает. Чтобы реализовать мое изобретение, пришлось бы переоборудовать целую фабрику. А это было почти невозможно, поскольку нынче все фабрики автоматизированные и саморемонтирующиеся. Вот почему существует мораторий на новые изобретения, кроме новинок в области игр.

— Какие вы испытываете чувства по этому поводу?

— Что же тут чувствовать? Так уж обстоят дела.

— А вы не хотели бы, чтобы дела обстояли иначе?

— Может быть. Но будучи изобретателем, я все равно классифицирован, как потенциальный нестабильный субъект.

(Гражданин Барн Грентен. Возраст 41 год. Занятие — инженер-атомщик, специализирующийся на проектировании космических кораблей. Нервный, интеллигентного вида мужчина с печальными карими глазами.)

— Вы хотите знать, что я делаю на своей работе? Я сожалею, что вы спросили об этом, гражданин, потому что я ничего не делаю, кроме как гуляю по фабрике. Профсоюзные правила требуют присутствия человека на каждом роботизированном рабочем месте. Именно этим я и занимаюсь — просто присутствую и подпираю стенку.

— Похоже, что вы не удовлетворены, гражданин Грентен?

— Да. Я хотел быть инженером-атомщиком. Я обучался этому. А потому, когда я получил диплом, то обнаружил, что мои знания устарели лет на пятьдесят. Даже если бы я научился тому, что делается сейчас, мне негде было бы это применить.

— Почему же?

— Потому что в атомной промышленности все автоматизировано. Не знаю, известно ли это большинству населения, но это правда. От сырья до законченной продукции все полностью автоматизировано. Единственное человеческое участие в программе — это контроль за качеством и количеством продукции. И даже он минимален.

— Что случится, если часть автоматизированной фабрики выйдет из строя?

— Ее починят роботы.

— А если и они сломаются?

— Эти проклятые штуки саморемонтируются. Все, что я могу сделать, это стоять подпирая стенку и смотреть, заполнять рапорт. А это унижающее занятие для человека, считающего себя инженером.

— Почему же вы не перейдете в какую-нибудь иную область?

— Бесполезно. Я проверил — остальные инженеры в точно таком же положении, что и я. Они также наблюдают за автоматизацией.

зированными процессами, которых не понимают. Назовите любую область — производство продовольствия, автомобилей, строительство, биохимия — все одно и то же. Либо инженеры в качестве опоры, либо никаких инженеров.

— Это верно и для космических полетов?

— Разумеется. Ни один человек не улетел с Земли за последние пятьдесят лет. Они бы не знали, как управлять кораблем.

— Понимаю, все корабли поставлены на автоматику.

— Именно. Постоянно и неизменно на автоматике.

— А что случится, если эти корабли столкнутся с беспрецедентной ситуацией?

— Трудно сказать. Корабли не умеют думать, знаете ли, они просто следуют заранее установленной программе. Если корабли столкнутся с ситуацией, на которую они не запрограммированы, они будут беспомощны, по крайней мере временно. Я думаю, у них есть сектор оптимального выбора, которому полагается взять на себя управление в непредвиденных ситуациях, но это никогда не было испытано. В лучшем случае он прореагирует вяло. В худшем — и вовсе не сработает. И по мне, так это будет просто прекрасно.

— Вы действительно имеете в виду именно это?

— Конечно же. Меня тошнит от подпирания стенки, наблюдая, как машина день за днем совершает одну и ту же операцию. Большинство известных мне специалистов испытывают такие же чувства. Мы хотим что-нибудь делать. Что угодно. Вам известно, что сотни лет назад пилотируемые людьми звездолеты исследовали планеты других систем?

— Да.

— Ну, именно этим нам и следует заниматься сейчас. Двигаться вперед, исследуя, развиваясь. Вот что нам нужно.

— Согласен. Но не кажется ли вам, что вы говорите опасные вещи?

— Я знаю это. Но честно говоря, меня это больше не волнует. Пусть отправят меня на Омегу, если хотят. Все равно здесь я не делаю ничего хорошего.

— Значит, вы слышали об Омеге?

— Всякий связанный со звездолетами знает об Омеге. Циклические рейсы между Омегой и Землей, вот и все, чем занимаются наши корабли. Это ужасный мир. Лично я возлагаю всю вину на церковников.

— Церковников?

— Абсолютно верно. Эти ханжествующие дураки с их бесконечной болтовней о Церкви Духа Воплощенного Человечества. Этого вполне достаточно, чтобы заставить человека пожелать хотя бы малость зла...

(Гражданин отец Брен. Возраст 51 год. Занятие — служитель церкви. Величественный мужчина, одетый в шарандовую рясу и белые сандалии.)

— Совершенно верно, сын мой, я — аббат местного филиала Церкви Духа Воплощенного Человечества. Наша церковь является официальным представителем правительства Земли в его религиозном воплощении. Наша религия говорит за всех людей Земли. Она составлена из наилучших элементов всех прежних религий как мелких, так и крупных, умело слитых в единую всеобъемлющую веру.

— Гражданин аббат, разве нет противоречий в доктринах среди разных религий, создавших вашу веру?

— Были. Но творцы нашей нынешней Церкви выбросили все спорные материи. Мы хотели согласия, а не раздора. Мы сохранили только определенные колоритные черты тех прежних великих религий, черты, которые люди способны узнать. В нашей религии никогда не было расколов, потому что мы всеприемлющи. Всяка может верить во что желает, пока сохраняется Дух Воплощенного Человечества. Ибо наше поклонение, понимаете ли, есть истинное поклонение Человеку. И признаваемый нами Дух есть дух божественного и Святого Добра.

— Не могли бы вы дать определение Добра, гражданин аббат?

— Разумеется. Добро — это сила внутри нас, которая вдохновляет людей на акты конформизма и содружества. Поклонение Добру — это, в сущности, поклонение самому себе, и, таким образом, единственное истинное поклонение. Добро, которому поклоняются, — это идеал существа общественного: человек, довольствующийся своей нишей в обществе и все же готовый творчески продвинуть свой статус. Добро мягко, поскольку оно — истинное отражение любящей и жалеющей Вселенной. Добро постоянно меняется в своих аспектах, хотя оно является к нам во... У вас странное выражение лица, молодой человек!

— Извините, гражданин аббат. По-моему, я уже слышал эту проповедь или очень похожую на нее.

— Она истинна, где бы вы ни слышали ее.

— Конечно. Еще один вопрос, сэр. Не могли бы вы рассказать мне о религиозном наставлении детей?

— Эта обязанность выполняется у нас роботами-исповедниками.

— Да?

— Это понятие пришло к нам от древней коренной веры трансцендентального фрейдизма. Робот-исповедник наставляет одинаково детей и взрослых. Он выслушивает их проблемы в пределах общественной матрицы. Он их постоянный друг, их социальный ментор, их религиозный наставник. Будучи роботами, исповедники способны дать точные и квалифицированные ответы на любой вопрос. Это очень сильно помогает великой работе конформизма.

— Я вижу, что это и на самом деле так. Что же делают священники-люди?

- Они наблюдают за роботами-исповедниками.
- Эти роботы-исповедники присутствуют на занятиях в закрытых классах?
- Я не компетентен отвечать на это.
- Но они ведь присутствуют, не так ли?
- Я истинно не знаю. Закрытые классы для аббатов точно так же, как и для других взрослых.
- По чьему распоряжению?
- По распоряжению шефа Тайной Полиции.
- Понятно... Благодарю вас, гражданин аббат Брен.
(Господин Эньен Древилльян. Возраст 43 года. Занятие — правительственный чиновник. Узколицый, узкоглазый мужчина, выглядящий старше и утомленный от своего возраста.)
- Добрый вечер, сэр. Вы говорите, что служите правительству?
- Правильно.
- Правительству штата или федеральному правительству?
- Обоим.
- Понятно. И долго вы находитесь на этой службе?
- Приблизительно семнадцать лет.
- Вы не против сказать мне, в чем именно заключается ваша работа?
- Вовсе нет. Я шеф Тайной Полиции.
- Вы же... Понимаю, сэр... Это очень интересно... Я...
- Не тянитесь к своему иглолучевому пистолету, экс-гражданин Баррент. Могу вас заверить, он не будет действовать в защитной зоне вокруг этого дома. А если вы вытащите его, то только пострадаете сами.
- Как?
- У меня есть свои средства защиты.
- Откуда вы узнали мою фамилию?
- Я знал о вас все с того момента, как вы ступили на Землю. Мы, знаете ли, кое-что еще умеем. Но все это мы можем обсудить у меня дома. Не зайдете ли?
- Думаю, что я предпочел бы не заходить.
- Боюсь, что вам придется зайти. Идемте, Баррент, я вас не укушу.
- Я арестован?
- Конечно, нет. Мы просто немного побеседуем... Совершенно верно, сэр, прямо туда. Располагайтесь поудобнее, не стесняйтесь.

ГЛАВА 28

Древилльян проводил его в большую комнату, обшитую панелями из орешника. Мебель была из тяжелого черного дерева, покрытая

затейливой резьбой и лаком. Письменный стол, высокий и прямой, казался антиквариатом. Всю правую стену занимал тяжелый гобелен. На нем была изображена в полинявших цветах средневековая охотничья сцена.

— Вам нравится? — спросил Древилян. — Эту обстановку создала моя семья. Моя жена скопировала гобелен с оригинала в музее «Метрополитен». Мебель мои двое сыновей делали вместе. Они хотели воспроизвести что-нибудь древнее и испанское по духу, но с большим комфортом, чем обычно дает древняя мебель. Это было достигнуто путем легкой модификации линий. Моя специальность — музыка периода барокко.

— Помимо полицейской работы, — вставил Баррент.

— Да, помимо. — Древилян отвернулся от Баррента и задумчиво посмотрел на гобелен. — Со временем мы подойдем к вопросу о полиции... Сперва скажите мне, что вы думаете об этой комнате?

— Она очень красива, — признался Баррент.

— Да, и?

— Ну, не мне судить.

Но вы должны судить, — настаивал Древилян. — В этой комнате вы можете видеть земную цивилизацию в миниатюре. Скажите мне, что вы о ней думаете?

— Она ощущается безжизненной, — сказал Баррент.

Древилян повернулся к Барренту и улыбнулся.

— Да, это хорошее слово для ее определения. А ведь эта комната людей высокого статуса, Баррент. Немало творческих сил ушло на улучшение древних архаиков. Моя семья воссоздала кусочек прошлого, как другие воссоздают кусочки майянского, древнеамериканского или океанского прошлого. И все же пустота в сущности очевидна. Наши автоматизированные фабрики год за годом производят для нас одни и те же товары. Поскольку все получают одно и то же, нам необходимо изменять фабричную продукцию, улучшать и приукрашать ее, выражать в ней себя, классифицировать себя по ней. Именно такова Земля, Баррент. Наша энергия и искусство направлены по существу к упадническим целям. Мы вновь вырезаем старую мебель, беспокоимся о ранге и статусе, а в то же время отдаленные пограничные планеты остаются неисследованными и неосвоенными. Мы давно перестали расширяться. Стабильность принесла опасность стагнации, которой мы и поддались. Мы стали настолько высоко общественными, что индивидуальные качества пришлось отвлекать на самые безвредные темы, обращать внутрь, удерживать от любого значительного выражения. Я думаю, вы увидели немало подтверждений этому за время своего пребывания на Земле?

— Да. Но я никогда не ожидал услышать это от шефа Тайной Полиции.

— Я необычный человек, — насмешливо улыбнулся Древилян. — А Тайная Полиция — необычное учреждение.

— Она должна быть очень эффективной. Как вы узнали обо мне?

— Это было на самом деле крайне просто. Большинство людей Земли с детства кондиционированы на надежность. Это значительная часть нашего населения. Почти все встреченные вами люди могли определить, что с вами что-то не все в порядке. Вы были столь же явно не к месту, как волк среди овец. Люди замечали это и докладывали прямо нам.

— Ясно, — сказал Баррент. — А что теперь?

— Сперва я хотел бы, чтобы вы рассказали мне об Омеге.

Баррент рассказал Древилянну о своей жизни на тюремной планете. Шеф Тайной Полиции кивнул со слабой улыбкой на устах.

— Да, это очень похоже на то, что я ожидал, — сказал он. — На Омеге произошло то же самое, что происходило в древней Америке и Австралии. Есть, конечно, различие: вы были полней отгорожены от метрополий. Но у вас присутствует та же яростная энергия и стимул, и та же безжалостность.

— И что вы собираетесь со мной делать? — спросил Баррент.

Древилянн пожал плечами.

— Это в общем не имеет значения. Я полагаю, что мог бы убить вас. Но это не помешает вашей Группе на Омеге посылать других шпионов или захватить один из тюремных кораблей. Как только омегиане расширят свои действия, они все равно узнают правду.

— Какую правду?

— Теперь-то уж она должна быть для вас очевидна, — сказал Древилянн. — Земля почти восемьсот лет не вела войн. Мы не сумеем воевать и теперь. Организация сторожевых кораблей вокруг Омеги — это чистый блеф, одна видимость. Корабли полностью автоматизированы и построены, чтобы отвечать условиям, существовавшим несколько сот лет назад. Решительной атакой можно захватить корабль. А когда заполучишь один, остальные падут. После этого ничто не помешает омегианам вернуться на Землю, а на Земле с ними некому сражаться. Это, как вы должны понять, и является причиной того, почему всех покидающих Землю заключенных разлучают с их воспоминаниями. Если бы они *помнили*, то уязвимость Земли была бы болезненно очевидна.

— Если вы это знаете, то почему ваши лидеры ничего не предпринимают против этого? — спросил Баррент.

— Это-то и было нашим первоначальным намерением. Но за этим намерением не стояло никакого настоящего стимула. Мы считали, что статус-кво продержится неопределенно долго. Мне не хотелось думать о дне, когда омегиане смогут вернуться на Землю.

— А что на этот счет рассчитывала предпринять ваша полиция?

— Я тоже одна видимость, — уведомил его Древилянн. — У

меня нет никакой полиции. Пост шефа — чисто почетная должность. На Земле почти век не было надобности в полицейских силах.

— Они вам понадобятся, когда вернутся омегиане, — сказал Баррент.

— Да. Снова появятся преступность и серьезные неприятности. Но я думаю, что окончательное слияние будет успешным. У вас на Омеге есть энергия, стремление достичь звезд. Я считаю, что вы нуждаетесь в определенной стабильности и творчестве, которыми вас может снабдить Земля. Какими бы ни были результаты объединения, оно неизбежно. Мы здесь слишком долго жили во сне. Чтобы пробудить нас, потребуются насильственные меры.

Древильян поднялся.

— А теперь, — предложил он, — раз судьба Земли и Омеги кажется решена, не могу ли я предложить вам что-нибудь освежающее?

ГЛАВА 29

С помощью шефа Тайной Полиции Баррент оставил послание на борту корабля, отправляющегося на Омегу. Послание сообщало об условиях на Земле и побуждало к немедленным действиям. Когда с этим было покончено, Баррент был готов приступить к своей личной проблеме — найти судью, приговорившего его за преступление, которого он не совершал, и лживого осведомителя, выдавшего его полиции. Баррент знал, что когда найдет этих двух, то вновь обретет отсутствующие части своей памяти.

Он отправился ночной экспресс-дорогой в Янгерстен. Его подозрительность, резко обострившаяся жизнью на Омеге, не давала ему покоя. Была какая-то махинация во всей этой истории. Наверное, он найдет разгадку ее в Янгерстене.

Ранним утром он был на месте. Внешне аккуратные ряды домов выстроились перед ним. Они выглядели таким же образом, как в любом другом городе. Но для Баррента они были иными и щемяще знакомыми. В этом городке он родился и вырос.

Вот магазин Гротмейра, а через улицу был дом Хейвенинга, местного чемпиона по интерьеру. Вот тут был дом Вилли Хейвлока. Вилли был его лучшим другом. Они планировали стать звездолетчиками и были добрыми друзьями после школы — пока Баррента не приговорили к Омеге.

А вот дом Эндрю Теркейлера. А дальше по улице — школа, в которую он ходил. Он мог вспомнить занятия в классе. Он вспомнил, как каждый день проходил через дверь, ведущую в закрытый класс. Но все еще не мог вспомнить, чему он там учился.

А вот здесь, неподалеку от двух огромных вязов, произошло убийство. Баррент пришел на это место и вспомнил, как это случилось. Он шел домой. Откуда-то слева по улице он услышал

воплъ. Он обернулся, и человек — Иллиарди — пробежал слева от него и что-то бросил. Баррент инстинктивно схватил этот предмет и обнаружил, что держит в руках противозаконный пистолет. Несколькими шагами дальше он увидел искаженное мертвое лицо Эндрю Теркейлера.

А что случилось потом?

Смятение. Паника. Ощущение, что кто-то стоит и смотрит, как он стоит над трупом с оружием в руке. Вон там, в конце улицы, было убежище, к которому он бросился.

Он подошел к нему и узнал приемную робота-исповедника.

Баррент зашел в кабину. Она была тесной, и в воздухе стоял слабый запах ладана. В ней имелся единственный стул. Перед ним был расположен освещенный пульт.

— Доброе утро, Вилл, — сказал ему пульт.

Когда раздался этот мягкий механический голос, Баррента вдруг охватило чувство беспомощности. Теперь он вспомнил его. Этот бесстрастный голос все знал, все понимал и ничего не прощал. Этот искусственно производимый голос поговорил с ним, выслушал, а потом осудил. В своем сне он персонифицировал робота-исповедника в образ судьи-человека.

— Вы помните меня? — спросил Баррент.

— Конечно, — ответил робот-исповедник. — Вы были одним из моих прихожан, прежде чем отправиться на Омегу.

— Это вы отправили меня туда?

— За преступление, за убийство!

— Я не совершал этого преступления! — разъярился Баррент. — Ты должен был это знать!

— Конечно, я это знал, — согласился робот-исповедник. — Но мои права и обязанности строго определены. Я приговариваю согласно доказательствам, свидетельствам, а не по интуиции. По закону роботы-исповедники должны взвешивать только представленные им конкретные доказательства. Когда есть сомнения, они должны решаться в пользу обвинения. Фактически, одно лишь присутствие передо мною человека, обвиняемого в убийстве, должно восприниматься как презумпция его виновности.

— Против меня были доказательства?

— Да.

— Кто их дал?

— Я не могу открыть вам его имя.

— Ты должен! — взорвался Баррент. — Времена на Земле меняются, заключенные возвращаются домой! Ты знал это?

— Я этого ожидал, — возгласил робот-исповедник.

— Я должен узнать имя осведомителя! — отчеканил Баррент.

Он вынул из кармана иглолучевой пистолет и направился к пулту.

— Машину нельзя принудить, — уведомил его робот-исповедник.

— Давай мне имя! — крикнул Баррент.

— Мне не следует говорить его ради твоего же блага. Опасность будет слишком велика. Поверь мне, Вилл...

— Имя!

— Хорошо. Ты найдешь осведомителя на Кленовой улице, дом тридцать пять. Но я серьезно советую тебе не ходить туда. Ты будешь убит. Ты просто не знаешь, что...

Баррент нажал на курок и узким лучом как косой прошелся по пульту. Лампочки вспыхнули и потускнели, когда он перерезал переплетения проводов. Конечно, все лампочки погасли, и из пульта пошел легкий дымок.

Баррент покинул кабину. Он положил иглолучевой пистолет обратно в карман и пошел к Кленовой улице.

Баррент бывал здесь раньше. Он знал эту улицу, расположенную на холме и круто поднимающуюся между домов среди дубов и кленов. Эти фонари были его старыми друзьями, эта трещина на тротуаре — старым ориентиром. Здесь были дома, знакомые ему с детства. Они, казалось, выжидающе наклонялись к нему, словно зрители, ожидающие финала почти забытой драмы.

Он стоял перед домом тридцать пять на Кленовой улице. Безмолвие, окружавшее этот обыкновенный дом с большими белыми ставнями, показалось ему зловещим. Он вынул из кармана иглолучевой пистолет, ища успокоения, которого, как он знал, ему не найти. Затем он пересек аккуратные плиты и толкнул входную дверь. Она открылась. Он шагнул в дом.

Он различал смутные контуры ламп и мебели, тусклый отблеск картин на стене, статуэтку на эбонитовом пьедестале. С иглолучевым пистолетом в руке он вошел в следующую комнату.

И столкнулся лицом к лицу с Осведомителем.

Уставившись в его лицо, Баррент вспоминал. В неодолимом приливе воспоминаний он увидел себя, входящим в закрытый класс. Он снова услышал утешающее гудение механизмов, увидел, как мигают и вспыхивают красивые огоньки, услышал шепчущий ему на ухо голос машины. Сперва голос напоминал ему что-то ужасное, то, что шептал голос, было невыносимым. Затем постепенно он привык к этому, привык ко всем странным вещам, происходящим в закрытом классе.

Он учился у машины на глубоких, подсознательных уровнях. Машины переплетали свои уроки с основными стремлениями человека, связывая схему навязываемого поведения с инстинктом жизни. Они научили, а затем заблокировали знание уроков от сознания, замуровали его и... заминировали его.

Чему они научили его?

Для общего блага ты должен принимать на себя ответственность за каждое преступление, которое мысленно может быть твоим.

Лицо Осведомителя равнодушно смотрело на него. Это было его собственное лицо, отраженное в зеркале на стене.

Он сам донес на себя в тот день, когда стоял с пистолетом в

руке над трупом убитого человека, — управление его поведением взяли на себя бессознательные процессы. Презумпция виновности была слишком велика, чтобы он мог устоять, подобие вины превратилось в саму вину. Он пошел к кабине робота-исповедника и дал там полные и исчерпывающие свидетельства против самого себя, обвинив себя на основе вероятности.

Робот-исповедник вынес обязательный приговор, и Баррент покинул кабину. Хорошо обученный на уроках в закрытом классе, он сам взял себя под стражу и отправился в ближайший Центр Контроля над мыслями в Трентоне. Уже имела место частичная амнезия, включенная внушениями на уроках в закрытом классе.

Умелые техники-андроиды в Центре Контроля над мыслями в Трентоне немало потрудились, чтобы завершить эту амнезию, стереть любые остатки памяти. В качестве стандартной меры предосторожности против любого возможного восстановления памяти они имплантировали подсознательным уровням логическую конструкцию его преступления. Как того требовали правила, эта конструкция содержала постулаты о далеко простершемся могуществе Земли.

Когда работа была завершена, Баррент вышел из Центра, отправился специальной экспресс-дорогой на стоянку тюремного корабля, вошел в свою камеру, закрыл за собой дверь и оставил Землю за порогом. Затем он спал, пока не миновали Контрольный Пункт, после чего новоприбывшие охранники разбудили заключенных для выгрузки на Омегу.

Теперь, когда он пялился на собственное лицо в зеркале, последний из неосознанных уроков в закрытом классе стал осознанным.

Уроки закрытого класса никогда не должны быть осознаны. В противном случае человек обязан немедленно совершить акт самоуничтожения.

Теперь он понял, почему покорение Земли было для него таким легким: потому что он ничего не покорил. Земля не нуждалась ни в каких силах безопасности, потому что полицейский и палач были вмонтированы в мозг каждого человека. Под поверхностью мягкой и приятной земной культуры находилась самоувековечиваемая цивилизация роботов. И осознание этого факта каралось смертью.

И вот тут-то, в этот момент началась настоящая борьба за Землю.

Схемы усвоенного поведения, переплетающиеся с основными стремлениями, вынудили Баррента поднять иглолучевой пистолет и нацелить его себе в голову. Именно об этом и пытался предупредить робот-исповедник и именно это-то и сканировала мутантка Мила. Более молодой Баррент, запрограммированный на бездумное повиновение, должен был убить сам себя.

Баррент постарше, который провел немало времени на Омеге, боролся с этим слепым порывом. Шизофренически Баррент сра-

жался с самим собой. Две части его бились за обладание оружием, за контроль над телом, за владение душой.

Продвижение иглолучевого пистолета остановилось в нескольких дюймах от его головы. Дуло заколебалось. Затем медленно новый омегианский Баррент, Баррент-2, вынудил оружие опуститься.

Его победа жила недолго. Потому что теперь управление взяли на себя уроки закрытого класса, принуждая Баррента-2 к контрвыживательной борьбе с непримиримо жаждущим смерти Баррентом-1.

ГЛАВА 30

Подсознание взяло управление на себя и швырнуло дерущихся Баррентов назад через субъективное время, к тем стрессовым точкам в прошлом, где смерть была близка, где темпоральная ткань жизни была ослаблена, где предрасположенность к смерти была уже установлена. Подсознание вынудило Баррента-2 вновь пережить эти мгновения. Но на этот раз опасность была увеличена всей силой злокачественной половины его личности — смертоносным осведомителем Баррентом-1.

Баррент-2 стоял под пылающим светом на залитом кровью песке Арены с мечом в руке. Это было время омегианских Игр. На него налетал саунс, мощно бронированная рептилия со злобным лицом Баррента-1. Баррент-2 перебил твари хвост, и она превратилась в трех трихомотронов размером с крысу с лицами Баррента и с наклонностями бешеных росомых. Он убил двоих, а третий умудрился прокусить ему руку до кости. Он убил и его и смотрел на кровь Баррента-1, сочившуюся на мокрый песок.

Трое оборванцев смеялись на скамейке, а девушка вручила ему маленький пистолет.

— Удачи, — пожелала она. — Надеюсь, вы знаете, как им пользоваться.

Баррент благодарно кивнул головой, прежде чем заметил, что девушка была не Моэра, это была сканирующая его мутантка, предвещавшая ему быструю смерть. И все же он вышел на улицу и встретился лицом к лицу с трем Хаджи.

Два из них были незнакомцами с добрыми лицами. Третий, Баррент-1, шагнул вперед и быстро привел свой пистолет в положение готовности к стрельбе. Баррент-2 бросился ничком на землю и нажал курок незнакомого оружия. Он почувствовал, как оно вибрирует в его руке, и увидел, как голова и плечи Хаджи-Баррента почернели и начали рассыпаться. Прежде чем он снова смог прицелиться, пистолет с силой был выдернут из его руки. Предсмертный выстрел Баррента-1 задел дуло его оружия.

Он отчаянно кинулся за ним, и когда он перекатывался к

оружию, то увидел, что второй человек, носящий теперь лицо Баррента-1, старательно прицеливается в него. Баррент-2 почувствовал, как вспыхнула боль в его руке, уже порванной зубами трихомотрона. Он сумел выстрелить в этого человека и сквозь туман увидел перед собой третьего человека, теперь тоже Баррента-1. Рука его быстро деревенела, но он заставил себя нажать курок.

— Ты играешь в их игры, — сказал себе Баррент-2. — Тебя измучают и убьют. Ты должен вырваться из этого. Этого на самом деле не происходит, все это только в твоём воображении...

Но на размышления не было времени. Он находился в большом круглом каменном помещении с высоким потолком в подвале Министерства Юстиции. Это было испытание Божьим Судом. К нему катилась поблескивающая черная машина в форме полусферы, достигавшая почти четырех футов в высоту. Она надвигалась на него, и в узоре из красных, зеленых и янтарных огоньков он увидел лицо Баррента-1.

Теперь его враг был в своей абсолютной форме: роботизированное создание, столь же фальшивое и стилизованное, как внушенные сны о Земле. Машина Баррент-1 выпустила металлическую руку, кончавшуюся лезвием ножа. Баррент-2 увернулся и услышал, как нож скребнул по камню.

— Это совсем не то, о чем ты думаешь, — сказал себе Баррент-2. — Это не машина, и ты не на Омеге. Ты лишь борешься с половиной самого себя. Это не что иное, как смертельная иллюзия...

Но он не мог в это поверить. Машина Баррент-1 снова надвигалась на него, ее металлическая шкура тускло поблескивала зеленой субстанцией, в которой Баррент-2 сразу же узнал контактный яд. Он перешел на спринт, пытаясь не допустить смертельного прикосновения.

— Оно не смертельно, — уговаривал он себя.

Нейтрализатор омыл металлическую поверхность, счищая яд.

Машина пыталась раздавить его. Баррент попытался без особого энтузиазма оттолкнуть ее в сторону. Она врезалась в него с ошеломляющей силой, и он почувствовал, как ломаются его ребра.

— Это нереально! Ты позволяешь условному рефлексу уговорить себя на смерть! Ты не на Омеге! Ты на Земле, в своем собственном доме глядишь на себя в зеркало...

Но боль была реальной, и металлическая рука с дубинкой ощущалась реальной, когда она обрушилась ему на плечо. Баррент-2 зашатался.

Он почувствовал ужас не потому, что умирает, а потому, что умирал слишком рано, прежде чем смог предупредить омегиан об этой конечной опасности, всаженной в глубины собственных мозгов. Больше никому было предупредить омегиан о катастрофе,

которая поразит каждого, когда он восстановит свои собственные специфические воспоминания о Земле. Насколько он понимал, никто, испытавший такое, не выживет. Если он сможет это пережить, можно будет принять контрмеры, можно будет провести контрвнушения.

Он поднялся на ноги. С детства воспитанный в духе ответственности перед обществом, он теперь думал только о нем. Он не мог допустить своей смерти, когда его знание было таким важным для Омеги.

— *Это не настоящая машина!*

Он повторял это себе, когда машина-Баррент развернулась и, набирая скорость, понеслась к нему с пронзительным визгом с противоположной стороны помещения. Он заставил себя увидеть то, что находилось за пределами машины, увидеть терпеливые монотонные уроки в закрытом классе, создавшие это чудовище в его мозгу.

— *Это не настоящая машина!*

Он поверил в это.

И, размахнувшись, ударил кулаком по неказистому лицу, отраженному в металле.

Был миг ошеломляющей боли, а затем он потерял сознание. Когда он пришел в себя, он был один в своем собственном доме на Земле. Рука и плечо у него болели и, кажется, было сломано несколько ребер. На левой руке отчетливо ощущался след укуса трихомотрона.

Но своей порезанной и кровоточащей правой рукой он вдребезги разбил зеркало. Он окончательно и навсегда превратил в осколки его и Баррента-1.

СОДЕРЖАНИЕ

ОСКОЛКИ ПРОСТРАНСТВА. Рассказы

Особый старательский. (Перевод А.Иорданского).....	5
Девушки и Наджент Миллер. (Перевод С.Горева).....	25
Поединок разумов. (Перевод С.Скороденко)	34
Хранитель. (Перевод М.Черняева)	66
Мат. (Перевод М.Черняева)	81
Уровень существования. (Перевод М.Черняева)	93
Заказ. (Перевод М.Черняева)	106
Наконец-то одни. (Перевод А.Кон)	112
Вечность. (Перевод М.Черняева).....	117
Мусорщик на Лорее. (Перевод Н.Евдокимовой)	126
Спецраздел выставки. (Перевод А.Кон)	138

ЛОВУШКА ДЛЯ ЛЮДЕЙ. Рассказы

Капкан. (Перевод М.Черняева)	142
Самое дорогое. (Перевод В.Вебер).....	159
Может, поговорим? (Перевод М.Черняева)	171
Заповедная зона. (Перевод Н.Галь)	193
Запах мысли. (Перевод Н.Евдокимовой)	207
Необходимая вещь. (Перевод В.Вебер)	217
Лабиринт Редферна. (Перевод Е.Дрозд)	227
Все проверяется на практике. (Перевод Е.Санкова, М.Качалкина).....	232
Лаксианский ключ. (Перевод А.Корженевского)	239
Абсолютное оружие. (Перевод Ю.Виноградова)	247
Рыболовный сезон. (Перевод Б.Белкина)	255
Мир сна. (Перевод М.Черняева)	266
Дипломатическая неприкосновенность. (Перевод Н.Евдокимовой)	274
Призрак-5. (Перевод Н.Евдокимовой)	286

СТАТУС-ЦИВИЛИЗАЦИЯ. Роман. (Перевод Ю.Руфина).....

301

CONTENTS

SHARDS OF SPACE — NEW YORK, BANTAM, 1962

Prospector's Special	5
The Girls and Nugent Miller	25
Meeting of the Minds	34
Potential	66
Fool's Mate	81
Subsistence Level.....	93
The Slow Season.....	106
Alone at Last	112
Forever	117
The Sweeper of Loray.....	126
The Special Exhibit	138

THE PEOPLE TRAP — NEW YORK, DELL, 1968

The People Trap.....	142
The Victim from Space.....	159
Shall We Have a Little Talk?.....	171
Restricted Area.....	193
The Odour of Thought.....	207
The Necessary Thing.....	217
Redfern's Labyrinth	227
Proof of the Pudding	232
The Laxian Key	239
The Last Weapon.....	247
Fishing Season	255
Dreamworld	266
Diplomatic Immunity	274
Ghost-5.....	286

THE STATUS-CIVILISATION — NEW YORK, NEW AMERICAN LIBRARY, 1962.....

301

Литературно-художественное издание

ШЕКЛИ Роберт

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Т. 3

Составитель

А. Корженевский

Ответственный за выпуск *Г. Кондрашев*

Редактор *В. Подбельский*

Художник *С. Шехов*

Технический редактор *Т. Луговская*

Младший редактор *М. Грушецкая*

Корректор *Ф. Извозчиков*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 15.09.94. Формат 60×90^{1/16}.

Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,00.

Усл. кр.-отг. 27,00. Уч.-изд. л. 28,89. Тираж 25 000 экз. Заказ № 4-348.

ПОО «Фабула»,

117218, Москва, ул. Красикова, 27

Книжная фабрика им. М. В. Фрунзе,

310057, Харьков, ул. Донец-Захаржевского, 6/8

Robert SHECKLEY

**Shards of Space
The People Trap
The Status-
Civilisation**